

ד'תשס"ח

Dikei.nc

Dikei.nc
ד'תשס"ח
ד'תשס"ח

James Joyce

Ulysses

Доконце
ДОКОНЦЕ
2

Уисс

РОМАН

Москва
«Знаменитая Книга»
1994

**ББК 84.4 Н
Д 42**

Перевод с английского
В. ХИНКИСА и С. ХОРУЖЕГО

Художники
**АЛЛА МУХИНА,
ДМИТРИЙ МУХИН.**

Редактор
ТАТЬЯНА КУДИНА

ISBN 5—8350—0035—9 (т. 2)
ISBN 5—8350—0379—X

Издание осуществлено при поддержке Международного фонда
«Культурная инициатива».

Д 4703010100—002 Без объявления
94

ББК 84.4 Н

© Издательство «ЗнаК», 1994

Сановитый, жирный Бык Маллиган возник из лестничного проема, неся в руках чашку с пеной, на которой накрест лежали зеркальце и бритва. Желтый халат его, враспояску, слегка вздымался за ним на мягком утреннем ветерке. Он поднял чашку перед собою и возгласил:

— Introibo ad altare Dei¹.

Остановясь, он взгляделся вниз, в сумрак винтовой лестницы, и грубо крикнул:

— Выходи, Клинк! Выходи, иезуит несчастный!

Торжественно он проследовал вперед и взошел на круглую оружейную площадку. Обернувшись по сторонам, он с важностью троекратно благословил башню, окрестный берег и пробуждающиеся горы. Потом, увидев Стивена Дедала, наклонился к нему и начал быстро крестить воздух, издавая булькающие звуки и покачивая головой. Стивен Дедал, недовольный и заспанный, облокотясь на последнюю ступеньку, холодно смотрел на длинное, лошадиное лицо, благословлявшее его с бульканьем и покачиваньем, и бестонзурную шевелюру, белесую, словно окрашенную под светлый дуб.

Бык Маллиган заглянул под зеркальце и тут же опять прикрыл чашку.

— По казармам! — скомандовал он сурово.

И пастырским голосом продолжал:

— Ибо сие, о возлюбленные мои, есть истинная Христина, тело и кровь, печенки и селезенки. Музыка медленней, пожалуйста. Господа, закройте глаза. Минуту. Маленькая заминка, знаете, с белыми шариками. Всем помолчать.

Он устремил взгляд искоса вверх, издал долгий, протяжный призывный свист и замер, напряженно прислушиваясь. Белые ровные зубы кой-где поблескивали золотыми

¹ И подойду к жертвеннику Божию (лат. Здесь и далее прим. перев.).

крупинками. Златоуст. Резкий ответный свист дважды прозвучал в тишине.

— Спасибо, старина,— живо откликнулся он.— Так будет чудненько. Можешь выключать ток!

Он соскочил с площадки и с важностью поглядел на своего зрителя, собирая у ног складки просторного халата. Жирное затененное лицо и тяжелый овальный подбородок напоминали средневекового прелата, покровителя искусств. Довольная улыбка показалась у него на губах.

— Смех да и только, — сказал он весело.— Это нелепое твое имя, как у древнего грека.

Ткнув пальцем с дружелюбной насмешкой, он отошел к парапету, посмеиваясь. Стивен Дедал, поднявшись до конца лестницы, устало побрел за ним, но, не дойдя, уселся на край площадки и принялся наблюдать, как тот, пристроив на парапете зеркальце и обмакнув в пену помазок, намыливает шею и щеки.

Веселый голос Быка Маллигана не умолкал:

— У меня тоже нелепое — Мэйлахи Маллиган, два дактиля. Но тут звучит что-то эллинское, правда ведь? Что-то солнечное и резвое, как сам бычок. Мы непременно должны поехать в Афины. Поедешь, если я раздобуду у тетушки двадцать фунтов?

Он положил помазок и в полном восторге воскликнул:

— Это он-то поедет? Изнуренный иезуит.

Оборвал себя и начал тщательно бриться.

— Послушай, Маллиган,— промолвил Стивен негромко.

— Да, моя радость?

— Долго еще Хейнс будет жить в башне?

Бык Маллиган явил над правым плечом свежевыбритую щеку.

— Кошмарная личность, а? — сказал он от души.— Этакий толстокожий сакс. Он считает, что ты не джентльмен. Эти мне гнусные англичане! Их так и пучит от денег и от заповор. Он, видите ли, из Оксфорда. А знаешь, Дедал, у тебя настоящий оксфордский стиль. Он все никак тебя не раскусит. Нет, лучшее тебе имя придумал я: Клинк, острый клинок.

Он выбривал с усердием подбородок.

— Всю ночь бредил про какую-то черную пантеру,— проговорил Стивен.— Где у него ружье?

— Совсем малый спятил,— сказал Маллиган.— А ты перетрусил не на шутку?

— Еще бы,— произнес Стивен с энергией и нарастающим страхом.— В крошечном мраке, с каким-то незнакомцем, который стонет и бредит, что надо застрелить пантеру. Ты спасал тонущих. Но я, знаешь ли, не герой. Если он тут останется, я уйду.

Бык Маллиган глядел, насупясь, на бритву, покрытую мыльной пеной. Соскочив со своего возвышения, он торопливо стал рыться в карманах бз

— Драла! — пробормотал он сквозь зубы.

Вернувшись на площадке, он запустил руку в верхний карман Стивена и сказал:

— Позвольте одолжиться вашим сморкальником, вытереть нашу бритву.

Стивен покорно дал ему вытащить и развернуть на показ, держа за угол, измятый и нечистый платок. Бык Маллиган заботливо вытер лезвие. Вслед за этим, разглядывая платок, он объявил:

— Сморкальник барда. Новый оттенок в палитру ирландского стихотворца: сопливо-зеленый. Почти ощущаешь вкус, правда?

Он снова поднялся к парапету и бросил долгий взгляд на залив. Ветерок шевелил белокурую, под светлый дуб, шевелюру.

— Господи! — сказал он негромко.— Как верно названо море у Элджи: седая нежная мать! Сопливо-зеленое море. Яйцещемящее море. *Эпи ойнопа понтон*¹. Ах, эти греки, Дедал. Надо мне тебя обучить. Ты должен прочесть их в подлиннике. *Талатта! Талатта!*² Наша великая и нежная мать. Иди сюда и взгляни.

Стивен встал и подошел к парапету. Перегнувшись, он посмотрел вниз на воду и на почтовый пароход, выходящий из гавани Кингстауна.

— Наша могущественная мать, — произнес Бык Маллиган.

Внезапно он отвел взгляд от моря и большими пытливыми глазами посмотрел Стивену в лицо.

— Моя тетка считает, ты убил свою мать,— сказал он.— Поэтому она бы мне вообще запретила с тобой встречаться.

— Кто-то ее убил,— сумрачно бросил Стивен.

— Черт поberi, Клинк, уж на колени ты бы мог стать,

¹ По винноцветному морю (греч.).

² More! More! (греч.)

если умирающая мать просит,— сказал Бык Маллиган.— Я сам гипербореец не хуже тебя. Но это ж подумать только, мать с последним вздохом умоляет стать на колени, помолиться за нее — и ты отказываешься. Нет, что-то в тебе зловещее...

Оборвал себя и начал намыливать другую щеку. Все-прощающая улыбка тронула его губы.

— Но бесподобный комедиант! — шепнул он тихонько.— Клинк, бесподобнейший из комедиантов.

Он брился плавно и осмотрительно, в истовом молчании.

Стивен, поставив локоть на шершавый гранит, подперев лоб ладонью, неподвижно смотрел на обтерханные края своего черного лоснистого рукава. Боль, что не была еще болью любви, саднила сердце его. Во сне, безмолвно, она явилась ему после смерти, ее иссохшее тело в темных погребальных одеждах окружал запах воска и розового дерева, а дыхание, когда она с немым укором склонилась над ним, веяло сыростью могильного тлена. Поверх ветхой манжеты он видел море, которое сытый голос превозносил как великую и нежную мать. Кольцо залива и горизонта заполняла тускло-зеленая влага. Белый фарфоровый сосуд у ее смертного одра заполняла тягучая зеленая желчь, которую она с громкими стонами извергала из своей гниющей печени в приступах мучительной рвоты.

Бык Маллиган заново обтер бритву.

— Эх, пес-бедолага! — с участием вздохнул он.— Надо бы выдать тебе рубашку да хоть пару сморкальников. А как те штаны, что купили с рук?

— Как будто впору,— отвечал Стивен.

Бык Маллиган атаковал ложбинку под нижней губой.

— Смех да и только,— произнес он довольно.— Верней будет, с ног. Дознайся, какая там пьянь заразная таскала их. У меня есть отличная пара, серые, в узкую полоску. Ты бы в них выглядел потрясающе. Нет, кроме шуток, Клинк. Ты очень недурно смотришься, когда прилично одет.

— Спасибо,— ответил Стивен.— Если они серые, я их не могу носить.

— Он их не может носить,— сказал Бык Маллиган своему отражению в зеркале.— Этикет значит этикет. Он мать родную убил, но серые брюки ни за что не оденет.

Он сложил аккуратно бритву и легкими касаньями пальцев ощущал гладкую кожу.

Стивен перевел взгляд с залива на жирное лицо с мутно-голубыми бегающими глазами.

— Этот малый, с кем я сидел в «Корабле» прошлый вечер, — сообщил Бык Маллиган, — уверяет, у тебя п. п. с. Он в желтом доме работает у Конолли Нормана. Прогрессивный паралич со слабоумием.

Он описал зеркальцем полукруг, повсюду просверкав эту весть солнечными лучами, уже сияющими над морем. Изогнутые бритые губы, кончики блестящих белых зубов смеялись. Смех овладел всем его сильным и ладным телом.

— На, полюбуйся-ка на себя, горе-бард! — сказал он.

Стивен наклонился и глянул в подставленное зеркало, расколотое кривой трещиной. Волосы дыбом. Так взор его и прочих видит меня. Кто мне выбрал это лицо? Эту паршивую шкуру пса-беодолаги? Оно тоже спрашивает меня.

— Я его стянул у служанки из комнаты, — поведал Бык Маллиган. — Ей в самый раз такое. Тетушка ради Мэйлахи всегда нанимает неказистых. Не введи его во искушение. И зовут-то Урсулой.

Снова залившись смехом, он убрал зеркальце из-под упорного взгляда Стивена.

— Ярость Калибана, не видящего в зеркале своего отражения, — изрек он. — Как жалко, Уайльд не дожил на тебя поглядеть!

Отступив и показывая на зеркало, Стивен с горечью произнес:

— Вот символ ирландского искусства. Треснувшее зеркало служанки.

Неожиданно и порывисто Бык Маллиган подхватил Стивена под руку и зашагал с ним вокруг башни, позвякивая бритвой и зеркальцем, засунутыми в карман.

— Грех тебя так дразнить, правда, Клинк? — сказал он дружески. — Видит бог, в голове у тебя побольше, чем у них всех.

Еще выпад отбит. Скальпель художника страшит его, как меня — докторский. Хладная сталь пера.

— Треснувшее зеркало служанки! Ты это скажи тому олуху из Оксфорда да вытяни из него гиную. Он весь провонял деньгами и считает, что ты не джентльмен. А у самого папаша набил мошну, сбывая негритосам слабибельное, а может, еще на каких делишках. Эх, Клинк, если бы мы с тобой действовали сообща, уж мы бы кое-что сделали для нашего острова. Эллинизировали бы его.

Рука Крэнли. Его рука.

— И подумать только, ты вынужден побираться у этих свиней. Я один-единственный понимаю, что ты за человек. Почему ж ты так мало мне доверяешь? Из-за чего все воротишь нос? Из-за Хейнса? Да пусть только пикнет, я притащу Сеймура, и мы ему закатим трепку еще похлеще, чем досталась Клайву Кемпторпу.

Крики юных богатеньких голосов в квартире Клайва Кемпторпа. Бледнолицые: держатся за бока от хохота, хватаются друг за друга, ох, умора! Обри, бережно весть эту ей передай! Сейчас помру! В изрезанной рубашке, вьющейся лентами по воздуху, в съехавших до полу штанах, он, спотыкаясь, скачет вокруг стола, а за ним Эйдс из Магдалины с портновскими ножницами. Мордочка ошалелого теленка, позолоченная вареньем. Не надо, не сдирайте штаны! Не набрасывайтесь на меня, как бешеные!

Крики из распахнутого окна вспугивают вечер во дворе колледжа. Глухой садовник в фартуке, замаскированный лицом Мэтью Арнольда, продвигается по темному газону с косилкой, вглядываясь в танцующий рой травинок.

Нам самим... новое язычество... омфал¹.

— Ладно, пусть остается, — сказал Стивен. — Так-то он ничего, только по ночам.

— Тогда в чем же дело? — наседал Бык Маллиган. — Давай рожай. Я-то ведь напрямик с тобой. Что у тебя такое против меня?

Они остановились, глядя туда, где тупая окончность мыса Брэй-Хед покоилась на воде, словно голова спящего кита. Стивен осторожно высвободил руку.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе? — спросил он.

— Да, в чем там дело? — повторил Бык Маллиган. — Я ничего не припоминаю.

Говоря это, он в упор посмотрел на Стивена. Легкий ветерок пробежал по его лицу, вороша светлую спутанную шевелюру и зажигая в глазах серебряные искорки беспокойства.

Стивен, удручаясь собственным голосом, сказал:

— Ты помнишь, как я пришел к тебе домой в первый раз после смерти матери?

Бык Маллиган, мгновенно нахмурившись, отвечал:

— Как? Где? Убей, не могу припомнить. Я запоминаю только идеи и ощущения. Ну и что? Чего там стряслось, бога ради?

¹ Пуп; пуп земли (греч.).

— Ты готовил чай,— продолжал Стивен,— а я пошел на кухню за кипятком. Из комнат вышла твоя мать и с ней кто-то из гостей. Она спросила, кто у тебя.

— Ну? — не отступал Бык Маллиган.— А я что сказал? Я уже все забыл.

— А ты сказал,— ответил Стивен ему,— «Да так, просто Дедал, у которого мамаша подохла».

Бык Маллиган покраснел и стал казаться от этого моложе и привлекательней.

— Я так сказал? — переспросил он.— И что же? Что тут такого?

Нервным движением он стряхнул свое замешательство.

— А что, по-твоему, смерть,— спросил он,— твоей матери, или твоя, или, положим, моя? Ты видел только, как умирает твоя мать. А я каждый день вижу, как они отдают концы и в Ричмонде, и в Скорбящей, да после этого из них делают крошево в анатомичке. Это и называется подох, ничего больше. И не о чем говорить. Ты вот не соизволил стать на колени и помолиться за свою мать, когда она просила тебя на смертном одре. А почему? Да потому, что в тебе эта проклятая иезуитская закваска, только она проявляется наоборот. По мне, тут одна падаль и пустая комедия. Ее лобные доли уже не действуют. Она называет доктора «сэр Питер Тизл» и хочет нарвать лютиков с одеяла. Уж не перечь ей, вот-вот все кончится. Ты сам не исполнил ее предсмертную просьбу, а теперь дуешься на меня, что я не скулил, как наемный плакальщик от Лалуэта. Абсурд! Допустим, я и сказал так. Но я вовсе не хотел оскорбить память твоей матери.

Его речь вернула ему самоуверенность. Стивен, скрывая зияющие раны, оставленные словами в его сердце, как можно суше сказал:

— Я и не говорю, что это оскорбляет мою мать.

— Так что же тогда? — спросил Бык Маллиган.

— Это оскорбляет меня,— был ответ.

Бык Маллиган круто повернулся на каблуках.

— Нет, невозможный субъект! — воскликнул он.

И пошел прочь быстрым шагом вдоль парапета. Стивен остался на месте, недвижно глядя на мыс и на спокойную гладь залива. Море и мыс сейчас подернулись дымкой. В висках стучала кровь, застилая взор, и он чувствовал, как лихорадочно горят его щеки.

Громкий голос позвал снизу, из башни:

— Маллиган, вы где, наверну?

— Сейчас иду, — откликнулся Бык Маллиган.

Он обернулся к Стивену и сказал:

— Взгляни на море. Что ему до всех оскорблений? Бросай-ка лучше Лойолу, Клинк, и двигаем вниз. Наш сакс поджидает уже свой бекон.

Голова его задержалась на миг над лестницей, вровень с крышей.

— И не хандри из-за этого целый день. У меня же семь пятниц на неделе. Оставь скорбные думы.

Голова скрылась, но мерный голос продолжал, опускаясь, доноситься из лестничного проема:

Не прячь глаза и не скорби
Над горькой тайною любви,
Там Фергус правит в полный рост,
Владыка медных колесниц.

В мирном спокойствии утра тени лесов неслышно проплывали от лестничного проема к морю, туда, куда он глядел. У берега и мористей водная гладь белела следами стремительных легких стоп. Морской волны белеет грудь. Попарные сплетения ударений. Рука, перебирающая струны арфы, рождает сплетения аккордов. Слитносплетенных словес словно волн белогрудых мерцанье.

Облако медленно наползает на солнце, и гуще делается в тени зелень залива. Он был за спиной у него, сосуд горьких вод. Песня Фергуса. Я пел ее, оставшись дома один, приглушая долгие сумрачные аккорды. Дверь к ней была открыта: она хотела слышать меня. Безмолвно, с жалостью и благоговением, я приблизился к ее ложу. Она плакала на своем убогом одре. Над этими словами, Стивен: над горькой тайною любви.

Где же теперь?

Ее секреты в запертом ящичке: старые веера из перьев, бальные книжечки с бахромой, пропитанные мускусом, убор из янтарных бус. Когда она была девочкой, у ее окошка висела на солнце клетка с птицей. Она видела старика Ройса в представлении «Свирепый турка» и вместе со всеми смеялась, когда он распевал:

Открою вам,
Что рад бы сам
Я невидимкой стать.

Мимолетные радости, заботливо сложенные, надушенные мускусом.

Не прячь глаза и не скорби.

Сложены в памяти природы, вместе с ее детскими игрушками. Скорбные воспоминания осаждают его разум. Стакан воды из крана на кухне, когда она собиралась к причастию. Яблоко с сахаром внутри, испеченное для нее на плите в темный осенний вечер. Ее изящные ногти, окрашенные кровью вшей с детских рубашонок.

Во сне, безмолвно, она явилась ему, ее иссохшее тело в темных погребальных одеждах окружал запах воска и розового дерева, ее дыхание, когда она склонилась над ним с неслышными тайными словами, веяло сыростью могильного тлена.

Ее стекленеющие глаза уставились из глубин смерти, поколебать и сломить мою душу. На меня одного. Призрачная свеча освещает ее агонию. Призрачные блики на искаженном мукой лице. Громко раздается ее дыхание, хриплое, прерывающееся от ужаса, и, став на колени, все молятся. Взгляд ее на мне, повергнуть меня. *Liliata rutilantium te confessorum turma circumdet: iubilantium te virginum chorus excipiat*¹.

Упырь! Трупоед!

Нет, мать. Отпусти меня. Дай мне жить.

— Эгей, Клинк!

Голос Быка Маллигана раздался певуче в глубине башни, приблизился, долетев от лестницы, позвал снова. Стивен, еще содрогаясь от вопля своей души, услышал теплый, щедрый солнечный свет и в воздухе за своей спиной дружеские слова.

— Будь паинькой, спускайся, Дедал. Завтрак готов. Хейнс извиняется за то, что мешал нам спать. Все улажено.

— Иду, — сказал Стивен, оборачиваясь.

— Давай, Христа ради, — говорил Маллиган. — И ради меня, и ради всеобщего блага.

Его голова нырнула и вынырнула.

— Я ему передал про твой символ ирландского искусства. Говорит, очень остроумно. Вытяни из него фунт, идет? То бишь, гинею.

— Мне заплатят сегодня, — сказал Стивен.

¹ Да окружат тебя лилиями венчанные сонмы сияющих исповедников веры, и хоры ликующих дев да возрадуются тебе (*лат.*; из католической молитвы за умирающих).

— В школьной шарашке? — осведомился Маллиган. — А сколько? Четыре фунта? Одолжи нам один.

— Как угодно, — отвечал Стивен.

— Четыре сверкающих соверена! — вскричал с восторгом Бык Маллиган. — Устроим роскошный выпивон на зависть всем раздруидам. Четыре всемогущих соверена.

Воздев руки, он затопал по каменным ступеням вниз, фальшиво распевая с лондонским простонародным акцентом:

Веселье будет допоздна,
Мы хлопнем виски и вина,
В день Коронации
Мы славно покутим!
Веселье будет допоздна,
И все мы покутим!

Лучи солнца веселились над морем. Забытая никелевая чашка для бритвы поблескивала на парапете. Почему я должен ее относить? Может, оставить тут на весь день, памятником забытой дружбе?

Он подошел к ней, подержал с минуту в руках, осязая ее прохладу, чувствуя запах липкой пены с торчащим в ней помазком. Так прежде я носил кадило в Клонгоузе. Сейчас я другой и все-таки еще тот же. Опять слуга. Прислужник слуги.

В мрачном сводчатом помещении внутри башни фигура в халате бодро сновала у очага, то скрывая, то открывая желтое его пламя. Мягкий дневной свет падал двумя снопами через высокие оконца на вымощенный плитам пол, и там, где снопы встречались, плыло, медленно вращаясь, облако дыма от горящего угля и горелого жира.

— Этак мы задохнемся, — заметил Бык Маллиган. — Хейнс, вы не откроете дверь?

Стивен поставил бритвенную чашку на шкафчик. Долговязый человек, сидевший на подвесной койке, направился к порогу и отворил внутреннюю дверь.

— А у вас есть ключ? — спросил голос.

— Ключ у Дедала, — отозвался Бык Маллиган. — Черти лохматые, я уже задыхаюсь!

Не отрывая взгляда от очага, он взревел:

— Клинк!

— Ключ в скважине, — сказал Стивен, подходя ближе.

Ключ с резким скрежетом дважды повернулся в замке, и тяжелая наружная дверь впустила долгожданные свет

и воздух. Хейнс остановился в дверях, глядя наружу. Стивен придвинул к столу свой чемодан, поставив его торчком, и уселся ждать. Бык Маллиган шваркнул жарено на блюдо рядом с собой. Потом отнес блюдо и большой чайник к столу, поставил и вздохнул с облегчением.

— Ах, я вся таю,— произнес он,— как сказала свечка, когда... Но — тсс! Про это не будем. Клинк, проснись! Подавай хлеб, масло, мед. Присоединяйтесь, Хейнс. Кормежка готова. Благослови, Господи, нас и эти дары твои. Черт побери, молока нет!

Стивен достал из шкафчика масленку, хлеб и горшочек с медом. Бык Маллиган, усевшись, вскипел внезапным негодованием.

— Что за бардак? — возмутился он. — Я ж ей сказал — прийти в начале девятого.

— Можно и без молока обойтись,— сказал Стивен. — В шкафчике есть лимон.

— Да пошел ты со своими парижскими замашками! — отвечал Бык Маллиган. — Я хочу молочка из Сэндикоува.

Хейнс, направляясь к ним от дверей, сообщил:

— Идет ваша молочница с молоком.

— Благодать божия! — воскликнул Бык Маллиган, вскакивая со стула. — Присаживайтесь. Наливайте чай. Сахар в пакете. А с треклятой яичницей я больше не желаю возиться.

Он кое-как раскромсал жарено на блюде и раскидал его по трем тарелкам, приговаривая:

— *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti*¹.

Хейнс сел и принялся разливать чай.

— Кладу всем по два куса,— сказал он. — Слушайте, Маллиган, какой вы крепкий завариваете!

Бык Маллиган, нарезая хлеб щедрыми ломтями, замурлыкал умильным старушечьим голоском:

— Как стану я чай заваривать, уж так заварю, говаривала матушка Гроган. А стану нужду справлять, уж так справлю!

— Боже правый, вот это чай,— сказал Хейнс.

Бык Маллиган, нарезая хлеб, так же умильно продолжал:

— *Уж такой мой обычай, миссис Кахилл*, это она говорит. А миссис Кахилл на это: *Ахти, сударыня, только упаси вас Господи делать оба дела в одну посудину.*

¹ Во имя Отца и Сына и Святого Духа (лат.).

На кончике ножа он протянул каждому из сотрапезников по толстому ломтю хлеба.

— Это же фольклор, — сказал он очень серьезно, — это для вашей книги, Хейнс. Пять строчек текста и десять страниц комментариев насчет фольклора и рыбообразных божеств Дандрама. Издано сестрами-колдуньями в год великого урагана.

Он обернулся к Стивену и, подняв брови, спросил его с крайней заинтересованностью:

— Не можете ли напомнить, коллега, где говорится про посудину матушки Гроган, в «Мабиногионе» или в упанишадах?

— Отнюдь не уверен, — солидно отвечал Стивен.

— В самом деле? — продолжал Бык Маллиган прежним тоном. — А отчего же, будьте любезны?

— Мне думается, — сказал Стивен, не прерывая еды, — этого не найти ни в «Мабиногионе», ни за его пределами. Матушка Гроган, по всей вероятности, состоит в родстве с Мэри Энн.

Бык Маллиган расплылся от удовольствия.

— Прелестно! — произнес он сюсюкающим и слащавым голосом, показывая белые зубы и жмурясь довольно. — Вы так полагаете? Совершенно прелестно!

Затем, вдруг нарочито нахмурясь, он хрипло, скрипуче зарычал, рьяно нарезая новые ломти:

На старуху Мэри Энн
Ей плевать с высоких стен,
Но, задравши свой подол..

Набив рот яичницей, он жевал и мычал.

В дверях, заслоня свет, появилась фигура женщины.

— Молоко, сэр!

— Заходите, сударыня, — сказал Маллиган. — Клинк, подай-ка кувшин.

Старушка вошла и остановилась около Стивена.

— Славное утречко, сэр, — сказала она. — Слава Богу.

— Кому-кому? — спросил Маллиган, поглядев на нее. — Ах да, конечно!

Стивен, протянув руку за спину, достал из шкафчика молочный кувшин.

— Наши островитяне, — заметил Маллиган Хейнсу как бы вскользь, — нередко поминают сборщика крайней плоти.

— Сколько, сэр? — спросила старушка.

— Одну квартиру, — ответил Стивен.

Он смотрел, как она наливает в мерку, а оттуда в кувшин, густое белое молоко, не свое. Старые сморщенные груди. Она налила еще мерку с избытком. Древняя и таинственная, она явилась из утреннего мира, быть может, вестницей. Наливая молоко, она расхваливала его. В сочных лугах, чуть свет, она уже доила, сидя на корточках, ведьма на поганке, скрюченные пальцы проворны у набухшего вымени. Мычанием встречала ее привычный приход скотинка, шелковая от росы. Бедная старуха, шелковая коровка — такие прозвища давались ей в старину. Старуха-странница, низший род бессмертных, служащая своему захватчику и своему беззаботному обманщику, познавшая измену обоих, вестница тайны утра. Служить или укорять, он не знал; однако гнушался заискивать перед нею.

— И впрямь прекрасное, сударыня,— согласился Бык Маллиган, наливая им в чашки молоко.

— Вы, сэр, отведайте,— сказала она.

Уступая ей, он сделал глоток.

— Если бы все мы могли питаться такой вот здоровой пищей,— объявил он звучно,— в этой стране не было бы столько гнилых зубов и гнилых кишок. А то живем в болоте, едим дешевую дрянь, а улицы вымощены навозом, пылью и чахоточными плевками.

— А вы, сэр, на доктора учитеесь? — спросила старушка.

— Да, сударыня,— ответил Бык Маллиган.

Стивен слушал, храня презрительное молчание. Она покорно внимает зычному голосу своего костоправа и врачевателя, меня она знать не знает. Голосу, который отпустит ей грехи и помажет для погребения ее тело, кроме женских нечистых чресл, сотворенное из плоти мужской не по подобию Божию, в добычу змею. И тому голосу, что сейчас заставляет ее умолкнуть, с удивлением озираясь.

— Вы понимаете, что он говорит? — осведомился у нее Стивен.

— Это вы по-французски, сэр? — спросила старушка Хейнса.

Хейнс с апломбом обратил к ней новую тираду, еще длинней.

— Это по-ирландски,— объяснил Бык Маллиган.— Вы гэльский знаете?

— Я так и думала по звуку, это ирландский,— сказала она.— А вы не с запада, сэр?

— Я англичанин,— ответил Хейнс.

— Он англичанин,— повторил Бык Маллиган,— и он считает, в Ирландии надо говорить по-ирландски.

— Нет спору, надо,— сказала старушка,— мне и самой стыд, что не умею на нашем языке. А люди умные говорят, язык-то великий.

— Великий — это не то слово,— заявил Бык Маллиган.— Он абсолютно великолепен. Плесни нам еще чайку, Клинк. Не хотите ли чашечку, сударыня?

— Нет, сэр, спасибо,— отвечала старушка, повесив на руку бидон и собираясь идти.

Хейнс обратился к ней:

— А счет у вас есть? Маллиган, надо бы заплатить, верно?

Стивен снова наполнил чашки.

— Счет, сэр? — неуверенно переспросила она.— Это значит, семь дней по пинте по два пенса это семь раз по два это шиллинг два пенса да эти три дня по кварте по четыре пенса будет три кварталы это выходит шиллинг да там один и два всего два и два, сэр.

Бык Маллиган вздохнул и, отправив в рот горбушку, густо намазанную маслом с обеих сторон, вытянул вперед ноги и начал рыться в карманах.

— Платить подобает с любезным видом,— сказал улыбаясь Хейнс.

Стивен налил третью чашку, слегка закрасив ложечкой чая густое жирное молоко. Бык Маллиган выудил из кармана флорин и, повертев его в пальцах, воскликнул:

— О, чудо!

Он пододвинул флорин по столу к старушке, приговаривая:

— Радость моя, для тебя все, что имею, отдам.

Стивен вложил монету в ее нежадную руку.

— За нами еще два пенса,— заметил он.

— Это не к спеху, сэр,— уверяла она, убирая монету.— Совсем не к спеху. Всего вам доброго, сэр.

Поклонившись, она ушла, напутствуемая нежным речитативом Быка Маллигана:

— Я бы с восторгом весь мир
К милым повергнул стопам.

Он обернулся к Стивену и сказал:

— Серьезно, Дедал. Я совсем на мели. Беги в свою школьную шарашку да принеси оттуда малость деньжонок.

Сегодня бардам положено пить и пировать. Ирландия ожидает, что в этот день каждый выполнит свой долг.

— Что до меня,— заметил Хейнс, поднимаясь,— то я должен сегодня посетить вашу национальную библиотеку.

— Сперва поплавать,— заявил Бык Маллиган.

Он обернулся к Стивену и самым учтивым тоном спросил:

— Не сегодня ли, Клинок, день твоего ежемесячного омовения?

И пояснил, обращаясь к Хейнсу:

— Оный нечистый бард имеет правило мыться один раз в месяц.

— Всю Ирландию омывает Гольфстрим,— промолвил Стивен, поливая хлеб стружкой меда.

Хейнс отозвался из угла, легким узлом повязывая шейный платок под открытым воротом спортивной рубашки:

— Я буду собирать ваши изречения, если вы позволите.

Обращено ко мне. Они моются, банятся, оттираются. Жагала сраму. Совесть. А пятно все на месте.

— Это отлично сказано, что треснувшее зеркало служанки — символ ирландского искусства.

Бык Маллиган, толкнув Стивена ногой под столом, задушевно пообещал:

— Погодите, Хейнс, вот вы еще послушаете его о Гамлете.

— Нет, я в самом деле намерен,— продолжал Хейнс, обращаясь к Стивену.— Я как раз думал на эту тему, когда пришло это ветхое создание.

— А я что-нибудь заработаю на этом? — спросил Стивен.

Хейнс рассмеялся и сказал, снимая мягкую серую шляпу с крюка, на котором была подвешена койка:

— Чего не знаю, того не знаю.

Неторопливо он направился к двери. Бык Маллиган перегнулся к Стивену и грубо, с нажимом прошипел:

— Не можешь без своих штучек. Для чего ты это ему?

— А что? — возразил Стивен.— Задача — раздобыть денег. У кого? У него или у молочницы. По-моему, орел или решка.

— Я про тебя ему уши прожужжал,— не отставал Бык Маллиган,— а тут извольте, ты со своим вшивым злопамятством да замогильными иезуитскими шуточками.

— У меня нет особой надежды,— заметил Стивен,— как на него, так и на нее.

Бык Маллиган трагически вздохнул и положил руку Стивену на плечо.

— Лишь на меня, Клинк,— произнес он.

И совсем другим голосом добавил:

— Честно признаться, я и сам считаю, ты прав. На хрена они, кроме этого, сдались. Чего ты их не морочишь, как я? Пошли они все к ляду. Надо выбираться из этого бардака.

Он встал, важно распустил пояс и совлек с себя свой халат, произнося отрешенным тоном:

— И был Маллиган разоблачен от одежд его.

Содержимое карманов он выложил на стол со словами:

— Вот тебе твой сморкальник.

И, надевая жесткий воротничок и строптивый галстук, стыдил их и укорял, а с ними и запутавшуюся часовую цепочку. Руки его, нырнув и чемодан, шарили там, покуда он требовал себе чистый носовой платок. Жагала сраму. Клянусь богом, мы же обязаны поддерживать репутацию. Желая бордовые перчатки и зеленые башмаки. Противоречие. Я противоречу себе? Ну что же, значит, я противоречу себе. Ветреник Малахия. Его говорливые руки метнули мягкий черный снаряд.

— И вот твоя шляпа, в стиле Латинского Квартала.

Стивен поймал ее и надел на голову. Хейнс окликнул их от дверей:

— Друзья, вы двигаетесь?

— Я готов,— отозвался Бык Маллиган, идя к двери.— Пошли, Клинк. Кажется, ты уже все доел после нас.

Отрешенный и важный, проследовал он к порогу, не без прискорбья сообщая:

— И, пойдя вон, плюхнулся с горки.

Стивен, взяв ясеневую тросточку, стоящую у стены, тронулся за ним следом. Выйдя на лестницу, он притянул неподатливую стальную дверь и запер ее. Гигантский ключ сунул во внутренний карман.

У подножия лестницы Бык Маллиган спросил:

— А ты ключ взял?

— Да, он у меня,— отвечал Стивен, перегоняя их.

Он шел вперед. За спиной у себя он слышал, как Бык Маллиган сбивает тяжелым купальным полотенцем верхушки папоротников или трав.

— Кланяйтесь, сэр. Да как вы смеете, сэр.

Хейнс спросил:

— А вы платите аренду за башню?

— Двенадцать фунтов,— ответил Бык Маллиган.

— Военному министру,— добавил Стивен через плечо. Они приостановились, покуда Хейнс разглядывал башню. Потом он заметил:

— Зимой унылое зрелище, надо думать. Как она называется, Мартелло?

— Их выстроили по указанию Билли Питта,— сказал Бык Маллиган,— когда с моря угрожали французы. Но наша — это омфал.

— И какие же у вас идеи о Гамлете? — спросил у Стивена Хейнс.

— О нет! — воскликнул страдальчески Бык Маллиган.— Я этого не выдержу, я вам не Фома Аквинат, измысливший пятьдесят пять причин. Дайте мне сперва принять пару кружек.

Он обернулся к Стивену, аккуратно одергивая лимонный жилет:

— Тебе ж самому для такого надо не меньше трех, правда, Клинк?

— Это уж столько ждет,— ответил тот равнодушно,— может и еще подождать.

— Вы разжигаете мое любопытство,— любезно заметил Хейнс.— Тут какой-нибудь парадокс?

— Фу! — сказал Маллиган.— Мы уже переросли Уайльда и парадоксы. Все очень просто. Он с помощью алгебры доказывает, что внук Гамлета — дедушка Шекспира, а сам он призрак собственного отца.

— Как-как? — переспросил Хейнс, показывая было на Стивена.— Вот он сам?

Бык Маллиган накинул полотенце на шею наподобие столы патера и, корчась от смеха, шепнул на ухо Стивену:

— О, тень Клинка-старшего! Иафет в поисках отца!

— Мы по утрам усталые,— сказал Стивен Хейнсу.— А это довольно долго рассказывать.

Бык Маллиган, снова зашагавший вперед, воздел руки к небу.

— Только священная кружка способна развязать Дедалу язык,— объявил он.

— Я хочу сказать,— Хейнс принялся объяснять Стивену на ходу,— эта башня и эти скалы мне чем-то напоминают Эльсинор. «Выступ утеса грозного, нависшего над морем», не так ли?

Бык Маллиган на миг неожиданно обернулся к Стивену, но ничего не сказал. В этот сверкнувший безмолвный миг

Стивен словно увидел свой облик, в пыльном дешевом трауре, рядом с их яркими одеяниями.

— Это удивительная история,— сказал Хейнс, опять останавливая их.

Глаза, светлые, как море под свежим ветром, еще светлей, твердые и сторожкие. Правитель морей, он смотрел на юг, через пустынный залив, где лишь маячил смутно на горизонте дымный плюмаж далекого пакетбота да парусник лавировал у банки Маглинс.

— Я где-то читал богословское истолкование,— произнес он в задумчивости.— Идея Отца и Сына. Сын, стремящийся к воссоединению с Отцом.

Бык Маллиган немедля изобразил ликующую физиономию с ухмылкой до ушей. Он поглядел на них, блаженно разинув красивый рот, и глаза его, в которых он тут же пригасил всякую мысль, моргали с полоумным весельем. Он помотал туда-сюда болтающейся башкой болванчика, тряся полями круглой панамы, и запел дурашливым, бездумно веселым голосом:

Я юноша странный, каких поискать,
Отец мой был птицей, еврейкою — мать.
С Иосифом-плотником жить я не стал.
Бродяжничал и на Голгофу попал.

Он предостерегающе поднял палец:

А кто говорит, я не бог, тем плутам
Винца, что творю из воды, я не дам.
Пусть пьют они воду, и тайна ясна,
Как снова я воду творю из вина.

Быстрым прощальным жестом он подергал за Стивену тросточку и устремился вперед, к самому краю утеса, хлопая себя по бокам, как будто плавниками или крыльями, готовящимися взлететь, и продолжая свое пение:

Прощай же и речи мои запиши,
О том, что воскрес я, везде расскажи.
Мне плоть не помеха, коль скоро я бог,
Лечу я на небо... Прощай же, дружок!

Выдельвая антраша, он подвигался на их глазах к сорокафутовому провалу, махая крылоподобными руками, легко подскакивая, и шляпа ветреника кольхалась на свежем ветру, доносившем до них его отрывистые птичьи крики.

Хейнс, который посмеивался весьма сдержанно, идя рядом со Стивеном, заметил:

— Мне кажется, тут не стоит смеяться. Он сильно богохульствует. Впрочем, я лично не из верующих. С другой стороны, его веселье как-то придает всему безобидность, не правда ли? Как это у него называется? Иосиф-плотник?

— Баллада об Иисусе-шутнике, — буркнул Стивен.

— Так вы это раньше слышали? — спросил Хейнс.

— Каждый день три раза, после еды, — последовал сухой ответ.

— Но вы сами-то не из верующих? — продолжал спрашивать Хейнс. — Я хочу сказать: верующих в узком смысле слова. Творение из ничего, чудеса, Бог как личность.

— Мне думается, у этого слова всего один смысл, — сказал Стивен.

Остановясь, Хейнс вынул серебряный портсигар с мерцающим зеленым камнем. Нажав на пружину крышки большим пальцем, он раскрыл его и протянул Стивену.

— Спасибо, — отозвался тот, беря сигарету.

Хейнс взял другую себе и снова защелкнул крышку. Спрятав обратно портсигар, он вынул из жилетного кармана никелированную трутницу, тем же манером раскрыл ее, прикурил и, заслонив язычок пламени ладонью, подставил Стивену.

— Да, конечно, — проговорил он, когда они пошли дальше. — Вы либо веруете, либо нет, верно? Лично я не смог бы перевернуть идею личного Бога. Надеюсь, вы ее не придерживаетесь?

— Вы видите во мне, — произнес Стивен мрачно и недовольно, — пример ужасающего вольнодумства.

Он шел, выжидая продолжения разговора, держа сбоку ясеневую тросточку. Ее кованый наконечник легко чертил по тропинке, поскрипывая у ног. Мой дружочек следом за мной, с тоненьким зовом: Стиииии-вии! Волнистая линия вдоль тропинки. Они пройдут по ней вечером, затемно возвращаясь. Он хочет ключ. Ключ мой, я плачу аренду. Но я ем хлеб его, что горестен устам. Отдай и ключ. Все отдай. Он спросит про него. По глазам было видно.

— В конечном счете... — начал Хейнс.

Стивен обернулся и увидал, что холодный взгляд, смеривший его, был не таким уж недобрим.

— В конечном счете, мне кажется, вы способны достичь свободы. Похоже, что вы сами себе господин.

— Я слуга двух господ,— отвечал Стивен,— или, если хотите, господж, англичанки и итальянки.

— Итальянки? — переспросил Хейнс.

Полоумная королева, старая и ревнивая. На колени передо мной.

— А некто третий,— продолжал Стивен,— желает, чтобы я был у него на побегушках.

— Итальянки? — спросил снова Хейнс.— Что это значит?

— Британской империи,— пояснил Стивен, покраснев,— и Римской святой соборной и апостольской церкви.

Прежде чем заговорить, Хейнс снял с нижней губы приставшие крошки табака.

— Вполне понимаю вас,— спокойно заметил он.— Я бы даже сказал, для ирландца естественно так думать. Мы в Англии сознаем, что обращались с вами несправедливо. Но повинна тут, видимо, история.

Гордые полновластные титулы прозвучали в памяти Стивена победным звоном медных колоколов: *et unam sanctam catholicam et apostolicam ecclesiam*¹ — неспешный рост, вызревание догматов и обрядов, как его собственных заветных мыслей, химия звезд. Апостольский символ в мессе папы Марцеллия, голоса сливаются в мощное утверждающее соло, и под их пение недреманный ангел церкви воинствующей обезоруживал ересиархов и грозил им. Орды ересей в скособоченных митрах разбегаются наутек: Фотий, орава зубоскалов, среди коих и Маллиган, Арий, воевавший всю жизнь против единосущия Сына Отцу, Валентин, что гнушался земным естеством Христа, и хитроумный ересиарх из Африки, Савеллий, по чьим утверждениям Отец Сам был собственным Сыном. Слова, которые только что сказал Маллиган, зубоскаля над чужеземцем. Пустое зубоскальство. Неизбежная пустота ожидает их, всех, что ткут ветер: угрозу, обезоруживанье и поражение несут им стройные боевые порядки ангелов церкви, воинство Михаила, в пору раздоров всегда встающее на ее защиту с копьями и щитами.

Браво, бис! Продолжительные аплодисменты. *Zut! Nom de Dieu!*²

— Я, разумеется, британец,— продолжал голос Хейнса,— и мыслю я соответственно. К тому же мне вовсе не

¹ И во едину святую соборную и апостольскую церковь (*лат.*).

² Проклятье! К черту! (*франц.*)

хочется увидеть свою страну в руках немецких евреев. Боюсь, что сейчас это главная опасность для нашей нации.

Двое, наблюдая, стояли на краю обрыва — делец и лодочник.

— Плывет в Баллок.

Лодочник с неким пренебрежением кивнул на север залива.

— Там будет саженой пять,— сказал он.— Туда его и вынесет после часу, когда прилив начнется. Нынче девятый день.

Про утопленника. Парус кружит по пустынной бухте, поджидая, когда вынырнет раздутый мешок и обернет к солнцу солью беленное вспученное лицо. А вот и я.

Извилистой тропкой они спустились к неширокому заливику. Бык Маллиган стоял на камне без пиджака, отпиленный галстук струился по ветру за плечом. Поблизости от него юноша, держась за выступ скалы, медленно полягушачьи разводил зелеными ногами в студенистой толще воды.

— А брат с тобой, Мэйлахи?

— Да нет, он в Уэстмите, у Бэннонов.

— Все еще? Мне Бэннон прислал открытку. Говорит, подцепил себе там одну молоденькую. Фотодевушка, он ее так зовет.

— Заснял, значит? С короткой выдержкой?

Бык Маллиган уселся снять башмаки. Из-за выступа скалы высунулось красное отдувающееся лицо. Пожилой мужчина вылез на камни, вода блестела на его лысине с седоватым венчиком, вода струилась по груди, по брюху, капала с черных мешковатых трусов.

Бык Маллиган посторонился, пропуская его, и, бросив взгляд на Хейнса и Стивена, ногтем большого пальца набожно перекрестил себе лоб, уста и грудную клетку.

— А Сеймур опять в городе,— сказал юноша, ухватившись снова за выступ.— Медицину побоку, решил в армию.

— Да иди ты,— хмыкнул Бык Маллиган.

— На той неделе уже в казарму. А ты знаешь ту рыженькую из Карлайла, Лили?

— Знаю.

— Прошлый вечер на пирсе с ним обжималась. У папаша денег до черта.

— Может, она залетела?

— Это ты Сеймура спроси.

— Сеймур — кровопускающий офицер! — объявил Бык Маллиган.

Кивнув самому себе, он стянул с ног брюки, выпрямился и изрек избитую истину:

— Рыжие бабы блудливы как козы.

Встревоженно оборвав, принялся щупать свои бока под вздувшейся от ветра рубашкой.

— У меня нет двенадцатого ребра,— возопил он.— Я *Übermensch*¹. Беззубый Клинк и я, мы сверхчеловеки.

Он выпутался из рубашки и кинул ее к вороху остальной одежды.

— Здесь залезаешь, Мэйлахи?

— Ага. Дай-ка местечко на кровати.

Юноша в воде оттолкнулся назад и в два сильных, ровных гребка выплыл на середину заливчика. Хейнс с сигаретой присел на камень.

— А вы не будете? — спросил Бык Маллиган.

— Попозже,— отвечал Хейнс.— После завтрака не сразу.

Стивен повернулся идти.

— Я ухожу, Маллиган,— сказал он.

— А дай-ка тот ключ, Клинк,— сказал Бык Маллиган,— мою рубашку прижать.

Стивен протянул ему ключ. Бык Маллиган положил его на ворох одежды.

— И двухпенсовик на пинту. Кидай туда же.

Стивен кинул два пенса на мягкий ворох. Одеваются, раздеваются. Бык Маллиган, выпрямившись, сложив перед грудью руки, торжественно произнес:

— Крадущий у бедного дает займы Господу. Так говорил Заратустра.

Жирное тело нырнуло в воду.

— Еще увидимся,— сказал Хейнс, повернувшись к уходящему Стивену и улыбаясь необузданности ирландцев.

Бычьих рогов, конских копыт и улыбки сакса.

— В «Корабле»!— крикнул Бык Маллиган.— В полпервого.

— Ладно,— ответил Стивен.

Он шел по тропинке, что вилась вверх.

Liliata rutilantium.

Turma circumdet.

Iubilantium te virginum.

¹ Сверхчеловек (нем.).

Седой нимб священника за скалой, куда тот скромно удалился для одевания. Сегодня я не буду здесь ночевать. Домой идти тоже не могу.

Зов, протяжный и мелодичный, донесся до него с моря. На повороте тропинки он помахал рукой. Голос донесся снова. Лоснящаяся темная голова, тюленья, далеко от берега, круглая.

Захватчик.

- Кокрейн, ты скажи. Какой город послал за ним?
- Тарент, сэр.
- Правильно. А потом?
- Потом было сражение, сэр.
- Правильно. А где?

Мальчуган с пустым выражением уставился в пустоту окна.

Басни дочерей памяти. Но ведь чем-то и непохоже на басни памяти. Тогда — фраза, сказанная в сердцах, шум Блейковых крыл избытка. Слышу, как рушатся пространства, обращаются в осколки стекло и камень, и время охвачено сине-багровым пламенем конца. Что же нам остается?

— Я позабыл место, сэр. В 279 году до нашей эры.

— Аскулум, — бросил Стивен, заглянув в книгу с рубцами кровопролитий.

— Да, сэр. И он сказал: еще одна такая победа — и мы погибли.

Вот эту фразу мир и запомнил. Утеха для скудоумных. Над усеянной телами равниной, опершись на копьё, генерал обращается с холма к офицерам. Любой генерал к любым офицерам. А те внимают.

— Теперь ты, Армстронг, — сказал Стивен. — А каков был конец Пирра?

— Конец Пирра, сэр?

— Я знаю, сэр. Спросите меня, сэр, — вызвался Комин.

— Нет, ты обожди. Армстронг. Ты что-нибудь знаешь о Пирре?

В ранце у Армстронга уютно притаился кулек с вялеными фигами. Время от времени он разминал их в ладонях и отправлял потихоньку в рот. Крошки, приставшие к коже на губах. Подслащенное мальчишеское дыхание. Зажиточная семья, гордятся, что старший сын во флоте. Вико-роуд, Долки.

— О Пирре, сэр? Пирр — это пирс.

Все засмеялись. Визгливый, злорадный смех без веселья. Армстронг обвел взглядом класс, дурашливая ухмылка на профиле. Сейчас совсем разойдутся, знают, что мне их не приструнить, а плату их папаша внесли.

— Тогда объясни, — сказал Стивен, касаясь плеча мальчугана книжкой, — что это такое, пирс.

— Ну, пирс, сэр, — тянул Армстронг. — Такая штука над морем. Вроде как мост. В Кингстауне пирс, сэр.

Кое-кто засмеялся снова, без веселья, но со значением. Двое на задней парте начали перешептываться. Да. Они знали: никогда не издевав, никогда не были невинны. Все. Он с завистью оглядел их лица. Эдит, Этель, Герти, Лили. Похожи на тех: дыхание тоже подслащенное от чая с вареньем, браслеты звякают во время возни.

— Кингстаунский пирс, — повторил Стивен. — Да, несбывшийся мост.

Их взгляды смутились от его слов.

— Как это, сэр? — спросил Комин. — Мост, он же через реку.

Хейнсу в его цитатник. Не для этих ушей. Вечером, среди пьянки и пустословия, пронзить, словно пирс воду, ровную гладь его ума. А что в том? Шут при господском дворе, благоволимый и презираемый, добился от господина милостивой похвалы. Почему все они выбрали эту роль? Не только ведь ради ласки и поощрения. Для них тоже история — это сказка, давно навязшая в ушах, а своя страна — закладная лавка.

Разве Пирр не пал в Аргосе от руки старой ведьмы, а Юлия Цезаря не закололи кинжалом? Их уже не изгнать из памяти. Время поставило на них свою мету и заключило, сковав, в пространстве, что занимали уничтоженные ими бесчисленные возможности. Но были ль они возможны, если их так и не было? Или то лишь было возможным, что состоялось? Тките, ветра ткачи.

— Сэр, а расскажите нам что-нибудь.

— Ага, сэр, про привидения.

— Где мы остановились тут? — спросил Стивен, открывая другую книгу.

— «Оставь рыдания»,— сказал Комин.

— Ну, давай, Толбот.

— А историю, сэр?

— Потом,— сказал Стивен.— Давай, Толбот.

Смуглый мальчуган раскрыл книгу и ловко приладил ее за укрытием своего ранца. Он начал читать стихотворение, запинаясь и часто подглядывая в текст:

Оставь рыдания, о пастух, оставь рыдания,
Ликид не умирал, напрасна скорбь твоя,
Хотя над ним волны сомкнулись очертанья...

Тогда это должно быть движением, актуализация возможного как такового. Фраза Аристотеля сложилась из бормотанья ученика и поплыла вдаль, в ученую тишину библиотеки Святой Женевьевы, где он читал, огражден от греховного Парижа, вечер за вечером. Рядом хрупкий сияец штудировал учебник стратегии. Вокруг меня насыщенные и насыщающиеся мозги — пришипленные под лампочками, слабо подрагивающие щупиками, — а во тьме моего ума грузное подземное чудище, неповоротливое, боящееся света, шевелит драконовой чешуей. Мысль — это мысль о мысли. Безмятежная ясность. Душа — это, неким образом, все сущее: душа — форма форм. Безмятежность нежданная, необъятная, лучащаяся: форма форм.

Толбот твердил:

И дивной властью того, кто шел по водам,
И дивной властью...

— Можешь перевернуть,— сказал Стивен безразлично.— Я ничего не вижу.

— Чего, сэр?— спросил простодушно Толбот, подаваясь вперед.

Его рука перевернула страницу. Он снова выпрямился и продолжал, как будто припомнив. О том, кто шел по водам. И здесь лежит его тень, на этих малодушных сердцах, и на сердце безбожника, на его устах, на моих. Она и на снедаемых любопытством лицах тех, что предложили ему динарий. Кесарево кесарю, а Божие Богу. Долгий взгляд темных глаз, загадочные слова, что без конца будут ткаться на краснах церкви. Да.

Отгадай загадку, будешь молодец:
Зернышки посеять мне велел отец.

Толбот закрыл книжку и сунул ее в ранец.

— Все уже? — спросил Стивен.

— Да, сэр. В десять хоккей, сэр.

— Короткий день, сэр. Четверг.

— А кто отгадает загадку? — спросил Стивен.

Они распахивали учебники, падали карандаши, шуршали страницы. Сгрудившись вместе, защелкивали и затягивали ранцы, разом весело тараторя:

— Загадку, сэр? Давайте я, сэр.

— Я, дайте я, сэр.

— Какую потрудней, сэр.

— Загадка такая, — сказал Стивен.

Кочет поет.

Чист небосвод.

Колокол в небе

Одиннадцать бьет.

Бедной душе на небеса

Час улетать настает.

— Отгадайте, что это.

— Чего-чего, сэр?

— Еще разок, сэр. Мы не расслышали.

Глаза их расширились, когда он повторил строчки. Настала пауза, а потом Кокрейн попросил:

— Скажите отгадку, сэр. Мы сдаемся.

Стивен, чувствуя подкативший к горлу комок, ответил:

— Это лис хоронит свою бабуку под остролистом.

Нервически рассмеявшись, он встал, и эхом ему нестройно раздались их возгласы разочарования.

В дверь стукнули клюшкой, и голос из коридора прокричал:

— Хоккей!

Они кинулись как оголтелые, боком выскакивая из-за парт, перемахивая через сиденья. Вмиг комната опустела, и из раздевалки послышался их гомон и грохот клюшек и башмаков.

Сарджент, единственный, кто остался, медленно подошел, протягивая раскрытую тетрадь. Его спутанные волосы и тощая шея выдавали явную неготовность, слабые глаза в запотевших очках глядели просяще. На блеклой бескровной щеке расплылось чернильное пятно в форме финика, еще свежее и влажное, как след слизня.

Он подал тетрадку. Наверху страницы было выведено: «Примеры». Дальше шли цифры вкривь и вкось, а внизу

имелся корявый росчерк с загогулинами и с кляксой. Сирил Сарджент: личная подпись и печать.

— Мистер Дизи велел все снова переписать и показать вам, сэр.

Стивен потрогал края тетрадки. Что толку.

— Ты уже понял, как их решать? — спросил он.

— С одиннадцатого до пятнадцатого, — отвечал Сарджент. — Мистер Дизи сказал, надо было списать с доски, сэр.

— А сам теперь сможешь сделать?

— Нет, сэр.

Уродлив и бестолков: худая шея, спутанные волосы, пятно на щеке — след слизня. Но ведь какая-то любила его, выносила под сердцем, нянчила на руках. Если бы не она, мир в своей гонке давно подмял бы его, растоптал, словно бескостого слизня. А она любила его жидкую слабосильную кровь, взятую у нее самой. Значит, это и есть настоящее? Единственно истинное в жизни? В святом своем рвении пламенный Колумбан перешагнул через тело матери, простершейся перед ним. Ее не стало: дрожащий остов ветки, попаленной огнем, запах розового дерева и могильного тлена. Она спасла его, не дала растоптаться и ушла, почти не коснувшись бытия. Бедная душа улетела на небеса — и на вересковой пустоши, под мерцающими звездами, лис, горящие беспощадные глаза, рыжим и хищным духом разит от шкуры, рыл землю, вслушивался, откидывал землю, вслушивался и рыл, рыл.

Сидя с ним рядом, Стивен решал задачу. Он с помощью алгебры доказывает, что призрак Шекспира — это дедушка Гамлета. Сарджент глядел искоса через съехавшие очки. Из раздевалки стук клюшек; с поля голоса и глухие удары по мячу.

Значки на странице изображали чопорный мавританский танец, маскарад букв в причудливых шляпах квадратов и кубов. Подача руки, поворот, поклон партнеру: вот так: бесовские измышленья мавров. И они уже покинули мир, Аверроэс и Моисей Маймонид, мужи, темные обличьем и обхождением, ловящие в свои глумливые зеркала смутную душу мира, и тьма в свете светит, и свет не объемлет ее.

— Ну как, понял? Сможешь сам сделать следующий?

— Да, сэр.

Вялыми, неуверенными движениями пера Сарджент списал условие. То и дело медля в надежде помощи, рука его старательно выводила кривые значки, слабая краска стыда

проступала сквозь блеклую кожу щек. Amor matris¹, родительный субъекта и объекта. Она вскормила его своей жидкой кровью и свернувшимся молоком, скрывала от чужих взоров его пеленки.

Я был как он, те же косые плечи, та же нескладность. Детство мое, сгорбясь подле меня. Ушло, и не коснуться его, пускай хоть раз, хоть слегка. Мое ушло, а его потаенно, как наши взгляды. Тайны, безмолвно застывшие в темных чертогах двух наших сердец, — тайны, уставшие тиранствовать: тираны, мечтающие быть свергнутыми.

Пример был решен.

— Вот видишь, как просто, — сказал Стивен, вставая.

— Ага, сэр, спасибо, — ответил Сарджент.

Он промокнул страницу и отнес тетрадь к парте.

— Бери свою клюшку и ступай к ребятам, — сказал Стивен, направляясь к дверям следом за нескладной фигуркой.

— Ага, сэр.

В коридоре послышалось его имя, его окликали с поля:

— Сарджент!

— Беги, мистер Дизи тебя зовет, — поторопил Стивен.

Стоя на крыльце, он глядел, как пентюх поспешает на поле битвы, где голоса затеяли крикливую перебранку. Их разделили на команды, и мистер Дизи возвращался, шагая через метелки травы затянутыми в гетры ногами. Едва он дошел до школы, как снова заспорившие голоса позвали его назад. Он обернул к ним сердитые седые усы.

— Ну что еще? — прокричал он несколько раз, не слушая.

— Кокрейн и Холлидей в одной команде, сэр, — крикнул ему Стивен.

— Вы не обождете минутку у меня в кабинете, — попросил мистер Дизи, — пока я тут наведу порядок.

Он озабоченно зашагал по полю обратно, строго покрикивая своим старческим голосом:

— В чем дело? Что там еще?

Пронзительные их крики взметнулись разом со всех сторон от него; фигурки их обступили его кольцом, а слепящее солнце выбеливало мед его плохо выкрашенной головы.

Прокуренный застоялый дух царил в кабинете, вместе с запахом кожи вытертых тускло-желтых кресел. Как в пер-

¹ Любовь матери (лат.).

вый день, когда мы с ним рядились тут. Как было вначале, так и ныне. Сбоку стоял подносик с монетами Стюарта, жалкое сокровище ирландских болот: и присно. И в футляре для ложек, на выцветшем алом плюше, двенадцать апостолов, проповедовавших всем языкам, и во веки веков.

Торопливые шаги по каменному крыльцу, в коридоре. Раздувая редкие свои усы, мистер Дизи остановился у стола.

— Сначала наши небольшие расчеты.

Он вынул из сюртука перетянутый кожаной ленточкой бумажник. Раскрыв его, извлек две банкноты, одну — из склеенных половинок, и бережно положил на стол.

— Два, — сказал он, вновь перетягивая и убирая бумажник.

Теперь в хранилище золотых запасов. Ладонь Стивена в неловкости блуждала по раковинам, лежавшим грудой в холодной каменной ступке: волнистые рожки, и каури, и багрянки, а эта вот закручена, как тюрбан эмира, а эта — гребешок святого Иакова. Добро старого пилигрима, мертвые сокровища, пустые ракушки.

Соверен, новенький и блестящий, упал на мягкий ворс скатерти.

— Три, — сказал мистер Дизи, вертя в руках свою маленькую копилку. — Очень удобная штучка. — Смотрите. Вот сюда совершены. Тут шиллинги, полукроны, шестипенсовики. А сюда — кроны. Смотрите.

Он высыпал на ладонь два шиллинга и две кроны.

— Три двенадцать, — сказал он. — По-моему, это правильно.

— Благодарю вас, сэр, — отвечал Стивен, с застенчивою поспешностью собирая деньги и пряча их в карман брюк.

— Не за что, — сказал мистер Дизи. — Вы это заработали.

Рука Стивена, освободившись, вернулась снова к пустым ракушкам. Тоже символы красоты и власти. Толика денег в моем кармане: символы, запятнанные алчностью и нищетою.

— Не надо их так носить, — предостерег мистер Дизи. — Где-нибудь вытащите и потеряете. Купите лучше такую же штукину. Увидите, как это удобно.

Отвечай что-нибудь.

— У меня она часто будет пустовать.

Те же место и час, та же премудрость: и я тот же. Вот уже трижды. Три петли вокруг меня. Ладно. Я их могу разорвать в любой миг, если захочу.

— Потому что вы не откладываете, — мистер Дизи

поднял вверх палец. — Вы еще не знаете, что такое деньги. Деньги — это власть. Вот поживете с мое. Уж я-то знаю. Если бы молодость знала. Как это там у Шекспира? «Набей потуже кошелек».

— Яго,— пробормотал Стивен.

Он поднял взгляд от праздных ракушек к глазам старого джентльмена.

— Он знал, что такое деньги,— продолжал мистер Дизи,— он их наживал. Поэт, но в то же время и англичанин. А знаете, чем англичане гордятся? Какие самые гордые слова у англичанина?

Правитель морей. Холодные как море глаза смотрели на пустынную бухту — повинна история — на меня и мои слова, без ненависти.

— Что над его империей никогда не заходит солнце.

— Ха! — воскликнул мистер Дизи.— Это совсем не англичанин. Это сказал французский кельт.

Он постукал своей копилкой о ноготь большого пальца.

— Я вам скажу,— объявил он торжественно,— чем он больше всего хвастает и гордится: «Я никому не должен».

Надо же, какой молодец.

— «Я никому не должен. Я за всю жизнь не занял ни у кого ни шиллинга». Вам понятно такое чувство? «У меня нет долгов». Понятно?

Маллигану девять фунтов, три пары носков, пару обуви, галстуки. Каррэну десять гиней. Макканну гинею. Фреду Райену два шиллинга. Темплу за два обеда. Расселу гинею, Казинсу десять шиллингов, Бобу Рейнольдсу полгиней, Келлеру три гиней, миссис Маккернан за комнату, пять недель. Малая моя толика бессильна.

— В данный момент нет,— ответил Стивен.

Мистер Дизи от души рассмеялся, пряча свою копилку.

— Я так и думал,— сказал он весело.— Но когда-нибудь вам придется к нему прийти. Мы народ щедрый, но справедливость тоже нужна.

— Я боюсь этих громких слов,— сказал Стивен,— они нам приносят столько несчастий.

Мистер Дизи вперил суровый взгляд туда, где над каминном пребывали дородные стати мужчины в клетчатом килте: Альберт Эдуард, принц Уэльский.

— Вы меня считаете старым замшелым тори,— молвил его задумчивый голос.— Со времен О'Коннелла я видел три поколения. Я помню голод. А вы знаете, что ложи оранжистов вели агитацию против унии за двадцать лет до того,

как этим стал заниматься О'Коннелл, причем попы вашей церкви его клеймили как демагога? У вас, фениев, короткая память.

Вечная, славная и благоговейная память. Алмазная ложа в Арме великолепно, заваленная трупами папистов. При оружии, в масках, плантаторы хриплыми голосами дают присягу. Черный север и истинная голубая библия. Берегись, стриженные.

Стивен сделал легкое движение.

— В моих жилах тоже кровь бунтарей,— продолжал мистер Дизи.— По женской линии. Но прямой мой предок — сэр Джон Блэквуд, который голосовал за унию. Все мы ирландцы, и все потомки королей.

— Увы,— сказал Стивен.

— *Per vias rectas*¹,— твердо произнес мистер Дизи.— Это его девиз. Он голосовал за унию и ради этого натянул ботфорты и поскакал в Дублин из Нижнего Ардса.

Трала-лала, трала-лала.

На Дублин путь кремнист.

Деревенщина-сквайр в седле, лоснящиеся ботфорты. Славный денек, сэр Джон. Славный денек, ваша честь... День-денек... День-денек... Ботфорты болтаются, трусят в Дублин. Трала-лала, трала-лала, трусят.

— Кстати, это напомнило мне,— сказал мистер Дизи.— Вы бы могли оказать мне услугу через ваши литературные знакомства. У меня тут письмо в газету. Вы не присядете на минутку, я бы допечатал конец.

Он подошел к письменному столу у окна, подвинул дважды свой стул и перечел несколько слов с листа, заправленного в пишущую машинку.

— Присаживайтесь. Прошу меня извинить,— сказал он через плечо.— *Законы здравого смысла*. Одну минутку.

Вглядываясь из-под косматых бровей в черновик возле своего локтя и бормоча про себя, он принялся тукать по тугим клавишам машинки, медленно, иногда отдуваясь, когда приходилось возвращать валик, чтобы стереть опечатку.

Стивен бесшумно уселся в присутствии августейшей особы. Развешанные по стенам в рамках, почтительно застыли изображения канувших в Лету лошадей, уставив кверху кроткие морды: Отпор лорда Гастингса, Выстрел герцога

¹ Прямым путем (лат.).

Вестминстерского, Цейлон герцога Бофора, взявший Парижский приз в 1866 году. На седлах легкие жокеи в чутком ожиданье сигнала. Он следил за их состязанием, поставив на королевские цвета, и сливал свои крики с криками канувших в Лету толп.

— Точка, — дал указание клавишам мистер Дизи. — *Однако скорейшее разрешение этого важного вопроса...*

Куда Крэнли меня привел, чтобы разом разбогатеть, таскались за его фаворитами среди грязью заляпанных бревков, орущих букмекеров у стоек, трактирной вони, месива под ногами. Один к одному на Честного Мятужника, на остальных десять к одному! Мимо жуликов, мимо игроков в кости спешили мы вслед за копытами, картузами и камзолами, и мимо мяснолицей зазнобы мясника, жадно всосавшейся в апельсин.

Пронзительные крики донеслись с поля и трель свистка.

Еще гол. Я среди них, в свалке их борющихся тел, на турнире жизни. Ты хочешь сказать, тот маменькин сынок, заморыш со слегка осовелым видом? Турниры. На встряску время отзывается встряской, раз за разом. Турниры, грязь и рев битв, застывшая предсмертная блевотина убитых, вопль копий, наживленных кровавыми человеческими кишками.

— Готово, — произнес мистер Дизи, вставая с места.

Он подошел к столу, скрепляя вместе свои листки. Стивен тоже поднялся.

— Я тут все выразил в двух словах, — сказал мистер Дизи. — Это насчет эпидемии ящура. Взгляните бегло, пожалуйста. Вопрос бесспорный.

Позволю себе вторгнуться на ваши уважаемые столбцы. Пресловутая политика невмешательства, которая столь часто в нашей истории. Наша скототорговля. Судьба всех наших старинных промыслов. Ливерпульская клика, похоронившая проект Голуэйского порта. Европейские конфликты. Перевозки зерна через узкие проливы. Завидная невозмутимость ведомства земледелия. Не грех вспомнить классиков. Кассандра. От женщины, не блиставшей добродетелью. Перейдем к сути дела.

— Я выражаюсь напрямик, вы согласны? — спросил мистер Дизи у читавшего Стивена.

Эпидемия ящура. Известен как препарат Коха. Сыворотка и вирус. Процент вакцинированных лошадей. Эпизоотии. Императорские конюшни в Мюрцштеге, Нижняя Австрия. Квалифицированные ветеринары. Мистер Генри

Блэквуд Прайс. Любезное предложение беспристрастной проверки. Законы здравого смысла. Вопрос чрезвычайно важен. Взять быка за рога в прямом и переносном смысле. Позвольте поблагодарить за предоставленную возможность.

— Я хочу, чтобы это напечатали и прочли,— сказал мистер Дизи.— Вот увидите, при следующей же вспышке они наложат эмбарго на ирландский скот. А болезнь излечима. И ее лечат. Как пишет мне родственник, Блэквуд Прайс, в Австрии специалисты научились бороться с ней и надежно вылечивают. Они предлагают приехать к нам. Я пробую найти ходы в ведомстве. Сейчас попытаюсь привлечь газеты. Но всюду столько препятствий... столько интриг... закулисных происков, что...

Подняв указательный палец, он, прежде чем продолжать, погрозил им стариковато в воздухе.

— Помяните мои слова, мистер Дедал,— сказал он.— Англия в когтях у евреев. Финансы, пресса: на всех самых высоких постах. А это признак упадка нации. Всюду, где они скапливаются, они высасывают из нации соки. Я это наблюдаю не первый год. Ясно как божий день, еврейские торгаши уже ведут свою разрушительную работу. Старая Англия умирает.

Он быстро отошел в сторону, и глаза его засветились голубизной, оказавшись в столбе солнечного света. Он оглянулся по сторонам.

— Умирает,— повторил он,— если уже не умерла.

И крики шлюх глухой порой,
Британия, ткнут саван твой.

Глаза его, расширенные представшим видением, смотрели сурово сквозь солнечный столб, в котором он еще оставался.

— Но торгаш,— сказал Стивен,— это тот, кто дешево покупает и дорого продает, будь он еврей или не еврей, разве нет?

— Они согрешили против света,— внушительно произнес мистер Дизи.— У них в глазах — тьма. Вот потому им и суждено быть вечными скитальцами по сей день.

На ступенях парижской биржи золотокожие люди показывают курс на пальцах с драгоценными перстнями. Гусиный гогот. Развязно и шумно толпятся в храме, под неуклюжими цилиндрами зреют замыслы и аферы. Все не их: и одежда, и речь, и жесты. Их выпуклые медлительные

глаза противоречили их словам, а жесты были пылки, но незлобивы, хотя они знали об окружающей вражде и знали, что их старания тщетны. Тщетно богатеть, запасать. Время разметет все. Богатство, запасенное у дороги, его разграбят и пустят по рукам. Глаза их знали годы скитаний и знали, смиренные, о бесчестье их крови.

— А кто нет? — спросил Стивен.

— Что вы хотите сказать? — не понял мистер Дизи.

Он сделал шаг вперед и остановился у стола, челюсть косо отвисла в недоумении. И это мудрая старость? Он ждет, пока я ему скажу.

— История, — произнес Стивен, — это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться.

На поле снова крики мальчишек. Трель свистка: гол. А вдруг этот кошмар даст тебе пинка в зад?

— Пути Господни неисповедимы, — сказал мистер Дизи. — Вся история движется к единой великой цели, явлению Бога.

Стивен, ткнув пальцем в окошко, проговорил:

— Вот Бог.

Урра! Эх! Фью-фьюйть!

— Как это? — переспросил мистер Дизи.

— Крик на улице, — отвечал Стивен, пожав плечами.

Мистер Дизи опустил взгляд и некоторое время подержал пальцами переносицу. Потом поднял взгляд и переносицу отпустил.

— Я счастливей вас, — сказал он. — Мы совершили много ошибок, много грехов. Женщина принесла грех в мир. Из-за женщины, не блиставшей добродетелью, Елены, сбежавшей от Менелая, греки десять лет осаждали Трою. Неверная жена впервые привела чужеземцев на наши берега, жена Макморро и ее любовник О'Рурк, принц Брефни. И Парнелла погубила женщина. Много ошибок, много неудач, но только не главный грех. Сейчас, на склоне дней своих, я еще борец. И я буду бороться за правое дело до конца.

Право свое, волю свою
Ольстер добудет в бою.

Стивен поднял руку с листками.

— Так, значит, сэр... — начал он.

— Сдается мне, — сказал мистер Дизи, — что вы не слишком задержитесь на этой работе. Вы не родились учителем. Хотя, возможно, я ошибаюсь.

— Скорее, я ученик, — сказал Стивен.

А чему тебе тут учиться?

Мистер Дизи покачал головой.

— Как знать? Ученик должен быть смиренным. Но жизнь — великий учитель.

Стивен опять зашуршал листками.

— Так насчет этого... — начал он.

— Да-да, — сказал мистер Дизи. — Я дал вам два экземпляра. Желательно, чтобы напечатали сразу.

«Телеграф». «Айриш Хомстед».

— Я попробую, — сказал Стивен, — и завтра вам сообщу. Я немного знаком с двумя редакторами.

— Вот и хорошо, — живо откликнулся мистер Дизи. — Вчера вечером я написал письмо мистеру Филду, Ч. П.¹. Сегодня в гостинице «Городской герб» собрание Ассоциации скотопромышленников. Я его попросил огласить мое письмо в этом собрании. А вы попробуйте через ваши газеты. Это какие?

— «Ивнинг телеграф»...

— Вот и хорошо, — повторил мистер Дизи. — Не будем же терять времени. Мне еще надо написать ответ тому родственнику.

— Всего доброго, — сказал Стивен, пряча листки в карман. — Благодарю вас.

— Не за что, — отозвался мистер Дизи, принимаясь рыться в бумагах у себя на столе. — Я, хоть и стар, сам люблю скрестить с вами копыя.

— Всего доброго, сэр, — повторил Стивен, кланяясь его склоненной спине.

Он вышел на крыльцо через открытые двери и зашагал под деревьями по гравийной дорожке, слыша звонкие голоса и треск клюшек. Львы покойно дремали на постаментах, когда он проходил мимо через ворота, беззубые чудища. Что ж, помогу ему в его баталии. Маллиган даст мне новое прозвище: быколубивый бард.

— Мистер Дедал!

Нагоняет меня. Надеюсь, не с новым письмом.

— Одну минутку!

— Да, сэр, — отозвался Стивен, поворачивая обратно к воротам.

Мистер Дизи остановился, запыхавшись, дыша прерывисто и тяжело.

¹ Члену парламента.

— Я только хотел добавить,— проговорил он.— Утверждают, что Ирландия, к своей чести, это единственная страна, где никогда не преследовали евреев. Вы это знаете? Нет. А вы знаете почему?

Лицо его сурово нахмурилось от яркого света.

— Почему же, сэр? — спросил Стивен, пряча улыбку.

— Потому что их сюда никогда не пускали,— торжественно объявил мистер Дизи.

Ком смеха и кашля вылетел у него из горла, потянув за собой трескучую цепь мокроты. Он быстро повернул назад, кашляя и смеясь, размахивая руками над головой.

— Их никогда сюда не пускали! — еще раз прокричал он сквозь смех, топая по гравию дорожки затянутыми в гетры ногами.— Вот почему.

Сквозь ажур листьев солнце рассыпало на его велемудрые плечи пляшущие золотые звездочки и монетки.

Неотменимая модальность зримого. Хотя бы это, если не больше, говорят моей мысли мои глаза. Я здесь, чтобы прочесть отметы сути вещей: всех этих водорослей, мальков, подступающего прилива, того вон ржавого сапога. Сопливо-зеленый, серебряно-синий, ржавый: цветные отметы. Пределы прозрачности. Но он добавляет: в телах. Значит, то, что тела, он усвоил раньше, чем что цветные. Как? А стукнувшись башкой об них, как еще. Осторожно. Он лысый был и миллионер, *maestro di color che sanno*¹. Предел прозрачного в. Почему в? Прозрачное, непрозрачное. Куда пролезет вся пятерня, это ворота, куда нет — дверь. Закрой глаза и смотри.

Стивен, закрыв глаза, прислушался, как хрустят хрупкие ракушки и водоросли у него под ногами. Так или иначе, ты сквозь это идешь. Иду, шагком за шагком. За малый шагком времени сквозь малый шагком пространства. Пять, шесть: это *nacheinander*². Совершенно верно, и это — неотменимая модальность слышимого. Открой глаза. Нет. Господи! Если я свалюсь с утеса грозного, нависшего над морем, свалюсь неотменимо сквозь *nebeneinander*³. Отлично передвигаюсь в темноте. На боку ясеневая шпага. Постукивай ею: они так делают. Ноги мои в его башмаках и его штанинах, *nebeneinander*. Звук твердый: выковано молотом *демиурга Лоса*. Не в вечность ли я иду по берегу Сэндимаун-

¹ Учитель тех, кто знает (*итал.* Данте. Ад, IV, 131).

² Друг за другом (*нем.*).

³ Друг подле друга (*нем.*).

та? Хруп-крак-скрип-скрип. Ракушки, деньги туземцев. Магистер Дизи в них дока.

Не придешь ли в Сэндимаунт,
Дороти-кобылка?

Смотри, вырисовывается ритм. Полный четырехстопник, шаги ямбов. Нет, галоп: *роти кобылка*.

Теперь открой глаза. Открываю. Постой. А вдруг все исчезло за это время? Вдруг я открою и окажусь навеки в черноте непрозрачного. Дудки! Умею видеть — буду видеть.

Что ж, смотри. Было на месте и без тебя; и пребудет, ныне и присно и во веки веков.

Они осторожно спустились по ступеням с Лихи-террас, *Frauenzimmer*¹; и по отлогому берегу косолапили вяло, в илестом увязая песке. Как я, как Элджи, стремятся к нашей могучей матери. У номера первого шверно болталась акушерская сумка, другая тыкала в песок большим зонтиком. На денек выбрались из слободки. Миссис Флоренс Маккейб, вдовица покойного Пэтка Маккейба с Брайд-стрит, горько оплакиваемого. Одна из ее товаров выволокла меня, скулящего, в жизнь. Творение из ничего. Что у нее в сумке? Выкидыш с обрывком пуповины, закутанный в рыжий лоскут. Пуповины всех идут в прошлое, единым проводом связуют-перевивают всю плоть. Вот почему монахи-мистики. Будете ли как боги? Всмотритесь в свои омфалы. Алло. Клинк на проводе. Соедините с Эдемом. Алеф, альфа: ноль, ноль, единица.

Супруга и сподручица Адама Кадмона: Хева, обнаженная Ева. У нее не было пупка. Всмотрись. Живот без изъяна, выпуклый тугокожий щит, нет, ворох белой пшеницы, восточной и бессмертной, сущей от века и до века. Лоно греха.

В лоне греховной тьмы и я был сотворен, не рожден. Ими, мужчиной с моим голосом, с моими глазами и женщиной-призраком с дыханием тлена. Они сливались и разделялись, творя волю сочетателя. Прежде начала времен Он возжелал меня и теперь уж не может пожелать, чтобы меня не бывало. С ним *lex eterna*². Так это и есть божественная сущность, в которой Отец и Сын единосущны? Где-то он, славный бедняга Арий, чтобы с этим поспорить? Всю жизнь

¹ Бабы (нем.).

² Вечный закон (лат.).

провоевал против единосверхвеликоеврейскотрахбабахсу-
щия. Злосчастный ересиарх. Испустил дух в греческом
нужнике — эвтанасия. В митре с самоцветами, с епископ-
ским посохом, остался сидеть на троне, вдовец вдовой
епархии, с задранным омофором и замаранной задницей.

Ветерки носились вокруг, пощипывая кожу преизрядно.
Вот они мчатся, волны. Храпящие морские кони, пенноуз-
дые, белогривые скакуны Мананаана.

Не забыть про его письмо в газету. А после? В «Ко-
рабль», в полпервого. И кстати, будь с деньгами поаккура-
тней, как примерный юный кретин. Да, надо бы.

Шаги его замедлились. Здесь. Идти к тете Саре или нет?
Глас моего единосущного отца. Тебе не попадался брат
твой, художник Стивен? Нет? А ты не думаешь, что он
у своей тетушки Салли на Страсбург-террас? Не мог залет-
еть повыше, а? А—а—а скажи-ка нам, Стивен, как там
дядюшка Сай? Это слезы божьи, моя родня по жене! Детки
на сеновале. Пьяненький счетоводишка и его братец-тру-
бач. Достопочтенные гондольеры. А косоглазый Уолтер
папашу величает не иначе как сэром. Да, сэр, нет, сэр.
Иисус прослезился — и не диво, ей-ей.

Я дергаю простуженный колокольчик их домика с за-
крытыми ставнями — и жду. Они опасаются кредиторов,
выглядывают из-за угла иль выступа стены.

— Это Стивен, сэр.

— Впускай его. Впускай Стивена.

Отодвигают засов, Уолтер меня приветствует:

— А мы тебя за кого-то приняли.

На обширной постели дядюшка Ричи, о подушках
и одеяле, простирает дюжее предплечье над холмами колен.
Чистогруд. Омыл верхний пай.

— День добрый, племянничек.

Откладывает дощечку, на которой составляет счета сво-
их издержек, для глаз мистера Недотеппи и мистера Три-
страма Тэнди, сочиняет иски и соглашения, пишет повестки
*Duces Tecum*¹. Над лысиной, в рамке мореного дуба, «Re-
quiescat»² Уайльда. Обманчивый свист его заставляет Уол-
тера вернуться.

— Да, сэр?

— Бражки Ричи и Стивену, скажи матери. Она где?

¹ «Берешь с собой» (*лат.*) — повестка о явке в суд с представлением
каких-либо документов или предметов.

² «Покойся» (*лат.*).

— Купает Криси, сэр.

Та любит с папочкой поваляться. Папочкина крошка-резвушка.

— Нет, дядя Ричи...

— Зови просто Ричи. К чертям сельтерскую. От нее тупеешь. Вуиски!

— Нет, дядя Ричи, правда...

— Да садись, черт дери, не то как двину сейчас.

Уолтер тщетно косит глазами в поисках стула.

— Ему не на что сесть, сэр.

— Ему некуда свою опустить, болван. Тащи сюда чиппендейловское кресло. Хочешь перекусить? И брось тут свои ужимки. Поджарить ломоть сала с селедкой? Точно нет? Тем лучше. В доме шаром покати, одни пилуоли от поясницы.

All'erta!¹

Насвистывает из *aria di sortita*² Феррандо. Грандиознейший номер, Стивен, во всей опере. Слушай.

Вновь раздается его звучный свист с мелодичными переходами, шумно вырывается воздух, могучие кулаки отбивают такт по ватным коленям.

Этот ветер мягче.

Распад в домах: у меня, у него, у всех. В Клонгоузе ты сочинял дворянским сынкам, что у тебя один дядя судья, а другой — генерал. Оставь их, Стивен. Не здесь красота. И не в стоячем болоте библиотеки Марша, где ты читал пожелтевшие пророчества аббата Иоахима. Для кого? Стоглавая чернь на паперти. Возненавидевший род свой бежал от них в чащу безумия, его грива пенилась под луной, глаза сверкали, как звезды. Гуигнгм с конскими ноздрями. Длинные лошадиные лица. Темпл, Бык Маллиган, Кемпбелл-Лис, Остроскулый. Отче аббат, неистовый настоятель, что за обида так разожгла им головы? Пафф! *Descende, calve, ut ne nimium decalveris*³. С венчиком седовласым на главе, обреченной карам, вижу его себя ковыляющим вниз на солею (*descende!*), сжимающим дароносицу, василискоглазым. Слезай, лысая башка! У рогов жертвенника хор эхом повторяет угрозу, гнусавую латынь попов-лицемеров, грузно шлепающих в своих сутанах, отонзуренных, умашенных и холощенных, тучных от тучной пшеницы.

¹ Будь на страже! (*итал.*)

² Входная ария (*итал.*).

³ Спустись, плешивец, чтобы вовсе не оплешивел (*лат.*).

А может быть, вот в эту минуту священник где-то рядом возносит дары. Динь-динь! А через две улицы другой запирает их в дарохранилище. Дон-дон! А третий в часовне богородицы заправляется всем причастием в одиночку. Динь-динь! Вниз, вверх, вперед, назад. Досточтимый Оккам думал об этом, непобедимый доктор. Английским хмурым утром чертячья ипостась щекотала ему мозги. Когда он опускал свою гостию и становился на колени, он слышал, как второй звонок его колокольчика сливается с первым звонком в трансепте (он поднимает свой), а поднимаясь, слышал (теперь я поднимаю), как оба колокольчика (он становится на колени) звенят дифтонгом.

Кузен Стивен, вам никогда не бывать святым. Остров святых. Ведь ты был прямо по уши в святости, а? Молился Пресвятой Деве, чтобы нос был не такой красный. Молился дьяволу на Серпентайн-авеню, чтобы дородная вдова впереди еще повыше задрала бы юбки из-за луж. *O si, certo!*¹ Продай за это душу, продай, за крашенные тряпки, подоткнутые бабенкой. И еще мне порасскажи, еще! На верхней площадке трамвая в Хоуте один вопил в дождь: *голые бабы!* Что скажешь про это, а?

Про что про это? А для чего еще их выдумали?

А не набирал что ни вечер по семи книг, прочесть из каждой по две страницы? Я был молод. Раскланивался сам с собой в зеркале, пресерьезно выходил на аплодисменты, поразительное лицо. Ура отпетому идиоту! Урря! Никто не видел — никому не рассказывай. Собирался написать книги, озаглавив их буквами. А вы прочли его «Ф»? Конечно, но я предпочитаю «К». А как изумительна «У». О да, «У»! Припомни свои эпифании на зеленых овальных листьях, глубочайше глубокие, копии разослать в случае твоей кончины во все великие библиотеки, включая Александрийскую. Кому-то предстояло их там прочесть через тысячи лет, через махаманвантару. Как Пико делла Мирандола. Ага, совсем как кит. Читая одну за одной страницы одинокого однодума кого уж нет не одну сотню лет будто сливаешься заодно с тем одиночкой который как-то однажды...

Зернистый песок исчез у него из-под ног. Ботинки снова ступали по склизким скрипучим стеблям, острым раковинам, визгливой гальке, что по несметной гальке шелестит, по дереву, источенному червями, обломкам Армады. Топкие окошки песка коварно подстерегали его подошвы,

¹ О да, бесспорно! (итал.)

смердя сточными водами. Он осторожно обходил их. Пивная бутылка торчала по пояс в вязком песочном тесте. Часовой: остров смертельной жажды. Поломанные обручи у самой воды, на песке хитрая путаница почернелых сетей, подальше задние двери с каракулями мелом и выше по берегу веревка с двумя распятыми на ней рубахами. Рингсэнд: вигвамы бронзовых шкиперов и рулевых. Раковины людей.

Он остановился. Прошел уже поворот к тете Саре. Так что, не иду туда? Похоже, нет. Кругом ни души. Он повернул на северо-восток и через более твердую полосу песка направился в сторону Голубятни.

— Qui vous a mis dans cette fichue position?

— C'est le pigeon, Joseph¹.

Патрис, отпущенный на побывку, лакал теплое молоко со мной в баре Макмагона. Сын дикого гуся, Кевина Игена Парижского. Отец мой был птицей, он лакал lait chaud² розовым молодым языком, пухлая мордочка, как у кролика. Лакай, lapin³. Надеется выиграть в gros lots⁴. О женской природе он читал у Мишле. Но он мне должен прислать «La Vie de Jésus»⁵ мсье Лео Таксиля. Одолжил какому-то другу.

— C'est tordant, vous savez. Moi, je suis socialiste. Je ne crois pas en l'existence de Dieu. Faut pas le dire à mon père.

— Il croit?

— Mon père, oui.

Schluss⁶. Лакает.

Моя шляпа в стиле Латинского квартала. Клянусь богом, мы же должны поддерживать репутацию. Желая бордовые перчатки. А ты ведь учился, верно? Чему только, ради всех чертей? Ну как же: эфхабе. Физика-химия-биология. А-а. Съедал на грош mon en civet⁷, мяса из котлов

¹ — Кто ж тебя привел в это положеньице?

— Да голубь, Иосиф (франц.).

² Теплое молоко (франц.).

³ Кролик (франц.).

⁴ Лотерея (франц.).

⁵ «Жизнь Иисуса» (франц.).

⁶ — Знаете, прямо обхохочешься. Я сам социалист. Я в существование бога не верю. Только отцу моему не говорите.

— А он верующий?

— Отец-то, да (франц.).

Закончили (нем.).

⁷ Похлебка из легких (франц.).

фараоновых, втиснувшись между рыгающими извозчиками. Скажи этак непринужденно: когда я был в Париже, знаете, Буль-Миш, я там имел привычку. Да, привычку носить с собой старые билеты, чтобы представить алиби, если обвинят в каком-нибудь убийстве. Правосудие. В ночь на семнадцатое февраля 1904 года арестованного видели двое свидетелей. Это сделал другой: другой я. Шляпа, галстук, пальто, нос. Lui, c'est moi¹. Похоже, что ты не скучал там.

Гордо вышагивая. А чьей походке ты пробовал подражать? Забыл: кто-то там обездоленный. В руках перевод от матери, восемь шиллингов, и перед самым носом швейцар захлопывает дверь почты. Зубы ломит от голода. Epsoce deux minutes². Посмотрите на часы. Мне нужно получить. Fermé³. Наемный пес! Ахнуть в него из дробовика, разнести в кровавые клочья, по всем стенкам человечьи клочья медные пуговицы. Клочья фрррр фрррр щелк — все на место. Не ушиблись? О нет, все в порядке. Рукопожатие. Вы поняли, о чем я? О, все в порядке. Пожапожатие. О, все в полном порядке.

Ты собирался творить чудеса, да? В Европу миссионером, по стопам пламенного Колумбана. На небе Фиакр и Скот даже из кружек пролили, громопокатываясь с латиносмеху на своих табуретках: Euge! Euge!⁴ Нарочно коверкая английский, сам тащил чемодан, носильщик три пенса, по скользкому причалу в Ньюхейвене. Comment?⁵ Привез знатные трофеи: «Le Tutu»⁶, пять истрепанных номеров «Pantalon Blanc et Culotte Rouge»⁷, голубая французская телеграмма, показать как курьез:

— Нать умирает возвращайся отец.

Тетка считает ты убил свою мать. Поэтому запретила бы.

За тетку Маллигана бокал
Мы выпьем дружно до дна.
Она приличья свято блюдет
В семье у Ханнигана.

Ноги его зашагали в неожиданном гордом ритме по

¹ Он — это я (франц.).

² Еще без двух минут (франц.).

³ Закрыто (франц.).

⁴ Славно! Славно! (лат.)

⁵ Как? (франц.)

⁶ «Балетная пачка» (франц.).

⁷ «Белые панталоны и красные рейтузы» (франц.).

песчаным ложбинкам, вдоль южной стены из валунов. Он гордо глядел на них, мамонтовы черепа тесаного камня. Золотистый свет на море, на валунах, на песке. Там солнце, гибкие деревца, лимонные домики.

Париж просыпается, поживаясь, резкий свет солнца заливает его лимонные улицы. Дух теплых хлебцев и лягушино-зеленого абсента, фимиамы парижской заутрени, ласкают воздух. Проказник встает с постели жены любовника своей жены, хлопочет хозяйка в платочке, в руках у ней блюдец с уксусной кислотой. У Родо Ивонна и Мадлен подновляют свои помятые прелести, сокрушая золотыми зубами *chaussons*¹, рты у них желтые от *pus*² из *flan breton*³. Мелькают мимо лица парижских Парисов, их угодников, которым на славу угодили, завитых конквистадоров.

Полуденная дрема. В пальцах, черных от типографской краски, Кевин Иген катает начиненные порохом сигареты, потягивая зеленое зелье, как Патрис белое. Кругом нас обжоры яро запихивают себе в глотки наперченные бобы. *Un demi setier!*⁴ Струя кофейного пара над блестящим котлом. По его знаку она подходит ко мне. *Il est irlandais. Hollandais? Non fromage. Deux irlandais, nous, Irlande, vous savez? Ah, oui!*⁵ Она решила, вы хотите голландского сыру. На послетрапезное, слышали это слово? Послетрапезное. Я знал одного малого в Барселоне, такой, со странностями, он всегда это называл послетрапезным. Ну что же, *slainte!*⁶ Над мраморными столиками смешенье хмельных дыханий, урчащих рыл. Его дыхание нависает над нашими тарелками в пятнах соуса, меж губ зеленые следы абсента. Об Ирландии, о Далькассиях, о надеждах и заговорах, теперь об Артуре Гриффите. Чтобы и я с ним впрягся в одно ярмо, наши преступления — наше общее дело. Вы сын своего отца. Я узнаю голос. Испанские кисти на его бумазейной рубаше в кроваво-красных цветах трепещут от его тайн. Мсье Дрюмон, знаменитый журналист, знаете, как он называл королеву Викторию? Старая желтозубая ведьма. *Vieille orgesse с dents jaunes*⁷.

¹ Слоеные пирожки (франц.).

² Гной (франц.).

³ Бретонское пирожное (франц.).

⁴ Полчашечки! (франц.)

⁵ Он ирландец. Голландский? Не сыр. Мы двое ирландцев, Ирландия, понимаете? А, да-да! (франц.)

⁶ Будем здоровы! (ирл.).

⁷ Старая людоедка с желтыми зубами (франц.).

Мод Гонн, изумительная красавица, «La Patrie»¹, мсье Мильвуа, Феликс Фор, знаете, как он умер? Эти сластолюбцы. Фрекен, *bonne à tout faire*², растирает мужскую наготу в бане в Упсале. *Moi faire*, говорит. *Tous les messieurs*³. Только не этому мсье, я говорю. Этакий распутный обычай. Баня — дело интимное. Я даже брату бы не позволил, родному брату, это сущий разврат. Зеленые глаза, вижу вас. Чую абсент. Развратные люди.

Голубым смертоносным огоньком разгорается фитиль меж ладоней. Рыхлые волокна табака занимаются; пламя и едкий дым освещают наш угол. Грубые скулы под его фуражкой ольстерского боевика. Как бежал главный центр, подлинная история. Переделся новобрачной, представляете, фата, флердоранж, и укатил по дороге на Малахайд. Именно так, клянусь. Об ушедших вождях, о тех, кого предали, о безумных побегах. Переодетые, пойманные, сгинувшие — их больше нет.

Отвергнутый влюбленный. В ту пору, надо вам сказать, я был этакий деревенский здоровяк, как-нибудь покажу карточку. Клянусь, был таким. Влюбленный, ради ее любви он прокрался с полковником Ричардом Берком, таном своего клана, к стенам Клеркенуэллской тюрьмы и сквозь туман видел, припав к земле, как пламя мщенья швырнуло их вверх. Обращаются в осколки стекло и камень. В веселом городке Париже скрывается он, Иген Парижский, и никто не разыскивает его, кроме меня. Его дневные пристанища, обшарпанная печатня, его три трактирчика, да логово на Монмартре, где коротает он недолгие ночные часы, на *рю де ла Гутт-д'Ор*, дорогое убранство по стенам — засиженные мухами лица ушедших. Без любви, без родины, без жены. А она себе поживает тепло и мило без своего изгнанника, эта мадам на *рю Жи-ле-Кер*, с канарейкой и двумя франтами-постояльцами. Щечки с пушком, полосатая юбка, игривость, как у молоденькой. Отвергнутый и неунывающий. Скажите Пэту, вы меня видели, хорошо? Я как-то пробовал приискать ему, бедняге, работу. *Mon fils*⁴, солдат Франции. Я его учил петь «Ребята в Килкенни лихие удальцы». Знаете эту старую песню? Я научил ей Патриса. Старый Килкенни: святой Канис, замок Стронгбоу на Норе. А мотив такой: *э-эй*. За руку Нэппер Тэнди взял меня.

¹ «Родина» (франц.).

² Прислуга за все (франц.).

³ Моя делать... все господа (франц.).

⁴ Мой сын (франц.).

Э-эй, ребята
В Килкенни...

Слабая, высохшая рука на моей руке. Они забыли Кевина Игена, но не он их. Воспомню тебя, о Сионе.

Он подошел ближе к морю, сырой песок облепил подошвы. Свежий ветер приветно пахнул в лицо, буйный ветер, напоенный лучами, бередящий, как струны, буйные нервы. Я что, собрался идти до самого маяка? Он резко остановился, ноги тут же начали вязнуть. Назад.

Повернув, он оглядел берег к югу, ноги снова начали вязнуть, в новых лунках. Вон башня, холодная сводчатая комната ждет. Снопы света из окон безостановочно движутся, медленно и безостановочно, как вязнут ноги в песке, ползут к сумеркам по полу-циферблату. Синие сумерки, опускается ночь, синяя глубокая ночь. В сводчатой темноте они ждут, их отодвинутые стулья и мой чемодан-обелиск, вокруг стола с оставленными тарелками. Кому убирать? Ключ у него. Я не буду спать там сегодня ночью. Безмолвная башня с закрытой дверью погребла в себе их слепые тела, сахиба — охотника на пантер и его пойнтера. Зов безответен. Он вытащил увязшие ноги и двинулся назад вдоль дамбы из валунов. Все берите, владейте всем. Со мной шагает душа моя, форма форм. Так в лунные стражи торю я тропу над черно-серебристыми скалами, слыша искусительный поток Эльсинора.

Поток догоняет меня. Отсюда мне видно. Тогда возвращайся дорогой на Пулбег, от воды подальше. Он пробрался по скользким водорослям, через осоку, и уселся на скальный стул, пристроив тросточку в расселину.

Вздувшийся труп собаки валялся на слое тины. Перед ним — лодочный планшир, потонувший в песке. Un coche ensablé¹, назвал Луи Вейо прозу Готье. Эти грузные дюны — язык, принесенный сюда приливом и ветром. А там каменные пирамиды мертвых строителей, садки злобных крыс. Там прятать золото. Попробуй. У тебя есть. Пески и камни. Обремененные прошлым. Игрушки сэра Лута. Берегись, как бы не получить по уху. Я свирепый великан, тут валуны валяю и по костям гуляю. Фу-фу-фу. Чую, ирландским духом пахнет.

Точка, увеличиваясь на глазах, неслась на него по песчаному пространству: живая собака. О боже, она набросится

¹ Повозка в песке (франц.).

на меня? Уважай ее свободу. Ты не будешь ничьим господином и ничьим рабом. У меня палка. Сиди спокойно. Подальше наискось бредут к берегу из пенистого прилива чьи-то фигуры, две. Две мариин. Надежно запрятали ее в тростниках. Ку-ку. Я тебя вижу. Нет, собаку. Бежит обратно к ним. Кто?

Лады лохланнов причаливали тут к берегу в поисках добычи, кровавоклювые носы их низко скользили над расплавленным оловом прибора. Датчане-викинги, бармы томагавков блестят на груди у них, как храбрый Мэйлахи носил на шее обруч золотой. Стая кашалотов прибилась к берегу в палящий полдень, пуская фонтаны, барахтаясь на мели. И тут, из голодного города за частоколом — орда карликов в кургузых полукафтанных, мой народ, с мясницкими ножами, бегут, карабкаются, кромсают куски зеленого, ворванью пропахлого мяса. Голод, чума и бойни. Их кровь в моих жилах, их похоти бурлят во мне. Я шел среди них по замерзшей Лиффи, другой я, подменьш, среди плюющихся смолой костров. Не говорил ни с кем; и со мной никто.

Собачий лай приближался, смолкал, уносился прочь. Собака моего врага. Я стоял неподвижно, безмолвный, бледный, затравленный. *Terribilia meditans*¹. Лимонный камзол, слуга фортуны, посмеивался над моим страхом. И это тебя манит, собачий лай их аплодисментов? Самозванцы: прожить их жизни. Брат Брюса, Томас Фицджеральд, шелковый рыцарь, Перкин Уорбек, лжеотпрыск Йорка, в бело-розовых шелковых штанах, однодневное диво, и Лэмберт Симнел, со свитой карлов и маркитантов, венчаный поваренок. Все потомки королей. Рай для самозванцев и тогда и теперь. Он спасал утопающих, а ты боишься визга дворняги. Но придворные, что насмехались над Гвидо в Ор-сан-Микеле, были у себя в доме. В доме... На что нам твоя средневековая заумь! Сделал бы ты, как он? Рядом была бы лодка, спасательный буй. *Natürlich*², для тебя специально. Сделал бы или нет? Человек, утонувший девять дней назад возле Мейденрок. Сейчас ждут всплытия. Скажи-ка начистоту. Я хотел бы. Я попытался бы. Я слабовато плаваю. Вода холодная, мягкая. Когда я окунул голову в таз, в Клонгоузе. Ничего не вижу! Кто там за мной? Скорей обратно, скорей! Видишь, как быстро прилив прибывает со всех сторон, как быстро заполняет все ложбинки

¹ Ужасное помышляя (лат.).

² Конечно (нем.).

песков, цвета шелухи от бобов какао? Если бы под ногами была земля. И все равно хочу, чтобы его жизнь была его, а моя моей. Утопленник. Его человечьи глаза кричат мне из ужаса его смерти. Я... Вместе с ним на дно... Я не мог ее спасти. Вода — горькая смерть — сгинул.

Женщина и мужчина. Вижу ее юбочки. Похоже, подоткнуты.

Их пес суетился возле осыпающейся грядки песка, рыскал вокруг, обнюхивая со всех сторон. Что-то ищет, что потерял в прошлой жизни. Внезапно он помчался, как заяц, уши назад, погнавшись за тенью низко летящей чайки. Резкий свист мужчины ударил в его вислые уши. Он повернул и помчался назад, приблизился, мелькающие лапы перешли на рысцу. В червленом поле олень бегущий, цвета природного, без рогов. У кружевной кромки прилива остановился, упершись передними копытами, насторожив уши к морю. Задравши морду, облаял шумные волны, стада моржей. Они подползали к его ногам, закручиваясь кольцами, вспенивая, каждая девятая, белый гребень, разбиваясь, расплескиваясь, издали, из дальнего далека, волны и волны.

Сборщики моллюсков. Они зашли в воду, нагнувшись, окунули свои мешки, вытащили, вышли обратно. Пес с визгом подбежал к ним, вскинулся на них лапами, потом опустил лапы на песок, потом снова вскинул их на хозяев с немою медвежатой лаской. Оставленный без взаимности, он потрусил следом за ними на сухое, и тряпка волчьего языка краснопыхтела из пасти. Пятнистое его тело трусцой выдвинулось вперед, потом вдруг припустило телячьим галопом. Собачий труп лежал у него на пути. Он остановился, обнюхал, обошел кругом, братаец, обнюхал тщательней, сделал еще один обход, быстро, по-собачьи, обнюхивая всю грязную шкуру дохлого пса. Песий череп, песий нюх, глаза в землю, движется к единой великой цели. Эх, пес-бедолага! Здесь лежит тело пса-бедолага.

— Пададь! Живо оттуда, псина!

Присмирив от окрика, он вернулся, и несильный пинок босой хозяйской ноги швырнул его, сжавшегося на лету, за грядку песка. Подался обратно, описав вороватую кривую. Не видит меня. У края дамбы задержался, посуетился, обнюхал валун и помочился на него, задрав заднюю ногу. Потрусил вперед, задрал снова заднюю ногу и быстро, коротко помочился на необнюханый валун. Простые радости бедняков. Потом задние лапы стали раскидывать песок;

потом передние принялись грести, рыть. Что-то он тут хоронит, бабку свою. Он вгрызлся в песок, разребая, раскидывая; остановился, прислушался, снова принялся рыть яростными когтями, но вскоре перестал, леопард, пантера, зачатый в прелюбодействе, пожирающий мертвых.

После того как он меня разбудил этой ночью, тот же самый сон или? Постой. Открытая дверь. Квартал проституток. Припомни. Гарун-аль-Рашид. Ага, постепенькаю. Тот человек вел меня и говорил что-то. Я не боялся. У него была дыня, он ее поднес мне к лицу. Улыбался; сливками пахнул плод. Таков обычай, сказал он. Входи. Красный ковер расстелен. Увидишь кто.

Взвалив на плечи мешки, тащились они, краснокожие египтяне. Цыгане. Его посинелые ноги в подвернутых штанах шлепали по сырому липучему песку, темнокирпичный шарф охлестнул небритую шею. Женской походкой она семенит за ним: разбойник и его девка. Добыча их болтается у нее за спиной. Босые ноги ее облеплены песком, осколками ракушек, волосы распушились вокруг обветренного лица. За своим господином его сподручица — в град столичный. Когда ночь скроет изъяны тела, она зазывает, закутанная в темную шаль, из подворотни, где гадят псы. Дружок ее угощает двух королевских стрелков у О'Локлина на Блэкпиттсе. А подружка, это по их блатной музыке маруха, потому что «Эх, фартовая маруха». Белизна дьяволицы под ее вонючими тряпками. В ту ночь на Фамболлилейн: смердящая сыромятня.

Эх, фартовая маруха,
На молодчика присуха!
Маркоташки-голубки,
Выйди в ночь под дубки.

Безотрадное услаждение называет это пузатый Аквинат, *frate roscospino*¹. Адам непадший покрывал и не ведал похоти. Пускай распевает: *Маркоташки-голубки*. Язык ничуть не хуже, чем у него. Речь монахов, четки бормочут у поясов; блатная речь, литое золото брякает в карманах. Проходят мимо.

Покосились на мою Гамлетову шляпу. Если бы я тут вдруг оказался голым? Я не гол. Через пески всего мира, на

¹ Брат-дикобраз (*итал.*).

запад, к закатным землям их путь, за ними пламенный меч солнца. Она влачит, транспортирует, шлепнит, тащит, трашинит бремя свое. Прилив по пятам за ней, влекомый луной на запад. Приливы с мириадами островов у нее внутри, кровь, не моя, *ойнопа понтон*, винноцветное море. Се раба лунная. Во сне влажный знак будит ее в урочный час, восстать побуждая с ложа. Брачное ложе, детское ложе, ложе смерти в призрачном свете свечей. *Omnia caro ad te veniet*¹. Грядет он, бледнолицый вампир, сверкают глаза сквозь бурю, паруса, крылья нетопыря, кровавят море, уста к ее лобзающим устам.

Так. Пришилим-ка этого молодца, а? Где грифель мой. Уста ее в лобзанье. Нет. Надо, чтоб были двое. И склей их вместе. Уста к ее лобзающим устам.

Его губы ловили и лобзали бесплотные губы воздуха: уста к тому, чем породила. Иила, лоно всех могила. Уста округлились, но выпускали одно дыхание, бессловесно: ооиииаа: рев рушащихся водопадом планет, шарообразных, раскаленных, ревуших: прочь-прроочь-прроочь-прроочь. Бумаги мне. Деньги, разрази их. Письмо старины Дизи. Вот. Благодарю за предоставленную возможность оторвать свободный клочок. Повернувшись к солнцу спиной и низко склонившись к каменному столу, он принялся строчить слова. Второй раз забываю взять чистые бланки в библиотеке.

Тень его лежала на скале, над которой он склонился, оканчиваясь. А почему не бесконечна, не до самой дальней звезды? Они темны там, за пределами света, тьма в свете светит, дельта Кассиопеи, миры. Мое я сидит здесь с ясеневым жезлом жреца, в заемных сандалиях, днем возле свинцово-серого моря, незримо, в лиловой ночи движется под эгидою загадочных звезд. Я отбрасываю от себя эту оконеченную тень, неотменимый антропоконтур, призываю ее обратно. Будь бесконечна, была бы она моей, формой моей формы? Кто здесь видит меня? Кто прочтет где-нибудь и когда-нибудь слова, что я написал? Значки по белому полю. Кто-нибудь и кому-нибудь твоим самым сладкозвучным голосом. Добрый епископ Клойнский извлек храмовую завесу из своей пасторской шляпы: завесу пространства с цветными эмблемами, вышитыми по ее полю. Постой, подумай. Цветные на плоском: да, именно. Я вижу плоское, а мыслю расстояние, вблизи, вдали, а вижу пло-

¹ ...к Тебе прибегает всякая плоть (*лат.* Пс 63,3).

ское, на восток, сзади. Ага, понятно! Внезапно падает и застывает в стереоскопе. Шелк — и весь фокус. Вам кажутся темными мои слова. Тьма в наших душах, этого вам не кажется? Сладкозвучней. Наши души, стыдом язвимые за наши грехи, еще теснее льнут к нам, как женщина, льнущая к возлюбленному, теснее, еще теснее.

Она доверяется мне, у нее нежная рука, глаза с длинными ресницами. Куда только, шут меня возьми, я тащу ее за завесу? В неотменимую модальность неотменимой зримости. Она, она, она. Что она? Дева у витрины Ходжеса Фиггиса в понедельник, искала одну из тех алфавитных книг, что ты собирался написать. Ты в нее так и впился взглядом. Запястье продето в плетеную петлю зонтика. Живет в Лисон-парке, на чувствах и розовых лепестках, литературная дама. Рассказывай, Стиви: просто уличная. Клянусь, она носит эти уродские пояса с резинками и желтые чулки, штопанные толстой шерстью. Поговори про яблочные пирожки, *piuttosto*¹. И где твой разум?

Коснись меня. Мягкий взгляд. Мягкая мягкая мягкая рука. Я одинок здесь. О, коснись меня скорее, сейчас. Что это за слово, которое знают все? Я здесь один, я тих. Я печален. Коснись же, коснись меня.

Он растянулся навзничь на острых скалах, засунув в карман карандаш и исписанный клочок, надвинув на глаза шляпу. Это в точности жест Кевина Игена, когда он устраивается вздремнуть, посубботствовать. *Et vidit Deus. Et erant valde bona*². Алло! Бонжур, добро пожаловать, рады вам, как майским цветам. Под ее укрытием, сквозь павлиньих подрагиванье ресниц, он глядел на южнеющее солнце. Тут как в раскаленной печи. Час Пана, полуденный отдых фавна. Среди соконалитых змеерастений, млекоточивых плодов, где широко раскинулись листья на бронзовоцветных водах. Боль далеко.

Не прячь глаза и не скорби.

Взор его поскорбел над тупоносими башмаками, быка обносками *nebeneinander*. Он сосчитал вмятины на покоробленной коже, в которой удобно гнездилась прежде нога другого. Нога, что мерно пристукивала по земле, неприятная мне нога. Ты был, однако, в восторге, когда башмачок Эстер Освальт подошел тебе, знакомая девица

¹ Скорее (*итал.*).

² И увидел Бог... и вот, хорошо весьма (*лат.* Бытие, 1, 31).

в Париже. *Tiens, quel petit pied!*¹ Верный друг, братская душа: любовь Уайльда, та, что назвать себя не смеет. Теперь он бросит меня. А чья вина? Каков я есть. Каков я есть. Все или ничего.

Длинными упругими петлями струился поток из озера Кок, зелено-золотистым заполняя песчаные лагуны, набирая силу, струясь. Этак тросточка моя уплывет. Подожду. Нет, минует, ударяясь в низкие скалы, завиваясь в воронки, минуя. Давай лучше побыстрее с этим делом. Слушай: четырехсловная речь волн — *сиссс суссс пыссс фсс*. Ярое дыхание вод средь морских змеев, вздыбленных коней, скал. Они плещутся в чашах скал: плеск — плям— плен: пленены в бочках. И, иссякая, речь их стихает. Они льются, журча, широко разливаясь, неся гроздь пены, распускающиеся цветы.

Он видел, как под закипающим приливом извиваются водоросли, истомленно поднимая и колебля слабо противящиеся руки, задирая подолы, в шепчущих струях колебля и простирая вверх робкие серебристые ростки. День за днем, ночь за ночью, захлестнуты — вздымаются — опадают вновь. Боже, они устали; и под шепот струй к ним, вздыхают. Святому Амвросию вняты были эти вздохи волн и ветвей, ждущих, жаждущих исполнения своих сроков: *diebus ac noctibus iniurias patiens ingemiscit*². Без цели собраны, без пользы отпущены; склонятся вперед — вернуться назад: ткацкий станок луны. Как они, истомленная, под взглядами любовников, сластолюбивых мужчин, нагая женщина, сияющая в своих чертогах, влачит она бремя вод.

Там будет сажений пять. Отец твой спит на дне морском, над ним сажений пять. В час, он сказал. Найден утопленник. Полный прилив на Дублинской отмели. Гонит перед собой наносы гальки, случайные ракушки, широкие стай рыбы. Труп, выбеленный солью, всплывает из отката, покачивается к берегу, едет-едет сам-сам, самец. Вон он. Цепляй живо. Хотя над ним волны сомкнулись очертанья. Готово, наш. Полегче теперь.

Мешок трупных газов, сочащийся зловонной жижей. Стайка мальков, отъевшихся на рыхлом лакомстве, стрелой вылетает через щели его застегнутой ширинки. Бог стал человеком человек рыбой рыба гагарой гагара перинной горой. Дыханьями мертвых дышу я живой, ступаю по праху

¹ Смотри-ка, какая маленькая нога! (*франц.*)

² Денно и ночью, претерпевая несправедливости, стонет (*лат.*).

мертвых, пожираю мочой пропитанную требуху от всех мертвых. Мешком переваленный через борт, он испускает смрад своей зеленой могилы, лепрозная дыра носа храпит на солнце.

Морской сюрприз, соль высинила карие глаза. Морская смерть, мягчайшая из всех, ведомых человеку. Древний отец Океан. Парижский приз — остерегайтесь подделки. Рекомендуем проверить. Мы получили огромное удовольствие.

Ступай. Пить хочется. Собираются облака. А тучи где-нибудь есть, нет? Гроза. Сверкая, он низвергается, гордая молния разума, *Lucifer, dico, qui nescit occasum*¹. Нет. В шляпе, с посохом бреду, башмаки стучат. Его-мои башмаки. Куда? В закатные земли, в страну вечернюю. Вечер обретет себя.

Он взял тросточку за эфес, сделал ею легкий выпад, еще в нерешительности. Да. Вечер обретет себя во мне — без меня. Все дни приходят к концу. Кстати, на той неделе, когда там во вторник самый длинный день. Несет нам радость новый год, о мать, тарам-пам-пам. Благородному поэту Лаун-Теннисону. *Già*². Старой желтозубой ведьме. И мсье Дрюмону, благородному журналисту. *Già*. А зубы у меня совсем плохие. Почему, интересно? Пощупай. Этот тоже шатается. Скорлупки. Надо бы, наверно, к зубному на эти деньги, а? И тот. Беззубый Клинк, сверхчеловек. Почему это, интересно, или, может, тут что-то кроется?

Платок мой. Он забрал. Помню. А я назад не забрал?

Рука тщетно пошарила в карманах. Нет, не забрал. Лучше другой купить.

Он аккуратно положил сухую козьявку, которую уколупнул в носу, на выступ скалы. Желающие пусть смотрят.

Позади. Кажется, кто-то есть.

Он обернулся через плечо, взирая назад. Пронося в воздухе высокие перекладины трех мачт, с парусами, убранными по трем крестам салингов, домой, против течения, безмолвно скользя, безмолвный корабль.

¹ Люцифер, говорю я, который не знает падения (*лат.*).

² Уже (*итал.*).

Мистер Леопольд Блум с удовольствием ел внутренние органы животных и птиц. Он любил жирный суп из гусиных потрохов, пупки с орехами, жареное фаршированное сердце, печенку, поджаренную ломтиками в сухарях, жареные наважьи молоки. Всего же больше любил он бараньи почки на углях, которые оставляли во рту тонкий привкус с отдаленным ароматом мочи.

Почки не выходили из головы у него, пока он, стараясь тихо ступать, собирал для нее завтрак на горбатом подносе. На кухне было прохладно, даже зябко, хотя за окном стояло летнее погожее утро. Это как-то еще разжигало аппетит.

Уголь в очаге разгорался.

Хлеб с маслом: еще ломтик — три, четыре — и хватит. Она не любит, когда гора на тарелке. Хватит. Отойдя от подноса, он снял с полки чайник и поставил на огонь сбоку. Чайник сел тусклой глыбой, выставив торчком хобот. Скоро поспеет. Хорошо. Во рту сухо.

Кошка ходила на прямых лапах вокруг ножки стола, хвост кверху.

— Мррау!

— А, вот ты где, — сказал мистер Блум, оборачиваясь от очага.

Кошка мяукнула в ответ и продолжала путь вокруг ножки, ступая на прямых лапах, мяукая. Вот так же она разгуливает по моему письменному столу. Мурр. Почеси за ушком. Мурр.

Мистер Блум с добродушным интересом поглядел на черное гибкое существо. Ладный вид: шерстка гладкая и блестит, белая пуговка под хвостом, глаза зеленые, светятся. Он нагнулся к ней, упершись ладонями в колени.

— Молочка киске!

— Мррау! — громко мяукнула она.

Говорят, они глупые. Они понимают, что мы говорим,

лучше, чем мы их понимаем. Вот эта все что хочет поймет. И злопамятная. Интересно, каким я ей кажусь. Вышиной с башню? Нет, она ведь может на меня вспрыгнуть.

— А цыплят боится, — поддразнил он ее. — Боится цып-цыпочек. В жизни не видал такой глупой киски.

Жестокая. Это у них в природе. Странно, что мыши при этом не пищат. Как будто им нравится.

— Мгррау! — мякнула она громче.

Глаза ее, жадные, полуприкрытые от стыда, моргнули, и, жалобно, протяжно мякнув, она выставила свои молочно-белые зубки. Он видел, как сужаются от жадности черные щелки ее зрачков, превращая глаза в зеленые камешки. Подойдя к шкафу, он взял кувшин, свеженаполненный разносчиком от Ханлона, налил на блюде теплопузырчатого молока и осторожно поставил блюде на пол.

— Мяв! — взвигнула она, кидаясь к еде.

Он смотрел, как металлически поблескивают ее усы в тусклом свете и как, трижды примерившись, она легко принялась лакать. Правда или нет, что, если усы подрезать, не сможет охотиться. Почему бы? Может, кончики светят в темноте. Или служат как щупики, возможно.

Он слушал, как она лакает. Яичницу с ветчиной не стоит. В такую сушь яйца нехорошо. Хочется свежей, чистой воды. Баранью почку у Бакли сегодня тоже не стоит: четверг. Обжарить в масле — и с перчиком. Лучше свиную почку у Длугача. Пока чайник не закипел. Она лакала все медленней, потом вылизала блюде. Почему у них языки такие шершавые? Лакать удобней, сплошь пористые, в дырочках. Ничего она тут не слопает? Он поглядел кругом. Ничего.

Тихо поскрипывая подошвами, он поднялся по лестнице в переднюю и стал у дверей спальни. Может, она захочет чего-нибудь повкусней. Обычно предпочитает небольшие бутербродики утром. Но все-таки — вдруг.

Он проговорил негромко, стоя в пустой передней:

— Я схожу за угол. Через минуту вернусь.

Услышал звуки своего голоса, добавил:

— Тебе чего-нибудь не захватить к завтраку?

Мягкий и сонный голос пробормотал в ответ:

— Нне.

Нет. Ничего не хочет. Затем послышался глубокий парной вздох, еще мягче, это она повернулась в постели, и разболтанные медные кольца звякнули. Надо, чтоб подтянули. Жаль. Из Гибралтара, неблизкий путь. Совсем забы-

ла испанский, и ту малость, что знала. Интересно, сколько папаша за нее заплатил. Фасон старинный. Ах да, конечно. На губернаторской распродаже. Пошептался с аукционщиком. По части денег старина Твиди кремьень. Да, сэр. Было дело под Плевной. Я вышел из рядовых, сэр, и горжусь этим. Но все-таки хватило ума провернуть дельце с марками. Проявил дальновидность.

Рука его сняла шляпу с крючка над поношенным плащом с распродажи забытых вещей и над толстым пальто с его монограммой. Марка: картинка, а сзади клей. Наверняка из офицеров многие этим промышляют. Что говорить. Пропотевшее клеймо на дне шляпы молча сообщило ему: Плесту, шляпы-лю. Он заглянул воровато за кожаный ободок. Белая полоска бумаги. Надежное место.

На крыльце он ощупал брючный карман: тут ли ключ. Нету. В тех, что оставил. Надо бы взять. Картофелина на месте. Гардероб скрипит. Не стоит ее тревожить. Была совсем сонная. Он притянул дверь к себе, осторожно, еще чуть-чуть, пока защитная полоска внизу не прикрыла порожек усталым веком. На вид закрыто. обойдется до моего прихода.

Он перешел на солнечную сторону, минуя открытый люк погреба в семьдесят пятом доме. Солнце приближалось к шпилю церкви святого Георгия. Похоже, день будет жаркий. Когда в этом черном, особенно чувствуешь. Черное проводит, отражает (а может, преломляет?) тепло. Но в светлом костюме никак нельзя. Не пикник. От ощущения блаженного тепла глаза его часто жмурились. Фургон из пекарни Боланда лотки наш насущный но ей вчерашний больше по вкусу пироги горячая хрустящая корочка. Чувствуешь себя помолодевшим. Где-нибудь на востоке, вот таким утром, пуститься в путь на заре. Будешь двигаться впереди солнца — выиграешь у него день. А если все время так, то в принципе никогда не постареешь ни на один день. Идешь вдоль берега, в незнакомой стране, подходишь к городским воротам, там стража, тоже какой-нибудь служака с усищами старины Твиди опирается на этакую длинную пику. Бродишь по улицам под навесами. Головы прохожих в тюрбанах. Темные пещеры лавок, где торгуют коврами, внутри здоровенный турок, Свиристый турка, сидит, поджавши ноги, покуривая витой кальян. Крики разносчиков. Для питья вода с укропом, шербет. Слоняешься целый день. Можешь повстречать парочку грабителей. Ну и что, повстречаешь. Солнце к закату. Тени мечетей между колонн;

мулла со свитком в руках. Дрожь по деревьям, сигнал, вечерняя свежесть. Прохожу дальше. Гаснущее золотое небо. Мать на пороге хижины. Зовет детишек домой на своем темном наречии. Из-за высокой стены звуки струн. Луна в ночном небе, лиловая, как новые подвязки у Молли. Звуки струн. Слушаешь. Девушка играет на этом инструменте, как же он называется, цимбалы. Идешь дальше.

А может быть, там все и не так. Начитался этой ерунды: по следам солнца. С сияющим солнцем на титуле. Он усмехнулся самодовольно. Как сказал Артур Гриффит про ту заставку над передовицей во «Фримене»: солнце гомруля восходит на северо-западе из переулка за Ирландским банком. Он длит усмешку. В духе еврейского остроумия: солнце гомруля восходит на северо-западе.

Он приблизился к пивной Ларри О'Рурка. Из-под решетки погреба плыли влажные испарения портера. Через раскрытые двери бара несло имбирем, бросовым чаем и бисквитной трухой. Но заведение стоящее: как раз у трамвайного кольца. Скажем, Маколи там подальше: гиблое место. А если бы провели линию вдоль Северной окружной, от скотного рынка к набережным, цена тут же бы подскочила.

Лысая голова над занавеской. Прижимист старый прохода. Насчет рекламы с ним бесполезно. Что ж, в своем деле ему видней. Вон он, наш бравый Ларри, без пиджака, прислонясь к мешкам с сахаром, созерцает, как прислужник в фартуке орудует с ведром и шваброй. Саймон Дедал его отлично копирует, как он щурит свои глазенки. Знаете, я вам что скажу? Что же, мистер О'Рурк? Знаете, для японцев русские — только закуска к завтраку.

Стоп, надо перекинуться парой слов: может, про похороны. Бедняга Дигнам, вы уже слышали, мистер О'Рурк?

Сворачивая на Дорсет-стрит, он бодро окликнул в дверь:

— День добрый, мистер О'Рурк.

— Добрый день, добрый день.

— Хорошая погодка, сэр.

— Ничего не скажешь.

Откуда у них деньги берутся? Наезжают рыжаки-прислужники из графства Лейтрим, моют стаканы да сливают опивки в погреб. И вдруг, любуйтесь, он уже процветает, как Адам Финдлейтер или Дэн Таллонс. А еще учесть конкуренцию. Повальная жажда. Неплохая головоломка: пересечь Дублин и не натолкнуться на кабак. Тут просто так не скопишь. Может, с пьяных имеют. Принес три,

записал пять. Ну и что это? Там бобик, тут бобик¹, одни крохи. А может, на оптовых заказах. Станется с агентом поставщиков. Ты босса своего обработай, а навар пополам, идет?

Сколько он может взять за месяц на портере? Скажем, сбыл десять бочек. Скажем, он имеет десять процентов. Какие там десять. Пятнадцать. Он проходил мимо школы святого Иосифа. Галдят, сорванцы. Окна настезь. Свежий воздух помогает запоминать. И хором полезно. Эйбиси дифиджи килумен опикью эрэтэ видаблью. Это мальчишки там? Да. Иништерк. Инишарк. Инишбоффин. Зубрят свою смехографию. Мою. Горы Блум.

Он остановился перед витриной Длугача, глядя на связки колбас, копченых и кровяных, темных и светлых. Пятнадцать помножить на. Цифры, ускользая, вертелись в его мозгу: он недовольно прогнал их. Глянцевитые кольца, туго начиненные мясом, насыщали его взгляд, и он безмятежно вдыхал пряный и парной запах вареной свиной крови.

Почка сочила кровь на блюдо с рисунком из ивовых ветвей: последняя. Он стоял у прилавка следом за соседской прислугой. Возьмет ее или нет? Она вычитывала по пунктам, держа в руке списочек. Руки потрескались: от стирки. И полтора фунта сосисок Денни. Взгляд его приковали мощные бедра. Вудс его фамилия. Чем занимается неизвестно. Жена уже старовата. Свежая кровь. Ухажеров не разрешают. Руки крепкие. Выбивала ковер на веревке. Серьезно выбивала, я вам скажу. Юбка сбилась на сторону, взлетала с каждым ударом.

Хореглазый свинопроводец свертывал низку сосисок толстыми, розовыми, как сосиски, пальцами. Эк тугомяса, что телка откормленная в стойле.

Он взял один листок из лежавшей стопки. Образцовая ферма в Киннерете, на берегу Тивериадского озера. Можно создать идеальный зимний санаторий. Мозес Монтефиоре, я так и думал. Усадьба обнесена стеной, в смутной дымке пасущиеся стада. Он отставил от себя листок: интересно; прочесть повнимательней, пасущиеся стада в дымке, листок похрустывал. Молоденькая белая телочка. Бывало, поутру на скотном рынке: ревут быки, клейменные овцы в загонах, шлепаются навоз, скотоводы чавкают по грязи в кованых сапогах, держа неошкуранные прутья, похлопывают скотину по мясистым задкам, гляди — первый сорт. Он

¹ Шиллинг (жарг.).

заставлял себя невозмутимо держать листок, обуздывая волю и чувства, устремив в точку кроткий застывший взор. Юбка сбилась, взлетала каждый раз — рраз — рраз.

Свинопродавец выхватил два листа из стопки, завернул первосортные сосиски, ослабил медную рожу.

— Пожалте, мисс.

С дерзкой ухмылкой она протянула ему монету в своей мощной руке.

— Благодарим, мисс. Сдача шиллинг три пенса. А вам, сэр?

Мистер Блум, не мешкая, показал. Догнать и пойти за ней, если недалеко еще, следом за колыхающимися окороками. Недурно, как первая утренняя картинка. Да поживей ты, тьфу. Куй железо, пока горячо. Она вышла из лавки, постояла на ярком солнце и двинулась ленивой походкой направо. Он вздохнул, выпустив воздух через нос: они никогда не понимают. Руки огрубели от стирки. И на ногах ногти с наростами. Изодранная темная власяница защищает все подступы. Укол от ее равнодушия разгорелся в груди у него до слабого наслаждения. Не тебе, другому: какой-то констебль на досуге тискал ее на Экклс-лейн. Они любят, когда есть за что подержаться. Первосортные сосиски. Ах-ах, я заблудилась, о мистер полисмен.

— Три пенса, сэр.

Рука его приняла влажную мякоть и опустила в боковой карман. Затем выудила из брючного кармана три монетки и положила на резиновые пупырышки. Они полежали миг, были мигом подсчитаны и мигом отправлены, одна за другой, в ящик кассы.

— Спасибо, сэр. Заходите.

Лисьи глазки, благодаря его, метнули испытующую искорку. Мистер Блум почти сразу же отвел взгляд. Нет — лучше не стоит — в другой раз.

— Всего доброго, — произнес он, уходя.

— Всего доброго, сэр.

Ни следа. Скрылась. Ну и ладно.

Он зашагал обратно по Дорсет-стрит, углубившись в чтение. Агендат Нетаим — товарищество плантаторов. Приобрести у турецкого правительства большие песчаные участки и засадить эвкалиптовыми деревьями. Дают отличную тень, топливо и строительный материал. Апельсиновые плантации и необъятные дынные бахчи к северу от Яффы. Вы платите восемьдесят марок, и для вас засаживают дунам земли маслинами, апельсинами, миндалем или

лимонами. Маслины дешевле: для апельсинов нужно искусственное орошение. Ежегодно вам высылаются образцы урожая. Вас вносят в книги товарищества в качестве пожизненного владельца. Можете уплатить наличными десять, потом погодные взносы. Берлин W 15, Бляйбтройштрассе, 34.

Не выйдет. Но что-то есть в этом.

Он видел стадо в знойной серебристой дымке. Пыльные, серебристые маслины. Долгие безмятежные дни: уход за деревьями, сбор плодов. Маслины, кажется, кладут в банки? Дома несколько осталось, от Эндрюса. Молли сперва плевалась, теперь входит во вкус. Апельсины в папиросной бумаге укладывают в ящики. Другие цитрусы так же. Цитроны. Интересно, там ли еще бедняга Цитрон, на Сент-Кевин-пэрейд. И Мастянский со своей цитрой. Славные у нас были вечера. Молли в плетеном кресле Цитрона. Приятно взять в руки, плод восковой, прохладный, поддержишь, поднесешь к носу и вдохнешь аромат. Такой густой, сладкий, одуряющий аромат. Всегда такой же, из года в год. И по хорошей цене идут, Мойзел мне говорил. Арбьютес-плейс, Плизентс-стрит; добрые старые времена. Он говорил, нельзя ни малейшего изъяна. Проходят весь этот путь: Испания, Гибралтар, Средиземное море, Ближний Восток. Штабеля ящиков в Яффе на набережной, клерк их вычеркивает в гроссбухе, грузчики в замасленных робах таскают. Вон этот, какбишьего, выходит от. Как ваши де? Не смотрит. Одна скука, когда встречаешь шапочного знакомца. Спина как у того норвежского капитана. Интересно, еще раз встречу его сегодня? Поливалка. Накликать дождь. На небеси и на земли.

Облако начало закрывать солнце: медленно, больше и больше, целиком. Серое. Вдалеке.

Нет, там не так. Бесплодный, голый, пустынный край. Вулканическое озеро, мертвое море: ни рыбы, ни водорослей, глубокая впадина в земле. Ветру не всколыхнуть эти воды, свинцово-серые, с ядовитыми испарениями. Это называется дождь серный; города долины — Содом, Гоморра, Едом. Мертвые имена. Мертвое море в мертвой стране, седой, древней. Древней сейчас. Она кормила древнейшее, изначальное племя. Сгорбленная старуха перешла улицу у лавки Кэссиди, цепко сжимая в когтях бутылку. Древнейший народ. Скитался в дальних краях, по всей земле, из плена в плен, плодясь, умирая, рождаясь повсюду. Земля же его лежит там. И больше не может уже родить. Мертва — старушина — седая запавшая пизда планеты.

Запустение.

Седой ужас опалил его плоть. Сложив листок, сунув его в карман, он повернул на Экклс-стрит, торопясь домой. Холодная маслянистость ползла по его жилам, леденя кровь; годы одевали его в соляной покров. Что же, такие мои дела. Ранняя рань, а на уме дрянь. Не с той ноги встал. Надо снова начать упражнения по Сэндоу. Стойку на руках. Кирпичные бурые дома в пежинах. Восьмидесятый так и пустует. Почему бы? Всего двадцать восемь фунтов по оценке. Тауэрс, Баттерсби, Норт, Макартур: все окна первого этажа в билетиках. Нашлепки на больном глазу. Вдохнуть теплый парок от чайника, дымок от масла на сковороде. Подойти поближе к ней, полнотелой, в теплой постели. Да, да.

Стремительные жаркие лучи солнца примчались от Беркли-роуд, проворные, в легких сандалиях, по просиявшему тротуару. Вон она, вон она стремится навстречу мне, девушка с золотыми волосами по ветру.

Открытка и два письма на полу в прихожей. Он, наклонившись, поднял. Миссис Мэрион Блум. Стремительный ритм сердца резко упал. Дерзкий почерк. Миссис Мэрион.

— Польди!

Войдя в спальню, он полуприкрыл глаза и, двигаясь сквозь теплый и желтый сумрак, приблизился к ее растрепанной голове.

— Кому там письма?

Он поглядел на них. Моллинггар. Милли.

— Письмо мне от Милли, — сказал он, следя за своим голосом, — а тебе открытка. И письмо тебе.

Он положил ее письмо и открытку на саржевое покрывало у сгиба ее колен.

— Тебе шторы поднять?

Подтягивая осторожно шторы до половины, он видел через плечо, как она глянула на конверт и сунула его под подушку.

— Хватит так? — спросил он, оборачиваясь.

Она читала открытку, приподнявшись на локте.

— Посылка дошла уже, — сказала она.

Он не уходил; она отложила открытку и медленно, с блаженным вздохом, опять свернулась клубком.

— Давай-ка чай поскорей, — поторопила она. — Совсем горло пересохло.

— Чайник уже кипит.

Однако он задержался убраться со стула: полосатая ниж-

няя юбка, нечистое мятое белье; и, взяв все в охапку, положил в ноги постели.

Когда он был уже на ступеньках, она окликнула:

— Польди! .

— Что?

— Ошпарь заварной чайник.

Вполне закипел: пар валит из носика. Он ошпарил и сполоснул заварной чайник, насыпал четыре полных ложечки чаю и, наклонив большой чайник, залил чай водой. Поставив чай настояться, он отодвинул большой чайник в сторону и, вдавив сковороду прямо в жар угля, смотрел, как масло плавится и скользит по ней. Когда он развернул почку, кошка жадно мяукнула рядом с ним. Если ей давать много мяса, не будет мышей ловить. Говорят, они не едят свинину. Кошер. Он бросил ей окровавленную обертку и положил почку в шипящее масло. Перцу. Он взял щепотку из выщербленной рюмки для яйца, посыпал круговыми движениями.

Потом он распечатал письмо, скользнул глазами по всей странице. Спасибо — новая беретка — мистер Коклан — пикник на озере Оул — студент — приморские красотки Буяна Бойлана.

Чай настоялся. Улыбаясь, он налил себе в свою чашку, имитация фарфора Кроун-Дерби, с приспособлением для усов. Подарок Милли-глупышки ко дню рождения. Тогда ей было всего пять лет. Нет, погоди: четыре. Принес ей бусики под янтарь, она тут же порвала. Опускал для нее в почтовый ящик сложенные листочки. Он улыбался, наливая чай.

О Милли Блум, ты мне мила, моя родная,
В тебя, как в зеркало, гляжусь, тебя желая.
Хоть ты бедна, хочу я быть с тобою рядом,
А не с той Кэти, что виляет толстым задом.

Бедный старый профессор Гудвин. Конечно, слегка куку. Но до того учтивый старичок. Провожал Молли с эстрады на старомодный манер. А это зеркальце в цилиндре. В тот вечер Милли его притащила в гостиную. Ой, поглядите, чего было в шляпе у профессора Гудвина! Мы все смеялись. Женская натура уже тогда проявлялась. Такая была вострушка.

Он поддел почку вилкой, перевернул, потом поставил заварной чайник на поднос. Горб стал пружинить, когда он

поднял поднос. Все взял? Бутерброды — четыре, сахар, ложечка, сливки. Так. Он направился с подносом наверх, продев большой палец в ручку чайника.

Толкнув дверь коленом, он вошел и поставил поднос на стул у изголовья постели.

— До чего же ты долго, — сказала она.

Медь задрезжалась, когда она проворно приподнялась, упершись локтем в подушку. Он спокойно смотрел на ее полные формы и на ложбинку между мягких больших грудей, круглившихся в ночной рубашке, как козье вымя. Тепло, шедшее от ее тела, мешалось в воздухе с душистым запахом наливаемого чая.

Краешек распечатанного конверта торчал из-под примятой подушки. Уже уходя, он остановился поправить покрывало.

— А от кого письмо? — спросил он.

Дерзкий почерк. Мэрион.

— Да от Бойлана, — сказала она. — Должен программу принести.

— Что ты собираешься петь?

— *La ci darem*¹ с Дойлом, — ответила она, — и «Старую сладкую песню любви».

Она пила чай, полные губы улыбались. Довольно затхлый дух от этих курений на другой день. Как тухлая вода от цветов.

— Может быть, приоткрыть окошко?

Отправляя в рот сложенный пополам тонкий ломтик, она спросила:

— А во сколько похороны?

— В одиннадцать, кажется, — ответил он. — Я еще не смотрел газету.

Следуя знаку ее пальца, он поднял за штанину ее грязные панталоны. Не то? Тогда серую перекрученную подвязку с чулком: подошва мягкая, залоснилась.

— Да нет же, книжку.

Другой чулок. Нижняя юбка.

— Должно быть, упала, — сказала она.

Он поглядел по сторонам. *Voglio e non voggei*². Интересно, правильно ли она произносит *voglio*. На кровати нигде. Завалилась куда-то. Он нагнулся и приподнял подзор. Упав-

¹ Дуэт «Дай руку мне, красotka» из оперы Моцарта «Дон Жуан» (акт I, сц. 3).

² Хочу и не хотела бы (*итал.*).

шая книга распласталась на пузе ночного горшка в оранжевую полоску.

— Дай-ка мне,— сказала она.— Я тут отметила. Хотела одно слово спросить.

Сделав глоток из чашки, которую держала за неручку, и бесцеремонно обтерев пальцы об одеяло, она принялась водить по странице шпилькой, куда не нашла слово.

— Метим что? — переспросил он.

— Вот это,— сказала она.— Что это значит?

Наклонившись, он прочел подле холеного ногтя на ее большом пальце.

— Метемпсихоз?

— Вот-вот. С чем это вообще едят?

— Метемпсихоз,— начал он, морща лоб,— это греческое. Из греческого языка. Это означает переселение душ.

— Ну и дичь! — оценила она.— А теперь скажи попростому.

Он улыбнулся, искоса глянув в ее смеющиеся глаза. Все те же молодые глаза. Первый вечер после игры в шарады. Долфинс-барн. Он полистал замусоленные страницы. «Руби — краса арены». Ага — картинка. Свирепый итальянец с хлыстом. А это видно Руби краса чего там положено голая на полу. Милостиво дали прикрыться. «Злодей Маффеи остановился и с проклятиями отшвырнул прочь свою жертву». Всюду жестокость. Одурманенные звери. Трапедия в цирке Хенглера. Не мог смотреть, отвернулся. А толпа глазееет. Ты там надрывай силы а мы животики себе надорвем. Их целые семьи. Вдалбливают им смолоду, они и метемпсихозят. Будто бы мы живем после смерти. Души наши. Будто душа человека, когда он умрет. Дигнама вот душа...

— Ты ее уже кончила? — спросил он.

— Да,— сказала она.— Совсем никакой клубнички. Она что, все время любила того, первого?

— Я даже не заглядывал. Хочешь другую?

— Ага. Принеси еще Поль де Кока. Такое симпатичное имя¹.

Она подлила себе чаю, глядя сбоку на струйку.

Надо продлить ту книжку из библиотеки на Кейпстрит, а то напишут Карни, моему поручителю. Перевоплощение: вот то самое слово.

— Некоторые верят,— начал он,— что после смерти

¹ Соск — половой член (англ.).

мы будем снова жить в другом теле и что уже жили раньше. Это называется перевоплощение. Что все мы уже жили раньше, тысячи лет назад, на земле или на какой-нибудь другой планете. Они считают, мы забыли про это. А некоторые говорят, будто помнят свои прошлые жизни.

Густые сливки вились витками у нее в чашке. Как бы ей лучше запомнить это слово: метемпсихоз. Хорошо бы пример. Пример.

Над кроватью «Купанье нимфы». Приложение к пасхальному номеру «Фотокартинок»: роскошный шедевр, великолепные краски. Как чай до того как налили молока. Похожа на нее с распущенными волосами, только потоньше. За рамку отдано три и шесть. Она сказала: над кроватью будет красиво. Обнаженные нимфы — Греция — а вот и пример — все люди, что тогда жили.

Он перелистал страницы обратно.

— Метемпсихоз,— сказал он,— так это называли древние греки. Они верили, что человек может превратиться в животное или, скажем, в дерево. Что они называли нимфами, например.

Она перестала вдруг помешивать ложечкой. Смотрела прямо перед собой и втягивала воздух округлившимися ноздрями.

— Горелым пахнет,— сказала она.— У тебя там ничего на огне?

— Почка! — возопил он.

Он сунул не глядя книжку во внутренний карман и, стукнувшись носком ноги о хромой комод, ринулся на запах, сбегая по лестнице прыжками всполошенного аиста. Пахучий дым поднимался сердитой струйкой с одного края сковороды. Поддев почку вилкой, он отодрал ее и перевернул, как на спину черепаху. Совсем чуть-чуть подгорела. Он перебросил ее на тарелку и полил оставшимся бурым соком.

Теперь чайку. Он уселся, отрезал ломоть хлеба, намазал маслом. Срезал пригорелую мякоть и бросил кошке. Наконец, отправил кусочек на вилке в рот и принялся жевать, разборчиво смакуя упругое аппетитное мясо. В самый раз. Глоток чаю. Потом он нарезал хлеб на кубики, обмакнул один в соус и сунул в рот. Так что там у нее про студента и про пикник? Он разложил около себя листок с письмом и медленно стал читать, жуя, макая кубики в соус и отправляя их в рот.

Дражайший папулька,

Преогромнейшее спасибо за твой чудный подарочек ко дню рождения. Он мне дивно идет. Все говорят, что в новой беретке я просто неотразима. Получила от мамочки чудную коробку со сливочными тянучками, пишу ей отдельно. Конфетки — дивные. А я тут зарылась с головой в фотографию. Мистер Коклан снял меня вместе со своей мадам, когда проявим, пришлю. Вчера тут была сплошная запарка. Погожий денек, и все толстомясые припожаловали. В понедельник хотим устроить пикничок небольшой компанией на озере Оул. Спасибо тебе еще раз и тысяча поцелуев, а мамочке скажи, я ее ужасно люблю. Внизу играют на пианино. В субботу будет концерт в отеле «Гревильский герб». Сюда по вечерам иногда заходит один студент, его фамилия Баннон, и у него какие-то родственники ужасные богачи, и он исполняет эту песенку Бойлана (чуть-чуть не написала Буяна Бойлана) о приморских красотках. Передай ему от меня, что Милли-глупышка ему шлет привет. Пора кончать письмо, с любовью

твоя любящая дочь

Милли.

P. S. Извини за каракули, очень спешу. Пока.

М.

Пятнадцать вчера. Как сошлось, и число пятнадцатое. Первый день рождения в чужих местах. Разлука. Помню летнее утро, когда она родилась. Помчался за миссис Торнтон на Дензилл-стрит. Бодрая старушка. Куче младенцев помогла явиться на свет. Она с первой минуты знала: бедняжке Руди не жить. Авось Бог милостив, сэра. А сама уже знала. Остался бы жить, сейчас было бы одиннадцать.

Отсутствующим печальным взглядом он смотрел на постскрипту. Извини за каракули. Спешу. Внизу пианино. Выпорхнула из гнезда. Сцена с ней из-за браслета в кафе «XL». Не стала есть пирожные, не глядела, не разговаривала. Дерзкая девчонка. Он обмакнул в соус еще кубик хлеба, машинально продолжая доедать почку. Двенадцать и шесть в неделю. Не густо. Но могло и похуже быть. Мюзик-холл, скажем. Студент. Он глотнул остывшего чая, запить еду. Потом опять перечел письмо: дважды.

Ну ладно, она умеет вести себя осмотрительно. А вдруг нет? Оставь, ничего еще не случилось. Все возможно, конечно. Во всяком случае, обождем. Бесенок. Вечно бегом

по лестнице, ножки тонкие, стройные. Судьба. Наступает зрелость. Кокетка — страшная.

Он улыбнулся в кухонное окно с теплотой, с тревогой. Однажды вижу ее на улице: щиплет себя за щеки, чтоб раздумянились. Слегка малокровная. Поздно отняли от груди. В тот день на «Короле Эрина» вокруг маяка Киш. Старую посудину качало всюю. А ей хоть бы что. Шарф по ветру, светло-голубой, распущенные волосы по ветру.

Щечки в ямочках, кудряшки
Вскружат голову бедняжке.

Приморские красотки. Распечатанный конверт. Руки в брюки и распевает, ни дать ни взять извозчик навеселе. Друг дома. *Вскружат*, он так поет. Освещенный пирс, летний вечер, звуки оркестра.

До чего ж милы и кротки
Те приморские красотки.

И Милли тоже. Первые юные поцелуи. Как давно минуло. Миссис Мэрион. Сейчас снова легла, читает, перебирая прядки волос, заплетая их, улыбаясь.

Сожаление и потерянности, нарастая, смутной волной расплзались вниз по спине. Да, случится. Помешать. Бесполезно: что сделаешь! Девичьи губы, нежные, легкие. Случится то же. Он чувствовал, как волна потерянности охватывает его. Бесполезно тут что-то делать. Губы целуют, целующие, целуемые. Женские губы, полные, клейкие.

Лучше пусть там, где она сейчас: подальше. И занята. Хотела собаку от нечего делать. Можно бы туда съездить. На табельные дни в августе, всего два и шесть в оба конца. Но это через полтора месяца. Можно бы устроить бесплатный проезд, как журналисту. Или через Маккоя.

Кошка, вылизав свою шерстку, вернулась к обертке в кровавых пятнах, потыкала ее носом и пошла к двери. Оглянулась на него, мяукнула. Хочет выйти. Жди перед дверью — когда-нибудь отворится. Пусть подождет. Как-то занервничала. Электричество. Гроза в воздухе. И умывала ушко спиной к огню.

Он ощутил сытую тяжесть — потом легкие позывы в желудке. Поднялся из-за стола, распуская брючный ремень. Кошка настойчиво мяукнула.

— Мяу, — передразнил он. — Обождешь, пока я сам соберусь.

Тяжесть: день будет жаркий. Лень подыматься на площадку по лестнице.

Газетку. В сортире он любил читать. Надеюсь, никакая макака туда не забредет, пока я.

В ящике стола ему попался старый номер «Осколков». Свернув, он сунул его под мышку, подошел к двери и открыл. Кошка кинулась мягкими прыжками наверх. А, вон ты куда — свернуться на постели клубком.

Прислушавшись, он услышал ее голос:

— Поди сюда, кисонька. Ну поди.

Он вышел с черного хода во двор; постоял, прислушиваясь к звукам соседнего двора. Все тихо. Может быть, вешают белье. Королевна в парке вешает белье. Славное утро.

Он наклонился взглянуть на чахлые кустики мяты, посаженной вдоль стены. Поставить беседку здесь. Бобы, дикий виноград. И надо везде удобрить, земля плохая. Бурая корка серы. Почва всегда такая без навоза. Кухонные помои. Перегной — что бы это за штука? У соседей куры: вот их помет — отличное удобрение. Но самое лучшее — от скота, особенно если кормили жмыхами. Сухой навоз. Лучшее средство для чистки лайковых перчаток. Грязь очищает. И зола. Надо тут все переделать. В том углу горох. Салат. Всегда будет свежая зелень. Но с этими садиками свои неудобства. Тот шмель или овод в Духов день.

Он двинулся по дорожке. А где моя шляпа, кстати? Должно быть, повесил обратно на крючок. Или оставил наверху. Вот номер, совсем не помню. На вешалке в прихожей слишком полно. Четыре зонтика, ее плащ. Подбирал письма. У Дрейго колокольчик звонил. Как странно, именно в этот момент я думал. Его волосы, каштановые, напомаженные, над воротничком. Свежевымыт и свежепричесан. Не знаю, успею ли зайти в баню. Тара-стрит. Тип, что у них за кассой, устроил побег Джеймсу Стивенсу. Такие слухи. О'Брайен.

Каким он басом говорит, этот Длугач. Агенда — как там? Пожалте, мисс. Энтузиаст.

Он открыл, толкнув носком, ветхую дверь сортира. Смотри, чтобы не запачкать брюки, потом на похороны. Вошел, пригнув голову, стараясь не задеть о низкий косяк. Оставив дверь приоткрытой, посреди пыльной паутины и вони заплесневелой хлорки, не спеша, отстегнул подтяжки. Перед тем как усесться, бросил через щель взгляд на

соседское окно. А король на троне пишет манифест. Никого нет.

Раскорячившись на позорном стуле, он развернул журнал на оголенных коленях и стал читать. Что-нибудь новенькое и полегче. Не торопись особо. Попрдержжи. Наш премированный осколок: «Мастерский удар Мэтчена». Автор — мистер Филип Бьюфой, член лондонского Клуба театралов. Гонорар по гинее за столбец. Три с половиной. Три фунта три. Три фунта тринадцать и шесть.

Он мирно прочел, сдерживая себя, первый столбец, затем, уступая, но еще придерживая, начал второй. На середине, окончательно уступив, он дал кишечнику опорожняться свободно, продолжая мирно, неторопливо читать, вчерашний легкий запор прошел без следа. Авось не слишком толсто, геморрой снова не разойдется. Нет, самый раз. Ага. Уфф! Для страдающих запором: одна таблетка святой коры. В жизни может такое быть. Это не тронуло и не взволновало его, но, в общем, было бойко и живо. Теперь что хочешь печатают. На безрыбье. Он читал дальше, спокойно сидя над своими подымавшимися миазмами. Бойко, что говорить. «Мэтчен часто вспоминает свой мастерский удар, покоровивший сердце смеющейся чаровницы, которая ныне». Мораль в конце и в начале. «Рука об руку». Лихо. Он снова окинул взглядом прочитанное и, выпуская ровную заключительную струю, благодушно позавидовал мистеру Бьюфою, который сочинил это и получил гонорар в размере трех фунтов тринадцати шиллингов и шести пенсов.

Я б тоже мог кое-что накопать. Авторы — мистер и миссис Л. М. Блум. Придумать историйку на тему пословицы. Какой только? Как-то пробовал записывать на манжете, что она говорит, пока собирается. Не люблю собираться вместе. Порезался, бреясь. Покусывает нижнюю губку, застегивая крючки на платье. Я засекаю время. 9.15. Робертс тебе заплатил уже? 9.20. А в чем была Грета Конрой? 9.23. Чего меня угораздило купить такую гребенку? 9.24. С этой капусты меня всегда пучит. Заметит пылинки на обуви — потрет каждую туфельку об чулки на икрах, обе по очереди, так ловко. Наутро после благотворительного бала, когда оркестр Мэя исполнял танец часов Понкьелли. Объяснял ей: утренние часы, потом день, вечер, потом ночные часы. Она чистила зубы. Это была первая встреча. У нее голова кружилась. Пощелкивали пластинки веера. А этот Бойлан богатый? Да, он со средствами. А что? Я во

время танца заметила, у него пахнет чем-то приятным изо рта. Тогда не стоит мурлыкать. Надо бы намекнуть. В последний раз какая-то странная музыка. Зеркало было в темноте. Она взяла свое маленькое, потерла о кофточку на грудях, нервно, так и заколыхались. Потом смотрелась. Нахмуренный взгляд. Чего-то там такое не сладилось.

Вечерние часы, девушки в серых газовых платьях. Потом ночные часы в черном, с кинжалами, в полумасках. Это поэтично, розовое, потом золотое, потом серое, потом черное. И в то же время как в жизни. День, потом ночь.

Он смело оторвал половину премированного рассказа и подтерся ею. Потом поднял брюки, застегнул, надел подтяжки. Потянул на себя кривую шаткую дверь сортира и вышел из полумрака на воздух.

При ярком свете, облегченный и освеженный в членах, он тщательно осмотрел свои черные брюки, их обшлага, колени и за коленями. Во сколько похороны? Надо уточнить по газете.

Мрачные скрипучие звуки высоко в воздухе. Колокола церкви святого Георгия. Они отбивали время: гулкий мрачный металл.

Эй — гей! Эй — гей!

Эй — гей! Эй — гей!

Эй — гей! Эй — гей!

Без четверти. Потом снова: по воздуху донесся обертон, терция.

Бедный Дигнам!

По набережной сэра Джона Роджерсона шагал собранным шагом мистер Блум: мимо ломовых подвод, мимо маслобойни Лиска (льняное масло, жмыхи), мимо Уиндмилл-лейн и мимо почтово-телеграфного отделения. На этот адрес тоже было бы можно. И мимо богадельни для моряков. С шумливой утренней набережной он повернул на Лайм-стрит. У коттеджей Брэди шатался мальчишка-свалочник, примкнув ведро с требухой, сосал жеваный окурок. Девчонка помладше, с изъеденным коростой лбом, глазела на него, вяло придерживая ржавый обруч. Сказать ему, если курит — перестанет расти. Да ладно, оставь в покое! И так житье у него не рай. Ждать у трактира, тащить папашу домой. Тять, ну пойдём, мамка ждёт. Как раз затишье: не будет много народу. Он перешел Таунсенд-стрит, миновал хмурый фасад Бетеля. Да, Эль. Его дом: Алеф, Бет. Потом похоронное бюро Николса. В одиннадцать. Времени хватит. Ей-ей, Корни Келлехер подкинул эту работенку О'Нилу. Напевает, прикрыв глаза. Корни. Повстречал я в темном парке. Одну пташку. Возле арки. Работает на полицию. Свое имя мне сказала и мои труляля труляля там там. Ясное дело, он подкинул. Схороните-ка по дешевке в сухом-немазаном. И мои труляля труляля труляля труляля.

На Уэстленд-роу он остановился перед витриной Белфастской и Восточной чайной компании, прочел ярлыки на пачках в свинцовой фольге: отборная смесь, высшее качество, семейный чай. Жарко становится. Чай. Надо бы им разжиться у Тома Кернана. Хотя похороны — неподходя-

щий случай. Покуда глаза его невозмутимо читали, он снял не торопясь шляпу, вдохнув запах своего брильянтина, и плавным неторопливым жестом провел правой рукой по лбу и по волосам. Какое жаркое утро. Глаза из-под приспущенных век отыскивали чуть заметную выпуклость на кожаном ободке внутри его шляпы-лю. Вот она. Правая рука погрузилась в тулью. Пальцы живо нащупали за ободком карточку, переместили в карман жилета.

До того жарко. Правая рука еще раз еще неторопливей поднялась и прошлась: отборная смесь, из лучших цейлонских сортов. На дальнем востоке. Должно быть, чудесный уголок: сад мира, огромные ленивые листья, на них можно плавать, кактусы, лужайки в цветах, деревья-змеи, как их называют. Интересно, там вправду так? Сингалезы валяются на солнышке, в *dolce far niente*¹, за целый день пальцем не шевельнут. Шесть месяцев в году спят. Слишком жарко для ссор. Влияние климата. Летаргия. Цветы праздности. Главная пища — воздух. Азот. Теплицы в Ботаническом саду. Хрупкие растения, водяные лилии. Листья истомились без. Сонная болезнь в воздухе. Ходишь по розовым лепесткам. Навернуть рубцов, студню, это и в голову не взбрет. Тот мальй на картинке, в каком же он месте был? Ах да, на мертвом море, лежит себе на спине, читает газету под зонтиком. При всем желании не утонешь: столько там соли. Потому что вес воды, нет, вес тела в воде равен весу, весу чего же? Или объем равен весу? Какой-то закон такой, Вэнс нас учил в школе. Вечно крутил пальцами. Учение и кручение. А что это, в самом деле, вес? Тридцать два фута в секунду за секунду. Закон падения тел: в секунду за секунду. Все они падают на землю. Земля. Сила земного тяготения, вот это что такое, вес.

Он повернулся и неспешно перешел через улицу. Как это она вышагивала с сосисками? Примерно так вот. На ходу он вынул из бокового кармана сложенный «Фримен» развернул его, скатал в трубку по длине и начал похлопывать себя по брюкам при каждом неспешном шаге. Беззаботный вид: заглянул просто так. В секунду за секунду. Это значит в секунду на каждую секунду. С тротуара он метнул цепкий взгляд в двери почты. Ящик для опоздавших писем. Опускать сюда. Никого. Пошел.

Он протянул свою карточку через медную решетку

¹ Сладкое безделье (*итал.*).

— Нет ли для меня писем? — спросил он.

Пока почтовая барышня смотрела в ячейке, он разглядывал плакат вербовочной службы: солдаты всех родов войск на параде; и, держа конец своей трубки у самых ноздрей, вдыхал запах свежей типографской краски. Нет, наверно, ответа. В последний раз зашел слишком далеко.

Барышня сквозь решетку подала ему карточку и письмо. Он поблагодарил, бросив быстрый взгляд на конверт, заадресованный на машинке:

Здесь

Почтовое Отделение Уэстленд-роу, до востребования
Генри Флауэру¹, эсквайру.

Ответила все-таки. Сунув письмо и карточку в боковой карман, он вернулся к параду всех родов войск. А где тут полк старины Твиди? Отставной вояка. Вон они: медвежьи шапки с султаном. Нет, он же гренадер. Остроконечные обшлага. Вот: королевские дублинские стрелки. Красные мундиры. Эффектно. Потому женщины за ними и бегают. Военная форма. Легче и вербовать и муштровать. Письмо Мод Гонн, чтобы их не пускали по вечерам на О'Коннелл-стрит: позор для столицы Ирландии. Сейчас газета Гриффита трубит о том же: армия, где кишат венерические болезни, империя Венерия. Какой-то вид у них недоделанный: как будто одурманенные. Смирно. Равняйся. Сено — солома. Сено — солома. Полк Его Величества. А вот форму пожарника или полисмена он никогда не наденет. Масон, да.

Беспечной походкой он вышел с почты и повернул направо. Говорильня; как будто этим что-то исправишь. Рука его опустилась в карман; указательный палец просунулся под клапан конверта и вскрыл его несколькими рывками. Не думаю, чтобы женщины особо обращали внимание. Пальцы вытащили письмо и скомкали в кармане конверт. Что-то подколото: наверно, фотография. Прядь волос? Нет.

Маккой. Как бы поскорей отвязаться. Одна помеха. Чужое присутствие только злит, когда ты.

— Здравствуйте, Блум. Куда направляетесь?

— Здравствуйте, Маккой. Да так, никуда.

— Как самочувствие?

— Прекрасно. А вы как?

¹ Flower — цветок (англ.).

— Скрипим помаленьку,— сказал Маккой.

Бросая взгляд на черный костюм и галстук, он спросил, почтительно понизив голос:

— А что-нибудь... надеюсь, ничего не случилось? Я вижу, вы...

— Нет-нет,— сказал Блум.— Это Дигнам, бедняга. Сегодня похороны.

— Ах да, верно. Печальная история. А в котором часу? Нет, и не фотография. Какой-то значок, что ли.

— В оди... одиннадцать,— ответил мистер Блум.

— Я попытаюсь выбраться,— сказал Маккой.— В одиннадцать, вы говорите? Я узнал только вчера вечером. Кто же мне сказал? А, Холохан. Прыгунчик, знаете?

— Знаю.

Мистер Блум смотрел через улицу на кеб, стоявший у подъезда отеля «Гровнор». Швейцар поставил чемодан между сиденьями. Она спокойно стояла в ожидании, а мужчина, муж, брат, похож на нее, искал мелочь в карманах. Пальто модного фасона, с круглым воротником, слишком теплое для такой погоды, на вид как байка. Стоит в небрежной позе, руки в карманы, накладные, сейчас так носят. Как та надменная дамочка на игре в поло. Все женщины свысока, пока не раскушишь. Красив телом красив и делом. Непрístupны до первого приступа. Достойная госпожа и Брут весьма достойный человек. Разок ее поимеешь, спеси как не бывало.

— Я был с Бобом Дореном, он снова сейчас в загуле, и с этим, как же его, с Бэнтамом Лайонсом. Да мы тут рядом и были, у Конвея.

Дорен Лайонс у Конвея. Она поднесла к волосам руку в перчатке. И тут заходит Прыгунчик. Под мухой. Немного откинув голову и глядя вдаль из-под приспущенных век, он видел заплетенные крендельки, видел, как сверкает на солнце ярко-желтая кожа. Как ясно сегодня видно. Может быть, из-за влажности. Болтает о том о сем. Ручка леди. С какой стороны она будет садиться?

— И говорит: *Грустная весть насчет бедного нашего друга Падди! Какого Падди?* Это я говорю. *Бедняжечки Падди Дигнама*, это он говорит.

За город едут — наверно, через Бродстоун. Высокие коричневые ботинки, кончики шнурков свисают. Изящная ножка. Чего он все возится с этой мелочью? А она видит, что я смотрю. Всегда примечают, если кто клюнул. На всякий случай. Запас беды не чинит.

— *А что такое?* я говорю. *Чего это с нимстряслось?* говорю.

Надменная — богатая — чулки шелковые.

— Ага,— сказал мистер Блум.

Он отодвинулся слегка вбок от говорящей Маккоевой головы. Будет сейчас садиться.

— *Чегостряслось?* говорит. *Помер он, вот чего.* И, мать честная, тут же наливают себе. *Как, Падди Дигнам?* Это я говорю. Я просто ушам своим не поверил. Я же с ним был еще в прошлую пятницу, нет, в четверг, в «Радуге» мы сидели. *Да, говорит. Покинул он нас. Скончался в понедельник, сердяга.*

Гляди! Гляди! Шелк сверкнул, чулки дорогие белые. Гляди!

Неуклюжий трамвай, трезвоня в звонок, вклинился, за-слонил.

Пропало. Чтоб сам ты пропал, курносая рожа. Чувство как будто выставили за дверь. Рай и пери. Вот всегда так. В самый момент. Девушка в подворотне на Юстейс-стрит. Кажется, в понедельник было, поправляла подвязку. Рядом подружка, прикрывала спектакль. *Esprit de corps*¹. Ну что, что вылутился?

— Да-да,— промолвил мистер Блум с тяжким вздохом.— Еще один нас покинул.

— Один из лучших,— сказал Маккой.

Трамвай проехал. Они уже катили в сторону Окружного моста, ручка ее в дорогой перчатке на стальном поручне. Сверк-блеск — поблескивала на солнце эгретка на ее шляпе — блеск-сверк.

— Супруга жива-здоровая, надеюсь?— спросил Маккой, сменив тон.

— О да,— отвечал мистер Блум,— спасибо, все в лучшем виде.

Он рассеянно развернул газетную трубку и рассеянно прочитал:

Как живется в доме
Без паштетов Сливи?
Тоскливо.

А с ними жизнь словно рай.

— Моя дражайшая как раз получила ангажемент. То есть, уже почти.

¹ Дух товарищества (франц.).

Опять насчет чемодана закидывает. И что, пусть. Меня больше не проведешь.

Мистер Блум приветливо и неторопливо обратил на него свои глаза с тяжелыми веками.

— Моя жена тоже, — сказал он. — Она должна петь в каком-то сверхшикарном концерте в Белфасте, в Ольстер-холле, двадцать пятого.

— Вот как? — сказал Маккой. — Рад это слышать, старина. А кто это все устраивает?

Миссис Мэрион Блум. Еще не вставала. Королева в спальне хлеб с вареньем. Не за книгой. Замусоленные карты, одни картинки, разложены по семеркам вдоль бедра. На темную даму и светлого короля. Кошка пушистым черным клубком. Полоска распечатанного конверта.

Эта старая
Сладкая
Песня
Любви
Раз-да-ется...

— Видите ли, это нечто вроде турне, — задумчиво сказал мистер Блум. — *Песня любви*. Образован комитет, при равном участии в прибылях и расходах.

Маккой кивнул, пощипывая жесткую поросль усов.

— Понятно, — произнес он. — Это приятная новость.

Он собрался идти.

— Что же, рад был увидеть вас в добром здравии, — сказал он. — Встретимся как-нибудь.

— Конечно, — сказал мистер Блум.

— Знаете еще что, — решил Маккой. — Вы не могли бы меня вписать в список присутствующих на похоронах? Я бы хотел быть сам, только, возможно, не получится. В Сэндикоуве кто-то утонул, и может так выйти, что мне со следователем придется туда поехать, если тело найдут. А вы просто вставьте мое имя, если меня не будет, хорошо?

— Я это сделаю, — сказал мистер Блум, собираясь двинуться. — Все будет в порядке.

— Отлично, — сказал бодро Маккой. — Большое спасибо, старина. Может, я еще и приду. Ну, пока. Просто Ч. П. Маккой, и сойдет.

— Будет исполнено, — твердо пообещал мистер Блум. Не вышло меня обойти. А подбивал клинья. На простач-

ка. Но я себе на уме. К этому чемодану у меня своя слабость. Кожа. Наугольники, клепаные края, замок с предохранителем и двойной защелкой. В прошлом году Боб Каули ему одолжил свой, для концерта на регате в Уиклоу, и с тех пор о чемоданчике ни слуху ни духу.

С усмешкою на лице мистер Блум неспешно шагал в сторону Брансвик-стрит. Моя дражайшая как раз получила. Писклявое сопрано в веснушках. Нос огрызком. Не без приятности, в своем роде: для небольшого романа. Но жидковато. Вы да я, мы с вами, не правда ли? Как бы на равных. Подлиза. Противно делается. Что он, не слышит разницы? Кажется, он слегка таков. Не по мне это. Я так и думал, Белфаст его заденет. Надеюсь, в тех краях с оспой не стало хуже. А то вдруг откажется еще раз делать прививку. Ваша жена и моя жена.

Интересно, а он за мной не следит?

Мистер Блум стоял на углу, глаза его блуждали по красочным рекламным плакатам. Имбирный эль (ароматизированный), фирма Кантрелл и Кокрейн. Летняя распродажа у Клери. Нет, пошел прямо. Всех благ. Сегодня «Лия»: миссис Бэндмен Палмер. Хотелось бы еще раз посмотреть ее в этой роли. Вчера играла в «Гамлете». Мужская роль. А может, он был женщина. Почему Офелия и покончила с собой. Бедный папа! Так часто рассказывал про Кейт Бейтмен в этой роли! Простоял целый день у театра Адельфи в Лондоне, чтобы попасть. Это за год до моего рождения: в шестьдесят пятом. А в Вене Ристори. Как же она правильно называется? Пьеса Мозенталя. «Рахиль»? Нет. Всегда говорил про ту сцену, где старый ослепший Авраам узнает голос и ощупывает его лицо пальцами.

— Голос Натана! Голос сына его! Я слышу голос Натана, который оставил отца своего умирать от горя и нищеты на моих руках, и оставил дом отчий, и оставил Бога отцов своих.

Здесь каждое слово, Леопольд, полно глубокого смысла.

Бедный папа! Бедный! Хорошо, что я не пошел в комнату и не видел его лицо. В тот день! Боже! Боже! Эх! Кто знает, быть может, так было лучше для него.

Мистер Блум завернул за угол, прошел мимо понурых одров на извозчичьей стоянке. Что толку об этом думать. Пора для торбы с овсом. Лучше бы я не встретил его, этого Маккоя.

Он подошел ближе, услышал хруст золоченого овса, жующие мирно челюсти. Их выпуклые оленьи глаза смо-

трели на него, когда он шел мимо, среди сладковатой овсяной вони лошадиной мочи. Их Эльдорадо. Бедные саврасы! Плевать им на все, уткнули длинные морды в свои торбы, знать ничего не знают и забот никаких. Слишком сыты, чтоб разговаривать. И корм и кров обеспечены. Холощенные: черный обрубок болтается, как резиновый, между ляжками. Что ж, может, они и так счастливы. На вид славная, смиренная животинка. Но как примутся ржать, это бывает невыносимо.

Он вынул из кармана письмо и положил в газету, которую нес. Можно здесь натолкнуться на нее. В переулке надежней.

Он миновал «Приют извозчика». Странная у извозчика жизнь, туда-сюда, в любую погоду, в любое место, на время или в один конец, все не по своей воле. *Voglio e pop.* Люблю иногда их угостить сигареткой. Общительны. Катит мимо, покрикивает на лету. Он замурлыкал:

La ci darem la mano
Ла ла лала ла ла.

Он повернул на Камберленд-стрит и, пройдя несколько шагов, остановился под стеной станции. Никого. Лесосклад Мида. Кучи досок. Развалины и хибарки. Осторожно пересек клетки классиков, в одной — позабытый камушек. Не сторел. Возле склада мальчик на корточках играл один в шарики, посылая главный щелчком большого пальца. Пестрая и мудрая кошка, моргающий сфинкс, смотрела со своей нагретой приступки. Жалко их беспокоить. Магомет отрезал кусок своего плаща, чтобы не разбудить. Вынимай. Я тоже играл в шарики, когда ходил в школу к той старой даме. Она любила резеду. Миссис Эллис. А мистер где? Он развернул письмо под прикрытием газеты.

Цветок. Кажется, это — . Желтый цветочек с расплюсченными лепестками. Значит, не рассердилась? Чего она там пишет?

Дорогой Генри!

Я получила твое письмо, очень тебе благодарна за него. Жаль, что мое последнее письмо тебе не понравилось. И зачем ты вложил марки? Я на тебя так сердилась. Ужасно хочется, чтобы я могла как-нибудь тебя проучить за это. Я назвала тебя противным мальчишкой, потому что мне совершенно не нравится тот свет. Пожалуйста, объясни мне, что этот твой совет означает? Так ты несчастлив

в семейной жизни, мой бедненький противный мальчишка? Ужасно хочется, чтобы я могла чем-нибудь помочь тебе. Напиши мне, пожалуйста, что ты думаешь про меня, бедняжку. Я часто думаю о твоём имени, оно такое красивое. Генри, милый, а когда мы встретимся? Ты просто представить себе не можешь, как часто я о тебе думаю. У меня никогда еще не было такой привязанности к мужчине. Я так страдаю. Пожалуйста, напиши мне длинное письмо, расскажи мне побольше. И помни, если ты этого не сделаешь, я тебя проучу. Вот, знай теперь, что я тебе сделаю, противный мальчишка, если ты не напишешь. Я так мечтаю, чтобы мы встретились. Генри, милый, исполни эту мою просьбу, пока у меня еще есть терпение. Тогда я скажу тебе все. А сейчас я с тобой прощаюсь, мой противный, мой миленький. У меня сегодня ужасно болит голова и напиши *поскорее* тоскующей по тебе

Марте.

P.S. Напиши мне, какими духами душится твоя жена. Я хочу знать.

С глубокомысленным видом он отколол цветок от бумаги, понюхал его почти исчезнувший запах и положил в кармашек у сердца. Язык цветов. Им это нравится, потому что нельзя подслушать. Или отравленный букет, разделаться с ним. Шагая медленно дальше, он перечел еще раз письмо, шепча отдельные слова про себя. Сердились тюльпаны на тебя миленький мужецвет проучить твой кактус если ты пожалуйста бедняжка незабудка я так мечтаю фиалки мой милый розы когда же мы анемоны встретимся противный ночной пестик жена духи Марте. Он перечел до конца, вынул его из газеты и спрятал обратно в боковой карман.

Тихая радость приоткрыла его губы. Не сравнить с первым письмом. Интересно, сама писала? Разыгрывает возмущение: я девушка из хорошей семьи, пример добродетели. Могли бы встретиться в воскресенье после мессы. Большое спасибо — не по моей части. Обычная любовная драчка. Потом разбегутся по углам. Не лучше, чем сцены с Молли. Сигара успокаивает. Наркотик. В следующий раз пойти еще дальше. Противный мальчишка, проучить: боится слов,

конечно. Что-нибудь шокирующее, а? Стоит попробовать. Каждый раз понемножку.

Продолжая ощупывать письмо в кармане, он вытащил из него булавку. Простая булавка? Он бросил ее на землю. Откуда-нибудь из одежды: что-то закалывала. Это немислимо, сколько на них булавок. Нет розы без шипов.

Грубые дублинские голоса взвыли у него в голове. В ту ночь в Куме, две девки, обнявшись под дождем:

Эх, у Мэри панталоны на одной булавке.
А булавка упадет —
Как домой она дойдет,
Как домой она дойдет?

Кто? Мэри. Ужасно болит голова. Наверно, их месячные розы. Или целый день за машинкой. Вредно для нервов желудка. Зрительное напряжение. Какими духами душится твоя жена? Додумалась, а?

Как домой она дойдет?

Марта, Мэри. Мария и Марфа. Где-то я видел эту картину, забыл уже, старого мастера или подделка. Он сидит у них в доме, разговаривает. Таинственно. Те девки из Кума тоже слушали бы.

Как домой она дойдет?

Приятное вечернее чувство. Скитанья кончены. Можешь расслабиться — мирные сумерки — пусть все идет своим чередом. Забудь. Рассказывай о тех местах, где ты был, о чужих обычаях. Другая, с кувшином на голове, готовила ужин: фрукты, маслины, прохладная вода из колодца, хладнокаменного, как дырка в стене в Эштауне. В следующий раз, как пойду на бега, надо будет прихватить бумажный стаканчик. Она слушает с расширенными глазами, темные ласковые глаза. Рассказывай — еще и еще — все расскажи. И потом вздох: молчание. Долгий — долгий — долгий покой.

Проходя под железнодорожным мостом, он вынул конверт, проворно изорвал на клочки и пустил по ветру. Клочки разлетелись, быстро падая вниз в сыром воздухе: белая стайка, потом все попадали.

Генри Флауэр. Вот так можно разорвать и чек на сто фунтов. Простой листик бумаги. Лорд Айви явился как-то в Ирландский банк с семизначным чеком, получил миллион наличными. Вот и смотри, что можно взять на портере.

Зато другой братец, лорд Ардилон, говорят, должен менять рубашку четыре раза на день. Какие-то вши, не то черви. Миллион фунтов, минутку. Два пенса — это пинта, четыре — кварта, значит, галлон портера восемь пенсов, хотя нет, шиллинг четыре пенса. Двадцать поделить на один и четыре: примерно пятнадцать. Так, точно. Пятнадцать миллионов бочонков портера.

Что я говорю, бочонков? Галлонов. Но все равно около миллиона бочонков.

Прибывающий поезд тяжело пролязгал над головой у него, один вагон за другим. В голове стукались бочонки; плескался и переливался мутный портер. Затычки вылетели, полился мощный мутный поток, растекаясь по грязной земле, петляя, образуя озера и водовороты хмельной влаги и увлекая с собой широколистые цветы ее пены.

Он подошел к отворенным задним дверям церкви Всех Святых. Ступив на крыльцо, снял шляпу, вытащил из кармана визитную карточку и снова засунул ее за кожаный ободок. Тьфу ты. Ведь мог прощупать Маккоя насчет бесплатного проезда в Моллинггар.

Прежнее объявление на дверях. Проповедь высокопреподобного Джона Конми О. И.¹, о святом Петре Клавере О. И. и об африканской миссии. Спасать миллионы китайцев. Как они ухитряются это растолковать косоглазым. Те предпочли бы унцию опиума. Жители Небесной Империи. Для них первейшая ересь. За обращение Гладстона молились, когда был уже почти в беспамятстве. Протестанты такие же. Обратись в истинную веру Вильяма Дж. Уолша, доктора Богословия. Ихний бог — Будда, что на боку в музее лежит. Подложил руку под голову, прохладается. Возжигают курения. Непохоже на «Ессе homo»². Терновый венец и крест. Трилистник — хорошая придумка святого Патрика. А едят палочками? Конми: Мартин Каннингем с ним знаком: почтенного вида. Надо было к нему пойти, когда устраивал Молли в хор, а не к этому отцу Фарли, что на вид простачок, а на самом деле. Так учат их. Уж этот не отправится крестить негрят: пот ручьями, солнечные очки. А те дивились бы на очки, как сверкают. Забавно бы поглядеть, как они там сидят в кружок, развесив толстые губищи, и в полном восторге слушают. Натюрморт. Лакают, как молочко.

¹ Член Общества Иисуса (орден иезуитов).

² «Се человек» (лат.).

Прохладный запах святых камней влек его. Он поднялся по истертым ступеням, толкнул дверь и тихонько вошел.

Что-то тут делается: служба какой-то общины. Жаль, что так пусто. Отличное укромное местечко, где бы пристроиться рядом с приятной девушкой. Кто мой ближний? Часами в тесноте, под тягучую музыку. Та женщина у вечерней мессы. На седьмом небе. Женщины стали на колени у своих скамей, опутив головы, вокруг шей алые ленточки. Часть стала на колени у алтарной решетки. Священник обходил их, шепотом бормоча, держа в руках эту штуку. Возле каждой он останавливался, вынимал причастие, стряхивал одну-две капли (они что, в воде?) и аккуратно клал ей в рот. Ее шляпа и голова дернулись вниз. К следующей: маленькая старушка. Священник наклонился, чтобы положить его ей в рот, все время продолжая шептать. Латынь. К следующей. Закрой глаза, открой рот. Что? *Corpus*¹. Тело. Труп. Хорошая находка, латынь. Первым делом их одурманить. Приют для умирающих. Кажется, они это не жуют: сразу глотают. Дикая идея — есть куски трупа. То-то каннибалы клюют на это.

Он стоял чуть поодаль, глядя, как их незрячие маски движутся вереницей по проходу, ищут свои места. Потом подошел к скамье и сел с краю, продолжая держать свои газету и шляпу. И что за горшки мы носим. Шляпы надо бы делать по форме головы. Они были рассеяны вокруг, там и сям, головы все еще опущены, алые ленточки, ждут, пока это растопится в их желудках. Вроде мацы, тот же сорт хлеба: пресные хлебы предложения. Только посмотреть на них. Так и видно, как счастливы. Конфетка. Счастливы до предела. Да, это называется хлеб ангелов. За этим большая идея, чувствуешь что-то в том роде, что Царство Божие внутри нас. Первые причастники. Чудо для крошек — леденец за грошик. После этого они все чувствуют себя как одна семья, то же самое в театре, все заодно. Конечно, чувствуют, я уверен. Не так одиноко: мы все братья. Потом в приподнятых чувствах. Дает разрядку. Во что веришь по-настоящему, это и существует. Исцеления в Лурде, воды забвения, явление в Ноке, кровоточащие статуи. Старикан заснул возле исповедальни. Оттуда и храп. Слепая вера. Обеспечил местечко в грядущем царствии. Убаюкивает все страдания. Разбудите в это же время через год.

¹ Тело (лат.).

Он увидел, как священник убрал чашу с причастием куда-то внутрь и на мгновение стал на колени перед ней, выставив серую большую подметку из-под кружевного балахона, что был на нем. А вдруг и у него на одной булавке. Как он домой дойдет? Сзади круглая плешь. На спине буквы. И. Н. Ц. И.? Нет: И. Х. С. Молли мне как-то объяснила. Ищу храм святости — или нет: ищу храм страдания, вот как. А те, другие? И нас целиком искупил.

Встретиться в воскресенье после мессы. Исполни эту мою просьбу. Появится под вуалью и с черной сумочкой. В сумерках и против света. Могла бы быть тут, с ленточкой на шее, и все равно тайком проделывать такие делишки. Они способны. Тот гусь, что выдал непобедимых, он каждое утро ходил, Кэри его звали, к причастию. Вот в эту самую церковь. Питер Кэри. Нет, это у меня Петр Клавер в голове. Дэнис Кэри. Представить только себе. Дома жена и шестеро детей. И все время готовил это убийство. Эти святоши, вот самое подходящее для них слово, в них всегда что-то скользкое. И в делах тоже они виляют. Да нет, ее нет здесь — цветков — нет, нет. А кстати, конверт-то я разорвал? Да-да, под мостом.

Священник ополоснул потир, потом залпом ловко опрокинул остатки. Вино. Так аристократичней чем если бы он пил что уж они там пьют портер Гиннеса или что-нибудь безалкогольное дублинское горькое Уитли или имбирный эль (ароматизированный) Кантрелла и Кокрейна. Им не дает: вино предложения: только то, другое. Скупаются. Святые мошенники; но правильно делают: иначе бы все пьянчужки сбегались кланчить. Странная атмосфера в этих. Правильно делают. Совершенно правы.

Мистер Блум оглянулся на хоры. Музыка никакой не будет. Жаль. Кто у них органист? Старый Глинн, вот тот умел заставить инструмент говорить, *вибрато*: по слухам, пятьдесят фунтов в год ему платили на Гардинер-стрит. В тот день Молли была очень в голосе, «*Stabat mater*»¹ Россини. Сначала проповедь отца Бернарда Вохена. Христос или Пилат? Да Христос, только не томи нас всю ночь. Вот музыку они хотели. Шарканье прекратилось. Булавка упадет — слышно. Я ей посоветовал направлять голос в тот угол. Волнение так и чувствовалось в воздухе, на пределе, все даже головы подняли:

¹ «Мать стояла» (лат.).

В этой старой церковной музыке есть чудесные вещи. МеркадANTE: семь последних слов. Двенадцатая месса Моцарта, а из нее — «Gloria». Папы в старину знали толк и в музыке и в искусстве, во всяческих статуях, картинах. Или Палестрина, к примеру. Пока так было, в добрые старые времена, славная была жизнь. И для здоровья полезно, пение, правильный режим, потом варили ликеры. Бенедиктин. Зеленый шартрез. Но все-таки держать в хоре кастратов это уж что-то слишком. А какие это голоса? Наверно, интересно было слушать после их собственных густых басов. Знатоки. Должно быть, они после этого ничего не чувствуют. Некая безмятежность. Не о чем беспокоиться. Жиреют, что им еще? Высокие длинноногие обжоры. Кто знает? Кастрат. Тоже выход из положения.

Он увидел как священник нагнулся и поцеловал алтарь, потом, повернувшись к собравшимся, благословил их. Все перекрестились и встали. Мистер Блум оглянулся по сторонам и тоже встал, глядя вверх поднявшихся шляп. Встают — это конечно для евангелия. Потом все опять стали на колени, а он спокойно уселся на скамью. Священник сошел с алтарного возвышения, держа перед собой предмет и они с прислужником стали друг другу отвечать по-латыни. Потом священник стал на колени и начал читать по бумажке:

— Господь наше прибежище и сила наша...

Мистер Блум подался вперед, чтобы уловить слова. Английский. Бросить им кость. Еще что-то помню. Когда был у мессы последний раз? Преславная и непорочная дева. Супруг ее Иосиф. Петр и Павел. Так интересней, когда понимаешь, о чем все это. Блестящая организация, это факт, работает как часы. Исповедь. Все стремятся. Тогда я скажу тебе все. Раскаяние. Прошу вас, накажите меня. Сильнейшее оружие в их руках. Сильней, чем у доктора или адвоката. Женщины просто с ума сходят. А я шушушушушушу. А вы бубубубубубу? Зачем же это вы? Разглядывает свое кольцо, ищет оправдание. Шепчущая галерея, у стен есть уши. Муж, к своему изумлению, узнает. Господь слегка подшутил. Потом она выходит. Раскаяние на пять минут. Мило пристыжена. Молитва у алтаря. Аве Мария да святая Мария. Цветы, ладан, оплывающие свечи. Прячет румянец. Армия спасения — жалкая подделка. Перед нашим собрани-

¹ Кто тот человек (лат.).

ем выступит раскаявшаяся блудница. Как я обрела Господа. В Риме, должно быть, головастые парни: это они ведь заправляют всей лавочкой. И денежки хорошие загибают. Завещания: приходскому священнику в его полное распоряжение. Служить мессы за упокой моей души всенародно при открытых дверях. Монастыри мужские и женские. В деле о завещании Ферманы священник в числе свидетелей. Этого не собьешь. Ответ заранее на все готов. Свобода и возвышение нашей святой матери церкви. Учители церкви, они на это придумали целое богословие.

Священник молился:

— Блаженный архангеле Михаиле, огради нас в час бедствий. Сохрани нас от злобы и козней диавола (смиренно молим, да укротит его Господь); и властью Божией, о княже воинства небесного, низрини его, сатану, во ад, и с ним купно прочих злых бесов, кои рыщут по свету погибели ради душ наших.

Священник с прислужником встали и пошли прочь. Кончено. Женщины еще остались: благодарение.

Пора убираться. Брат Обирало. Вдруг пойдет с блюдом. Вноси свою лепту.

Он поднялся. Эге. Это что же, две пуговицы на жилете так и были расстегнуты. Женщины в таких случаях в восторге. Никогда не скажут тебе. Любят, когда у тебя слегка расстрепанный вид. А уж мы-то. Простите, мисс, тут у вас (гмм!) крохотная (гмм!) пушинка. Или крючок расстегнется сзади на юбке. Проблеск луны. Досадуют, если ты не. Что же ты раньше не сказал? Хорошо еще тут, а не дальше к югу. Он прошел меж скамей, незаметно застегиваясь на ходу, и главную дверь вышел на свет. Зажмурясь, он остановился на миг возле холодной черной мраморной чаши, покуда сзади и спереди от него две богомолки окунали робкие руки в мелководье святой воды. Трамвай — фургон из красильни Прескотта — вдовица в трауре. Замечаю, потому что сам в трауре. Он надел шляпу. Сколько там набежало? Четверть? Хватает времени. Стоит сейчас заказать лосьон. Где это? Ах да, в прошлый раз. Свени на Линкольн-плейс. Аптекари редко переезжают. Эти бутылки их зеленые, золотые, не очень сдвинешь. Аптека Гамильтона Лонга основана в год наводнения. Недалеко от гугенотского кладбища. Зайти как-нибудь.

Он двинулся в южном направлении по Уэстленд-роу. А ведь рецепт-то в тех брюках. Ох, да и ключ там же. Морoka с этими похоронами. Ну ладно, он, бедный, не

виноват. Когда я заказывал это дело в последний раз? Пстой-ка. Еще, помню, разменял соверен. Должно быть, первого числа или второго. По книге заказов можно найти.

Аптекарь перелистывал страницу за страницей назад. От него будто пахнет чем-то песочным, ссохшимся. Сморщенный череп. Старик. Ищут философский камень. Алхимия. Наркотики дают возбуждение, а потом старят. Потом летаргия. А почему? Реакция. Целая жизнь за одну ночь. Характер постепенно меняется. Живешь постоянно среди трав, мазей, лекарств. Все эти алебастровые горшочки. Ступка и пестик. Aq. Dist. Fol. Laur. Te Virid¹. Уже один запах почти вылечивает, как позвонить в дверь к зубному. Доктор Коновал. Ему бы самому подлечиться. Лечебная кашка или эмульсия. Кто первый решился нарвать травы и лечиться ею, это был храбрый малый. Целебные травы. Нужна осторожность. Тут хватит всего вокруг, чтобы тебя хлороформировать. Проверка: синяя лакмусовая бумажка краснеет. Хлороформ. Чрезмерная доза опия. Снотворное. Приворотные зелья. Парегорик, маковый сироп, вреден при кашле. Закупоривает поры или мокроту. Яды, вот единственные лекарства. Исцеление там, где не ожидаешь. Мудрость природы.

— Примерно две недели назад, сэр?

— Да,— ответил мистер Блум.

Он ждал у конторки, вдыхая едкую вонь лекарств, сухой пыльный запах губок и люффы. Долгое дело — рассказывать, о чем у тебя голова болит.

— Миндальное масло и бензойная настойка,— сказал мистер Блум,— и потом померанцевая вода...

От этого лосьона кожа у нее делается нежная и белая, точно воск.

— И еще воск,— добавил он.

Подчеркивает темный цвет глаз. Смотрела на меня, натянув простыню до этих самых глаз, испанских, нюхала себя, пока я продевал запонки. Домашние средства часто самые лучшие: клубника для зубов, крапива и дождевая вода, а еще, говорят, толокно с пахтаньем. Питает кожу. Один из сыновей старой королевы, герцог Олбани, кажется, у него была всего одна кожа. Да, у Леопольда. А у всех нас по три. В придачу угри, мозоли и бородавки. Но тебе

¹ Фармацевтические сокращения: дистиллированная вода, лавровый лист, зеленый чай (*лат.*).

еще нужно и духи. Какими духами твоя? *Peau d'Espagne*¹. Тот флердоранж. Чистое ядровое мыло. Вода очень освежает. Приятный у этого мыла запах. Еще успеваю в баню, тут за углом. Хаммам. Турецкая. Массаж. Грязь скапливается в пупке. Приятней, если бы хорошенькая девушка это делала. Да я думаю и я. Да, я. В ванне этим заняться. Странное желание я. Вода к воде. Полезное с приятным. Жалко, нет времени на массаж. Потом весь день чувство свежести. Похороны мраку нагонят.

— Вот, сэр, — отыскал аптекарь. — Это стоило два и девять. А склянка у вас найдется с собой?

— Нет, — сказал мистер Блум. — Вы приготовьте, пожалуйста, а я зайду попоздней сегодня. И я возьму еще мыло, какое-нибудь из этих. Они почему?

— Четыре пенса, сэр.

Мистер Блум поднес кусок к носу. Сладковато-лимонный воск.

— Вот это я возьму, — решил он. — Итого будет три и пенни.

— Да, сэр, — сказал аптекарь. — Вы можете заплатить за все сразу, когда придете.

— Хорошо, — сказал мистер Блум.

Он вышел из аптеки, не торопясь, держа под мышкой трубку газеты и в левой руке мыло в прохладной обертке.

У самой подмышки голос и рука Бэнтама Лайонса сказали:

— Приветствую, Блум, что новенького? Это сегодняшняя? Вы не покажете на минутку?

Фу-ты, опять усы сбрил. Длинная, холодная верхняя губа. Чтобы выглядеть помоложе. А выгладит по-дурацки. Он моложе меня.

Пальцы Бэнтама Лайонса, желтые, с чернотой под ногтями, развернули газету. Ему бы тоже помыться. Содрать корку грязи. Доброе утро, вы не забыли воспользоваться мылом Пирса? По плечам перхоть. Череп бы смазывал.

— Хочу взглянуть насчет французской лошади, что сегодня бежит, — сказал Бэнтам Лайонс. — Черт, да где тут она?

Он шелестел мятыми страницами, ерзя подбородком туда-сюда по тугому воротничку. Зуд после бритья. От такого воротничка волосы будут лезть. Оставить ему газету, чтоб отвязался.

¹ Испанская кожа (франц.).

— Можете взять себе,— сказал мистер Блум.

— Аскот. Золотой кубок. Пойдите,— бормотал Бэн-там Лайонс.— Один мо. Максим Второй.

— Я здесь только рекламу смотрел,— добавил мистер Блум.

Внезапно Бэнтам Лайонс поднял на него глаза, в кото-рых мелькнуло хитрое выражение.

— Как-как вы сказали? — переспросил он отрывисто.

— Я говорю: можете взять себе,— повторил мистер Блум.— Я все равно хотел выбросить, только посмотрел рекламу.

Бэнтам Лайонс с тем же выражением в глазах поколе-бался минуту — потом сунул раскрытые листы обратно мистеру Блуму.

— Ладно, рискну,— проговорил он.— Держите, спа-сибо.

Едва не бегом он двинулся в сторону Конвея. Прыть как у зайца.

Мистер Блум, усмехнувшись, снова сложил листы акку-ратным прямоугольником и поместил между ними мыло. Дурацкие стали губы. Играет на скачках. Последнее время просто повальная зараза. Мальчишки-посыльные воруют, чтобы поставить шесть пенсов. Разыгрывается в лотерею отборная нежная индейка. Рождественский ужин за три пенса. Джек Флеминг играл на казенные деньги, а после сбежал в Америку. Теперь владелец отеля. Назад никогда не возвращаются. Котлы с мясом в земле египетской.

Бодрой походкой он приблизился к мечети турецких бань. Напоминает мечеть, красные кирпичи, минареты. Я вижу, сегодня университетские велогонки. Он рассматри-вал афишу в форме подковы над воротами Колледж-парка: велосипедист, согнувшийся в три погибели. Бездарная афишка. Сделали бы круглую, как колесо. Внутри спицы: гонки — гонки — гонки; а по ободу: университетские. Вот это бы бросалось в глаза.

Вон и Хорнблоуэр у ворот. С ним стоит поддерживать: мог бы туда пропускать за так. Как поживаете, мистер Хорнблоуэр? Как поживаете, сэр?

Погодка прямо райская. Если бы в жизни всегда так. Погода для крикета. Рассядутся под навесами. Удар за ударом. Промех. Здесь для крикета тесновато. Подряд шесть воротцев. Капитан Буллер пробил по левому краю и вышиб окно в клубе на Килдер-стрит. Таким игрокам место на ярмарке в Доннибруке. Эх, башки мы им откру-

тим, как на поле выйдет Джек. Волна тепла. Не слишком надолго. Вечно бегущий поток жизни: ищет в потоке жизни наш взгляд, что нам доро-о-оже всего.

А теперь насладимся баней: чистая ванна с водой, прохладная эмаль, теплый, ласкающий поток. Сие есть тело мое.

Он видел заранее свое бледное тело, целиком погруженное туда, нагое в лоне тепла, умащенное душистым тающим мылом, мягко омываемое. Он видел свое туловище и члены, покрытые струйной рябью, невесомо зависшие, слегка увлекаемые вверх, лимонно-желтые; свой пуп, завязь плоти; и видел, как струятся темные спутанные пряди поросли и струятся пряди потока вокруг поникшего отца тысяч, вяло колышущегося цветка.

Мартин Каннингем, первый, просунул оцилиндренную голову внутрь скрипучей кареты и, ловко войдя, уселся. За ним шагнул мистер Пауэр, пригибаясь из-за своего роста.

— Садитесь, Саймон.

— После вас,— сказал мистер Блум.

Мистер Дедал надел живо шляпу и поднялся в карету, проговорив:

— Да-да.

— Все уже здесь? — спросил Мартин Каннингем. — Забирайтесь, Блум.

Мистер Блум вошел и сел на свободное место. Потом взялся за дверцу и плотно притянул ее, пока она не закрылась плотно. Прodel руку в петлю и с серьезным видом посмотрел через открытое окошко кареты на спущенные шторы соседских окон. Одна отдернута: старуха глазеет. Приплюснула нос к стеклу: побелел. Благодарит небо, что не ее черед. Поразительно, какой у них интерес к трупам. Рады нас проводить на тот свет так тяжело родить на этот. Занятие в самый раз по ним. Шушуканье по углам. Шмыгают неслышно в шлепанцах бояться еще проснется. Потом прибрать его. Положить на стол. Молли и миссис Флеминг стелют ложе. Продтяните слегка к себе. Наш саван. Не узнаешь кто тебя мертвого будет трогать. Обмыть тело, голову. Ногти и волосы, кажется, подрезают. Часть на память в конвертик. Потом все равно отрастают. Нечистое занятие.

Все ждали, не говоря ни слова. Наверно, венки выносят. На что-то твердое сел. А, это мыло в заднем кармане. Лучше убраться оттуда. Подожди случая.

Все ждали. Потом спереди донеслись звуки колес — ближе — потом стук копыт. Тряхнуло. Карета тронулась, скрипя и покачиваясь. Послышались другие копыта и скрипучие колеса, сзади. Проплыли соседские окна и номер девятый с открытой дверью, с крепом на дверном молотке. Шагом.

Они еще выжидали, с подпрыгивающими коленями, куда не повернули и не поехали вдоль трамвайной линии. Трайтонвилл-роуд. Быстрей. Колеса застучали по булыжной мостовой, и расшатанные стекла запрыгали, стуча, в рамках.

— По какой это он дороге? — спросил мистер Пауэр в оба окошка.

— Айриштаун, — ответил Мартин Каннингем. — Рингсенд. Брансвик-стрит.

Мистер Дедал, поглядев наружу, кивнул.

— Хороший старый обычай, — сказал он. — Отрадно, что еще не забыт.

С минуту все смотрели в окна на фуражки и шляпы, приподнимаемые прохожими. Дань уважения. Карета, миновав Уотери-лейн, свернула с рельсов на более гладкую дорогу. Взгляд мистера Блума заметил стройного юношу в трауре и широкополой шляпе.

— Тут мимо один ваш друг, Дедал, — сказал он.

— Кто это?

— Ваш сын и наследник.

— Где он там? — спросил мистер Дедал, перегибаясь к окну напротив.

Карета, миновав улицу с доходными домами и развороченной, в канавах и ямах, мостовой, свернула, накренившись, за угол и снова покатила вдоль рельсов, громко стуча колесами. Мистер Дедал откинулся назад и спросил:

— А этот прохвост Маллиган тоже с ним? Его *fidus Achates*¹?

— Да нет, он один, — ответил мистер Блум.

— От тетушки Салли, надо думать, — сказал мистер Дедал. — Эта шайка Гулдингов, пьяненький счетоводишка и Криси, папочкина вошка-сикушка, то мудрое дитя, что узнает отца.

Мистер Блум бесстрастно усмехнулся, глядя на Рингсенд-роуд. Братья Уоллес; производство бутылок. Мост Доддер.

¹ Верный Ахат (лат.).

Ричи Гулдинг с портфелем стряпчего. Гулдинг, Коллис и Уорд, так он всем называет фирму. Его шуточки уже сильно с бородой. А был хоть куда. Воскресным утром танцевал на улице вальс с Игнатием Галлахером, на Стеймер-стрит, напялив две хозяйкины шляпы на голову. Ночи напролет куролесил. Теперь начинает расплачиваться: боюсь, что эта его боль в поясице. Жена утюжит спину. Думает вылечиться пилюльками. А в них один хлеб. Процентом шестьсот чистой прибыли.

— Связался со всяким сбродом, — продолжал сварливо мистер Дедал. — Этот Маллиган, вам любой скажет, это отпетый бандит, насквозь испорченный тип. От одного его имени воняет по всему Дублину. Но с помощью Божией и Пресвятой Девы, я им особо займусь, я напишу его матери, или тетке, или кто она там ему такое письмо, что у нее глаза полезут на лоб. Я тыл ему коленом почешу, могу вас заверить.

Он силился перекричать гроыханье колес:

— Я не позволю, чтобы этот ублюдок, ее племянничек, губил бы моего сына. Отродье зазывалы из лавки. Шнурки продает у моего родича, Питера Пола Максвайни. Не выйдет.

Он смолк. Мистер Блум перевел взгляд с его сердитых усов на кроткое лицо мистера Пауэра, потом на глаза и бороду Мартина Каннингема, которые солидно покачивались. Шумливый человек, своевольный. Носится со своим сыном. И правильно. Что-то после себя оставить. Если бы Руди, малютка, остался жить. Видеть, как он растет. Слышать голосок в доме. Как идет рядом с Молли в итонской курточке. Мой сын. Я в его глазах. Странное было бы ощущение. От меня. Слепой случай. Это видно тем утром на Реймонд-террас она из окна глядела как две собаки случаются под стеной не содейте зла. И сержант ухмылялся. Она была в том палевом халате с прорехой, так и не собралась зашить. Польди, давай мы. Ох, я так хочу, умираю. Так начинается жизнь.

Потом в положении. Пришлось отменить концерт в Грейстоуне. Мой сын в ней. Я мог бы его поставить на ноги. Мог бы. Сделать самостоятельным. Немецкому научить.

— Мы не опаздываем? — спросил мистер Пауэр.

— На десять минут, — сказал Мартин Каннингем, посмотрев на часы.

Молли. Милли. То же самое, но пожиже. Ругается как

мальчишка. Катись колбаской! Чертики с рожками! Нет, она милая девчушка. Станет уж скоро женщиной. Моллингар. Дражайший папулька. Студент. Да, да: тоже женщина. Жизнь. Жизнь.

Карету качнуло взад-вперед и с ней четыре их тулова.

— Корни мог бы нам дать какую-нибудь колымагу поудобней, — заметил мистер Пауэр.

— Мог бы, — сказал мистер Дедал, — если бы он так не косил. Вы меня понимаете?

Он прищурил левый глаз. Мартин Каннингом начал смахивать хлебные крошки со своего сиденья.

— Что это еще, Боже милостивый? — проговорил он. — Крошки?

— Похоже, что кто-то тут устраивал недавно пикник, — сказал мистер Пауэр.

Все привстали, недовольно оглядывая прелую, с оборванными пуговицами, кожу сидений. Мистер Дедал pokrutil носом, глядя вниз, поморщился и сказал:

— Или я сильно ошибаюсь... Как вам кажется, Мартин?

— Я и сам поразился, — сказал Мартин Каннингом.

Мистер Блум опустил на сиденье. Удачно, что зашел в баню. Ноги чувствуешь совершенно чистыми. Вот только бы еще миссис Флеминг заштопала эти носки получше.

Мистер Дедал, отрешенно вздохнув, сказал:

— В конце концов, это самая естественная вещь на свете.

— А Том Кернан появился? — спросил Мартин Каннингом, слегка теребя кончик бороды.

— Да, — ответил мистер Блум. — Он едет за нами с Хайнсом и с Недом Лэмбертом.

— А сам Корни Келлехер? — спросил мистер Пауэр.

— На кладбище, — сказал Мартин Каннингом.

— Я встретил утром Маккоя, — сообщил мистер Блум, — и он сказал, тоже постарается приехать.

Карета резко остановилась.

— Что там такое?

— Застряли.

— Где мы?

Мистер Блум высунул голову из окна.

— Большой канал, — сказал он.

Газовый завод. Говорят, вылечивает коклюш. Повезло, что у Милли этого не было. Бедные дети. Сгибаются пополам в конвульсиях, синеют, чернеют. Просто кошмар. С болезнями сравнительно легко обошлось. Одна корь. Чай

из льяного семени. Скарлатина, эпидемии инфлюэнцы. Рекламные агенты смерти. Не упустите такого случая. Вон там собачий приют. Старый Атос, бедняга! Будь добрым к Атосу, Леопольд, это мое последнее желание. Да будет воля твоя. Слушаемся их, когда они в могиле. Предсмертные каракули. Он себе места не находил, тосковал. Смирный пес. У стариков обычно такие.

Капля дождя упала ему на шляпу. Он спрятал голову и увидел, как серые плиты моментально усеялись темными точками. По отдельности. Интересно. Как через сито. Я так и думал, пойдет. Помнится, подошвы скрипели.

— Погода меняется, — спокойно сообщил он.

— Жаль, быстро испортилась, — откликнулся Мартин Каннингем.

— Для полей нужно, — сказал мистер Пауэр. — А вон и солнце опять выходит.

Мистер Дедал, воззрившись через очки на задернутое солнце, послал немое проклятие небесам.

— Не надежнее, чем попка младенца, — изрек он.

— Поехали.

Колеса с усилием завертелись снова, и торсы сидящих мягко качнуло. Мартин Каннингем живет затеребил кончик бороды.

— Вчера вечером Том Кернан был грандиозен, — сказал он. — А Падди Леонард его передразнивал у него на глазах.

— О, покажите-ка нам его, Мартин, — оживился мистер Пауэр. — Сейчас вы, Саймон, услышите, как он высказался про исполнение «Стриженого паренька» Беном Доллардом.

— Грандиозно, — с напыщенностью произнес Мартин Каннингем. — *То, как он спел эту простую балладу, Мартин, это самое проникновенное исполнение, какое мне доводилось слышать при всем моем долгом опыте.*

— Проникновенное, — со смехом повторил мистер Пауэр. — Это словечко у него просто пунктик. И еще — ретроспективное упорядочение.

— Читали речь Дэна Доусона? — спросил Мартин Каннингем.

— Я нет, — сказал мистер Дедал. — А где это?

— В сегодняшней утренней.

Мистер Блум вынул газету из внутреннего кармана. Я еще должен поменять книгу для нее.

— Нет-нет, — сказал поспешно мистер Дедал. — Потом, пожалуйста.

Взгляд мистера Блума скользнул по крайнему столбцу.

пробежав некрологи. Каллан, Коулмен, Дигнам, Фоусетт, Лаури, Наумен, Пик, это какой Пик, не тот, что служил у Кроссби и Оллейна? нет, Секстон, Эрбрайт. Черные литеры уже начали стираться на потрепанной и мятой бумаге. Благодарение Маленькому Цветку. Горькая утрата. К невыразимой скорби его. В возрасте 88 лет, после продолжительной и тяжелой болезни. Панихида на тридцатый день. Квинлен. Да помилует Иисус Сладчайший душу его.

Уж месяц как Генри ушел без возврата
В обители вечной он пребывает
Семейство скорбит над жестокой утратой
На встречу в горнем краю уповая.

А я конверт разорвал? Да. А куда положил письмо, после того как перечитывал в бане? Он ощупал свой жилетный карман. Тут. Генри ушел без возврата. Пока у меня еще есть терпение.

Школа. Лесосклад Мида. Стоянка кебов. Всего два сейчас. Дремлют. Раздулись, как клещи. Мозгов почти нет, одни черепные кости. Еще один трусит с седоком. Час назад я тут проходил. Извозчики приподняли шапки.

Спина стрелочника неожиданно выросла, распрямившись, возле трамвайного столба, у самого окна мистера Блума. Разве нельзя придумать что-нибудь автоматическое чтобы колеса сами гораздо удобней? Да но тогда этот парень потеряет работу? Да но зато еще кто-то получит работу, делать то, что придумают?

Концертный зал Эншент. Закрыт сегодня. Прохожий в горчичном костюме, с крепом на рукаве. Некрупная скорбь. Четверть траура. Женина родня, скажем.

Они проехали мрачную кафедру святого Марка, под железнодорожным мостом, мимо театра «Куинз»: в молчании. Рекламные щиты. Юджин Стрэттон, миссис Бэндмен Палмер. А не сходить ли мне на «Лию» сегодня вечером? Говорил ведь что. Или на «Лилию Килларни»? Оперная труппа Элстер Граймс. Новый сенсационный спектакль. Афиши на будущую неделю, еще влажные, яркие. «Бристольские забавы». Мартин Каннингем мог бы достать контрамарку в «Гэйети». Придется ему поставить. Шило на мыло.

Он придет днем. Ее песни.

Шляпы Плестоу. Бюст сэра Филипа Крэмптона у фонтана. А кто он был-то?

— Как поживаете? — произнес Мартин Каннингем, приветственно поднося ладонь ко лбу.

— Он нас не видит, — сказал мистер Пауэр. — Нет, видит. Как поживаете?

— Кто? — спросил мистер Дедал.

— Буян Бойлан, — ответил мистер Пауэр. — Вон он, вышел проветриться.

В точности когда я подумал.

Мистер Дедал перегнулся поприветствовать. От дверей ресторана «Ред бэнк» блеснул ответно белый диск соломенной шляпы — скрылся.

Мистер Блум осмотрел ногти у себя на левой руке, потом на правой руке. Да, ногти. Что в нем такого есть что они она видит? Наваждение. Ведь хуже не сыщешь в Дублине. Этим и жив. Иногда они человека чувствуют. Инстинкт. Но этакое гуся. Мои ногти. А что, просто смотрю на них: вполне ухожены. А после: одна, раздумывает. Тело не такое уже упругое. Я бы заметил по памяти. Отчего так бывает наверно кожа не успевает стянуться когда с тела спадет. Но фигура еще на месте. Еще как на месте. Плечи. Бедра. Полные. Вечером, когда одевалась на бал. Рубашка сзади застряла между половинок.

Он зажал руки между колен и отсутствующим, довольным взглядом обвел их лица.

Мистер Пауэр спросил:

— Что слышно с вашим турне, Блум?

— О, все отлично, — отвечал мистер Блум. — Мнения самые одобрительные. Вы понимаете, такая удачная идея...

— А вы сами поедете?

— Нет, знаете ли, — сказал мистер Блум. — Мне надо съездить в графство Клэр по одному частному делу. Идея в том, чтобы охватить главные города. Если в одном прогоришь, в других можно наверстать.

— Очень правильно, — одобрил Мартин Каннингем. — Сейчас там Мэри Андерсон.

— А партнеры у вас хорошие?

— Ее импресарио Луис Вернер, — сказал мистер Блум. — О да, у нас все из самых видных. Дж. К. Дойл и Джон Маккормак я надеюсь и. Лучшие, одним словом.

— И Мадам, — добавил с улыбкой мистер Пауэр. — Хоть упомянем последней, все равно первая.

Мистер Блум развел руками в жесте мягкой учтивости и снова сжал руки. Смит О'Брайен. Кто-то положил букет у подножия. Женщина. Наверно, годовщина смерти. Желает еще многих счастливых. Объезжая статую Фаррелла, карета бесшумно сдвинула их несопротивляющиеся колени.

Ркии: старик в темных лохмотьях протягивал с обочины свой товар, разевая рот: ркии.

— Шну-ркии, четыре на пенни.

Интересно, за что ему запретили практику. Имел свою контору на Хьюм-стрит. В том же доме, где Твиди, однофамилец Молли, королевский адвокат графства Уотерфорд. Цилиндр с тех пор сохранился. Остатки былой роскоши. Тоже в трауре. Но так скатиться, бедняга! Каждый пинает, как собаку. Последние деньки О'Каллахана.

И Мадам. Двадцать минут двенадцатого. Встала. Миссис Флеминг принялась за уборку. Причесывается, напевает: *voglio e non vogrei*. Нет: *vogrei e pop*¹. Рассматривает кончики волос, не секутся ли. *Mi trema un raso il*². Очень красиво у нее это *tre*: рыдающий звук. Тревожный. Трепетный. В самом слове «трепет» уже это слышится.

Глаза его скользнули по приветливому лицу мистера Пауэра. Виски седеют. Мадам: и улыбается. Я тоже улыбнулся. Улыбка доходит в любую даль. А может, просто из вежливости. Приятный человек. Интересно, это правду рассказывают насчет его содержанки? Для жены ничего приятного. Но кто-то меня уверял, будто бы между ними ничего плотского. Можно себе представить, тогда у них живо бы все завяло. Да, это Крофтон его как-то встретил вечером, он нес ей фунт вырезки. Где же она служила? Барменша в «Джури». Или из «Мойры»?

Они проехали под фигурой Освободителя в обширном плаще.

Мартин Каннингем легонько коснулся мистера Пауэра.

— Из колена Рувимова, — сказал он.

Высокий чернобородый мужчина с палкой грузно проковылял за угол слоновника Элвери, показав им за спиной скрюченную горстью ладонь.

— Во всей своей девственной красе, — сказал мистер Пауэр.

Мистер Дедал, поглядев вслед ковыляющей фигуре, пожелал кротко:

— Чтоб тебе сатана пропорол печенки!

Мистер Пауэр, зашедшись неудержимым смехом, заслонил лицо от окна, когда карета проезжала статую Грэя.

— Мы все это испытали, — заметил неопределенно Мартин Каннингем.

¹ Хотела бы и не (*итал.*).

² Слегка дрожит мое (*итал.*) — далее «сердце»: из дуэта «Дай руку мне, красотка».

Глаза его встретились с глазами мистера Блума. Поглядив свою бороду, он добавил:

— Ну, скажем, почти все из нас.

Мистер Блум заговорил с внезапною живостью, взглядываясь в лица спутников.

— Это просто отличная история, что ходит насчет Рувима Дж. и его сына.

— Про лодочника? — спросил мистер Пауэр.

— Да-да. Отличная ведь история?

— А что там? — спросил мистер Дедал. — Я не слышал.

— Там возникла какая-то девица, — начал мистер Блум, — и он решил услатить его от греха подальше на остров Мэн, но когда они оба...

— Что-что? — переспросил мистер Дедал. — Это этот окаянный уродец?

— Ну да, — сказал мистер Блум. — Они оба уже шли на пароход, и тот вдруг в воду...

— Варавва в воду! — воскликнул мистер Дедал. — Экая жалость, не утонул!

Мистер Пауэр снова зашелся смехом, выпуская воздух через заслоненные ноздри.

— Да нет, — принялся объяснять мистер Блум, — это сын...

Мартин Каннингем бесцеремонно вмешался в его речь.

— Рувим Дж. с сыном шли по набережной реки к пароходу на остров Мэн, и тут вдруг юный балбес вырвался и через парапет прямо в Лиффи.

— Боже правый! — воскликнул мистер Дедал в испуге. — И утонул?

— Утонул! — усмехнулся Мартин Каннингем. — Он утонет! Лодочник его выудил багром за штаны и причалил с ним напрямик к папаше, с полумертвым от страху. Полгорода там столпилось.

— Да, — сказал мистер Блум, — но самое-то смешное...

— И Рувим Дж., — продолжал Мартин Каннингем, — пожаловал лодочнику флорин за спасение жизни сына.

Приглушенный вздох вырвался из-под ладони мистера Пауэра.

— Да-да, пожаловал, — подчеркнул Мартин Каннингем. — Героически. Серебряный флорин.

— Отличная ведь история? — повторил с живостью мистер Блум.

— Переплатил шиллинг и восемь пенсов, — бесстрастно заметил мистер Дедал.

Тихий сдавленный смех мистера Пауэра раздался в карете.

Колонна Нельсона.

— Сливы, восемь на пенни! Восемь на пенни!

— Давайте-ка мы примем более серьезный вид,— сказал Мартин Каннингем.

Мистер Дедал вздохнул:

— Бедняга Падди не стал бы ворчать на нас, что мы посмеялись. В свое время сам порассказывал хороших историй.

— Да простит мне Бог! — проговорил мистер Пауэр, вытирая влажные глаза пальцами.— Бедный Падди! Не думал я неделю назад, когда его встретил последний раз и был он, как всегда, здоровехонек, что буду ехать за ним вот так. Ушел от нас.

— Из всех, кто только носил шляпу на голове, самый достойный крепышок,— выразился мистер Дедал.— Ушел в одночасье.

— Удар,— молвил Мартин Каннингем.— Сердце.

Печально он похлопал себя по груди.

Лицо как распаренное: багровое. Злоупотреблял горячительным. Средство от красноты носа. Пей до чертиков, покуда не станет трупно-серым. Порядком он денег потратил, чтоб перекрасить.

Мистер Пауэр смотрел на проплывающие дома со скорбным сочувствием.

— Бедняга, так внезапно скончался.

— Наилучшая смерть,— сказал мистер Блум.

Они поглядели на него широко открытыми глазами.

— Никаких страданий,— сказал он.— Момент, и конечно. Как умереть во сне.

Все промолчали.

Мертвая сторона улицы. Днем всякий унылый бизнес, земельные конторы, гостиница для непьющих, железнодорожный справочник Фолконера, училище гражданской службы, Гилл, католический клуб, общество слепых. Почему? Какая-то есть причина. Солнце или ветер. И вечером то же. Горняшки да подмастерья. Под покровительством покойного отца Мэтью. Камень для памятника Парнеллу. Удар. Сердце.

Белые лошади с белыми султанами галопом вынеслись из-за угла Ротонды. Мелькнул маленький гробик. Спешит в могилу. Погребальная карета. Неженатый. Женатому вороных. Старому холостяку пегих. А монашке мышастых.

— Грустно,— сказал Мартин Каннингем.— Какой-то ребенок.

Личико карлика, лиловое, сморщенное, как было у малютки Руди. Тельце карлика, мягкое, как замазка, в сосновом гробике с белой обивкой внутри. Похороны оплачены товариществом. Пенни в неделю за клочок на кладбище. Наш. Бедный. Крошка. Младенец. Несмышленьш. Ошибка природы. Если здоров, это от матери. Если нет, от отца. В следующий раз больше повезет.

— Бедный малютка,— сказал мистер Дедал.— Отмаялся.

Карета медленно взбиралась на холм Ратленд-сквер. Растрясут его кости. Свалят гроб на погосте. Горемыка безродный. Всему свету чужой.

— В расцвете жизни,— промолвил Мартин Каннингем.

— Но самое худшее,— сказал мистер Пауэр,— это когда человек кончает с собой.

Мартин Каннингем быстрым движением вынул часы, кашлянул, спрятал часы обратно.

— И это такое бесчестье, если у кого-то в семье,— продолжал мистер Пауэр.

— Временное умопомрачение, разумеется,— решительно произнес Мартин Каннингем.— Надо к этому относиться с милосердием.

— Говорят, тот, кто так поступает, трус,— сказал мистер Дедал.

— Не нам судить,— возразил Мартин Каннингем.

Мистер Блум, собравшись было заговорить, снова сомкнул уста. Большие глаза Мартина Каннингема. Сейчас отвернулся. Гуманный, сострадательный человек. И умный. На Шекспира похож. Всегда найдет доброе слово. А у них никакой жалости насчет этого, и насчет детоубийства тоже. Лишают христианского погребения. Раньше загоняли в могилу кол, в сердце ему. Как будто и так уже не разбито. Но иногда те раскаиваются, слишком поздно. Находят на дне реки вцепившимися в камыши. Посмотрел на меня. Жена у него жуткая пьянчужка. Сколько раз он заново обставит квартиру, а она мебель закладывает чуть ли не каждую субботу. Жизнь как у проклятого. Это надо каменное сердце. Каждый понедельник все заново. Тяни лямку. Мать Божья, хороша же она была в тот вечер. Дедал рассказывал, он там был. Как есть в стельку, и приплясывает с мартиновым зонтиком.

На Востоке слыву я первойшей
Ах, первойшей
Красавицей гейшей.

Опять отвернулся. Знает. Растрясут его кости.

В тот день, дознание. На столе пузырек с красным ярлыком. Номер в гостинице, с охотничьими картинками. Духота. Солнце просвечивает сквозь жалюзи. Уши следователя крупные, волосатые. Показания коридорного. Сперва подумал, он спит. Потом увидел на лице вроде как желтые потеки. Свесился с кровати. Заключение: чрезмерная доза. Смерть в результате неосторожности. Письмо. Моему сыну Леопольду.

Не будет больше мучений. Никогда не проснешься. Всему свету чужой.

Лошади припустили вскачь по Блессингтон-стрит. Свалят гроб на погосте.

— А мы разогнались, я вижу, — заметил Мартин Каннингем.

— Авось, он нас не перевернет, — сказал мистер Пауэр.

— Надеюсь, нет, — сказал Мартин Каннингем. — В Германии завтра большие гонки. Кубок Гордона Беннета.

— Да, убей бог, — хмыкнул мистер Дедал. — Это бы стоило посмотреть.

Когда они свернули на Беркли-стрит, уличная шарманка возле Бассейна встретила и проводила их разухабистым скачущим мотивчиком мюзик-холла. Не видали Келли? Ка — е два эл — и. Марш мертвых из «Саула». Этот старый негодник Антонио. Меня бросил без всяких резонно. Пирут! Скорбящая Божья Матерь. Экклс-стрит. Там дальше мой дом. Большая больница. Вон там палата для безнадежных. Это обнадеживает. Приют Богоматери для умирающих. Мертвецкая тут же в подвале, удобно. Где умерла старая миссис Риордан. Эти женщины, ужасно на них смотреть. Ее кормят из чашки, подбирают ложечкой вокруг рта. Потом обносят кровать ширмой, оставляют умирать. Славный был тот студент, к которому я пришел с пчелиным вкусом. Потом сказали, он перешел в родильный приют. Из одной крайности в другую.

Карета завернула галопом за угол — и стала.

— Что там еще?

Стадо клейменого скота, разделившись, обтекало карету, тяжело ступая разбитыми копытами, мыча, лениво обмахивая хвостами загаженные костлявые крупы. По бокам и в гуще гурта трусили меченые овцы, бляя от страха.

— Эмигранты,— сказал мистер Пауэр.

— Гей! Гей! — покрикивал голос скотогона, бич его щелкал по их бокам.— Гей! С дороги!

Конечно, четверг. Завтра же день забоя. Молодняк. У Каффа шли в среднем по двадцать семь фунтов. Видимо, в Ливерпуль. Ростбиф для старой Англии. Скупают самых упитанных. И потом пятая четверть теряется: все это сырье, шерсть, шкуры, рога. За год наберется очень порядочно. Торговля убоиной. Побочные продукты с боен идут кожевникам, на мыло, на маргарин. Интересно, еще действует этот трюк, когда можно было мясо с душком покупать прямо с поезда, в Клонзилле.

Карета пробиралась сквозь стадо.

— Не могу понять, почему муниципалитет не проложит линию трамвая от ворот парка к набережным,— сказал мистер Блум.— Можно было бы весь этот скот доставлять вагонами прямо на пароходы.

— Чем загоразивать движение,— поддержал Мартин Каннингем.— Очень правильно. Так и надо бы сделать.

— Да,— продолжал мистер Блум,— и еще другое я часто думаю, это чтобы устроили похоронные трамваи, знаете, как в Милане. Провести линию до кладбища и пустить специальные трамваи, катафалк, траурный кортеж, все как положено. Вы понимаете мою идею?

— Ну, это уж анекдот какой-то,— молвил мистер Дедал.— Вагон спальный и вагон-ресторан.

— Печальные перспективы для Корни,— добавил мистер Пауэр.

— Почему же? — возразил мистер Блум, оборачиваясь к мистеру Дедалу.— Разве не будет это приличней, чем трястись вот так парами, нос к носу?

— Ну ладно, может, тут и есть что-то,— снизошел мистер Дедал.

— И к тому же,— сказал Мартин Каннингем,— мы бы избавились от сцен вроде той, когда катафалк перевернулся у Данфи и опрокинул гроб на дорогу.

— Совершенно ужасный случай! — сказала потрясенное лицо мистера Пауэра.— И труп вывалился на мостовую. Ужасно!

— Первым на повороте у Данфи,— одобрительно кивнул мистер Дедал.— На кубок Гордона Беннета.

— Господи помилуй! — произнес набожно Мартин Каннингем.

Трах! На попа! Гроб грохается об мостовую. Крышка

долой. Падди Дигнам вылетает и катится в пыли как колода в коричневом костюме, который ему велик. Красное лицо — сейчас серое. Рот разинут. Спрашивает, чего такое творится. Правильно закрывают им. Жуткое зрелище с открытым. И внутренности быстрее разлагаются. Самое лучшее закрыть все отверстия. Ага, и там. Воском. Сфинктер расслабляется. Все заткнуть.

— Данфи, — объявил мистер Пауэр, когда карета повернула направо.

Перекресток Данфи. Стоят траурные кареты: залить горе. Придорожный привал. Для трактира идеальное место. Наверняка заглянем на обратном пути пропустить за его здоровье. Чаша утешения. Эликсир жизни.

А допустим правда случилось бы. Пошла бы у него кровь скажем если бы напоролся на гвоздь? И да и нет, я так думаю. Смотря где. Кровообращение останавливается. Но из артерии еще сколько-нибудь может вытечь. Было бы лучше хоронить в красном. В темно-красном.

Они ехали молча по Фибсборо-роуд. Навстречу с кладбища пустой катафалк: с облегченным видом.

Мост Кроссганс: королевский канал.

Вода с ревом устремлялась сквозь шлюзы. Человек стоял на опускающейся барже между штабелями сухого торфа. У створа, на буксирной тропе, лошадь на длинной привязи. Плавание на «Бугабу».

Глаза их смотрели на него. По медленным тинистым каналам и рекам проплыл он в своем дощанике через всю Ирландию к побережью на буксирном канате мимо зарослей камыша, над илом, увязшими бутылками, трупами дохлых псов. Атлон, Моллинггар, Мойвэлли, я бы мог Милли навестить пешим ходом, шагай себе вдоль канала. Или на велосипеде. Взять старенький напрокат, никакого риска. У Рена был как-то на торгах, только дамский. Улучшать водные пути. У Джеймса Макканна хобби катать меня на пароме. Дешевый транспорт. Малыми расстояниями. Плавающие палатки. Туризм. И катафалки можно. Водой на небо. А что, поехать вот так, без предупреждения. Сюрприз. Лейкслип, Клонзилла. Спустился, шлюз за шлюзом, до Дублина. С торфом из внутренних болот. Привет. Он снял соломенную порыжелую шляпу, приветствуя Падди Дигнама.

Проехали дом Брайена Бороиме. Ближе уже.

— Интересно, как там наш друг Фогарти, — сказал мистер Пауэр.

— Спросите у Тома Кернана, — отозвался мистер Дедал.

— Как так? — спросил Мартин Каннингем. — Я думал, он ему сделал ручкой.

— Хоть скрылся из глаз, но для памяти дорог, — промолвил мистер Дедал.

Карета повернула налево по Финглас-роуд.

Направо камнерезные мастерские. Финишная прямая. На полоске земли столпились безмолвные фигуры, белые, скорбные, простирая безгневно руки, в горе пав на колени, с указующим жестом. Тесные куски фигур. В белом безмолвии — взывают. Обширный выбор. Том. Х. Деннани, скульптор и изготовитель надгробий.

Проехали.

Перед домом Джимми Гири, могильщика, сидел на обочине старый бродяга и ворча вытряхивал сор и камешки из здорового пропыленного башмака с зияющей пастью. После жизненного странствия.

Потянулись угрюмые сады один за другим — угрюмые дома.

Мистер Пауэр показал рукой.

— Вон там был убит Чайлдс, — сказал он. — В крайнем доме.

— Там, — подтвердил мистер Дедал. — Жуткая история. Братоубийство. Так считали, по крайней мере. А Сеймур Буш его вытянул.

— Улик не было, — сказал мистер Пауэр.

— Одни косвенные, — сказал Мартин Каннингем. — Таков принцип правосудия. Пусть лучше девяносто девять виновных ускользнут, чем один невиновный будет приговорен.

Они смотрели. Земля убийцы. Зловеще проплыла мимо. Закрыты ставни, никто не живет, запущенный сад. Все пошло прахом. Невиновный приговорен. Убийство. Лицо убийцы в зрачках убитого. Про такое любят читать. В саду найдена голова мужчины. Одежда ее состояла из. Как она встретила смертный час. Знаки недавнего насилия. Орудием послужило. Убийца еще на свободе. Улики. Шнурок от ботинок. Тело решено эксгумировать. Убийство всегда открывается.

Теснота тут в карете. А вдруг ей не понравится если я неожиданно-негаданно. С женщинами надо поосторожней. Один раз застанешь со спущенными панталонами, всю жизнь не простит. Пятнадцать.

Прутья высокой ограды Проспекта замелькали рябью

в глазах. Темные тополя, редкие белые очертания. Очертания чаще, белые силуэты толпою среди деревьев, белые очертания, части их, безмолвно скользили мимо с тщетными в воздухе застывшими жемами.

Ободья скрипнули по обочине: стоп. Мартин Каннингем потянулся к ручке, нажал, повернул ее и распахнул дверцу, толкнув коленом. Он вышел. За ним мистер Пауэр и мистер Дедал.

Момент переложить мыло. Рука мистера Блума проворно расстегнула задний брючный карман и отправила мыло, слипшееся с оберткой, во внутренний карман с носовым платком. Он вышел, сунув обратно газету, которую все еще держала другая рука.

Убогие похороны: три кареты и катафалк. Какая разница. Факельщики, золоченая сбруя, заупокойная месса, артиллерийский салют. Смерть с помпой. У последней кареты стоял разносчик с лотком фруктов и пирожков. Черствые пирожки сохлись вместе: пирожки для покойников. Собачья радость. Кто их ест? Те, кто обратно с кладбища.

Он шел за своими спутниками, позади мистер Кернан и Нед Лэмберт, за ними Хайнс. Корни Келлехер, стоявший у открытого катафалка, взял два венка и передал один мальчику.

А куда же делись те детские похороны?

Упряжка лошадей со стороны Финглас-роуд натужно тащила в похоронном молчании скрипучую телегу с глыбой гранита. Шагавший впереди возчик снял шапку.

Теперь гроб. Хоть мертвый, а поспел раньше. Лошадь оглядывается на него, султан съехал. Глаза тусклые: хомут давит, зажало ей вену или что там. А знают они что такое возят сюда каждый день? Верно что ни день похорон двадцать — тридцать. Еще Иеронимова Гора для протестантов. Хоронят везде и всюду каждую минуту по всему миру. Спихивают под землю возами, в спешном порядке. Тысячи каждый час. Чересчур много развелось.

Из ворот выходили женщина и девочка в трауре. Тонкогубая гарпия, из жестких деловых баб, шляпка набок. У девочки замурзанное лицо в слезах, держит мать за руку, смотрит на нее снизу, надо или не надо плакать. Рыбье лицо, бескровное, синее.

Служители подняли гроб и понесли в ворота. Мертвый вес больше. Я сам себя чувствовал тяжелей, когда вылезал из ванны. Сначала труп: потом друзья трупа. За гро-

бом с венками шли Корни Келлехер и мальчик. А кто это рядом с ними? Ах да, свояк.

Все двигались следом.

Мартин Каннингем зашептал:

— Я так и обомлел, когда вы при Блуме начали о самоубийствах.

— Что-что? — зашептал мистер Пауэр. — А почему?

— Его отец отравился, — шептал Мартин Каннингем. — Он был хозяин отеля «Куинз» в Эннисе. Слышали он сказал он едет в Клэр. Годовщина.

— О Господи! — шептал мистер Пауэр. — В первый раз слышу. Отравился!

Он оглянулся туда, где в сторону усыпальницы кардинала двигалось лицо с темными задумчивыми глазами. Беседуя.

— А он был застрахован? — спросил мистер Блум.

— Кажется, да, — отвечал мистер Кернан, — но только он заложил свой полис. Мартин хлопочет, чтобы младшего устроить в Артейн.

— А сколько всего детишек?

— Пятеро. Нед Лэмберт обещает устроить одну из девочек к Тодду.

— Печальный случай, — с сочувствием произнес мистер Блум. — Пятеро маленьких детей.

— А какой удар для жены, — добавил мистер Кернан.

— Еще бы, — согласился мистер Блум.

Чихала она теперь на него.

Он опустил взгляд на свои начищенные ботинки. Она пережила его. Овдовела. Для нее он мертвее, чем для меня. Всегда один должен пережить другого. Мудрецы говорят. Женщин на свете больше, мужчин меньше. Выразить ей соболезнование. Ваша ужасная утрата. Надеюсь, вы вскоре последуете за ним. Это только вдовы индусов. Она может выйти за другого. За него? Нет. Хотя кто знает. Вдовство больше не в чести, как старая королева умерла. Везли на лафете. Виктория и Альберт. Траурная церемония во Фрогморе. Но в конце она себе позволила парочку фиалок на шляпку. Тщеславие, в сердце сердца. Все ради тени. Консорт, даже не король. Ее сын, вот где было что-то реальное. Какая-то новая надежда, а не то прошлое, которое, она все ждала, вернется. Оно не может вернуться. Кому-то уйти первым — в одиночку, под землю — и не лежать уж в ее теплой постели.

— Как поживаете, Саймон? — тихо спросил Нед Лэмберт, пожимая руку. — Не виделись с вами целую вечность.

— Лучше не бывает. А что новенького в нашем преславном Корке?

— Я ездил туда на скачки на светлой неделе, — сказал Нед Лэмберт. — Нового одно старое. Остановился у Дика Тайви.

— И как там наш Дик, честняга?

— Как есть ничего между ним и небом, — выразился Нед Лэмберт.

— Силы небесные! — ахнул мистер Дедал в тихом изумлении. — Дик Тайви облысел?

— Мартин Каннингем пустил подписной лист в пользу ребятни, — сказал Нед Лэмберт, кивнув вперед. — По несколько шиллингов с души. Чтобы им продержаться, пока получают страховку.

— Да-да, — произнес неопределенно мистер Дедал. — Это что, старший там впереди?

— Да, — сказал Нед Лэмберт, — и брат жены. За ними Джон Генри Ментон. Он уже подписался на фунт.

— Я был всегда в нем уверен, — заявил мистер Дедал. — Сколько раз я говорил Падди, чтоб он держался за ту работу. Джон Генри — это не худшее, что бывает.

— А как он потерял это место? — спросил Нед Лэмберт. — Попивал чересчур?

— Грешок многих добрых людей, — со вздохом молвил мистер Дедал.

Они остановились у входа в часовню. Мистер Блум стоял позади мальчика с венком, глядя вниз на его прилизанные волосы и тонкую, с ложбинкой, шею в новеньком тесном воротничке. Бедный мальчуган! Был ли он при этом, когда отец? Оба без сознания. В последний миг приходит в себя и узнает всех в последний раз. Все что он мог бы сделать. Я должен три шиллинга О'Грэди. Понимал ли он? Служители внесли гроб в часовню. Где голова у него?

Через мгновение он прошел за другими, моргая после яркого света. Гроб стоял перед алтарем на подставке, по углам четыре высокие желтые свечи. Всегда впереди нас. Корни Келлехер, прислонив венки у передних углов, знаком указал мальчику стать на колени. Вошедшие стали там и сям на колени у мест для молящихся. Мистер Блум стоял позади, недалеко от купели, и, когда все стали на колени, аккуратно уронил из кармана развернутую газету и стал на нее правым коленом. На левое колено он осторожно поместил свою шляпу и, придерживая ее за поля, благочестиво склонил голову.

Из дверей появился служка, неся медное ведро с чем-то внутри. За ним шел священник в белом, одной рукой поправляя столу, другой придерживая маленькую книжицу у своего жабьего брюха. А кто будет нам читать? Каркнул ворон: я опять.

Они стали у гроба, и священник принялся быстро каркать по своей книжке.

Отец Гробби. Я помню, как-то похоже на гроб. Domine-pamine¹. Здоровенная морда. Заправляет спектаклем. Дюжий христианин. Горе тому, кто на него косо глянет: священник. Ты еси Петр. Отъел бока, как баран на клевере, сказал бы Дедал. И брюхо раздулось, как у дохлого пса. Где он такие выражения находит, диву даешься. Пуфф: бока лопаются.

— Non intres in iudicium cum servo tuo, Domine².

Дает им чувство собственной важности, когда над ними молятся по-латыни. Заупокойная месса. Все в трауре, рыдают. Бумага с траурной каймой. Твое имя в поминальном листе. Как зябко тут. Его и тянет поест, когда сидит уныло все утро притопыивает ногами да ждет следующего милости просим. И глаза жабы. С чего его так пучит? Молли, эту с капусты. Может быть, тут воздух такой. На вид как будто раздут от газов. В таком месте должна быть адская пропасть газов. Мясников взять: сами становятся как сырые бифштексы. Кто мне рассказывал? Мервин Браун. В крипте святой Верберги у них чудный орган старинный полтора-двадцать лет им там пришлось пробуравить дырки в гробах чтобы газы выпустить и поджечь. Со свистом вырывается: синий. Свистнуло — и тебя нет.

Колено больно. Ох. Вот так лучше.

Священник взял из служкиного ведерка палку с шишкой на конце и помахал ей над гробом. Потом пошел в ноги гроба, помахал там. Вернулся на место и положил ее обратно в ведро. Каким и был покуда не упокоился. Это все записано: он это все обязан проделать.

— Et ne nos inducas in tentationem³.

Служка вторил ему писклявым дискантом. Я часто думал, что лучше брать прислугу из мальчиков. Лет до пятнадцати. Старше уже, конечно...

А там святая вода, должно быть. Окропляет сном.

¹ Господинья (*искаж. лат.*)

² Не осуди раба твоего, Господи (*лат.*)

³ И не введи нас во искушение (*лат.*)

Небось уже обрыдло ему махать махалкой над всеми трупами что подвозят. Пускай бы полубовался над чем он машет. Каждый божий день свежая порция: мужчины средних лет, старухи, дети, женщины, умершие от родов, бородачи, лысые бизнесмены, чахоточные девицы с цыплячьими грудками. Круглый год бормочет над ними одно и то же потом покропит водой: спите. Сейчас вот Дигнама.

— In paradisum¹.

Говорит он пойдет в рай или уже в раю. Над каждым повторяет. Нудное дело. Но что-то он должен говорить.

Священник закрыл книжку и вышел, служка за ним. Корни Келлехер открыл боковые двери и вошли могильщики. Они снова подняли гроб, вынесли его и опустили на свою каталку. Корни Келлехер дал один веночек мальчику, другой свояку, и все следом за ними вышли через боковые двери на воздух, теплый и пасмурный. Мистер Блум вышел последним, сунув обратно в карман сложенную газету. Взор его оставался чинно потушен, пока каталка с гробом не повернула налево. Железные колеса визгливо скрежетнули по гравию, и отряд тупоносых башмаков двинулся за каталкой по аллее могил.

Тари тара тари тара тару. Батюшки, тут разве можно петь.

— Мавзолей О'Коннелла, — сказал Дедал рядом с ним.

Кроткие глаза мистера Пауэра поднялись к вершине высокого обелиска.

— Тут он покоится, — произнес он, — среди своего народа, старый Дэн О'. Но сердце его погребено в Риме. А сколько разбитых сердец погребено тут, Саймон!

— Там вон ее могила, Джек, — сказал мистер Дедал. — Скоро и я лягу рядом. Да призовет Он меня, когда будет воля Его.

Не удержавшись, он начал тихо всхлипывать, бредя неровной, оступающей походкой. Мистер Пауэр взял его под руку.

— Ей лучше там, где она сейчас, — мягко промолвил он.

— Да, я знаю, — ответил сдавленно мистер Дедал. — Она сейчас на небе, если только есть небо.

Корни Келлехер шагнул в сторону и пропустил остальных вперед.

— Печальные события, — учтиво заговорил мистер Кернан.

¹ В раю (лат.)

Мистер Блум прикрыл глаза и дважды скорбно покивал головой.

— Все остальные надели шляпы, — заметил мистер Кернан. — Я думаю, и нам тоже стоит. Мы последние. Это кладбище коварное место.

Они покрыли головы.

— А вам не кажется, что его преподобие отслужил слишком скоропалительно? — сказал с неодобрением мистер Кернан.

Мистер Блум солидно кивнул, глянув в живые глаза с красными прожилками. Скрытые глаза, скрытые и обыскивающие. Видимо, масон: точно не знаю. Опять рядом с ним. Мы последние. В равном положении. Авось, он что-нибудь еще скажет.

Мистер Кернан добавил:

— Служба Ирландской Церкви, на Иеронимовой Горе, и проще и более впечатляет, я должен это сказать.

Мистер Блум выразил сдержанное согласие. Язык, конечно, многое значит.

Мистер Кернан торжественно произнес:

— *Я емь воскресение и жизнь.* Это проникает до самой глубины сердца.

— Действительно, — сказал мистер Блум.

Твоего-то может и да но какой прок малому в ящике шесть футов на два с цветочком из пятки? Ему проникает? Седалище страстей. Разбитое сердце. В конечном счете насос, качает каждый день сотни галлонов крови. Потом в один прекрасный день закупорка, и ты с концами. Их тут вокруг навалом: кишки, печенки, сердца. Старые ржавые насосы — и ни черта больше. Воскресение и жизнь. Уж если умер так умер. Или идея насчет страшного суда. Всех вытряхнуть из могил. Лазарь! иди вон. А пошла вонь, и трюк провалился. Подъем! Страшный суд! И все шныряют как мыши, разыскивают свои печенки и селезенки и прочие потроха. Чтоб все до крохи собрал за утро, так твою и растак. Ползолотника праху в черепе. Двенадцать гран ползолотника. Тройская мера.

Корни Келлехер пристроился к ним.

— Все было экста-класс, — сказал он. — А?

Он искоса поглядел на них тягучим взглядом. Грудь полисмена. С твоим труляля труляля.

— Как полагается, — согласился мистер Кернан.

— Что? А? — переспросил Корни Келлехер.

Мистер Кернан повторил.

— А кто это позади нас с Томом Кернаном? — спросил Джон Генри Ментон. — Лицо знакомое.

Нед Лэмберт мельком оглянулся назад.

— Блум, — ответил он. — Мадам Мэрион Твиди, та, что была, вернее, она и есть, певица, сопрано. Это жена его.

— А, вон что, — протянул Джон Генри Ментон. — Давненько я ее не видал. Была эффектная женщина. Я танцевал с ней, постой-ка, тому назад пятнадцать — семнадцать золотых годиков, у Мэта Диллона в Раундтауне. Было что подержать в руках.

Он оглянулся в конце процессии.

— А что он такое? Чем занимается? Он не был в писчебумажной торговле? Помню, я с ним расплевался как-то вечером в кегельбане.

Нед Лэмберт усмехнулся:

— Ну как же, был. Пропагандист промокашек.

— Бога ради, — посетовал Джон Генри Ментон, — и что она вышла за этого гуся лапчатого? Ведь какая была, с изюминкой, с огоньком.

— Такой пока и осталась, — заверил Нед Лэмберт. — А он сейчас рекламный агент.

Большие выпуклые глаза Джона Генри Ментона глядели неподвижно вперед.

Тележка свернула в боковую аллею. Солидный мужчина выступил из засады за кустами и снял шляпу. Могильщики тронули свои кепки.

— Джон О'Коннелл, — сказал мистер Пауэр, довольный. — Никогда не забудет друга.

Мистер О'Коннелл молча пожал всем руки. Мистер Дедал сказал:

— Я снова с визитом к вам.

— Любезный Саймон, — произнес негромко смотритель, — я совсем не желаю вас в свои завсегдатаи.

Поклонившись Неду Лэмберту и Джону Генри Ментону, он пошел рядом с Мартином Каннингемом, позвякивая связкой ключей у себя за спиной.

— А вы не слышали историю, — спросил он у всех, — насчет Малкэхи из Кума?

— Я не слыхал, — ответил Мартин Каннингем.

Все дружно склонили к нему цилиндры, Хайнс тоже подставил ухо. Смотритель подцепил большими пальцами золотую цепочку от часов и, деликатно понизив голос, заговорил, обращаясь к их выжидательным улыбкам:

— Рассказывают, будто бы двое дружков, подвыпив,

в один туманный вечер заявили сюда навестить могилу приятеля. Спросили, где тут лежит Малкэхи из Кума, им объяснили, куда идти. Ну-с, проплутав сколько-то в тумане, они находят могилу. Один из пьяниц читает по буквам: Теренс Малкэхи. Другой в это время хлопает глазами на статую Спасителя, которую вдова заказала и поставила.

Смотритель похлопал глазами на один из попутных памятников. Потом снова продолжал:

— Ну, поморгал он, поморгал на божественную статую и говорит: *Да ни хрена он не похож на нашего Малкэхи. Какой-то сапожник делал, ни малейшего сходства.*

Вознагражденный улыбками, он пропустил их вперед и принялся тихо толковать с Корни Келлехером, забирая у него квитанции, листая и проглядывая их на ходу.

— Это он специально,— объяснил Мартин Каннингем Хайнсу.

— Знаю,— ответил Хайнс,— я раскусил.

— Подбодрить публику,— сказал Мартин Каннингем.— Из чистой доброты, ничего другого.

Мистера Блума восхищала осанистая фигура смотрителя. С ним все хотят быть в хороших отношениях. Глубоко порядочный человек, Джон О'Коннелл, отличной выпечки. Ключи — как реклама для Ключчи — нет опасения, что кто-то сбежит, на выходе не проверяем. Хабеат корпус. После похорон надо заняться этой рекламой. Кажется, я написал Боллсбридж на том конверте, которым прикрыл листок, когда она вдруг вошла, а я писал Марте. Еще застрянет как неверно заадресованное. Не мешало бы побриться. Щетина седая. Это первый признак, когда волос седеет у корней. Еще характер портится. И в седых волосах уж блестит серебро. Интересно, что чувствует его жена. Как у него хватило духу сделать кому-то предложение. Пошли, будешь жить на кладбище. Огорошить ее этим. Сначала, может, это ее возбудит. Смерть в ухажерах. Тут всюду ночные тени роятся при таком множестве мертвецов. Тени могил когда скрипят гроба и Дэниэл О'Коннелл наверно он потомок его кто ж это уверял будто он был со странностями и любвеобилен на редкость но все равно великий католик как огромный гигант во тьме. Блуждающие огоньки. Могильные газы. Ей надо отвлекать мысли от этого, а то не сможет зачать. Женщины особенно впечатлительны. Рассказать ей в постели историю с привидениями, чтоб заснула. Ты видела когда-нибудь привидение? Знаешь, а я видел. Стояла тьма, хоть глаз выколи. Часы пробили

двенадцать. Но могут и целоваться со всем пылом, стоит только настроить. В Турции шлюхи на кладбищах. Если взять молодую, чему угодно научится. Можешь тут подцепить молодую вдовушку. Мужчинам такое нравится. Любовь среди могил. Ромео. Обостряет удовольствие. В расцвете смерти объаты мы жизнью. Крайности сходятся. Танталовы муки для бедных мертвецов. Запахи жареных бифштеков для голодных. Гложащих собственные потроха. Желание подразнить других. Молли хотелось заняться любовью перед окном. Как бы там ни было, восемь детей у него.

Он тут насмотрелся вдоволь на уходящих в землю, укладывает ими участок за участком вокруг. Святые поля. Больше было бы места, если хоронить стоя. Сидя или же на коленях не выйдет. Стоя? В один прекрасный день, оползень или что, вдруг голова показывается наружу, и протянутая рука. Тут вся земля кругом, наверное, как соты: продолговатые ячейки. Содержит все в чистоте: бордюры, трава подрезана. Майор Гэмбл называет Иеронимову Гору мой сад. А что, верно. Должны быть сонные цветы. Мастянский говорил, в Китае гигантские маки на кладбищах дают самый лучший опиум. Ботанический сад тут недалеко. Кровь впитывается в землю дает новую жизнь. Та же идея у тех евреев что говорят убили христианского мальчика. Каждому человеку своя цена. Хорошо сохранившийся жирный труп джентльмена-эпикурейца необходим для вашего сада. Цена дешевая. Туша Вильяма Уилкинсона, ревизора и бухгалтера, недавно скончавшегося, три фунта тринадцать и шесть. Рады служить вам.

Можно ручаться почва тучнеет на славу от трупного удобрения, кости, мясо, ногти. Начинка склепов. Жуть. Делаются зеленые и розовые, разлагаются. В сырой земле гниют быстро. Тощие старики дольше держатся. Становятся не то сальные не то творожистые. Потом чернеют, сочатся черной вонючей патокой. Потом высыхают. Мотыльки смерти. Конечно клетки или что там есть живут дальше. Изменяются, но по сути вечные. Нечем кормиться кормятся собой.

На них ведь должна развестись чертова погибель червей. Должно быть в почве так и кишат так и кружат. Вскрюжат голову бедняжке. Щечки в ямочках, кудряшки. А вид у него вполне бодрый. Дает ему ощущение власти, видеть как все уходит в землю раньше него. Интересно как он смотрит на жизнь. Не прочь пошутить: отвести душу.

Анекдот-сообщение. Сперджен отправился на небо сегодня утром в 4 часа. Сейчас 11 вечера, время закрытия. Еще не прибыл. Петр. Мертвецы и сами по крайней мере мужчины вполне бы послушали анекдотец, а женщинам бы разузнать насчет моды. Сочную грушу или дамский пунш, крепкий, сладкий, горячий. Предохраняет от сырости. Смеяться полезно так что это самое лучшее когда в таком стиле. Могильщики в «Гамлете»: говорит о глубоком знании наших душ. О мертвых нельзя шутить по крайней мере два года. De mortuis nil nisi prius¹. Сначала чтобы кончился траур. Трудно представить себе его похороны. Как будто каламбур. Говорят прочесть собственный некролог будешь жить дольше. Дает второе дыхание. Новый контракт на жизнь.

— Сколько у нас на завтра? — спросил смотритель.

— Двое,— ответил Корни Келлехер.— В пол-одиннадцатого и в одиннадцать.

Смотритель сунул бумаги в карман. Колеса каталки остановились. Присутствующие, разделившись, пройдя осторожно между могил, стали по обе стороны ямы. Могильщики сняли гроб и поставили его носом на край, подведя снизу веревки.

Хороним его. Днесь Цезаря пришли мы хоронить. Его мартовские или июньские иды. Он не знает кто тут и ему все равно.

Нет, а это-то еще кто этот долговязый раззява в макинтоше? Нет правда кто хочу знать. Нет грош я дам за то чтоб узнать. Всегда кто-нибудь объявится о ком ты отродясь не слыхивал. Человек может всю жизнь прожить в одиночестве. А что, может. Но все-таки кто-то ему нужен кто бы его зарыл хотя могилу он себе может выкопать сам. Это мы все делаем. Только человек погребает. Нет, еще муравьи. Первое что всех поражает. Хоронить мертвых. Говорят Робинзон Крузо был на самом деле. Тогда стало быть Пятница его и похоронил. Каждая Пятница хоронит Четверг если так поглядеть.

О бедный Крузо Робинзон,
И как же смог прожить там он?

Бедный Дигнам! Последнее земное ложе его в этом ящике. Как подумаешь сколько их кажется такой тратой дерева. Все равно сгложут. А можно было бы придумать

¹ О мертвых ничего, кроме прежде (лат.).

нарядный гроб с какой-то скажем панелью чтобы с нее соскальзывали. Эх только будут возражать чтобы их хоронили в из-под другого. Страшная привередливость. Положите меня в родной земле. Горсточку глины из Палестины. Только мать и мертворожденного могут похоронить в одном гробу. А я понимаю почему. Понимаю. Чтобы его защищать как можно дольше даже в земле. Дом ирландца его гроб. Бальзамирование в катакомбах, мумии, тот же смысл.

Мистер Блум стоял поодаль со шляпой в руках, считая обнаженные головы. Двенадцать, я тринадцатый. Нет. Чудик в макинтоше тринадцатый. Число смерти. И откуда он выскочил? В часовне не было, за это я поручусь. Глупейший предрассудок насчет тринадцати.

Хороший твид, мягкий, у Неда Лэмберта на костюме. Красноватая искра. У меня был похожий когда жили на Западной Ломбард-стрит. Раньше он был большой щеголь. Три раза на день менял костюм. А мой серый надо снести к Мизайесу, чтоб перелицевал. Эге. Да он перекрашен. Надо бы его жене хотя у него нет жены или там хозяйке повыдергивать эти нитки.

Гроб уходил из вида, могильщики спускали его, крепко уперев ноги на подгробных подпорах. Они выпрямились и отошли: и все обнажили головы. Двадцать.

Пауза.

Если бы все мы вдруг стали кем-то еще.

Вдалеке проревел осел. К дождю. Не такой уж осел. Говорят, никогда не увидишь мертвого осла. Стыд смерти. Прячутся. Бедный папа тоже уехал.

Легкий ветерок овевал обнаженные головы, шепча. Шепот. Мальчик возле могилы держал обеими руками венок, покорно глядя в открытый черный провал. Мистер Блум стал позади осанистого и благожелательного зрителя. Фрак хорошо пошит. Прикидывает наверно кто из нас следующий. Что ж, это долгий отдых. Ничего не чувствуешь. Только сам момент чувствуешь. Должно быть чертовски неприятно. Сперва не можешь поверить. Должно быть ошибка: это не меня. Спросите в доме напротив. Обождите, я хотел то. Я не успел это. Потом затемненная палата для смертников. Им хочется света. Кругом перешептываются. Вы не хотите позвать священника? Потом бессвязная речь, мысли путаются. Бред: все что ты скрывал всю жизнь. Борьба со смертью. Это у него не естественный сон. Оттяните нижнее веко. Смотрят: а нос заострился

а челюсть отвисла а подошвы ног пожелтели? Заберите подушку и пусть кончается на полу все равно обречен. На той картинке смерть грешника ему дьявол показывает женщину. И он умирающий в рубашке тянется ее обнять. Последний акт «Лючии». «Ужель никогда не увижу тебя?» Бамм! Испустил дух. Отошел наконец-то. Люди слегка поговорят о тебе — и забудут. Не забывайте молиться о нем. Поминайте его в своих молитвах. Даже Парнелл. День плюща отмирает. Потом и сами за ним: один за другим все в яму.

Мы сейчас молимся за упокой его души. Три к носу брат и не угоди в ад. Приятная перемена климата. Со сковородки жизни в огонь чистилища.

А думает он когда-нибудь про яму ждущую его самого? Говорят про это думаешь если внезапно дрожь проберет в жаркий день. Кто-то прошел по твоей могиле. Предупреждение: скоро на выход. За другими. Моя в том конце к Фингласу, участок что я купил. Мама бедная мамочка и малютка Руди.

Могильщики взялись за лопаты и начали швырять на гроб тяжелые комья глины. Мистер Блум отвернул лицо. А если он все это время был жив? Брр! Вот это уж было бы ужасно! Нет, нет: он мертвый, конечно. Конечно мертвый. В понедельник умер. Надо бы какой-то закон чтобы протыкать им сердце для верности или электрический звонок в гробу или телефон и какую-нибудь решетку для доступа воздуха. Сигнал бедствия. Три дня. Летом это довольно долго. Пожалуй лучше сразу сплавлять как только уверились что не.

Глина падала мягче. Начинают забывать. С глаз долой из сердца вон.

Смотритель отошел в сторону и надел шляпу. С него хватит. Провожающие понемногу приободрились и неприметно, один за другим, тоже покрывали головы. Мистер Блум надел шляпу и увидел, как осанистая фигура споро прокладывает путь в лабиринте могил. Спокойно, с хозяйской уверенностью, пересекал он поля скорби.

Хайнс что-то строчит в блокнотике. А, имена. Он же их все знает. Нет: идет ко мне.

— Я тут записываю имена и фамилии, — полушепотом сказал Хайнс. — Ваше как имя? Я не совсем помню.

— На эл, — отвечал мистер Блум. — Леопольд. И можете еще записать Маккоя. Он меня попросил.

— Чарли, — произнес Хайнс, записывая. — Знаю его. Он когда-то работал во «Фримене».

Верно, работал, до того как устроился в морге под

началом Луиса Берна. Хорошая мысль чтобы доктора делали посмертные вскрытия. Выяснить то что им кажется они и так знают. Он скончался от Вторника. Намазал пятки. Смылся, прихватив выручку с нескольких объявлений. Чарли, ты моя душка. Потому он меня и попросил. Ладно, кому от этого вред. Я все сделал, Маккой. Спасибо, старина, премного обязан. Вот и пускай будет обязан — а мне ничего не стоит.

— И скажите-ка,— продолжал Хайнс,— вы не знаете этого типа, ну там вон стоял, еще на нем...

Он поискал глазами вокруг.

— Макинтош,— сказал мистер Блум.— Да, я его видел. Куда же он делся?

— Макинтош,— повторил Хайнс, записывая.— Не знаю, кто он такой. Это его фамилия?

Он двинулся дальше, оглядываясь по сторонам.

— Да нет,— начал мистер Блум, оборачиваясь задержать его.— Нет же, Хайнс!

Не слышит. А? Куда же тот испарился? Ни следа. Ну что же из всех кто. Не видали? Ка е два эл. Стал невидимкой. Господи, что с ним случилось?

Седьмой могильщик подошел к мистеру Блуму взять лежавшую рядом с ним лопату.

— О, извините!

Он поспешно посторонился.

Бурая сырая глина уже видна была в яме. Она поднималась. Вровень. Гора сырых комьев росла все выше, росла, и могильщики опустили свои лопаты. На минуту все опять обнажили головы. Мальчик прислонил венок сбоку, свояк положил свой сверху. Могильщики надели кепки и понесли обглиненные лопаты к тележке. Постукали лезвием по земле: очистили. Один нагнулся и снял с черенка длинный пучок травы. Еще один отделился от товарищей и медленно побрел прочь, взяв на плечо оружие с синевлеющим лезвием. Другой в головах могилы медленно сматывал веревки, на которых спускали гроб. Его пуповина. Свояк, отвернувшись, что-то вложил в его свободную руку. Безмолвная благодарность. Сочувствуем, сэр: такое горе. Кивок. Понимаю. Вот лично вам.

Участники похорон разбредались медленно, бесцельно, окольными тропками задерживались у могил прочесть имена.

— Давайте кругом, мимо могилы вождя,— предложил Хайнс.— Время есть.

— Давайте,— сказал мистер Пауэр.

Они свернули направо, следуя медленному течению своих мыслей. Тусклый голос мистера Пауэра с суеверным почтением произнес:

— Говорят, его вовсе и нет в могиле. Гроб был набит камнями. И что он еще вернется когда-нибудь.

Хайнс покачал головой.

— Парнелл никогда не вернется,— сказал он.— Он там, все то, что было смертного в нем. Мир праху его.

Мистер Блум шагал в одиночестве под деревьями меж опечаленных ангелов, крестов, обломанных колонн, фамильных склепов, каменных надежд, молящихся с поднятыми горé взорами, мимо старой Ирландии рук и сердец. Разумнее тратить эти деньги на добрые дела для живых. Молитесь за упокой души его. Как будто кто-то на самом деле. Спустили в яму и кончено. Как уголь по желобу. Потом для экономии времени за всех чохом. День поминовения. Двадцать седьмого я буду у него на могиле. Садовнику десять шиллингов. Выпальывает сорняки. Сам старик. Сгорбленный в три погибели, щелкает своими ножницами. В могиле одной ногой. Ушедший от нас. Покинувший этот мир. Как будто они по своей воле. Всех выкинули пинком. Сыгравший в ящик. Интересней, если б писали, кто они были. Имярек, колесник. Я был коммивояжер, сбывал коркский линолеум. Я выплачивал по пять шиллингов за фунт. Или женщина с кастрюлей. Я стряпала добрую ирландскую похлебку. Как там это стихотворение эклогия на сельском кладбище написал то ли Вордсворт то ли Томас Кемпбелл. У протестантов говорят: обрел вечный покой. Или старый доктор Моррен: великая исцелительница позвала его к себе. Для них это Божий надел. Очень милая загородная резиденция. Заново оштукатурена и покрашена. Идеальное местечко, чтобы спокойно покурить и почитать «Чёрч таймс»¹. Объявления о свадьбах никогда не берут в венок. Проржавелые венки, гирлянды из фольги висели на крестах и оградках. Вот это выгодней. Хотя цветы более поэтично. А такое надоедает, не вянет никогда. Совершенно невыразительно. Бессмертники.

Птица неподвижно сидела на ветке тополя. Как чучело. Как наш свадебный подарок от олдермена Хупера. Кыш! Не пошевелинется. Знает, что тут не ходят с рогатками. Это еще печальней, мертвые животные. Милли-глупышка

¹ «Церковные ведомости» (англ.), газета англиканской церкви.

хоронила мертвую птичку в коробочке, на могилку венки из маргариток, обрывки бусиков.

Это Святое Сердце там: выставлено напоказ. Душа нараспашку. Должно быть сбоку и раскрашено красным как настоящее сердце. Ирландия была ему посвящена или в этом роде. Выглядит страшно недовольным. За что мне такое наказание? Птицы слетались бы и клевали как там про мальчика с корзинкой плодов но он сказал нет потому что они бы испугались мальчика. Аполлон это был.

Сколько их! И все когда-то разгуливали по Дублину. В бозе почившие. И мы были прежде такими, как ты теперь.

И потом как можно всех запомнить? Глаза, голос, походку. Ладно, голос — положим: граммофон. Установить в каждом гробу граммофон или иметь дома. После воскресного обеда. Поставим-ка нашего бедного прадедушку. Кррааххек! Здроздроздрост страшнорад крххек страшно-радсноавстре здроздрас стррашкррпупффс. Напоминает голос как фотография напоминает лицо. Иначе ты бы не вспомнил лицо скажем через пятнадцать лет. Чье например? Например кого-то кто умер когда я был у Уиздома Хили.

Фыррст! Шорох камней. Стой. Обожди-ка.

Он остановился вглядываясь в подножие склепа. Какой-то зверь. Погоди. Вон вылезает.

Жирная серая крыса проковыляла вдоль стены склепа, шуруша по гравию. Старый ветеран — прапрадедушка — знает все ходы-выходы. Серая живность протиснулась в щель под стену, сжавшись и извиваясь. Вот где прятать сокровища.

Кто там живет? Здесь покоится Роберт Эмери. Роберта Эммета похоронили тут при свете факелов, так, кажется? Совершает обход.

Хвост скрылся.

Такие вот молодцы живо разделаются с любим. Не будут разбирать кто оставят гладкие косточки. Для них мясо и мясо. Труп это протухшее мясо. А сыр тогда что такое? Труп молока. В этих «Путешествиях по Китаю» написано что китайцы говорят от белых воняет трупом. Лучше сжигать. Попы страшно против. На руку другой фирме. Оптовая торговля кремационными и голландскими печами. Чумные поветрия. Сваливают в ямы с негашеной известкой. Камеры усыпления для животных. Прах еси и в прах возвратишься. Или хоронить в море. Где это про

башню молчания у парсов? Птицы пожирают. Земля, огонь, вода. Говорят утонуть приятней всего. В одной вспышке видишь всю свою жизнь. А если спасли уже нет. Но в воздухе нельзя хоронить. С аэроплана. Интересно, передаются там новости когда свеженького спускают под землю. Подземные средства связи. Мы этому научились у них. Не удивился бы. Их хлеб насущный. Мухи слетаются еще когда не помер как следует. Пронюхали про Дигнама. Запах это им все равно. Рыхлая белая как соль трупная каша: на запах, на вкус как сырая репа.

Ворота забелелись впереди: открыты еще. Обратно на этот свет. Довольно тут. Каждый раз приближаешься еще на шаг. Последний раз был на похоронах миссис Синико. И у бедного папы. Любовь которая убивает. Бывает даже разрывают землю ночью при фонарях как тот случай я читал чтоб добраться до свежезахороненной женщины или уже даже тронутой когда трупные язвы пошли. Мурашки забегают от такого. Я тебе явлюсь после смерти. Ты увидишь призрак мой после смерти. Мой призрак будет тебя преследовать после смерти. Существует тот свет после смерти и называется он ад. Мне совсем не нравится тот свет, так она написала. Мне нисколько не больше. Еще столько есть посмотреть, услышать, почувствовать. Чувствовать тепло живых существ рядом. Пускай эти спят в своих червивых постелях. В этом тайме они меня еще не возьмут. Теплые постели; теплая полнокровная жизнь.

Мартин Каннингем появился из боковой аллеи, о чем-то серьезно говоря.

Кажется, стряпчий. Лицо знакомое. Ментон, Джон Генри, стряпчий, поверенный по присягам и свидетельствам. Дигнам работал у него раньше. У Мэта Диллона в давние времена. Мэт компанейский человек. Веселые вечеринки. Холодная дичь, сигареты, танталовы кружки. Уж вот у кого золотое сердце. Да, Ментон. В тот вечер в кегельбаче взъярился на меня как черт что я заехал своим шаром к нему. Просто по чистой случайности: смазал. А он меня всеми фибрами невзлюбил. Ненависть с первого взгляда. Молли и Флуи Диллон обнялись под сиренью, хихикали. Мужчины всегда так, их до смерти уязвляет если при женщинах.

На шляпе у него вмятина на боку. Из кареты наверно.

— Прошу прощения, сэр, — сказал мистер Блум, поравнявшись с ними.

Они остановились.

— У вас шляпа слегка помялась,— показал мистер Блум.

Джон Генри Ментон одно мгновение смотрел на него в упор, не двигаясь.

— Тут вот,— пришел на выручку Мартин Каннингем и показал тоже.

Джон Генри Ментон снял шляпу, исправил вмятину и тщательно пригладил ворс о рукав. Затем опять нахлобучил шляпу.

— Теперь все в порядке,— сказал Мартин Каннингем.

Джон Генри Ментон отрывисто дернул головой в знак признательности.

— Спасибо,— бросил он кратко.

Они продолжали свой путь к воротам. Мистер Блум, удрученный, отстал на несколько шагов, чтобы не подслушивать разговора. Мартин разделает этого законника. Мартин такого обалдуя обведет и выведет, пока тот не успеет рта разинуть.

Рачьи глаза. Ничего. Потом еще может пожалеет когда дойдет до него. И получится твой верх.

Спасибо. Ишь ты, какие мы важные с утра.

В СЕРДЦЕ ИРЛАНДСКОЙ СТОЛИЦЫ

Перед колонною Нельсона трамваи притормаживали, меняли пути, переводили дугу, отправлялись на Блэкрок, Кингстаун и Долки, Клонски, Рэтгар и Тереньюр, Пальмерстон парк и Верхний Рэтмайнс, Сэндимаунт Грин, Рэтмайнс, Рингсенд и Сэндимаунт Тауэр, Хэролдс-кросс. Осипший диспетчер Объединенной Дублинской трамвайной компании раскрикивал их:

- Рэтгар и Тереньюр!
- Заснул, Сэндимаунт Грин!

Параллельно справа и слева со звоном с лязгом одноэтажный и двухэтажный двинулись из конечных тупиков, свернули на выездную колею, заскользили параллельно.

- Поехал, Пальмерстон парк!

ВЕНЦЕНОСЕЦ

У дверей главного почтамта чистильщики зазывали и надраивали. Его Величества ярко-красные почтовые кареты, стоящие на Северной Принс-стрит, украшенные по бокам королевскими вензелями Е. R., принимали с шумом швыряемые мешки с письмами, открытками, закрытками, бандеролями простыми и заказными, для рассылки в адреса местные, провинциальные, британские и заморских территорий.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРЕССЫ

Ломовики в грубых тяжелых сапогах выкатывали с глу-

хим стуком бочки из складов на Принс-стрит и загружали их в фургон пивоварни. В фургон пивоварни загружались бочки, с глухим стуком выкатываемые ломовиками в грубых тяжелых сапогах из складов на Принс-стрит.

— Вот оно,— сказал Рыжий Мерри.— Алессандро Ключчи.

— Вы это вырежьте, хорошо? — сказал мистер Блум,— а я захвачу в редакцию «Телеграфа».

Дверь кабинета Ратледжа снова скрипнула. Дэви Стивенс, малютка в огромном плаще, в маленькой мягкой шляпе, венчающей кудрявую шевелюру, проследовал со свертком бумаг под плащом, королевский гонец.

Длинные ножницы Рыжего четырьмя ровными взмахами вырезали объявление из газеты. Ножницы и клей.

— Я сейчас найду в типографию,— сказал мистер Блум, принимая квадратик вырезки.

— Разумеется, если он хочет заметку,— сказал Рыжий Мерри серьезно, с пером за ухом,— мы можем это устроить.

— Идет,— кивнул мистер Блум.— Я это ему втолкую. Мы.

ВИЛЬЯМ БРАЙДЕН, ЭСКВАЙР, ОКЛЕНД, СЭНДИМАУНТ

Рыжий Мерри тронул рукав мистера Блума своими ножницами и шепнул:

— Брайден.

Мистер Блум обернулся и увидел, как швейцар в ливрее приподнял литерную фуражку при появлении величественной фигуры, что, войдя, двинулась между щитами газет «Уикли фримен энд нэшнл пресс» и «Фрименс джорнэл энд нэшнл пресс». Глухое гремяние пивных бочек. Она прошествовала величественно по лестнице, зонтом себе указуя путь, с лицом недвижноважным, брадообрамленным. Спина в тонких сукнах возносилась с каждой ступенью выше: спина. У него все мозги в затылке, уверяет Саймон Дедал. Плоть складками обвисала сзади. Жирные складки шеи, жир, шея, жир, шея.

— Вам не кажется, что у него лицо напоминает Спасителя? — шепнул Рыжий Мерри.

И дверь кабинета Ратледжа шепнула: скрип-скрип. Вечно поставят двери напротив одна другой чтобы ветру. Дуй сюда. Дуй отсюда.

Спаситель: брадообрамленный овал лица; беседа в вечерних сумерках. Мария, Марфа. За путеводным зонтом-мечом к рампе: Марио, тенор.

— Или Марио,— сказал мистер Блум.

— Да,— согласился Рыжий Мерри.— Но всегда говорили, что Марио — вылитый Спаситель.

Иисус Марио с нарумяненными щеками, в камзоле и тонконогий. Прижал руку к сердцу. В «Марте».

Ве-е-рнись моя утрата,
Ве-е-рнись моя любовь.

ПОСОХ И ПЕРО

— Его преосвященство звонили дважды за это утро,— сказал Рыжий Мерри почтительно.

Они смотрели как исчезают из глаз колени, ноги, башмаки. Шея.

Влетел мальчишка, разнощик телеграмм, кинул пакет на стойку, вылетел с телеграфной скоростью, бросив лишь слово:

— «Фримен»!

Мистер Блум неторопливо проговорил:

— Что же, ведь он действительно один из наших спасителей.

Кроткая улыбка сопутствовала ему, когда он поднимал крышку стойки и когда выходил в боковые двери и шел темной и теплой лестницей и потом по проходу по доскам, уже совсем расшатавшимся. Спасет ли он однако тираж газеты? Стук. Стук машин.

Он толкнул створки застекленных дверей и вошел, переступив через ворох упаковочной бумаги. Пройдя меж лязгающих машин, он проследовал за перегородку, где стоял письменный стол Наннетти.

С ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕМ О КОНЧИНЕ ВЫСОКОЧТИМОГО ГРАЖДАНИНА ДУБЛИНА

Хайнс тоже тут: сообщение о похоронах наверно. Стук. Перестук.

Сегодня утром прах опочившего мистера Патрика Дигнама. Машины. Перемелют человека на атомы если попадетя туда. Правят миром сегодня. И его машинерия тоже трудится. Как эти, вышла из подчинения: забродило. Пошло вразнос, рвется вон. А та серая крыса старая рвется чтоб пролезть внутрь.

КАК ВЫПУСКАЕТСЯ КРУПНЕЙШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Мистер Блум остановился за спиной щупловатого фактора, дивясь гладкоблестящей макушке.

Странно, он никогда не видал своей настоящей родины. Моя родина Ирландия. Избран от Колледж Грин. Выпачивал как мог что он работяга на полном рабочем дне. Ежедневник берут из-за реклам, объявлений, развлекательных пустичков, а не протухших новостей из официоза. Королева Анна скончалась. Опубликовано властями в тыща таком-то году. Поместье расположено в округе Розеналлис, баронские владения Тинначинч. Для всех заинтересованных лиц согласно установлениям приводим сведения о числе мулов и лошадей испанской породы, запроданных на экспорт в Баллине. Заметки о природе. Карикатуры. Очередная история Фила Блейка из серии про быка и Пэта. Страничка для малышей, сказки дядюшки Тоби. Вопросы деревенского простака. Господин Уважаемый Редактор, какое лучшее средство, когда пучит живот? В этом отделе я бы хотел, пожалуй. Уча других, кой-чему сам научишься. Светская хроника. К. О. К. Кругом одни картинки. Стройные купальщицы на золотом пляже. Самый большой воздушный шар в мире. Двойной праздник: общая свадьба у двух сестер. Два жениха глядят друг на дружку и хохочут. Купрани, печатник, он ведь тоже. Ирландец больше чем сами ирландцы.

Машины лязгали на счет три-четыре. Стук-стук-стук. А положим, вдруг у него удар и никто их не умеет остановить, тогда так и будут без конца лязгать и лязгать, печатать и печатать, туда-сюда, взад-вперед. Мартышкин труд. Тут надо хладнокровие.

— Давайте пустим это в вечерний выпуск, советник, — сказал Хайнс.

Скоро начнет его называть лорд-мэр. Говорят, Длинный Джон покровительствует ему.

Фактор молча нацарапал печатать в углу листа и сделал знак наборщику. Все так же без единого слова он передал листок за грязную стеклянную перегородку.

— Прекрасно, благодарю, — сказал Хайнс и повернулся идти.

Мистер Блум преграждал ему путь.

— Если хотите получить деньги, то имейте в виду, кассир как раз уходит обедать, — сказал он, указывая себе за спину большим пальцем.

— А вы уже? — спросил Хайнс.

— Гм,— промычал мистер Блум.— Если вы поспешите, еще поймаете его.

— Спасибо, дружище,— сказал Хайнс.— Пойду и я его потрясу.

И он энергично устремился к редакции «Фрименс джорнэл».

Три шиллинга я ему одолжил у Маэра. Три недели прошло. И третий раз намекаю.

МЫ ВИДИМ РЕКЛАМНОГО АГЕНТА ЗА РАБОТОЙ

Мистер Блум положил свою вырезку на стол мистера Наннетти.

— Прошу прощения, советник,— сказал он.— Вот эта реклама, вы помните, для Ключчи.

Мистер Наннетти поглядел на вырезку и кивнул.

— Он хочет, чтобы поместили в июле,— продолжал мистер Блум.

Не слышит. Наннан. Железные нервы.

Фактор наставил свой карандаш.

— Минутку,— сказал мистер Блум,— он бы кое-что хотел изменить. Понимаете, Ключчи. И он хочет два ключа наверху.

Адский грохот. Может он понимает что я.

Фактор повернулся, готовый выслушать терпеливо, и, подняв локоть, не спеша принялся почесывать под мышкой своего альпакового пиждака.

— Вот так,— показал мистер Блум, скрестив указательные пальцы наверху.

Пускай до него сначала дойдет.

Мистер Блум, поглядев вверх и наискось от устроенного им креста, увидел землистое лицо фактора, похоже у него легкая желтуха, а за ним послушные барабаны, пожирающие нескончаемые ленты бумаги. Лязг. Лязг. Миля и миля ненамотанной. А что с ней будет потом? Ну, мало ли: мясо заворачивать, делать кульки: тысячу применений найдут.

Проворно вставляя слова в паузы между лязганьем, он быстро начал чертить на исцарапанном столе.

ДОМ КЛЮЧ(Ч)ЕЙ

— Вот так, видите. Тут два скрещенных ключа.

И круг. А потом имя и фамилия, Алессандро Ключчи, торговля чаем и алкогольными напитками. Ну, и прочее.

В его деле лучше его не учить.

— Вы сами представляете, советник, что ему требуется. И потом наверху по кругу вразрядку: дом ключей. Понимаете? Как ваше мнение, это удачная мысль?

Фактор опустил руку ниже и теперь молча почесывал у нижних ребер.

— Суть идеи, — пояснил мистер Блум, — это дом ключей. Вы же знаете, советник, парламент острова Мэн. Легкий намек на гомруль. Туристы, знаете ли, с острова Мэн. Сразу бросается в глаза. Можете вы так сделать?

Пожалуй можно бы у него спросить как произносится это *voglio*. Ну а вдруг не знает тогда выходит поставлю в неудобное положение. Не будем.

— Это мы можем, — сказал фактор. — У вас есть эскиз?

— Я принесу, — заверил мистер Блум. — Это уже печатала газета в Килкенни. У него и там торговля. Сейчас сбегаю и попрошу у него. Стало быть, вы сделайте это и еще коротенькую заметку, чтобы привлечь внимание. Знаете, как обычно. Торговый патент, высокое качество. Давно ощущается необходимость. Ну, и прочее.

Фактор подумал минуту.

— Это мы можем, — повторил он. — Только пускай он закажет на три месяца.

Наборщик поднес ему влажный лист верстки, и он молча принялся править. Мистер Блум стоял возле, слушая, как скрипуче вращаются валы, и глядя на наборщиков, склонившихся в молчанье над кассами.

НА ТЕМУ ПРАВОПИСАНИЯ

Должен все назубок знать как пишется. Охота за опечатками. Мартин Каннингем утром забыл нам дать свой головоломный диктант на правописание. Забавно наблюдать бес а не без прецеде перед дэ эн не ставим нтное изумление уличного разносчика через эсче внезапно оценившего башмаком изысканную тут два эн симме а тут двойное эм, верно? трию сочного грушевого плода заблаговременно в середине о а не а оставленного неизвестным после эс надо тэ доброжелателем у врат некрополя. Нелепо накручено, правда же?

Надо мне было сказать что-то когда он напяливал свой цилиндр. Спасибо. Сказать насчет старой шляпы или что-то

этакое. Нет. Можно было сказать. Смотрится почти как новая. Поглядеть бы на его физию в этот момент.

У-ух. Нижний талер ближайшей машины выдвинул вперед доску с первой — у-ух — пачкой сфальцованной бумаги. У-ух. Почти как живая ухаёт чтоб обратили внимание. Изо всех сил старается заговорить. И та дверь тоже — у-ух — поскрипывает, просит, чтобы прикрыли. Все сущее говорит, только на свой манер. У-ух.

ИЗВЕСТНЫЙ ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЬ В РОЛИ КОРРЕСПОНДЕНТА

Неожиданно фактор протянул оттиск назад, со словами: — Погоди. А где же письмо архиепископа? Его надо перепечатать в «Телеграфе». Где этот, как его?

Он обвел взглядом свои шумные, но не дающие ответа машины

— Монкс, сэр? — спросил голос из словолитни.

— Ну да. Где Монкс?

— Монкс!

Мистер Блум взял свою вырезку. Пора уходить.

— Так я принесу эскиз, мистер Наннетти, — сказал он, — и я уверен, вы дадите это на видном месте.

— Монкс!

— Да, сэр.

Заказ на три месяца. Это надо сперва обдумать на свежую голову. Но попробовать можно. Распишу про август: прекрасная мысль: месяц конной выставки. Боллсбридж. Туристы съедутся на выставку.

СТАРОСТА ДНЕВНОЙ СМЕНЫ

Он прошел через наборный цех мимо согбенного старца в фартуке и в очках. Старина Монкс, староста дневной смены. Какой только дребедени не прошло у него через руки за долгую службу: некрологи, трактирные рекламы, речи, бракоразводные тяжбы, обнаружен утопленник. Подходит уж к концу своих сроков. Человек непьющий, серьезный, и с недурным счетом в банке, я полагаю. Жена отменно готовит и стирает. Дочка швея, работает в ателье. Простая девушка, безо всяких фокусов.

И БЫЛ ПРАЗДНИК ПАСХИ

Он приостановился поглядеть, как ловко наборщик верстает текст. Сначала читает его справа налево. Да как

быстро, мангид киртаП. Бедный папа читает мне бывало свою Хаггаду справа налево, водит пальцем по строчкам, Пессах. Через год в Иерусалиме. О Боже, Боже! Вся эта длинная история об исходе из земли Египетской и в дом рабства аллилуйя. Шема Исраэл Адонаи Элоим. Нет, это другая. Потом о двенадцати братьях, сыновьях Иакова. И потом ягненок и кошка и собака и палка и вода и мясник. А потом ангел смерти убивает мясника а тот убивает быка а собака убивает кошку. Кажется чепухой пока не вдуматься как следует. По смыслу здесь правосудие а на поверку о том как каждый пожирает всех кого может. В конечном счете, такова и есть жизнь. Но до чего же он быстро. Отработано до совершенства. Пальцы как будто зрячие.

Мистер Блум выбрался из лязга и грохота, пройдя галереей к площадке. И что, тащиться в эту даль на трамвае, а его, может, и не застанешь? Лучше сначала позвонить. Какой у него номер? Да. Как номер дома Цитрона. Двадцатьвосемь. Двадцатьвосемь и две четверки.

ОПЯТЬ ЭТО МЫЛО

Он спустился по лестнице. Кой дьявол тут исчиркал все стены спичками? Как будто на спор старались. И всегда в этих заведениях спертый тяжелый дух. Когда у Тома работал — от неостывшего клея в соседней комнате.

Он вынул платок, чтобы прикрыть нос. Цитрон-лимон? Ах, да, у меня же там мыло. Оттуда может и потеряться. Засунув платок обратно, он вынул мыло и упрятал в брючный карман. Карман застегнул на пуговицу.

Какими духами душится твоя жена? Еще можно сейчас поехать домой — трамваем — мол забыл что-то. Повидать и все — до этого — за одеванием. Нет. Спокойствие. Нет.

Из редакции «Ивнинг телеграф» вдруг донесся визгливый хохот. Ясно кто это. Что там у них? Зайду на минутку позвонить. Нед Лэмберт, вот это кто.

Он тихонько вошел.

ЭРИН, ЗЕЛЕНЫЙ САМОЦВЕТ В СЕРЕБРЯНОЙ ОПРАВЕ МОРЯ

— Входит призрак, — тихонько прошамкал запыленному окну профессор Макхью полным печенья ртом.

Мистер Дедал, переводя взгляд от пустого камина на ухмыляющуюся физиономию Неда Лэмберта, скептически ее спросил:

— Страсти Христовы, неужели у вас от этого не началась бы изжога в заднице?

А Нед Лэмберт, усевшись на столе, продолжал читать вслух:

— *Или обратим взор на извивы говорливого ручейка, что, журча и пенясь, враждует с каменистыми препонами на своем пути к бурливым водам голубых владений Нептуна и струится меж миистых берегов, овеваемый нежными зефирами, покрытый то играющими бляшками света солнца, то мягкой тенью, отбрасываемой на его задумчивое лоно высоким пологом роскошной листвы лесных великанов.* Ну, каково, Саймон? — спросил он поверх газеты. — Как вам высокий стиль?

— Смешивает напитки, — выразился мистер Дедал.

Нед Лэмберт хлопнул себя газетою по коленке и, заливаясь хохотом, повторил:

— Играющие бляхи и задумчивое лоно. Ну, братцы! Ну, братцы!

— И Ксенофонт смотрел на Марафон, — произнес мистер Дедал, вновь бросив взгляд на нишу камина и оттуда к окну, — и Марафон смотрел на море.

— Хватит уже, — закричал от окна профессор Макхью. — Не желаю больше выслушивать этот вздор.

Прикончив ломтик-полумесяц постного печенья, которое непрерывно грыз, он тут же, оголодавший, собрался перейти к следующему, уже заготовленному в другой руке.

Высокопарный вздор. Трепачи. Как видим, Нед Лэмберт взял выходной. Все-таки похороны, это как-то выбивает из колеи на весь день. Говорят, он пользуется влиянием. Старый Чаттертон, вице-канцлер, ему двоюродный то ли дедушка, то ли прадедушка. Говорят, уж под девяносто. Небось и некролог на первую полосу давно заготовлен. А он живет им назло. Еще как бы самому не пришлось первым. Джонни, ну-ка уступи место дядюшке. Достопочтенному Хеджесу Эйру Чаттертону. Я так думаю по первым числам он ему выписывает иногда чек а то и парочку дрожащей рукой. То-то будет подарок когда он протянет ноги. Аллилуйя.

— Очередные потуги, — сказал Нед Лэмберт.

— А что это такое? — спросил мистер Блум.

— Вновь найденный недавно фрагмент Цицерона, —

произнес профессор Макхью торжественным голосом. —
Наша любимая отчизна.

КОРОТКО, НО МЕТКО

— Чья отчизна? — спросил бесхитростно мистер Блум.
— Весьма уместный вопрос, — сказал профессор, не прекращая жевать. — С ударением на «чья».

— Отчизна Дэна Доусона, — промолвил мистер Дедал.

— Это его речь вчера вечером? — спросил мистер Блум.

Нед Лэмберт кивнул.

— Да вы послушайте, — сказал он.

Дверная ручка пихнула мистера Блума в поясницу: дверь отворяли.

— Прошу прощения, — сказал Дж. Дж. О'Моллой, входя.

Мистер Блум поспешно посторонился.

— А я у вас, — сказал он.

— Привет, Джек.

— Заходите, заходите.

— Приветствую.

— Как поживаете, Дедал?

— Жить можно. А вы?

Дж. Дж. О'Моллой пожал плечами.

ПРИСКОРБНО

Раньше был самый способный из молодых адвокатов. Скатился, бедняга. Этот чахоточный румянец вернейший признак что песенка спета. Теперь только прощальный поцелуй. Интересно, с чем он пожаловал. Трудности с деньгами.

— Или задумаем достигнуть горных вершин, сомкнувшихся мощным строем.

— Вид у вас просто люкс.

— А редактора можно сейчас увидеть? — спросил Дж. Дж. О'Моллой, кивая в сторону другой двери.

— Сколько угодно, — сказал профессор Макхью. — Не только увидеть, но и услышать. Он с Ленеханом в своем святилище.

Дж. Дж. О'Моллой не спеша подошел к конторке с подшивкой газеты и начал перелистывать розовые страницы.

Практика захирела. Неудачник. Падает духом. Азарт-

ные игры. Долги под честное слово. Пожинает бурю. А раньше имел солидные гонорары от Д. и Т. Фицджеральдов. В париках, чтоб показать серое вещество. Мозги выставлены наружу как сердце у той статуи в Гласневине. Кажется, он пописывает какие-то вещицы для «Экспресса» вместе с Габриэлом Конроем. Неплохо начитан. Майлс Кроуфорд начал в «Индепенденте». Просто смешно как эти газетчики готовы вылить, едва почуют что ветер в другую сторону. Флюгера. И нашим и вашим, не поймешь чему верить. Любая басня хороша, пока не расскажут следующую. На чем свет грызутся друг с другом в своих газетах, и вдруг все лопается как мыльный пузырь. И на другое утро уже друзья-приятели.

— Нет, вы послушайте, послушайте, — взмолился Нед Лэмберт. — *Или задумаем достигнуть горных вершин, сомкнувшихся мощным строем...*

— Пустозвонит! — вмешался профессор с раздражением. — Довольно нам этого надутого болтуна!

— *Строем*, — продолжал Нед Лэмберт, — *уходящих все выше в небо, дабы словно омыть наши души...*

— Лучше омыл бы глотку, — сказал мистер Дедал. — Господи, Твоя воля! Ну? И за этакое еще платят?

— *Души бесподобною панорамой истинных сокровищ Ирландии, непревзойденных, несмотря на множество хваленых подобию в иных шумно превозносимых краях, по красоте своих тенистых роц, оживляемых холмами долин и сочных пастбищ, полных весеннею зеленью, погруженной в задумчивое мерцание наших мягких таинственных ирландских сумерек...*

ЕГО РОДНОЕ НАРЕЧИЕ

— Луна, — сказал профессор Макхью. — Он забыл «Гамлета».

— *Застилающих вид вдаль и вишь, покуда мерцающий диск луны не воссияет, расточая повсюду свое лучезарное серебро...*

— Ох! — воскликнул мистер Дедал, испустив безнадежный стон. — Ну и дерьмо собачье! С нас уже хватит, Нед. Жизнь и так коротка.

Он снял цилиндр и, раздувая в нетерпении густые усы, причесался по валлийскому способу: растопыренной пятерней.

Нед Лэмберт отложил газету, довольно посмеиваясь. Через мгновение резкий лающий смех сотряс небритое и в темных очках лицо профессора Макхью.

— Сдобный Доу! — воскликнул он.

КАК ГОВАРИВАЛ ВЕЗЕРАП

Язвить можно конечно но публика-то это хватает как горячие пирожки. Кстати он кажется сам из булочников? А то с чего его зовут Сдобный Доу. Но кто бы ни был гнездышко он себе устроил недурно. У дочки жених в налоговом управлении, имеет автомобиль. Ловко подцепила его. Приемы, открытый дом. Угощение до отвала. Везерап всегда это говорил. Проводи захват через брюхо.

Дверь, ведущая в кабинет, распахнулась резким толчком, и в комнату вдвинулась красноклювая физиономия, увенчанная хохлом торчащих как перья волос. Дерзкие голубые глаза оглядели присутствующих, и резкий голос спросил:

— Что тут происходит?

— И вот он, собственно персоной, самозванный помещик, — торжественно объявил профессор Макхью.

— Анепошелбыты, жалкий преподавателишка! — выразил редактор свою признательность.

— Пойдемте, Нед, — сказал мистер Дедал, надевая шляпу. — После такого мне надо выпить.

— Выпить! — вскричал редактор. — Перед мессой спиртного не подают.

— Что верно, то верно, — отвечал мистер Дедал, уже выходя. — Пойдемте, Нед.

Нед Лэмберт боком соскользнул со стола. Голубые глаза редактора, блуждая, остановились на лице мистера Блума, осененном улыбкой.

— А вы не присоединитесь, Майлс? — спросил Нед Лэмберт.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОСТОПАМЯТНЫХ БИТВАХ

— Ополчение Северного Корка! — вскричал редактор, устремляясь к камину. — Мы всегда побеждали! Северный Корк и испанские офицеры!

— А где это было, Майлс? — спросил Нед Лэмберт, задумчиво разглядывая носки своих башмаков.

— В Огайо! — крикнул редактор.

— Там все и было, готов божиться, — согласился Нед Лэмберт.

По пути к выходу он шепнул О'Моллою:

- Начало белой горячки. Печальный случай.
— Огайо! — кричал редактор петушиным дискантом, задрав багровое лицо вверх. — Мой край Огайо!
— Образцовый кретик! — заметил профессор. — Долгий, краткий и долгий.

О, ЭОЛОВА АРФА

Он достал из жилетного кармана катушку нитки для зубов и, оторвав кусок, ловко натянул его как струну между двумя парами своих нечищенных звучных зубов.

— Бинг-бэнг. Бэнг-бэнг.

Мистер Блум, увидав берег чистым, направился к двери кабинета.

— Я на минуту, мистер Кроуфорд, — сказал он. — Мне только позвонить насчет одного объявления.

Он вошел.

— А как с передовицей для вечернего выпуска? — спросил профессор Макхью, подойдя к редактору и веско положив руку ему на плечо.

— Все будет в порядке, — сказал Майлс Кроуфорд уже несколько спокойней. — Можешь не волноваться. Привет, Джек. Тут все в порядке.

— Здравствуйте, Майлс, — произнес Дж. Дж. О'Моллой, выпуская из рук страницы, мягко скользнувшие к остальной подшивке. — Скажите, это дело о канадском мошенничестве — сегодня?

В кабинете зажужжал телефон.

— Двадцать восемь... Нет, двадцать... Сорок четыре... Да.

УГАДАЙТЕ ПОБЕДИТЕЛЯ

Ленехан появился из внутренних помещений с листками бюллетеней «Спорта» о скачках.

— Кто хочет верняка на Золотой Кубок? — спросил он. — Корона, жокей О'Мэдден.

Он бросил листки на стол.

Крики и топот босоногих мальчишек-газетчиков, доносившиеся из вестибюля, внезапно приблизились и дверь распахнулась настезь.

— Тсс, — произнес Ленехан. — Слышится чья-то пустошь.

Профессор Макхью пересек комнату и ухватил съездившегося мальчишку за шиворот, а остальные врассыпную

бросились наутек из вестибюля и вниз по лестнице. Сквозняк с мягким шелестом подхватил листки, и они, описав голубые закорючки в воздухе, приземлились под столом.

— Я не виноват, сэр. Это тот длинный меня впихнул, сэр.

— Да вышвырни его и закрой ту дверь,— сказал редактор.— А то целый ураган поднялся.

Ленехан, нагибаясь и побряхтывая, начал подбирать листки с пола.

— Мы ждали специального о скачках, сэр,— сказал мальчишка.— Это Пэт Фаррел меня впихнул, сэр.

Он указал на две рожицы, заглядывающие в дверную щель.

— Вон тот, сэр.

— Ладно, проваливай,— сердито скомандовал профессор Макхью.

Он вытолкал мальчишку и крепко захлопнул дверь.

Дж. Дж. О'Моллой шелестел подшивкой, что-то отыскивая и бормоча:

— Продолжение на шестой странице, четвертый столбец.

— Да, это из редакции «Ивнинг телеграф»,— говорил мистер Блум по телефону из кабинета.— А хозяин?.. Да, «Телеграф»... Куда? Ага! На каком аукционе?.. Ага! Ясно. Хорошо. Я найду его.

ПРОИСХОДИТ СТОЛКНОВЕНИЕ

Когда он положил трубку, телефон снова зажуужал. Он быстро вошел и натолкнулся прямо на Ленехана, боровшегося со вторым листочком.

— Пардон, месье,— сказал Ленехан, на миг ухватившись за него и скорчив гримасу.

— Это я виноват,— отвечал мистер Блум, покорно перенося цепкий зажим.— Я не ушиб вас? Я очень спешу.

— Колено,— пожаловался Ленехан.

Он сделал смешную мину и захныкал, потирая колено:

— Ох, набирается годиков нашей эры.

— Прошу прощения,— сказал мистер Блум.

Он подошел к двери и, взявшись уже за ручку, немного помедлил. Дж. Дж. О'Моллой захлопнул тяжелую подшивку. В пустом вестибюле эхом отдавались звуки губной гармошки и двух пронзительных голосов мальчишек, усевшихся на ступеньках:

Мы вексфордские парни
В сраженье храбрецы.

БЛУМ УХОДИТ

— Я должен бежать на Бэйчлорз-уок, — объяснил мистер Блум, — насчет этой рекламы для Ключчи. Надо договориться окончательно. Мне сказали, что он там рядом, у Диллона.

Какой-то миг он смотрел на них в нерешительности. Редактор, который облокотился на каминную полку, подперев голову рукой, внезапно широким жестом простер руку вперед.

— Гряди! — возгласил он. — Перед тобою весь мир.

Дж. Дж. О'Моллой взял листки у Ленехана из рук и начал читать, осторожными дуновениями отделяя их друг от друга, не говоря ни слова.

— Он устроит эту рекламу, — сказал профессор, глядя через очки в черной оправе поверх занавески. — Полюбуйтесь, как эти юные бездельники за ним увязались.

— Где? Покажите! — закричал Ленехан, подбегая к окну.

УЛИЧНОЕ ШЕСТВИЕ

Оба посмеялись, глядя поверх занавески на мальчишек, которые выплясывали гуськом за мистером Блумом, а у последнего белыми зигзагами мотался под ветром шутовской змей с белыми бантиками по хвосту.

— Поглядеть на свистопляску этих разбойников, — объявил Ленехан, — и тут же загнешься. Ох, пуп с потехи вспотел! Подхватили, как тот вышагивает своими плоско-стопными лапищами. Мелкие бесенята. Подметки на ходу режут.

Вдруг с резвостью он принялся карикатурить мазурку, через всю комнату, мимо камина скольженьями устремляясь к О'Моллоу, который опустил листки в готовно протянутые его руки.

— Что это здесь? — спросил Майлс Кроуфорд, словно очнувшись. — А где остальные двое?

— Кто? — обернулся профессор. — Они отправились в Овал малость выпить. Там Падди Хупер, а с ним Джек Холл. Приехали вчера вечером.

— Пошли, раз так, — решил Майлс Кроуфорд. — Где моя шляпа?

Дергающейся походкой он прошел в кабинет, отводя полы пиджака и звеня ключами в заднем кармане. Потом ключи звякнули на весу, потом об дерево, когда он заперал свой стол.

— А он явно уже хорош,— сказал вполголоса профессор Макхью.

— Кажется, да,— раздумчиво пробормотал Дж. Дж. О'Моллой, вынимая свой портсигар.— Но знаете, то, что кажется, не всегда верно. Кто самый богатый спичками?

ТРУБКА МИРА

Он предложил сигареты профессору, взял сам одну. Ленехан чиркнул проворно спичкой и дал им по очереди прикурить. Дж. Дж. О'Моллой снова раскрыл портсигар и протянул ему.

— Мерсибо,— сказал Ленехан, беря сигарету.

Редактор вышел из кабинета в соломенной шляпе, криво надвинутой на лоб. Прорекламировал нараспев, тыча сурово пальцем в профессора Макхью:

Да, мощь и слава завлекли тебя,
Империя твое пленила сердце.

Профессор усмехнулся, не разомкнув своих длинных губ.

— Ну, что? Эх, ты, несчастная Римская Империя! — сказал Майлс Кроуфорд.

Он взял сигарету из раскрытого портсигара. Ленехан тут же гибким движением поднес ему прикурить и сказал:

— Прошу помолчать. Моя новейшая загадка!

— *Imperium Romanum*,— произнес негромко Дж. Дж. О'Моллой.— Это звучит куда благородней чем британская или брикстонская. Слова чем-то напоминают про масло, подливаемое в огонь.

Майлс Кроуфорд мощно выпустил в потолок первую струю дыма.

— Это точно,— сказал он.— Мы и есть масло. Вы и я — масло в огонь. И шансов у нас еще меньше чем у снежного кома в адском пекле.

ВЕЛИЧИЕ, ЧЬЕ ИМЯ — РИМ

— Одну минуту,— сказал профессор Макхью, подняв два спокойных когтя.— Не следует поддаваться словам,

звучанию слов. Мы думаем о Риме имперском, императорском, императивном.

Он сделал паузу и ораторски простер руки, вылезавшие из обтрепанных и грязных манжет:

— Но какова была их цивилизация? Бескрайна, согласен: но и бездушна. Сцоасае: сточные каналы. Евреи в пустыне или на вершине горы говорили: *Отрадно быть здесь. Поставим жертвенник Иегове.* А римлянин, как и англичанин, следующий по его стопам, приносил с собою на любой новый берег, куда ступала его нога (на наш берег она никогда не ступала), одну лишь одержимость клоакой. Стоя в своей тоге, он озирался кругом и говорил: *Отрадно быть здесь. Соорудим же ватерклозет.*

— Каковой неукоснительно и сооружали, — сказал Ленехан. — Наши древние далекие предки, как можно прочесть в первой главе книги Пития, имели пристрастие к проточной воде.

— Они были достойными детьми природы, — тихо сказал Дж. Дж. О'Моллой. — Но у нас есть и римское право.

— И Понтий Пилат пророк его, — откликнулся профессор Макхью.

— А вы слышали историю про первого лорда казначейства Поллса? — спросил О'Моллой. — Был парадный обед в королевском университете. Все шло как по маслу...

— Сначала отгадайте загадку, — прервал Ленехан. — Как, готовы?

Из вестибюля появился мистер О'Мэдден Берк, высокий, в просторном сером донегальского твида. За ним следовал Стивен Дедал, снимая на ходу шляпу.

— *Entrez, mes enfants!*¹ — закричал Ленехан.

— Я сопровождаю просителя, — произнес благозвучно мистер О'Мэдден Берк. — Юность, ведомая Опытом, наносит визит Молве.

— Как поживаете? — сказал редактор, протянув руку. — Заходите. Родитель ваш отбыл только что.

? ? ?

Ленехан объявил всем:

— Внимание! Какая опера страдает хромотой? Думайте, напрягайтесь, соображайте и отвечайте.

¹ Входите, дети мои! (франц.)

Стивен протянул отпечатанные на машинке листки, указывая на заголовок и подпись.

— Кто? — спросил редактор.

Край-то оторван.

— Мистер Гэррет Дизи, — ответил Стивен.

— Старый бродяга, — сказал редактор. — А оторвал кто? Приспичило ему, что ли.

Приплыв сквозь бури
Сквозь пены клубы
Вампир бледнолицый
Мне губы впил в губы.

— Здравствуйте, Стивен, — сказал профессор, подойдя к ним и заглядывая через плечо. — Ящур? Вы что, стали...? Быколюбивым бардом.

СКАНДАЛ В ФЕШЕНЕБЕЛЬНОМ РЕСТОРАНЕ

— Здравствуйте, сэр, — отвечал Стивен, краснея. — Это не мое письмо. Мистер Гэррет Дизи меня попросил...

— Знаю, знаю его, — сказал Майлс Кроуфорд, — да и жену знал тоже. Мерзейшая старая карга, какую свет видывал. Вот у нее уж точно был ящур, клянусь Христом! Вспомнить тот вечер, когда она суп выплеснула прямо в лицо официанту в «Звезде и Подвязке». Ого-го!

Женщина принесла грех в мир. Из-за Елены, сбежавшей от Менелая, греки десять лет. О'Рурк, принц Брефни.

— Он что, вдовец? — спросил Стивен.

— Ага, соломенный, — отвечал Майлс Кроуфорд, пробегая глазами машинопись. — Императорские конюшни. Габсбург. Ирландец спас ему жизнь на крепостном валу в Вене. Не забывайте об этом! Максимилиан Карл О'Доннелл, граф фон Тирконнелл в Ирландии. Сейчас он отправил своего наследника и тот привез королю титул австрийского фельдмаршала. Когда-нибудь будет там заваруха! Дикие гуси. О да, всякий раз. Не забывайте об этом!

— Забыл ли об этом он, вот вопрос? — тихо произнес О'Моллой, вертя в руках пресс-папье в форме подковы. — Спасать государей — неблагоприятное занятие.

Профессор Макхью обернулся к нему.

— А если нет? — спросил он.

— Я расскажу вам, как было дело, — начал Майлс Кроуфорд. — Как-то раз один венгр...

ОБРЕЧЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ. УПОМИНАНИЕ О БЛАГОРОДНОМ МАРКИЗЕ

— Мы всегда оставались верны обреченным предприятиям, — сказал профессор. — Успех означает для нас гибель разума и воображения. Мы никогда не хранили верность преуспевающим. Мы им прислуживаем. Я преподаю назойливую латынь. Я говорю на языке расы, у которой вершина мышления это афоризм: время — деньги. Материальное господство. Domine! Господин! А где же духовное? Господь Иисус? Господин Солсбери? Диван в клубе в Уэст-Энде. Но греки!

КЮРИЕ ЭЛЕЙСОН!

Светлая улыбка оживила его глаза в темной оправе, еще больше растянула длинные губы.

— Греки! — повторил он. — *Кюриос!* Сияющее слово! Гласные, которых не знают семиты и саксы. *Кюрие!* Лучезарность разума. Мне бы следовало преподавать греческий, язык интеллекта. *Кюрие элейсон!* Строителям клозетов и клоак никогда не быть господами нашего духа. Мы наследники католического рыцарства Европы, которое пошло ко дну при Трафальгаре, и царства духа — а это вам не *impreium*, — которое потонуло вместе с флотом афинян при Эгоспотамах. Да-да. Они потонули. Пирр, обманутый оракулом, совершил последнюю попытку повернуть судьбы Греции. Верный обреченному предприятию.

Он отошел к окну.

— Они выходили на бой, — продекламировал мистер О'Мэдден Берк тусклым голосом, — и гибли они неизменно.

— У-у! Ох-хо-хо! — негромко взрыдал Ленехан. — Получил кирпичом в самом конце представления. Бедняга, о бедняга, бедняга Пирр!

Потом он стал нашептывать в ухо Стивену:

ЛИМЕРИК ЛЕНЕХАНА

Вот ученый профессор из Дублина.
Протирает очки он насупленно.
Но успел он напиться,
И в глазах все двойится,
Так что труд его — даром погубленный.

В трауре по Саллюстию, как выражается Маллиган.
У которого мамаша подохла.

Майлс Кроуфорд сунул листки в карман.

— Ладно, пойдет,— сказал он.— Остальное потом прочту. Все будет в порядке.

Ленехан протестующе замахал руками.

— А как же моя загадка? — сказал он.— Какая опера страдает хромотой?

— Опера? — сфинксоподобное лицо мистера О'Мэддена Берка еще более озагадочилось.

Ленехан объявил торжествующе:

— «Роза Кастилии». Уловили соль? Рожа, костыль. Гы!

Шутливо ткнул он мистера О'Мэддена Берка под селезенку. Мистер О'Мэдден Берк откинулся манерно назад, на свой зонтик, и сделал вид, будто задыхается.

— Помогите! — выдохнул он.— Мне дурно.

На носки привстав, Ленехан немедля принялся обмахивать лицо его шелестящими листочками.

Профессор, возвращаясь на место мимо подшивок, тронул легонько рукою распущенные галстуки Стивена и мистера О'Мэддена Берка.

— Париж в прошлом и настоящем. Вы выглядите как коммунары.

— Как те парни, что взорвали Бастилию,— сказал Дж. Дж. О'Моллой с мягкой иронией.— Или, может, это как раз вы с ним пристрелили генерал-губернатора Финляндии? Судя по виду, вы бы вполне могли. Генерала Бобрикова.

ОМНИУМ ПОНЕМНОГУМ

— Мы еще только собирались,— отвечал Стивен.

— Соцветие всех талантов,— сказал Майлс Кроуфорд.— Юриспруденция, древние языки...

— Скачки,— вставил Ленехан.

— Литература, журналистика.

— А будь еще Блум,— сказал профессор,— тогда и тонкое искусство рекламы.

— И мадам Блум,— добавил мистер О'Мэдден Берк.— Муза пения. Любимица всего Дублина.

Ленехан громко кашлянул.

— Гм-гм! — произнес он, сильно понизив голос.— Глоток свежего воздуха! Я простудился в парке. Ворота были отворены.

ВЫ ЭТО МОЖЕТЕ!

Редактор положил Стивену на плечо нервную руку.

— Я хочу, чтобы вы написали что-нибудь для меня,—

сказал он. — Что-нибудь задиристое. Вы это можете. Я по лицу вижу. *В словаре молодости...*

По лицу вижу. По глазам вижу. Маленький ленивый выдумщик.

— Ящур! — воскликнул редактор с презрительным вызовом. — Великое сборище националистов в Боррис-ин-Оссори. Сплошная дичь! Надо таранить публику! Дайте-ка им что-нибудь задиристое. Вставьте туда нас всех, черт его побери. Отца, Сына и Святого Духа и Дристуна Маккарти.

— Мы все можем доставить пищу для ума, — сказал мистер О'Мэдден Берк.

Стивен, подняв глаза, встретил дерзкий и блуждающий взгляд.

— Он вас хочет в шайку газетчиков, — пояснил Дж. Дж. О'Моллой.

ВЕЛИКИЙ ГАЛЛАХЕР

— Вы это можете, — повторил Майлс Кроуфорд, подкрепляя слова энергичным жестом. — Вот погодите. Мы парализуем Европу, как выразался Игнатий Галлахер, когда он мытарствовал, подрабатывал маркером на бильярде в отеле «Кларенс». Галлахер, вот это был журналист. Вот это перо. Знаете, как он сделал карьеру? Я вам расскажу. Виртуознейший образец журнализма за все времена. Дело было в восемьдесят первом, шестого мая, в пору непобедимых, убийства в парке Феникс, я думаю, вас тогда еще и на свете не было. Сейчас покажу.

Он двинулся мимо них к подшивкам.

— Вот, смотрите, — сказал он, оборачиваясь, — «Нью-Йорк уорлд» запросил специально по телеграфу. Припоминаете?

Профессор Макхью кивнул.

— «Нью-Йорк уорлд», — говорил редактор, приходя в возбуждение и двигая шляпу на затылок. — Где все происходило. Тим Келли, или, верней, Кавана, Джо Брэди и остальные. Где Козья Шкура правил лошадьми. Весь их маршрут, понятно?

— Козья Шкура, — сказал мистер О'Мэдден Берк. — Фицхаррис. Говорят, теперь он «Приют извозчика» держит у Баттского моста. Это мне Холохан сказал. Знаете Холохана?

— Прыг-скок, этот, что ли? — спросил Майлс Кроуфорд.

— И Гамли, бедняга, тоже там, так он мне сказал, стережет бульжники для города. Ночной сторож.

Стивен с удивлением обернулся.

— Гамли? — переспросил он. — Да что вы? Тот, что друг моего отца?

— Да бросьте вы Гамли, — прикрикнул сердито Майлс Кроуфорд. — Пускай стережет бульжники, чтобы не убежали. Взгляните сюда. Что сделал Игнатий Галлахер? Сейчас вам скажу. Гениальное вдохновение. Телеграфировал немедленно. Тут есть «Уикли фримен» за семнадцатое марта? Прекрасно. Видите это?

Он перелистал подшивку и ткнул пальцем.

— Вот, скажем, четвертая страница, реклама кофе фирмы «Брэнсом». Видите? Прекрасно.

Зажужжал телефон.

ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

— Я подойду, — сказал профессор, направляясь в кабинет.

— Б — это ворота парка. Отлично.

Его трясущийся палец тыкал нетвердо в одну точку за другой.

— Т — резиденция вице-короля. К — место, где произошло убийство. Н — Нокмарунские ворота.

Дряблые складки у него на шее колыхались как сережки у петуха. Плохо накрахмаленная манишка вдруг выскочила, и он резким движением сунул ее обратно в жилет.

— Алло? Редакция «Ивнинг телеграф»... Алло?.. Кто говорит?.. Да... Да... Да...

— От Ф до П — это путь, которым ехал Козья Шкура для алиби. Инчикор, Раундтаун, Уинди Арбор, Пальмерстон парк, Ранела. Ф.А.Б.П. Понятно? X — трактир Дэви на Верхней Лисон-стрит.

Профессор показался в дверях кабинета.

— Это Блум звонит, — сказал он.

— Пошлите его ко всем чертям, — без промедления отвечал редактор. — X — это трактир Берка. Ясно?

ЛОВКО, И ДАЖЕ ОЧЕНЬ

— Ловко, — сказал Ленехан. — И даже очень.

— Преподнес им все на тарелочке,— сказал Майлс Кроуфорд.— Всю эту дьявольскую историю.

Кошмар, от которого ты никогда не проснешься.

— Я видел сам,— с гордостью произнес редактор.— Я сам был при этом. Дик Адамс, золотое сердце, добрейший из всех мерзавцев, кого только Господь сподобил родиться в Корке,— и я.

Ленехан отвесил поклон воображаемой фигуре и объявил:

— Мадам, а там Адам. А роза упала на лапу Азора.

— Всю историю! — восклицал Майлс Кроуфорд.— Старушка с Принс-стрит оказалась первой. И был там плач и скрежет зубов. Все из-за одного рекламного объявления. Грегор Грэй сделал эскиз для него и сразу на этом пошел в гору. А потом Падди Хупер обработал Тэй Пэя, и тот взял его к себе в «Стар». Сейчас он у Блюменфельда. Вот это пресса. Вот это талант. Пайетт! Вот кто им всем был папочкой!

— Отец сенсационной журналистики,— подтвердил Ленехан,— и зять Криса Каллинанна.

— Алло?.. Вы слушаете?.. Да, он еще здесь. Вы сами зайдите.

— Где вы сейчас найдете такого репортера, а? — восклицал редактор.

Он захлопнул подшивку.

— Лесьма вовко,— сказал Ленехан мистеру О'Мэддену Берку.

— Весьма ловко,— согласился мистер О'Мэдден Берк.

Из кабинета появился профессор Макхью.

— Кстати, о непобедимых, вы обратили внимание, что нескольких лотошников забрали к главному судье...

— Да-да,— с живостью подхватил Дж. Дж. О'Моллой.— Леди Дадли шла домой через парк, хотела поглядеть, как там прошлогодний циклон повалил деревья, и решила купить открытку с видом Дублина. А открытка-то эта оказалась выпущенной в честь то ли Джо Брэди, то ли Главного или Козьей Шкуры. И продавали у самой резиденции вице-короля, можете себе представить!

— Теперешние годятся только в департамент мелкого вздора,— продолжал свое Майлс Кроуфорд.— Тьфу! Что пресса, что суд! Где вы теперь найдете такого юриста, как те прежние, как Уайтсайд, как Айзек Батт, как среброустый О'Хейган? А? Эх, чушь собачья! Тьфу! Гроша ломаного не стоят!

Он смолк, но нервная и презрительная гримаса еще продолжала змеиться на губах у него.

Захотела бы какая-нибудь поцеловать эти губы? Как знать! А зачем тогда ты это писал.

СКЛАД И ЛАД

Губы, клубы. Губы — это каким-то образом клубы, так, что ли? Или же клубы — это губы? Что-то такое должно быть. Клубы, тубы, любы, зубы, грубы. Рифмы: два человека, одеты одинаково, выглядят одинаково, по двое, парами.

. la tua pace
. che parlar ti piace
. mentrechè il vento, come fa, si tace¹.

Он видел, как они по трое приближаются, девушки в зеленом, в розовом, в темно-красном, сплетаясь, *per l'aer perso*², в лиловом, в пурпурном, *quella pacifica orifiamma*³, в золоте орифламмы, *di rimigar fe piu ardenti*⁴. Но я старик, кающийся, в ногах свинец, под чернотой ночи: губы клубы: могила пленила.

— Говорите лишь за себя, — сказал мистер О'Мэдден Берк.

ДОВЛЕЕТ ДНЕВИ...

Дж. Дж. О'Моллой со слабою улыбкою принял вызов.

— Дорогой Майлс, — проговорил он, отбрасывая свою сигарету, — вы сделали неверные выводы из моих слов. В настоящий момент на меня не возложена защита третьей профессии *qua* профессии, но все же резвость ваших коркских ног слишком заносит вас. Отчего нам не вспомнить Генри Граттана и Флуда или Демосфена или Эдмунда Берка? Мы все знаем Игнатия Галлахера и его шефа из Чейплизода, Хармсуорта, издававшего желтые газетенки, а также и его американского кузена из помойного листка в стиле Бауэри, не говоря уж про «Новости Падди Келли», «Приключения Пью» и нашего недремлющего друга «Скиберинского орла». Зачем непременно вспоминать такого

¹ ...тебя он спас

...беседа есть у вас

...безмолвен вихрь, как здесь сейчас (*итал.* Данте. Ад, V (концовки строк 92, 94, 96; перев. М. Лозинского).

² в тьме неизреченной (Ад, V, 89).

³ там орифламма (Рай, XXXI, 127).

⁴ и мой сильнее воспламенил (Рай, XXXI, 142).

мастера адвокатских речей, как Уайтсайд? Довлеет дневи газета его.

ОТЗВУКИ ДАВНИХ ДНЕЙ

— Граттан и Флуд писали вот для этой самой газеты, — выкрикнул редактор ему в лицо. — Патриоты и добровольцы. А теперь вы где? Основана в 1763-м. Доктор Льюкас. А кого сейчас можно сравнить с Джоном Филпотом Каррэном? Тьфу!

— Ну, что ж, — сказал Дж. Дж. О'Моллой, — вот, скажем, королевский адвокат Буш.

— Буш? — повторил редактор. — Что же, согласен. Буш, я согласен. У него в крови это есть. Кендал Буш, то есть, я хочу сказать, Сеймур Буш.

— Он бы уже давно восседал в судьях, — сказал профессор, — если бы не... Ну ладно, не будем.

Дж. Дж. О'Моллой повернулся к Стивену и тихо, с расстановкой сказал:

— Я думаю, самая отточенная фраза, какую я слышал в жизни, вышла из уст Сеймура Буша. Слышалось дело о братоубийстве, то самое дело Чайлдса. Буш защищал его.

И мне в ушную полость влил настой.

Кстати, как же он узнал это? Ведь он умер во сне. Или эту другую историю, про зверя с двумя спинами?

— И какова же она была? — спросил профессор.

ITALIA, MAGISTRA ARTIUM¹

— Он говорил о принципе правосудия на основе доказательств, согласно римскому праву, — сказал О'Моллой. — Он противопоставлял его более древнему Моисееву закону, *lex talionis*², и здесь напомнил про Моисея Микеланджело в Ватикане.

— М-да.

— Несколько тщательно подобранных слов, — возвестил Ленехан. — Тишина!

Последовала пауза. Дж. Дж. О'Моллой извлек свой портсигар.

Напрасно замерли. Какая-нибудь ерунда.

Вестник задумчиво вынул спички и закурил сигару.

Позднее я часто думал, оглядываясь назад, на эти стран-

¹ Италия, наставница искусств (лат.).

² Закон возмездия (лат.).

ные дни, не это ли крохотное действие, столь само по себе пустое, это чирканье этой спички, определило впоследствии всю судьбу двух наших существований.

ОТТОЧЕННАЯ ФРАЗА

Дж. Дж. О'Моллой продолжал, оттеняя каждое слово:

— Он сказал о нем: *это музыка, застывшая в мраморе, каменное изваяние, рогатое и устрашающее, божественное в человеческой форме, это вечный символ мудрости и прозрения, который достоин жить, если только достойно жить что-либо, исполненное воображением или рукою скульптора во мраморе, духовно преображенном и преображающем.*

Волнистое движение его гибкой руки эхом сопровождало фразу.

— Блестяще! — тотчас отозвался Майлс Кроуфорд.

— Божественное вдохновение, — промолвил мистер О'Мэдден Берк.

— А вам понравилось? — спросил Дж. Дж. О'Моллой у Стивена.

Стивен, плененный до глубины красотой языка и жеста, лишь молча покраснел. Он взял сигарету из раскрытого портсигара, и Дж. Дж. О'Моллой протянул портсигар Майлсу Кроуфорду. Ленехан, как и прежде, дал им прикурить, а потом уцепил трофей, говоря:

— Премного благодаримус.

ВЫСОКОНРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Профессор Мэйдженнис мне говорил про вас, — обратился О'Моллой к Стивену. — Скажите по правде, что вы думаете обо всей этой толпе герметистов, поэтов опалового безмолвия, с верховным мистом А. Э.? Все началось с этой дамы Блаватской. Уж это была замысловатая штучка. В одном интервью, которое он дал какому-то янки, А. Э. рассказывал, как вы однажды явились к нему чуть свет и стали допытываться о планах сознания. Мэйдженнис считает, что вы, должно быть, решили попросту разыграть А. Э. Он человек высочайшей нравственности, Мэйдженнис.

Говорил обо мне. Но что он сказал? Что он сказал? Что он сказал обо мне? Нет, не спрошу.

— Спасибо, — сказал профессор Макхью, отклоняя от себя портсигар. — Погодите минуту. Позвольте, я кое-что

скажу. Прекраснейшим образцом ораторского искусства, какой я слышал, была речь Джона Ф. Тэйлора на заседании университетского исторического общества. Сначала говорил судья Фицгиббон, теперешний глава апелляционного суда, а обсуждали они нечто довольно новое по тем временам, эссе, где ратовалось за возрождение ирландского языка.

Он обернулся к Майлсу Кроуфорду и сказал:

— Вы ведь знаете Джеральда Фицгиббона, так что можете себе представить стиль его речи.

— По слухам, он заседает с Тимом Хили, — вставил Дж. Дж. О'Моллой, — в административной комиссии колледжа Тринити.

— Он заседает с милым крошкой в детском нагруднике, — сказал Майлс Кроуфорд. — Валяйте дальше. Ну и что?

— Прошу заметить, — продолжал профессор, — что это была речь опытного оратора, с безупречной дикцией, исполненная учтвого высокомерия и изливающая, не скажу чашу гнева, но скорей горделивое презрение к новому движению. Тогда это было новым движением. Мы были слабы и, стало быть, ни на что не годны.

На мгновение он сомкнул свои тонкие длинные губы, но, стремясь продолжать, поднес широко отставленную руку к очкам и, коснувшись черной оправы подрагивающими пальцами, безмянным и большим, слегка передвинул фокус.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Нарочито будничным тоном он обратился к Дж. Дж. О'Моллоу:

— А Тэйлор, надо вам знать, явился туда больной, встал с постели. И я не верю, что он заранее приготовил речь, потому что во всем зале не было ни единой стенографистки. Лицо у него было смуглое, исхудалое, с лохматой бородой во все стороны. На шее болтался какой-то шарф, а сам он выглядел едва ли не умирающим (хотя таковым и не был).

Взгляд его тут же, хотя и без торопливости, двинулся от Дж. Дж. О'Моллоя к Стивену и тут же потом обратился книзу, будто ища что-то. За склоненною головой обнаружился ненакрахмаленный полотняный воротничок, засаленный от редующих волос. Все так же ища, он сказал:

— Когда Фицгиббон закончил речь, Джон Ф. Тэйлор взял ответное слово. И вот что он говорил, вкратце и насколько могу припомнить.

Твердым движением он поднял голову. Глаза снова погрузились во вспоминание. Неразумные моллюски плавали в толстых линзах туда и сюда, ища выхода.

Он начал:

— *Господин председатель, леди и джентльмены! Велико было мое восхищение словами, с которыми только что обратился к молодежи Ирландии мой ученый друг. Мне чудилось, будто я перенесся в страну, очень отдаленную от нашей, и в эпоху, очень далекую от нынешней, будто я нахожусь в Древнем Египте и слушаю речь некоего первосвященника той земли, обращенную к юному Моисею.*

Его слушатели, все внимание, застыли с сигаретами в пальцах, и дым от них восходил тонкими побегам, распушкавшимися по мере его речи. *Пусть дым от алтарей.* Близятся благородные слова. Посмотрим. А если бы самому попробовать силы?

— *И чудилось мне, будто я слышу, как в голосе этого египетского первосвященника звучат надменность и горделивость. И услышал я слова его, и смысл их открылся мне.*

ИЗ ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Открылось мне, что только доброе может стать хуже, если бы это было абсолютное добро или вовсе бы не было добром, то оно не могло бы стать хуже. А, черт побери! Это же из святого Августина.

— *Отчего вы, евреи, не хотите принять нашей культуры и нашей религии и нашего языка? Вы — племя кочующих пастухов: мы — могущественный народ. У вас нет городов и нет богатств: наши города словно людские муравейники, и наши барки, триремы и квадриремы, груженые всевозможными товарами, бороздят воды всего известного мира. Вы едва вышли из первобытного состояния: у нас есть литература, священство, многовековая история и государственные законы.*

Нил.

Ребенок — мужчина — изваяние.

На берегу Нила прислужницы преклонили колена, тростниковая люлька — муж, искусный в битве — каменнооргий, каменнобородый, сердце каменное.

— Вы поклоняетесь темному безвестному идолу: в наших храмах, таинственных и великолепных, обитают Изида и Озирис, Гор и Амон Ра. Ваш удел — рабство, страх, унижения: наш — громы и моря. Израиль слаб и малочисленны сыны его: Египет — несметное воинство, и грозно его оружие. Бродягами и поденщиками зоветесь вы: от нашего имени содрогается мир.

Беззвучная голодная отрыжка ворвалась в его речь. Повышением голоса он отважно поборол ее:

— Но, леди и джентльмены, если бы юноша Моисей внял этой речи и принял бы этот взгляд на жизнь, если бы он склонил свою голову, склонил свою волю, склонил дух свой пред этим надменным поучением, то никогда бы не вывел он избранный народ из дома рабства и не последовал бы днем за столпом облачным. Никогда бы не говорил он с Предвечным среди молний на вершине Синая и не сошел бы с нее, сияя отсветами боговдохновения на лице, неся в руках скрижали закона, выбитые на языке изгоев.

Он смолк и оглядел их, наслаждаясь молчанием.

ЗЛОВЕЩИЙ ЗНАК — ДЛЯ НЕГО!

Дж. Дж. О'Моллой не без сожаленья заметил:

— И все же он умер, не ступив на землю обетованную.

— Внезапная — в — тот — миг — хотя — и — от — продолжительной — болезни — нередко — задолго — ожидаемая — кончина, — изрек Ленехан. — И позади у него лежало великое будущее.

Послышалось, как стадо босых ног ринулось через вестибюль и по лестнице вверх.

— Вот что такое искусство речи, — сказал профессор, не встретив ничьего возражения.

Унесено ветром. Людские скопища в Моллахмасте и в Таре королевской. На целые мили — ушные полости. Громовые речи трибуна звучат — и развеиваются ветром. Народ обретал убежище в его голосе. Умершие звуки. Акаша-хроника где все что происходило когда-нибудь где-нибудь где угодно. Обожайте его и восхваляйте — но с меня хватит.

У меня есть деньги.

— Джентльмены, — произнес Стивен. — Следующим пунктом повестки дня позвольте внести предложение о переносе заседания в другое место.

— Вы меня изумляете. Надеюсь, это не пустая любезность на французский манер? — спросил мистер О'Мэдден Берк. — Ибо, мыслю, сие есть время, когда винный кувшин, выражаясь метафорически, особливо приятствен в древней вашей гостинице.

— Быть по сему и настоящим решительно решено. Все кто за говори в глаза, — возгласил Ленехан. — Прочим молчок. Объявляю предложение принятым. В какое же именно питейное заведение?.. Подаю свой голос за Муни!

Он возглавил шествие, поучая:

— Мы резко отвергнем возлияния крепких напитков, разве не так? Так да не так. Ни под каким видом.

Мистер О'Мэдден Берк, шедший за ним вплотную, произнес, делая соратнический выпад зонтом:

— Рази, Макдуф!

— Весь в папашу! — воскликнул редактор, хлопнув Стивена по плечу. — Двинулись. Где эти чертовы ключи?

Он порылся в кармане и вытащил смятые листки.

— Ящур. Помню. Все будет в порядке. Пойдет. Где же они? Все в порядке.

Он снова сунул листки в карман и ушел в кабинет.

БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ

Дж. Дж. О'Моллой, собравшись последовать за ним, тихо сказал Стивену:

— Надеюсь, вы доживете, пока это напечатают. Майлс, одну минутку.

Он прошел в кабинет, затворив дверь за собой.

— Пойдемте, Стивен, — позвал профессор. — Это было блестяще, не правда ли? Прямо-таки пророческие виденья. Fuit Pium!¹ Разграбление бурной Трои. Царства мира сего. Былые властители Средиземноморья — ныне феллахи.

Первый мальчишка-газетчик, стуча пятками, промчался по лестнице и ринулся мимо них на улицу с воплем:

— Специальный выпуск, скачки!

Дублин. Мне еще многому, многому учиться.

Они повернули налево по Эбби-стрит.

— Меня тоже посетило видение, — сказал Стивен.

— В самом деле? — сказал профессор, подлаживаясь с ним в ногу. — Кроуфорд нас догонит.

Еще один мальчишка пронесся мимо них, вопя на бегу:

¹ Миновал Илион! (лат.)

— Специальный выпуск, скачки!

ДОБРЫЙ ДРЯХЛЫЙ ДУБЛИН

Дублинцы.

— Две дублинские весталки, — начал Стивен, — престарелые и набожные, прожили пятьдесят и пятьдесят три года на Фамболли-лейн.

— Это где такое? — спросил профессор.

— Неподалеку от Блэкпиттса.

Сырая ночь с голодными запахами пекарни. У стены. Пухлое лицо поблескивает под дешевой шалью. Неистовые сердца. Акаша-хроника. Поживей, милоч!

Вперед. Попробуй, рискни. Да будет жизнь.

— Они желают посмотреть панораму Дублина с вершины колонны Нельсона. У них накоплено три шиллинга десять пенсов в красной жестяной копилке в виде почтового ящика. Они вытряхивают оттуда трехпенсовые монетки и шестипенсовики, а пенсы выуживают, помогая себе лезвием ножа. Два шиллинга три пенса серебром, один шиллинг семь пенсов медью. Они надевают шляпки и воскресные платья, берут с собой зонтики на случай дождя.

— Мудрые девы, — сказал профессор Макхью.

ЖИЗНЬ БЕЗ ПРИКРАС

— Они покупают на шиллинг четыре пенса грудинки и четыре ломтя формового хлеба у мисс Кейт Коллинз, хозяйки Северных Столовых на Мальборо-стрит. Потом они покупают двадцать и четыре спелые сливы у девчонки, торгующей у самого подножия колонны Нельсона, чтобы утолять жажду после грудинки. И, заплатив две трехпенсовые монетки джентльмену у турникета, они медленно начинают взбираться по винтовой лестнице, кряхтя, подбадривая друг друга, пугаясь темных мест, борясь с одышкой, переспрашивая одна другую, а грудинка у вас, вознося хвалы Господу и Пречистой Деве, грозясь повернуть назад и выглядывая в смотровые щели. У-уфф, слава Богу. Мы и понятия не имели, что это так высоко.

Зовут их Энн Карнс и Флоренс Маккейб. Энн Карнс страдает радикулитом и растирается от него лурдской водой, которую ей дала одна леди, а та получила бутылочку от одного монаха-пассиониста. У Флоренс Маккейб каждую субботу на ужин свиные ножки и бутылка двойного пива.

— Антитезис,— молвил профессор, кивая дважды.— Девы-весталки. Так и вижу их. Но что же наш друг там мешкает?

Он обернулся.

Стая стремглав летящих мальчишек неслась вниз по ступеням, разлетаясь во все стороны, вопя, размахивая белыми листами газет. За ними на лестнице появился Майлс Кроуфорд, в нимбе шляпы вокруг малиновой физиономии, продолжая беседовать с Дж. Дж. О'Моллоем.

— Нагоняйте,— крикнул ему профессор и помахал рукой.

Затем он снова зашагал рядом со Стивеном.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУМА

— Да-да,— сказал он,— я их вижу.

Мистер Блум, весь запыхавшийся, попавший в оголтелый водоворот мальчишек-газетчиков возле редакций «Айриш католик» и «Дублин пенни джорнэл», воззвал:

— Мистер Кроуфорд! Минуточку!

— «Телеграф»! Специальный выпуск, скачки!

— Ну, в чем дело? — спросил Майлс Кроуфорд, замедляя шаг.

Выкрик газетчика раздался перед самым носом мистера Блума:

— Ужасная трагедия в Рэтмайнсе! Ребенка защемило тисками!

ИНТЕРВЬЮ С РЕДАКТОРОМ

— Все об этой рекламе,— начал мистер Блум, проталкиваясь к ступеням, отдуваясь и вынимая вырезку из кармана.— Я только что говорил с мистером Ключчи. Он сказал, **что** закажет на два месяца. А там посмотрит. Но он еще **хочет** заметку в «Телеграфе», в субботнем розовом, чтобы привлечь внимание. Я уже говорил советнику Наннетти, он **хочет** такую же, как была в «Килкенни пипл», если еще не слишком поздно. Я бы мог ее взять в Национальной Библиотеке. Понимаете, дом ключей. Его фамилия Ключчи, получается игра слов. Но он, можно считать, обещал, что **закажут**. Но он только **хсчет**, чтобы это немножко раздуть. **Что** мне ему передать, мистер Кроуфорд?

П. М. Ж.

— Передайте, что он может поцеловать меня в жопу! —

отрезал Майлс Кроуфорд, сделав выразительный жест. — Вот так в натуре и передайте.

Слегка нервничает. Надо поосторожней. Все двинулись выпить. Рука об руку. Морская фуражка Ленехана поспешает на дармовщинку. Как всегда подольстился. Интересно кто всех подбил молодой Дедал что ли. Сегодня на нем вполне приличные башмаки. В последний раз как я его видел у него пятки высвечивали. И где-то вляпался в грязь. Беззаботный малый. Что же он делал в Айриштауне?

— Что же, — сказал мистер Блум, снова переводя взгляд на редактора. — Если я достану эскиз, стоит, по-моему, поместить маленькую заметку. Думаю, он даст это объявление. Я ему передам...

П. М. Б. И. Ж.

— Он может поцеловать мою благородную ирландскую жопу! — громогласно объявил Майлс Кроуфорд. — Совершенно в любое время, так вот и передайте.

И покуда мистер Блум стоял, взвешивая положение и нерешительно улыбаясь, он двинулся дальше своей подергивающейся походкой.

В ПОИСКАХ ССУДЫ

— *Nulla bona*¹, Джек, — сказал он, поднося руку к подбородку. — Я и сам вот посюда. Тоже крупные передряги. Не далее как на прошлой неделе разыскивал, кто бы дал поручительство под мой вексель. Мне очень жаль, Джек. Будь хоть малейшая возможность. Если бы мог где-нибудь найти, я бы со всей душой.

Дж. Дж. О'Моллой кисло поморщился и молча зашагал дальше. Они нагнали остальных и пошли рядом с ними.

— И когда они съели свою грудинку и хлеб и вытерли все двадцать пальцев о бумагу от хлеба, тогда они подошли поближе к перилам.

— Тут кое-что для вас, — пояснил профессор Майлсу Кроуфорду. — Две дублинские старушки на вершине колонны Нельсона.

НУ И КОЛОННА! — ВОТ ЧТО СКАЗАЛА ПЕРВАЯ ИЗ ВЗОБРАВШИХСЯ

— Это свежо, — одобрил Майлс Кроуфорд. — Это мате-

¹ Никакого имущества (лат.).

риал. Выбрались на гулянье сапожников в Дагл. Две старые плутовки, а дальше что?

— Но они боятся, что колонна упадет,— продолжал Стивен.— Они глядят на крыши и спорят о том, где какая церковь: голубой купол в Рэтмайнсе, Адама и Евы, святого Лаврентия О’Тула. Но, когда смотрят, у них начинается кружиться голова, так что они задирают платья...

ЛЕГКАЯ НЕОБУЗДАННОСТЬ ЭТИХ ЖЕНЩИН

— Полегче,— сказал Майлс Кроуфорд.— Без поэтических вольностей. Мы тут в епархии архиепископа.

— И усаживаются на свои полосатые исподние юбки, взирая вверх на статую однорукого прелюбодея.

— Однорукий прелюбодей! — воскликнул профессор.— Мне это нравится. Я уловил мысль. Я вижу, что вы хотите сказать.

МОЖНО ПОДУМАТЬ, ДАМЫ ОДАРИВАЮТ ГРАЖДАН ДУБЛИНА СКОРОСТНЫМИ ПИЛЮЛЯМИ И БЫСТРОЛЕТНЫМИ МЕТЕОРИТАМИ

— Но у них от этого затекает шея,— говорил Стивен,— и они так устали, что уже не могут смотреть ни вверх ни вниз ни даже говорить. Они ставят между собой пакет со сливами и начинают их поедать одну за другой, утирая платочками сливовый сок, стекающий изо рта, и не спеша выплевывая косточки через перила.

В конце у него вдруг вырвался громкий молодой смех. Услышав его, Ленехан и мистер О’Мэдден Берк обернулись и, помахав им, повернули наискосок в сторону Муни.

— Это все? — спросил Майлс Кроуфорд.— Закончим, пока они не сделали чего похуже.

СОФИСТ ПОРАЖАЕТ НАДМЕННУЮ ЕЛЕНУ ПРЯМЫМ ПО СОПАТКЕ. СПАРТАНЦЫ СКРЕЖЕЩУТ КОРЕННЫМИ.

ИТАКИЙЦЫ БОЖАТСЯ, ЧТО ИХ ПЕН ЧЕМПИОНКА

— Вы мне напоминаете Антисфена,— сказал профессор,— ученика софиста Горгия. О нем рассказывают, что никак не могли решить, кого он яростнее хулил, других или же себя самого. Он был сыном аристократа и рабыни. И он написал книгу, в которой отнял пальму первенства по красоте у аргиянки Елены и передал ее бедной Пенелопе.

Бедная Пенелопа. Пенелопа Рич¹.
Они приготовились перейти через О'Коннелл-стрит.

АЛЛО, ЦЕНТРАЛЬНАЯ!

В различных точках на всех восьми линиях стояли на рельсах с застывшими дугами трамваи, шедшие в или из Рэтмайнса, Рэтфарнэма, Блэкрока, Кингстауна и Долки, Сэндимаунт Грин, Рингсенда и Сэндимаунт Тауэр, Доннибрука, Пальмерстон парка и Верхнего Рэтмайнса, в неподвижном спокойствии короткого замыкания. Наемные экипажи, кабриолеты, ломовые телеги, почтовые фургоны, собственные кареты, повозки для газированных минеральных вод с громыхающими ящиками бутылок громыхали, катили, влекомые лошадьми, — стремительно.

КАК? — И АНАЛОГИЧНО — ГДЕ?

— А как вы это назовете? — осведомился Майлс Кроуфорд. — И где они взяли сливы?

ИЗ ВЕРГИЛИЯ, ГОВОРIT ПЕДАГОГ. ВТОРОКУРСНИК ЖЕ ПРИСУЖДАЕТ СЛИВЫ СТАРИКУ МОИСЕЮ

— Назовите это... сейчас, минутку, — сказал профессор, в раздумье широко раздвинув длинные губы. — Пойдите, пойдите. Назовем так: *deus nobis haec otia fecit*².

— Нет, — отвечал Стивен. — Я это назову: *Вид на Палестину с горы Фасги или Притча о сливах*.

— Я понимаю, — сказал профессор.

Он звучно рассмеялся.

— Понимаю, — повторил он с явным удовольствием. — Моисей и земля обетованная. Это ведь мы его навели на мысль, — добавил он, обращаясь к Дж. Дж. О'Моллоу.

ГОРАЦИО — ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА В ЭТОТ ДИВНЫЙ ИЮньСКИЙ ДЕНЬ

Дж. Дж. О'Моллой искоса бросил усталый взгляд на статую, продолжая хранить молчание.

¹ Rich — богатая (англ.).

² Нам Бог досуги эти доставил (лат. Вергилий. Буколики. Эклога 1, 6).

— Понимаю, — сказал профессор.

Он задержался на пяточке у памятника сэру Джону Грэю и глянул наверх на Нельсона сквозь сеть морщинок своей кривой усмешки.

УРЕЗАННЫЕ КОНЕЧНОСТИ ОКАЗЫВАЮТСЯ
БОЛЬШИМ ИСКУШЕНИЕМ
ДЛЯ ИГРИВЫХ СТАРУШЕК.
ЭНН ВЕРТИТСЯ, ФЛО КРУТИТСЯ — НО
СТАНЕМ ЛИ ОСУЖДАТЬ ИХ?

— Однорукий прелюбодей, — повторил он, усмехаясь угрюмо. — Надо сказать, это меня привлекает.

— Старушек тоже привлекало, — сказал Майлс Кроуфорд, — если Всевышний дал бы нам знать всю истину.

Ананасные леденцы, лимонный цукат, сливочные тянучки. Липкослащавая девица целыми совками насыпает ириски учителю из Христианских братьев. Какой-нибудь школьный праздник. Один вред для детских животиков. Сладости и засахаренные фрукты, поставщик Его Величества Короля. Боже. Храни. Нашего. Сидит у себя на троне, обсасывает красные карамельки до белой начинки.

Хмурый молодой человек из АМХ¹, зорко стоящий на посту среди душных приторных испарений кондитерской Грэма Лемона, вложил какой-то листок в руку мистера Блума.

Сердце сердцу весть подает.

Блу... Про меня? Нет.

Блудный сын... кровь агнца...

Небыстрые ноги уносили его к реке, читающего. Ты обрел ли спасение? Все омыты в крови агнца. Бог желает кровавой жертвы. Рождение, девство, мученик, война, закладка здания, жертвоприношение, всесожжение почки, алтари друидов. Илия грядет. Д-р Джон Александр Дауи восстановитель Сионского Храма грядет.

Грядет! Грядет!! Грядет!!!

Всех просим от души.

Доходное занятие. А в том году Торри и Александр. Многоженство. Жена такое покажет. Где же я видел эту рекламу какая-то бирмингемская фирма светящееся распятие. Спаситель наш. Ночью проснешься в темноте и уви-

¹ Ассоциация молодых христиан.

дишь как он на стене висит. Призрак Пеппера та же идея. И нас целиком испустил.

Фосфором это наверно делают. Оставишь кусок трески например. Сам видел она светится голубым. Когда той ночью пошел в кладовку. Неприятно, все запахи там скопились, едва откроешь, шибает. Чего это ей тогда захотелось? Изюму из Малаги. Все думала про Испанию. Перед тем как Руди родился. Такая фосфоресценция, голубовато-зеленоватая. Для мозга очень полезно.

От угла дома Батлера рядом с памятником он глянул вдоль Бэйчлорз-уок. Дедалова дочка еще все там, возле Аукционов Диллона. Какую-нибудь старую мебель продают. Узнал ее сразу по глазам совершенно отцовские. Слоняется ждет его. Всегда дом разваливается после смерти матери. А у него пятнадцать детей. Редкий год не рождались. Так по их богословию не то поп не даст бедной женщине чего там исповеди отпущения. Плодитесь и размножайтесь. Вы где-нибудь про такое слышали? Этак у тебя проедят все дотла. Им самим-то не надо кормить семью. Сыты туком земли. Их кладовые и погреба. Посадить бы их на черный пост Йом Кипур. Хлебцы в Страстную пятницу. За день только обед и легкий завтрак, а то опасно еще свалится на алтарь. У таких господ экономки ты попробуй что-нибудь из нее вытянуть. В жизни не вытянешь. Как денежки из него. Живет припеваючи. Гостей не бывает. Все только для себя. Следит за своей мочой. Хлеб и масло приносите свои. Его преподобие: тихоня, вот подходящее слово.

Милость Божья а платье-то у бедняжки одни отрепья. И вид совсем отощавший. Картошка да маргарин маргарин да картошка. Это все потом сказывается. По плодам узнаете их. Подрывает здоровье.

Когда он ступил на мост О'Коннелла, клуб дыма, пышно распускаясь, поднялся над парпетом. Баржа пивоварни с экспортным портером. В Англию. Я слышал он от морского воздуха скисает. Интересно бы как-нибудь получить пропуск через Хэнкока да посмотреть эту пивоварню. Цельный особый мир. Кругом бочки с портером, красота. Но крысы и туда забираются. Упьются раздуются с собаку и плавают на поверхности. Мертвецки упившись портером. Налижутся до блевотины как черти. Пить этакое, это представить только! Бочонок — крысенок. Конечно, если бы мы обо всем знали.

Глянув вниз, он увидел, как, шумно хлопая крыльями,

меж мрачных стен набережной кружат чайки. Свежо на море. А если я брошусь вниз? Сын Рувима Дж. наверняка наглотался этих помоев полное брюхо. Переплатил шиллинг и восемь пенсов. Хе-хе. Забавная у него манера вдруг вставить историю ни с того ни с сего. И рассказывать их умеет.

Чайки, кружа, снижались. Ищут себе поживу. А ну-ка. Он бросил в стаю скатанный бумажный комок. Илия грядет, скорость тридцать два фута в сек. Не обманулись. Комок, оставленный без внимания, закачался на затухающей волне, уплыл под устои моста. Не такие уж полные дураки. Когда я в тот день черствый пирог выбросил за борт «Короля Эрина» небось подобрали в полсотне ярдов за кормой. Соображают. Они кружили, хлопая крыльями.

Унылая тощая чайка,
Куда ты летишь, отвей-ка!

Вот так поэты и пишут, надо чтоб одинаковые звуки. Да но у Шекспира рифм нет — белый стих. Это поток языка. Мысли. Торжественно.

Гамлет, я дух родного твоего отца,
На время поскитаться осужденный.

— Яблоки, яблоки, пенни пара! Пенни пара!

Взгляд его прошелся по гляncy яблок, плотно уложенных у ней на лотке. В это время они из Австралии, должно быть. Кожа блесит: протерла их платком или ветошкой. Погоди. А бедные птахи.

Он снова остановился, купил у старушки с яблоками два сладких пирожка на пенни, разломал на кусочки и бросил в Лиффи. Видали? Чайки налетели бесшумно, две, потом остальные, ринулись вниз, набрасываясь на добычу. Готово. Начисто расхватали.

Явственно ощущая их пронырливую жадность, он отряхнул мелкие крошки с ладоней. Небось не ждали такого. Манна небесная. Они все кормятся рыбьим мясом вся эта морская птица чайки гагары. Лебеди из Анны Лиффи сюда иногда заплывают покрасоваться. О вкусах не спорят. Интересно, на что похоже лебединое мясо. Робинзону Крузо приходилось ими питаться.

Они кружили, устало хлопая крыльями. Нет уж, больше ничего не брошу. Потратил пенни и хватит. Получил массу благодарности. Хоть бы покаркали. Кстати они и ящур разносят. Откормить индейку скажем каштанами у нее

будет и вкус такой. Ешь свинину сам как свинья. А почему тогда рыба из соленой воды сама не соленая? Как же так?

Его глаза поискали ответа на реке и увидали, как барка, стоящая на якоре, лениво колышет на густо-маслянистых волнах свои борта, облепленные рекламами.

Дж. Кайноу

11 шиллингов

Брюки

Недурная идея. Интересно платит ли он за это городу. А как вообще можно владеть водой? Она никогда не та же вечно течет струится в потоке, ищет в потоке жизни наш взгляд. Потому что и жизнь поток. Для рекламы любое место годится. Одно время во всех сортирах было наклеено, какой-то шарлатан брался лечить от триппера. Сейчас не встречается, исчезли. Полное соблюдение тайны. Д-р Гай Фрэнкс. Обошелся без расходов на объявления как Маджинни учитель танцев тот сам себе создает рекламу. Нашел людей расклеить или расклеивал сам тайком, когда забегал расстегнуть ширинку. Тать в ночи. Место самое подходящее. РАСКЛЕЙКА ОБЪЯВЛЕНИЙ ЗАПРЕЩЕНА. ЗЛОДЕЙКА ГОНОРЕЙКА ПРЕКРАЩЕНА. Какой-нибудь чудак, довольный, что пронесло.

А вдруг у него...

Ох!

А если?

Нет... Нет.

Да нет. Не поверю. Уж он не стал бы?

Нет, нет.

Мистер Блум зашагал вперед, оторвав от реки встревоженный взгляд. Не надо об этом думать. Уже больше часу. На часах портового управления шар внизу. Время по Дансинку. Отличная эта книжица сэра Роберта Болла, так увлекательно. Параллакс. Никогда толком не мог понять. А вот как раз священник. Можно бы у него спросить. Пар это греческое: параллель, параллакс. Метим псу хвост так она это называла пока я ей не объяснил про переселение. Ну и дичь!

Улыбка мистера Блума ну и дичь досталась двум окнам портового управления. По сути она права. Выдумывают пышные названия обычным вещам. Звучности ради. Она остроумием не отличается. Бывает и грубой. Может выболтать что у меня на уме. И все-таки не уверен. Скажем она придумала, что у Бена Долларда не бас-

баритон, а бас-бормотон. Потому что когда поет, половину звуков глотает и ни слова не разберешь. Чем это не остроумно. Ему раньше дали прозвище Большой Бен. Совсем не так остроумно как бас-бормотон никакого сравнения. Прожорлив как альбатрос. Уплел подчистую цельный говяжий филей. И в выпивке удержу не знает, налижется как последний обормот. Бас-обормот-он. Вот и опять подходит.

Навстречу ему вдоль сточной канавы медленно двигалась цепочка людей, одетых в белое, на каждой рекламная доска с ярко-алой полосой поперек. Распродажа. Похожи на этого священника утром: мы грешники, мы страдали. Он прочитал алые буквы на их пяти белых высоких шляпах: Н.Е.Л.У.'S. Уздом Хили. «У» приотстал, вытащил лопот хлеба из-под своей доски, сунул в рот и принялся жевать на ходу. Наше главное блюдо. Три монеты в день, и тащись вдоль этих канав, улица за улицей. Только на хлеб с похлебкой, чтоб ноги не протянуть. Они не от Бойла — нет — они от Макглэйда. Но этим торговлю не оживишь. Я ему предлагал устроить рекламную повозку: застекленный фургон и в нем две шикарные девицы сидят, пишут письма, а кругом всякие тетрадки, конверты, промокашки. Вот это бы привлекло внимание, я ручаюсь. Шикарные девицы пишут что-то такое — это сразу бросается в глаза. Всякому до смерти любопытно, а что это она пишет. Станешь, уставившись на пустое место — тут же вокруг тебя двадцать человек. Бояться, не упустить бы чего. Женщины тут же. Любопытство. Соляной столп. Конечно, он отказался, потому что не он первый придумал. Или еще я предложил пузырек для чернил с обманным пятном из целлулоида. А его идеи насчет рекламы под стать тому объявлению о паштетах Сливи, прямо под некрологами, раздел холодного мяса. Вам не требуется их лизать. Что? Наши конверты. Хэлло! Джонс, можно вас на минутку? Не могу, извините, Робинсон, спешу приобрести единственную надежную чернильную резинку «Канселл», продается у Хили и Ко, Дэйм-стрит, 85. Слава Богу что развязался с этой дырой. Адова работа была получать по счетам в монастырях. Монастырь Транквилла. Там была очень милая монашка, на редкость приятное лицо. Клобук вполне шел к ее небольшой головке. Сестра? Сестра? Уверен что у нее была несчастная любовь по глазам ясно. Ужасно неловко когда надо о делах с такой женщиной. В то утро я ее оторвал от молитв. Но рада была пообщаться с миром. Сегодня у нас великий день,

сказала она. Праздник Богоматери Кармельской. Тоже приятное название: карамель. Она знала думаю знала судя по тому как она. Если бы вышла замуж она изменилась бы. Похоже у них и вправду было туго с деньгами. Но при всем том готовили только на лучшем масле. Никакого свиного сала. Мне всегда потом плохо как поешь слишком жирного. Они любят подмасливаться и внутри и снаружи. Молли его пробовала, подняла вуаль. Сестра? Пэт Клэффи, дочка ростовщика. Говорят колючую проволоку придумала какая-то монашка.

Он пересек Уэстморленд-стрит, когда мимо прошаркал устало «S» с апострофом. Торговля велосипедами «Ровер». Гонки сегодня. Сколько же лет с тех пор? В тот год когда умер Фил Гиллиган. Мы жили на Ломбард-стрит. А я, погоди: я был у Тома. К Хили я поступил в тот год когда поженились. Шесть лет. Десять лет назад: он умер в девятьночетвертом да все верно большой пожар у Арнотта. Вэл Диллон тогда был лорд-мэром. Обед в Гленкри. Советник Боб О'Рейли вылил себе портвейн в суп еще до того как все начали. И давай Боббоббоб хлебать по зову внутреннего советника. Весь оркестр заглушил. За то что уже нам досталось да будем мы Богу. Милли была еще совсем крошкой. А Молли надела то платье слово-серое с вышитыми лягушками. Мужского покроя, пуговицы сама обтянула. Она его не любила потому что я ногу растянул в первый день как она надела его. Как будто платье виной. На пикнике с ее хором это было, у горы Шугарлоф. Старому Гудвину цилиндр уделали чем-то липким. Мухам тоже пикник. Потом она уж не носила таких платьев. Оно как перчатка ей всюду было в обтяжку, и в плечах и в бедрах. Тогда только-только начинала полнеть. Ели пирог с крольчатиной. Все на нее заглядывались.

Счастливые дни. Счастливее чем сейчас. Уютная комната с красными обоями. От Докрелла, шиллинг и девять пенсов рулон. Купанье Милли по вечерам. Американское мыло тогда купил: бузиновое. Вода в ее ванночке хорошо пахла. Какая смешная она была когда вся в пене. И стройненькая. Сейчас фотография. У бедного папы было ателье дагерротипов. Рассказывал мне про это. Наследственное увлечение.

Он шел по обочине тротуара.

Поток жизни. Как того парня звали что смахивал на священника и вечно проходя косился на наши окна? Слабые глаза, женщина. Снимал в доме Цитрона на Сент-Кевин-

пэрейд. Как-то на пен. Пенденнис? Память сдает. Пен..? Правда уж столько лет прошло. Наверно трамвайный шум действует. Уж если он не мог вспомнить как зовут старосту дневной смены которого каждый день видит.

А тенора звали Бартелл д'Арси, он тогда только начинал. Провожал ее домой с репетиций. Самодовольный тип с нафабранными усами. Дал ей песню «Южные ветры».

Какой был ветер в ту ночь когда я зашел за ней было это собрание ложи насчет лотерейных билетов после концерта Гудвина в ратуше, то ли в банкетном то ли в дубовом зале. Он, и я следом. Листок с ее нотами у меня вырвало из рук, застрял в ограде лица. Хорошо еще не. Такая мелочь может ей отравить все впечатление от вечера. Впереди профессор Гудвин под руку с ней. Весьма нетвердо ступая, старый пьянчужка. Его прощальные концерты. Абсолютно последнее выступление на сцене. То быть может на месяц иль быть может навек. Помню она хохотала на ветру укутанная в высокий воротник. А помнишь как рванул ветер на углу Харкорт-роуд. Ух! Бр-р! Взметнул все ее юбки, боа обвилось вокруг старины Гудвина, тот чуть не задохся. Она раскраснелась от ветра. Помнишь когда вернулись домой. Мы разгребли угли в очаге поджарили ей на ужин ломти бараньего седла с любимым ее кисло-сладким соусом. Подогрели ром. Мне было видно от очага как она в спальне расшнуровывает корсет. Белый.

С мягким шорохом корсет упал на постель. В нем всегда оставалось ее тепло. А ей было всегда приятно из него высвободиться. Потом сидела на постели почти до двух вынимала из волос шпильки. Милли уютно свернулась в гнездышке. Счастливое время. Счастливое время. В эту ночь...

— О, мистер Блум, как поживаете?

— О, как поживаете, миссис Брин?

— Что толку жаловаться. Как там Молли? Я ее не видела целую вечность.

— Превосходно,— весело отозвался мистер Блум.— А Милли, знаете, получила место в Моллингаре.

— Да что вы! Ведь это для нее большой шаг?

— Да, она там у одного фотографа. Все идет как по маслу. А как все ваши подопечные?

— На аппетит не жалуются,— ответила миссис Брин.

А сколько их у нее? Кругом вроде никого.

— Я вижу, вы в черном. У вас не...

— Нет-нет,— сказал мистер Блум.— Просто я с похороном.

Теперь целый день так будет, я чувствую. Кто умер, когда да отчего умер. Не отвяжешься.

— Какое несчастье,— сказала миссис Брин.— Надеюсь, это не кто-нибудь из близких?

Раз уж так вызовем у нее сочувствие.

— Дигнам,— сказал мистер Блум.— Из старых моих друзей. Бедняга, он умер скоростижно. Кажется, сердечный приступ. Похороны были сегодня утром.

Твои похороны завтра
Пока ты бредешь во ржи
Трампам тамтам
Трампам...

— Как это грустно, терять старых друзей,— женственно-меланхолически выразил взор миссис Брин.

И хватит об этом. Спокойно, просто: про мужа.

— А как ваш господин и повелитель?

Миссис Брин возвела к нему свои большие глаза. Все-таки это у ней осталось еще.

— Ах, ради Бога, не будем! — сказала она.— Гремучим змеям, и тем его стоит остерегаться. Сейчас он сидит вон там со своими кодексами, ищет закон против диффамации. Одно мучение с ним. Минутку, я сейчас покажу вам.

Горячий пар телячьего супа, дух свежевыпеченных сладких булочек, пудингов плыли из кафе Гаррисона. От крепкого полднего запаха у мистера Блума защекотало в глотке. Собираются делать выпечку, масло, мука высший сорт, сахар из Демерары, или уже отведывают с чайком. Или это от нее? Босоногий мальчишка торчал у решетки, впивая запахи. Пытается притупить грызущий голод. Это ему удовольствие или страдание? Обед за пенни. Вилка и нож прикованы на цепочке к столу.

Открывает сумочку, потертая кожа. Шляпная булавка: с такими вещами надо поосторожней. Может попасть кому-нибудь в глаз в трамвае. Рвется. Все раскрыто. Деньги. Хочешь — бери. Они готовы с ума сойти если потеряют хоть шестипенсовик. Мировой скандал. Муж рвет и мечет. Где десять шиллингов что я дал тебе в понедельник? Ты что, всех родственничков своих кормишь? Платок замусоленный, пузырек от лекарства. Упало что-то таблетка. Что она там?..

— Наверно, сейчас новолуние,— сказала она.— В это время с ним всегда плохо. Знаете, что он в эту ночь сделал?

Рука ее перестала рыться. Глаза смотрели пристально на него, тревожно расширенные, но улыбающиеся.

— Что же? — спросил мистер Блум.

Пускай говорит. Смотри ей прямо в глаза. Я тебе верю. Можешь мне доверять.

— Разбудил меня ночью,— сказала она.— Ему приснился кошмарный сон.

Несваре.

— Сказал, что по лестнице поднимается пиковый туз.

— Пиковый туз! — изумился мистер Блум.

Она вынула из сумочки сложенную вдвое открытку.

— Вот, прочтите,— сказала она.— Он получил ее этим утром.

— Что это такое? — спросил мистер Блум, разглядывая открытку.— К. К.?

— К. К.: ку-ку,— сказала она.— Кто-то над ним издевается, мол, он спятил. Это стыд и позор, кто бы ни сделал это.

— Разумеется,— сказал мистер Блум.

Она со вздохом забрала у него открытку.

— И сейчас он собрался в контору мистера Ментона. Он говорит, что намерен вчинить иск на десять тысяч фунтов.

Она сложила открытку, сунула ее в свою неприглядную сумочку и защелкнула замочек.

Тот же костюм синего шевиота что два года назад, только ворс выцветает. Прошли его лучшие времена. Волосы растрепались над ушами. И эта неуклюжая шляпка, три старые виноградные грозди, чтобы хоть малость скрасить. Убогая роскошь. А ведь раньше одевалась со вкусом. Морщинки у рта. Всего на год или около того старше Молли.

Но посмотри как эта женщина ее оглядела проходя. Жестоко. Пристрастный пол.

Он продолжал смотреть на нее, пряча во взгляде разочарование. Острый суп из телятины и бычьих хвостов с пряностями. Я тоже проголодался. Крошки пирога на отворотах ее костюма; следы сахарной пудры на щеке. Пирог с ревенем и плотной начинкой из разных фруктов. И это бывшая Джози Пауэлл. У Люка Дойла, давным-давно. Долфинсбарн, шарады. К. К.: ку-ку.

Переменим тему.

— А вам случается видеть миссис Бьюфой? — спросил мистер Блум.

— Майну Пьюрфой? — переспросила она.

Это я подумал про Филипа Бьюфоя. Клуб театралов. Мэтчен часто вспоминает свой мастерский удар. А воду-то я спустил? Да. Последний акт.

— Да.

— Сейчас по дороге я как раз заходила узнать, не разрешилась ли она уже. Она в родильном доме на Холлс-стрит. Доктор Хорн ее туда поместил. Вот уже три дня схватки.

— О! — сказал мистер Блум. — Я так ей сочувствую.

— Да, — продолжала миссис Брин. — А дома и без того детишек полно. Эти роды у нее очень трудные, мне так сестра сказала.

— О! — сказал мистер Блум.

Его глубокий полный жалости взгляд вбирал ее слова. Язык соблезнующе пощелкал. Це! Це!

— Я так ей сочувствую, — повторил он. — Бедная женщина! Три дня! Ведь это просто ужасно.

Миссис Брин согласно кивнула.

— У нее началось во вторник...

Мистер Блум тронул легонько выступ ее плечевой кости, предупреждая:

— Посторонитесь немного! Пускай этот человек пройдет.

Костлявая фигура, приближаясь со стороны реки, машисто вышагивала по тротуару, застывшим взглядом уставясь в солнечный круг через монокль на грубой тесемке. Крохотная шапочка обтягивала голову так туго, как будто вжималась в череп. На руке в такт шагам болтались сложенный плащ, трость и зонтик.

— Заметьте-ка, — сказал мистер Блум. — Фонарные столбы он всегда обходит по мостовой. Смотрите!

— А кто это, если не секрет? — спросила миссис Брин. — У него не все дома?

— Его зовут Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл, — ответил мистер Блум, улыбнувшись. — Смотрите!

— Имен у него хватает, — сказала она. — Таким вот Дэнис станет когда-нибудь.

Внезапно она прервала себя.

— Ага, вот и он, — сказала она. — Мне надо идти к нему. Всего хорошего. Передавайте Молли привет, не забудете?

— Обязательно, — сказал мистер Блум.

Обходя встречных, она подошла к витринам. Дэнис Брин в ветхом сюртуке и синих парусиновых туфлях, шаркая ногами, вышел из кафе Гаррисона, крепко прижимая к сердцу две толстые книги. Словно с луны свалился. Ископаемое создание. Нисколько не удивившись ее появлению, он тут же очень серьезно принялся говорить, тыча вперед свою грязно-серую бороду и подрагивая отваливающейся челюстью.

Мешуге. Совсем свихнувшийся.

Мистер Блум продолжал свой путь легкой походкой, глядя, как впереди в лучах солнца мелькают туго обтянутый череп и болтающаяся плащезонтообразность. Щеголь хоть куда. Полюбуйтесь! Опять вылез за тротуар. Еще один способ идти по жизни. И тот второй, тронутый волосан в отрепьях. Должно быть тяжело ей с ним приходится.

К. К.: ку-ку. Готов поклясться это Олф Берген или же Ричи Гулдинг. Спорю на что угодно они это выдумали для смеха, сидя в пивной Скотч хаус. Собрался в контору Ментона. Тот выпучит на открытку рачьи глаза. На галерке дикий восторг.

Он миновал редакцию «Айриш таймс». Может там новые ответы лежат. Хотел бы на все ответить. Удобная система для преступников. Шифр. Сейчас у них обед. Там клерк в очках, он не знает меня. Да ладно пусть полежат дозреют. И так хватило возни, сорок четыре уже пришло. Требуется опытная машинистка для помощи джентльмену в его литературных трудах. Я назвала тебя противным мой миленький потому что мне совсем не нравится тот свет. Пожалуйста объясни мне смысл. Пожалуйста напиши какими духами твоя жена. Объясни мне кто сотворил мир. У них манера закидывать тебя вопросами. А эта другая, Лиззи Твигг. Моим литературным опытам посчастливилось заслужить похвалу знаменитого поэта А. Э. (мистера Джор. Рассела). Некогда волосы как следует причесать, прихлебывает жидкий чай за книжкой стихов.

Для небольших объявлений это лучшая газета, всем даст очко. Сейчас и в провинции закрепились. Кухарка и прислуга за все, кухня превосходная, имеется горничная. Требуется расторопный приказчик в винную лавку. Добропоряд. девушка (католичка) ищет места во фруктовой или мясной торговле. Джеймс Карлайл все наладил. Дивиденд шесть с половиной процентов. Крупно заработал на акциях Коутсов. Не перетруждая себя. Хитроумные шотландские скряги. В новостях сплошь угодничество. Наша милостивейшая всеми

любимая вице-королева. Купил теперь еще «Айриш филд». Леди Маунткэшел вполне оправилась после родов и приняла участие в лисьей охоте с гончими, устроенной вчера в Рэтхоуте охотничьим обществом. Лису не едят. Хотя охотники-бедняки ради еды. От страха выделяет соки, мясо смягчает так что годится им. Верхом ноги по сторонам. По-мужски ездит. Двужильная охотница. Седло дамское, подушка — этого ни за что. Первая на месте и первая с полем. Эти дамы-лошадницы бывают дюжие как племенные кобылы. Прохаживается важно возле конюшни. Стаканчик бренди махнет не успеешь моргнуть. Та что утром у Гровнора. Следом бы за ней в кеб: пощечечем? Стену или барьер метра в два на лошади запросто возьмет. Небось этот курносый водитель нарочно так постарался. Кого-то она напоминает. Ну да! Миссис Мириэм Дэндрейд у которой я покупал ношеное белье черное и старые покрывала в отеле Шелборн. Разводка из Южной Америки. На ноготь не проявила смущения когда я копался в ее белье. Как будто я это мебель. Потом ее видел на приеме у вице-короля когда Стаббс королевский лесничий провел меня туда вместе с Хиланом из «Экспреса». Доедали остатки после высшего общества. Плотный ужин. Я сливы там полил майонезом спутал с заварным кремом. У нее бы от стыда уши целый месяц горели. С такой надо быть не хуже быка. Прирожденная куртизанка. Возня с пеленками не для нее, большое спасибо.

Бедная миссис Пьюрфой! Супруг методист. Методичен в своем безумии. На завтрак булочка и молоко с содовой в семейном кафе. Ест по секундомеру, тридцать два жевка в минуту. Но при всем том отрастил баки котлетками. Имеет говорят хорошие связи. Кузен Теодора в Дублинском замке. В каждом семействе по бонтонному родичу. Подносит ей ежегодно один и тот же сюрприз. Как-то видел его у «Трех гуляк» идет с голой головой а за ним старший мальчуган тащит еще одного в кошелке. Пискуны. Бедное создание! Приходится кормить грудью из года в год по ночам в какое угодно время. Все эти трезвенники эгоисты. Собака на сене. Мне в чай только один кусочек, пожалуйста.

Он остановился на перекрестке Флит-стрит. Перерыв на завтрак. За шесть пенсов у Роу? Надо посмотреть эту рекламу в национальной библиотеке. Тогда за восемь у Бертонна. Как раз по пути. Это лучше.

Он шел мимо магазина Болтона на Уэстморленд. Чай. Чай. Чай. Забыл поговорить с Томом Кернаном.

Ай-яй. Це-це-це! Представить только три дня стонет в постели, живот раздут, на голове уксусный компресс. Фу! Просто ужас! Голова у младенца слишком большая — щипцы. Скорчен внутри нее в три погибели тычет вслепую головой нащупывает пробивает путь наружу. Меня бы это убило. Счастье что у Молли было легко. Что-то должны придумать чтоб прекратить такое. В жизнь — через каторжные работы. Идеи насчет обезболивания: королеве Виктории применяли. Девять у нее было. Добрая несущка. Старушка в ботинке жила детей у ней куча была. Говорят у нее был туберкулез. Давно уж пора чтобы занялись этим, а не заливали бы про как там про серебристое лоно да задумчивое мерцание. Морочат головы дурачкам. А тут бы легко образовалось крупное дело полное обезболивание потом каждому новорожденному из налоговых сумм начисляется пять фунтов под сложные проценты до совершеннолетия пять процентов это будет сто шиллингов да те самые пять фунтов помножить на двадцать по десятичной системе подтолкнуло бы людей откладывать деньги сто десять и сколько-то еще до двадцати одного года это надо на бумаге выходит кругленькая сумма больше чем сразу кажется.

Конечно не мертворожденным. Их даже не регистрируют. Потерянный труд.

Забавное было зрелище, они обе рядом, животы выпячены. Молли и миссис Мойзел. Собрание матерей. Чахотка проходит на время а потом снова. Какими плоскими они вдруг кажутся после этого. Глядят умиротворенно. Бремя с души. Миссис Торнтон была милейшая старушка. Они все мои детки, так она говорила. Прежде чем их кормить, первую ложку себе в рот. У-у, да это просто ням-ням. Сын Тома Уолла изуродовал ей руку. Его первое приветствие публике. Голова с отборную тыкву. Старый ворчун доктор Моррен. Народ к ним стучится в любое время. Доктор, ради всего святого. У жены началось. А потом заставляют ждать месяцами, пока заплатят. За врачебные услуги при родах вашей жены. В людях нет благодарности. А врачи очень гуманные, почти все.

Перед большими высокими дверями Ирландского парламента вспорхнула стая голубей. Резвятся после кормежки. Ну что, на кого б нам попробовать? Я вон на того, в черном. Так, пошел. Так, удачно. Должно быть, интересные ощущения, когда с воздуха. Эпджон, я и Оуэн Голдберг на деревьях возле Гус Грин, когда играли в мартышек. Они меня прозвали делеяга.

Отряд полиции показался с Колледж-стрит, следуя шеренгой в затылок. Гусиным шагом. Лица, разгоряченные плотной едой, пот из-под шлемов, помахивают дубинками. Только что поели, заправили под ремни по доброй порции супа. Как завидна судьба полисмена. Они разбились на группы и, отсалютовав, двинулись на свои посты. Отпустили пастись. Лучший момент для нападения — сразу же после пудинга. С правой прямо ему в обед. Еще один отряд, шагая вразброд, обогнул ограду колледжа Тринити, направляясь к полицейскому участку. Нацелились на кормушки. Готовься к атаке на кавалерию. Готовься к атаке на суп.

Он перешел улицу под озороватым перстом Томми Мура. Правильно сделали, что поставили ему памятник над писсуаром: слияние вод. Для женщин тоже должны устроить такие места. А то забегают в кондитерские. Надо мол шляпку поправить. *Нет на всем белом свете долины такой.* Знаменитая песня Джулии Моркан. Сохранила голос до самого конца. А Майкл Болф был ее учитель, кажется?

Он проводил взглядом широкую накидку последнего полицейского. С такими клиентами лучше не связываться. Джеку Пауэру дано коснуться тайн: папаша у него сыщик. Если парень заставил их понервничать при аресте, то уж потом в кутузке ему покажут райские кущи. Но в конце концов их тоже нельзя винить при такой работке какая им достается особенно молодым. В день когда Джо Чемберлен получал степень в Тринити тот конный полисмен уж отработал свое жалованье сполна. Уж тут ничего не скажешь! Как его конь за нами гремел копытами по Эбби-стрит! Счастье что я сообразил занырнуть к Маннингу, а то крупно бы влип. Но как он грохнулся, черт возьми. Наверняка раскроил себе череп о булыжники. Не стоило мне там путаться с этими медиками. Да с новичками из Тринити в квадратных шляпах. Сами на рожон лезут. Но зато познакомился с этим юношей, с Диксоном, что потом мне в Скорбящей забинтовал ранку от укуса. Сейчас он на Холлс-стрит где миссис Пьюрфой. Колесо в колесе. До сих пор полицейские свистки в ушах. Все мигом наутек. Потому он ко мне и привязался. Вы задержаны. На этом вот месте и началось.

— Молодцы, буры!

— Ура Де Вету!

— Вздернем Чемберлена на кривом суку!

Дурачье: молодые щенки готовые лаять до хрипоты.

Винигер Хилл. Оркестр гильдии молочников. А через какую-нибудь пару лет из них половина в судьях или в чиновниках. Начнется война — и все в армию как миленькие — те же которые. Если нас гибель ждет.

Никогда не знаешь с кем говоришь. Корни Келлехер того же поля ягода что Харви Дафф. Как и тот Питер или Дэнис или может Джеймс Кэри что выдал непобедимых. Член муниципалитета. Подзуживал зеленых юнцов чтоб выведывать а сам все время за деньги работал на тайную полицию. Потом от него быстренько отделались. Понятно почему эти в штатском всегда обхаживают служанок. Легко заприметить человека привыкшего носить форму. Полюбезничает с ней у черного хода. Слегка потискает. А потом следующий номер программы. Скажи а кто этот господин что все захаживает сюда? А молодой хозяин что-нибудь говорил? Подглядывает в замочную скважину. Подсадная утка. Юный пылкий студент дурачится, вертится возле ее пухлых рук, пока она гладит.

— Это не твои, Мэри?

— Я этакого не ношу... Оставьте не то скажу про вас барыне. Полночи не были дома.

— Близятся великие времена, Мэри. Скоро сама увидишь.

— Вот и милуйтесь с этими вашими временами.

Так же они и барменш. И продавщиц сигарет.

Лучше всего придумал Джеймс Стивенс. Он-то их знал. Кружки по десять человек, так что каждый знает только свой собственный. Шинн Фейн. Пойдешь на попятный тебя ждет нож. Невидимая рука. Останешься расстреляют. Дочка тюремщика устроила ему побег из Ричмонда, и через Ласк фюйт. Останавливался у них под носом, в отеле «Букингемский дворец». Гарибальди.

Тут надо личное обаяние. Парнелл. Артур Гриффит прямой честный малый но он зажечь толпу не способен. Ей надо чтоб разводили треп про нашу любимую отчизну. Чушь на постном масле. Чайная Дублинской хлебопекарной компании. Дискуссионные клубы. Что республиканская форма правления наилучшая. Что проблема языка должна решаться прежде экономических проблем. Пускай ваши дочери заманивают их к вам в дом. Кормите и поите их до отвала. Жареный гусь на святого Михаила. Тут вот для вас под шкуркой чудный кусочек с травками. И жирком полейте как следует покуда он не застыл. Полуголодные энтузиасты. На пенни хлеба и шагай за оркестром. Хлеборезу не

остается. Мысль что не ты платишь лучший соус к обеду. Устраиваются как у себя дома. А подайте-ка нам вон те абрикосы то бишь персики. Не за горами тот день. Солнце гомруля восходит на северо-западе.

Он шел дальше, и улыбка тускнела на его лице, меж тем как тяжелое облако медленно наползало на солнце, закрывая тенью горделивый фасад Тринити. Катили в разные стороны трамваи, съезжаясь, разъезжаясь, трезвоня. Слова бесполезны. Ничего не меняется, изо дня в день: полицейские маршируют взад-вперед, трамваи туда-обратно. Те двое чудиков бродят по городу. Дигнам отдал концы. Майна Пьюрфой на койке с раздутым брюхом стонет чтоб из нее вытащили ребенка. Каждую секунду кто-то где-то рождается. Каждую секунду кто-нибудь умирает. Пять минут прошло как я кормил птиц. Три сотни сыграли в ящик. Другие три сотни народились, с них обмывают кровь, все омыты в крове агнца, блеют бееее.

Исчезнет полгорода народу, появится столько же других, потом и эти исчезнут, следующие являются, исчезают. Дома, длинные ряды домов, улицы, мили мостовых, груды кирпича, камня. Переходят из рук в руки. Один хозяин, другой. Как говорится, домовладелец бессмертен. Один получил повестку съезжать — тут же на его место другой. Покупают свои владения на золото, а все золото все равно у них. Где-то тут есть обман. Сгрудились в городах и тянут веками канитель. Пирамиды в песках. Строили на хлебе с луком. Рабы Китайскую стену. Вавилон. Остались огромные глыбы. Круглые башни. Все остальное мусор, разбухшие пригороды скороспелой постройки. Карточные домишки Кирвана, в которых гуляет ветер. Разве на ночь, укрыться.

Любой человек ничто.

Сейчас самое худшее время дня. Жизненная сила. Уныло, мрачно: ненавижу это время. Чувство будто тебя разжевали и выплюнули.

Дом ректора. Досточтимый доктор О'Сетр: консервированный осетр. Прочно он тут законсервирован. Мне приплати я б не жил в таком. Авось у них будет сегодня печенка и бекон. Природа боится пустоты.

Солнце медленно вышло из-за облака и зажгло зайчики на серебре, разложенном через улицу в витрине Уолтера Секстона, мимо которой проходил Джон Хауард Парнелл, жмурясь от света.

Вот и он: родной брат. Как две капли воды. Это лицо всюду меня преследует. Совпадение, конечно. Сто раз бывает что думаешь о человеке и не встречаешь его. Идет как во сне. Никто не узнает его. Должно быть сегодня заседание в муниципалитете. Говорят за все время что он церемониймейстер ни разу мундира не надевал. А Чарли Болджер всегда выезжал на громадном коне, в треуголке, выбритый, напудренный и надутый. Какой у него удрученный вид. Яйцо тухлое съел. Мешки под глазами, как привидение. Я в таком горе. Брат великого человека: брат своего брата. Славно бы он выглядел на казенном скакуне. Наверняка улизнет в ДХК пить кофе да играть в шахматы. Для его брата люди были как пешки. Пускай все хоть загнутся. Про него боялись слово сказать. Замирали на месте под его взглядом. Вот что действует на людей: имя. У них в роду все со сдвигом. Сумасшедшая Фанни и вторая сестра, миссис Дикинсон, у которой лошади с красной упряжью. Держится прямо, в точности как хирург Макардл. А все-таки Дэвид Шихи обошел его на выборах в Южном Мите. Устроить отставку. Удалиться в политику. Банкет патриота. Поедают апельсиновые корки в парке. Саймон Дедал сказал когда его провели в парламент что Парнелл восстанет из гроба чтоб вывести его за руку из палаты общин.

— Про двуглавого осьминога, у которого на одной голове концы света забыли сойтись между собой, а другая разговаривает с шотландским акцентом. Щупальца же...

Они обогнали мистера Блума, обойдя его сбоку по тротуару. Борода и велосипед. Молодая женщина.

И этот тут как тут. Вот уж точно совпадение: второй раз. От грядущих событий заранее тени видны. Похвалу знаменитого поэта, мистера Джор. Рассела. Может это Лиззи Твигг с ним. А. Э.: что бы это значило? Наверно инициалы. Альберт Эдвард, Артур Эдмунд, Альфонс Эб Эд Эль Эсквайр. Что он такое нес? Концы света с шотландским акцентом. Щупальца, осьминог. Что-то оккультное — символизм. Разглагольствует. Этой-то все сойдет. Слова не скажет. Для помощи джентльмену в его литературных трудах.

Глаза его проводили рослую фигуру в домотканой одежде, борода и велосипед, рядом внимающая женщина. Идут из вегетарианской столовой. Там фрукты одни да силос. Бифштекс ни-ни. Если съешь глаза этой коровы будут преследовать тебя до скончания всех времен. Уверяют так здоровей. А с этого одни газы да вода. Пробовал. Целый

день только и бегаешь. Брюхо пучит как у обожравшейся овцы. Сны всю ночь снятся. Почему это они называют то чем меня кормили бобштекс? Бобрианцы. Фруктарианцы. Чтобы тебе показалось будто ты ешь ромштекс. Дурацкие выдумки. И пересолено. Готовят на соде. Просидишь у крана всю ночь.

У ней чулки висят на лодыжках. Терпеть этого не могу: настолько безвкусно выглядит. Эта литературная публика, они все в облаках витают. Туманно-эфирные символисты. Эстеты. Не удивлюсь если вдруг докажут что такой вот род пищи он как бы и рождает поэзию какие-то что ли волны в мозгу. Вот взять любого из тех полисменов у которых все рубахи в поту после бараньей похлебки: попробуй из него выжми хоть полстрочки стихов. Да он вообще не знает что такое стихи. Для этого нужен особый настрой.

Туманно-эфирная чайка,
Куда твой полет, отвечай-ка!

Он перешел улицу на углу Нассау-стрит и остановился перед витриной магазина «Йейтс и сын», разглядывая цены биноклей. А может завернуть к Харрису, поболтать малость с молодым Синклером? Вот благовоспитанный юноша. Наверное обедает. Пора починить мои старые очки. Стекла фирмы Герц шесть гиней. Немцы пролезают всюду. Продают на льготных условиях чтобы захватить рынок. Сбивают цены. Может случайно повезет найти пару в бюро забытых вещей при вокзале. Поражаешься чего только люди не оставляют в раздевалках и поездах. О чем они думают? И женщины. Просто удивительно. Когда ехал в Эннис в прошлом году подобрал сумку что дочка того фермера позабыла и передал ей на пересадке в Лимерик. И за деньгами не являются. На крыше банка там у них маленькие часы чтобы проверять эти бинокли.

Веки его приспустились до нижнего краешка зрачков. Нет, не вижу. Если представить их там тогда почти видишь. Все равно не вижу.

Он повернулся к солнцу и, стоя между витринными навесами, вытянул в направлении к нему правую руку. Давно собирался попробовать. Так и есть: целиком. Кончик его мизинца закрыл весь солнечный диск. Должно быть тут фокус где сходятся все лучи. Жаль что нет темных очков. Интересно. Сколько было разговоров о пятнах на солнце когда мы жили на Ломбард-стрит. Эти пятна — это огромные взрывы. В этом году будет полное затмение: где-то в конце осени.

Ну вот, как только я про это подумал так шар упал. Время по Гринвичу. Эти часы управляются по электрическим проводам из Дансинка. Стоило бы как-нибудь туда съездить в первую субботу месяца. Если бы получить рекомендацию к профессору Джоли или что-нибудь разузнать про его семью. Тоже должно подействовать: всегда приятно для самолюбия. Лесть где ее совершенно не ждешь. Аристократ гордится происхождением от любовницы короля. Достославная прародительница. Главное, налегай на лесть. Ласковое теля двух маток сосет. А не так, чтобы вошел и брякнул с порога то что сам знаешь не по твоей части: а что такое параллакс? Проводите-ка этого господина к выходу:

Эх.

Он бессильно уронил руку.

Никогда об этом ничего не узнают. Пустая затрата времени. Газовые шары вращаются, сливаются, разлетаются. И так без конца эта карусель. Газ: потом твердые частицы: потом возникает мир: потом остывает: потом несется в пространстве одна мертвая оболочка, заледенелая корка, вроде ананасного леденца. Луна. Она сказала что сейчас новолуние. Кажется это верно.

Он проходил мимо ателье «La Maison Claire».

Вот смотри. Полнолуние было в ту ночь когда мы в воскресенье две недели назад значит в точности сейчас новолуние. Шли по берегу Толки. Неплохо для лунной ночи в Фэрвью. Она напевала. Юный май и луна, как сияет она, о, любовь. Он рядом с ней, по другую сторону. Локоть, рука. Он. И в траве светлячок свой зажег огонек, о, любовь. Коснулись. Пальцы. Вопрос. Ответ. Да.

Стоп. Стоп. Что было то было. Должно было.

Мистер Блум — его дыхание участилось, а шаг замедлился — миновал Адам-корт.

Понемногу уфф тихо не дури тихо успокаиваясь его глаза доносили это улица середина дня вислые плечи Боба Дорена. В своем ежегодном загуле, как сказал Маккой. Пьют чтоб выговориться или почудить или *cherchez la femme*. Погудят в Куме с дружками да с девками а потом весь остальной год как стеклышко.

Ну да. Так я и думал. Нацелился в Эмпайр. Вошел. Ему бы самое лучшее чистой содовой. Там раньше был мюзикхолл Арфа Пэта Кинселлы до того как Уитбрэд стал управляющим в театре Куинз. Отличный мальй. Потешал публику в том же духе как Дайон Бусико, с физиономией

как блин и в старой шапчонке. Три Юных Красотки со Школьной Скамьи. Как летит время, а? В женской юбке, из-под которой длиннейшие красные подштанники. Сидели пьянчуги, пили, хохотали, брызжа слюной, захлебывались. Поддай жару, Пэт. Побагровелые — пьяная потеха — гогот и дым от курева. Сними-ка этот белый колпак. Глаза у него как у вареной рыбы. Где-то теперь он? Где-нибудь нищенствует. Арфа дивная голодом нас уморила.

Я был тогда счастливей. Хотя был ли это я? И сейчас я это я ли? Двадцать восемь мне было. Ей двадцать три. Когда переехали с Западной Ломбард-стрит что-то сломалось. После Руди никогда уже не получала от этого удовольствия. Времени не вернешь назад. Воду не удержишь в ладонях. А хотел бы? Вернуться назад. К самому началу. Хотел бы? Так ты несчастлив в семейной жизни, мой бедненький противный мальчишка? Хочет мне пуговицы пришивать. Надо ответить. Напишу ей в библиотеке.

Грэфтон-стрит яркопестрыми навесами дразнила чувства его. Набивной муслин, шелкоledi, величественные матроны, звяканье сбруи и глухозвук стукопыт по раскаленным булыжникам. Какие толстые ноги у этой в белых чулках. Хорошо бы дождь их заляпал грязью как следует. Чистопородная деревенщина. Все толстомясые припожаловали. В таких у женщины всегда неуклюжие ноги. И у Молли не выглядят стройными.

Беззаботной походкой он шел мимо витрин шелковой торговли Брауна Томаса. Водопады лент. Воздушные китайские шелка. Наклоненный сосуд струил потоком из своего разверстого зева кроваво-красный поплин: сверкающая кровь. Это сюда гугеноты завезли. *La causa è santa!*¹ *Tara-tara.* Замечательный хор. *Tara.* Стирать исключительно в дождевой воде. Мейербер. *Tara:* бум бум бум.

Подушечки для булавок. Я уж давно грозился ей что куплю. А то втыкает где попало по всему дому. В занавесках иголки.

Он слегка отвернул левый рукав. Царапина: уже почти зажила. Нет все-таки не сегодня. Еще ведь надо вернуться за тем лосьоном. А может на ее день рождения? Июнь-юль, августеньябрь восьмое. Еще почти три месяца. А может это ей вовсе и не понравится. Женщины не любят подбирать булавки. Говорят оборвется лю.

¹ Дело свято! (итал.)

Блестящие шелка, нижние юбки на тонких медных прутах, шелковые чулки, разложенные расходящимися лучами.

Что толку о старом. Так надо было. Скажи мне все.

Звонкие голоса. Солнца нагретый шелк. Звяканье сбруи. Это все для женщины, дома и домашний уют, паутинки шелков, серебро, лакомые плоды, сочные из Яффы. Агендат Нетаим. Богатства мира.

Теплая округлость человеческой плоти заполонила его мозг. Мозг сдался. Дурман объятий всего его захлестнул. Оголодалою плотью смутно он немо жаждал любить.

Дьюк-стрит. Приехали. Поесть наконец. У Бертона. Сразу полегче станет.

Он повернул за угол у Комбриджа, еще в плену наважденья. Звяканье, стукопыт глухозвук. Благоухающие тела, теплые, налитые. В поцелуях, объятиях, все всюду — среди высоких летних лугов, на перепутанной примятой траве, в сырых подъездах многоквартирных домов, на диванах, на скрипучих кроватях.

— Джек, милый!

— Ненаглядная!

— Поцелуй меня, Регги!

— Мой мальчик!

— Любимая!

С неутихающим волнением в сердце он подошел к столовой Бертона и толкнул дверь. От удушливой вони перехватило дыхание. Пахучие соки мяса, овощная бурда. Звери питаются.

Люди, люди, люди.

У стойки, взгромоздились на табуретах в шляпах на затылок, за столиками, требуют еще хлеба без доплаты, жадно хлебают, по-волчьи заглатывают сочащиеся куски еды, выпучив глаза утирают намокшие усы. Юноша с бледным лоснящимся лицом усердно стакан нож вилку ложку вытирает салфеткой. Новая порция микробов. Мужичина, заткнувши за воротник всю в пятнах соуса детскую салфетку, булькая и урча, в глотку ложками заправляет суп. Другой выплевывает назад на тарелку: хрящи не осилил — зубов нету разгрыгрыгрызть. Филе, жаренное на угольях. Глотает кусками, спешит разделаться. Глаза печального пропойцы. Откусил больше чем может прожевать. И я тоже такой? Что видит взор его и прочих. Голодный всегда зол. Работают челюстями. Осторожно! Ох! Кость! В том школьном стихотворении Кормак последний ирландский король-язычник подавился и умер в Слетти

к югу от Бойна. Интересно что он там ел. Что-нибудь этакое. Святой Патрик обратил его в христианство. Все равно целиком не смог проглотить.

— Ростбиф с капустой.

— Порцию тушеной баранины.

Человечий дух. У него подступило к горлу. Заплеванные опилки, тепловатый и сладковатый дым сигарет, вонь от табачной жвачки, от пролитого пива, человечесьей пивной мочи, перебродившей закваски.

Я тут не смогу проглотить ни куска. Вон малый затачивает ножик об вилку готовый пожрать все что глаз видит, старик ковыряет в последних зубенках. Легкая отрыжка, сыт, пережевывает жвачку. До и после. Благодарственная молитва после еды. Вот два изображенья: вот и вот. А этот уписывает остатки, подгребает соус размокшими катышками хлеба. Давай, друг, вылизывай прямо с тарелки! Нет, убираться отсюда.

Зажав нос, он оглядел застольных и застоечных едоков.

— Два портера сюда.

— Порцию солонины с капустой.

Вон тот герой так рьяно подпихивает в рот капусту ножом как будто его жизнь зависит от этого. Мастерский удар. Дрожь смотреть. Для безопасности ему есть бы тремя руками. Отрывает по жилкам. Его вторая натура. Родился в рубашке и с ножом в зубах. Остроумно вышло. А может и нет. В рубашке значит счастливый. Тогда просто: родился с ножом. Соль пропадает.

Служитель в развязавшемся фартуке с грохотом собирал липкие тарелки. Рок главный пристав, стоя у стойки, сдувал со своего пива пенистую корону. Отлично исполнил: она расплылась желтым у его сапога. Один из обедающих, поставив локти на стол, подняв вилку и нож, устался поверх запятнанного листа газеты на подъемник с блюдами. Поджидает второе. А сосед ему что-то рассказывает с набитым ртом. Сочавственный слушатель. Застольная беседа. Чавчавстенько встречав-чавкаемся по чавк-вергам. А? Да неужто?

Мистер Блум в нерешительности приложил два пальца к губам. Взгляд его говорил:

— Не здесь. Не вижу его.

Прочь. Не выношу свиней за столом.

Он попятился к двери. Лучше перекусить у Дэви Берна.

Сойдет чтобы заморить червячка. На какое-то время хватит. Завтрак был плотный.

— Мне бифштекс с картошкой.

— Пинту портера.

Тут каждый сам за себя, зубами и ногтями. Глотай. Кусай. Глотай. Рыла.

Он вышел на свежий воздух и повернул назад, в сторону Грэфтон-стрит. Жри или самого сожрут. Убивай! Убивай!

Представим себе когда-нибудь будет коммунальное питание. Все рысью несутся с котелками и с мисками чтоб им наполнили. Чего урвали пожирают прямо на улице. Джон Хауард Парнелл к примеру ректор Тринити все без разбора про ректоров ваших и ректора Тринити не будем друзья говорить дети и женщины извозчики священники католические протестантские фельдмаршалы архиепископы. С Эйлсбери-роуд, с Клайд-роуд, из ремесленных кварталов, из северной богадельни, лорд-мэр в роскошной карете, дряхлая королева в кресле на колесиках. У меня пустая тарелка. Я за вами, вот моя казенная чашка. Как у фонтана сэра Филипа Крэмптона. Микробов смахивайте платком. Следующий потрясет своим новую кучу. Отец О'Флинн их на смех всех поднял в тот же миг. Устраивают свары. Каждый лезет вперед. Детишки подрались кому выскребать котел. Суповой котел тут нужен величиной с Феникс-парк. И гарпуном из него добывать цельные четверти туш и бока солонины. Ненавидят всех кто вокруг. В гостинице Городской герб она это называла табльдот. Суп, жаркое, десерт. Никогда не знаешь чьи мысли пережевываешь. А кто будет мыть потом все тарелки и вилки? Может к тому времени все начнут питаться таблетками. Зубы все хуже будут и хуже.

По сути вегетарианцы во многом правы что из земли растет все то вкусней и полезней конечно от чеснока воняет итальянцами-шарманщиками, хрусткий лук грибы трюфли. И потом ведь животные страдают. Птицу надо ощипать выпотрошить. Бедная скотина на рынке дожидается пока ей раскроют череп. Му-у. Несчастные дрожащие телята. Ме-е. Валкне телки. Жаркое из телятины с овощами. В ведрах у мясников колышутся легкие. Подайте-ка вон ту грудину что на крюке. Плюх. Кровавая жуть. Освежеванные овцы с остекленелыми глазами свисают подвешенные за окорока, овечьи морды обернуты окровавленной бумагой, кровавые сопли капаят с носов на опилки. Осердье и требуху выносят. Поосторожней с теми кусками молодой человек.

При чахотке прописывают свежую еще теплую кровь. Всегда нужна кровь. Подстерегающие. Лизать ее жаркодымящуюся густоприторную. Алчущие призраки.

Ох как проголодался.

Он вошел к Дэви Берну. Вполне пристойное заведение. Он не болтлив. Бывает и поднесет стаканчик. Но это если год високосный, не чаще чем раз в четыре. Однажды обменял мне чек на наличные.

Чего бы взять в такое время? Он вынул часы. Давай сообразим. Имбирного лимонаду с пивом?

— Привет, Блум,— сказал Флинн Длинный Нос, сидевший в своем углу.

— Привет, Флинн.

— Как дела?

— Полный порядок... Надо сообразить. Возьму стаканчик бургонского и еще... надо сообразить.

Сардины на полках. Посмотришь и уже ощущение вкуса. Сандвич? Ветчинкер и сыновья с горчицей и с хлебом. Паштет. Как живется в доме без паштетов Сливи? Ну и дурацкая реклама! И дали прямо под некрологами. Вот уж точно тоскливо. Паштет из Дигнама. Для людоедов, с рисом и ломтиками лимона. Белых миссионеров не едят, слишком солонь. Как острого засола свинина. Я думаю вождю выделяются почетные части. Жестковаты наверно от усиленных упражнений. Все жены собрались вокруг смотрят что будет. *Как-то раз негритянский царек. Кушал патера в летний денек.* А с ними жизнь словно рай. Ну и намешали всего. Хрящик горло требуха и гнилые потроха вместе навалено и мелко нарублено. Загадочная картинка: найдите мясо. Кошер. Молоко и мясо вместе нельзя. Теперь то же самое называется гигиена. Пост Йом Кипур: весенняя чистка внутренностей. Война и мир зависят от чьего-то пищеварения. Религии. Индейки и гуси на Рождество. Избиение младенцев. Ешь пей и веселись. А потом толпы в приемный покой за помощью. Головы перевязаны. Сыр все переваривает кроме себя самого. Был сух стал сыр.

— У вас есть сандвичи с сыром?

— Да, сэр.

И хорошо бы немного маслин, если есть у них. Лучше всего итальянские. Добрым стаканом бургонского все запить. Пойдет как по маслу. Том Кернан отлично готовит. Салат всегда на чистом оливковом масле. Свеженький как огурчик. Старается. Милли мне подала отбивную с веточ-

кой петрушки. Добавить одну луковицу. Бог создал пищу, а дьявол поваров. Краб по-дьявольски.

— Жена здорова?

— Спасибо, вполне... Так значит сэндвич с сыром. У вас есть горгонзола?

— Да, сэр.

Длинный Нос потягивал свой грог.

— Случается ей петь последнее время?

Поглядеть только на его губы. Мог бы сам себе насвистывать в ухо. И уши лопухами, под стать. Музыка. Он в ней понимает как свинья в апельсинах. Но при всем том, стоит ему расписать. Вреда не будет. Даровая реклама.

— В этом месяце у нее ангажемент на большое турне. Возможно, вы уже слышали.

— Нет, не слышал. Ну, это шикарно. А кто это устраивает?

Принесли заказ.

— Сколько с меня?

— Семь пенсов, сэр... Благодарю, сэр.

Мистер Блум разрезал свой сэндвич на тонкие ломтики. *Летний денек*. Так-то проще чем в их туманно-кефирном стиле. *Он кой-что проглотил и подъем ощутил.*

— Горчицы не угодно ли, сэр?

— Да, спасибо.

Он усеял каждый ломтик желтыми каплями. *Подъем ощутил*. Ага, готово. *И кой-чем он достал потолок.*

— Устраивает? — переспросил он.— Вы знаете, дело задумано на паях. Совместное участие в прибылях и издержках.

— А, припоминаю теперь,— сказал Длинный Нос, запустив себе руку в карман и почесывая в паху.— Кто же мне это говорил? И кажется, с этим связан Буян Бойлан?

Жар от горчицы теплым толчком заставил вздрогнуть сердце мистера Блума. Он поднял глаза и увидел, как на него желчно уставился циферблат. Два. В трактирах на пять минут вперед. Время идет. Часы тикают. Два. Пока еще нет.

В груди у него что-то тоскливо поднялось, потом упало, опять поднялось тоскливо, тоскующе.

Вина.

Он посмаковал благотворную влагу и, резко приказав горлу отправить ее, аккуратным движением поставил стакан.

— Да,— сказал он.— Действительно, это он организатор.

Риска нет: мозгов нет.

Длинный Нос сопел и почесывался. Блоха за хорошим плотным обедом.

— Джек Муни мне говорил, он цапнул хороший куш на боксерском матче, когда Майлер Кео победил того солдата в Портобельских казармах. Он малыша этого держал в графстве Карлоу, ей-богу, так он мне говорил...

Надеюсь, эта капля росы не упадет прямо ему в стакан. Нет, втянул обратно.

— Почти что месяц держал, смекаете, до самого матча. И чтоб одни сырые утиные яйца ел, ей-богу, пока не будет распоряжений. А выпивки чтоб ни капли, это подумать, а? Ну, Буян — дошлый мужик, ей-богу.

Из двери за стойкой появился Дэви Берн в рубашке с засученными рукавами, утирая губы салфеткой. Румяная серость. Улыбка радости играет на его — каком-то там — лице. Сверх меры елейно-масляный.

— Сыт, пьян и нос в табаке,— приветствовал его Флинн.— Вы нам не подскажите ставочку на Золотой кубок?

— Я этим не занимаюсь, мистер Флинн,— отвечал Дэви Берн.— Никогда не ставлю ни единого гроша.

— И правильно делаете,— сказал Флинн Длинный Нос.

Мистер Блум поглощал ломтики сэндвича, свежий, тонкого помола хлеб, испытывая небесприятное отвращение от жгучей горчицы и зеленого сыра, пахнущего ногами. Вино освежало и смягчало во рту. Нет вяжущего привкуса. В такую погоду у него лучше букет, когда не холодно.

Приятное спокойное место. Красивая деревянная панель на стойке. Красивые линии. Нравится это закругление.

— И ни за что бы не стал этим заниматься,— продолжал Дэви Берн.— Эти самые лошадки уже столько пустили по миру.

У трактирщика своя ставка. Патент на торговлю в розлив пивом, вином и крепкими. Орел — я выигрываю, решка — ты проиграл.

— Как есть истина,— подтвердил Длинный Нос.— Если только ты не в сговоре. Честного спорта теперь не сыщешь. Иногда Ленехан подсказывает верные ставки. Сегодня советует на Корону. А фаворит — Мускат, лорда Хауарда де Уолдена, выиграл в Эпсومه. Жокей — Морни Кэннон. Две недели назад я мог получить семь к одному, если б поставил на Сент-Аманту.

— Да неужели? — сказал Дэви Берн.

Он отошел к окну и, взяв расчетную книжку, принялся ее листать.

— Вот те крест, мог, — говорил Длинный Нос, сопя. — Просто редкостная кобылка. От Сент-Фрускена, хозяин — Ротшильд. Выиграла в самую грозу, уши заткнули ей. Голубой камзол и желтый картуз. Да тут черт принес Бена Долларда верзилу с его Джоном О'Гонтом. Он меня и отговорил. И пропало.

Сокрушенно он прихлебнул из стакана, побарабанил по нему пальцами.

— Пропало, — повторил с тяжким вздохом.

Не переставая жевать, мистер Блум созерцал его вздох. Вот уж где олух царя небесного. Сказать ему на какую лошадь Ленехан? Знает уже. Лучше бы позабыл. Пойдет, еще больше проиграет. У дурака деньги не держатся. Снова капля повисла. Как бы это он целовал женщину со своим насморком. Хотя может им это нравится. Нравится же когда колючая борода. У собак мокрые носы. В гостинице Городской герб у старой миссис Риордан был скай-терьер, у которого вечно бурчало в брюхе. Молли его ласкала у себя на коленях. Ах ты собачка, ты мой гавгавгавчик!

Вино пропитывало и размягчало склеившуюся массу из хлеба горчицы какой-то момент противного сыра. Отличное вино. Лучше его чувствуешь когда не хочется пить. Конечно это ванна так действует. Ладно слегка перекусили. Потом можно будет часов в шесть. Шесть. Шесть. Тогда уже будет все. Она.

Вино мягким огнем растекалось по жилам. Мне так не хватало этого. Совсем было сник. Глаза его неголодно оглядывали полки с жестянками: сардины, яркие клешни омаров. Каких только диковин не приспособили в пищу. Из раковин моллюсков шпилькой, с деревьев, улиток из земли французы едят, из моря на крючок с приманкой. Тупая рыба в тысячу лет ничему не научится. Если заранее не знаешь опасно отправлять в рот что попало. Ядовитые ягоды. Боярышник. Округлость всегда привлекательна. А яркая окраска отпугивает. Один предупредит другого и так далее. Сначала испробовать на собаке. Привлекает запахом или видом. Искусительный плод. Мороженое в стаканчиках. Сливки. Инстинкт. Те же апельсиновые плантации. Нужно искусственное орошение. Бляйбтройштрассе. А как же тогда устрицы. Мерзкий вид. Как густой плевок. Грязные раковины. Вдобавок чертовски трудно открыть.

Кто их придумал есть? И кормятся разной дрянью, в сточных водах. Шампанское и устрицы с Ред бэнк. Имеет сексуальный эффект. Афроди. Он был сегодня утром в Ред бэнк. Может устрицы не станет жалкий омлет небось в постели атлет да нет в июне ни устриц ни буквы эр. Но есть и кто любят этакое. Дичь с душком. Заяц в горшке. За двумя зайцами погонишься. Китайцы едят яйца которым полсотни лет уже стали сине-зеленые. Обеды из тридцати блюд. Каждое по отдельности безвредно а может когда смешается. Идея для детектива с отравлением. Кто это был кажется эрцгерцог Леопольд. Нет не он нет он или это был Отто который из Габсбургов? Словом кто это был который имел привычку поедать перхоть с собственной головы? Самый дешевый завтрак в городе. Конечно аристократы а потом остальные подражают чтоб не отстать от моды. Милли тоже нефть и мука. Сырое тесто я сам люблю. Из пойманных устриц половину выкидывают обратно чтобы не сбить цену. Будет дешево, никто не купит. Икра. Разыгрывают из себя вельмож. Рейнвейн в зеленых бокалах. Роскошный кутеж. Леди такая-то. Шея напудрена, жемчуга. Elite. Crème de la crème¹. Требуют особенных блюд, чтоб показать какие сами. Отшельник с горсткой бобов умерить искушения плоти. Хочешь меня узнать поешь со мной. Королевская осетрина. Как указано начальнику полиции, мяснику Коффи дано право торговать олениной из лесов его сият. Полтуши обязан отсылать ему. Я видел как готовили для банкета на кухне королевского архивариуса. Шеф-повар в белом колпаке как раввин. Утку поливали коньяком и поджигали. Савойская капуста à la duchesse de Parme². Хочешь знать что ты ел непременно надо меню где все было бы написано. Если валишь все в смесь то нельзя будет есть. По себе знаю. Навалил бульонных кубиков Эдвардса. Гусей для них раскармливают до одурения. Омаров варят живьем. Г'екомендую вам попп'обуйте этой куг'опатки. Я бы не отказался официантом в шикарном отеле. Чаевые, вечерние туалеты, полуобнаженные дамы. Вы не отведали бы кусочек этого угря, мисс Дюбеда? О, я бы да. Ясно она бы да. Надо полагать гугенотская фамилия. Помнится, какая-то мисс Дюбеда жила в Киллини. Дю де ля это во французском. Но рыбка-то та же самая может из улова старого Мики Хэнлона с Мур-стрит что лезет из кожи наживая деньгу сам ловит сам потрошит а расписаться на

¹ Высший свет. Сливки общества (франц.).

² По способу герцогини Пармской (франц.).

чеке для него такой труд такую состроит мину будто шедевр живописи должен создать. Мэаикраткоекэлэ А Ха. Туп как чурбан, и пятьдесят тысяч капиталу. —

Бились об оконное стекло две мухи, жужжали, бились.

Жар вина на его небе еще удерживался проглоченного. Давят на винокурне бургундский виноград. Это в нем солнечный жар. Как коснулось украдкой мне говорит вспоминается. Прикосновением разбуженные его чувства увлажненные вспоминали. Укрывшись под папоротниками на мысе Хоут под нами спящий залив: небо. Ни звука. Небо. У Львиной Головы цвет моря темнолиловый. Зеленый у Драмлека. Желтозеленый к Саттону. Подводные заросли, в траве слегка виднеются темные линии, затонувшие города. Ее волосы лежали как на подушке на моем пальто, я подложил руку ей под затылок жучки в вереске щекотали руку ах ты все на мне изомнешь. Какое чудо! Ее душистая нежнопрохладная рука касалась меня, ласкала, глаза на меня смотрели не отрываясь. В восторге я склонился над ней, ее полные губы раскрылись, я целовал их. Ум-м. Мягким движением она подсунула ко мне в рот печенье с тмином, которое она жевала. Теплая противная масса, которую пережевывал ее рот, кислосладкая от ее слюны. Радость: я глотал ее: радость. Юная жизнь, выпятив губки, она прильнула ими к моим. Губы нежные теплые клейкие как душистый лукум. Глаза ее были как цветы, глаза, полные желания, возьми меня. Невдалеке посыпались камешки. Она не пошевелилась. Коза. Больше никого. Высоко в рододендронах Бен Хоута разгуливала как дома коза, роняя свои орешки. Скрытая папоротниками она смеялась в горячих объятиях. Лежа на ней, я целовал ее неистово и безумно: ее глаза, губы, ее открытую шею где билась жилка, полные женские груди под тонкой шерстяной блузкой, твердые соски глядящие вверх. Целуя, я касался ее своим горячим языком. Она целовала меня. Я получал поцелуи. Уже вся поддаваясь она ерошила мои волосы. Осыпаемая моими поцелуями, целовала меня.

Меня. И вот я теперь.

Бились, жужжали мухи.

Опустив глаза вниз, он проследил взглядом безмолвные линии прожилок на дубовой панели. Красота: линии закругляются: округлость это и есть красота. Совершенные формы богинь, Венера, Юнона: округлости, которыми восхищается весь мир. Можно посмотреть на них, библиотечный музей, стоят в круглом холле, обнаженные богини. Способ-

ствует пищеварению. Им все равно кто смотрит. На всеобщее обозрение. Никогда не заговорят. По крайней мере с таким как Флинн. А допустим она вдруг как Галатея с Пигмалионом что она первое сказала бы? О, смертный! Знай свое место. Вкушать нектар с богами за трапезой золотые блюда амброзия. Не то что наши грошовые завтраки, вареная баранина, морковка и свекла, да бутылка пива. Нектар представь себе что пьешь электричество: пища богов. Прелестные женские формы изваяния Юноны. Бессмертная красота. А мы заталкиваем себе еду в дырку, входная спереди, выходная сзади: еда, кишечные соки, кровь, кал, земля, еда: без этого мы не можем как без топлива паровоз. А у них нет. Не приходило в голову посмотреть. Посмотрю сегодня. Хранитель не заметит. Что-нибудь выроню и нагнусь. Погляжу есть ли у нее.

Из его мочевого пузыря просочился неслышный сигнал пойти сделать не делать там сделать. Как мужчина в готовности, он осушил свой стакан до дна и вышел, они отдаются и смертным, влекутся к мужскому, ложатся с любовниками-мужчинами, юноша наслаждался с нею, во двор.

Когда затих звук его шагов, Дэви Берн от своей книги спросил:

— А что он такое? Он не в страховом бизнесе?

— Это дело он давно бросил, — отозвался Флинн Длинный Нос. — Сейчас он рекламный агент во «Фримене».

— На вид-то я его хорошо знаю, — сказал Дэви Берн. — У него что, несчастье?

— Несчастье? — удивился Флинн Длинный Нос. — В первый раз слышу. А почему?

— Я заметил, он в трауре.

— Разве? — спросил Флинн Длинный Нос. — А ведь верно, ей-ей. Я у него спросил, как дела дома. Убей бог, ваша правда. В трауре.

— Я никогда не завожу разговор об этом, — сказал человеколюбиво Дэви Берн, — если вижу, что у джентльмена такое несчастье. Им это только лишний раз напоминает.

— Точно, что это не жена, — сказал Флинн Длинный Нос. — Я его встретил позавчера на Генри-стрит, он как раз выходил из молочной «Ирландская ферма», где торгует жена Джона Уайза Нолана, и нес в руках банку сливок для своей драгоценной половины. Она отлично упитана, я вам доложу. Пышногрудая птичка.

— А он, значит, трудится во «Фримене»? — сказал Дэви Берн.

Флинн Длинный Нос значительно поджал губы.

— С рекламок, что он добывает, на сливки не заработает. Можете всем ручаться.

— Это как же так? — спросил Дэви Берн, оставив свою книжку и подходя ближе.

Флинн Длинный Нос проделал пальцами в воздухе несколько быстрых пассивов фокусника. И подмигнул глазом.

— Он принадлежит к ложе, — промолвил он.

— Это вы что, серьезно? — спросил Дэви Берн.

— Серьезней некуда, — сказал Длинный Нос. — К древнему, свободному и признанному братству. Свет, жизнь и любовь, во как. И они его всячески поддерживают. Мне это сказал один, э-э, не важно кто.

— Но это факт?

— У, да это отличное братство, — сказал Длинный Нос. — Они вас никогда не оставят в беде. Я знаю одного парня, который к ним пытался попасть, но только к ним попробуй-ка попади. Скажем, женщин они вообще не допускают, и правильно делают, ей-богу.

Дэви Берн единым разом улыбнулся зевнул кивнул:

— Иииааааааахх!

— Как-то одна женщина, — продолжал Длинный Нос, — спряталась в часы подсмотреть, чем они занимаются. Но, будь я проклят, они как-то ее учуяли и тут же на месте заставили дать присягу Мастеру ложи. Она была из рода Сент-Леже Донерайль.

Дэви Берн, еще со слезами на глазах после сладкого зевка, сказал недоверчиво:

— Но все-таки факт ли это? Он такой скромный, приличный. Я его часто тут вижу и ни одного разу не было, чтобы он — ну знаете, что-то себе позволил.

— Сам Всемогущий его не заставит напиться, — энергично подтвердил Длинный Нос. — Как чует, уже по-крупному загудели, тут же смывается. Не заметили, как он посмотрел на часы? Хотя да, вас не было. Его позовешь выпить, так он первое что сделает, это вытащит свои часы и по времени решит, чего ему надо принять внутрь. Всегда так делает, вот те крест.

— Бывают некоторые такие, — сказал Дэви Берн. — Но он человек надежный, вот что я вам скажу.

— Мужик неплохой, — опять согласился Длинный Нос, шмыгнув носом. — Про него знают, что он и кошельком поможет при случае. Каждому надо по заслугам. Без спору,

есть у Блума хорошее. Но вот одну штуку он ни за что не сделает.

Его рука изобразила как бы росчерк пера подле стакана с грогом.

— Я знаю,— сказал Дэви Берн.

— Черным по белому — ни за что,— сказал Длинный Нос.

Вошли Падди Леонард и Бэнтам Лайонс. Следом появился Том Рочфорд, поглаживая по бордовому жилету ладонью.

— Почтение, мистер Берн.

— Почтение, джентльмены.

Они остановились у стойки.

— Кто ставит? — спросил Падди Леонард.

— Как кто, не знаю, а я на мели,— ответил Флинн Длинный Нос.

— Ладно, чего берем? — спросил Падди Леонард.

— Я возьму имбирный напиток,— сказал Бэнтам Лайонс.

— Чего-чего? — воскликнул Падди Леонард.— Это с каких же пор, мать честная? А ты, Том?

— Как там канализация работает? — спросил Флинн Длинный Нос, прихлебывая.

Вместо ответа Том Рочфорд прижал руку к груди и громко икнул.

— Вас не затруднит дать стаканчик воды, мистер Берн? — попросил он.

— Сию минуту, сэр.

Падди Леонард оглядел своих собутыльников.

— Ну и дела пошли,— сказал он.— Вы только полюбуйте, чему я выпивку ставлю. Вода и имбирная шипучка. И это парни, которые слизали б виски с волдыря на ноге. Вот у этого за пазухой какая-то чертова лошадка на Золотой кубок. Удар без промаха.

— Мускат, что ли? — спросил Флинн Длинный Нос.

Том Рочфорд высыпал в свой стакан какой-то порошок из бумажки.

— Проклятый желудок,— сказал он перед тем, как выпить.

— Сода хорошо помогает,— посоветовал Дэви Берн.

Том Рочфорд кивнул и выпил.

— Так что, Мускат?

— Я молчу! — подмигнул Бэнтам Лайонс.— Сам на это дело пускаю кровные пять шиллингов.

— Да скажи нам, если ты человек, и черт с тобой, — сказал Падди Леонард. — Сам-то ты от кого узнал?

Мистер Блум, направляясь к выходу, поднял приветственно три пальца

— До скорого! — сказал Флинн Длинный Нос.

Остальные обернулись.

— Вот это он самый, от кого я узнал, — прошептал Бэнтам Лайонс.

— Тьфу, — произнес с презрением Падди Леонард, — мистер Берн, сэр, так значит, вы дайте нам два маленьких виски «Джеймсон» и...

— И имбирный напиток, — любезно закончил Дэви Берн.

— Вот-вот, — сказал Падди Леонард. — Бутылочку с соковой для младенца.

Мистер Блум шагнул в сторону Доусон-стрит, тщательно прочищая языком зубы. Верно что-то зеленое: вроде шпината. С помощью рентгеновских лучей можно бы.

На Дьюк-лейн прожорливый терьер вырыгнул на булыжники тошнотворную жвачку из косточек и хрящей и с новым жаром набросился на нее. Неумеренность в пище. С благодарностью возвращаем, полностью переварив содержимое. Сначала десерт потом оно же закуска. Мистер Блум предусмотрительно обошел. Жвачные животные. Это ему на второе. Они двигают верхней челюстью. Интересно сумеет ли Том Рочфорд что-нибудь провернуть с этим своим изобретением. Зря трудится втолковывая этому Флинну ему бы только в глотку залить. У тощего мужика глотка велика. Должны устроить специальный зал или другое место где изобретатели могли б на свободе изобретать. Правда конечно туда бы все чокнутые сбежались.

Он стал напевать, удлинняя торжественным эхом последние ноты каждого такта:

Don Giovanni, a cenar teco
M'invitasti¹.

Получше стало. Бургонское. Славно подняло самочувствие. Кто первый начал вино гнать? Какой-нибудь сердяга впавший в тоску. Пьяная удаль. Сейчас надо в национальную библиотеку за этой «Килкенни пипл».

Сияющие чистотой унитазаы, ждущие своего часа, в витрине Уильяма Миллера: оборудование для ванн и уборных, — вернули прежний ход его мыслям. Да, это могли бы:

¹ О Дон Жуан, поужинать с тобою меня ты пригласил (*итал.*). Моцарт. «Дон Жуан», акт II, сц. 5.

и проследить весь путь, иногда проглоченная иголка выходит где-нибудь из ребер через несколько лет, путешествует по всему телу изменяется желчные протоки селезенка брызжет печень желудочный сок кольца кишок как резиновые трубки. Вот только горемычному старикашке пришлось бы все это время стоять, выставив нутро напоказ. Ради науки.

— А сенар тесо.

Что бы это значило тесо. Наверно сегодня вечером.

О дон Жуан, меня ты пригласил
Прийти на ужин сегодня вечером
Та-рам тара-там.

Нескладно выходит.

Ключчи: если уговорю Наннетти на два месяца. Это будет примерно два фунта десять или два фунта восемь. Три мне должен Хайнс. Два одиннадцать. Реклама для Прескотта: два пятнадцать. Итого около пяти гиней. Вроде везет.

Пожалуй можно будет купить для Молли какую-нибудь из тех шелковых комбинаций, под цвет к новым подвязкам.

Сегодня. Сегодня. Не думать.

Потом турне по югу. Чем плохо бы — по английским морским курортам? Брайтон, Маргейт. Гавань при свете луны. Ее голос плывет над водой. Те приморские красотки. Напротив пивной Джона Лонга сонно привалился к стене бродяга, в тяжком раздумье кусая коростовые костяшки пальцев. Мастер на все руки ищет работу. За скромное вознаграждение. Неприхотлив в еде.

Мистер Блум повернул за угол у витрины кондитерской Кэтрин Грэй с нераскупленными тортами и миновал книжный магазин преподобного Томаса Коннеллана. «Почему я порвал с католической церковью». «Птичье гнездышко». Женщины там заправляют всем. Говорят во время неурожая на картошку они подкармливали супом детей бедняков, чтобы переходили в протестанты. А подальше там общество куда папа ходил, по обращению в христианство бедных евреев. Одна и та же приманка. Почему мы порвали с католической церковью.

Слепой юноша стоял у края тротуара, постукивая по нему тонкой палкой. Трамвая не видно. Хочет перейти улицу.

— Вы хотите перейти? — спросил мистер Блум.

Слепой не ответил. Его неподвижное лицо слабо дрогнуло. Он неуверенно повернул голову.

— Вы на Доусон-стрит, — сказал мистер Блум. — Перед вами Моулсворт-стрит. Вы хотите перейти? Сейчас путь свободен.

Палка, подрагивая, подалась влево. Мистер Блум поглядел туда и снова увидел фургон красильни, стоящий у «Парижской парикмахерской» Дрейго. Где я и увидел его напомаженную шевелюру как раз когда я. Понурая лошадь. Возчик — у Джона Лонга. Промочить горло.

— Там фургон, — сказал мистер Блум, — но он стоит на месте. Я вас провожу через улицу. Вам нужно на Моулсворт-стрит?

— Да, — ответил юноша. — На Южную Фредерик-стрит.

— Пойдемте, — сказал мистер Блум.

Он осторожно коснулся острого локтя — затем взял мягкую ясновидящую руку, повел вперед.

Сказать ему что-нибудь. Только не разыгрывать сочувствие. Они не верят словам. Что-нибудь самое обыкновенное.

— Дождь прошел стороной.

Никакого ответа.

Пиджак его в пятнах. Наверно не умеет как следует есть. Все вкусы он чувствует по-другому. Кормить приходилось сначала с ложечки. Ручка как у ребенка. Как раньше у Милли. Чуткая. Я думаю он может представить мои размеры по моей руке. А интересно имя у него есть. Фургон. Палка чтоб не задела лошади за ноги скотинка притомилась пусть дремлет. Так. Все как надо. Быка обходи сзади — лошадь спереди.

— Спасибо, сэръ.

Знает что я мужчина. По голосу.

— Все в порядке? Теперь первый поворот налево.

Слепой нащупал палкой край тротуара и продолжал путь, занося палку и постукивая ею перед собой.

Мистер Блум следовал позади, за незрячими стопами и мешковатым твидовым костюмом в елочку. Бедный мальчик! Но каким же чудом он знал что там этот фургон? Стало быть как-то чувствовал. Может у них какое-то зрение во лбу: как бы некоторое чувство объема. Веса. А интересно почувствует он если что-нибудь убрать. Чувство пустоты. Какое у него должно быть странное представление о Дублине из этого постукивания по камням. А смог бы он идти по прямой, если без палки? Смирненное и бескровное лицо как у того кто готовится стать священником.

Пенроуз! Вот как фамилия того парня.

Смотри сколько разных вещей они могут делать. Читать пальцами. Настраивать рояли. А мы удивляемся что у них есть какой-то разум. Любой калека или горбун нам сразу кажется умным едва он что-то скажет что мы бы сами могли. Конечно другие чувства обостряются. Могут вышивать. Плести корзины. Люди должны им помогать. Положим я бы подарил Молли корзинку для рукоделья ко дню рождения. А она терпеть не может шитья. Еще рассердится. Темные, так их называют.

И обоняние у них наверно сильнее. Запахи со всех сторон, слитые вместе. У каждой улицы свой запах. У каждого человека тоже. Затем весна, лето: запахи. А вкусы? Говорят вкус вина не почувствуешь с закрытыми глазами или когда простужен. И если куришь в темноте говорят нет того удовольствия.

А скажем с женщинами. Меньше стыда если не видишь. Вон проходит девчонка, задравши нос, мимо Института Стюарта. Глядите-ка на меня. Вот она я, при всех доспехах. Должно быть это странно если не видишь ее. В воображении у него есть какое-то понятие о форме. Голос, разность температур когда он касается ее пальцами должен почти уже видеть очертания, округлости. К примеру, он проводит рукой по ее волосам. Допустим, у нее черные. Отлично. Назовем это черным. Потом он гладит ее белую кожу. Наверно другое ощущение. Ощущение белого.

Почта. Надо ответить. Чистая вольтинка сегодня. Послать ей перевод на два шиллинга или на полкроны. Прими от меня маленький подарок. Вот и писчебумажный магазин рядом. Погоди. Сначала подумаю.

Легкими и очень медленными касаниями его пальцы осторожно пощупали волосы, зачесанные назад над ушами. Еще раз. Как тонкие-претонкие соломинки. Затем, столь же легко касаясь, он пощупал кожу у себя на правой щеке. Тут тоже пушистые волоски. Не совсем гладкая. Самая гладкая на животе. Вокруг никого. Только тот поворачивает на Фредерик-стрит. Не иначе, настраивать рояль в танцевальных классах Левенстона. Может быть, это я поправляю подтяжки.

Проходя мимо трактира Дорена, он быстро просунул руку между брюками и жилетом и, оттопырив слегка рубашку, пощупал вялые складки на своем животе. Но я же знаю что он беловатый желтый. Надо посмотреть что будет если в темноте.

Он вытащил руку и оправил свою одежду.

Бедняга! Еще совсем мальчик. Это ужасно. Действительно ужасно. Какие у него могут быть сны, у незрячего? Для него жизнь сон. Где же справедливость если ты родился таким? Все эти женщины и дети что сгорели и потонули в Нью-Йорке во время морской прогулки. Гекатомба. Это называется карма такое переселение за твои грехи в прошлой жизни перевоплощение метим псу хвост. Боже мой, Боже, Боже. Жаль конечно — но что-то такое есть почему с ними нельзя по-настоящему сблизиться.

Сэр Фредерик Фолкинер входит в здание масонской ложи. Важный как Трой. Успел плотно позавтракать у себя на Эрлсфорт-террас. Со старыми приятелями-судейскими изрядно заложили за воротник. Истории о судах и выездных сессиях, рассказы про синемундирную школу. И отвесил я ему десять годиков. Я думаю он бы только скривился от того вина что я пил. Для них из фирменных погребов, бутылки пыльные, на каждой поставлен год. У него есть свои понятия о том что такое справедливость в суде. Старикан с добрыми побуждениями. Полицейские сводки битком набиты делами, это они натягивают себе проценты, фабрикуют преступления из любых пустяков. А он им все такие дела заворачивает обратно. Гроза для ростовщиков. Рувима Дж. уж совсем смешал с грязью. А что, тому только по заслугам если его назовут грязным жидом. Большая власть у судей. Старые сварливые пьяницы в париках. Смотрит зверем. И да помилует Господь твою душу.

Гляди, афиша. Благотворительный базар Майрас. Его сиятельство генерал-губернатор. Шестнадцатого. Значит, сегодня. В пользу больницы Мерсера. Первое исполнение «Мессии» было в пользу этой больницы. Да. Гендель. А может сходить туда: Боллсбридж. Заглянуть к Ключчи. Да нет, не стоит уж так приставать к нему. Только отношения портить. Наверняка при входе кто-нибудь попадетса знакомый.

Мистер Блум вышел на Килдер-стрит. Сюда первым делом. В библиотеку.

Соломенная шляпа блеснула на солнце. Рыжие штиблеты. Брюки с манжетами. Так и есть. Так и есть.

Его сердце дрогнуло мягко. Направо. Музей. Богини. Он повернул направо.

А точно? Почти уверен. Не буду смотреть. У меня лицо красное от вина. Что это я? Чересчур помчался. Да, так и есть. Шагом. И не смотреть. Не смотреть. Идти.

Приближаясь к воротам музея размашистым и нетвердым шагом, он поднял глаза. Красивое здание. По проекту сэра Томаса Дина. Он не идет за мной?

Может быть не заметил меня. Солнце ему в глаза.

Его дыхание стало коротким и прерывистым. Быстрой. Прохладные статуи: там спокойствие. Еще минута и я спасен.

Нет, он меня не заметил. После двух. У самых ворот. Как бьется сердце!

Его зрачки пульсируя неотрывно смотрели на кремовые завитки камня. Сэр Томас Дин был греческая архитектура.

Ищу что-то я.

Торопливую руку сунул быстро в карман, вынул оттуда, прочел, не разворачивая, Агендат Нетаим. Куда же я?

Беспокойно ища.

Быстро сунул обратно Агендат.

Она сказала после полудня.

Я ищу это. Да, это. Смотри во всех карманах. Носовой. «Фримен». Куда же я? Ах, да. В брюках. Картофелина. Кошелек. Куда?

Спешу. Иди спокойно. Еще момент. Как бьется сердце.

Рука его искавшая тот куда же я сунул нашла в брючном кармане кусок мыла лосьон забрать теплая обертка прилипшее. Ага мыло тут я да. Ворота.

Спасен!

Деликатно их успокаивая, квакер-библиотекарь вполголоса ворковал:

— И ведь у нас есть, не правда ли, эти бесценные страницы «Вильгельма Мейстера». Великий поэт — про своего великого собрата по ремеслу. Колеблющаяся душа, что в смертной схватке с целым морем бед, терзаемая сомнениями и противоречиями, как это бывает в реальной жизни.

Он выступил на шаг вперед в контрдансе скрипнув воловьей кожей и на шаг назад в контрдансе по торжественному паркету он отступил.

Безмолвный помощник, приотворив осторожно дверь, сделал ему безмолвный знак.

— Сию минуту, — сказал он, уходяще скрипнув, хоть уйти медля. — Прекрасный и неприспособленный мечтатель в болезненном столкновении с жестокой реальностью. Постоянно убеждаешься, насколько истинны суждения Гёте. Истинны при более глубоком анализе.

Двускрипно в куранте унес он анализ прочь. Плешивый, с высшим вниманьем, у двери словам помощника подставил большое ухо: слова выслушал: удалился.

Остались двое.

— Мсье де ла Палисс, — язвительно усмехнулся Стивен, — был еще жив за четверть часа до смерти.

— А вы уже отыскали шестерку доблестных медиков, — спросил желчным старцем Джон Эглинтон, — которые бы переписали «Потерянный рай» под вашу диктовку? Он его называет «Горести Сатаны».

Усмехайся. Усмехайся усмешкой Крэнли.

Сперва ее облапил
Потом ее огладил
А после взял и вдруг
Катетер ей приладил.
Ведь он был просто доктор
Веселый парень док...

— Я думаю, для «Гамлета» вам понадобится на одного больше. Число семь драгоценно для мистиков. Сияющая седмица, как выражается У. Б.

Блескоглазый с рыжепорослым черепом подле зеленой настольной лампы вглядывался туда где в тени еще темно-зеленой брадообрамленное лицо, оллав, святоокий. Рассмеялся тихо: смех казеннокоштного питомца Тринити: безответный.

Многоголосый Сатана, рыдая,
Потоки слез лия, как ангелы их льют.
Ed egli avea del cul fatto trombetta¹.

Мои безумства у него в заложниках.

Крэнли нужно одиннадцать молодцев из Уиклоу, чтобы освободить землю предков. Щербатую Кэтлин с четырьмя изумрудными лугами: чужак у нее в доме. И одного бы еще, кто бы его приветствовал: *аве, равви*: дюжина из Тайнахили. Он воркует в тени долины, сзывая их. Юность моей души я отдавал ему, ночь за ночью. Бог в помощь. Доброй охоты.

Моя телеграмма у Маллигана.

Безумство. Поупорствуем в нем.

— Нашим молодым ирландским бардам, — суровым цензором продолжал Джон Эглинтон, — еще предстоит создать такой образ, который мир поставил бы рядом с Гамлетом англосакса Шекспира, хоть я, как прежде старина Бен, восхищаюсь им, не доходя до идолопоклонства.

— Все это чисто академические вопросы, — провещал Рассел из своего темного угла, — о том, кто такой Гамлет — сам Шекспир или Яков Первый или же Эссекс. Споры церковников об историчности Иисуса. Искусство призвано раскрывать нам идеи, духовные сущности, лишенные формы. Краеугольный вопрос о произведении искусства — какова глубина жизни, породившей его. Живопись Гюстава Моро — это живопись идей. Речи Гамлета, глубочайшие

¹ А тот трубу изобразил из зада (*итал.* Данте. Ад. XXI, 139).

стихи Шелли дают нашему сознанию приобщиться вечной премудрости, платоновскому миру идей. А все прочее — праздномыслие учеников для учеников.

А. Э. рассказывал в одном интервью, которое он дал какому-то янки. Н-ну, тыща чертей, вы молодчага, проф!

— Ученые были сначала учениками, — сказал Стивен с высшею вежливостью. — Аристотель был в свое время учеником Платона.

— Смею надеяться, он и остался им, — процедил лениво Джон Эглинтон. — Так и видишь его примерным учеником с похвальной грамотой под мышкой.

Он снова рассмеялся, обращаясь к брадообрамленному ответно улыбнувшемуся лицу.

Лишенное формы духовное. Отец, Слово и Святое Дыхание. Всеотец, небесный человек, Иэсос Кростос, чародей прекрасного. Логос, что в каждый миг страдает за нас. Это поистине есть то. Я огонь над алтарем. Я жертвенный жир.

Данлоп, Джадж, что римлянин был самый благородный, А. Э., Арвал, Несказанное Имя, в высоте небес, К. Х., их учитель, личность которого не является тайной для посвященных. Братья великой белой ложи неусыпно следят, не требуется ли их помощь. Христос с сестрою-невестой, влага света, рожденная от девы с обновленной душой, софия кающаяся, удалившаяся в план Будд. Эзотерическая жизнь не для обыкновенного человека. О. Ч. сначала должен избавиться от своей дурной кармы. Однажды миссис Купер Оукли на мгновение улицезрела астральное нашей выдающейся сестры Е. П. Б.

Фу, как нехорошо! Pfuiteufel!¹ Право, негоже, сударыня, совсем негоже глазеть, когда у дамы выглядывает астральное.

Вошел мистер Супер — молодой, высокий, легкий и деликатный. Рука его с изяществом держала блокнот — большой, красивый, чистый и аккуратный.

— Вот этот примерный ученик, — сказал Стивен, — наверняка считает, что размышления Гамлета о будущей жизни его сиятельной души — весь этот ненатуральный, ненужный, недраматичный монолог — такие же плоские, как и у Платона.

Джон Эглинтон сказал, нахмурившись, дыша ярим гневом:

¹ Чертовски стыдно (нем.).

— Я клянусь, что кровь моя закипает в жилах, когда я слышу, как сравнивают Аристотеля с Платоном.

— А кто из них, — спросил Стивен, — изгнал бы меня из своего Государства?

Кинжалы дефиниций — из ножен! Лошадность — это чтойность вселошади. Они поклоняются зонам и волнам влечений. Бог — шум на улице: весьма в духе перипатетиков. Пространство — то, что у тебя хочешь не хочешь перед глазами. Через пространства, меньшие красных шариков человечесьей крови, пролезали они следом за ягодицами Блейка в вечность, коей растительный мир сей — лишь тень. Держись за здесь и теперь, сквозь которые будущее погружается в прошлое.

Мистер Супер, полный дружеского расположения, подошел к своему коллеге.

— А Хейнс ушел, — сообщил он.

— Вот как?

— Я ему показывал эту книгу Жюбенвиля. Он, понимаете, в полном восторге от «Любовных песен Коннахта» Хайда. Мне не удалось привести его сюда послушать дискуссию. Он тут же побежал к Гиллу покупать их.

Спешите скорей, мой скромный труд,
К надменной публике на суд.
Как горький рок, тебя постиг
Английский немощный язык.

— Дым наших торфяников ему одурманил голову, — предположил Джон Эглинтон.

Мы, англичане, сознаем. Кающийся вор. Ушел. А я курил его табачок. Мерцающий зеленый камень. Смарагд, заключенный в оправу морей.

— Люди не знают, как могут быть опасны любовные песни, — оккультически предостерегла Расселова яйцевидная аура. — Движения, вызывающие мировые перевороты, рождаются из грез и видений в душе какого-нибудь крестьянина на склоне холма. Для них земля не почва для обработки, а живая мать. Разреженный воздух академии и арены рождает грошовый роман, кафешантанную песенку. Франция рождает в лице Малларме изысканнейший цветок развращенности, но возделенная жизнь — такая, какой живут феаки Гомера, открывается только нищим духом.

При этих словах мистер Супер обратил к Стивену свой миролюбивый взор.

— Понимаете, — сказал он, — у Малларме есть чудные

стихотворения в прозе, Стивен Маккенна мне их читал в Париже. Одно из них — о «Гамлете». Он говорит: «Il se promène, lisant au livre de lui-même»¹, понимаете, *читая книгу о самом себе*. Он описывает, как дают «Гамлета» во французском городке, понимаете, в провинции. Там выпустили такую афишу.

Его свободная рука изящно чертила в воздухе маленькие значки.

HAMLET
ou
LE DISTRAIT
Pièce de Shakespeare²

Он повторил новонасупленному челу Джона Эглинтон:
— Pièce de Shakespeare, понимаете. Это так похоже на французов, совершенно в их духе. Hamlet ou...

— Беззаботный нищий, — закончил Стивен.

Джон Эглинтон рассмеялся.

— Да, это подойдет, пожалуй, — согласился он. — Превосходные люди, нет сомнения, но в некоторых вещах ужасающе близоруки.

Торжественно-тупое нагроможденье убийств.

— Роберт Грин назвал его палачом души, — молвил Стивен. — Недаром он был сын мясника, который помахивал своим топором да поплевывал в ладонь. Девять жизней заплачено за одну — за жизнь его отца. Отче наш иже еси во чистилище. Гамлеты в хаки стреляют без колебаний. Кровавая бойня пятого акта — предвидение концлагеря, воспетого Суинберном.

Крэнли, я его бессловесный ординарец, следящий за битвами издалека.

Врагов заклятых матери и дети,
Которых кроме нас никто б не пощадил...

Улыбка сакса или ржанье янки. Сцилла и Харибда.

— Он будет доказывать, что «Гамлет» — это история о призраках, — заметил Джон Эглинтон к сведению мистера Супера. — Он, как жирный парень в «Пиквикском клубе», хочет, чтоб наша плоть застыла от ужаса.

О, слушай, слушай, слушай!

Моя плоть внимает ему: застыв, внимает.

Если только ты...

— А что такое призрак? — спросил Стивен с энергией

¹ «Он прохаживается, читая в книге о самом себе» (франц.).

² Гамлет, или Рассеянный. Пьеса Шекспира (франц.).

и волненьем.— Некто, ставший неосязаемым вследствие смерти или отсутствия или смены нравов. Елизаветинский Лондон столь же далек от Стратфорда, как развращенный Париж от целомудренного Дублина. Кто же тот призрак, из *limbo patrum*¹ возвращающийся в мир, где его забыли? Кто король Гамлет?

Джон Эглинтон задвигался щуплым туловищем, откинулся назад, оценивая.

Ключуло.

— Середина июня, это же время дня,— начал Стивен, быстрым взглядом прося внимания.— На крыше театра у реки поднят флаг. Невдалеке, в Парижском саду, ревет в своей яме медведь Саккерсон. Старые моряки, что плавали еще с Дрэйком, жуют колбаски среди публики на стоячих местах.

Местный колорит. Вали все что знаешь. Вызови эффект присутствия.

— Шекспир вышел из дома гугенотов на Силвер-стрит. Вот он проходит по берегу мимо лебединых садков. Но он не задерживается, чтобы покормить лебедку, подгоняющую к тростникам свой выводок. У лебеда Эйвона иные думы.

Воображение места. Святой Игнатий Лойола, спешит на помощь!

— Представление начинается. В полумраке возникает актер, одетый в старую кольчугу с плеча придворного щеголя, мужчина крепкого сложения, с низким голосом. Это — призрак, это король, король и не король, а актер — это Шекспир, который все годы своей жизни, не отданные суете сует, изучал «Гамлета», чтобы сыграть роль призрака. Он обращается со словами роли к Бербеджу, молодому актеру, который стоит перед ним по ту сторону смертной завесы, и называет его по имени:

Гамлет, я дух родного твоего отца,

и требует себя выслушать. Он обращается к сыну, сыну души своей, юному принцу Гамлету, и к своему сыну по плоти, Гамлету Шекспиру, который умер в Стратфорде, чтобы взявший имя его мог бы жить вечно.

— И неужели возможно, чтобы актер Шекспир, призрак в силу отсутствия, а в одеянии похороненного монарха Дании призрак и в силу смерти, говоря свои собственные слова носителю имени собственного сына (будь жив Гамлет Шекспир, он был бы близнецом принца Гамлета), — неужели

¹ Край отцов (лат.).

ли это возможно, я спрашиваю, неужели вероятно, чтобы он не сделал или не предвидел бы логических выводов из этих посылок: ты обездоленный сын — я убитый отец — твоя мать преступная королева, Энн Шекспир, урожденная Хэтуэй?

— Но это копанье в частной жизни великого человека, — нетерпеливо вмешался Рассел.

Ага, старик, и ты?

— Интересно лишь для приходского писаря. У нас есть пьесы. И когда перед нами поэзия «Короля Лира» — что нам до того, как жил поэт? Обыденная жизнь — ее наши слуги могли бы прожить за нас, как заметил Вилье де Лиль. Вынюхивать закулисные сплетни: поэт пил, поэт был в долгах. У нас есть «Король Лир» — и он бессмертен.

Лицо мистера Супера — адресат слов — выразило согласие.

Стреми над ними струи вод, тебе подвластных,
Мананаан, Мананаан, Мак-Лир...

А как, любезный, насчет того фунта, что он одолжил тебе, когда ты голодал?

О, еще бы, я так нуждался.

Прими сей золотой.

Брось заливать! Ты его почти весь оставил в постели Джорджины Джонсон, дочери священника. Жагала сраму.

А ты намерен его отдать?

О, без сомнения.

Когда же? Сейчас?

Ну... нет пока.

Так когда же?

Я никому не должен. Я никому не должен.

Спокойствие. Он с того берега Бойна. С северо-востока. Долг за тобой.

Нет, погоди. Пять месяцев. Молекулы все меняются. Я уже другой я. Не тот, что занимал фунт.

Неужто? Ах-ах-ах!

Но я, энтелехия, форма форм, сохраняю я благодаря памяти, ибо формы меняются непрерывно.

Я, тот что грешил и молился и постился.

Ребенок, которого Конми спас от порки.

Я, я и я. Я.

А. Э. Я ваш должник.

— Вы собираетесь бросить вызов трехсотлетней традиции? — язвительно спросил Джон Эглинтон. — Вот уж ее призрака никогда никого не тревожил. Она скончалась —

для литературы, во всяком случае, — прежде своего рождения.

— Она скончалась, — парировал Стивен, — через шестьдесят семь лет после своего рождения. Она видела его входящим в жизнь и покидающим ее. Она была его первой возлюбленной. Она родила ему детей. И она закрыла ему глаза, положив медяки на веки, когда он покоился на смертном одре.

Мать на смертном одре. Свеча. Занавешенное зеркало. Та, что дала мне жизнь, лежит здесь, с медяками на веках, убранная дешевыми цветами. *Liliata rutilantium*.

Я плакал один.

Джон Эглинтон глядел на свернувшегося светлячка в своей лампе.

— Принято считать, что Шекспир совершил ошибку, — произнес он, — но потом поскорее ее исправил, насколько мог.

— Вздор! — резко заявил Стивен. — Гений не совершает ошибок. Его блуждания намеренны, они — врата открытия.

Врата открытия распахнулись, чтобы впустить квакера-библиотекаря, скрипоногого, плешивого, ушастого, деловитого.

— Строптивицу, — возразил строптиво Джон Эглинтон, — с большим трудом представляешь вратами открытия. Какое, интересно, открытие Сократ сделал благодаря Ксанттиппе?

— Диалектику, — отвечал Стивен, — а благодаря своей матери — искусство рожденья мыслей. А чему научился он у своей другой жены, Мирто (*absit nomen!*¹), у Эпипсихидиона Сократидидиона, того не узнает уж ни один мужчина, тем паче женщина. Однако ни мудрость повитухи, ни сварливые поучения не спасли его от архонтов из Шинн Фейн и от их стопочки цыкуты.

— Но все-таки Энн Хэтуэй? — прозвучал негромкий примирительный голос мистера Супера. — Кажется, мы забываем о ней, как прежде сам Шекспир.

С задумчивой бороды на язвительный череп переходил его взгляд, дабы напомнить, дабы укорить, без недоброты, переместившись затем к тыкве лысорозовой лолларда, подозреваемого безвинно.

— У него было на добрую деньгу ума, — сказал Стивен, — и память далеко не дырявая. Он нес свои воспомина-

¹ Имя опустим! (*лат.*)

ния при себе, когда поспешал в град столичный, насвистывая «Оставил я свою подружку». Не будь даже время указано землетрясением, мы бы должны были знать, где это все было — бедный зайчонок, дрожащий в своей норке под лай собак, и уздечка пестрая, и два голубых окна. Эти воспоминания, «Венера и Адонис», лежали в будуаре у каждой лондонской прелестницы. Разве и вправду строптивая Катарина неказиста? Гортензио называет ее юною и прекрасной. Или вы думаете, что автор «Антония и Клеопатры», страстный пилигрим, вдруг настолько ослеп, что выбрал разделять свое ложе самую мерзкую мегеру во всем Уорикшире? Признаем: он оставил ее, чтобы покорить мир мужчин. Но его героини, которых играли юноши, это героини юношей. Их жизнь, их мысли, их речи — плоды мужского воображения. Он неудачно выбрал? Как мне кажется, это его выбрали. Бывал наш Вилл и с другими мил, но только Энн взяла его в плен. Божусь, вина на ней. Она опутала его на славу, эта резвушка двадцати шести лет. Сероглазая богиня, что склоняется над юношей Адонисом, нисходит, чтобы покорить, словно пролог счастливый к возвышенью, это и есть бесстыжая бабенка из Стратфорда, что валит в пшеницу своего любовника, который моложе нее.

А мой черед? Когда?

Приди!

— В рожь, — уточнил мистер Супер светло и радостно, поднимая новый блокнот свой радостно и светло.

И с белокурым удовольствием для всеобщего сведения напомнил негромко:

Во ржи густой слила уста
Прелестных поселян чета.

Парис: угодник, которому угодили на славу.

Рослая фигура в лохматой домотканине поднялась из тени и извлекла свои кооперативные часы.

— К сожалению, мне пора в «Хомстед».

Куда ж это он? Почва для обработки.

— Как, вы уходите? — спросили подвижные брови Джона Эглинтонна. — А вечером мы увидимся у Мура? Там появится Пайпер.

— Пайпер? — переспросил мистер Супер. — Пайпер уже вернулся?

Питер Пайпер с перепоею пересыпал персики каперсами.

— Не уверен, что я смогу. Четверг. У нас собрание. Если только получится уйти вовремя.

Йогобогомуть в мебелирашках Доусона. «Изида без покрова». Их священную книгу на пали мы как-то пытались заложить. С понтом под зонтом, на поджатых ногах, восседает царственный ацтекский Логос, орудующий на разных астральных уровнях, их сверхдуша, махамахатма. Братия верных, герметисты, созревшие для посвященья в ученики, водят хороводы вокруг него, ожидают, дабы пролился свет. Луис Х. Виктори, Т. Колфилд Ирвин. Девы Лотоса ловят их взгляды с обожаньем, шишковидные железы их так и пылают. Он же царствует, преисполненный своего бога. Будда под банановой сенью. Душ поглотитель и кружитель. Души мужчин, души женщин, душно от душ. С жалобным воплем кружимые, уносимые вихрем, они стенают, кружась.

В глухую квинтэссенциальную ничтожность,
В темницу плоти ввергнута душа.

— Говорят, что нас ожидает литературный сюрприз, — тоном дружеским и серьезным промолвил квакер-библиотекарь. — Разнесся слух, будто бы мистер Рассел подготовил сборник стихов наших молодых поэтов. Мы ждем с большим интересом.

С большим интересом он глянул в сноп ламповых лучей, где три лица высветились, блестя.

Смотри и запоминай.

Стивен глянул вниз на безглавую шляпенцию, болтающуюся на ручке тросточки у его колен. Мой шлем и меч. Слегка дотронуться указательными пальцами. Опыт Аристотеля. Одна или две? Необходимость есть то, в силу чего вещам становится невозможно быть по-другому. Значится, одна шляпа она и есть одна шляпа.

Внимай.

Юный Колем и Старки. Джордж Робертс взял на себя коммерческие хлопоты. Лонгворт как следует раструбит об этом в «Экспрессе». О, в самом деле? Мне понравился «Погонщик» Колема. Да, у него, пожалуй, имеется эта диковина, гениальность. Так вы считаете, в нем есть искра гениальности? Йейтс восхищался его двустушием: «Так в черной глубине земли Порой блеснет античный мрамор». В самом деле? Я надеюсь, вы все же появитесь сегодня. Мэйлахи Маллиган тоже придет. Мур попросил его привести Хейнса. Вы уже слышали остроу мисс Митчелл насчет Мура и Мартина? О том, что Мур — это грехи молодости Мартина? Отлично найдено, не правда ли? Они вдвоем напоминают Дон Кихота и Санчо Пансу. Как любит повто-

рять доктор Сигерсон, наш национальный эпос еще не создан. Мур — тот человек, который способен на это. Наш дублинский рыцарь печального образа. В шафранной юбке? О'Нил Рассел? Ну как же, он должен говорить на великом древнем наречии. А его Дульсинея? Джеймс Стивенс пишет весьма неглупые очерки. Пожалуй, мы приобретаем известный вес.

Корделия. Cordoglio¹. Самая одинокая из дочерей Лира. Глухомань. А теперь покажи свой парижский лоск.

— Покорнейше благодарю, мистер Рассел,— сказал Стивен, вставая.— Если вы будете столь любезны передать то письмо мистеру Норману...

— О, разумеется. Он его поместит, если сочтет важным. Знаете, у нас столько корреспонденции.

— Я понимаю,— отвечал Стивен.— Благодарю вас.

Дай тебе Бог. Свиная газетка. Отменно быколлюбива.

— Синг тоже обещал мне статью для «Даны». Но будут ли нас читать? Сдается мне, что будут. Гэльская лига хочет что-нибудь на ирландском. Надеюсь, что вы придете вечером. И прихватите Старки.

Стивен снова уселся.

Отделясь от прощающихся, подошел квакер-библиотекарь. Краснея, его личина произнесла:

— Мистер Дедал, ваши суждения поразительно проясняют все.

С прискрипом переступая туда-сюда, сближался он на цыпочках с небом на высоту каблука, и, уходящими заглушаем, спросил тихонько:

— Значит, по вашему мнению, она была неверна поэту?

Встревоженное лицо предо мной. Почему он подошел? Из вежливости или по внутреннему озарению?

— Где было примирение,— молвил Стивен,— там прежде должен был быть разрыв.

— Это верно.

Лис Христов в грубых кожаных штанах, беглец, от облавы скрывавшийся в трухлявых дуплах. Не имеет подруги, в одиночку уходит от погони. Женщин, нежный пол, склонял он на свою сторону, блудниц вавилонских, судейских барынь, жен грубиянов-кабатчиков. Игра в гусей и лисицу. А в Нью-Плейс — обрюзглое опозоренное существо, некогда столь миловидное, столь нежное, свежее как

¹ Скорбь (итал.).

юное деревце, а ныне листья его опали все до единого, и страшится мрака могилы, и нет прощения.

— Это верно. Значит, вы полагаете...

Закрылась дверь за ушедшим.

Покой воцарился вдруг в укромной сводчатой келье, покой и тепло, располагающие к задумчивости.

Светильник весталки.

Тут он раздумывает о несбывшемся: о том, как бы жил Цезарь, если бы поверил прорицателю — о том, что бы могло быть — о возможностях возможного как такового — о неведомых вещах — о том, какое имя носил Ахилл, когда он жил среди женщин.

Вокруг меня мысли, заключенные в гробах, в саркофагах, набальзамированные словесными благовониями. Бог Тот, покровитель библиотек, увенчанный луной птицебог. И услышал я глас египетского первосвященника. *Книг груды глиняных в чертогах расписных.*

Они недвижимы. А некогда кипели в умах людей. Недвижны: но все еще пожирает их смертный зуд: хныча, нашептывать мне на ухо свои басни, навязывать мне свою волю.

— Бесспорно, — философствовал Джон Эглинтон, — из всех великих людей он самый загадочный. Мы ничего не знаем о нем, знаем лишь, что он жил и страдал. Верней, даже этого не знаем. Другие нам ответят на вопрос. А все остальное покрыто мраком.

— Но ведь «Гамлет» — там столько личного, разве вы не находите? — выступил мистер Супер. — Я хочу сказать, это же почти как дневник, понимаете, дневник его личной жизни. Я хочу сказать, меня вовсе не волнует, кто там, понимаете, преступник или кого убили...

Он положил девственно чистый блокнот на край стола, улыбкою заключив свой выпад. Его личный дневник в подлиннике. Ta an bad ar an tir. Taim imo shagart¹. А ты это посыпь английской солью, малютка Джон.

И глаголет малютка Джон Эглинтон:

— После того, что нам рассказывал Мэйлахи Маллиган, я мог ожидать парадоксов. Но должен предупредить: если вы хотите разрушить мое убеждение, что Шекспир это Гамлет, перед вами тяжелая задача.

Прошу немного терпения.

¹ Корабль причалил к берегу.
Я жрец (фразы из начальных пособий по ирл. языку).

Стивен выдержал тяжелый взгляд скептика, ядовито посверкивающий из-под насупленных бровей. Василиск. *E quando vede l'uomo l'attosca*¹. Мессир Брунетто, благодарю тебя за подходящее слово.

— Подобно тому, как мы — или то мать Дана? — сказал Стивен, — без конца ткем и распускаем телесную нашу ткань, молекулы которой день и ночь снуют взад-вперед, — так и художник без конца ткет и распускает ткань собственного образа. И подобно тому, как родинка у меня на груди по сей день там же, справа, где и была при рождении, хотя все тело уж много раз пересоткано из новой ткани, — так в призраке неуспокоившегося отца вновь оживает образ почившего сына. В минуты высшего воодушевления, когда, по словам Шелли, наш дух словно пламенеющий уголь, сливаются воедино тот, кем я был, и тот, кто я емь, и тот, кем, возможно, мне предстоит быть. Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас, но только глазами того, кем я буду тогда.

Сие покушение на высокий стиль — не без помощи Драммонда из Хоторндена.

— Да-да, — раздался юный голос мистера Супера. — Мне Гамлет кажется совсем юным. Возможно, что горечь в нем — от отца, но уж сцены с Офелией — несомненно, от сына.

Пальцем в небо. Он в моем отце. Я в его сыне.

— Вот родинка, которая исчезнет последней, — отозвался Стивен со смехом.

Джон Эглинтон сделал пренедевольную мину.

— Будь это знаком гения, — сказал он, — гении шли бы по дешевке в базарный день. Поздние пьесы Шекспира, которыми так восхищался Ренан, проникнуты иным духом.

— Духом примирения, — шепнул проникновенно квакер-библиотекарь.

— Не может быть примирения, — сказал Стивен, — если прежде него не было разрыва.

Уже говорил.

— Если вы хотите узнать, тени каких событий легли на жуткие времена «Короля Лира», «Отелло», «Гамлета», «Троила и Крессиды», — попробуйте разглядеть, когда же и как тени эти рассеиваются. Чем сердце смягчит человек,

¹ И когда взглянет на человека, отравляет его (*итал.*).

Истерзанный в бурях мира, Бывалый как сам Одиссей. Перикл, что был князем Тира?

Глава под красношапкой остроконечной, заушанная, слезоточивая.

— Младенец, девочка, у него на руках, Марина.

— Тяга софистов к окольным тропам апокрифов — величина постоянная, — сделал открытие Джон Эглинтон. — Столбовые дороги скучны, однако они-то и ведут в город.

Старина Бэкон: уж весь заплесневел. Шекспир — грехи молодости Бэкона. Жонглеры цифрами и шифрами шагают по столбовым дорогам. Питливые умы в великом поиске. Какой же город, почтенные мудрецы? Обряжены в имена: А. Э. — эон; Маги — Джон Эглинтон. Восточнее солнца, западнее луны: Tig na n-og¹. Парочка, оба в сапогах, с посохами.

Сколько миль до Дублина?

Трижды пять и пять.

Долго ли при свечке нам до него скакать?

— По мнению господина Брандеса, — заметил Стивен, — это первая из пьес заключительного периода.

— В самом деле? А что говорит мистер Сидней Ли, он же Симон Лазарь, как некоторые уверяют?

— Марина, — продолжал Стивен, — дитя бури. Миранда — чудо, Пердита — потерянная. Что было потеряно, вернулось к нему: дитя его дочери. Перикл говорит: «Моя милая жена была похожа на эту девочку». Спрашивается, как человек полюбит дочь, если он не любил ее мать?

— Искусство быть дедушкой, — забормотал мистер Супер. — L'art d'être grand...

— Для человека, у которого имеется эта диковина, гениальность, лишь его собственный образ служит мерилем всякого опыта, духовного и практического. Сходство такого рода тронет его. Но образы других мужей, ему родственных по крови, его оттолкнут. Он в них увидит только нелепые потуги природы предвосхитить или скопировать его самого.

Благосклонное чело квакера-библиотекаря осветилось розовою надеждой.

¹ Страна юности (ирл.).

— Я надеюсь, мистер Дедал разовьет и дальше свою теорию на благо просвещения публики. И мы непременно должны упомянуть еще одного комментатора-ирландца — Джорджа Бернарда Шоу. Нельзя здесь не вспомнить и Фрэнка Харриса: у него блестящие статьи о Шекспире в «Сатердей ривью». Любопытно, что и он также настаивает на этом неудачном романе со смуглой леди сонетов. Счастливый соперник — Вильям Херберт, граф Пембрук. Но я убежден, что если даже поэт и оказался отвергнутым, это более гармонировало — как бы тут выразиться? — с нашими представлениями о том, чего не должно быть.

Довольный, он смолк, выткнув кротко к ним плешивую голову — гагачье яйцо, приз для победителя в споре.

Супружеская речь звучала бы у него суровым библейским слогом. Любишь ли мужа сего, Мириам? Данного тебе от Господа Твоего?

— И это не исключено, — отозвался Стивен. — У Гёте есть одно изречение, которое мистер Маги любит цитировать. Остерегайся того, к чему ты стремишься в юности, ибо ты получишь это сполна в зрелые лета. Почему он посылает к известной *buonagoba*¹, к той бухте, где все мужи бросали якорь, к фрейлине со скандальной славой еще в девичестве, какого-то мелкого лордишку, чтобы тот поухаживал вместо него? Ведь он уже сам был лордом в словесности, и успел стать отменным кавалером, и написал «Ромео и Джульетту». Так почему же тогда? Вера в себя была подорвана прежде времени. Он начал с того, что был повержен на пшеничном поле (виноват, на ржаном), — и после этого он уже никогда не сможет чувствовать себя победителем и не узнает победы в бойкой игре, в которой веселье и смех — путь к постели. Напускное донжуанство его не спасет. Его отделали так, что не переделать. Кабаний клык его поразил туда, где кровью истекает любовь. Пусть даже строптивая и укрощена, ей всегда еще остается невидимое оружие женщины. Я чувствую за его словами, как плоть словно стрекалом толкает его к новой страсти, еще темней первой, затемняющей даже его понятия о самом себе. Похожая судьба и ожидает его — и оба безумия совьются в единый вихрь.

Они внимают. И я в ушные полости им лью.

— Его душа еще прежде была смертельно поражена, яд влит в ушную полость заснувшего. Но те, кого убили во

¹ Здесь: модная красotka (ит. сл.).

сне, не могут знать, каким же способом они умерщвлены, если только Творец не наделит этим знанием их души в будущей жизни. Ни об отравлении, ни о звере с двумя спинами, что был причиной его, не мог бы знать призрак короля Гамлета, не будь он наделен этим знанием от Творца своего. Вот почему его речь (его английский немощный язык) все время уходит куда-то в сторону, куда-то назад. Насильник и жертва, то, чего он хотел бы, но не хотел бы, следуют неотлучно за ним, от полушарий Лукреции цвета слоновой кости с синими жилками к обнаженной груди Имогены, где родинка как пять пурпурных точек. Он возвращается обратно, уставший от всех творений, которые он нагромоздил, чтобы спрятаться от себя самого, старый пес, зализывающий старую рану. Но его утраты — для него прибыль, личность его не оскудевает, и он движется к вечности, не почерпнув ничего из той мудрости, которую сам создал, и тех законов, которые сам открыл. Его забрало поднято. Он призрак, он тень сейчас, ветер в утесах Эльсинора, или что угодно, зов моря, слышный лишь в сердце того, кто сущность его тени, сын, единосущный отцу.

— Аминь! — раздался ответный возглас от дверей.
Нашел ты меня, враг мой!

Антракт.

Охальная физиономия с постной миной соборного настоятеля: Бык Маллиган в пестром шутовском наряде продвигался вперед, навстречу приветственным улыбкам. Моя телеграмма.

— Если не ошибаюсь, ты тут разглагольствуешь о газообразном позвоночном? — осведомился он у Стивена.

Лимонножилетный, он бодро слал всем приветствия, размахивая панамой словно шутовским жезлом.

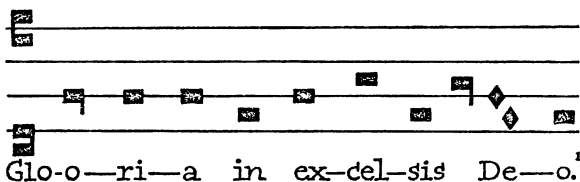
Они оказывают ему теплый прием. Was Du verlachst, wirst Du noch dienen¹.

Орава зубоскалов: Фотий, псевдомалахия, Иоганн Мост.

Тот, Кто зачал Сам Себя при посредничестве Святого Духа и Сам послал Себя Искупителем между Собой и другими, Кто взят был врагами Своими на поругание, и обнаженным бичеван, и пригвожден аки нетопырь к амбарной двери и умер от голода на кресте, Кто дал предать Его погребению, и восстал из гроба, и отомкнул ад, и вознесся на небеса где и восседает вот уже девятнадцать веков одесную

¹ Над чем ты смеешься, тому и послужишь (нем.).

Самого Себя но еще воротится в последний день судити живых и мертвых когда все живые будут уже мертвы.

Он воздевает руки. Завесы падают. О, цветы! Колокола, колокола, сплошной гул колоколов.

— Да, именно так,— отвечал квакер-библиотекарь.— Очень ценная и поучительная беседа. Я уверен, что у мистера Маллигана тоже имеется своя теория по поводу пьесы и по поводу Шекспира. Надо учитывать все стороны жизни.

Он улыбнулся, обращая свою улыбку поровну во все стороны.

Бык Маллиган с интересом задумался.

— Шекспир? — переспросил он.— Мне кажется, я где-то слышал это имя.

Быстрая улыбка солнечным лучиком скользнула по его рыхлым чертам.

— Ну, да! — радостно произнес он, припомнив.— Это ж тот малый, что валяет под Синга.

Мистер Супер обернулся к нему.

— Вас искал Хейнс,— сказал он.— Вы не видали его? Он собирался потом с вами встретиться в ДХК. А сейчас он направился к Гиллу купить «Любовные песни Коннахта» Хайда.

— Я шел через музей,— ответил Бык Маллиган.— А он тут был?

— Соотечественникам великого барда,— заметил Джон Эглинтон,— наверняка уже надоели наши замечательные теории. Как я слышал, некая актриса в Дублине вчера играла Гамлета в четыреста восьмой раз. Вайнинг утверждал, будто бы принц был женщиной. Интересно, еще никто не догадался сделать из него ирландца? Мне помнится, судья Бартон занимается разысканиями на эту тему. Он — я имею в виду его высочество, а не его светлость — клянется святым Патриком.

¹ Слава в вышних Богу (лат.).

— Но замечательнее всего — этот рассказ Уайльда, — сказал мистер Супер, поднимая свой замечательный блокнот. — «Портрет В. Х.», где он доказывает, что сонеты были написаны неким Вилли Хьюзом, мужем, в чьей власти все цвета.

— Вы хотите сказать, посвящены Вилли Хьюзу? — переспросил квакер-библиотекарь.

Или Хилли Вьюзу? Или самому себе, Вильяму Художнику. В. Х.: угадай, кто я?

— Да-да, конечно, посвящены, — признал мистер Супер, охотно внося поправку в свою ученую глоссу. — Понимаете, тут, конечно, сплошные парадоксы, Хьюз и hews, то есть, он режет, и hues, цвета, но это для него настолько типично, как он это все увязывает. Тут, понимаете, самая суть Уайльда. Воздушная легкость.

Его улыбчивый взгляд с воздушною легкостью скользнул по их лицам. Белокурый эфеб. Выхолощенная суть Уайльда.

До чего же ты остроумен. Пропустив пару стопочек на дукаты магистра Дизи.

Сколько же я истратил? Пустяк, несколько шиллингов. На ватагу газетчиков. Юмор трезвый и пьяный.

Остроумие. Ты отдал бы все пять видов ума, не исключая его, за горделивый юности наряд, в котором он, красуясь, выступает. Приметы утолненного желанья.

Их будет еще мно. Возьми ее для меня. В брачную пору. Юпитер, охлади их любовную горячку. Ага, поворкуй с ней.

Ева. Нагой пшеничнолонный грех. Змей обвивает ее своими кольцами, целует, его поцелуй — укус.

— Вы думаете, это всего только парадокс? — вопрошал квакер-библиотекарь. — Бывает, что насмешника не принимают всерьез, как раз когда он вполне серьезен.

Они с полной серьезностью обсуждали серьезность насмешника.

Бык Маллиган с застывшим выражением лица вдруг тяжело уставился на Стивена. Потом, мотая головой, подошел вплотную, вытащил из кармана сложенную телеграмму. Проворные губы принялись читать, вновь озаряясь восторженною улыбкой.

— Телеграмма! — воскликнул он. — Дивное вдохновение! Телеграмма! Папская булла!

Он уселся на краешек одного из столов без лампы и громко, весело прочитал:

— *Сентиментальным нужно назвать того, кто спосо-*

бен наслаждаться, не обременяя себя долгом ответственности за содеянное. Подпись: Дедал. Откуда ж ты это отбил? Из бардака? Да нет. Колледж Грин. Четыре золотых уже пропил? Тетушка грозитя поговорить с твоим убогосущным отцом. Телеграмма! Мэйлахи Маллигану, «Корабль», Нижняя Эбби-стрит. О, бесподобный комедиант! В попы подавшийся клинкианец!

Он бодро сунул телеграмму вместе с конвертом в карман и зачистил вдруг простонародным говорком:

— Вот я те и толкую, мил человек, сидим это мы там, я да Хейнс, преем да нюним, а тут те вдобавок эту несут. И этакая нас разбирает тоска по адскому пойлу, что, вот те крест, тут и монаха бы проняло, самого даже хилого на эти дела. А мы как бараны торчим у Коннери — час торчим, потом два часа, потом три, да все ждем, когда ж нам достанется хотя бы по пинте на душу.

Он причитал:

— И вот торчим мы там, мой сердешный, а ты в ус не дуешь да еще рассылаешь такие бумаженции что у нас языки отвисли наружу на целый локоть как у святых отцов с пересохшей глоткой кому без рюмашки хуже кондрашки.

Стивен расхохотался.

Бык Маллиган быстро наклонился к нему с предостерегающим жестом.

— Этот бродяга Синг тебя всюду ищет, чтобы убить, — сообщил он. — Ему рассказали, что это ты обоссал его дверь в Гластале. И вот он рыскает везде в поршнях, хочет тебя убить.

— Меня! — возопил Стивен. — Это был твой вклад в литературу.

Бык Маллиган откинулся назад, донельзя довольный, и смех его вознесся к темному, чутко внимавшему потолку.

— Ей-ей, прикончит! — заливался он.

Грубое лицо, напоминающее старинных чудищ, на меня ополчалось, когда сиживали за месивом из требухи на улице Сент-Андре-дезар. Слова из слов ради слов, palabras¹. Ойсин с Патриком. Как он повстречал фавна в Клармарском лесу, размахивающего бутылкой вина. C'est vendredi saint!². Мордует ирландский язык. Блуждая, повстречал он образ свой. А я — свой. Сейчас в лесу шута я встретил.

¹ Слова (исп.).

² Нынче Страстная пятница! (франц.)

— Мистер Листер,— позвал помощник, приоткрыв дверь.

— ...где всякий может отыскать то, что ему по вкусу. Так судья Мэдден в своих «Записках магистра Вильяма Сайленса» отыскал у него охотничью терминологию... Да-да, в чем дело?

— Там пришел один джентльмен, сэр,— сказал помощник, подходя ближе и протягивая визитную карточку.— Он из «Фримена» и хотел бы просмотреть подшивку «Килкенни пипл» за прошлый год.

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста. А что, этот джентльмен?..

Он взял деловитую карточку, глянул, не рассмотрел, отложил, не взглянув, посмотрел снова, спросил, скрипнул, спросил:

— А он..? А, вон там!

Стремительно в галльярде он двинулся прочь, наружу. В коридоре, при свете дня, заговорил он велеречиво, исполнен усердия и доброжелательства, с сознанием долга, услужливейший, добрейший, честнейший из всех сущих квакеров.

— Вот этот джентльмен? «Фрименс джорнэл»? «Килкенни пипл»? Всенепременно. Добрый день, сэр. «Килкенни...» Ну, конечно, имеется...

Терпеливый силуэт слушал и ждал.

— Все ведущие провинциальные... «Нозерн виг», «Корк икземинер», «Эннискорти гардиан». За тысяча девятьсот третий. Желаете посмотреть? Ивенс, проводите джентльмена... Пожалуйста за этим служи... Или позвольте, я сам... Сюда... Пожалуйста, сэр...

Услужливый и велеречивый, возглавлял шествие он ко всем провинциальным газетам, и темный пригнувшийся силуэт поспешал за его скорым шагом.

Дверь затворилась.

— Это тот пархатый! — воскликнул Бык Маллиган.

Резво вскочив, он подобрал карточку.

— Как там его? Ицка Мойше? Блум.

И тут же затараторил:

— Иегова, сборщик крайней плоти, больше не существует. Я этого встретил в музее, когда зашел туда поклониться пеннорожденной Афродите. Греческие уста, что никогда не изогнулись в молитве. Мы каждый день должны ей воздавать честь. «О, жизни жизнь, твои уста воспламеняют».

Неожиданно он обернулся к Стивену.

— Он знает тебя. И знает твоего старикана. Ого, я опасуюсь, что он погречистей самих греков. Глаза его, бледного галилеянина, были так и прикованы к ее нижней ложбинке. Венера Каллипига. О, гром сих чресл! «Фавн преследует дев, те же укрыться спешат».

— Мы бы хотели послушать дальше, — решил Джон Эглинтон с одобрения мистера Супера. — Нас заинтересовала миссис Ш. Раньше мы о ней думали (если когда-нибудь приходилось) как об этакой верной Гризельде, о Пенелопе у очага.

— Антисфен, ученик Горгия, — начал Стивен, — отнял пальму первенства в красоте у племенной матки Кюриоса Менелая, аргивянки Елены, у этой троянской кобылы, в которой квартировал целый полк героев, — и передал ее скромной Пенелопе. Он прожил в Лондоне двадцать лет, и были времена, когда он получал жалованья не меньше чем лорд-канцлер Ирландии. Жил он богато. Его искусство, которое Уитмен назвал искусством феодализма, скорее уж было искусством пресыщения. Паштет, зеленые кубки с хересом, соусы на меду, варенье из розовых лепестков, марципаны, голуби, начиненные крыжовником, засахаренные коренья. Когда явились арестовать сэра Уолтера Рэли, на нем был наряд в полмиллиона франков и, в том числе, корсет по последней моде. Ростовщица Элиза Тюдор роскошью своего белья могла бы поспорить с царицей Савской. Двадцать лет он порхал между супружеским ложем с его чистыми радостями и блудодейною любовью с ее порочными наслаждениями. Вы знаете эту историю Маннингема про то, как одна мещаночка, увидев Дика Бербежда в «Ричарде Третьем», позвала его погреться к себе в постель, а Шекспир подслушал и, не делая много шума из ничего, прямоком взял корову за рога. Тут Бербежд является, устраивает стук у врат, а Шекспир и отвечает ему из-под одеял мужа-рогоносца: *Вильгельм Завоеватель царствует прежде Ричарда Третьего*. И милая резвушка миссис Фиттон оседлай и воскликни: О! и его нежная птичка, леди Пенелопа Рич, и холеная светская дама годится актеру, и девки с набережной, пенни за раз.

Кур-ля-Рен. Encore vingt sous. Nous ferons de petites cochonneries. Minette? Tu veux?¹

¹ Добавь двадцать су. Устроим небольшой развратик. Хочешь, киска? (франц.)

— Сливки высшего света. И мамаша сэра Вильяма Дэвенанта из Оксфорда, у которой для каждого самца чарка винца.

Бык Маллиган, подняв глаза к небу, молитвенно возгласил:

— О, блаженная Маргарита Мария Ксамцускок!

— И дочь Генриха-шестиженца и прочие подруги из ближних поместий, коих воспел благородный поэт Лаун-Теннисон. Но как вы думаете, что делала все эти двадцать лет бедная Пенелопа в Стратфорде за ромбиками оконных переплетов?

Действуй, действуй. Содеянное. Вот он, сидящий шатен, прогуливается в розарии ботаника Джерарда на Феттер-лейн. Колокольчик, что голубей ее жилоч. Фиалка нежнее ресниц Юноны. Прогуливается. Всего одна жизнь нам дана. Одно тело. Действуй. Но только действуй. Невдалеке — грязь, пахучий дух похоти, руки лапают белизну.

Бык Маллиган с силою хлопнул по столу Джона Эглинтонна.

— Так вы на кого думаете? — спросил он с нажимом.

— Допустим, он — брошенный любовник в сонетах. Брошенный один раз, потом другой. Однако придворная вертихвостка его бросила ради лорда, ради его бесценная-моялюбовь.

Любовь, которая назвать себя не смеет.

— Вы хотите сказать, — вставил Джон бурбон Эглинтон, — что он, как истый англичанин, питал слабость к лордам.

У старых стен мелькают молнией юркие ящерицы. В Шарантоне я наблюдал за ними.

— Похоже, что так, — отвечал Стивен, — коль скоро он готов оказать и ему и всем другим и любому невспаханному одинокому лону ту святую услугу, какую конюх оказывает жеребцу. Быть может, он, совсем как Сократ, имел не только строптивую жену, но и мать-повитуху. Но та-то строптивная вертихвостка не нарушала супружеского обета. Две мысли терзают призрака: нарушенный обет и тупоголовый мужлан, ставший ее избранником, брат покойного супруга. У милой Энн, я уверен, была горячая кровь. Соблазнившая один раз соблазнит и в другой.

Стивен резко повернулся на стуле.

— Бремя доказательства не на мне, на вас, — произнес он, нахмурив брови. — Если вы отрицаете, что в пятой сцене «Гамлета» он заклеил ее бесчестьем, — тогда объясните мне, почему о ней нет ни единого упоминания за все

тридцать четыре года, с того дня, когда она вышла за него, и до того, когда она его схоронила. Всем этим женщинам довелось проводить в могилу своих мужчин: Мэри — своего благоверного Джона, Энн — бедного дорогого Вилли, когда тот вернулся к ней умирать, в ярости, что ему первому, Джоан — четырех братьев, Джудит — мужа и всех сыновей, Сьюзен — тоже мужа, а дочка Сьюзен, Элизабет, если выразиться словами бабушки, вышла за второго, убравши первого на тот свет. О да, упоминание есть. В те годы, когда он вел широкую жизнь в королевском Лондоне, ей, чтобы заплатить долг, пришлось занять сорок шиллингов у пастуха своего отца. Теперь объясните все это. А заодно объясните и ту лебединую песнь, в которой он представил ее потомкам.

Он обозрел их молчание.

На это Эглинтон:

Так вы о завещанье.

Юристы, кажется, его уж разъяснили.

Ей, как обычно, дали вдовью часть.

Все по законам. В них он был знаток,

Как говорят нам судьи.

А Сатана в ответ ему,

Насмешник:

И потому ни слова нет о ней

В наброске первом, но зато там есть

Подарки и для внучки, и для дочек,

И для сестры, и для друзей старинных

И в Стратфорде, и в Лондоне.

И потому, когда он все ж включил

(Сдается мне, отнюдь не добровольно)

Кой-что и ей, то он ей завещал

Свою, притом не лучшую,

Кровать

Punkt¹.

Завещал

Ейкровать

Второсорт

Второвать

Кровещал.

Тпру!

— В те времена у прелестных поселян бывало негусто

¹ Точка, пункт (нем.).

движимого имущества, — заметил Джон Эглинтон, — как, впрочем, и ныне, если верить нашим пьесам из сельской жизни.

— Он был богатым землевладельцем, — возразил Стивен. — Он имел собственный герб, земельные угодья в Стратфорде, дом в Ирландском подворье. Он был пайщиком в финансовых предприятиях, занимался податными делами, мог повлиять на проведение закона в парламенте. И почему он не оставил ей лучшую свою кровать, если он ей желал мирно прохрапеть остаток своих ночей?

— Были, наверное, две кровати, одна получше, а другая — так, второй сорт, — подал тонкую догадку мистер Второсорт Супер.

— *Separatio a mensa et a thalamo*¹, — суперсострил Бык Маллиган и повлек улыбку.

— У древних упоминаются знаменитые постели. Сейчас попробую вспомнить, — наморщил лоб Второсорт Эглинтон, улыбаясь постельно.

— У древних упоминается, — перебил его Стивен, — что Стагирит, школьник-шалопай и лысый мудрец язычников, умирая в изгнании, отпустил на волю и одарил своих рабов, воздал почести предкам и завещал, чтобы его схоронили подле останков его покойной жены. Друзей же он просил позаботиться о своей давней любовнице (вспомним тут новую Герпиллис, Нелл Гвинн) и позволить ей жить на его вилле.

— А вы тоже считаете, что он умер так? — спросил мистер Супер слегка озабоченно. — Я имею в виду...

— Он умер, упившись в стельку, — закрыл вопрос Бык Маллиган. — Кварта эля — королевское блюдо. Нет, вот я лучше расскажу вам, что изрек Доуден!

— А что? — спросил Суперэглинтон.

Вильям Шекспир и Ко, акционерное общество. Общеизвестный Вильям. Об условиях справляться: Э. Доуден, Хайфилд-хаус...

— Бесподобно! — вздохнул с восхищением Бык Маллиган. — Я у него спросил, что он думает насчет обвинения в педерастии, взводимого на поэта. А он воздел кверху руки и отвечает: *Мы можем единственно лишь сказать, что в те времена жизнь была ключом.* Бесподобно!

Извращенец.

— Чувство прекрасного совлекает нас с путей правед-

¹ Отлучение от стола и спальни (лат.).

ных, — сказал грустнопрекрасный Супер угловатому Углинтону.

А непреклонный Джон отвечал сурово:

— Смысл этих слов нам может разъяснить доктор. Невозможно, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Тако глаголеши? Неужели они будут оспаривать у нас, у меня пальму первенства в красоте?

— А также и чувство собственности, — заметил Стивен. — Шейлока он извлек из собственных необъятных карманов. Сын ростовщика и торговца солодом, он и сам был ростовщик и торговец зерном, попридержавший десять мер зерна во время голодных бунтов. Те самые личности разных исповеданий, о которых говорит Четтл Фальстаф и которые засвидетельствовали его безупречность в делах, — они все были, без сомнения, его должники. Он подал в суд на одного из своих собратьев-актеров за несколько мешков солода и взыскивал людского мяса фунт в проценты за всякую занятую деньгу. А как бы еще конюх и помощник суфлера — смотри у Обри — так быстро разбогател? Что бы ни делалось, он со всего имел свой навар. В Шейлоке слышны отзвуки той травли евреев, что разыгралась после того, как Лопеса, лекаря королевы, повесили и четвертовали, а его еврейское сердце, кстати, вырвали из груди, пока пархатый еще дышал; в «Гамлете» и «Макбете» — отзвуки восшествия на престол шотландского философа, любившего поджаривать ведьм. В «Бесплодных усилиях любви» он потешается над гибелью Великой Армады. Помпезные его хроники плывут на гребне восторгов в духе Мафекинга. Судят ли иезуитов из Уорикшира — тут же привратник поносит теорию двусмысленности. Вернулся ли «Отважный мореход» с Бермудских островов — пишется тут же пьеса, что восхитила Ренана, и в ней — Пэтси Калибан, наш американский кузен. Слащавые сонеты явились вслед за сонетами Сидни. А что до феи Элизабет, или же рыжей Бесс, разгульной девы, вдохновившей «Виндзорских проказниц», то уж пускай какой-нибудь герр из Неметчины всю жизнь раскапывает глубинные смыслы на дне корзины с грязным бельем.

Что ж, у тебя совсем недурно выходит. Вот только еще подпусти чего-нибудь теологофилологического. *Mingo, minxi, mictum, mingere*¹.

— Докажите, что он был еврей, — решил предложить

¹ Мочусь, мочился, обмоченный, мочиться (*лат.*).

Джон Эглинтон. — Вот ваш декан утверждает, будто он был католик.

*Sufflaminandus sum*¹.

— В Германии, — отвечал Стивен, — из него сделали образцового французского лакировщика итальянских скандальных басен.

— Несметноликий человек, — сметливо припомнил мистер Супер. — Кольридж его назвал несметноликим.

*Amplius. In societate humana hoc est maxime necessarium ut sit amicitia inter multos*².

— Святой Фома, — начал Стивен...

— *Ora pro nobis*³, — пробурчал Монах Маллиган, опускаясь в кресло.

И запричитал с жалобным подвыванием.

— *Rogue mahone! Acushla machree!*⁴ Теперь не иначе пропали мы! Как пить дать пропали!

Все внесли по улыбке.

— Святой Фома, — сказал, улыбаясь, Стивен, — чьи толстопузые тома мне столь приятно почитать в оригинале, трактует о кровосмесительстве с иной точки зрения нежели та новая венская школа, о которой говорил мистер Маги. В своей мудрой и своеобразной манере он сближает его со скупостью чувств. Имеется в виду, что, отдавая любовь близкому по крови, тем самым как бы скупаются наделить ею того, кто дальше, но кто, быть может, жаждет ее. Евреи, которым христиане приписывают скупость, больше всех наций привержены к единокровным бракам. Но обвинения эти — по злобе. Те же христианские законы, что дали евреям почву для накопления богатств (ведь им, как и лоллардам, убежищем служили бури), оковали стальными обручами круг их привязанностей. Грех это или добродетель — лишь старый Никтоотец откроет нам в Судный день. Но человек, который так держится за то, что он именуется своими правами на то, что он именуется себе причитающимся, — он будет цепко держаться и за то, что он именуется своими правами на ту, кого он именуется своей женой. И пусть никакой окрестный сэр смайл не пожелает вола его, или жены его, или раба, или рабыни его, или осла его.

— Или ослицы его, — возгласил антифонно Бык Маллиган.

¹ Надо унять меня (*лат.*).

² Далее. В человеческом обществе крайне необходимо, чтобы узы дружбы связывали многих (*лат.*).

³ Молись за нас (*лат.*).

⁴ Поцелуй меня в задницу! Биенье сердца моего! (*ирл.*).

— С нашим любезным Виллом сурово обошлись, — любезно заметил мистер Супер, сама любезность.

— С какой волей?¹ — мягко вмешался Бык Маллиган. — Мы рискуем запутаться.

— Воля к жизни, — пустился в философию Джон Эглинтон, — была волею к смерти для бедной Энн, вдовы Вилла.

— Requiescat!² — помолился Стивен.

Воли к действию уж нет

И в помине много лет...

— И все же она положена, охладелая, на эту, на второсортную кровать: поруганная царица, хотя б вы и доказали, что в те дни кровать была такой же редкостью, как ныне автомобиль, а резьба на ней вызывала восторги семи приходов. На склоне дней своих она сошлась с проповедниками (один из них останавливался в Нью-Плейс и получал квартиру хереса за счет города; однако не следует спрашивать, на какой кровати он спал) и прослышала, что у нее есть душа. Она прочла, или же ей прочли, книжицы из его котомки, предпочитая их «Проказницам», и, облегчаясь в ночной сосуд, размышляла о «Крючках и Петлях для Штанов Истинно Верующего» и о «Наидуховнейшей Табакерке, что Заставляет Чихать Наиблагочестивейшие Души». Венера изогнула свои уста в молитве. Жагала сраму: угрызения совести. Возраст, когда распутство, выдохшись, начинает себе отыскивать бога.

— История подтверждает это, — inquit Eglintonus Chronologos³. — Один возраст жизни сменяется другим. Однако мы знаем из высокоавторитетных источников, что худшие враги человека — его домашние и семья. Мне кажется, Рассел прав. Какое нам дело до его жены, до отца? Я бы сказал, что семейная жизнь существует только у поэтов семейного очага. Фальстаф не был человеком семейного очага. А для меня тучный рыцарь — венец всех его созданий.

Тощий, откинулся он назад. Робкий, отрекись от сородичей своих, жестоковыйных праведников. Робкий, в застолье с безбожниками он тщится избегать чаши. Так ему наказал родитель из Ольстера, из графства Антрим. Навещает его тут в библиотеке ежеквартально. Мистер Маги,

¹ Игра слов: воля, а также завещание по-английски — вилл (will).

² Покойся! (лат.)

³ Удостоверил Эглинтон Летописец (лат.).

сэр, вас там желает видеть какой-то господин. Меня? Он говорит, что он ваш отец, сэр. Подайте-ка мне Вордсворта. Входит Маги Мор Мэтью, в грубом сукне косматый керн, на нем штаны с гульфиком на пуговицах, чулки забрызганы грязью десяти лесов, и ветка яблони-дичка в руках.

А твой? Он знает твоего старикана. Вдовец.

Спеша из веселого Парижа в нищенскую лачугу к ее смертному ложу, на пристани я коснулся его руки. Голос, звучавший неожиданной теплотой. Ее лечит доктор Боб Кенни. Взгляд, что желает мне добра. Не зная меня, однако.

— Отец, — произнес Стивен, пытаюсь побороть безнадежность, — это неизбежное зло. Он написал знаменитую пьесу вскоре после смерти отца. Но если вы станете утверждать, что он, седеющий муж с двумя дочерьми на выданье, в возрасте тридцати пяти лет, *nel mezzo del cammin di nostra vita*¹, и добрых пятидесяти по своему опыту, — что он и есть безусый студиозус из Виттенберга, тогда вам придется утверждать, что его старая мать, уже лет семидесяти, это похотливая королева. Нет. Труп Джона Шекспира не скитается по ночам. Он с часу и на час гниет. Отец мирно почиет, сложивши бремя отцовства и передав сие мистическое состояние сыну. Каландрино, герой Боккаччо, был первым и последним мужчиной, кто чувствовал, будто бы у него ребенок. Мужчина не знает отцовства в смысле сознательного порождения. Это — состоянье мистическое, апостольское преемство от единорождающего к единородному. Именно на этой тайне, а вовсе не на мадонне, которую лукавый итальянский разум швырнул европейским толпам, стоит церковь, и стоит непоколебимо, ибо стоит, как сам мир, макро- и микрокосм, — на пустоте. На недостоверном, невероятном. Возможно, что *amog matris*², родительный субъекта и объекта, — единственно подлинное в мире. Возможно, что отцовство — одна юридическая фикция. Где у любого сына такой отец, что любой сын должен его любить и сам он любого сына?

Куда это тебя понесло, черт побери?

Знаю. Заткнись. Ступай к черту. На то у меня причины. *Amplius. Adhuc. Iterum. Postea*³.

Или ты обречен этим заниматься?

¹ Земную жизнь пройдя до половины (*итал.*).

² Любовь матери (*лат.*).

³ Далее. До сих пор. Опять. После (*лат.* Элементы рассуждения, в схоластической силлогистике).

— Телесный стыд разделяет их настолько прочной преградой, что мировые анналы преступности, испещренные всеми иными видами распутств и кровосмесительств, почти не сообщают о ее нарушениях. Сыновья с матерями, отцы с дочерьми, лесбиянки-сестры, любовь, которая назвать себя не смеет, племянники с бабушками, узники с замочными скважинами, королевы с быками-рекордистами. Сын, пока не родился, портит фигуру; рождаясь, приносит муки, потом разделение привязанности, прибавку хлопот. И он мужчина: его восход — это закат отца, его молодость — отцу на зависть, его друг — враг отца.

Я додумался до этого на рю Мсье-ле-Пренс.

— Что в природе их связывает? Миг слепой похоти.

А я отец? А если бы был?

Сморщенная неуверенная рука.

— Африканец Савеллий, хитрейший ересиарх из всех зверей полевых, утверждал, что Сам же Отец — Свой Собственный Сын. Бульдог Аквинский, которого ни один довод не мог поставить в тупик, опровергает его. Отлично: если отец, у которого нет сына, уже не отец, то может ли сын, у которого нет отца, быть сыном? Когда Ратлендбэ-консаутхемптоншекспир или другой какой-нибудь бард с тем же именем из этой комедии ошибок написал «Гамлета», он был не просто отцом своего сына, но, больше уже не будучи сыном, он был и он сознавал себя отцом всего своего рода, отцом собственного деда, отцом своего нерожденного внука, который, заметим в скобках, так никогда и не родился, ибо природа, как полагает мистер Маги, не терпит совершенства.

Глаза эглинтоньи, вмиг оживившись, искорку удовольствия метнули украдкой. Весел и радостен пуританина взгляд, хоть игл полн тон.

Польстить. Изредка. Но польстить.

— Сам себе отец, — пробормотал сам себе Сынмаллиган. — Пойдите-пойдите. Я забеременел. У меня нерожденное дитя в мозгу. Афина-Паллада! Пьеса! Пьеса, вот предмет! Дайте мне разрешиться.

Он стиснул свой чревооб акушерским жестом.

— Что до его семьи, — продолжал Стивен, — то имя матери его живет в Арденском лесу. Ее смертью навеяна у него сцена с Волумнией в «Кориолане». Смерть его сына-мальчика — это сцена смерти юного Артура в «Короле Иоанне». Гамлет, черный принц, это Гамлет Шекспир. Кто были девушки в «Буре», в «Перикле», в «Зимней сказке» —

мы уже знаем. Кто была Клеопатра, котел с мясом в земле Египетской, и кто Крессида, и кто Венера, мы можем догадываться. Но есть и еще один член его семейства, чей след — на его страницах.

— Интрига усложняется,— заметил Джон Эглинтон.

Библиоквакер-прыгун вернулся, припрыгивая на цыпочках, личина его подрагивает, суетливо подпрыгивает, поквакивает.

Дверь затворилась. Келья. Огни.

Они внимают. Трое. Они.

Я. Ты. Он. Они.

Начнемте ж, судари.

Стивен. У него было три брата, Гилберт, Эдмунд, Ричард. Гилберт рассказывал в старости неким благородным господам, как однажды случись Господин Кассир пожаловали ему вот не соврать дармовой билет и как видал он там в этом самом Лондоне свово брательника что сочиняет пьесы господина Виля в комеди со знатною потасовкой а у того здоровый детина сидел на закорках. Колбаса, что продавали в партере, преисполнила Гилбертову душу восторгом. Он сгинул бесследно — но некий Эдмунд и некий Ричард присутствуют в сочинениях любящего Вильяма.

Магиглинджон. Имена! Что значит имя?

Супер. Ричард, понимаете, это же мое имя. Я надеюсь, у вас найдется доброе словечко для Ричарда, понимаете, уж ради меня.

Смех.

Бык Маллиган (*piano, diminuendo*)

Тут промолвил медик Дик

Своему коллеге Дэви...

Стивен. В его троице черных Биллов, злокозненных смутьянов, Яго, Ричард-горбун и Эдмунд в «Короле Лире», двоим присвоены имена злых дядюшек. И кстати еще, эту последнюю пьесу он писал или собирался писать в то самое время, когда его брат Эдмунд умирал в Саутуорке.

Супер. Я надеюсь, что на орехи попадет Эдмунду. Я не хочу, чтобы Ричард, мой тезка...

Смех.

Квакерлистер (*a tempo*). Но тот, кто незапятнанное имя мое крадет...

Стивен (*stringendo*). Он запрятал свое имя, прекрасное имя, Вильям, в своих пьесах, дав его где статисту, где клоуну, как на картинах у старых итальянцев художник иногда пишет самого себя где-нибудь в неприметном уголку.

Но он выставил его напоказ в Сонетах, где Вильям преизобилует. Как для Джона о'Гонта, его имя дорого для него, столь же дорого, как щит и герб, ради которых он пресмыкался, на черном поясе золотое копьё с серебряным острием, *honorificabilitudinitatibus*¹, — и дороже, чем слава величайшего в стране потрясателя сцены². Что значит имя? Этот вопрос каждый задает себе в детстве, когда впервые пишет то имя, которое, как объясняют ему, есть «его имя». Звезда, сияющая и днем, огнедышащий дракон, поднялась в небесах при его рождении. Она одиноко сияла среди бела дня, ярче, чем Венера ночью, а по ночам светила над дельтой Кассиопеи, созвездия, что раскинулось среди звезд, изображая его инициал. Его взгляд останавливался на ней, стоящей низко над горизонтом, восточней медведицы, когда в полночный час он проходил летними дремлющими полями, возвращаясь из Шоттери и из ее объятий.

Они оба довольны. Я тоже.

Только не говори им, что ему было девять лет, когда она исчезла.

И из ее объятий.

Ждешь, пока тебя улестят и обольстят. Эх ты, тихоня. Кто тебя станет обольщать?

Читай в небесах. Ауонтиморуменос. Боус Стефаноуменос³. Где же твое созвездие? Стиви-Стиви, съел все сливы. S. D.: sua donna. Già: di lui. Gelindo risolve di non amare S. D.⁴

— Но что же это было, мистер Дедал? — спросил квакер-библиотекарь. — Какое-нибудь небесное явление?

— Ночью — звезда, — отвечал Стивен. — Днем же — облачный столп.

О чем еще сказать?

Стивен окинул взглядом свою шляпу, трость, башмаки.

Стефанос⁵, мой венец. Мой меч. А эти башмаки его только уродуют ноги. Надо купить пару. Носки дырявые. И носовой платок надо.

— Вы неплохо обыгрываете его имя, — признал Джон Эглинтон. — А ваше собственное довольно странно. Как

¹ Находящийся в положении осыпанного почестями (*лат.*).

² Shakespear(e) — потрясай копьём; shakescene — потрясай сцену (*англ.*)

³ Стивен — бычьа душа (*греч.*)

⁴ С. Д.: свою даму. Да-да: его. Охладевший решает не любить С. Д. (*итал.*).

⁵ Венок (*греч.*).

мне кажется, оно объясняет ваш эксцентрический склад ума.

Я, Маги и Маллиган.

Легендарный искусник. Человек-сокол. Ты летал. Куда же? Нью-хейвен — Дьеп, низшим классом. Париж и обратно. Зук. Икар. Pater, ait¹. Упал, барахтается в волнах, захлебывается. Зук, вот ты кто. Быть зуйком.

Мистер Супер в тихом воодушевлении поднял блокнот:

— Это очень интересно, потому что мотив брата, понимаете, встречается и в древнеирландских мифах. Как раз то, о чем вы говорите. Трое братьев Шекспиров. И то же самое у Гриммов, понимаете, в сказках. Там всегда третий брат — настоящий супер-герой, он женится на спящей принцессе, и все такое.

Супер из супер-братьев. Хороший, получше, супер.

Библиоквакер припрыгал и стал подле.

— Мне бы хотелось полюбопытствовать, — начал он, — о ком это вы из братьев... Как я понял, вы намекаете, что были предосудительные отношения с одним из братьев... Или, может быть, это я забегая вперед?

Он поймал себя с поличным — поглядел на всех — смолк.

Помощник позвал с порога:

— Мистер Листер! Отец Дайнин просит...

— Ах, отец Дайнин! Сейчас-сейчас!

Быстрым шагом час-час с бодрым скрипом час-час он час-час удалился.

Джон Эглинтон стал в позицию.

— Ну что ж, — произнес он. — Посмотрим, что у вас найдется сказать про Ричарда и Эдмунда. Вероятно, вы их приберегли напоследок?

— Ожидать, чтобы вы запомнили двух благородных родичей, дядюшку Ричи и дядюшку Эдмунда, — парировал Стивен, — как видно, значит ожидать слишком многого. Братьев забывают так же легко как зонтики.

Зук.

Где брат твой? У аптекаря. Мой оселок. Он, потом Крэдли, потом Маллиган — а теперь эти. Речи, речи. Но действуй же. Действуй речью. Они насмешничают, проверяя тебя. Действуй. Отвечай на действия.

Зук.

Я устал от собственного голоса, голоса Исава. Полцарства за глоток.

¹ Отец, говорят (лат.).

Вперед.

— Вы скажете, что это просто имена из тех хроник, откуда он брал себе материал для пьес. А почему тогда он выбрал эти, а не другие? Ричард, горбатый злодей, бастард, приударяет за овдовевшей Энн (что значит имя?), улещает и обольщает ее, злодей — веселую вдову. Ричард-завоеватель, третий брат, царствует после Вильяма-побежденного. И все остальные четыре акта драмы не то что зависят, а прямо-таки висят на этом первом. Ричард — единственный из всех королей, кого Шекспир не ограждает почтенья долгом, суетным как мир. Почему побочный сюжет в «Короле Лире», где действует Эдмунд, утащен из «Аркадии» Сидни и пристегнут к кельтской легенде доисторической древности?

— Уж так делал Вилл, — вступился Джон Эглинтон. — Это не значит, что мы сегодня должны склеивать скандинавскую сагу с обрывком романа Мередита. *Que voulez-vous?* — как сказал бы Мур. У него и Богемия находится на берегу моря, а Одиссей цитирует Аристотеля.

— Почему? — продолжал Стивен, сам отвечая себе. — Потому что тема брата-обманщика, брата-захватчика, брата-прелюбодея или же брата, в котором все это сразу, была тем для Шекспира, чем нищие не были: тем, что всегда с собой. Мотив изгнания, изгнания из сердца, изгнания из дома, звучит непрерывно, начиная с «Двух веронцев» и до того момента, когда Просперо ломает жезл свой, зарывает в землю и топит книги в глубине морской. Этот мотив раздваивается в середине его жизни, продолжается в другом, повторяется, протасис, эпитасис, катастасис, катастрофа. Он повторяется вновь, когда герой уже на краю могилы, а его замужня дочь Сьюзен, вся в папочку, обвиняется в прелюбодействе. Однако он-то и был тот первородный грех, что затемнил его понятия, расслабил волю и вселил в него упорную тягу ко злу. Таковы точные слова господ епископов Манутских. Первородный грех, и как первородный грех содеян он был другим, грехами которого он также грешил. Он кроется между строками последних слов, им написанных, он застыл на его надгробии, под которым не суждено было покоиться останкам его жены. Время над ним не властно. Красота и безмятежность не вытеснили его. В тысячах видов он рассеян повсюду в мире, созданном им, в «Много шума из ничего», дважды — в «Как вам это понравится», в «Буре», в «Гамлете», в «Мере за меру» — и во всех прочих пьесах, коих я не читал.

Он рассмеялся, чтобы ум его сбросил оковы его ума.

— Истина посредине,— подытожил судья Эглинтон.— Он призрак и он принц. Он — все во всем.

— Именно так,— подтвердил Стивен.— Мальчишка из первого акта — это зрелый муж из акта пятого. Все во всем. В «Цимбелине», в «Отелло» он сводник и рогоносец. Он действует и отвечает на действия. Влюбленный в идеал или в извращенье, он, как Хозе, убивает настоящую Кармен. Его неумолимый рассудок — это Яго, одержимый рогобоязнью и жаждущий, чтобы мавр в нем страдал, не зная покоя.

— Р-рога! Р-рога! — Рык Маллиган прорычал похабно.— Опасный звук! Приводит он мужей в испуг!

Темный купол уловил и откликнулся.

— Да, Яго! Что за характер! — воскликнул неиспугавшийся Джон Эглинтон.— Когда все уже сказано, остается лишь согласиться с Дюма-сыном. (Или с Дюма-отцом?) После Господа Бога больше всех создал Шекспир.

— Мужчины не занимают его, и женщины тоже,— молвил Стивен.— Всю жизнь свою проведя в отсутствии, он возвращается на тот клочок земли, где был рожден и где оставался всегда, и в юные и в зрелые годы, немой свидетель. Здесь его жизненное странствие кончено, и он сажает в землю тутовое дерево. Потом умирает. Действие окончено. Могильщики зарывают Гамлета-отца и Гамлета-сына. Он наконец-то король и принц: в смерти, с подобающей музыкой. И оплакиваемый — хотя сперва ими же убитый и преданный — всеми нежными и чувствительными сердцами, ибо будь то у дублинских или датских жен, жалость к усопшим — единственный супруг, с которым они не пожелают развода. Если вам нравится эпилог, всмотритесь в него подольше: процветающий Просперо — вознагражденная добродетель, Лиззи — дедушкина крошка-резвушка и дядюшка Ричи — порок, сосланный поэтическим правосудием в места, уготованные для плохих негров. Большой занавес. Во внешнем мире он нашел воплощенным то, что жило как возможность в его внутреннем мире. Метерлинк говорит: *Если сегодня Сократ выйдет из дому, он обнаружит мудреца, сидящего у своих дверей. Если нынче Иуда пустится в путь, этот путь его приведет к Иуде.* Каждая жизнь — множество дней, чередой один за другим. Мы бредем сквозь самих себя, встречая разбойников, призраков, великанов, стариков, юношей, жен, вдов, братьев по духу, но всякий раз встречая самих себя. Тот драматург, что

написал фолио мира сего, и написал его скверно (сначала Он дал нам свет, а солнце — два дня спустя), властелин всего сущего, кого истые римляне из католиков зовут *dio boia*, бог-палач, вне всякого сомнения, есть все во всем в каждом из нас, он конюх и он мясник, и он был бы также сводником и рогоносцем, если б не помешало то, что в устройтельстве небесном, как предсказал Гамлет, нет больше браков и человек во славе, ангел-андрогин, есть сам в себе и жена.

— Эврика! — возопил Бык Маллиган. — Эврика!

Вдруг счастливо просияв, он вскочил и единым махом очутился у стола Эглинтон.

— Вы позволите? — спросил он. — Господь возговорил к Малахии.

Он принялся что-то кропать на библиотечном бланке.

Будешь уходить — захвати бланков со стойки.

— Кто уже в браке, — возвестил мистер Супер, сладостный герольд, — пусть так и живут, все, кроме одного. Остальные пускай по-прежнему воздерживаются.

В браке отнюдь не состоя, он засмеялся, глядя на Эглинтон Иоанна, искусств бакалавра¹, холостяка.

Не имея ни жены, ни интрижки, повсюду опасаясь сетей, оба еженощно смакуют «Укрощение строптивой» с вариантами и комментариями.

— Вы устроили надувательство, — без околичностей заявил Джон Эглинтон Стивену. — Вы нас заставили проделать весь этот путь, чтобы в конце показать банальнейший треугольник. Вы сами-то верите в собственную теорию?

— Нет, — отвечал Стивен незамедлительно.

— А вы не запишете все это? — спросил мистер Супер. — Вам нужно из этого сделать диалог, понимаете, как те платонические диалоги, что сочинял Уайльд.

Джон Эклектикон улыбнулся сугубо.

— В таком случае, — сказал он, — я не вижу, почему вы должны ожидать какой-то платы за это, коль скоро вы сами в это не верите. Доуден верит, что в «Гамлете» имеется какая-то тайна, но больше ничего говорить не желает. Герр Бляйбтрой, тот господин, с которым Пайпер встречался в Берлине, развивает версию насчет Ратленда и думает, что секрет таится в стратфордском памятнике. Пайпер говорил, будто бы он собирается нанести визит нынешнему герцогу и доказать ему, что пьесы были написаны его предком. Это

¹ Bachelor — бакалавр; холостяк (англ.)

будет такой сюрприз для его сиятельства. Однако он верит в свою теорию.

Верую, Господи, помоги моему неверию. То есть, помоги мне верить или помоги мне не верить? Кто помогает верить? Егомен¹. А кто — не верить? Другой малый.

— Вы единственный из всех авторов «Даны», кто требует звонкой монеты. И я не уверен насчет ближайшего номера. Фред Райен хочет, чтобы ему оставили место для статьи по экономике.

Фредрайн. Две звонких монеты он мне ссудил. Чтоб ты снялся с мели. Экономика.

— За одну гинею, — сказал Стивен, — вы можете опубликовать эту беседу.

Бык Маллиган перестал, посмеиваясь, кропать и, посмеиваясь, поднялся. Чинным голосом, с медоточивым коварством он известил:

— Нанеся визит барду Клинку в его летней резиденции на верхней Мекленбург-стрит, я обнаружил его погруженным в изучение «Summa contra Gentiles»², в обществе двух гонорейных леди, Нелли-Свеженькой и Розали, шлюхи с угольной пристани.

Он оборвал себя.

— Пошли, Клинк. Пошли, скиталец Энгус с птицами. Пошли, Клинк. Ты уже все доел после нас. О, я, разумеется, позабочусь о требухе и объедках для тебя.

Стивен поднялся.

Жизнь — множество дней. Этот кончится.

— Мы вас увидим вечером, — сказал Джон Эглинтон. — Notre ami³ Мур надеется, что Мэйлахи Маллиган будет там.

Бык Маллиган раскланялся панамой и бланком.

— Мсье Мур, — сказал он, — просвещающий ирландскую молодежь по французской части. Я там буду. Пошли. Клинк, бардам надлежит выпить. Ты можешь ступать прямо?

Посмеивающийся...

Накачиваться до одиннадцати. Вечернее развлечение ирландцев.

Паяц...

Стивен двигался за паяцем...

Однажды была у нас дискуссия в национальной библио-

¹ Само я (лат.).

² Сумма против язычников (лат.).

³ Наш друг (франц.).

теке. Шекс. Потом. Идет спина пая: за ней шагаю я. Наступаю ему на пятки.

Стивен, попрощавшись, как в воду опущенный, двигался за паяцем, шутом, ладнопричесанным, свежесбрившимся, из сводчатой кельи на свет дневной, грохочущий и бездумный.

Что ж я постиг? О них? О себе?

Теперь гуляй как Хейнс.

Зал для постоянных читателей. В книге посетителей Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл кудрявым росчерком завершает свои полисиллабусы. Вопрос: был ли Гамлет безумцем? Лысина квакера с аббатиком в беседе елейнокнижной:

— О, конечно, извольте, сэр... Я буду просто счастлив...

С гримасой игривой Бык Маллиган базарил бездельно с самим собой, себе ж благосклонно кивая:

— Довольная задница.

Турникет.

Неужели..? Шляпка с голубой лентой..? Написано не спеша..? Что?.. Посмотрела..?

Закругление балюстрады: тихоструйный Минций.

Пак Маллиган, панамоносец, перескакивал со ступеньки на ступеньку, ямбами путь уснащая:

Джон Эглинтон, душка Джон,
Почему без женки он?

Потом вдруг разразился тирадой:

— Ох, уж этот китаец без подбородка! Чин Чон Эг Лин Тон. Мы с Хейнсом зашли как-то в этот их театришко, в зале слесарей. Как раньше греки, как М. Метерлинк, наши актеры творят новое искусство для Европы. Театр Аббатства! Мне так и чуялся пот монашских причинных мест.

Он смачно сплюнул.

Забыл: что он никоим образом не забыл как его выпорол этот паршивый Люси. И еще: он бросил *la femme de trente ans*¹. И почему не было других детей? И первенцем была девочка?

Задним умом. Беги, возвращайся.

Суровый затворник все еще там (имеет свой кусок пирога) и сладостный юнец, миньончик, федоновы шелковистые кудри приятно гладить.

¹ Женщина тридцати лет (франц.).

Э-э... Я тут вот... хотел... забыл сказать... э-э...
— Лонгворт и Маккерди Аткинсон там тоже были...
Пак Маллиган, легко приплясывая, стрекотал:

Заслышу ль ругань в переулке
Иль встречу шлюху на прогулке,
Как сразу мысль на этом фоне
Об Ф. Маккерди Аткинсоне,
Что с деревянною ногой,
С ним тут же рядышком другой,
Чья вкус винца не знает глотка,—
Маги, лишенный подбородка.
У них жениться духу нет,
И онанизм — весь их секрет.

Фиглярствуй дальше. Познай сам себя. Остановился
ниже меня, насмешливо мерит взглядом. Я останавливаюсь.

— Шут ты кладбищенский,— посетовал Бык Маллиган.— Синг уже перестал ходить в черном, чтоб быть как люди. Черны только вороны, попы и английский уголь.

Прерывистый смешок слетел с его уст.

— Лонгворт чуть ли не окочурился,— сообщил он,— из-за того, что ты написал про эту старую крысу Грегори. Ах ты, надравшийся жидоиезуит из инквизиции! Она тебя пристраивает в газету, а ты в благодарность разносишь ее писульки к этакой матери. Разве нельзя было в стиле Йейтса?

Он продолжал спускаться, выделывая свои ужимки и плавно балансируя руками:

— Прекраснейшая из книг, что появились у нас в стране на моем веку. Невольно вспоминаешь Гомера.

Он остановился у подножия лестницы.

— У меня зародилась пьеса! Бесовское измышление! — объявил он торжественно.

Зал с мавританскими колоннами, скрещивающиеся тени. Окончен мавританский танец девятерых в шляпах индексов.

Мелодичным голосом, с гибкими интонациями, Бык Маллиган принялся зачитывать свою скрижаль:

*Каждый сам себе жена,
или
Медовый месяц в руке
(национальное аморалите в трех оргазмах)
сочинение
Мудака Маллигана*

Он обратился к Стивену ликующее мурло:

— Я опасюсь, что маскировка слишком прозрачна. Но слушай же.

Он продолжал читать, *marcato*:

— Действующие лица:

ТОБИ ДРОЧИНЬСКИЙ (задроченный полячок)

МАНДАВОШ (лесной разбойник)

МЕДИК ДИК

и (двое за одного)

МЕДИК ДЭВИ

МАТУШКА ГРОГАН (водородица)

НЕЛЛИ-СВЕЖЕНЬКАЯ

и

РОЗАЛИ (шлюха с угольной пристани).

Он шел впереди Стивена, похохатывая, болтая головой туда и сюда — и весело обращался к теням, душам людей:

— О, та ночь в Кэмден-холл, когда дочери Эрина должны были поднимать юбки, чтобы переступить через тебя, лежащего в своей винноцветной, разноцветной и изобильной блевотине!

— Невиннейший из сыновей Эрина, — откликнулся Стивен, — ради которого когда-либо юбки поднимались.

Почти у самого выхода, ощутив чье-то присутствие сзади, он посторонился.

Расстаться. Подходящий момент. Ну, а куда? Если сегодня Сократ выйдет из дому, если нынче Иуда пустится в путь. Какая разница? Предрешенное пространство ожидает меня в предрешенное время — неотменимо.

Моя воля — и его воля, лицом к лицу. Между ними бездна.

Человек прошел между ними, вежливо кланяясь.

— Еще раз здравствуйте, — отвечал Бык Маллиган.

Портик.

Здесь я следил за птицами, гадая по их полету. Энгус с птицами. Они улетают, прилетают. Этой ночью и я летал. Летал с легкостью. Люди дивились. А потом квартал девок. Он мне протягивал нежную как сливки дыню. Входи. Ты увидишь.

— Странствующий жид, — прошептал Бык Маллиган в комическом ужасе. — Ты не заметил его глаза? Он на тебя смотрел с вожделием. Страшусь тебя, о старый мореход. Клинк, ты на краю гибели. Обзаводись поясом целому-дря.

Оксенфордские нравы.

День. Тачка солнца над дугой моста.

Темная спина двигалась впереди. Шаги леопарда, спустился, проходит воротами, под остриями решетки.

Они шли следом.

Продолжай оскорблять меня. Говори.

Приветливый воздух подчеркивал выступы стен на Килдер-стрит. Ни одной птицы. Из труб над домами подымались два хрупких пера, раскидывались оперением и подвешивались мягкой таяли.

Прекрати сражаться. Мир цимбелиновых друидов, мистериальный: просторная земля — алтарь.

Хвала богам! Пусть дым от алтарей
Несется к небу!

Начальник дома, высокопреподобный Джон Конми, О. И., сойдя по ступенькам своего крыльца, опустил плоские часы обратно во внутренний карман. Без пяти три. Прекрасное время для прогулки в Артейн. Значит, как фамилия мальчика? Дигнам. Да. Vere dignum et iustum est¹. С этим следовало к брату Свону. Письмо мистера Каннингема. Да. Оказать ему эту услугу, если можно. Добрый католик, соблюдает обряды, помогает в сборах на церковь.

Одноногий матрос, продвигаясь вперед ленивыми бросками своих костылей, прорычал какие-то звуки. Возле монастыря сестер милосердия он оборвал броски и протянул фуражку за подаванием к высокопреподобному Джону Конми, О. И. Отец Конми благословил его под щедрыми лучами солнца, памятуя, что в кошельке у него только серебряная крона.

Отец Конми свернул к Маунтджой-сквер. Мысли его ненадолго задержались на солдатах и матросах, которые лишились конечностей под пушечными ядрами и доживают остаток дней в нищенских приютах, а также на словах кардинала Уолси: *Если бы я служил Богу своему, как я служил своему королю, Он бы не покинул меня в дни старости.* Он шел под деревьями, в тени играющей зайчиками листвы, навстречу же ему приближалась супруга мистера Дэвида Шихи, Ч. П.

— Благодарю вас, просто прекрасно. А вы, святой отец?

¹ Достоинно и праведно есть (лат., слова из мессы).

Отец Конми себя чувствовал поистине превосходно. Он собирался в Бакстон на воды. А как ее сыновья, у них все хорошо в Бельведере? Правда? Отец Конми был поистине очень рад это слышать. А как сам мистер Шихи? Еще в Лондоне. Ну да, конечно, парламент ведь еще заседает. Какая прекрасная погода, право, на редкость. Да, это весьма возможно, что отец Бернард Вохен возобновит свои проповеди. О да: огромный успех. Поистине необыкновенный человек.

Отец Конми был очень рад повидать супругу мистера Дэвида Шихи, Ч. П., и рад, что она так хорошо выглядит. Он попросил передать его наилучшие пожелания мистеру Дэвиду Шихи, Ч. П. Да, он непременно их навестит.

— Всего доброго, миссис Шихи.

Отец Конми приподнял свою шелковую шляпу в прощальном приветствии стеклярусу ее мантильи, чернильно поблескивающему на солнце. И вновь улыбнулся, уходя. Он знал, что его зубы почищены пастой с пальмовым маслом.

Отец Конми шел и на ходу улыбался, вспоминая чудачковатые глаза отца Бернарда Вохена и его сочные лондонские словечки.

— Пилат! Да что ж ты не разогнал весь этот сброд в шею?

Но в рвении ему не откажешь. Никоим образом. И, несомненно, приносил много пользы, на свой манер. Этого тоже не отнять. Он говорил, что любит Ирландию и любит ирландцев. Кстати, ведь из хорошей семьи, кто бы подумал? Кажется, из Уэльса.

О, берегитесь, чтоб не забыть. Письмо к отцу-провинциалу.

Отец Конми остановил трех малышей-школьников на углу Маунтджой-сквер. Да: они были из Бельведера. Из пригостительного, ага. И хорошо себя ведут в школе? О-о. Ну, тогда очень хорошо. А как тебя зовут? Джек Сохен. А тебя? Джер. Галлахер. А этого молодого человека? Его звали Бранни Лайнем. Ну, как приятно носить такое красивое имя.

Отец Конми, достав письмо из внутреннего кармана, вручил его юному Бранни Лайнему и указал на красный столбик-ящик на углу Фицгиббон-стрит.

— Смотри, только сам не проскочи в ящик, малыш, — пошутил он.

Мальчуганы, шестиглазая на отца Конми, засмеялись:

— О, сэр!

— Ну-с, покажи, как ты умеешь опускать письма, — сказал отец Конми.

Юный Бранни Лайнем перебежал через дорогу и сунул письмо отца Конми к отцу провинциалу в щель ярко-красного почтового ящика. Отец Конми улыбнулся, кивнул, опять улыбнулся и зашагал по восточной стороне Маунт-джой-сквер.

Мистер Дэнис Дж. Маджинни, учитель танцев и пр., в цилиндре, в серо-голубом сюртуке с шелковыми лацканами, в белом галстуке, в узких сиреневых брюках, канареечных перчатках и лаковых остроносых штиблетах, выступая с внушительною осанкою, наипочтительнейше свернул на обочину, обгоняя леди Максвелл на углу Дигнамс-корт.

А это не миссис Макгиннесс?

Миссис Макгиннесс, статная, седовласая, поклонилась отцу Конми с соседнего тротуара, по которому она величаво проплывала. Отец Конми улыбнулся и отдал поклон. Как она поживает?

Какая великолепная манера. Есть нечто в ней, прямо как у Марии Стюарт. И только подумать — процентщица. Ну и ну! С такой... как бы это сказать?.. с такой царственной миной.

Отец Конми следовал по Грейт-Чарльз-стрит, поглядывая налево на закрытую протестантскую церковь. Преподобный Т. Р. Грин, бакалавр искусств, будет (D. V.¹) читать проповедь. Он у них называется бенефициарием. Полатыни, благодетель. Решил их облагодетельствовать проповедью. Но будем, однако, снисходительны. Непреодолимое неведение. Поступают по своему просвещению.

Отец Конми повернул за угол и зашагал по Северной окружной. Удивительно, что нет трамвайной линии на такой важной магистрали. Бесспорно, тут должна быть.

С Ричмонд-стрит высыпали гурьбой школьники с ранцами за спиной и все как один приподняли измятые фуражки. Отец Конми несколько раз благосклонно покивал им. Из школы христианских братьев.

С правой стороны до отца Конми донесся запах ладана. Церковь Святого Иосифа, Портленд-роу. Для престарелых и добродетельных особ женского пола. Отец Конми обнажил голову пред совершающимся Святым Таинством. Да, добродетельны — но иногда просто невыносимы.

¹ Deo Volente — волею Божией (лат.).

Проходя мимо особняка Олдборо, отец Конми подумал про этого расточительного аристократа. А теперь тут какая-то контора или нечто подобное.

Отец Конми вышел на Северную Стрэнд-роуд, где его приветствовал мистер Вильям Галлахер, стоявший в дверях своей лавки. Отец Конми приветствовал мистера Вильяма Галлахера и ощутил запахи, исходившие от пластов бекона и объемистых кубов масла. Он миновал табачную торговлю Грогана, опершись на которую газетные щиты сообщали об ужасной катастрофе в Нью-Йорке. В Америке то и дело подобные происшествия. Какое несчастье для людей вот так умереть, без приурочивания. Хотя еще остается акт совершенного сокрушения.

Отец Конми прошел мимо трактира Дэниэла Бергина, возле окон которого прислонились к стене двое праздных мужчин. Они поклонились ему и получили ответный поклон.

Отец Конми миновал похоронное заведение Г. Дж. О'Нила, где Корни Келлахер, жуя сухую травинку, подбивал сумму в своем гроссбухе. Констебль, делавший обход, приветствовал отца Конми, и отец Конми приветствовал констебля. В витрине Юкстеттера, торговца свининой, отец Конми окинул взглядом свиные колбасы, белые, черные и красные, свернутые аккуратными кольцами.

Под деревьями Чарлвилл-мэлл отец Конми увидел причаленную торфяную баржу, свесившую голову лошадь в лямках и лодочника в грязной соломенной шляпе, который сидел на барже, покуривая и глядя на ветку тополя над головой. Картина была идиллической — и отец Конми задумался о мудром провидении Творца, создавшего торф в болотах, дабы люди могли его извлекать оттуда и привозить в город и делать из него топливо, согревающее дома бедняков.

На мосту Ньюкомен высокопреподобный Джон Конми, О. И., из церкви святого Франциска Ксаверия, что на Верхней Гардинер-стрит, сел в трамвай, идущий от центра.

С трамвая, идущего к центру, на мост Ньюкомен сошел преподобный Николас Дадли, викарий церкви святой Агаты, что на Северной Вильям-стрит.

На мосту Ньюкомен отец Конми сел в трамвай, идущий от центра, поскольку он не любил ходить пешком по грязной дороге мимо Мад-айленд.

Отец Конми уселся в углу вагона, аккуратно засунув синий билетик в глазок одной из своих толстых лайковых перчаток, а четыре шиллинга, шестипенсовик и пять моне-

ток по пенни скользнули в его кошелек с ладони, обтянутой другою толстою лайковою перчаткою. Проезжая мимо церкви, увитой плющом, он размышлял о том, что контролер непременно является тогда, когда по беспечности выбросишь свой билет. Торжественный вид пассажиров казался отцу Конми излишним для такой краткой и дешевой поездки. Отец Конми любил непринужденную обстановку.

День был безмятежным. Джентльмен в очках, сидевший напротив отца Конми, перестал что-то объяснять и опустил взгляд. Жена его, подумал отец Конми. Едва заметный зевочек чуть-чуть приоткрыл рот жены джентльмена в очках. Она подняла маленький кулачок в перчатке, зевнула опять столь же деликатно, похлопывая себя по губам своим маленьким кулачком, и улыбнулась чуть-чуть, мягко-мягко.

Запах ее духов привлек внимание отца Конми. Его внимание также привлекло, что неуклюжий мужчина по другую сторону от нее сидит на самом краешке своего сиденья.

Отец Конми, стоя на амвоне, не без труда вложил гостию в рот неуклюжего старика с трясущейся головой.

Трамвай остановился на мосту Энсли и уже трогался снова, когда какая-то старушка неожиданно поднялась к выходу. Кондуктор дернул за веревку звонка, чтобы остановить трамвай для нее. Она вышла с корзинкой и с рыночной плетенкой. Отец Конми видел, как кондуктор помогал ей сойти с этою корзинкою и плетенкой, — и, зная, что она чуть не проехала дальше, чем полагалось за пенни, отец Конми подумал, что она была одной из тех добрых душ, которым всегда надо повторять по два раза, *благословляю тебя, дитя мое*, что грехи им отпущены, *молись за меня*. Но ведь у них столько тревог в жизни, столько забот, бедные создания.

С афишных щитов мистер Юджин Стрэттон ухмылялся отцу Конми толстыми негритянскими губами.

Отец Конми подумал о душах всех чернокожих, темнокожих и желтокожих людей, о своей проповеди на тему о святом Петре Клавере, О. И. и африканской миссии, о распространении истинной веры и о миллионах черных, коричневых и желтых душ, что не успели принять крещения водой, когда их смертный час подкрался яко тать в нощи. Как полагал отец Конми, в той книге бельгийского иезуита,

«Le nombre des élus»¹, отстаивалась разумная точка зрения. Ведь все миллионы человеческих душ, что не были (D. V.) обращены в истинную веру, были, тем не менее, души, которые сотворил Господь по Своему образу и подобию. Все это были Божьи души, сотворенные Богом. И отцу Конми казалось жаль, что все они должны быть потеряны, как пустые отходы, если так можно выразиться.

На остановке Хоут-роуд отец Конми высадился и, в ответ на прощальный поклон кондуктора, также поклонился ему.

Малахайд-роуд была безлюдна. Отцу Конми нравились и эта улица и ее название. Веселый звон колоколов над Малахайд плывет. Лорд Толбот де Малахайд — по прямой линии наследный лорд-адмирал Малахайда и прилежащих морей. Свадебные колокола, и тут же — набат, к оружию, и она оказывается девицей, супругою и вдовой в один день. То были стародавние дни, пора беззаботных городков, не знавших крамолы, давняя баронская старина.

Отец Конми, продолжая путь, подумал о своей небольшой книжке «Баронская старина» и о той книге, которую можно было бы написать о домах иезуитов и о Мэри Рочфорт, дочери лорда Моулсворта, первой графине Бельведер.

Печальная женщина, немолодая уже, одиноко бродила по берегам озера Эннел, Мэри, первая графиня Бельведер, печально бродившая вечерами, и всплеск выдры, нырнувшей в воду, не вызывал у нее ни удивления, ни испуга. Кто мог знать правду? Не лорд Бельведер, снедаемый ревностью, и не ее исповедник, если только она не совершала прелюбодеяния до конца, до *ejaculatio seminis inter vas naturale mulieris*², с братом своего мужа? Она бы исповедалась лишь наполовину, если бы согрешила не до конца, женщины поступают так. И знали бы только Бог, и она, и он, брат ее мужа.

Отец Конми думал о неумолимом плотском влечении, без которого не может, однако, продлиться род людской на земле, и о путях Божиих, которые не суть пути наши.

Дон Джон Конми, продолжая идти, перенесся во времена оны. Он был там почитаем и добр. Он хранил в своей памяти исповедальные тайны и улыбался улыбающимся благородным лицам в гостиных с навощенным паркетом,

¹ «Число избранных» (франц.).

² Извержение семени в сосуд женского естества (лат.).

с пышными гроздьями плодов по потолку. И руки жениха и невесты, благородного и благородной, соединял ладонями дон Джон Конми.

Стоял чудный день.

Сквозь калитку на поле отцу Конми показались гряды капусты, кочаны кланялись ему, широко разводя нижние листья. Небо показало ему стадо небольших белых облачков, медленно плывущих по ветру. Moutonner¹, говорят французы. Меткое слово и такое уютное.

Отец Конми, читая молитвенное правило, следил за барашками облаков над Рэткоффи. Поля Клонгоуза покалывали своей стерней его лодыжки в тонких носках. По вечерам он гулял там, творя молитвы, и слушал возгласы мальчиков, занятых своими играми, юные возгласы в тихом вечернем воздухе. Он был у них ректором — и правил над ними с кротостью.

Отец Конми снял перчатки и вынул свой молитвенник с красными уголками. Закладка слоновой кости указывала страницу.

Час девятый. Это надо было прочесть еще до обеда. Но пришла леди Максвелл.

Отец Конми прочитал мысленно Отче наш и Аве Мария и перекрестился. Deus in adiutorium².

Он шел в спокойствии, неслышно читая службу девятого часа, шагал и шагал, читая, пока не дошел до Реш в Beati immaculati: Principium verborum tuorum veritas: in eternum omnia iudicia iustitiae tuae³.

Раскрасневшийся юноша выбрался на тропу через просвет в живой изгороди, за ним девушка с поникшими полевыми ромашками в руке. Юноша поспешно приподнял свою шляпу; девушка поспешно поклонилась и старательно принялась снимать с юбки приставший к ней стебелек.

Отец Конми степенно благословил обоих и перевернул тоненькую страничку молитвенника. Шин: Principes persecuti sunt me gratis: et a verbis tuis formidavit cor meum⁴.

¹ Завиваться в руно, барашком (*франц.*).

² Поспеши, Боже, избавить меня (*лат.*), Пс 69, 2.

³ Блаженны непорочные: — Основание слова твоего истинно, и вечен всякий суд правды твоей (*лат.*), Пс 118, 1, 160.

⁴ Князя гонят меня безвинно, но сердце мое боится слова твоего (*лат.*), Пс 118, 161.

Корни Келлехер захлопнул толстый гробсбух и глянул лениво на сосновую крышку гроба, стоявшую на часах в углу. Он выпрямился, подошел к ней и, повертев вокруг оси, осмотрел ее поверхность и медные украшения. Жуя сухую травинку, он положил крышку на пол и отошел к выходу. Там он надвинул шляпу так, чтобы тень падала на глаза, и прислонился к косяку двери, бесцельно глядя на улицу.

Отец Джон Конми на мосту Ньюкомен сел в трамвай в сторону Доллимаунта.

Корни Келлехер, сомкнув свои огромные башмаки, в на-двинутой на лоб шляпе, глазел по сторонам, жуя сухую травинку.

Констебль 57 С, патрульный на обходе, остановился рядом с ним скоротать минутку.

— Отличный день, мистер Келлехер.

— Угу,— пробурчал Корни Келлехер.

— Только вот душно,— сказал констебль.

Корни Келлехер пустил дугою сквозь зубы беззвучную струю травяного сока, а щедрая белая ручка бросила монетку из окна на Экклс-стрит.

— Ну, что хорошенького? — спросил он.

— Я видел означенного субъекта вчера вечером,— ска-зал, понизив голос, констебль.

Одноногий матрос проковылял за угол аптеки Маккон-нелла, обогнул тележку мороженщика от Рабайотти и запры-гал на костылях по Экклс-стрит. Приближаясь к Ларри О'Рурку, стоявшему у себя в дверях без пиджака, он вызы-вающе рывкнул:

— *За Англию...*

Резкими раскачивающимися рывками он продвинулся вперед, мимо Кейти и Буди Дедал, остановился и рывкнул:

— *дом и красу.*

Бледному, изглоданному заботой лицу Дж. Дж. О'Моллоя было сказано, что мистер Лэмберт на складе, с посетителем.

Грузная дама остановилась, вынула медяк из своего кошелька и бросила в протянутую к ней фуражку. Матрос пробурчал благодарность, угрюмо глянул на безучастные окна и, опустив низко голову, сделал еще четыре раскачиваю-щихся рывка вперед.

Потом остановился и в сердцах рывкнул:

— *За Англию...*

Двое босоногих мальчишек, сосущих длинные палочки лакрицы, остановились возле него, разинув на искалеченный обрубок свои желтослюнявые рты.

Он мощными рывками продвинулся еще вперед, остановился, поднял к окну голову и прорычал низким басом:

— *дом и красу.*

Веселое щебетанье и посвистыванье за окном еще продолжалось один-два такта и смолкло. Занавеску на окне отодвинули в сторону. Табличка «Сдаются квартиры без мебели» соскользнула с рамы и упала. Мелькнула щедрая рука, оголенная и полная, выглядывающая, как видно было, из белой комбинации и тесных бретелек нижней юбки. Женская ручка бросила монету сквозь прутья решетки. Она упала на тротуар.

Один из мальчишек подбежал, поднял ее и опустил в фуражку певца со словами:

— Вот она, сэр.

* * *

Кейти и Буди Дедал ввалились в двери наполненной паром кухни.

— Ты отнесла книжки? — спросила Буди.

Мэгги у плиты дважды потыкала палкой, уминая сероватую массу в булькающих мыльных пузырях, и отерла лоб.

— За них не дают ничего, — сказала она.

Отец Конми шагал по полям в Клонгоузе, стерня покалывала его лодыжки в тонких носках.

— А ты где пробовала? — спросила Буди.

— У Макгиннесс.

Буди топнула ногой и швырнула на стол свой ранец.

— Чтоб этой толстомордой ни дна ни крышки! — выкрикнула она.

Кейти подошла к плите и поглядела, прищурившись.

— А в чугуне что? — спросила она.

— Рубашки, — сказала Мэгги.

Буди сердито крикнула:

— Черт побери, выходит, есть нечего?

Кейти, приподняв крышку котелка подолом своей запачканной юбки, спросила:

— А в этом что?

Густой пахучий пар поднялся в ответ.

— Суп гороховый, — сказала Мэгги.

— Это откуда же? — спросила Кейти.
— Сестра Мэри Патрик,— сказала Мэгги.
Служитель позвонил в колокольчик.
— Брень!

Буди уселась за стол и жадно воскликнула:
— Давай-ка его сюда!

Мэгги налила густого желтого супу из котелка ей в тарелку. Кейти, сидевшая напротив Буди, спокойно сказала, на кончике пальца поднося ко рту хлебные крошки:

— Хорошо, что хоть это есть. А где Дилли?

— Пошла отца встречать,— ответила Мэгги.

Кроша в суп большие кусочки хлеба, Буди добавила:

— Отца нашего, иже не на небеси.

Наливая суп Кейти в тарелку, Мэгги воскликнула:

— Буди! Ну, как не стыдно!

Кораблик, скомканный листок, Илия грядет, легко покачиваясь, плыл вниз по Лиффи, под Окружным мостом, проскакивая стремнины, там, где вода бурлила вокруг устоев, держа на восток, мимо судов и якорных цепей, между старым доком Таможни и набережной короля Георга.

* * *

Блондинка у Торнтон устлала дно плетеной корзинки хрустящей гофрированной бумагой. Буян Бойлан передал ей бутылку, завернутую в розовую бумажную салфетку, и небольшой флакон.

— Первым делом вот это,— сказал он.

— Да, сэр,— ответила блондинка,— а фрукты сверху.

— Отлично, это будет победный мяч,— сказал Буян Бойлан.

Красиво и бережно она уложила пузатые груши, попарно, хвостиками в разные стороны, и между ними спелые рдеющие стыдом персики.

Буян Бойлан в новых рыжих штиблетах прохаживался по магазину, напитанному запахами плодов, трогал фрукты, сочные, молодые, морщинистые и пухлые красные помидоры, подносил к носу, нюхал.

Н. Е. Л. У. 'S., цепочка в белых цилиндрах, устало проследовали перед ним мимо Тэнджер-лейн, влачась к цели.

Внезапно он отвернулся от короба с земляникой, вытащил из кармашка золотые часы и поглядел на них, отставив руку на всю длину цепочки.

— А вы их можете отправить трамваем? Прямо сейчас?

Темноспинная фигура в пассаже Мерченгс-арч перебирала книги на лотке уличного торговца.

— Конечно, сэр. Это в городе?

— О да,— отвечал Буян Бойлан.— В десяти минутах езды.

Блондинка подала карточку и карандаш.

— Вы не напишете адрес, сэр?

Буян Бойлан за конторкой написал адрес и вернул ей карточку.

— Только пошлите сразу, договорились? — сказал он.— Это для больного.

— Да, сэр. Я сделаю, сэр.

Буян Бойлан весело позвякал деньгами в кармане брюк.

— И на сколько вы меня разорили? — спросил он.

Тонкие пальчики блондинки пересчитали фрукты.

Буян Бойлан заглянул ей за вырез блузки. Юная птичка.

Он взял красную гвоздику из высокого бокала.

— Идет мне? — спросил он фатовато.

Блондинка взглянула искоса на него, выпрямилась с независимым видом, на его галстук, слегка съехавший набок, зардевшись.

— Да, сэр,— сказала она.

Наклонившись, она снова пересчитала пузатые груши и зардевшиеся персики.

Буян Бойлан заглянул ей за блузку еще более благоклонно, зажав в смеющихся зубах стебель с красным цветком.

— Я скажу пару слов по вашему телефону, мисси? — спросил он развязно.

* * *

— Ма!¹ — сказал Альмидано Артифони.

Через плечо Стивена он рассеянно взирал на шишковатый череп Голдсмита.

Медленно проехали два вагона с туристами, женщины сидели впереди, ухватившись за поручни. Бледнолицые. Руки мужчин без стеснения обвивали их щуплые талии. Они смотрели со стороны Тринити на глухой, весь в колоннах, портал Ирландского банка, где гургургулили голуби.

— Anch'io ho avuto di queste idee,— говорил Альмидано Артифони,— quand' ero giovine come Lei. Erpoi mi sono

¹ Но! (итал.)

convinto che il mondo è una bestia. È peccato. Perché la sua voce... sarebbe un cespite di rendita, via. Invece, Lei si sacrifica.

— Sacrificio incruento¹,— сказал Стивен, улыбаясь и медленно, легонько покачивая взятой за середину ясеневой тросточкой.

— Speriamo,— дружелюбно произнесло круглое и усатое лицо.— Ma, dia retta a me. Ci rifletta².

Под суровой каменной дланью Граттана, велящей остановиться, трамвай из Инчикора высадил кучную ватагу солдат из оркестра Шотландского Горного полка.

— Ci rifletterò,— отвечал Стивен, глядя вниз на обширную штанину.

— Ma, sul serio, eh?³ — говорил Альмидано Артифони.

Его тяжелая рука крепко сжала руку Стивена. Взгляд человека. Одно мгновение взгляд всматривался пытливо и тут же быстро перешел на подходивший трамвай из Долки.

— Eccolo,— торопливо и дружески сказал Альмидано Артифони.— Venga a trovarmi e ci pensi. Addio, caro.

— Arrivederla, maestro,— отозвался Стивен, высвободившейся рукою приподымая шляпу.— E grazie.

— Di che? — спросил Альмидано Артифони.— Scusi, eh? Tante belle cose!⁴

Альмидано Артифони, подняв как сигнал свернутые в трубку ноты, в своих обширных штанах устремился вслед за трамваем из Долки. Тщетно стремился он, подавая тщетно сигналы среди толчеи голоногих горцев, протаскивавших музыкальные принадлежности через ворота Тринити.

* * *

Мисс Данн засунула подальше в стол «Женщину в белом», взятую из библиотеки на Кейпл-стрит, и заправила в свою машинку цветастый лист почтовой бумаги.

Слишком тут много всего таинственного. Любит он эту Мэрион или нет? Лучше поменять да взять что-нибудь Мэри Сесил Хэй.

¹ — У меня тоже были такие мысли... когда я был молод, как вы. Я был тогда убежден, что мир — это животное. Каюсь. Однако ваш голос... он бы мог быть источником дохода, смотрите. А вместо этого вы жертвуете собой.

— Это жертва обдуманная (*итал.*).

² Будем надеяться... Однако послушайте меня. Поразмыслите (*итал.*).

³ — Поразмыслю.

— Но только серьезно, а? (*итал.*)

⁴ — Вот он... Заходите ко мне и подумайте. Прощайте, мой дорогой.

— До свидания, маэстро... И спасибо.

— За что?.. Вы не сердитесь? Всего наилучшего! (*итал.*)

Диск скользнул вниз по желобку, немного покачался, затих и показал им в окошечке: шесть.

Мисс Данн отстучала по клавишам:

— 16 июня 1904.

Пять фигур в белых цилиндрах, с рекламными щитами, прозмеились между углом Монипени и постаментом, где не было статуи Вулфа Тона, повернулись, показав Н. Е. Л. У. 'S., и проследовали назад, откуда пришли.

Потом она уставилась на большую афишу с изображением Марии Кендалл, очаровательной субретки, бездумно откинувшись и черкая в блокноте цифры шестнадцать и заглавные Эс. Горчичные волосы и размалеванные щеки. Что тут симпатичного? Юбчонка с ладонь, и ту еще задирает. Интересно, а он придет сегодня на музыку. Уговорить бы эту портниху, чтоб сделала плиссированную юбку как у Сьюзи Нэгл. Вид до того шикарный. Шаннон и все тузы из яхт-клуба от нее глаз не могли оторвать. Дай бог, повезет, он тут меня не продержит до семи.

Телефон резко зазвонил у нее под ухом.

— Алло. Да, сэр. Нет, сэр. Да, сэр. Я позвоню им после пяти. Только эти два, сэр, в Белфаст и в Ливерпуль. Хорошо, сэр. Значит, я могу уходить после шести, если вы не вернетесь. В четверть седьмого. Да, сэр. Двадцать семь и шесть. Я скажу ему. Да: один фунт, семь и шесть.

Она нацарапала на конверте три цифры.

— Мистер Бойлан! Минутку! Этот господин из «Спорта» заходил, искал вас. Да, мистер Ленехан. Он сказал, что будет в четыре в «Ормонде». Нет, сэр. Да, сэр. Я позвоню им после пяти.

* * *

Два розовых лица выступили в мерцании слабого огонька.

— Кто это? — спросил Нед Лэмберт. — Это Кротти, что ли?

— Рингабелла и Кроссхейвен, — отозвался голос человека, нащупывающего ногой ступеньки.

— А, это вы, Джек, здравствуйте! — сказал Нед Лэмберт, приветственно поднимая гибкую рейку к мерцающим сводам. — Идите сюда. Учтите, что там ступеньки.

Спичка в поднятой руке священника изошла длинным гибким язычком пламени и была брошена. Ее последняя искорка умерла у их ног — и затхлый воздух сомкнулся вокруг них.

— Как интересно! — произнес отточенный выговор во мраке.

— Да, сэра, — подхватил с живостью Нед Лэмберт. — Мы с вами стоим в той самой исторической палате аббатства святой Марии, где на совете шелковый Томас объявил о начале мятежа в 1534 году. Это ведь самое историческое место во всем Дублине. О'Мэдден Берк собирается вскорости о нем что-нибудь написать. До унии тут помещался старый Ирландский банк, и самый первый еврейский храм тоже тут был, пока они не построили свою синагогу на Аделаид-роуд. Джек, вы ведь тут раньше никогда не были?

— Нет, не случалось.

— Он въезжал через Дэйм-уок, — произнес отточенный выговор, — если мне память не изменяет. Замок Килдеров был в Томас-корт.

— Это верно, — сказал Нед Лэмберт. — Совершенно верно, сэра.

— Если вы будете столь добры, — произнес священник, — то, возможно, в следующий раз вы мне позволите...

— Ну, конечно, — сказал Нед Лэмберт. — Приносите фотоаппарат, когда вам угодно. Я распоряжусь, чтобы эти мешки убрали бы с окон. Вы сможете снимать вот отсюда или отсюда.

Он двигался в слабом мигающем свете, постукивая своей рейкой по грудам мешков с зерном и по удобным местам на полу.

С вытянутого лица нависали над шахматной доской борода и пристальный взгляд.

— Я глубоко признателен, мистер Лэмберт, — сказал священник. — Не буду более занимать вашего драгоценного времени...

— Всегда буду рад вам, — сказал Нед Лэмберт. — Заходите, когда угодно. Можно на следующей неделе. Вам видно?

— Да, да. Всего доброго, мистер Лэмберт. Было приятно познакомиться.

— Мне тоже очень приятно, сэра, — отвечал Нед Лэмберт.

Он проводил гостя к выходу и на дворе зашвырнул свою рейку между колонн. Вместе с Дж. Дж. О'Моллоем они вышли неторопливо на аббатства Марии, где ломовики нагружали на фургоны мешки с альгарробой и с пальмовой мукой, О'Коннор, Вексфорд.

Он остановился прочесть визитную карточку, которую держал в руке.

— Преподобный Хью К. Лав, Рэткоффи. Адрес в настоящее время: Сент-Майклс, Соллинс. Очень славный малый. Он мне сказал, он пишет книгу о Фицджеральдах. В истории отлично подкован, ей-богу.

Девушка старательно принялась снимать с юбки пришивший к ней стебелек.

— А я подумал, вы тут затеваете новый пороховой заговор, — сказал Дж. Дж. О'Моллой.

Нед Лэмберт щелкнул пальцами в воздухе.

— Фу, черт! — воскликнул он. — Я же забыл ему рассказать про графа Килдерского, после того как тот поджег кафедральный собор в Кэшеле. Знаете эту историю? *Чертовски сожалею, что я это сделал*, так он сказал, но только готов поклясться, я думал, что архиепископ был там внутри. Хотя ему могло не понравиться. А? Нет, все равно расскажу ему. Это был великий граф, Фицджеральд Мор. Они все были горячие головы, эти Джералдайны.

Лошади, мимо которых он проходил, беспокойно подергивались в распушенной упряжи. Он шлепнул по чалопегому крупу, что вздрагивал совсем рядом с ним, и прикрикнул:

— Н-но, балуй!

Потом обернулся к Дж. Дж. О'Моллою и спросил:

— Ну, ладно, Джек. В чем дело? Что там стряслось? Ох, погодите минутку. Держитесь-ка.

Откинув далеко голову и разинув рот, он на мгновение застыл неподвижно, после чего громко чихнул.

— Ап-чхи! — произнес он. — Черт побери!

— Это пыль от мешков, — вежливо заметил Дж. Дж. О'Моллой.

— Да нет, — выдохнул Нед Лэмберт, — это я подхватил... холодная ночь поза... вот дьявол... ночь позавчера... и такие гуляли сквозняки...

Он приготовил носовой платок для уже подступающего...

— Я был... утром... бедный... как его зовут... Ап-чхи!.. Вот сатана!

* * *

Том Рочфорд взял верхний диск из стопки, которую он прижимал к своему бордовому жилету.

— Видите? — спросил он. — Допустим, сейчас идет шестой номер. Кладу вот сюда, смотрите. Номер На Сцене.

У них на глазах он опустил диск в левую щель. Диск

скользнул вниз по желобку, слегка покачался и затих, показывая им в окошечке шесть.

Юристы былых времен, важные и надменные, отправляя дела закона, взирали, как Ричи Гулдинг прошел из податного управления в гражданский суд с папкою фирмы Гулдинг, Коллис и Уорд, и слышали, как от адмиралтейского отделения королевского суда к суду апелляционному прошуршала пожилая особа женского пола с недоверчивою усмешкою, открывшей вставные зубы, в черной шелковой юбке, весьма пространный.

— Видите? — повторил он. — Смотрите, последний, что я опустил, теперь там сверху: Прошедшие Номера. Давление. Принцип рычага, понятно?

Он показал им растущую стопку дисков на правой стороне.

— Ловко придумано, — сказал Флинн Длинный Нос, сопя. — Значит, кто опоздал, может видеть, какой сейчас номер и какие уже прошли.

— Видите? — повторил Том Рочфорд.

Он опустил диск для собственного удовольствия — и наблюдал, как тот скользит вниз, качается, затихает и показывает: четыре. Номер На Сцене.

— Я его сейчас увижу в «Ормонде», — сказал Ленехан, — и я его прощупаю. Чтоб путный номер даром не помер.

— Давай, — одобрил Том Рочфорд. — Скажи ему, я уж тут сам стал Буян, так не терпится.

— Ну, я спать пошел, — сказал бесцеремонно Маккой. — Когда вы вдвоем заведетесь...

Флинн Длинный Нос склонился над рычагом, сопя.

— А как вот это действует, Томми? — спросил он.

— Труляля, голуби, — сказал Ленехан. — До скорой встречи.

Он последовал за Маккою на улицу через крохотный квадрат Крэмpton-корта.

— Он герой, — сказал он просто.

— Я знаю, — отозвался Маккой. — Это вы про канаву.

— Канаву? — сказал Ленехан. — Да это было в люке.

Они миновали мюзик-холл Дэна Лаури, где на афише им улыбалась размалеванной улыбкой Мария Кендалл, очаровательная субретка.

Идя вниз по тротуару Сайкмор-стрит мимо мюзик-холла «Эмпайр», Ленехан представлял Маккою, как было дело. Один из этих чертовых люков прямо как газовая труба,

и какой-то бедолага застрял там, причем наполовину уже задохся от канализационных газов. Ну, Том Рочфорд тут же лезет вниз, в чем был, при всем букмекерском параде, только обмотался канатом. И убей бог, он как-то ухитрился обмотать того бедолагу канатом, и обоих вытянули наружу.

— Геройский поступок, — заключил он.

У «Дельфина» они остановились и пропустили карету скорой помощи, галопом промчавшуюся на Джервис-стрит.

— Вот сюда, — сказал он, сворачивая направо. — Заскочу к Лайнему поглядеть начальные ставки на Корону. Сколько там на ваших золотых с цепью?

Маккой устремил взгляд в темную контору Маркуса Терциуса Мозеса, потом на часы О'Нила.

— Начало четвертого, — сказал он. — А кто жокей?

— О'Мэдден, — ответил Ленехан. — И у кобылки все шансы.

Оставшийся на Темпл-бар Маккой легонько столкнул носком банановую кожуру с дороги в канаву. Кто-нибудь будет возвращаться в темноте под хмельком — не успеет оглянуться, сломает шею.

Ворота в ограде резиденции распахнулись, открывая проезд кавалькаде вице-короля.

— Один к одному, — сказал Ленехан, вернувшись. — Я там натолкнулся на Бэнтама Лайонса, он ставил на какую-то пропашую клячу, кто-то ему подсказал, у которой ни малейшего шанса. Нам вот сюда.

Они поднялись по ступеням и прошли через пассаж Мерчентс-арч. Темноспинная фигура перебирала книги на лотке уличного торговца.

— А вот и он, — заметил Ленехан.

— Интересно, что он покупает, — сказал Маккой, оглядываясь назад.

— «Леопольдо, или История заблумшей души», — сказал Ленехан.

— Он просто помешан на распродажах, — сказал Маккой. — На днях мы шли с ним по Лиффи-стрит, и он купил книгу у какого-то старика за два шиллинга. Так в этой книге одни гравюры стоили вдвое, там звезды, луна, кометы с хвостами. Что-то насчет астрономии.

Ленехан рассмеялся.

— Сейчас вот я вам одну историйку про хвосты комет, — посулил он. — Выйдемте-ка на солнышко.

Они прошли по чугунному мосту и направились по набережной Веллингтона вдоль парапета.

Юный Патрик Алоизиус Дигнам вышел из мясной лавки Мангана, бывшей Ференбаха, неся полтора фунта свиных котлет.

— Устраивали шикарный прием в Гленкри, в колонии для малолетних, — с живостью начал Ленехан. — Знаете, этот ежегодный банкет. По полной парадной форме. Присутствовали и лорд-мэр, тогда это был Вэл Диллон, и сэр Чарльз Камерон, Дэн Доусон говорил речь, а потом был концерт. Бартелл д'Арсипел и Бен Доллард...

— Я знаю, — прервал его Маккой. — Моя дражайшая пела там один раз.

— В самом деле? — сказал Ленехан.

Табличка «Сдаются квартиры без мебели» снова появилась на оконной раме номера 7 по Экклс-стрит.

Он замолк на мгновение, но тут же разразился отрывистым смехом.

— Да нет, дайте мне рассказать, — снова принялся он. — Делахант с Кэмден-стрит обеспечил весь стол, а ваш покорнейший был за главного виночерпия. Блум тоже там был со своей женой. Выпивки хоть залейся — портвейн, и херес, и кюрасо, и уж мы всему там воздали честь. Разгулялись на славу. От жидкостей — к твердым телам. Холодный филей навалом, паштеты...

— Я знаю, — сказал Маккой. — В тот год, когда моя дражайшая там была...

Ленехан с большим жаром обнял его под локоть.

— Да нет, дайте мне рассказать, — повторил он. — После всей этой увеселительности мы еще устроили легкий полночный завтрак, и когда мы отчалили, то уж было времени хренадцатый час того утра что после ночи. Домой возвращались в дивную зимнюю ночь через гору Фезербед. Блум и Крис Каллинан были на одной стороне кареты, а я с его женой — на другой. Мы там принялись распевать квартеты, дуэты: *Взгляни, уж первый луч зари*. А она изрядно нагрузилась тем делахантовым портвейном. И каждый раз, как эту чертову колымагу тряхнет, она валится прямо на меня. Недурная забава! У ней роскошная парочка, дай ей бог. Во-от такие.

Округлив ладони, он отставил их на целый локоть перед собой, наморщил лоб:

— А я снизу все подтыкал под ней плед и без конца на ней поправлял боа. Улавливаете, о чем я?

Руки его рисовали в воздухе полные округлости. От удовольствия он крепко зажмурился, всем телом подался вперед и нежно присвистнул.

— Одним словом, мальчик стоял навтыяжку, — сказал он со вздохом. — А она кобылка норовистая, это точно. Блум между тем все показывал Крису Каллинану и кучеру разные звезды и кометы на небесах: вот тут большая медведица, и Геркулес, и дракон, и всякая прочая дребедень. Но я-то, можно сказать, совсем затерялся в млечном пути. Он знает их все наперечет, я клянусь. Наконец, она высмотрела где-то у черта на куличках самую махонькую-малюсенькую. И спрашивает: *А вот это, Польшди, какая звездочка?* Приперла Блума в угол, ничего не попишешь. *Это вон та, что ли?* говорит Крис Каллинан, *да, это так себе, маленький тычок в черноте.* Ну, тут уж он попал в точку.

Ленехан остановился и прислонился к парапету, захлебываясь от тихого смеха.

— Ох, не могу, — задыхался он.

Бледное лицо Маккоя, на миг улыбнувшись, приняло строгое выражение. Ленехан зашагал дальше. Он приподнял свою капитанку и быстрым движением почесал затылок. Под ярким солнцем он искоса бросил взгляд на Маккоя.

— Блум — человек знающий и культурный, — произнес он серьезно. — Это не какой-нибудь простофиля с улицы... понимаете... Наш старина Блум, в нем где-то чувствуется артист.

* * *

Мистер Блум лениво переворачивал страницы «Потрясающих разоблачений Марии Монк», потом «Шедевра» Аристотеля. Нелепый шрифт, крючковатый. Цветные наклейки: младенцы клубком в кроваво-красных утробах, напоминают свежую бычью печень на бойне. Вот в эту самую минуту их множество таких во всем мире. И все тычутся головами, хотят выйти оттуда. Каждую минуту рождается где-нибудь младенец. Миссис Пьюрфой.

Он отложил обе книжки и глянул на третью: «Истории из гетто», Леопольд фон Захер-Мазох.

— Эту я читал, — сказал он, отодвигая ее.

Торговец шлепнул на прилавок два томика.

— Вот энти славная парочка, — посулил он.

Через прилавок разило луком из его гнилозубого рта. Он наклонился, набрал стопку других книг, прижал их к своей расстегнутой жилетке и унес за грязную занавеску.

На мосту О'Коннелла многочисленные лица могли наблюдать внушительную осанку и живописный наряд мистера Дэниса Дж. Маджинни, учителя танцев и пр.

Мистер Блум, оставшись один, оглядел названия книг. «Прекрасные мучительницы», Джеймс Лавберч. Розголюб. Понятно, какого это сорта. Была у меня? Да.

Он раскрыл книгу. Кажется, та самая.

Женский голос за грязной занавеской. Послушаем. Мужчина.

Нет, ей такое не очень нравится. И уже приносил.

Он прочитал другое название: «Прелести греха». Пожалуй, более в ее вкусе. Давай посмотрим.

Раскрыв наугад, он прочел:

— *И все эти доллары, которыми осыпал ее муж, она тратила в магазинах на роскошные платья и самые разорительные безделушки. Ради него! Ради Рауля!*

Да. То что нужно. Еще посмотрим.

— *Их губы слились в жадном и сладострастном поцелуе, а руки его ласкали ее пышные формы под легким дезабилье.*

Да. Это пойдет. А в конце.

— *Вы запоздали, — произнес он хриплым голосом, бросая на нее злобный и подозрительный взгляд.*

Стройная красавица сбросила отороченное собольим мехом манто, явив взору свои роскошные плечи и пышно вздымающиеся округлости. Неуловимая улыбка тронула идеальные очертания ее губ, когда она спокойно повернулась к нему.

Мистер Блум перечел еще раз: *Стройная красавица...*

Теплота мягко охватила его, расслабляя все тело. Тела в сбившихся одеждах податливо уступают; белки глаз наливаются. Его ноздри расширились, вынюхивая добычу. Испаренья умощенных грудей (*ради него! ради Рауля!*). Терпкий луковый пот подмышек. Склизкость рыбьего клея (*вздымающиеся округлости!*). Коснуться! Сжать! Стиснуть, что только сил! Разящий серой лвиный помет!

Молодость! Молодость!

Пожилая особа женского пола, уже давно не первой молодости, покинула здание суда лорда-канцлера и судов королевского, податного и гражданского, прослушав в первом деле о признании невменяемым Поттертона, во втором, в адмиралтейском отделении, в отсутствие одной из сторон — дело об иске владельцев «Леди Кэрнс» к владельцам барки «Мона» и в апелляционном суде — перенос слушания дела Харви против Морской страховой компании.

Клокочущий кашель сотряс воздух в книжной лавке, всколыхнув грязную занавеску. Высунулась седая нечесаная голова хозяина с небритым побагровевшим от кашля лицом. Он грубо прочистил горло и выблевал на пол сгусток. Потом наступил на свою харкотину сапогом, растер подошвой и наклонился, показывая голый череп с венчиком скудной растительности.

Мистер Блум обозрел череп.

Стараясь унять расходившееся дыхание, он сказал:

— Я возьму вот эту.

Продавец поднял глаза, гноящиеся от хронического насморка.

— «Прелести греха», — произнес он, похлопывая по переплету. — Отличная книжка.

* * *

Служитель в дверях аукционного зала Диллона опять потряс колокольчиком, дважды, и погляделся в исчерченное мелом зеркало туалетного столика.

Дилли Дедал, стоя на тротуаре, слушала звонки колокольчика и возгласы аукционера, доносившиеся из зала. Четыре и девять. Вот чудные занавески. Пять шиллингов. Очень уютные занавески. Новые стоили бы две гиней. Пять шиллингов, кто больше? Продано за пять шиллингов.

Служитель поднял колокольчик и потряс им:

— Брень!

Удар колокола, возвещающий о последнем круге, заставил рвануться гонщиков. В заезде на полмили Дж Э. Джексон, У. Э. Уайли, Э. Монро и Х. Т. Гахан, поводя вытянутыми шеями, обрабатывали вираж возле Университетской библиотеки.

Мистер Дедал, теребя длинный ус, появился со стороны Вильямс-роу. Он остановился возле своей дочери.

— Тебе уже пора, — сказала она.

— Держись прямо, ради любви Господа Иисуса! — воскликнул мистер Дедал. — Или ты, может, изображаешь своего дядюшку Джона, трубача, голова в плечи? Тоскливый бог!

Дилли пожалала плечами. Мистер Дедал, положив свои ладони на них, отогнул их назад.

— Держись прямо, девочка, — повторил он, — ты зарабатываешь себе искривление позвоночника. Ты знаешь, какой у тебя вид?

Он неожиданно уронил голову вниз и вперед, поднял плечи горбом и отвесил нижнюю челюсть.

— Перестань, отец,— сказала Дилли.— На тебя люди смотрят.

Мистер Дедал выпрямился и вновь подергал свой ус.

— Ты достал денег? — спросила Дилли.

— Где это я достану? — отвечал мистер Дедал.— В Дублине ни одна душа не одолжит мне ни пенни.

— Нет, ты раздобыл что-то,— проговорила Дилли, глядя ему в глаза.

— А как это тебе известно? — спросил мистер Дедал, приняв таинственный вид.

Мистер Кернан, довольный заключенною сделкой, шагнул, гордо приосанившись, по Джеймс-стрит.

— Вот уж известно,— сказала Дилли.— Ты сейчас был в Скотч-хаусе?

— Нет, я там не был,— промолвил мистер Дедал с улыбкой.— А это тебя монашки так научили дерзить? Держи-ка.

Он протянул ей шиллинг.

— Постарайтесь на это что-нибудь сделать,— сказал он.

— Я так думаю, ты достал пять,— ответила Дилли.— Дай мне сколько-нибудь побольше.

— Ну, погоди же,— угрожающе произнес мистер Дедал.— Ты что, тоже как все остальные, да? С тех пор как ваша бедная мать умерла, превратились в свору наглых щенков. Но погодите! Скоро увидите, у меня с вами будет разговор короткий. Разбой среди бела дня! Но я скоро от вас избавлюсь. Вам наплевать, если я лягу в гроб. Все, он умер. Жилец сверху умер.

Он отвернулся и зашагал прочь. Дилли тут же нагнала его и потянула за рукав.

— Ну что, в чем дело? — произнес он, останавливаясь.

Служитель прозвонил в колокольчик у них за спиной.

— Брень!

— Язвы твою окаянную душу! — воскликнул мистер Дедал, оборачиваясь к нему.

Служитель, уловив замечание, снова потряс звучным язычком колокольчика, но потише:

— Тринь!

Мистер Дедал пристально уставился на него.

— Полюбуйся-ка,— сказал он.— Это поучительно. Надеюсь, он нам милостиво позволит поговорить.

— Ты ведь достал больше, отец,— сказала Дилли.

— Я скоро с вами сыграю штуку,— посулил мистер Дедал.— Я с вами со всеми поступлю так, как Иисус с евреями. Смотри, вот все, что у меня есть. Я занял два шиллинга у Джека Пауэра и два пенса истратил, чтобы побриться перед похоронами.

Он с раздражением вытащил пригоршню медяков.

— А ты не можешь еще где-нибудь поискать денег? — спросила Дилли.

Мистер Дедал подумал и кивнул.

— Попробую,— сказал он с серьезным видом.— Я уже искал на О'Коннелл-стрит вдоль всей сточной канавы. А теперь попробую вдоль вот этой.

— Все остришь,— заметила Дилли с кривой усмешкой.

— Держи,— сказал мистер Дедал, протягивая ей два пенса.— Купи себе стакан молока и булочку или что-нибудь такое. Я скоро приду домой.

Он сунул остальные монеты в карман и зашагал прочь.

Кавалькада вице-короля показалась в воротах парка, подобострастно приветствуемая полисменами.

— Я точно знаю, у тебя есть еще шиллинг,— сказала Дилли.

Служитель прозвонил громогласно.

Мистер Дедал, сопровождаемый трезвоном, удалялся и бормотал себе под нос, жеманно складывая губы сердечком.

— Монашенки! Милые хрупкие создания! О, ну конечно, они ничего такого! О, ну конечно, они никогда бы не стали! Неужели это сестрица Моника!

* * *

Довольный сделкой, которую он заключил для фирмы «Пулбрук и Робертсон», мистер Кернан гордо вышагивал по Джеймс-стрит, направляясь от солнечных часов к Джеймс-гейт, мимо конторы Шеклтона. Отлично обработал его. Как поживаете, мистер Кримминс? Превосходно, сэр. Я опасался, что вы окажетесь в другом вашем заведении, в Пимлико. Как идут дела? Идут потихоньку. Чудесная погода стоит. Да, чудесная. Для полевых работ это хорошо. А то фермеры вечно ворчат. Пожалуй, я бы выпил глоток вашего отменного джина, мистер Кримминс. Малую порцию джина, сэр. Да, сэр. Что за ужасное происшествие этот взрыв на «Генерале Слокаме». Ужасно, ужасно! Около тысячи жертв. И душераздирающие сцены. Мужчины, топ-

чушие ногами детей и женщин. Самая настоящая дикость. А что они говорят, какая причина? Внезапное возгорание. Выяснились скандальнейшие обстоятельства. Не было ни одной спасательной шлюпки исправной, и все пожарные шланги оказались дырявыми. Но я одного не пойму, как могла инспекция выпустить такой пароход... Ага, вот сейчас вы в самую точку, мистер Кримминс. Знаете почему? Подмазали кого надо. Неужели это правда? Никакого сомнения. Вы только подумайте. И еще говорят, что Америка — это страна свободных людей. Я привык думать, у нас тут плохо.

Я улыбнулся ему. *Америка*, заявил я ему так спокойненько, *что это по сути такое? Мусор, выметенный из всех стран, включая и нашу. А что, разве это не верно?* Истинный факт.

Коррупция, дорогой сэр. Да, еще бы, везде, где пахнет деньгами, найдутся охотники до поживы.

Заметил, как он смотрел на мой редингот. Костюм — первейшее дело. Самое главное иметь элегантный вид. Действует безотказно.

— Ба, Саймон! — сказал отец Каули. — Как делишки?

— Вижу старину Боба, — произнес, останавливаясь, мистер Дедал.

Мистер Кернан, задержав шаги у парикмахерской Питера Кеннеди, с большим одобрением оглядел себя в наклонном зеркале. Что говорить, щегольской сюртук. От Скотта с Доусон-стрит. Вполне стоит полсоверена, что я за него отдал Нири. Сшить такой новый не меньше чем три гиней. А как отлично сидит. Небось от какого-нибудь денди из клуба на Килдер-стрит. Вчера Джон Маллиган, управляющий Гибернийским банком, так на меня уставился, на мосту Карлайл, как будто хотел припомнить.

Хо-хо! С этими господами нужно держать марку. Коммивояжер-джентльмен. Рыцарь больших дорог. Так как, мистер Кримминс, не окажете ли вы нам снова честь вашим заказом, сэр. Чаша, что веселит, но не опьяняет, как говорится в старой поговорке.

Мимо Северной стены и набережной сэра Джона Роджерсона, мимо судов и якорных цепей, плывя на запад, проплывал кораблик, скомканный листок, покачиваясь на волне от парома. Илия грядет.

Мистер Кернан бросил прощальный взгляд на свое отражение. Лицо красное, верно. Седеющие усы. Вернувшийся из Индии офицер. Bravo расправив плечи, он двинулся

вперед, обутые в гетры ноги легко несли коренастый торс. Это там не брат Лэмберта, Сэм? А? Никак, он. Просто чертовски похож. Нет. Ветровое стекло автомобиля блеснуло на солнце. Из-за вспышки. Но чертовски похож.

Хо-хо! Жаркие пары можжевелевого сока согревали его дыхание и внутренности. Славно пропустил рюмочку джина. Фалды его редингота подмигивали под ярким солнцем в такт его грузной походке.

Вон там Эммет был повешен и четвертован. Черная засаленная веревка. Собаки еще слизывали кровь с улицы, когда жена лорда-наместника проезжала там в своем экипаже.

Минутку. А похоронили его где, у святого Мичена? Хотя нет, ведь было в Гласневине погребение, в полночь. Внесли тело через потайную дверь в стене. Теперь и Дигнам там. Помер, не успели оглянуться. Что поделаешь. Лучше здесь повернуть. Обогну.

Мистер Кернан повернул и начал спускаться по наклонной Уотлинг-стрит, где на углу был зал ожидания для посетителей Гиннеса. У складов Дублинской винокуренной компании стояли дрожки без седока и без кучера, вожжи привязаны к колесу. Это же чертовски опасно. Какая-нибудь деревенская дубина из Типперери подвергает опасности жизни граждан. Стоит лошади понести.

Дэнис Брин со своими фолиантами, устав ждать больше часу в конторе Джона Генри Ментона, увлекал свою жену через мост О'Коннелла, направляясь в контору Коллиса и Уорда.

Мистер Кернан подошел к Айленд-стрит.

Времена смуты. Надо бы попросить у Неда Лэмберта воспоминания сэра Ионы Баррингтона. Когда смотришь на всю эту старину сейчас, с неким ретроспективным упорядочением. Картеж у Дэли. Шулеров тогда не водилось. Одному пригвоздили руку к столу кинжалом. Где-то тут лорд Эдвард Фицджеральд ускользнул от майора Серра. Конюшни за особняком Мойры.

Чертовски славный был джин.

Блестящий молодой храбрец. Да еще из такого рода. А этот негодяй, этот самозванный помещик в лиловых перчатках, выдал его. Конечно, они боролись за неправоное дело. Им выпал злой и смутный век. Прекрасное стихотворение Инграма. Они были настоящие люди чести. Бен

Доллард с таким чувством поет эту балладу. Мастерское исполнение.

При осаде Росса отец погиб.

По набережной Пембрук проследовал кортеж мелкой рысью, форейторы мерно подсакивали — скок-скок — на седлах, на седлах. Рединготы. Кремовые зонтики.

Мистер Кернан заторопился, тяжело отдуваясь.

Его Сиятельство! Вот ведь не повезло! Какой-то секундой опоздал! Вот черт! Такая жалость!

* * *

Стивен Дедал наблюдал сквозь подернутое паутиной окно, как пальцы ювелира ощупывали потускневшую от времени цепочку. Пыль подернула паутиной окно и полки витрины. От пыли потемнели усердные пальцы с ястребиными когтями. Пыль дремала на тусклых завитках бронзы и серебра, на ромбиках киновари, на рубинах, изъеденных проказой винно-темных камнях.

Все это рождено во мгле червивой земли, холодные искорки, огоньки зла, светящие во тьме. Где падшие ангелы срывали звезды со своего чела. Грязные свиные рыла, руки, роют и роют, хватают и тащат их.

Она пляшет в зловонном сумраке, где смешан дух чеснока и горячей смолы. Ржавобородый матрос, прихлебывая ром из кувшинчика, глядит на нее во все глаза. Долгая, вскормленная морем немая похоть. Она пляшет, кружится, трясет своими окороками, на толстом брюхе подпрыгивает рубин размером с яйцо.

Старый Рассел еще потер камень старым куском замши, повернул его и поднес к концу своей Моисеевой бороды. Дедушка орангутанг любит украденным сокровищем.

А ты разве не откапываешь старые образы из могильной земли? Бредовые словеса софистов: Антисфен. Искусство усыплять ум. Пшеница восточная и бессмертная, сущая от века и до века.

Две старушки, отведав освежающих бризов, брели через Айриштаун по Лондон-бридж-роуд, одна с усталым песко-облепленным зонтиком, другая с сумкою повитухи, где перекатывались одиннадцать ракушек.

Шорох трансмиссий, жужжание динамомашин электростанции, доносясь к нему, звали дальше. Существа без

сущности. Постой! А вечное биенье в тебе, помимо тебя. Все распевашь о своем сердце. Я между ними. Где это? Между двумя грохочущими мирами, там, где они сливаются в одном вихре,— я. Стереть их в пыль, и один и оба. Но и меня оглушит ударом. Пускай сотрет меня в пыль, кто сможет. Сводник и мясник, так я сказал. Еще бы! Но погоди малость. Оглядиись.

Да, совершенно верно. Большие, замечательные, прославленной точности. Совершенная правда, сэр. В понедельник утром, как вы сказали.

Стивен спускался по Бедфорд-роу, ясеновой рукояткой трости постукивая себя по лопатке. В витрине у Клохисси взгляд его привлекла выцветшая гравюра 1860 года, изображающая боксерский матч между Хиненом и Сейерсом. За канатами глазели на ринг сделавшие ставки зрители в допотопных шляпах. Тяжеловесы в тесных набедренниках любовно протягивали друг другу шарообразные кулаки. Они тоже бьются — сердца героев.

Он повернул за угол и остановился возле накренившегося лотка с книгами.

— Каждая по два пенса,— сказал торговец. — На шесть пенсов четыре.

Потрепанные страницы. «Ирландский пчеловод». «Жизнь и чудеса кюре из Арса». «Карманный путеводитель по Килларни».

Тут бы могли валяться и мои школьные награды, которые снесли в заклад. *Stephano Dedalo, alumno optimo, palmarum ferenti*¹.

Отец Конми, закончив читать малые часы, шел через деревушку Донникарни, шепча вечерние молитвы.

Слишком хорош переплет, что бы это такое? Восьмая и девятая книги Моисеевы. Тайна всех тайн. Печать царя Давида. Захватанные страницы: читали и перечитывали. Кто здесь проходил до меня? Как размягнуть потрескавшуюся кожу на руках. Рецепт для приготовления уксуса из белого вина. Как добиться любви женщины. Вот это для меня. Сложив руки, произнести трижды следующее заклинание:

— *Se el yilo nedrakada femininum! Amor me solo! Sanctus! Amen*².

Кто это написал? Заговоры и заклинания блаженнейше-

¹ Стефану Дедалу, примерному воспитаннику, в награду (лат.).

² Маленькие мои небеса, блаженное женское естество. Люби одного меня! Свят! Аминь (лат., искаж. исп., араб.).

го аббата Питера Саланки, обнаруженные для всех истинно верующих. Не хуже, чем заговоры любого другого аббата, чем бормотанье Иоахима. Спустишь, плешивец, не то мы будем пряхь твою шерсть.

— Ты что тут делаешь, Стивен?

Дилли, высокие плечики и заношенное платице.

Закрой-ка живее книгу. Чтоб не увидела.

— А ты что делаешь? — сказал Стивен.

Лицо Стюарта, бесподобного Чарльза, обрамленное гладкими прядями. Горевшее румянцем, когда, сидя у огня, она в него подбрасывала старые башмаки. Я ей рассказывал о Париже. Любила подольше поваляться в постели, укрывшись старым тряпьем, без конца теребя свой браслетик под золото, подарок Дэна Келли. *Nebrakada femininum*.

— Что это у тебя? — спросил Стивен.

— На другом лотке купила за пенни, — сказала Дилли с нервным смешком. — Она годится на что-нибудь?

Говорят у нее мои глаза. Таким вот и видит меня взор прочих? Живым, смелым и отчужденным. Тень моего ума.

Он взял у нее из рук книгу с оторванной обложкой. Шарденаль, французский язык для начинающих.

— Зачем ты это купила? — спросил он. — Учиться по-французски?

Она кивнула, покраснев и сжав плотно губы.

Не показывай удивления. Вполне естественно.

— Держи, — сказал Стивен. — Годится, почему ж нет. Смотри, чтобы Мэгги ее не унесла у тебя в заклад. Я так думаю, мои книги туда все ушли.

— Часть из них, — ответила Дилли. — Нам пришлось.

Ведь она тонет. Жагала. Спасти ее. Жагала. Все против нас. Она утопит и меня с собой, глаза и волосы. Гладкие кольца волос-водорослей обвивают меня, мое сердце, душу. Горькая зеленая смерть.

Мы.

Жагала сраму. Сраму жагала.

Нищета! Нищета!

* * *

— Ба, Саймон! — сказал отец Каули. — Как делишки?

— Вижу старину Боба, — произнес, останавливаясь, мистер Дедал.

Они обменялись звучным рукопожатием возле магазина

«Редди и Дочь». Отец Каули, сложив ладонь лодочкой, мелкими движениями пригладил усы.

— Ну, что хорошенького? — спросил мистер Дедал.

— Да небогато, — отвечал отец Каули. — В дом свой, Саймон, не попаду, два субъекта у входа караулят, чтоб было право войти.

— Как мило, — отозвался мистер Дедал. — А кто это постарался?

— Да так, — сказал отец Каули. — Некий процентщик из числа наших знакомых.

— Тот, что спина крюком? — спросил мистер Дедал.

— Он самый, Саймон, — отвечал отец Каули. — Рувим из колена Рувимова. Я тут как раз поджидаю Бена Долларда. Он должен пойти к Длинному Джону да замолвить за меня словечко, чтобы он убрал этих двух. Мне бы только дали немного времени.

В смутной надежде он кинул взгляд туда и сюда по набережной. Его крупный кадык заметно выдавался на шею.

— Знаю, знаю, — сказал, кивая, мистер Дедал. — Старый сердяга Бен! Вечно старается для кого-нибудь. Погодите-ка!

Он нацепил пенсне и на секунду всмотрелся в направлении чугунного моста.

— Подходит! — возвестил он. — Явился собственнорядно, прости, Господи.

Старомодная шляпа и просторная синяя визитка Бена Долларда над мешковатыми брюками на всех парях двигались через набережную от чугунного моста. Он приближался к ним рысцой, рьяно почесывая у себя под фалдами.

Мистер Дедал приветствовал его появление:

— Держите-ка мне вот этого в дурацких штанах.

— Ну-ну, давайте, — отозвался Бен Доллард.

Мистер Дедал с холодным презрением оглядел Бена Долларда с головы до ног. Затем, кивая на него отцу Каули, он язвительно процедил:

— Какой удачный наряд для летнего дня, не правда ли?

— Что-что? — прорычал свирепо Бен Доллард. — Да разрази вас гром, я на своем веку столько сносил костюмов, сколько вам и во сне не снилось.

Стоя рядом, он лучезарно улыбался им и своему странному одеянию, с которого мистер Дедал сбивал там и сям пушинки, приговаривая:

— Нет, что ни говори, Бен, это сшито на мужчину в расцвете сил.

— Да провалиться тому еврею, который сшил это, — отозвался Бен Доллард. — Слава богу, ему еще не заплачено.

— А как поживает ваш basso profundo, Бенджамин? — спросил отец Каули.

Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл, оmonoклив глаз, что-то невнятно бормоча, прошагал мимо клуба на Килдер-стрит.

Бен Доллард нахмурил брови и, сделав вдруг рот как у певца, издал низкую ноту.

— О-о! — прогудел он.

— Вот это класс! — заметил мистер Дедал, одобрительно кивнув.

— Ну, как? — спросил Бен Доллард. — Не заржавел пока? А?

Он обернулся поочередно к обоим.

— Подходяще, — сказал отец Каули и тоже кивнул.

Преподобный Хью К. Лав шел от бывшего здания капитула аббатства святой Марии, мимо спиртоочистительного завода Джеймса и Чарльза Кеннеди, в сторону Фолсела, что за скотопрогонным бродом, и воображению его рисовались целые сонмы Джералдайнов, один другого осанистей и отважней.

Бен Доллард, грузно кренясь в сторону магазинных витрин, увлекал их вперед, весело жестикулируя пальцами.

— Пойдемте-ка вместе со мной в полицию, — говорил он. — Я вам хочу показать, какого красавчика Рок недавно зачислил в приставы. Нечто среднее между вождем зулусов и Джеком Потрошителем. Стоит взглянуть, уверяю вас. Пойдемте. Я только что встретил случайно Джона Генри Ментона в Бодеге, и это мне дорого обойдется, если я не... Погодите малость... Наше дело верное, Боб, можете мне поверить.

— Вы ему скажите, мне бы несколько дней, — сказал отец Каули с тоскливой тревогой.

Бен Доллард резко остановился и уставился на него, разинув свой звучный зев. Оторванная пуговица визитки, ярко поблескивая, закачалась на своей ниточке, когда он принялся вытирать слезящиеся глаза, чтобы лучше слышать.

— Какие еще несколько дней? — прогремел он. — Ваш домохозяин разве не подал ко взысканию?

— Подал, — сказал отец Каули.

— Ну, а тогда исполнительный лист нашего друга не стоит и той бумаги, на которой написан, — заявил Бен Доллард. — Право первого иска всегда за домохозяином.

Я ему сообщил все сведения. Виндзор-авеню, 29. Его фамилия Лав?

— Да, да,— сказал отец Каули.— Его преподобие мистер Лав. Он, кажется, священник где-то в провинции. Но вы точно уверены?

— Можете от меня передать Варавве,— сказал Бен Доллард,— чтобы он сунул этот лист туда, где мартышки прячут орехи.

Он решительно увлекал за собой отца Каули, прикованного к его туше.

— Я думаю, не грецкие, а лесные,— пробормотал мистер Дедал, следуя за ними и опуская пенсне на лацканы своего сюртука.

* * *

— Насчет мальчика все в порядке,— сказал Мартин Каннингем, когда они проходили мимо ворот Касл-ярда.

Полисмен дотронулся до фуражки.

— Дай вам Бог,— ободряюще произнес Мартин Каннингем.

Он сделал знак поджидавшему кучеру, тот дернул вожжи и тронулся в сторону Лорд-Эдвард-стрит.

За бронзой золото, за головкой мисс Кеннеди головка мисс Дус, появились над занавеской отеля «Ормонд».

— Да-да,— сказал Мартин Каннингем, потрагивая бороду.— Я написал отцу Конми и все изложил ему.

— Вы бы могли попытаться и у нашего друга,— предложил задним числом мистер Пауэр.

— У Бойда? Благодарю покорно,— отрезал коротко Мартин Каннингем.

Джон Уайз Нолан, отставший за чтением списка, быстро пустился их нагонять по Корк-хилл.

На ступенях ратуши советник Наннетти, спускаясь, приветствовал поднимающихся олдермена Каули и советника Абрахама Лайона.

Муниципальный фургон, пустой, завернул на Верхнюю Эксчейндж-стрит.

— Взгляните-ка, Мартин,— сказал Джон Уайз Нолан, догнав их возле редакции «Мейл». — Я тут вижу, что Блум подписался на пять шиллингов.

— Совершенно верно,— сказал Мартин Каннингем, забирая у него лист.— Мало того, он их немедленно внес.

— Без громких речей,— заметил мистер Пауэр.

— Довольно странно, но факт,— добавил Мартин Каннингем.

Джон Уайз Нолан удивленно раскрыл глаза.

— Как много у еврея доброты, замечу я,— щегольнул он цитатой.

Они направились по Парламент-стрит.

— А вот и Джимми Генри,— сказал мистер Пауэр,— как раз поспешает к Каване.

— Раз так,— сказал Мартин Каннингем,— то и мы за ним.

Возле *la maison Claire* Буян Бойлан изловил горбатого зятя Джека Муни, бывшего в подпитии и направлявшегося в слободку.

Джон Уайз Нолан с мистером Пауэром шли теперь позади, а Мартин Каннингем взял под руку маленького аккуратного человечка в сером с искрой костюме, который нетвердой торопливой походкой проходил мимо часового магазина Микки Андерсона.

— Видно, у младшего муниципального секретаря мозоли дают себя знать,— заметил Джон Уайз Нолан мистеру Пауэру.

Они обогнули угол, следуя к винному погребу Джеймса Каваны. Пустой муниципальный фургон, стоявший у Эссекс-гейт, оказался перед самым носом у них. Мартин Каннингем все продолжал говорить, то и дело показывая Джимми Генри подписной лист, на который тот ни разу не глянул.

— И Длинный Джон Феннинг тоже здесь,— сказал Джон Уайз Нолан,— во всю натуральную величину.

Высокая фигура Длинного Джона Феннинга заполняла собой всю дверь.

— Добрый день, господин главный инспектор,— произнес Мартин Каннингем, и все остановились для обмена приветствиями.

Длинный Джон Феннинг не освободил им проход. Резким движением он вынул изо рта большую сигару, и его круглые глаза пронзительно окинули их умным и хищным взглядом.

— Сенаторы Рима продолжают предаваться мирной беседе? — проговорил он звучно и насмешливо, обращаясь к младшему муниципальному секретарю.

Устроили там адские баталии, заговорил с раздражением Джимми Генри, вокруг своего треклятого ирландского языка. Он бы хотел знать, чем занимается распорядитель,

когда надо поддерживать порядок в зале заседаний. А старый Барлоу, хранитель жезла, слег из-за своей астмы, жезла на столе нет, сплошной кавардак, нет даже кворума, и сам лорд-мэр Хатчинсон в Лландудно, а маленький Лоркан Шерлок изображает его *locum tenens*¹. Пропади он пропадом, этот язык наших предков.

Длинный Джон Феннинг выпустил изо рта струю дыма.

Мартин Каннингем, покручивая кончик бороды, снова принялся говорить, обращаясь то к главному инспектору, то к младшему муниципальному секретарю, а Джон Уайз Нолан мирно помалкивал.

— А какой это Дигнам? — спросил Длинный Джон Феннинг.

Джимми Генри сделал гримасу и потряс в воздухе левой ногой.

— Ох, мои мозоли! — жалобно простонал он. — Пойдемте, бога ради, наверх, чтобы я мог хоть присесть! У-у! Ох-хо-хо! Позвольте!

В сердцах он протиснулся сбоку от Длинного Джона Феннинга и поднялся по лестнице.

— Да, пойдемте наверх, — сказал Мартин Каннингем главному инспектору. — Мне кажется, что вы не знали его, хотя, конечно, возможно.

Мистер Пауэр и Джон Уайз Нолан последовали за ними.

— Он был скромный и честный мальчик, — поведал Джек Пауэр дюжей спине Длинного Джона Феннинга, которая поднималась навстречу Длинному Джону Феннингу в зеркале.

— Небольшой такой. Дигнам из конторы Ментона, — дополнил Мартин Каннингем.

Длинный Джон Феннинг не мог припомнить его.

В воздухе пронеслось цоканье лошадиных копыт.

— Что это? — спросил Мартин Каннингем.

Все обернулись, где кто стоял. Джон Уайз Нолан снова спустился вниз. Стоя в прохладной тени прохода, он видел, как кони двигались по Парламент-стрит, сбруя и лоснящиеся бабки поблескивали на солнце. Весело, не спеша, они проследовали мимо под его холодным недружелюбным взглядом. Впереди скакали, впереди на седлах мерно подсакивали фореиторы.

— Так что это там? — спросил Мартин Каннингем, когда они снова начали подниматься.

¹ Исполняющий обязанности (*лат.*).

— Лорд-наместник и генерал-губернатор Ирландии, — отвечал Джон Уайз Нолан с нижней ступеньки.

* * *

Когда они шли по толстому ковру, Бык Маллиган, прикрывшись своей панамой, шепнул Хейнсу:

— Брат Парнелла. Вон в том углу.

Они выбрали маленький столик у окна, напротив человека с вытянутым лицом, борода и пристальный взгляд которого нависали над шахматной доской.

— Вот это он? — спросил Хейнс, поворачиваясь на своем сиденье.

— Да, — ответил Маллиган. — Это Джон Хауард, его брат, наш городской церемониймейстер.

Джон Хауард Парнелл спокойно передвинул белого слона и снова поднес грязноватый коготь ко лбу, где он и остался неподвижно.

Через мгновение из-под его заслона глаза его бросили на противника быстрый, неуловимо сверкнувший взгляд и вновь устремились на критический участок доски.

— Мне кофе по-венски, — сказал Хейнс официантке.

— Два кофе по-венски, — сказал Маллиган. — И еще принесите нам масло, булочки и каких-нибудь пирожных.

Когда она удалилась, он со смехом сказал:

— Мы тут говорим, что ДХК значит дрянной холодный кофе. Да, но вы упустили Дедаловы речи о «Гамлете».

Хейнс раскрыл свою свежеприобретенную книгу.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Шекспир — это благодатная почва для тех умов, что утратили равновесие.

Одноногий матрос, приблизившись к Нельсон-стрит, 14, рывкнул:

— *Англия ждет...*

Лимонный жилет Быка Маллигана весело всколыхнулся от смеха.

— Вам стоит на него посмотреть, — сказал он, — когда его тело утрачивает равновесие. Я его называю Энгус-Скиталец.

— Я уверен, у него есть какая-то *idée fixe*, — сказал Хейнс, задумчиво пощипывая подбородок большим и указательным пальцами. — И я раздумываю, в чем бы она могла быть. У таких людей она всегда есть.

Бык Маллиган с серьезным выражением наклонился к нему через стол.

— Ему свихнули мозги,— заявил он,— картинами адских мук. И теперь ему уж никогда не достичь эллинской ноты. Той ноты, что, из всех наших поэтов, была у одного Суинберна, «и смерти белизна и алое рождение едино суть». Вот в чем его трагедия. Ему никогда не стать поэтом. Радость творчества...

— Вечные мучения,— произнес Хейнс, учтиво кивая,— да, я понимаю. Сегодня утром я его слегка попытал на тему о вере. Я видел, у него засело что-то в уме. Все это довольно любопытно, потому что в Вене профессор Покорный из этого делает любопытные выводы.

Бык Маллиган, заметив бдительным оком приближение официантки, помог ей освободить поднос.

— В древнеирландском мифе ему не найти даже намека на ад,— промолвил Хейнс, оказавшись между бодрящих чаш.— Похоже, что там нет и нравственной идеи, нет чувства судьбы, возмездия. Довольно странно, что у него именно такая *idée fixe*. Он как-нибудь участвует в вашем литературном движении?

Ловким жестом он запустил сбоку в чашку два куска сахара сквозь слой взбитых сливок. Бык Маллиган разрезал еще горячую булочку и намазал маслом дышащую парком мякоть. С большим аппетитом он основательно откусил от нее.

— Десять лет,— со смехом проговорил он, жуя.— Вот через столько он что-нибудь напишет.

— Довольно изрядный срок,— сказал Хейнс, задумчиво подняв ложечку.— И все же я не удивлюсь, если ему удастся, в конце концов.

Он снял и отведал ложечку с макушки белокремовой шапки на своей чашке.

— Надеюсь, что это настоящие ирландские сливки,— снисходительно произнес он.— Я не люблю быть объектом надувательства.

Легкий кораблик, скомканный бумажный листок, Илия, плыл рядом с бортами больших и малых судов, посреди архипелага пробок, минуя Нью-Воппинг-стрит, на восток, мимо парома Бенсона и рядом с трехмачтовой шхуной «Роузвин», шедшей из Бриджуотера с грузом кирпичей.

* * *

Альмидано Артифони миновал Холлс-стрит, потом двор Сьюэлла. Позади него Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис

Тисделл Фаррелл, с болтающей на руке плащезонто-стью, далеко обошел фонарный столб перед домом мистера Лоу Смита и, перейдя улицу, зашагал по Меррион-Сквер. Поодаль, позади него, слепой юноша выстукивал свой путь вдоль ограды университетского парка.

Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл дошел до приветливых витрин мистера Льюиса Вернера, затем повернул и пошел обратно по Меррион-сквер, с болтающею на руке плащезонто-стью.

На углу дома Уайльда он задержался, насупился на имя Илии, возвещаемое на стене Метрополитен-холла, затем на дальний газон герцогской усадьбы. Его монокль насупленно блеснул на солнце. Оскалив крысиные зубы, он пробормотал:

— *Coactus volui*¹.

И зашагал дальше, в сторону Клэр-стрит, пережевывая свои смелые слова.

Когда он вышагивал мимо окон мистера Блума, дантиста, его плащ, болтаясь, резко сбил в сторону тоненькую постукивавшую тросточку и повлекся дальше, хлестнув по хилому телу. Слепой юноша повернул вслед прохожему свое болезненное лицо.

— Будь ты проклят, кто ты там есть! — воскликнул он с озлоблением. — Не я слепой, а ты, чертов ублюдок!

* * *

Напротив бара Рогги О'Доноху юный Патрик Алоизиус Дигнам, прижимая к себе полтора фунта свиных котлет, за которыми его посылали в мясную лавку Мангана, бывшую Ференбаха, глаза по сторонам и наслаждаясь теплом, шаггал по Уиклоу-стрит. Скука была до чертиков сидеть там в зале вместе с миссис Стор и миссис Квигли и миссис Макдауэлл, занавески задернуты, а они все всхлипывают, сморкаются и потягивают первосортный херес, что дядя Барни принес от Танни. Доедают остатки фруктового пирога, сидят до чертиков, да одно и то же толкут. И вздыхают.

За Уиклоу-лейн его заинтересовала витрина мадам Дойл, придворной портнихи. Он остановился, глядя на двух противников, голых до пояса, изготовившихся боксировать. Из боковых зеркал молча глазели два юных Дигнама в трауре. Майлер Кео, любимчик Дублина, встретится

¹ Я согласился под принуждением (*лат.*).

с сержантом Беннетом, портобелльским тузилой, приз пятьдесят соверенов, ух ты, вот это будет матч, посмотреть бы. Майлер Кео, это который атакует того, с зеленым поясом. За вход два шиллинга, с солдат половина. Мамку-то я за просто обхитрю. Левый Дигнам повернулся, когда он повернулся. А, это же я в трауре. Когда будет? Двадцать второго мая. Эх, жалко до чертиков, опоздал. Он повернулся тоже, шапка у него съехала набок, воротничок вылез. Задрав подбородок, чтобы его застегнуть, он увидел невдалеке от боксеров изображение Марии Кендалл, очаровательной субретки. Картинки с такими девками бывают в пачках от сигарет. Стор за окурками охотится, а его однажды родитель застукал как он курил и задал просто страшную трепку.

Юный Дигнам заправил свой воротничок и двинулся дальше. По силе удара самый первый из боксеров это Фицсиммонс. Такой даст разочек в поддых, и ты очухаешься через неделю, дружок. Но самый первый по технике, это был Джем Корбетт, до тех пор, пока Фицсиммонс не вышиб из него все его хитрости, и все потроха в придачу.

На Грэфтон-стрит юный Дигнам увидел шикарного франга, у которого был во рту красный цветок, а на ногах ботинки — картинки, и ему какой-то пьяный все чего-то толкует, а он только ухмыляется.

Трамвая на Сэндимаунт все не было.

Юный Дигнам пошел по Нассау-стрит, переложив свиные котлеты в другую руку. Воротничок у него опять отстегнулся, и он запихнул его обратно. Уродская запонка, не подходит для этой дырки, надоела до чертиков. Ему повстречались школьники с ранцами. Завтра опять не пойду, останусь до понедельника. Навстречу еще шли школьники. Интересно, они заметили, что я в трауре? Дядя Барни сказал, он даст сегодня об этом в газету. Тогда все в газете увидят и прочитают мое имя напечатанным и папино имя.

Лицо у него вместо красного, как всегда было, сделалось совсем серое, и муха ползла по нему вверх, к глазам. Так скрипело, когда ввинчивали винты в гроб, и так глухо стучалось, когда несли вниз.

Папа был там внутри, а мама плакала в зале, а дядя Барни показывал, как пронести на повороте. Гроб был такой большой, высокий, тяжелый с виду. Как все это было? В последний вечер, когда папа напился, он стоял на лестничной площадке и орал, чтоб ему дали башмаки, он пойдет к Танни и там еще напьется, и он казался таким

толстым и низеньким в рубашке. Больше никогда его не увижу. Это называется смерть. Папа умер. Мой отец умер. Он мне сказал, чтобы я был маме хорошим сыном. Я не мог разобрать, что он еще говорил, но я видел, как его язык и зубы что-то старались выговорить. Бедный папа. Это был мистер Дигнам, мой отец. Я надеюсь, что он сейчас в чистилище, потому что он ходил к отцу Конрою на исповедь в субботу вечером.

* * *

Вильям Хамбл, граф Дадли, и леди Дадли в сопровождении подполковника Хеселтайна после завтрака выехали из резиденции вице-короля. В следующей карете находились почтенная миссис Пэджет, мисс де Курси и почтенный Джеральд Уорд, дежурный адъютант.

Кортеж проследовал через нижние ворота Феникс-парка, приветствуемый подобострастными полисменами, и мимо Королевского моста направился по северным набережным. На всем пути следования по столичным улицам вице-король встречал знаки самых наисердечнейших чувств. У Кровавого моста мистер Томас Кернан, находившийся по ту сторону реки, тщетно посылал свои приветствия издали. Вице-королевские кареты лорда Дадли проследовали между мостом Королевы и мостом Уитворта, где не получили приветствия от мистера Дадли Уайта, бакалавра права и магистра искусств, стоявшего на Арран-куэй рядом с домом ростовщицы миссис М. И. Уайт, что на углу Арран-стрит, и потиравшего нос в раздумье, попадет ли он в Фибсборо быстрее трамваем с тремя пересадками, или на извозчике, или же пешком через Смитфилд, холм Конституции и вокзал Бродстоун. В портике Судебной палаты Ричи Гулдинг, с фирменным портфелем Гулдинга, Коллиса и Уорда, вззрился на него с удивлением. За мостом Ричмонд, в подъезде конторы Рувима Дж. Додда, присяжного поверенного, агента Патриотической страховой компании, пожилая особа женского пола, собравшаяся было войти, передумала и, следуя назад по своим стопам, возле окон конторы Кинга обратила доверчивую улыбку к наместнику Его Величества. Из своего стока в стене Вуд-куэй, расположенного прямо под конторой Тома Девана, речушка Поддл представила верноподданные излияния своей вонючей струи. На бронзе золото, за головкой мисс Кеннеди головка мисс Дус, поверх занавески отеля «Ормонд», наблюдали с восхищением. На Ормонд-куэй мистер Саймон Дедал, направляясь из улично-

го сортира в полицейское управление, застыл неподвижно посреди улицы, низко опустив шляпу. Его Сиятельство с изяществом ответно приветствовал мистера Дедала. На углу типографии Кахилла преподобный Хью К. Лав, магистр искусств, погруженный в размышления о знатных сеньорах, которые в давние времена раздавали щедрой рукой завидные церковные привилегии, отвесил поклон, оставшийся незамеченным. На мосту Граттана Ленехан и Маккой, собравшись прощаться друг с другом, смотрели на проезжающие кареты. Проходя мимо конторы Роджера Грина и большого красного дома типографии Долларда, Герти Макдауэлл, которая несла своему больному отцу письма и образцы линолеума Кэтсби, догадалась по виду карет, что это были лорд-наместник с супругой, но так и не смогла разглядеть, в каком туалете была Ее Сиятельство, потому что трамвай и большой желтый мебельный фургон Спринга остановились как раз перед ней, именно из-за проезда лорда-наместника. За домом фирмы Ланди и Фуа, Джон Уайз Нолан, стоя в темных дверях винного погреба Каваны, послал холодную незамеченную усмешку лорду-наместнику и генерал-губернатору Ирландии. Достопочтенный Вильям Хамбл, граф Дадли, кавалер Большого Креста ордена Виктории, миновал неумолчно тикающие часы Микки Андерсона и восковые манекены Генри и Джеймса, румянощечкие, в элегантных костюмах, джентльмен Генри, dernier cri¹ Джеймс. Стоя спиной к Дэйм-гейт, Том Рочфорд и Флинн Длинный Нос наблюдали приближение кортежа. Том Рочфорд, увидев, что взгляд леди Дадли остановился на нем, поспешно вытащил большие пальцы из кармашков бордового жилета и снял с головы фуражку. Очаровательная субретка, великая Мария Кендалл, с размалеванными щеками и приподнятой юбочкой, посылала со своей афиши размалеванную улыбку Вильяму Хамблу, графу Дадли, а также полковнику Х. Дж. Хеселтайну, равно как и почтенному Джеральду Уорду, дежурному адъютанту. Из окон ДХК вице-королевский кортеж наблюдали Бык Маллиган и Хейнс, первый с видом смешливым, второй — серьезным, глядя между голов возбужденных посетителей, совсем загородивших от света шахматную доску, на которую был устремлен пристальный взгляд Джона Хауарда Парнелла. На Фаунс-стрит Дилли Дедал, подняв взгляд от французского учебника Шарденаля, увидела раскрытые

¹ Последний крик (франц.)

зонтики и сверкающие, вертящиеся спицы колес. Джон Генри Ментон, стоя в дверях Торговой палаты, неподвижно выпучил набрякшие от вина глаза-устрицы, держа толстые золотые охотничьи часы в толстой левой руке, не глядя на них и уже не чувствуя их. Там, где в воздух вздымалась передняя нога лошади короля Билли, миссис Брин отдернула своего поторопившегося супруга назад из-под копыт форейторской лошади. Крича ему прямо в ухо, она разъяснила происходящее. Тот понял, прижал свои фолианты левой рукой и приветствовал вторую карету. Почтенный Джеральд Уорд, дежурный адъютант, будучи приятно изумлен, поспешил ответить. На углу возле Понсонби остановился, притомившись, белый флакон Н., и вслед за ним остановились еще четыре белых флакона в цилиндрах, E. L. Y. 'S., меж тем как мимо промчались кареты и верховые. Против торговли музыкальными инструментами Пиготта внушительно вышагивал в живописном наряде мистер Дэнис Дж. Маджинни, учитель танцев и пр., коего вице-король обогнал, не заметив. У ректорского же дома появился с беспечным видом Буян Бойлан, ноги которого в рыжих штиблетах и носках с небесно-голубыми стрелками переступали в такт мотивчику песенки «Моя йоркширская девчонка». В пику небесно-голубым налобникам и стремительному напору верховых Буян Бойлан выставил небесно-голубой галстук, соломенную широкополую шляпу, ухарски сдвинутую набекрень, и синий костюм тонкого шевиота. Его руки, засунутые в карманы пиджака, не нашли нужным снять шляпу, однако он презентовал трем дамам нахальное одобрение во взгляде и красный цветок в зубах. Проезжая по Нассау-стрит, Его Сиятельство привлек внимание своей супруги, милостиво кивавшей по сторонам, к музыкальной программе, исполнявшейся в Колледж-парке. Бравые парни с шотландских гор, невидимые, трубили и барабанили во след процессии:

Моя девчонка — с фабрики,
Одета без затей.
Тарарабум.
Но сердце мое тянется,
Эх, к розочке из Йоркшира,
К возлюбленной моей.
Тарарабум.

По ту сторону стены участники гонки на четверть мили с гандикапом М. К. Грин, Х. Трифт, Т. М. Пейти,

К. Скейфи, Дж. Б. Джеффс, Г. Н. Морфи, Ф. Стивенсон, К. Эдрли и У. К. Хаггард стартовали поочередно. Шагая мимо отеля Финна, Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисделл Фаррелл оставил рассерженный монокль поверх экипажей на голову мистера М. Е. Соломонса в окне австро-венгерского вице-консульства. В глубине Ленстер-стрит, возле заднего входа Тринити, верноподданный Его Величества Хорнблоуэр притронулся к своей егерской фуражке. Когда гладко лоснящиеся кони галопом мчали по Меррионсквер, ожидавший там юный Патрик Алоизиус Дигнам увидел, как все приветствуют господина в цилиндре, и тоже приподнял свою черную новенькую фуражку пальцами, жирными от обертки свиных котлет. Воротничок его опять отстегнулся. Вице-король, направившийся на торжественное открытие благотворительного базара Майрас в пользу больницы Мерсера, проследовал со своею свитой в сторону Нижней Маунт-стрит. Возле лавки Бродбента они миновали слепого юношу. На Нижней Маунт-стрит пешеход в коричневом макинтоше, жуя черствую корку, быстро и беспрепятственно перебежал вице-королю дорогу. На мосту через Королевский канал мистер Юджин Стрэттон, ухмыляясь с афиши толстыми выпяченными губами, радушно приветствовал всех прибывающих в квартал Пембрук. На углу Хэддингтон-роуд две женщины, выпачканные в песке, несущие зонтик и сумку, где перекатывались одиннадцать ракушек, остановились в удивлении при виде лорд-мэра с лорд-мэршей и без золотой цепи. На Нортамберленд-роуд и Лэндсаун-роуд Его Сиятельство неукоснительно отвечал на поклоны редких прохожих мужского пола, на поклон двух малолетних школьников, стоявших у садовой калитки того дома, которым, как говорят, восхищалась покойная королева при своем посещении ирландской столицы вместе с супругом, принцем-консортом, в 1849 году, и на поклон обширных штанов Альмидано Артифони, мелькнувших в дверях, которые, поглотив их, захлопнулись.

Бронза и золото услышали цокопыт сталезвон.

Беспардон дондондон.

Соринки, соскребая соринки с заскорузлого ногтя. Соринки.

Ужасно! И золото покраснелось сильней.

Сиплую ноту флейтой выдул.

Выдул. О, Блум, заблумшая душа.

Золотых корона волос.

Роза колышется на атласной груди, одетой в атлас, роза Кастилии.

Напевая, напевая: Адолорес.

А ну-ка, кто у нас... златовлас?

Звонok сожалееущей бронзе жалобно звякнул.

И звук чистый, долгий, вибрирующй. Медленно замирающй двук.

Маняще. Нежное слово. Взгляни! Уж меркнут звезды.

О, роза! Ноты, щебечущие ответ. Кастилии. Утро брезжит.

Звякая дребезжа катила коляска.

Монета звякнула. Кукушка закуковала.

Признание. *Sonnez*. С тобой. Подвязка оттянута. Расстаться не могу. Хлоп. *La cloche!* Хлопнула по бедру.

Признание. Теплому. Милый друг, прощай!

Позвякиванье коляски. Блу.

Громыхнули сокрушительные аккорды. Когда любовь горит. Война! Война! Барабанная перепонка.

Парус! Платочек, веющй над волнами.

Потеряно. Дрозд высвистывал. Все уж потеряно.

Зачесалось. У него.
Когда явился. Увы!
Сполна возьми. Полнокровное биенье.
Трели льются. Ах, маня! Заманивая.
Марта! Приди!
Хлопхлоп. Хлохлохлоп. Хлоплоплоп.
Господи никог давжиз нионнеслы.
Пэт лысый глухарь принес бювар нож забрал.
Зов ночной в лунном свете: вдали, вдали.
Я так печален. P. S. Я одинокий облумок.
Слушай!
Моря звучащий горн, витой, рогатый, прохладный.
У тебя? Себе а потом другой плеск и беззвучный рев.
Жемчужины: когда она. Рапсодии Листа. Ш-ш-шип.
А вы не?
Не — нет-нет — не верила — Лидлид. Петух потоптать
да покукарекать.
Черные.
Нижние октавы. Давайте же, Бен, давайте.
Потужит да и обслужит. Хи-хи. Дела не плохи.
Но погоди!
Во мрачной пещере, в недрах земли. Груды руды.
Naminedamine. Все погибли. Все пали в бою.
Крохотные завитки, девичьих волос трепещущий папо-
ротниковый узор.
Аминь! С яростным скрежетом зубов.
Взад-вперед. Вперед-взад. Кол прохладный торчал.
Бронзолидия подле Златомайны.
Мимо бронзы и золота в густозеленой тени океанских
глубин. Блум. Старина Блум.
В дверь тук-тук, в двери стук, покукарекать да потоп-
тать петух.
Молитесь о нем! Молитесь, добрые люди!
Его узловатые пальцы, прищелкивая.
Большой Бенабен. Большой Бенбен.
Последнюю розу Кастилии лета покинул блум печаль-
ный блуминокий облумок.
Пи-и! Маленький ветерок протянул и-и.
Честные граждане. Лид Кер Кау Де и Долл. Вот-вот.
Как и ты. Поднимут твой динь и дон.
Пффф! Ох!
Где бронза из близи? Где золото из дали? Где копыта?
Пуррр. Дзиинь. Грамгр.
Вот тогда, но не прежде чем тогда. Будет напrrрpfфис.
Моя эпррритапфффия.

Кончил.
Начинай!

За бронзой золото, головка мисс Кеннеди за головкой мисс Дус, поверх занавески бара, слушали как проносятся вице-королевские копыта, как звенит сталь.

— А это она? — спросила мисс Кеннеди.

Мисс Дус отвечала, да, сидит рядом с самым, в жемчужно-сером и eau de Nil¹.

— Какое изящное сочетание, — сказала мисс Кеннеди.

Вдруг вся оживившись, мисс Дус возбужденно проговорила:

— Смотри-ка, вон тот, в цилиндре!

— Где-где? Который? — откликнулось еще возбужденней золото.

— Во второй карете, — сказали смеющиеся губы мисс Дус, влажно блеснув на солнце. — Сюда смотрит. Пусти-ка, гляну.

Она бронзовую стрелой метнулась к другому окну и расплюснула лицо на стекле, в туманном кружке от ее возбужденного дыхания.

Влажные губы прощепетали:

— Заметил! Убит насмерть!

Она хихикнула:

— Я рыдаю! Эти мужчины — ну потрясающие идиоты!

Впрочем, не без печали.

Мисс Кеннеди печально прогуливалась, выйдя из полосы света и заплетая выбившуюся прядку волос за ушком. Печально прогуливаясь, уж золотом не сияя, она закручивала, заплетала прядку. Печально заплетала она загулявшую золотую прядку за изогнутым ушком.

— Уж кому раздолье, так это им, — печально возразила она.

Мужчина.

Блукто двигался мимо трубок Муленга, храня на груди прелести греха, мимо антиквариата Уайна, храня в памяти прелестные греховные речи, мимо тусклого и погнутого столового серебра Кэрролла, ради Рауля.

Коридорный к ним, к ним в баре, к ним барменшам подошел. Для них, его не удостоивших взглядом, брякнул на стойку он поднос с задрезжавшими чашками. И

¹ Зеленовато-голубого цвета (франц.).

— Вот он, чай ваш,— сказал.

Мисс Кеннеди с манерными жестами переставила поднос ниже, на перевернутый ящик от минеральной воды, подальше от взоров, вниз.

— Это чего там? — звонко полюбопытствовал не знающий манер коридорный.

— Сам догадайся,— отрезала мисс Дус, покидая свой наблюдательный пункт.

— Твой ухажер, небось?

На что бронза с высокомерием:

— Я на тебя пожалуюсь миссис де Мессе, если еще раз услышу такое беспардонное нахальство.

— Беспардон дондондон,— огрызнулось дерзкое рыло, меж тем как он двинулся прочь как она грозилась откуда пришел.

Блум.

Нахмурившись над своим цветком, мисс Дус заявила:

— Этот шпингалет совсем распустился. Если он не будет себя прилично вести, я ему уши оборву.

С видом леди, изящное сочетание.

— Не обращай внимания,— посоветовала мисс Кеннеди.

Она налила чай в чашку, потом снова в чайник из чашки. Они укрылись за скалой стойки, поджидая на подножках, ящиках стоямя, пока чай настоится. Они оправляли блузки из черного атласа, метр два шиллинга девять, поджидая, пока чай настоится, и два шиллинга семь.

Да, за бронзой вблизи золото поодаль слышали сталь вблизи, звон копыт поодаль, слышали сталь копыт, звон копыт, звонкосталь.

— Правда, я страшно загорела?

Мисс бронза раскрыла блузку на шее.

— Нет,— отвечала мисс Кеннеди,— потемнеет потом, не сразу. А ты не пробовала развести борную в лавровишневой воде?

Мисс Дус, привстав, поглядела сбоку на свою кожу в зеркале бара, несущем златобронзовые литеры на раме и отражающем крупную раковину в кругу бокалов рейнского и бургонского.

— Ага, потом на руках останется,— возразила она.

— А ты с глицерином,— предлагала мисс Кеннеди.

Окинув шею и руки прощальным взглядом, мисс Дус

— От этих средств только сыпь выступает,— отвергла,

села на место. — Я того старого сыча у Бойда просила мне дать что-нибудь для кожи.

Мисс Кеннеди, разливая настоявшийся чай, с гримаской взмолилась:

— Ах, бога ради, не напоминай мне о нем!

— Нет, погоди, дай я расскажу, — настаивала мисс Дус.

Чай сладкий свой долив молоком, мисс Кеннеди ушки зажала пальчиками.

— Ах нет, не надо! — воскликнула она.

— Я не слышу, не слышу! — воскликнула она.

Но Блум?

Мисс Дус передразнила гнусавое старческое ворчанье:

— Для чего, для чего? это он мне.

Мисс Кеннеди отняла пальчики, чтоб слышать, чтоб говорить — но снова сказала, снова взмолилась:

— Ах, не говори про него, я не вынесу! Противный старый урод! Помнишь, в тот вечер, в зале Эншент.

С миной отвращения она сделала глоток крепкого горячего чаю — глотнула — глоток сладкого чаю.

— Смотри, какой он был, — сказала мисс Дус, вывернув кособоко бронзовую головку и раздув ноздри. — Хр-р! Хр-р!

Пронзительный взрыв смеха вырвался из горла мисс Кеннеди. Мисс Дус сопела и всхрапывала сквозь ноздри, которые шевелились словно вынюхивающее рыло беспардондондондон.

— Я не могу! — стонала, повизгивая, мисс Кеннеди. — Ты помнишь, какие у него глаза выпученные?

Тут залилась и мисс Дус звонкобронзовым смехом:

— Ох, как бы он нас не сглазил!

Блучьи темные глаза прочитали имя: Арон Фигфурт. А почему мне всегда читается Фигфунт? Выходит фунт фиг, наверно поэтому. Проспер Лоре — гугенотская фамилия. Темные глаза Блума скользнули по пресвятым девам в витрине Басси. Голубой плащ, под ним белизна, приидите ко мне. Они верят, что она бог — или богиня? Сегодняшние богини. Не удалось разглядеть. Подошел тот парень. Студент. Потом он с сыном Дедала. Наверно, это Маллиган. Весьма милovidные девы. Вот что и привлекает этих развратников: ее белизна.

Дальше и дальше скользили его глаза. Прелести греха. Прелестные прелести.

Греха.

Закатываясь залившимся смехом, два голоса молодых

слили Дус и Кеннеди, златобронза, ох, сглазит. Запрокидывая головки, смехобронзу и смехозлато, чтоб без помех лился смех, взвизгивали, сглазит, делали знаки друг другу, издавая высокие пронзительные ноты.

А-ах, переводят дух, затихают. Затихая, а-ах, замирая, их веселье угасло.

Мисс Кеннеди снова поднесла к губам чашку, но едва сделала глоток, как тут же снова захихикала. Мисс Дус, наклонившись к подносу, снова наморщила нос и принялась потешно вращать выпученными глазами. Снова Хихикеннеди, наклонясь, так что корона ее волос, наклонясь, показала черепаховый гребень на затылке, прыснула прямо изо рта чаем, захлебнувшись чаем и смехом, захлебываясь, кашляя, взвизгивая:

— Сальные глазки! Представь-ка себя замужем за таким! С его бородачком!

Дус в ответ испустила блистательный вопль, истинно женский вопль, в котором звучали восторг, ликование, презрение.

— Замужем за сальным носом! — возопила она.

Смеясь то на низких, то на высоких нотах, то бронзой звеня, то золотом, они подзуживали друг дружку на новые и новые всплески хохота, чередующимся перезвоном, бронза-злато, злато-бронза, высоко-низко, всплеск-еще-всплеск. И снова без конца хохотали. Ага, весь сальный, я знаю. В полном изнеможении, задыхаясь, вздрагивающие головы они прислонили к стойке, корону кос подле гладкоблестящей укладки. Раскрасневшиеся (Уф-ф!), вспотевшие, тяжело дыша (Уф-ф!), обе еле переводили дух.

За Блумом замужем, за сальнозасаленным!

— Силы небесные! — вздохнула мисс Дус над своей вздрагивающей розой. — Лучше б я так не смеялась. Прямо вся взмокла.

— О, мисс Дус! — возмутилась мисс Кеннеди. — Что за ужасное создание!

И покраснелась еще сильнее (фу, как ужасно!), став еще золотистой.

Мимо конторы Кантвелла брел Сальноблум, мимо дев Чеппи, сияющих масляною краской. У Нанетти отец торговал вразнос этим товаром, обивал пороги, как я. Религия — доходное дело. Надо опять к нему насчет Ключчи. Но сначала поесть. Проголодался. Нет еще. Она сказала, в четыре. Время идет без остановки. Часы тикают. Ступай. Где бы поесть? Кларенс, Дельфин. Ступай. Ради Рауля. Поесть.

Если бы набралось пять гиней с этих реклам. Комбинацию шелковую, сиреневую. Нет еще. Прелести греха.

Румянец убавился — еще убавился — золотистая бледность.

Праздной походкой в бар к ним вошел мистер Дедал. Соринки, соскребая соринки с заскорузлого ногтя большого пальца. Соринки. Праздной вошел походкой.

— А, с возвращением вас, мисс Дус.

Подал ей руку. Хорошо отдохнули?

— Шик-блеск.

Он выразил надежду, что с погодой в Ростриворе ей повезло.

— Погода дивная, — сказала мисс Дус. — Можете судить по мне — ничего видик, правда? Целыми днями на пляже.

Бронзовая белизна.

— Это с вашей стороны так жестоко, — попенял ей мистер Дедал, милостиво поглаживая по руке. — Искушать бедненьких простачков-мужчин.

Атласная мисс Дус мягко высвободила руку.

— Ах, оставьте, — проговорила она. — Уж вы-то простак, так я вам и поверила.

А он был.

— Да нет, знаете, — рассуждал он, — все-таки я простак. Когда я лежал в колыбельке, у меня был вид до того простодушный, что меня так и окрестили: простак Саймон.

— Тогда вы, наверно, были просто душка, — последовал ответ мисс Дус. — А что вам доктор прописал на сегодня?

— Да знаете, — рассуждал он, — это на ваше усмотрение. Пожалуй, если вас не затруднит, то я попросил бы чистой воды и полстаканчика виски.

Позвякиванье.

— Моментально, — отозвалась мисс Дус.

Моментально и грациозно к золоченому зеркалу, отражающему продукцию Кантрелла и Кокрейна, она обернулась. Грациозно отмерила порцию золотистого виски из хрустального графина. Мистер Дедал между тем извлек из-под полы своего сюртука кисет и трубку. Моментально обслуживает. Он выдул через флейту мундштука две сильные ноты.

— Клянусь вам, — рассуждал он, — я уже сколько раз сам туда собирался, в горы Морн. Там должен быть отличный бодрящий воздух. Но, говорят, долго собирался — верней добрался. Да-да. Да.

Да. Он набил свой чубук волокнами, волосками ее

волос, светлых волос Виргинии, русалки. Волокна. Волоски. Рассуждая. Беззвучно.

Никто ни звука не произнес. Да.

Мисс Дус весело протирала бокалы, напевая:

— *О, Адолорес, краса восточных морей!*

— А мистер Лидуэлл заходил сегодня?

В бар вошел Ленехан. Осмотрелся кругом. Мистер Блум достиг моста Эссекс. Дэ-с, и мост Дэссекс перешел мистер Блум. Надо написать Марте. Бумаги купить. У Дэли. Там любезная продавщица. Блум. Старина Блум. История заблумшей души.

— Он заходил в обед, — сказала мисс Дус.

Ленехан приблизился к стойке.

— Тут меня не разыскивал мистер Бойлан?

Спросил он. Она отвечала:

— Мисс Кеннеди, сюда не заходил мистер Бойлан, пока я была наверху?

Спросила она. Мисс Кеннеди голос отвечал, чаю вторая чашка на пути ко рту, взгляд прикован к странице:

— Нет, его не было.

Мисс Кеннеди взор, слышимой, но невидимой, продолжал чтение. Ленехан шустро округлил кругленький корпус вокруг колпака, прикрывавшего сандвичи.

— А ну-ка, кто у нас тут?

Взгляда Кеннеди не удостоившись, он предпринял новые попытки. Не забывайте про точки. Читайте вот эти черненькие значки: круглое — это о, а крючком — эс.

Резво позвякивала коляска.

Златодева читала, не глядя по сторонам. Не обращай внимания. Она не обращала, а он, как ученик по слогам, монотонно и нараспев, принялся читать ей басню:

— Ад-нажды лисица всы-ты-ретила аиста. И га-ва-рит лиса аисту: пра-сунь свой кы-люв ка мне в горло и вы-та-щи кость.

Попусту он бубнил. Мисс Дус отвернулась к своей чашке, стоявшей чуть в стороне.

Он вздохнул в сторону:

— О, горе мне! О я, несчастный!

Он обратился с приветствием к мистеру Дедалу и получил ответный кивок.

— Привет от прославленного сына прославленного отца.

— Кто б это был? — поинтересовался мистер Дедал.

Ленехан с наисердечнейшим видом развел руками. Как кто?

— Кто б это был? — переспросил он. — И вы можете спрашивать? Стивен, наш юный бард.

Сухо.

Мистер Дедал, прославленный боец, отложил свою трубку, набитую сухим табаком.

— Понятно, — сказал он. — Сначала до меня не дошло. Я слышал, что он возвращается в самом избранном обществе. А вы его видели недавно?

Видел.

— Не далее как сегодня мы вместе с ним осушали чаши амброзии, — поведал Ленехан. — У Муни en ville и Муни sur mer¹. Подвиги его музы принесли ему толику наличности.

Он улыбнулся устам бронзы, чаем омытым, внимающим устам и глазам.

— Элита Эрина ловила каждый звук с его уст. Ученый профессор Хью Макхью, знаменитейший борзописец и издатель нашего города, и тот певец молодой с дикого и сырого Запада, что отзывается на сладкозвучное имя О'Мэдден Берк.

После некоторого молчания мистер Дедал поднял стакан и

— Надо полагать, это было очень занимательно, — произнес он. — Теперь я вижу.

Он вижу. Он отхлебнул. Взором витая в далеких печальных горах, в горах Морн. Поставил стакан.

Он посмотрел в раскрытую дверь салона.

— Я вижу, вы переставили рояль.

— Сегодня приходил настройщик, — объяснила мисс Дус, — чтобы настроить его для ресторанной программы. Я в жизни не слышала такой изящной игры.

— В самом деле?

— Ведь правда, мисс Кеннеди? Просто классическая игра. И знаете, он слепой. Бедный юноша, ему и двадцати лет не дашь.

— В самом деле? — повторил мистер Дедал.

Он снова отхлебнул и отошел в сторону.

— Так было жалко смотреть на его лицо, — сочувствовала мисс Дус.

Будь ты проклят, чертов ублюдок.

К ее сожаленью, звонок жалобно звякнул, вызов официанта. К дверям обеденной залы направился лысый Пэт, направился озабоченный Пэт, направился Пэт-официант. Пива клиенту. Пива отнюдь не моментально отпустила она.

¹ В городе... на море (франц.).

Ленехан ждал терпеливо нетерпеливого буяна Бойлана, поджидал резвого звяканья.

Приподняв крышку, он (кто?) заглянул в гроб (гроб?), где шли наискось тройные (рояля!) струны. Он погладил (тот самый, кто милостиво поглаживал ее по руке) тройку клавиш, нажал на них, мягко педалируя, чтобы увидеть, как выдвигается вперед мягкий фетр, услышать приглушенное падение молоточков.

Два листа веленовой кремовой бумаги один про запас два конверта когда я служил у Хили премудрый Блум Генри Флауэр купил у Дэли. Так ты несчастлив в семейной жизни? Цветочек мне в утешение а булавка оборвет лю. Что-то в этом есть в языке цве. Это маргаритка была? Невинность значит. Благоденственная девица повстречать после мессы. Паакорна благодарим. Премудрый Блум узрел на дверях рекламу, курящая русалка колышется на волнах. Курите русалку, это легчайшие сигареты. Струющиеся пряди волос — несчастная любовь. Ради какого-то мужчины. Ради Рауля. Он глянул и увидел вдали, на мосту Эссекс, яркую шляпу, маячившую над легкой коляской. Так и есть. Третий раз. Совпадение.

Позвякивая, колыхаясь на тугих шинах, коляска свернула с моста на набережную Ормонд. За ним. Рискнуть. Только надо быстрее. В четыре. Уже скоро. Ступай.

— С вас два пенса, сэ, — решила напомнить продавщица.

— Ах, да... Я совсем забыл... Простите...

И четыре.

Она в четыре. Она чарующе улыбнулась Блукомуему. Блу улыб и быст выш. Дня. Думаешь ты у ней главная спица в колеснице? Она так каждому. Всем мужчинам.

В дремотной тишине склонилось золото над страницей.

Из салона донесся долгий, медленно замирающий звук. То был камертон настройщика, который он забыл, который он задел. Снова звук. Который он сейчас взял, который сейчас вибрировал. Слышите? Он вибрировал, все чище и чище, мягче и мягче, двумя своими жужжащими ветвями. Еще медленней замирающий звук.

Пэт уплатил за бутылку с тугою пробкой для клиента — и вот поверх подноса, бокала, тугопробкой бутылки, лысый и тугоухий, вот он вступил, тихонько, вместе с мисс Дус:

— *Уж меркнут звезды...*

Безгласно из глубины пела песнь, выпеая:

— ...утро брезжит.

Стайка крылатых нот, из-под чутких выпорхнув пальцев, прощebetала звонкий ответ. Хрустальные радостные ноты, сливаясь в гармонические аккорды, призывали голос, который воспел бы томление росистого утра, юности, прощанья с любовью, воспел бы утро жизни и утро любви.

— *И жемчуг рос...*

Губы Ленехана над стойкой вывели тихий зовущий свист.

— Но взгляните же,— сказал он,— о, роза Кастилии. Звякнув, коляска замерла у обочины.

Поднявшись, свою книгу она закрыла, роза Кастилии. Страдающая и одинокая, в задумчивости она поднялась.

— Она сама пала или ее подтолкнули? — спросил он.

Свысока она бросила:

— Кто ни о чем не спрашивает, тому не солгут.

Как леди, настоящая леди.

Буяна Бойлана модные рыжие штiblеты ступали, поскрипывая, по полу бара. Да, золото взблизил, бронза поодаль. Ленехан услышал, узнал, приветствовал:

— Грядет герой-покоритель.

Между коляской и окном, крадучись, пробирался Блум, непокоренный герой. Заметить может. Сидел на этом сиденье: теплое. Черный кот, крадучись, пробирался, правя на портфель Ричи Гулдинга, приветно поднятый в воздухе.

— *И мы с тобой...*

— Я знал, что ты тут,— сказал Буян Бойлан.

В честь блондинки мисс Кеннеди он коснулся полей набекрень скошенного канотье. Она подарила ему улыбку. Однако сестрица бронза улыбкою ее превзошла, пригладив и оправив ради него свои еще более роскошные волосы, и бюст, и розу.

Бойлан заказал зелья.

— Чего твоя душа жаждет? Горького пива? Стаканчик горького, пожалуйста, и терновый джин — для меня. Еще нет телеграммы?

Нет еще. В четыре она. Все говорят четыре.

Красные уши и кадык Каули в дверях полицейского управления. Избежать. А Гулдинг — это удача. Чего ему надо в Ормонде? Коляска ждет. Надо ждать.

Привет. Куда направляетесь? Перекусить? И я как раз тоже. Сюда вот. Как, в Ормонд? Лучшее, что есть в Дублине. В самом деле? В ресторан. И там — тихо. Смотри, а тебя чтоб не видели. Что же, пожалуйста, и я с вами. Вперед.

Ричи шел первым. Блум следовал за портфелем. Трапеза, достойная принца.

Мисс Дус потянулась достать графин, атласная ручка вытянута изо всех сил, блузка на груди вот-вот лопнет, так высоко.

— О! О! — кричал Ленехан при каждом ее новом усилии. — О!

Однако успешно она овладела добычей и с торжеством ее опустила вниз.

— Отчего вы не подрастете, мисс? — спросил Буян Бойлан.

Бронзоволосая, наливая из графина тягучий сладкий напиток для его уст, глядя на тягучую струйку (цветок у него в петлице, от кого это, интересно?), сладким голосом протянула:

— Мал золотник, да дорог.

О себе то есть. Налила аккуратно сладкотягучего терна.

— Ваше здоровье, — сказал Буян.

Он бросил на стойку крупную монету. Монета звякнула.

— Постойте-постойте, — сказал Ленехан, — я тоже...

— За ваше, — присоединился он, поднимая вспененный эль.

— Корона выигрывает, это как пить дать, — заверил он.

— Я тоже малость рискнул, — сказал Бойлан и, подмигнув, выпил. — Не за себя, правда. Одному другу взбрело.

Ленехан потягивал пиво и ухмылялся, то на пиво поглядывая, то на губки мисс Дус, полуоткрытые, тихонько мурлыкающие песнь морей, которую прежде они выводили звонко. Адолорес. Восточные моря.

Часы зашипели. Мисс Кеннеди прошла мимо них (но от кого же этот цветок), унося поднос с чашками. Кукушка закуковала.

Мисс Дус взяла монету со стойки, резко крутнула ручку кассы. Касса дзинькнула. Кукушка прокуковала. Прекрасная египтянка, соблазнительно изгибаясь, позвякивая монетами в ящике, напевая, отсчитывала сдачу. С надеждой смотри на закат. Пробили. Для меня.

— Это сколько пробило? — спросил Буян Бойлан. — Четыре?

Часа.

Ленехан, маленькими глазками пожирая ее, напевающую, и напевающий бьюст, потянул Бойлана за рукав.

— Давайте-ка послушаем бой часов, — предложил он.

Фирменный портфель Гулдинга, Коллиса и Уорда вел за

собой заблумшую душу, Блума, между бездушных столиков. Неуверенный, с возбужденной уверенностью, под выжидательным взглядом лысого Пэта, выбрал он столик поближе к двери. Будь поближе. В четыре. Он что, забыл? Или тут хитрость? Не прийти, раздражить аппетит. Я бы не смог так. Но выжди, выжди. Пэт, наблюдая, выжидал.

Искрящаяся бронзы лазурь окинула небесно-голубые глаза и галстук Голубойлана.

— Ну, давайте,— настаивал Ленехан.— Как раз нет никого. А он ни разу не слышал.

— ...уже и солнце высоко.

Высокий и чистый звук поднимался ввысь.

Бронза-Дус, посеekretничав с розой, ставши чуть розовой, пытливый кинула взгляд на цветок, на глаза Буяна.

— Просим, просим.

Он упрашивал ее сквозь повторявшиеся признания:

— *С тобой расстаться не могу...*

— Как-нибудь потом,— пообещала скромница Дус.

— Нет-нет, сейчас! — не отставал Ленехан.— *Sonnez la cloche!*¹ Пожалуйста! Ведь нет никого.

Она огляделась. Быстрый взгляд. Мисс Кен не услышит. Быстрый наклон. Два загоревшихся лица ловили каждое движение.

Неуверенные аккорды сбились с мелодии, снова ее нащупали, снова теряли и снова ловили, спотыкаясь. Затерявшийся аккорд.

— Ну же! Действуйте! *Sonnez!*

Нагнувшись, она вздернула подол юбки выше колена. Помедлила. Еще помучила их, нагнувшись, выжидая, поглядывая лукаво.

— *Sonnez!*

Хлоп! Внезапно она оттянула, отпустила и тугая подвязка звонкохлопнула по зовущему похлопать тепложенскому тугому бедру.

— *La cloche!* — радостно вскричал Ленехан.— Сама научилась! Это вам не опилки.

Она надменно усмехлыбнулась (рыдаю! эти мужчины...), но, скользнув к свету, улыбнулась Бойлану ласково.

— Вы просто воплощение вульгарности,— сказала она, скользя.

Бойлан все смотрел на нее. Кубок свой поднеся к полным губам, осушил он крохотный кубок, втянул последние

¹ Звоните в колокольчик! (*франц.*).

синеватые капли, густые и полновесные. Зачарованно взгляд его провожал головку, в пространстве бара скользившую к зеркалам, в золоченой арке которых мерцали бокалы эля, рейнского и бургонского и рогатая раковина. Там, в зеркалах отраженная, бронза ее слилась с бронзой еще более солнечной.

Да, бронза совсем вблизи.

— ...*Мой милый друг, прощай!*

— Все, ухожу, — нетерпеливо проговорил Бойлан.

Кубок свой резко отодвинул, взял сдачу.

— Погоди малость, — забеспокоился Ленехан, допивая поспешно. — Мне надо тебе сказать. Том Рочфорд...

— Да иди к богу в рай, — бросил Буян уже на ходу.

Ленехан срочно опрокинул остатки.

— Зачесалось у тебя, что ли? — недоумевал он. — Погоди, я иду.

Он пустился за быстрыми поскрипываньями башмаков, но у порога проворно осадил, приветствуя две фигуры, грузную и щуплую.

— Мое почтение, мистер Доллард!

— Что-что? Почтение! Почтение! — рассеянно откликнулся бас Бена Долларда, на миг оторвавшись от горестей отца Каули. — Ничего он вам не сделает, Боб. Олф Берген поговорит с долговязым. На сей раз мы этому Иуде Искарриоту вставим перо.

Через салон проследовал мистер Дедал, вздыхая и потрагивая пальцем веко.

— Хо-хо, ей-ей, — вывел тирольскую руладу Бен Доллард. — Саймон, а вы бы спели нам что-нибудь. Мы слышали тут звуки рояля.

Лысый Пэт, озабоченный официант, ожидал, пока закажут напитки. Так, Ричи — виски. А Блуму? Подумать надо. Не гонять его лишний раз. Небось, мозоли. Четыре. Так жарко в черном. Конечно, и нервы тут. Преломляет (или как там?) тепло. Надо подумать. Сидр. Да, бутылку сидра.

— С какой стати? — возразил мистер Дедал. — Это я просто так бренчал.

— Ничего-ничего, давайте, — не отставал Бен Доллард. — Сгиньте, заботы. Идемте, Боб.

Рысцей он двинулся, Доллард, в необъятных штанах, впереди них (держите-ка мне вот этого в: ну-ну, давайте) в салон. Он плюхнулся, Доллард, на табурет. Плюхнулись узловатые лапы на клавиши. И замерли, плюхнувшись.

Лысый Пэт встретил в дверях златовласку, которая

бесчайною возвращалась. Озабоченный, он желал виски и сидр. Бронзоволосая у окна сидела, бронза поодаль.

Звякнув, резво взяла с места коляска.

Блум услышал звяканье, слабый звук. Уезжает. Слабый и судорожный вздох обратил он к немым голубеющим цветам. Звякнуло. Уехал. Звякнув. Слушай.

— Любовь и войну, Бен,— сказал мистер Дедал.— Как в добрые старые времена.

Отважная мисс Дус, оставленная всеми взорами, отвела свой от занавески, не выдержав сокрушающего блеска лучей. Уехал. Задумчивая (кто знает?), сокрушенная (сокрушающие лучи), она опустила штору, дернув за шнур. Облекла задумчиво (почему он так быстро уехал, когда я?) свою бронзу и бар, где стоял лысый подле златовласой сестрицы, неизящное сочетание, сочетание неизящное, антизящное, в тихую прохладную смутную зеленоватую колышашуюся глубокую сень, eau de Nil.

— В тот вечер бедняга Гудвин аккомпанировал,— вспомнил и отец Каули.— Только они с роялем не совсем сходились во мнениях.

Не совсем.

— И устроили бурный спор,— дополнил мистер Дедал.— Ему тогда сам черт был не брат. На старичка порой находило в легком подпитии.

— Мать честная, а я-то, помните? — вступил и Бен дылда Доллард, оборачиваясь от многострадальных клавишей.— У меня еще как на грех не было свадебного наряда.

Все трое расхохотались. Он был рад, да наряд. Расхохоталось все трио. Свадебного наряда не было.

— Но тут, нам на счастье, подвернулся дружище Блум,— продолжил мистер Дедал.— А, кстати, где моя трубка?

За трубкой за затерявшимся аккордом зашаркал он назад к стойке. Пэт лысый принес напитки Ричи и Польди. И отец Каули засмеялся опять.

— Это ведь я тогда спас положение, Бен.

— Не спорю,— признал Бен Доллард.— Я как сейчас помню эти узкие брючки. Вас осенила блестящая мысль, Боб.

Отец Каули покраснел до самых мочек ушей, розовых и блестящих. Он. Спас поло. Эти брю. Блесмыс.

— Я знал, что он на мели,— сказал он.— Жена его по субботам играла на пианино в кофейне за какие-то жалкие гроши, и кто-то мне подсказал, что она этим тоже занима-

ется. Вы помните? Мы их разыскивали по всей Холлс-стрит, пока нам приказчик у Кео не дал адрес. Помните?

Бен вспоминал, и на широком лице его возникало изумленное выражение.

— Мать честная, чего у нее там не было, какие-то роскошные оперные плащи.

Трубку зажав, назад зашаркал мистер Дедал.

— В стиле Меррион-сквер. Мать честная, бальные платья, платья для приемов. И он никак не хотел взять деньги. Каково? Кучи каких-то, черт дери, треуголок, болеро, панталон. Каково?

— Вот-вот, — закивал мистер Дедал. — У миссис Мэрион Блум можно снять платье любого рода.

Позвякивала по набережным коляска. Буян развалился на тугих шинах.

Печенка с беконом. Почки и говядина в тесте. Хорошо, сэр. Хорошо, Пэт.

Миссис Мэрион метим псу хвост. Запах горелого Поль де Кока. Симпатичное имя у.

— А как ее девичья фамилия? Пикантная девица была. Мэрион...

— Твиди.

— Да-да. А жива она?

— Еще как.

— Она ведь была дочерью...

— Дочерью полка.

— В самую точку, ей-ей. Я помню этого старого тамбурмажора.

Мистер Дедал чиркнул, высек, разжег, выдохнул душистый клуб и затем

— Ирландка ли? Ей-ей, не могу сказать. А вы не знаете, Саймон?

За клубом еще клуб, душистый, крепкий, густой, потрескивая.

— Щечный мускул... Что?.. Малость заржавел... Ну как же, она конечно... О, Молль, ирландочка моя.

Выпустил пахучий залп, пышный клуб.

— С Гибралтарских скал... пряником.

Они томились в тени океанских глубин, золото у пивного насоса, бронза возле бутылок мараскина, обе в задумчивости, Майна Кеннеди, Лисмор-Террас 4, Драмкондра, с Адолорес, красою, Долорес, безмолвной.

Пэт подал заказ на незакрытых тарелках. Леопольд принялся нарезать печенку на ломтики. Как уже было

сказано, он с удовольствием ел внутренние органы, пупки с орехами, жареные наваджи молоки, между тем как Ричи Гулдинг, Коллис, Уорд ел говядину и почки, то говядину то почки, запеченные кусочки ел он ел Блум они ели.

Блум с Гулдингом, молчанием обреченные, ели. Трапезы принцев.

По Бэйчлорз-уок¹ позвякивала коляска на тугих шинах, катил в ней вольный холостяк Буян Бойлан — по солнцу, по жаре, под щелканье хлыста над гладким крупом кобылки — на теплом сиденье развалясь, дерзкого пыла и нетерпения полн. Зачесалось. У тебя? Зачесалось. У тебя? Заче-зачесалось.

Перекрывая все голоса, перегромыживая гремящие аккорды, ринулся в бой бас Долларда:

— *Когда любовь в душе горит...*

Раскаты Бендудшебенджамина докатились до сотрясаемых содрогнувшихся от любви стекол крыши.

— Война! Война! — вскричал отец Каули. — Вот это воин!

— Что правда, то правда, — захохотал Бен Воин. — Я как раз думал про вашего домохозяина. До победного конца.

Он смолк. Огромною бородой и огромною головой покачал он по поводу его огромного промаха.

— Старина, вы бы ей наверняка разорвали барабанную перепонку, — проговорил мистер Дедал сквозь аромат дыма, — этаким-то вашим органом.

Зайдясь смехом, бородатым и богатырским, Доллард сотрясался над клавишами. Наверняка разорвал бы.

— Не говоря уж о другой перепонке, — добавил отец Каули. — Вполсилы, Бен. *Amoroso ma non troppo*². Позвольте-ка мне.

Мисс Кеннеди принесла двум джентльменам по кружке холодного портера. Обронила два слова. Да, согласился первый джентльмен, погодка отменная. Они потягивали свой портер. А не знает ли она, куда направлялся вице-король? Слышали сталь копыт, звон копыт, звон. Нет, она не могла сказать. Но ведь об этом должно быть в газете. О, ей не стоит себя утруждать. Ничего трудного. Развернув «Индепендент», она замелькала страницами, разыскивая, вице-король, корона, не королевская, колыхалась в такт,

¹ Аллея холостяков (англ.).

² С нежностью, но не слишком (итал.).

вице-ко. Это слишком хлопотно, сказал первый джентльмен. Нет-нет, нисколько. А как он при этом посмотрел. Вице-король. За бронзой золото слышали стали звон.

*. . . в душе горит,
Других забот уж нет.*

В печеночной подливке Блум разминал мятый картофель. Любовь и войну кто-то там. Коронный номер Бена Долларда. Прибежал к нам в тот вечер просить фрачную пару для концерта. Брюки узки, в обтяжку как барабан. Боров-музыкант. Молли обхохоталась потом, когда он ушел. Бросилась на кровать поперек, дрыгает ногами, стонет от смеха. Ты видел, у него весь прибор на выставку. Ох, дева Мария, я не выдержу! Вот дамам-то в первом ряду! Ох, никогда так не хохотала! А что, на этом у него и держится весь бас-бормотон. Не сравнишь с евнухом. Кто же это там играет. Отличное туше. Должно быть, Каули. Музыкален. Любую ноту назовет сразу. А с дыханием у бедняги худо. Перестал.

Мисс Дус, чарующая Лидия Дус, мило кивнула входящему Джорджу Лидуэллу, весьма обходительному джентльмену, стряпчему. Добрый день. Она протянула свою влажную ручку, ручку леди, его твердому пожатию. Да, вернулась уже. За старую канитель.

— А ваши друзья уже там, мистер Лидуэлл.

Джордж Лидуэлл ее обходительно пообхаживал, подержал лидоручку.

Блум поедал печ, как уже было сказано. По крайней мере, тут чисто. Не то, что у Бертонна. Тот малый с его месивом из хрящей. А тут никого, я да Гулдинг. Чистые столики, цветы, салфетки митрами. Пэт туда-сюда снует, лысый Пэт. Ничего не скажешь. Лучшее, что есть в Дуб.

Снова звуки рояля. Явно Каули. Садится за рояль, как сливается с ним, полное взаимопонимание. Тоскливые точильщики скребут скрипки, скосив глаза на конец смычка, пилят несчастную виолончель, пока у тебя зубы не заболят. Ее тоненькое похрапыванье. В тот вечер, когда мы в ложе. Тромбон под нами сопел как морж, а в антракте один трубач развинтил и давай выбивать слюни. У дирижера брюки мешком, ногами на месте возит-возит. Правильно, что их в яму прячут.

Позвякивая коляска везет-везет.

Вот разве арфа. Красиво. Мягкий золотой свет. Девуш-

ка играла на ней. Словно корма изящной. Хорошо этот соус подходит к. Золотой лады. Эрин. Арфа дивная однажды или дважды. Прохладные руки. Бен Хоут¹, рододендроны. Все мы арфы². Я. Он. Старый. Молодой.

— Нет-нет, старина, я не могу, — застенчиво и смиренно отнекивался мистер Дедал.

Энергично.

— Да валяйте же, гром и молния! — гроыхнул Бен Доллард. — Как получится, так и получится.

— «M'arraig», Саймон, — попросил отец Каули.

Он сделал несколько шагов к краю сцены, простер свои длинные руки, принял скорбно-торжественное выражение. Хрипловато кадык его прохрипел негромко. И негромко запел он запыленному морскому пейзажу «Последнее прощанье». Мыс, корабль, парус над волнами. Прощание. Прекрасная девушка на мысу, ветер треплет ее платочек, ветер овеивает ее.

Каули пел:

— *M'appari tutt'amor:
Il mio sguardo l'incontr...*³

Она не слышала Каули, махала платочком тому, кто уплыл, своему милому, ветру, любви, летящему парусу, вернись.

— Да валяйте же, Саймон.

— Эх, минули мои золотые деньки, Бен... Ну, да ладно...

Мистер Дедал положил свою трубку покоиться рядом с камертоном и, усевшись, тронул послушные клавиши.

— Нет-нет, Саймон, — живо обернулся отец Каули. — Пожалуйста, верную тональность. Тут до-бемоль.

Послушные клавиши взяли выше, заговорили, засомневались, сознались, сбились.

Отец Каули шагнул в глубь сцены.

— Давайте-ка, Саймон, я буду аккомпанировать, — сказал он. — Поднимайтесь.

Мимо ананасных леденцов Грэма Лемона, мимо слона на вывеске Элвери, дребезжа, бежала коляска. Говядина, почки, печень, пюре — за трапезой, достой-

¹ Холм на мысу Хоут; бен — холм, гора (*шотл.*).

² Игра слов: по-английски harp — арфа; ирландец (арфа — символ Ирландии в гербе английских королей).

³ Любовь мне явилась:

Мой взгляд ее встретил... (*итал.*)

ною принцев, сидели принцы Блум и Гулдинг. Принцы за трапезой, они поднимали бокалы, попивали виски и сидр.

Прекраснейшая в мире ария для тенора, сказал Ричи; из «Сомнамбулы». Некогда он ее слышал в исполнении Джо Мааса. Ах, этот Макгакин! Да. В своей манере. Под мальчика из церковного хора. Этакий мальчик от мессы. Месс-мальчик Маас. Лирический тенор, если угодно. Никогда этого не забуду. Никогда.

С чутким сочувствием Блум над беспеченочным беконом увидал, как напряглись осунувшиеся черты. Поясница у него. И глаза блестят, все как при воспалении почек. Следующий номер программы. Повеселился, пора расплачиваться. Пилюли, толченый хлеб, цена за коробочку — гиней. Хоть чуть отсрочить. Мурлычет «Долой к покойникам». Подходяще. И ест почки, нежнейшее — нежнейшей. Только не много ему проку от них. Лучшее, что есть в. Типично для него. Виски. Насчет напитков разборчив. стакан с изъязном, новый стакан воды. Спички прикарманит со стойки, экономия. И тут же соверен промотает на ерунду. А когда надо, у него ни гроша. Однажды подшофе платить отказался за проезд. Интересный народ.

Никогда Ричи не забудет тот вечер. Сколько жив будет — никогда. В старом «Ройял», в райке с коротышкой Пиком. А когда первая нота.

Тут сделали паузу уста Ричи.

Сейчас наплетет вранья. О чем угодно насочиняет. И верит сам в свои бредни. Притом всерьез. Редкостный враль. Но все-таки память хорошая.

— И какая же это ария? — спросил Леопольд Блум.

— «Все уж потеряно».

Ричи вытянул губы трубочкой. Начальная нота нежная фея тихонько шепнула: все. Дрозд. Пенье дрозда. Его дыханье, с легкостью певчей птицы, сквозь крепкие зубы, предмет его гордости, как флейта высвистывало горькую жалобу. Потеряно. Сочный звук. А тут две ноты в одной. Как-то слышал скворца в кустах боярышника, он у меня подхватывал мотив и переиначивал так и сяк. Все новый новый зов зовет и уж потерян вновь во всем. Эхо. Сколь нежен отклик. А как оно получается? Все потеряно. Скорбно высвистывал он. Рухнуло, отдано, потеряно.

Блум, ближе наклонив Леопольдово ухо, поправлял краешек салфетки под вазой. Порядок. Да, я помню. Чудная ария. Она к нему пошла во сне. Невинность при лунном свете. Все равно удержать ее. Смелые, не ведают об опасности.

Окликнуть по имени. Дать коснуться воды. Коляска позвякивает. Поздно. Сама стремилась пойти. В этом все дело. Женщина. Море удержать проще. Да: все потеряно.

— Прекрасная ария,— сказал Блум потерявший Леопольд.— Я ее хорошо знаю.

Ричи Гулдинг никогда в жизни.

Он тоже ее хорошо знает. Или чувствует. Все норовит о дочке. Мудрое дитя, что узнает отца, как выразился Дедал. Я?

Блум искоса над беспеченочным наблюдал. Печать на лице: все потеряно. Живчик Ричи былых времен. Одни избитые штучки остались. Шевелить ушами. Кольцо от салфетки в глаз. Да сынка посылает со слезными прошениями. Косоглазого Уолтера, да, сэр, исполнено, сэр. Ни за что не обеспокоил бы, случайность, ожидал значительных сумм. Тысяча извинений.

Опять рояль. Звук лучше, чем когда я последний раз слышал. Настроили, видно. Опять умолк.

Доллард и Каули все понукали упирающегося певца, ну, давайте же.

— Давайте, Саймон.

— Ну же, Саймон.

— Леди и джентльмены, я бесконечно тронут вашими любезными просьбами.

— Ну же, Саймон.

— Ресурсы мои скромны, но если вы мне ссудите внимания, я попытаюсь вам спеть о разбитом сердце.

Возле колпака, прикрывающего сандвичи, тенью прикрытая Лидия свою бронзу и розу с изяществом истинной леди дарила и отбирала — как Майна двум кружкам свою золотую корону в прохладной зелено-голубой eau de Nil.

Отзвучали зовущие аккорды вступления. Протяжно зывающему аккорду отозвался звенящий голос:

— *Когда явился дивный облик...*

Ричи обернулся.

— Это Сай Дедал, его голос,— заметил он.

Задетые за живое, покрасневшись, они слушали, впитывали тот поток дивный поток струящийся по коже членам сердцу душе хребту. Блум кивнул Пэту, лысый служитель Пэт плохо слышит, чтобы раскрыл двери бара. Двери, бара. Вот так. Хорошо. Служитель Пэт послушно стал слушать, глухарь тугоухий, у самых дверей стал, слушал.

— *Мои печали унеслись.*

Сквозь тишину зывал к ним негромкий голос, не дождя

шелест, не шепот листьев, не похожий на голос ни струн ни свирелей ни какужихтам цимбалов, касающийся их притихшего слуха словами, их притихших сердец воспоминаниями о жизни — своей у каждого. Полезно, полезно слушать: печали, свои у каждого, унеслись, едва лишь они услышали. Едва лишь они увидели, все потерявшие, Ричи, Польди, милосердие красоты, услышали от того, от кого уж никак не ждешь, ее милосердное мягколюбивое нежнолюбимое слово.

Это любовь поет. Все та же старая сладкая песня любви. Блум медленно стянул резинку со своего пакетика. Любви старое сладкое *sonnez la* золото. Натянул на вилку, торчащую четырьмя пальцами, растянул, снял, натянул на две собственные чутко-тревожные четверни, окрутил их четырьмя, восьмью, октавой крепко опутал их.

— *Полон счастья и надежды...*

У теноров всегда масса женщин. Помогает быть в голосе. К его ногам летит букет, а в нем от дамочки привет. Вы мне вскружили. Катит, позвякивая, радуется. Его пение не для светской публики. Вскрюжат голову бедняжке. Надушилась для него. Какими духами твоя жена? Желаю знать. Коляска звяк. Стоп. Тут-тук. По пути к двери — последний взгляд в зеркало, непременно. Прихожая. Заходите. Ну, как дела? Все отлично. Куда тут у вас? Сюда? В сумочке у ней леденцы, орешки для освеженья дыхания. Что-что? Руки ласкали ее пышные.

Увы! Голос набрал воздуха, поднялся, стал полнозвучным, гордым, сверкающим.

— *Но то был миг, увы, недолгий...*

Да, тембр по-прежнему изумительный. В Корке и воздух мягче и выговор у жителей. Этаким глупец! Ведь мог бы купаться в золоте. А слова он перевирает. Жену уморил и поет себе. Хотя со стороны не понять. Двоим никто не судья. Только как бы сам не сломался. На людях еще хорохорится. Все у него поет, и руки и ноги. Выпивает. Нервы истрепаны. Чтобы петь, нужно воздержание. Суп по диете Дженни Линд: бульон, шалфей, яйца сырые, полпинты сливок. Не суп, а мечта.

Источал он истому, исподволь нарастающую. Полнозвучно переливался. Вот это в самую точку. О, дай! Возьми! Биенье, еще биенье, упругие гордые переливы.

Слова? Музыка? Нет: это то, что за ними.

Блум сплетал, расплетал, связывал, развязывал.

Блум. Прилив жаркой тайной жадновпивай дрожи на-

хлынул излиться с музыкой, с желанием, темный вторгающийся впивай прилив. Покрой, оседлай, случайся, топчи. Возьми. Поры, расширяющиеся, чтоб расширяться. Возьми. Радость тепло касание. Возьми. Чтоб поток хлынул, отворив створы. Теченье, струя, поток, струя радости, трепет случки. Сейчас! Язык любви.

— ...надежды луч...

Блестит. Лидия для Лидуэлла чуть слышным писком совсем как леди муза выпискивает надежды луч.

Это из «Марты». Совпадение. Как раз собрался писать. Ария Лионеля. Твое красивое имя. Не могу писать. Прими от меня небольшой пода. Струны женского сердца идут через кошелек. Она ведь. Я назвала тебя противным мальчишкой. Но именно это имя — Марта. Именно сегодня. Как странно!

Голос Лионеля вернулся, слабей, но без признаков утомления. Снова он пел для Ричи Польди Лидии Лидуэлла, пел для Пэта-служителя, слушавшего, развесив уши. О том, как явился дивный облик, как унеслись печали, как взгляд, образ, слово зачаровали его, Гулда Лидуэлла, покорили сердце Пэта Блума.

Правда жаль что не видишь его лица. Лучше воспринимается. Парикмахер у Дрейго всегда почему-то смотрит в лицо когда я к нему обращаюсь в зеркале. Но слышно тут лучше чем в баре хотя и дальше.

— *И милый взгляд...*

В первый раз я ее увидел на вечеринке у Мэта Диллона в Тереньюре. Она была в желтом, с черными кружевами. Играли в музыкальные стулья. Мы с ней вдвоем последние. Судьба. Быть при ней. Судьба. Кружились медленно. Потом быстро. Мы с ней вдвоем. Все смотрели. Потом стоп. И мигом она уселась. Все кто вышел смотрели. Смеющиеся губы. Колени желтые.

— *Пленял мой взор...*

Пение. В тот раз пела «Ожидание». Я переворачивал ноты. Голос полный аромата какими духами твоя сирени. Увидел грудь, обе полные, горло, льющее трели. Впервые увидел. Она поблагодарила. Почему она меня? Судьба. Глаза испанки. В этот час одна в своем патио под старой грушей в старом Мадриде наполовину в тени Долорес она-долорес. Меня. Маня. Заманивая.

— *Марта! О, Марта!*

Оставив всю томность, Лионель возопил, страдая, испу-

стил вопль нестерпимой страсти, гармоническими созвучиями, что опускались и поднимались, призывая любовь вернуться. Молящий клик Лионеля, чтобы она узнала, чтобы Марта почувствовала. Ее одну он ждал. Где? Тут и там поищи там и сям все ищите где. Где-нибудь.

— *Ве-е-ернись, моя утрата!*

Ве-е-ернись, моя любовь!

Один. Одна любовь. Одна надежда. Одно утешение мне. Марта, грудной звук, вернись.

— *Вернись..!*

Она парила, птица, продолжала полет, чистый и быстрый звук, парящий серебряный шар, она взметнулась уверенно, ускорила приближение, нет, замерла в вышине, не тяни так долго долгое дыхание у него дыхание на долгую жизнь, воспарив ввысь, в вышине, увенчанная, сверкая и пламеня, ввысь, в премирном сиянии, ввысь, на лоне эфирном, ввысь, лучи раскидывая ввысь и повсюду, повсюду пара, заполняя все, без конца и без края — рая — рая — рая...

— *Ко мне!*

Саймопольд!

Финиш.

Приди. Отлично спел. Все захлопали. Она должна. Приди. Ко мне, к нему, к ней и к тебе тоже, ко мне, к нам.

— Браво! Хлопхлоп. Молодчина, Саймон. Хлохлохлоп. Бис! Хлоплоплоп. Голос как колокольчик. Браво, Саймон! Хлопхлипхлюп. Бис, хлобис, все хлопали, все кричали. Бен Доллард, Лидия Дус, Джордж Лидуэлл, Пэт, Майна Кеннеди, два джентльмена с двумя кружками, Каули, первый джен с кру и бронзовая мисс Дус и золотая мисс Майна.

Буяна Бойлана модные рыжие штиблеты ступали, поскрипывая, по полу бара, как выше сказано. Мимо памятников сэру Джону Грэю, Горацио одорукому Нельсону, достопочтенному отцу Теобальду Мэтью позвякивала коляска, как сказано выше только что. По солнцу, по жаре, с нагретым сиденьем. Cloche. Sonnez la. Cloche. Sonnez la. Кобылка замедлила, взбираясь на холм возле Ротонды, Ратленд-сквер. Промедленье досадно Бойлану, буяну Бойлану, горячке Бойлану, эк тащится лошаденка.

Замерли последние отзвуки аккордов Каули, растворились в воздухе, и стал насыщенной воздух.

И Ричи Гулдинг отхлебнул виски, а Блум Леопольд — сидра, а Лидуэлл — пива, а второй джентльмен высказал, что они бы повторили по кружечке, если она не возражает.

Мисс Кеннеди, дурную им оказывая услугу, изогнула коралловые губы в улыбке первому, потом второму. Не возражает.

— В тюрьму на недельку, — сказал Бен Доллард, — на хлеб и на воду. Вот тогда бы вы, Саймон, запели как дрозд в саду.

Лионель Саймон, певец, засмеялся. Отец Боб Каули опять заиграл. Майна Кеннеди подавала пиво. Второй джентльмен расплачивался. Том Кернан шествовал к стойке. Лидия, восхищения предмет, восхищалась. Но Блум пел безмолвно. Восхищаясь.

Ричи, восхищаясь, разливался насчет дивного голоса этого человека. Ему был памятен один вечер, в давние годы. Такое невозможно забыть. Сай пел «Да, мощь и слава», у Неда Лэмберта это было. Боже правый никогда в жизни он не слышал чтобы брали такие ноты в жизни не слышал «неверная, расстаться лучше нам» так чисто так Господи в жизни не слышал «коль нет любви» таким потрясающим голосом спросите Лэмберта он скажет вам то же самое.

Гулдинг, с румянцем сквозь бледность, повествовал мистеру Блуму, с лицом темней ночи, как Сай Дедал в доме у Неда Лэмберта пел «Да, мощь и слава».

Он, мистер Блум, слушал, как он, Ричи Гулдинг, повествует ему, Блуму, о вечере, когда он, Ричи, слышал, как он, Сай Дедал, пел «Да, мощь и слава» в доме у него, Неда Лэмберта.

Свойки, родичи. Встречаясь, друг другу не скажем ни слова. Я думаю, тут черная кошка пробежала. Поливает его презрением. И смотри-ка. От этого еще больше им восхищаются. О, тот вечер, когда Сай пел. Человеческий голос, две тоненькие шелковые нити, самое удивительное из всего.

Горькая жалоба была в том голосе. Теперь спокойней. Как смолкнет, тут и чувствуешь, что услышал. Вибрации. Сейчас воздух смолк.

Блум распутал свои сплетенные кисти и рассеянными пальцами подергал упругую струну. Он оттягивал и дергал. Она жужжала и гудела. Пока Гулдинг толковал о постановке голоса у Барраклоу, а Том Кернан, обращаясь в прошлое с неким ретроспективным упорядочением, что-то говорил отцу Каули, который, слушая, импровизировал, который кивал, импровизируя. Пока Большой Бен Доллард говорил с Саймоном Дедалом, закуривающим трубку, который кивал, закуривая, который курил.

Моя утрата. Все романсы на эту тему. Еще сильней натянул Блум свою струну. Не жестоко ли это. Люди

привяжутся друг к другу, завлекут, заманят друг друга. А потом разрыв. Смерть. Крах. Обухом по башке. Ковсемчертямчтобтвоегодуху. Жизнь человека. Дигнам. Бр-р, как та крыса шевелила хвостом! Пять шиллингов я пожертвовал. *Corpus paradisum*¹. Карканье клирика, его брюхо, как у дохлого пса. Сгинул. Отпели. Забыт. Так вот и я. И в один прекрасный день она с. Оставишь ее — сыт по горло. Сперва пострадает. Похныкает. Большие глаза испанки уставлены в пустоту. Волнистыистыистыгустыустьустыустые волосы не прич-причесан-ны.

Хотя сплошное счастье наводит скуку. Он натягивал все сильнее, сильнее. Так ты несчастлив в? Трень. Она лопнула.

Коляска позвякивала по Дорсет-стрит.

Мисс Дус атласную ручку отобрала с видом укоризненным и польщенным.

— Вы слишком много себе позволяете, — пожурила она, — мы еще недостаточно знакомы.

Джордж Лидуэлл заверил ее, что он искренне, он серьезно — однако она не верила.

Первый джентльмен заверил Майну, так все и было. Она его спросила, так ли все было. И вторая кружка ее завершила, так. Что так все и было.

Мисс Дус, мисс Лидия, не верила — мисс Кеннеди, Майна, не верила — Джордж Лидуэлл, нет — мисс Ду не — первый, первый — джент с кру — верила, нет-нет — нет-нет, мисс Кенн — Лидлидиуэлл — крукруж.

Лучше тут написать. На почте все перья обглоданы и поломаны.

Лысый Пэт приблизился по знаку его. Перо и чернила. Удалился. И бювар. Удалился. Бювар, промокнуть. Услыхал, глухарь Пэт.

— Да, — сказал мистер Блум, теребя свернувшуюся струну. — Бесспорно. Несколько строчек, и хватит. Мой подарок. Вся эта итальянская музыка с фиоритурами. Интересно, кто автор. Когда знаешь кто, как-то яснее. Теперь вынимай лист бумаги, конверт — с невозмутимым видом. Это совершенно типично.

— Коронный номер всей этой оперы, — сказал Гулдинг.

— Бесспорно, — отвечал Блум.

Все это — номера. Числа. Вся музыка, если разобратся. Два помножить на два поделить пополам будет дважды один. Аккорды — это вибрации. Один плюс два

¹ Тело рая (*лат.*, смесь слов из заупокойной мессы в эп. б).

плюс шесть будет семь. Можно числами крутить как угодно. Всегда выйдет что-то равно чему-то — симметрия. Симметрия. Смерть. Он и не замечает, что я в трауре. Толстокож, дальше своего брюха не видит. Музматематика. Кажется, будто слышишь нечто возвышенное. А попробуй-ка ей сказать в таком духе: Марта семь помножить на девять минус икс дает тридцать пять тысяч. Как от стенки горох. Так что все дело в звуках.

Например, он сейчас играет. Импровизирует. Пока нет слов, это может означать что угодно. Надо вслушиваться как следует. Нелегко. Сперва все отлично — а потом слышишь, будто слегка выпал из темы — потерялся слегка. А уж там посыпались мешки да бочки, через заборы с проволокой, скачка с препятствиями. Главное войти в ритм. Зависит от настроения. Но все-таки слушать всегда приятно. Не считая, конечно, гамм, когда девицы долбят. Целых две по соседству. Для таких бы надо придумать беззвучное пианино. Я для нее купил *Blumenlied*¹. За название. Однажды шел домой ночью, и девушка это играла в медленном темпе, девушка. Где ворота конюшен рядом с Цецилия-стрит. Милли не любит. Странно, ведь мы-то оба.

Пэт лысый глухарь принес чернила и плоский бювар. Плоский бювар положил глухарь рядом с чернилами и пером. Тарелку, вилку и нож Пэт взял со стола и отбыл.

Этому языку нет равных заявил Бену мистер Делал. Еще мальчишкой он слышал как они распевали свои баркаролы: Рингабелла, Кроссхейвен, Рингабелла, в этих местах. Гавань в Куинстауне полна итальянских судов. Представляете, Бен, они там разгуливали лунными ночами в эдаких невообразимых шляпах. Так стройно сливались голоса. Какая музыка, Бен. Слышал мальчишкой. В ночи над гаванью звучали лунаролы.

Терпкую трубку отложив, сложенную щитком ладонь поднес он к своим губам, проворковавшим зов ночной в лунном свете, звучный вблизи, зов издали, итзываясь.

По краю свернутого трубкой «Фримена» скользил Блума глаз, как бы не сглазил, отыскивая, где же я это видел. Каллан, Коулмен, Дигнам Патрик. Эй-гей! Эй-гей! Фоусет. Ага! Вот это я и искал.

Авось он не наблюдает за мной, а то нюх как у крысы. Он развернул свой «Фримен». Теперь не увидит. Не забывай е писать по-гречески. Блум обмакнул, Блу пробормо: дорогой сэр. Дорогой Генри нацарапал: дорогая Мейди.

¹ Песнь цветов (нем.).

Получил от тебя пись и цве. Тъфу, а куда девал? В каком-то из кар. Соверш невозм. Подчеркни: невозм. Написать сегодня.

Скучное дело. Заскучавший Блум легонько побарабанил я просто слегка задумался пальцами по плоскому глухарем доставленному бювару.

Пошли дальше. Ты знаешь, что я имею в виду. Нет, это е замени. Прими маленький подарок что я влож. Отве не проси. А сейчас погоди-ка. Значит, пять Диг. Тут около двух. Пенни чайкам. Илия гря. Семь у Дэви Берна. Итого около восьми. Скажем тогда, полкроны. Маленький подарок: почт перев два и шесть. Напиши мне длинное. Ты не презираешь? А у тебя есть какие-нибудь украшения, чтобы позвякивали? Это волнующе действует. Почему ты меня назвала против? Наверно, сама противная, а? Эх, у Мэри панталоны на одной резинке. На сегодня прощай. Да-да, расскажу, конечно. Я бы тоже хотел. Подогревай. А помнишь тот мой. Тот свет, так у нее в письме. Пока у меня терпе. Подогревай. Ты должна верить. Верить. Тип с круж. Это. Истинная. Правда.

Глупо, что я пишу? Это мужья не сами. Их брак заставляет, жены. Потому что я не с. Ну а если б. Но как? Она должна. Сохранять молодость. Допустим она узнает. Карточка у меня в шляпе-лю. Нет, все нельзя говорить. Лишнее огорчение. Если сами не видят. Женщина. Что годится одному, годится другому.

Кеб номер триста и двадцать четыре, на козлах Бартон Джеймс, проживающий в доме номер один, Хармони авеню, Доннибрук, а в кебе седок, молодой джентльмен в шикарном костюме синего шевиота, сшитом у Джорджа Роберта Мизайеса, закройщика и портного, проживающего набережная Иден, пять, в щегольской шляпе тонкой соломки, купленной у Джона Плестоу, Грейт-Брансвик-стрит, дом один, шляпника. Ясно? Это и есть та коляска, что резво позвякивала. Мимо мясной лавки Длугача, мимо яркой рекламы Агендат рысила кобылка с вызывающим задом.

— Отвечаем на объявление? — спросили острые глазки Ричи.

— Да, — сказал мистер Блум. — Коммивояжер в пределах города. Пустое дело, я думаю.

Блу бормо: наилучшие рекомендации. Генри меж тем писал: это меня взволнует. Ты умеешь. Спешу. Генри. Греческое е. Лучше, когда есть постскрипtum. Что он сейчас играет? Импровизация. Интермеццо. P.S. Трам пам пам. А как ты про? Прочуишь меня? Съехавшая юбка

крутилась, раз, раз. Скажи мне, я хочу. Знать. Уж. Ясно, если бы нет, не спрашивал бы. Ля-ля-ля-ре-е. Конец тащится печально, в миноре. Почему минор печальный? Подпиши Г. Им нравится, когда под конец печально. Р. Р. S. Ля-ля-ля-ре-е. Сегодня я так печален. Ля-ре-е. Так одинок. До.

Он быстро промокнул, письмо к бювару прижав. Конве. Адре. Спиши прямо из газеты. Пробормотал: мсье Каллан, Коулмен и Ко. Генри же написал:

Дублин
Долфинс-барн-лейн
До востребования
Мисс Марте Клифффорд.

Промокни там же, чтобы нельзя было прочесть. Вот так. Идея для рассказа на премию. Детектив прочел что-то с промокашки. Гиней за столбец. Мэтчен постоянно вспоминает смешливую чаровницу. Бедная миссис Пьюрфой. К. к.: ку-ку.

Слишком уж поэтично вышло насчет печали. Все из-за музыки. Чары музыка таит, как сказал Шекспир. Цитаты на каждый день. Быть или не быть. Расхожая мудрость.

В розарии Джерарда на Феттер-лейн прогуливается он, седеющий шатен. Всего одна жизнь нам дана. Одно тело. Действуй. Но только действуй.

Худо-бедно, а сделано. Осталось марку и перевод. Почта рядом. Ступай. Довольно. Обещал с ним встретиться у Барни Кирнана. Неприятное дело. Дом скорби. Ступай. Пэт! Не слышит. Суций глухарь.

Коляска сейчас уже подъезжает. Говорить. Говорить. Пэт! Не слышит. Салфетки раскладывает. Этак нашагается за день. Нарисовать ему на плечи лицо, будет един в двух лицах. Как бы хотелось, чтобы они еще спели. Отвлекло б от.

Лысый Пэт салфетки озабоченно митрил. Пэт служителю тугоухий. Пэт служителю служит клиент ждет и тужит. Хи-хи-хи-хи. Он служит а клиент тужит. Хи-хи. Глухарь тугоухий. Хи-хи-хи-хи. Он служит а клиент тужит. Раз уж тот тужит если он тужит этот обслужит раз уж тот тужит. Хи-хи-хи-хи. Хо-хо. Потужит да и обслужит.

А теперь — к Дус. Дус Лидия. Бронза и роза.

Она чудесно, ну просто чудесно провела время. А погляди-те, какую красивую ракушку она привезла.

Держа легонько, она принесла ему со стойки витой,

рогатый, моря звучащий горн, дабы он, стряпчий Джордж Лидуэлл, мог послушать.

— Слушайте! — повелела она.

Под Тома Кернана речи, подогретые джином, аккомпаниатор сплетал медленную мелодию. Подлинный факт. Как Уолтер Бэпти потерял голос. И тут, сэр, гневный супруг хватает его за горло. *Вы негодяй*, говорит. *Но большие уж вам не петь любовных песен.* Вот такая история, сэр Том. Боб Каули сплетал. У теноров всегда масса женщ. Каули откинулся назад.

Да-да, сейчас он услышал, она поднесла ему к самому уху. Слушайте! Он слушал. Замечательно. Она поднесла ее к своему, и в бледном процеженном свете золота контрастом скользнуло. Тоже послушать.

Тук.

Блум видел через дверь бара, как они подносили к уху раковину. Он слышал, хоть и слабей, то же, что они слышали, себе, а потом другой поднося послушать, слушая плеск волны, громко, беззвучный рев.

За бронзой утомленное золото, вблизи, издали, слушали.

Ее ухо — еще одна раковина, мочка оттопырена. Была на побережье. Те приморские красотки. Кожа обгорела на солнце. Чтобы получился загар, сначала надо кольдкремом. Гренок с маслом. Кстати, не забыть про лосьон. Возле губ лихорадка. Голову бедняжке. Поверх волосы начесаны: ракушка обросла водорослями. Зачем они прячут уши под этими водорослями волос? А турчанки рот прячут, тоже зачем? Одни глаза поверх сетки. Чадра. Попробуй туда проникни. Пещера. Входить только по делу.

Думают, что им слышно море. Его пение. Рев. А это кровь. Приливает к ушам. А что, тоже море. Шарики — острова.

Правда, замечательно. Так отчетливо. Можно еще. Джордж Лидуэлл подержал ее, шепчущую, послушал, — потом осторожно отложил.

— О чем напевают волны? — спросил он ее с улыбкой.

Чаруя, но не давая ответа, улыбкой моря Лидия Лидуэллу улыбнулась.

Тук.

Мимо Ларри О'Рурка, мимо нашего Ларри, бравого Ларри О', Бойлан колыхался и свернул Бойлан.

От покинутой раковины мисс Майна скользнула к ожидающим кружкам. Нет, она была не совсем одинока, лукаво поведала головка мисс Дус мистеру Лидуэллу. Прогулки у моря при луне. Нет, не в одиночестве. А с кем же? С одним очень достойным другом — был достойный ответ.

Пальцы Боба Каули снова замелькали в высоких октавах. Право первого иска за домохозяином. Немного бы времени. Длинный Джон. Большой Бен. С легких пальцев слетал легкий яркий мотив для увеселения легконогих дам с лукавой улыбкой и их кавалеров, их достойных друзей. Раз: и — раз — раз — два — раз: два — раз — три — четыре.

Море, ветер, листва, реки, гром, мычанье коров, скотный рынок, петухи, куры не кукарекают, змеинный ш-ш-ш-шип. Во всем есть музыка. Дверь Ратледжа: кр-р, скрип. Нет, это уже шум. А сейчас он менуэт играет из «Дон Жуана». Придворные в разнообразнейших туалетах танцуют в покоях замка. А снаружи крестьяне. Нищета. Голодающие с синими лицами, едят лопухи. Красота, нечего сказать. Глянь: глянь-глянь-глянь-глянь-глянь: погляди на нас.

Радостная мелодия, я хорошо чувствую. Но никогда бы не написал такую. А почему? Моя радость — другая. Но они обе — радость. Конечно, радость. Музыка самим фактом уже говорит, что ты. Сколько раз думал, она не в духе, а она начинает вдруг напевать. Ну, тут ясно.

Маккой с чемоданом. Моя жена и ваша жена. Кошачий визг. Или как будто шелк раздирают. Когда разговаривает, трещит как трещотка. Они не умеют говорить с паузами, как мужчины. И брешь какая-то у них в голосе. Заполни меня. Я теплая, темная, открытая. Молли в quis est homo: Меркаданте. Прислонил ухо к стене, чтоб слышать. Мне нужна женщина, которая б отпускала товар.

Звякнув брякнув стала коляска. Щегольской штиблет Бойлана-щеголя броские носки в стрелки и пояски соскочили легко на землю.

А смотри-ка! Тоже у Моцарта, «Маленькая ночная музыка». Отличный каламбур. Я эту музыку часто слышу,

когда она. Акустика. Журчание. Когда в пустой горшок, особенно громко. Все дело в акустике, изменение громкости согласно весу воды равняется по закону падающей воды. Как эти рапсодии Листа, венгерские, на цыганский лад. Жемчужины. Капли. Дождик. Кап-кап-ляп-ляп-плям-плям. Ш-ш-шип. Сейчас. Может, как раз сейчас. Или уже.

В дверь тук-тук, в двери стук, то дружок Поль де Кок большой мастер стучать то петух потоптать кукареку прокричать. Ко-о-ко-кок.

Тук.

— «Qui sdegno»¹, Бен,— попросил отец Каули.

— Да нет, Бен,— вмешался Том Кернан,— лучше «Стриженого паренька». На родном наречии.

— Давайте, Бен,— присоединился к нему мистер Дедал.— О, добрые люди.

— Давайте, давайте! — поддержали все в один голос.

Пойду-ка я. Пэт, можно вас. Подойдите. Он подходит, он подходит, он, не мешкая, идет. Ко мне. Сколько с меня?

— А в какой тональности? Шесть дизезов?

— Фа дизез мажор,— подтвердил Бен Доллард.

Растопыренные когти Каули упали на черные клавиши нижних октав.

Я должен идти, сказал принц Блум принцу Ричи. О, нет, возразил Ричи. Увы, должен. Где-то он раздобыл деньжонок. Теперь пойдет во все тяжкие, пока у него поясицу не схватит. Сколько? Он услышал губречь. Шиллинг и девять пенсов. Пенни ему. Вот. Нет, оставь два на чай. Глухой, весь в заботах. Может, у него дома семья, жена тужит, пока Пэтти служит. Хи-хи-хи-хи. Глухарь служит, она по нем тужит.

Но погоди. Послушай. Мрачные аккорды. Угугугрюмые. Низкие. Во мрачной пещере, в недрах земли. Груды руды: глыбы музыки.

Голос мрачного времени, нелюбви, земной истомленности, мерно вступил и, скорбный, пришедший издалека, с диких гор, воззвал к добрым людям. Священника он искал, ему хотел молвить слово.

Тук.

Бен Доллард, бас-бормотон. Старается выразить как может. Уханье необъятного болота — безлунного — безлюдного — бездамного. Еще один, скатившийся вниз. Был ведь когда-то крупным поставщиком для флота. Отлично помню: просмоленные канаты, сигнальные фонари. А по-

¹ Тут возмущенье (итал.).

том банкротство на десять тысяч фунтов. Теперь в богадельне Айви. Каморка номер такой-то. Все выпивка довела.

Священник дома. Слуга мнимого священника приглашает его войти. Входи. Святой отец. Завитки аккордов.

Разоряют людей. Губят им жизнь. А потом пожалуют по каморке, чтоб имел, где подохнуть. Бай-бай. Колыбельная. Спи, наш песик, баю-бай. Спи, собачка, подыхай.

Голос, звучащий предостережением, зловещим предостережением, поведал им, как входит юноша в зал пустой, как зловеще там раздаются его шаги, поведал о мрачных покоях, где сидел священник в сутане, готовый выслушать исповедь.

Чистая душа. Правда, малость уже свихнулся. Рассчитывает выиграть в «Ответах» конкурс, разгадка ребусов на названия стихотворений. И мы вручим вам хрустящую банкноту в пять фунтов. Птица сидит на яйцах в гнезде. Он решает, что это «Песнь последнего менестреля». Ка черточка та, какое это домашнее животное? Эн черточка эн, храбрейший из моряков. Но голос до сих пор прекрасный. И далеко не евнух, с этакой-то своей снастью.

Слушай. Блум слушал. Слушал Ричи Гулдинг. И у дверей глухой Пэт, лысый Пэт, очаеванный Пэт слушал.

Аккорды зазвучали медленней.

Голос раскаяния и горя выводил медленно, красиво, вибрируя. Покаянная борода Бена исповедовалась: *In nomine Domine*, во имя Господне. Он преклонил колена. Бия себя в грудь, исповедовался он: *mea culpa*¹.

Опять латынь. Они к ней липнут, как мухи к липучке. Священник со святыми дарами для тех женщин. Другой на кладбище, гробер или гробби, *corpusnomine*². Интересно, где та крыса сейчас. Скреблась.

Тук.

Они слушали, кружки и мисс Кеннеди, Джорджа Лидуэлла выразительные ресницы, и полногрудый атлас, Кернан, Сай.

Поющий голос вздыхал, скорбел. Грехи его. С Пасхи он выругался три раза. Чертов убл. Однажды прогулял мессу. Однажды, проходя мимо церкви, забыл помолиться за упокой души матери. Совсем парнишка еще. Стриженный паренек.

Бронзоволосая возле пивного насоса, заслушавшись, глаза устремила вдаль. Самозабвенно. Будто и знать не знает, что я на нее. У Молли на это нюх, замечать, когда на нее глядят.

Бронзоволосая глаза устремила вдаль, в сторону. Там

¹ Моя вина (лат.).

² Телоимя (лат.).

зеркало. Это у нее, видно, самый эффектный ракурс. Всегда за этим следят. Стук в дверь. Последний штрих к туалету.

Кук-карре-ку.

О чем они думают, когда слушают музыку? Так ловят гремучих змей. Вечер, когда Майкл Ганн устроил нас в ложу. Настройка инструментов. Персидский шах это обожает больше всего. Напоминает ему любимый дом родной. Еще он высморкался в занавес. Может, у них так принято. Тоже музыка. А что собственно плохого. Туруру. Медные, ослы бедные, ревут, задрав раструб. Беззащитные контрабасы с раной в боку. Деревянные — коровье мычание. Раскрытый рояль — крокодилова пасть: зубы музыка таит. Бемоли: Б. Молли. Молли Блум.

Она выглядела великолепно. Шафранное платье с низким вырезом, все прелести напоказ. Гвоздичный запах дыхания, когда наклонялась что-то спросить. Я рассказывал, о чем говорит Спиноза в той папиной книжке. Слушала как замороженная. Глаза вот такие. Наклонялась вперед. Субъект на балконе все разглядывал ее сверху вниз в бинокль, так и впивался. Почувствовать красоту музыки — надо послушать дважды. Природа, женщины — с одного взгляда. Бог создал страну, человек — музыку. Метим псу хвост. Философия. Ну и дичь!

Все погибли. Все пали в бою. Отец — при осаде Росса, братья — в битве у Гоури. В Вексфорд, мы вексфордские парни, стремился он. Последний в своем роду.

Я тоже. Последний в моем роду. Милли со своим студентом. Что ж, видно, сам виноват. Нет сына. Руди. Сейчас уже поздно. А вдруг нет? Вдруг нет? Вдруг еще?

В нем не было ненависти.

Любовь. Ненависть. Одни слова. Руди. Скоро буду старик.

Большой Бен развернул голос в полную силу. Могучий голос, сказал Ричи Гулдинг, на лице у которого румянец боролся с бледностью, Блуму, старику скоро, но молодому еще.

Теперь об Ирландии. Его родина для него дороже короля. Дева слушает. Про девятьсот четвертый год не бойтесь говорить. Пора отчаливать. Насмотрелся.

— *Благослови, отче,* — паренек Доллард воскликнул. — *Благослови меня ты в путь.*

Тук.

Блум, не получивший благословения в путь, продолжал

смотреть. Туалет сногшибательный — и это на восемнадцать шиллингов в неделю. Из поклонников тянет. Надо глядеть в оба. До чего милы красотки. Над печальными волнами моря. Роман хористки. Были оглашены письма, доказывающие наличие брачного обещания. Своей тепленькой цыпочке пишет ее котишка-плутишка. Смех в зале суда. Генри. Подпись-то не моя. Твое красивое имя.

Музыка зазвучала глуше, и мелодия, и слова. Потом ускорила темп. Шорох сутаны, и вместо мнимого священника перед ним офицер. Гвардеец, капитан. Они все это знают наизусть. Обожают пощекотать себя ужасом. Гвардеец-кеп.

Тук. Тук.

Ужасом и сочувствием охваченная, она слушала, подавшись вперед, чтоб лучше.

Чистое личико. Одно из двух: или девушка, или пока только пальцем пробовали. Чистая страничка: пиши на ней. А если нет, что с ними делается? Тоскуют, вянут. Поддерживает в них молодость. Еще как, сами себе дивятся. Смотри-ка. Впору поиграть на ней. Подуть губами. Белотелая женщина — живая флейта. Подуть слегка. Громче. Любая женщина три дыры. Так и не поглядел у богини. Они сами хотят и деликатности особой не требуется. Оттого он всех и имеет. В кармане золото, на морде нахальство. Глазами в глаза: песни без слов. Молли и этот мальчуган-шарманщик. Сразу угадала, про что он: обезьянка больна. А может потому что на испанский похоже. Таким манером можно даже зверей понимать. Соломон умел. Природный дар.

Чревовещание. Рот у меня закрыт. Думают, у меня в животе. Что?

Желаешь? Ты? Я. Хочу. Чтоб. Ты.

Гвардеец проклятье ему прохрипел. Налился кровью от ярости, чертов ублюдок. Удачная мысль, юнец, прийти сюда. Жить тебе остается час. Последний твой.

Тук. Тук.

Пик ужаса. Они чувствуют жалость. Уронить слезу о мучениках. Обо всем, что умирает, стремится, до смерти жаждет умереть. Обо всем, что рождается. Бедная миссис Пьюрфой. Надеюсь, разрешилась уже. Потому что их лона.

Влага лона женщины зрачок глядел сквозь ресниц частокол, вслушиваясь, спокойно. Когда она помалкивает, видишь, какие красивые у нее глаза. По той реке. И каждый раз, когда медленно вздымалась атласная волна ее груди (ее вздымающиеся округ), красная роза вздымалась

медленно и медленно опускалась. Ее дыхание — в такт сердцу, дыхание это жизнь. И все крохотные крохотные завитки, девичьих волос папоротниковый узор, трепетали в такт.

Но взгляни. Уж меркнут звезды. О, роза! Кастилии. Заря. Ха. Лидуэлл. Так это ему, а не. Влюбился. И я так могу? Брось, погляди-ка вокруг нее. Пробки, лужи пены пивной, пустые бутылки.

На гладкую рукоять пивного насоса Лидия ручку положила легонько, мягонько, предоставь-ка это моим рукам. Все потеряно в порыве жалости к пареньку. Взад-вперед, взад-вперед: блестящую рукоять (знает про его глаза, мои глаза, ее глаза) большой и указательный пальцы, жалея, гладили: оглаживали, поглаживали, а потом, нежно касаясь, скользнули, так медленно, гладко, вниз, и белый, твердый, прохладный эмалированный кол торчал в их скользящем кольце.

Петух потоптать да покукарекать.

Тук. Тук. Тук.

Я здесь хозяин. Аминь. С яростным скрежетом зубов. Веревка предателям.

Аккорды выразили согласие. Печальная история. Но неизбежно было.

Смыться, пока не кончилось. Спасибо, это было божественно. Где моя шляпа. Пройти мимо нее. «Фримен» можно оставить. Письмо со мной. А вдруг она? Нет. Ходить, ходить, ходить. Как Кэшел Бойло Конноро Койло Тисделл Морис Итакдал Фаррелл, ходи-и-и-и-и-ть.

Ну я, пожалуй. Уходите? Дпжпрдсвд. Блпднлся. Заблумшая душа. Блум поднялся. Уф. Мыло сзади чувствуется стало липкое. Вспотел, видно: все музыка. Не забыть про лосьон. Ну что же, до встречи. Шляпа-лю. Карточка там. Да.

Мимо глухаря в дверях, напрягшего ухо, прошел Блум.

У стенки казармы он был казнен. И в Пассидже тело зарыли его. Dolor!¹ О, он долорес! Голос горестного певца призывал к скорбной молитве.

Мимо розы, мимо груди атласной, мимо ласкающей ручки, мимо помоев, пробок, пустых бутылок, раскланиваясь на ходу, позади оставляя глазки и завитки, бронзу и потускневшее золото в тени глубин океанских, проходил Блум, кроткий Блум, одинокий облумок Блум.

Тук. Тук. Тук.

¹ Скорбь! (лат.)

Молитесь о нем, взмолился бас Долларда. Те, кто мирно внимают. Прошепчите молитву, оброните слезу, добрые люди, честной народ. То был стриженный паренек.

Вспугнув стриженного уши развесившего коридорного, уже в коридоре Блум услышал рев похвал, браво, смачные шлепки по спине, башмаков топот, башмаков всех их, не пареньков. Всеобщий хор требовал выпивки обмыть такое событие. К счастью, я избежал.

— Ну и ну, Бен,— сказал Саймон Дедал.— Клянусь, вы были на высшем уровне.

— Нет, выше,— возразил Том-Джин Кернан.— Самое проникновенное исполнение этой баллады, ручаюсь моей душой и честью.

— Лаблаш,— сказал отец Каули.

Бен Доллард, щедрой хвалой осыпанный, радостно раскрасневшийся, грузно прокачучил к стойке на слоновьих ногах, узловатые пальцы прищелкивающие в воздухе кастанеты.

Большой Бенабен Доллард. Боль-шой Бен-Бен, Боль-шой Бен-Бен.

П-р-рр.

Все расчувствовались, Саймон свою растроганность в носа рог протрубил, все смеялись и привели его, Бена Долларда, в самое отличное настроение.

— Как вы разругались,— сказал Джордж Лидуэлл.

Мисс Дус поправила свою розу, приготовившись обслужить.

— Бен machree¹,— промолвил мистер Дедал, хлопнув Бена по жирной лопатке.— Молодец хоть куда, вот только все занимается тайными накоплениями жировых тканей.

Пу-у-пр-р.

— Смертоносный жир, Саймон,— пожаловался Бен Доллард.

Ричи, черная кошка пробежала, сидел в одиночестве: Гулдинг, Коллис, Уорд. В нерешимости выжидал. Пэт, платы не получивший, тоже.

Тук. Тук. Тук. Тук.

Мисс Майна Кеннеди приблизила губы к уху кружки номер один.

— Мистер Доллард,— тихонько они шепнули.

— Доллард,— шепнула кружка.

Номер один поверил: мисс Кенн когда она: что он дол: она дол: номер один.

Он прошептал, что он знает эту фамилию. То есть эта

¹ Мое сердце (ирл.).

фамилия ему знакома. То есть он уже раньше слышал фамилию. Доллард, правда? Да, Доллард.

Да, произнесли ее губы уже погромче, мистер Доллард. Он дивно спел эту песню, прошептала Майна. И «Последняя роза лета» тоже дивная песня. Майне нравилась эта песня. Кружке нравилась песня которая Майне.

Последнюю розу лета Доллард покинул Блум почуял внутри вьются ветры.

Газы от этого сидра образуются. И крепит. Погоди. Почта возле Рувима Дж., да еще шиллинг восемь пенсов. Покончить с этим. Можно пройти по Грик-стрит. Напрасно я обещал прийти. На воздухе лучше. Музыка. Действует на нервы. Рукоять насоса. Рука, что качает колыбель, правит. Бен Хоут. Что правит миром.

Даль. Даль. Даль. Даль.

Тук. Тук. Тук. Тук.

По набережной зашагал Лионелеопольд, противный Генри с письмецом к Мейди, с прелестями греха с безделушками для Рауля с метим псу хвост шагал Польди.

Тук-тук слепой продвигался по тротуару, тукая тукалкой, тук за туком.

Каули, он себя взвинчивает этим, своего рода опьянение. Лучше на полпути остановиться: пути мужчины к девице. Или вот меломаны. Весь уйдет в слух. Не потерять ни полполовинки писка. Глаза закрыты. Кивают головой в такт. Как свихнулись. Шелохнуться не смей. Думать строго запрещено. И без конца толкуют про эту самую кухню. Вечные ляляля про свои ноты.

Хотя это тоже попытка общения. Неприятно, когда обрывается из-за того, что не знаешь в точ. Орган на Гардинер-стрит. Старому Глинну платили по пятьдесят фунтов в год. Диковато сидеть там одному наверху со всеми этими педалями, клавишами, регистрами. Целыми днями за органом. О чем-то постоянно бубнит, то сам с собой, а то с другим чудачком, который раздувает мехи. Ворчит сердито, потом чертыханье, крик (там видно была прокладка или что-то такое в его ах нет крикнула она не надо), потом вдруг мягкой струйкой уи-и маленькой уи-и маленький тоненький звук как ветерок.

Пи-и! Маленький ветерок тоненько протянул и-и-и. У Блума внутри-и-и.

— Так это он? — спросил мистер Дедал, вернувшись со своей трубкой. — Сегодня утром мы вместе были на бедняги Дигнама...

— Помилуй Господи его душу.

— Кстати, какой-то камертон там на том...

Тук. Тук. Тук. Тук.

— У его жены раньше был чудный голос. А сейчас как она? — спросил Лидуэлл.

— Ах, это, верно, настройщик, — объяснила Лидия Саймонлионелю явился дивный, — его позабыл, когда был тут.

Он совершенно слепой, сообщила она Джорджу Лидуэллу явился второй. И так изящно играл, просто наслаждение слушать. Изящное сочетание: бронзалид майназлато.

— А ну, ори, сколько! — орал Бен Доллард, наливая. — Столько?

— Будет! — вопил отец Каули.

Пууррр.

Чувствую, мне явно хочется...

Тук. Тук. Тук. Тук. Тук.

— Вполне, — промолвил мистер Дедал, пристально разглядывая безголовую сардинку.

Под колпаком, прикрывавшим сэндвичи, на катафалке из хлеба она покоилась, последняя и единственная, одинокая и последняя сардинка лета. Блум одинок.

— Вполне, — продолжал он разглядывать. — В нижнем регистре. Высшего качества.

Тук. Тук. Тук. Тук. Тук. Тук. Тук.

Блум миновал швейное заведение Барри. Хорошо бы я смог. Обождать малость. Сейчас бы мне это чудотворное средство. Двадцать четыре законника тут под одной крышей. Кляузы. Любите друг друга. Горы гербовой бумаги. Господа Чистильщик и Карманов имеют судейские полномочия. Гулдинг, Коллис, Уорд.

А взять, скажем, того малого, что бухает в большой барабан. Оркестр Микки Руни — призванье его. Интересно, как он это открыл. Сидел дома у себя в кресле, уплетал свинину с капустой. Репетирует свою партию. Бум. Барабум. То-то его жене веселье. Ослиные шкуры. Пока жив, нахлестывают, когда издохнет, колотят. Бум. Бубубух. Прямо этот, как его там, кишмиш, то есть, верней, кисмет. Рок.

Тук. Тук. Слепой юноша, постукивающий тросточкой, дошел, постуктуктукивая, до витрин Дэли, в которых русалка, по плечам распустив струящиеся русые пряди (но он не мог видеть их), выпускала кольцами дым русалки (слепой не мог), курите русалку, это легчайшие сигареты.

Инструменты. Стебелек травы, ее ладони раковинной,

и подуть. Даже на гребенке с папиросной бумагой, и то можно исполнить мотивчик. Молли на Ломбард-стрит, в сорочке, с распущенными волосами. Я думаю, в любом ремесле какая-нибудь своя, разве нет? У охотников рог. Рогоносцы. Зачесалось. У тебя? Cloche. Sonnez la. Волянка у пастухов. Свисток полисмена. Замки-ключи продаю! Трубы чищу! Четыре утра, все спокойно! Спите! Все потеряно. Барабан? Барабум. Погоди, еще знаю. Главный крикун в городе, наш главный бам барабум инспектор. Длинный Джон. Мертвого разбудит. Бум. Дигнам. Бедняга *nominedomine*¹. Бум. Тоже музыка, хотя, конечно, тут почти одно бум бум бум, то, что называют *da capo*². Но кое-что можно уловить. Мы шагаем все вперед, все вперед. Бум.

Нет, в самом деле, мне надо. Пу-у-у. Если б я на банкете так. Вопрос обычаев, вот и все. Шах персидский. Прошепчите молитву, уроните слезу. Все-таки он был простачок, не разглядеть что это гвардеец кеп. Весь закутан. Интересно, кто же это был, на кладбище, в коричневом макинто. А, уличная шляуха!

Потасканная шляуха в черной плоской соломенной шляпке набекрень, остекленелая в свете дня, скользила безжизненно по набережной навстречу мистеру Блуму. Когда явился дивный облик. О, да. Я сегодня так одинок. В дождливую ночь, в переулке. Зачесалось. У него. Как завидел. Он ее. А тут не ее места. Что она? Надеюсь, она. Эй, сударь! Вам не надо что-нибудь пости. Видела Молли. Засекла меня. С тобой была полная дама в коричневом костюме. У меня сразу весь пыл пропал. Назначали свидание зная что никогда разве что иногда. Так много риска, уж очень близко любимый дом родной. Заметила меня или нет? При дневном свете жуткое пугало. Лицо как из воска. Черти бы ее взяли! Ну зачем так, и ей надо жить, как всякому. Отвернись, и все.

В витрине антикварной лавки Лионеля Маркса надменный Генри Лионель Леопольд дорогой Генри Флауэр сосредоточенно мистер Леопольд Блум обзревал облупленные канделябры и фисгармонию с ветхими в червоточинах мехами. Цена бросовая: шесть шиллингов. Можно бы научиться играть. Дешевка. Пускай она пройдет. Конечно, все дорого, если тебе не требуется. Это и называется хороший торговец. То заставит купить, что желает сбыть. Такой вот мне продал шведскую бритву, которой меня побрил. Хотел еще взять за то, что он ее наточил. Ну, прошла. Шесть шиллингов.

От сидра, а может, и от бургонского.

¹ Имягосподне (лат.).

² Повторить сначала (итал.).

Близ бронзы из близи близ злата из дали звонкими бокалами чокнулись они все, сверкая отважно взорами, перед бронзовой Лидии искусительной розой, последней розою лета, розой Кастилии. Первый Лид, Де, Кау, Кер, Долл пятый: Лидуэлл, Сай Дедал, Боб Каули, Кернан и Большой Бен Доллард.

Тук. Входит юноша в зал «Ормонда» пустой.

Блум смотрел на портрет отважного героя в витрине Лионеля Маркса. Последние слова Роберта Эммета. Семь последних слов. Мейербера.

— Честные граждане, как и ты.

— Вот-вот, Бен.

— Бокал твой поднимут с нами.

Они подняли.

Динь. Дон.

Ток. Незрячий юноша стоял на пороге. Он не видел бронзы. Не видел злата. Ни Бена ни Боба ни Тома ни Сая ни Джорджа ни кружек ни Ричи ни Пэта. Хи-хи-хи-хи. Не видел ни зги.

Волноблум, сальноблум смотрел на последние слова. Ну, полегоньку. *Когда моя страна займет свое место среди.*

Пурррр.

Не иначе как бур.

Пффф! Ох. Перр.

Наций нашей планеты. Позади никого. Она прошла. Вот тогда, но не прежде, чем тогда. Трамвай. Гром гром гром. Очень кста. Подъезжает. Гррамгромгром. Совершенно точно это бургон. Так. Раз-два. Пусть будет написана моя. Дзи-дзи-дзи-и-инь. Эпитафия. Я закон.

Пуррррпупурррпффф.

Чил.

Я, значит, загораю на уголку Арбор-хилл с папашей Троем из ДГП¹, как вдруг откуда-то прет окаянный трубочист и своей метлой аккурат норовит заехать мне в глаз. Оборачиваюсь, чтобы покрыть его как следует, и тут вижу, кто ж это топает по Стони-баттер, не иначе Джо Хайнс.

— Ха, никак Джо,— говорю.— Как живешь-дышишь? Видал, мне этот рассукин трубочист чуть-чуть глаз не высадил?

— Сажа к счастью,— это он мне.— А что это за старый мудила, с которым ты тут?

— Папаша Трой,— говорю,— в полиции служил раньше. Я вот думаю, может, мне привлечь этого очумелого за то, что он создает помехи движению своими метлами да лестницами.

— А чего тебя занесло в эти края? — он мне.

— Так,— говорю,— ерунда. Тут один жулик, бестия, за гарнизонной часовней живет, на углу Чикен-лейн — папаша Трой как раз мне кой-чего шепчет насчет него — наплел, будто у него богатая ферма в графстве Даун, и под этим видом нагреб чертову пропасть чаю и сахару, как бы в рассрочку по три шиллинга в неделю, у одного плюгавого коротышки по прозвию Моше Герцог, вон там, около Хейтсбери-стрит.

— Обрезанный! — замечает Джо.

— Точно,— говорю.— Этак малость с верхушки. Лудильщик по фамилии Герати. Две недели за ним гоняюсь и не могу вытрясти ни пенса.

— Так это и есть твой промысел? — Джо смекает.

¹ Дублинская городская полиция.

— Точно,— говорю.— Как пали сильные! Взыскание злостных и оспариваемых долгов. Но уж этот — самый отпетый бандюга, какого свет видывал, рожа вся в оспинах, хоть дождь в нее собирай. *Передайте ему*, говорит, *чтобы он остерегся*, говорит, *и дважды бы остерегся, вас еще сюда посылать, а если пошлет, то я*, говорит, *его привлеку к суду за торговлю без патента, пусть так и знает*. А сам за его счет так набил брюхо, что, гляди, лопнет. Я со смеху сдох, как тот еврейчик на себе волосы рвал. *Он же пивает мбега цаю. И он же кусает моего сахару. Таки чего же он не отдавает мне мои деньги?*

За нескоропортящийся товар, закупленный у Герцога Моисея, торговца, место жительства Дублин, Сент-Кевин-пэрейд, 13, квартал Вуд-куэй, впредь именуемого «продавец», проданный и доставленный Герати Майклу Э., эсквайру, место жительства Дублин, Арбор-хилл, 29, квартал Арран-куэй, впредь именуемому «покупатель», а именно, чай высшего качества, в количестве пяти фунтов торгового веса, стоимостью по три шиллинга ноль пенсов за фунт торгового веса, и сахар-песок, в количестве сорока двух фунтов торгового веса, стоимостью по три пенса за фунт торгового веса, означенный покупатель обязан уплатить означенному продавцу один фунт стерлингов, пять шиллингов и шесть пенсов, составляющие стоимость товара, каковая сумма означенным покупателем должна выплачиваться означенному продавцу посредством еженедельных взносов, а именно, три шиллинга ноль пенсов каждые семь календарных дней. Означенный нескоропортящийся товар не подлежит употреблению в качестве заклада или залога, равно как не подлежит перепродаже либо иным видам отчуждения со стороны означенного покупателя, но должен пребывать и оставаться и содержаться в исключительной и всецелой собственности означенного продавца, каковой может располагать им по своей воле и усмотрению, покуда означенная сумма не будет полностью выплачена означенным покупателем означенному продавцу согласно вышеустановленному порядку, как о том условлено сего числа между означенным продавцом, его наследниками, преемниками, поверенными и душеприказчиками, с одной стороны, и означенным покупателем, его наследниками, преемниками, поверенными и душеприказчиками, с другой стороны.

— Ты у нас как, строго непьющий? — Джо спрашивает.

— Промеж двумя рюмками в рот ни капли,— говорю.
— Тогда, может, навестим друга жаждущих? — снова Джо.

— Какого бы? — говорю.— Может, уж он у Убогого Джона с психами, спятил малость, бедняга.

— От собственного зелья? — это Джо.

— Вот-вот,— говорю.— Виски с содовой ударило в голову.

— Заглянем к Барни Кирнану,— это Джо.— Мне бы надо повидать Гражданина.

— Идет, давай к душеке Барни,— говорю.— А чего завлекательного на свете слышно?

— Ничем таким и не пахнет,— это Джо.— Я вот на заседании был в «Городском гербе».

— Это еще о чем? — говорю.

— Скотопромышленники волнуются насчет ящура,— говорит Джо.— Хочу об этом донести Гражданину суровую правду.

И таким манером, болтая о том о сем, огибаем мы с ним казармы Линенхолл и бредем задами мимо суда. Славный он малый, этот Джо, когда у него в кармане звенит, только голову на отсечение, что такого с ним не бывает. Да, думаю, не вышло у меня проучить гнусного пройдоху Гера-ти. Грабит средь бела дня. За торговлю без патента, чего придумал.

В стране прекрасной Инисфайл один есть край. То дивный край, земля святого Мичена. Там высится сторожевая башня, всем путникам видна издалека. Могучие покойники там спят, как бы во сне живые пребывая, прославленные воины, князья. Отраднo там журчанье вод, привольных и рыбообильных, где резвятся маслюк и пикша, лиманда и палтус, камбала обыкновенная и калкановая, плотва, сайда и тинда, резвится без разбору всяческое рыбье простонародье, резвятся и прочие обитатели водного царства, числа коих никому не исчислить. Под дуновеньем ласкающих зефиров с запада и с востока могучие деревья колышут свое первосортное лиственное убранство, кедры ливанстии и благовонные сикоморы, платан вознесшийся и целительный эвкалипт, и прочие украшения древесного мира, коими земля эта щедро наделена. Там прелестные дёвы, усевшись у подножия прелестных дерев, напевают прелестнейшие мелодии, забавляясь всяческими прелестными вещицами, как то золотыми слитками и серебряными рыбками, бочками сельди и полными неводами угрей, корзинами мальков

трески и лосося, багряными дарами моря и шаловливыми букашками. И славные рыцари стремятся со всех концов искать их взаимности, от Эбланы до Сливмарги, несравненные принцы из непокоренного Манстера и Коннахта праведного, с шелковых равнин Ленстера, из страны Круахана и из Армы великолепного и из благородного округа Бойл, принцы, королевские сыновья.

И высится там роскошный дворец, хрустальный купол которого, сияющий тысячами огней, отовсюду заметен морякам, что бороздят просторы морей в ладьях, нарочно для этого построенных, и стекаются туда все стада и скот тучный и первые плоды той земли, и О'Коннелл Фицсаймон взымает с них дань, вождь и потомок вождей. На исполинских колесницах туда подвозят плоды полей, мешки капусты, полные отборных кочнов простой и цветной и брюссельской, и капусты кольраби, вороха шпината, консервированные ананасы, рангунские бобы, горы помидоров, связки фигов, груды брюквы, корзины грибов, кабачки, репу, вику, ячмень, и округлые картофелины, и с радужным отливом луковицы, сии перлы земли, и красные зеленые желтые смуглые розовые сладкие крупные кислые зрелые покрытые пушком яблоки и лукошки земляники и сита крыжовника, сочного и мохнатого, и земляники, достойной принцев, и малины прямо с куста.

Пускай он остережется, говорит, и дважды остережется. А ну-ка, вылезай сюда, Герати, ты, отпетый бандюга с большой дороги!

И туда же устремляются бесчисленные стада племенных овец и могучих баранов с бубенцами, и ягнят, и ярочек, впервые остриженных, и серых гусей, и молодых бычков, и запаленных кобыл, комолых телят, мериносов, овец на откорм, стельных коров от Каффа, отбракованных недомерков, свиноматок и беконных свиней и самых отборных свиней всех прочих разнообразнейших разновидностей свиного рода, телочек из графства Энгус и племенных бычков с безупречной родословной, мясных быков и удожных коров-рекордисток; и никогда там не молкнут топот и гогот, ржанье и бляенье, мычанье и рев и хрюканье и чавканье свиних, овечьих, коровьих орд, пришедших тяжкою поступью с бескрайних пастбищ Ласка и Раша и Каррикмайнса, с пойменных лугов Томонда и неприступных хребтов Макгилликадди-Рикс, с берегов величавого глубоководного Шаннона и с приветливых склонов страны рода Кир, вымена их набухли от прироста молока, и там же громоздят-

ся бочонки и кадки масла, головы сыру, бараньи туши, меры и меры зерна, сотни и тысячи яиц, всевозможных размеров, продолговатой формы, цвета агата и мела.

Стало быть, заворачиваем к Барни Кирнану, и там, как полагается, в углу Гражданин, в живой беседе с самим собой, этот его паршивый пес, Гаррион, при нем, и ждут, когда и чего им перепало бы насчет выпить.

— Вот он,— говорю,— в своей берлоге, с кружкой-подружкой, над кипой бумаг, трудясь ради великого дела.

Тут окаянный пес так зарычал, что поджилки все затряслись. Благое дело для общества, если бы кто его наконец придавил. Мне рассказали, он тут однажды в лоск изодрал штаны полисмену, который пришел с повесткой насчет патента.

— Стой, кто идет,— это он.

— Спокойно, Гражданин,— Джо ему.— Тут свои.

— Следовать к месту сбора,— он на это.

И потом трет глаз ладонью и спрашивает:

— Каково ваше мнение о сложившейся обстановке?

Играет патриота-боевика, Рори, засевшего в горах. Но тут, чтоб я лопнул, Джо был на высоте.

— Я полагаю, акции поднимаются,— говорит он, поглаживая себя по ширинке.

И тут, чтоб я лопнул, Гражданин трахает себя по коленке и орет:

— Войны за границей, вот что всему причина!

А Джо на это, колукаясь большим пальцем в кармане:

— Всё русские, так и рвутся тиранить.

— Слушай,— это уж я,— ты кончай зубоскалить, Джо.

У меня жажда такая, что за полкроны не продал бы.

Джо тогда говорит:

— Назови марку, Гражданин.

— Вино нашей родины,— тот ему.

— Ну, а ты? — это мне Джо.

— Присоединяюсь к предыдущему оратору,— говорю.

— Значит, три кружки, Терри,— говорит Джо.— А как здоровышко, Гражданин?

— В лучшем виде, радость моя,— тот ему.— Ну как, Гарри? Наша возьмет? У-у!

И хватает своего шелудивого за шкуру, да так, что из того, еще бы самую малость, и дух вон.

Фигура, сидевшая на гигантском валуне у подножия круглой башни, являла собою широкоплечего крутогрудого мощночленного смеловзорого рыжеволосого густовеснуш-

чатого косматобородого большеротого широконосого длинноголового низкоголосого голоколенного стальнопалого власоного багроволицего мускулисторучного героя. В плечах он был нескольких косых сажений, а колени его, подобные горным утесам, как и все остальное тело, видимое глазу, густо покрыты были колючею рыжеватой порослью, цветом и жесткостью походившей на дикий терн (*Ulex Europaeus*). Ноздри с широчайшими раскрыльями, откуда торчали пучки волос того же рыжеватого цвета, были столь дивно поместительны, что в их сумрачной мгле полевой жаворонок без труда свил бы себе гнездо. Глаза его, в которых слеза и улыбка вечно оспаривали первенство, превосходили размерами отборный кочан капусты. Мощная струя горячего пара размеренно исторгалась из его бездонной груди, и столь же ритмически могучие звучные удары его исполинского сердца громopodobными раскатами сотрясали почву, заставляя содрогаться до самых вершин башню, что вознеслась высоко, и стены пещеры, вознесшиеся еще выше.

На нем было длинное одеяние без рукавов, из свежесодранной бычьей шкуры, свободно ниспадавшее до колен, словно килт, и перехваченное в поясе кушаком из стеблей тростника и соломы. Под этим одеянием имелись штаны из оленьей кожи, грубо сшитые жилами. Нижние конечности его защищали высокие болбриггенские гетры, крашенные пурпурным лишайником, а стопы были обуты в башмаки дубленой коровьей кожи, зашнурованные трахеей того же животного. На поясе подвешены были морские камешки, побрякивавшие при каждом движении его устрашающей фигуры; на них грубо, но с поразительным мастерством были вырезаны изображения покровителей кланов, древних героев и героинь Ирландии, Кухулина, Конна Ста Битв, Ниала Девяти Заложников, Брайена Кинкорского, Малахии Великого, Арта Макморра, Шейна О'Нила, отца Джона Мэрфи, Оуэна Роу, Патрика Сарсфилда, Рыжего Хью О'Доннелла, Рыжего Джима Макдермотта, Соггарта Оуэна О'Трони, Майкла Двайера, Френси Хиггинса, Генри Джоя Маккракена, Голиафа, Горацио Уитли, Томаса Коннефа, Пег Уоффингтон, Деревенского Кузнеца, Ночного Капитана, Капитана Бойкота, Данте Алигьери, Христофора Колумба, св. Ферсы, св. Брендана, маршала Макмагона, Карла Великого, Теобальда Вулфа Тона, Матери Маккавеев, Последнего из Могикиан, Розы Кастилии, Настоящего Голуэйца, Человека, Сорвавшего Банк в Монте-Карло, Защитника Ворот, Женщины, Которая Не Решилась, Бенджа-

мина Франклина, Наполеона Бонапарта, Джона Л. Салливена, Клеопатры, Саворнин Дилиш¹, Юлия Цезаря, Парцельса, сэра Томаса Липтона, Вильгельма Телля, Микеланджело Хейса, Магомета, Ламмермурской Невесты, Петра Отшельника, Петра Обманщика, Смуглой Розалин, Патрика В. Шекспира, Брайена Конфуция, Морта Гутенберга, Патрицио Веласкеса, Капитана Немо, Тристана и Изольды, первого Принца Уэльского, Томаса Кука и Сына, Бравого Парня Солдата, Арра-на-Пог², Дика Терпина, Людвиг Бетховена, Коллин Бон³, Косолапого Хили, Энгуса Раба Божия, Доллимаунта, проспекта Сидни, мыса Хоут, Валентина Грейтрейкса, Адама и Евы, Артура Уэлсли, босса Крокера, Геродота, Мальчика с пальчик, Будды Гаутамы, леди Годивы, Лилии Килларни, Бейлора Дурной Глаз, царицы Савской, Экки Нэгла, Джо Нэгла, Алессандро Вольты, Джереми О'Донована Россы, Дона Филипа О'Салливена Бира. Подле него покоилось заостренное копьё из тесаного гранита, а у самых ног его прикорнул свирепый зверь собачьих кровей, чье прерывистое дыхание указывало на то, что зверь погружен в беспокойный сон,— догадка, находившая подтверждение в хриплых рыках и диких вздрагиваньях, которые хозяин время от времени укрощал успокоительными ударами мощной палицы, грубо выделанной из палеолитического камня.

Стало быть, Терри приносит три пинты, а Джо еще все стоит, и тут, братцы мои, я чуть на месте не помер, когда вижу, он вынимает из кармана гинею. Не верите — могу побожиться. Натуральный кругленький соверен.

— Откуда этот, там еще много таких,— говорит.

— Никак церковную кружку уворовал? — я ему.

— Праведным трудом,— отвечает.— Это мне благоразумный субъект намекнул.

— Я его видел перед тем, как тебя встретить,— говорю.— Он шлялся по Пилл-лейн да по Грик-стрит, пялил свой рыбий глаз на рыбы кишки.

Кто странствует по землям Мичена, облачен в черный панцирь? О'Блум, сын Рори — то он. Неведом страх сыну Рори, и благоразумна душа его.

— Для старухи с Принс-стрит,— говорит Гражданин,—

¹ Верная Возлюбленная (*ирл.*; Название старинной сентиментальной баллады).

² Предавшийся Поцелуям (*ирл.*; Пьеса Дайона Бусико (1864)).

³ Девушка с Красивыми Волосами (*ирл.*; Пьеса Дайона Бусико (1860), а также одна из песен в «Лилии Килларни»).

для субсидируемой газетенки. Блюдут соглашение в Палате. А поглядите на это чертово барахло, это он говорит. Нет, вы поглядите, говорит. «Айриш индипендент», как вам нравится, независимая ирландская газета, которую Парнелл для того основал, чтобы она служила рабочему люду. А вы только послушайте список рождений и смертей в этой, с вашего позволения, ирландской для ирландцев газете, и то же самое свадьбы.

И начинает громко зачитывать:

— Гордон, Барнфилд-Креснт, Эксетер; Редмейн, Иффли, Сент-Энн-он-Си: супруга Вильяма Т. Редмейна родила сына. Как это вам, а? Райт и Флинт, Винсент и Джиллет, с Ротой Мэрион, дочерью Розы и покойного Джорджа Альфреда Джиллета, Клафам-роуд, 179, Стокуэлл, Плейвуд и Рисдейл, Сент-Джуд, Кенсингтон, венчание совершено высокопреподобным доктором Форрестом, настоятелем Вустерского собора. А? Некрологи. Бристоу, Уайтхолл-лейн, Лондон; Кэrr, Стоук Ньюингтон, от гастрита и болезни сердца; Триппер...

— Этого парня я знаю,— говорит Джо,— по горькому опыту.

— Триппер, Мот-хаус, Чепстоу. Димси, супруга Дэвида Димси, служившего в Адмиралтействе; Миллер, Тоттнем, в возрасте восьмидесяти пяти лет; Уэлш, 12 июня, Кэннинг-стрит, 35, Ливерпуль, Изабелла Хелен. Как это все подходит для национальной прессы, а, хрен моржовый? И что нам все это говорит про Мартина Мэрфи, рассукина политикана из Бантри?

— Да ладно,— говорит Джо, пододвигая нам кружки.— Порадуемся, что они нас опередили. Ты лучше хлебни-ка, Гражданин.

— Не премину,— отвечает тот, достопочтеннейший муж.

— Ну, будем, Джо,— говорю.— Поминки объявляю открытыми.

Ух! Это да! Нет слов! Я так без нее страдал, без этой вот пинты. И заявляю официально, я чуял, как она, родимая, прошла в самое недра брюха и сделала вот так: буль!

Но взгляните! едва они пригубили свои чаши радости, как стремительно влетел к ним божественный посланец, сияющий, словно око небес, пригожий собою юноша, за коим следовал гордый старец с благородной осанкой, несущий священные свитки закона, и с ним супруга его, особа с безупречною родословной, лучшее украшение своего рода.

Малыш Олф Берген влетает в двери и скрывается в задней комнатухе у Барни, весь со смеху вот-вот готов лопнуть. А я смотрю, кто ж это там, я было не заметил, пьяный храпит в углу, отрешившись от мира, не иначе Боб Дорен. До меня никак не доходит, что приключилось, а Олф все делает какие-то знаки из дверей. И тут плетется, угадайте-ка, братцы, кто, этот болван двинутый, Дэнис Брин, в банных шлепанцах и с двумя бля пухлыми томами под мышкой, а за ним жена поспешает, несчастная убогая баба, как моська семенит за ним по пятам. А Олф, гляжу, совсем подыхает со смеху.

— Любуйтесь,— говорит.— Это Брин наш. Кто-то ему, понимаешь, прислал открытку, а в той открытке стоит: ку-ку! И вот он теперь таскается по всему Дублину, желает вчи... чи...

И давится аж от хохота.

— Чичего? — говорю.

— Иск желает вчинить,— объясняет он.— Всего-то на десять тысяч фунтов!

— Ни хрена себе! — говорю.

Паршивая псина, зачувя новенького, снова издает такой рык, что у всякого душа в пятки, но тут Гражданин отпустил ей хорошего пинка меж ребер.

— *Vi i dho husht*¹,— говорит Олф.

— Так, значит, кто это? — Джо спрашивает.

— Брин,— объясняет Олф.— Он был у Джона Генри Ментона, потом от него поплелся к Коллису и Уорду, а потом его встретил Том Рочфорд и послал ради смеха к главному инспектору полиции. Мать честная, я ржал до коллик. К. к.: ку-ку. Ну, долговязый ему выдал теплый прием, еще скажи спасибо, не посадил. И вот сейчас этот псих тащится на Грин-стрит, хочет детектива найти.

— А когда наконец Длинный Джон повесит этого молодца в Маунтджой? — Джо спрашивает.

— Берген,— мычит тут Боб Дорен, просьпаясь.— Ты кто, Олф Берген?

— Так точно,— говорит Олф.— Повесит? Погодите, я вам чего покажу. Эй, Терри, подай-ка сюда одну. Нет, ну и болван, ну и олух! Десять тысяч фунтов. Жаль, вы не видели, как Длинный Джон на него воззрился. Ку-ку...

И опять его в хохот.

— Ты это над кем смеешься? — хрипит Боб Дорен.— Ты кто, Берген?

¹ Помолчи (*ирл.*).

— Терри, давай поживей, старик,— просит Олф.

Теренций О'Райен, вняв слову его, в тот же миг ему подал хрустальную чашу, до краев полную пенистым темным элем, который варили издавна в божественных своих чанах благородные близнецы-братья Пивайви и Пиварди-лон, хитроумные, подобно сыновьям Леды бессмертной. Ибо собирают они сочные плоды хмеля и ссыпают, просеивают, толкут и варят их, и примешивают к ним терпкие соки и ставят сусло на священный огонь, денно и ночью не оставляя своих трудов, хитроумные братья, властители больших чанов.

И ты, о рыцарственный Теренций, как отроду привыкший к обхождению, поднес ему амброзии подобный напиток, хрустальную чашу предложил ты ему, жаждущему, рыцарственной душе, прекрасному как сами бессмертные.

Но он, юный вождь О'Бергенов, не мог и помыслить, чтобы другой превзошел его в великодушных деяниях, и по сему щедрым жестом ему он подал обол из бесценной бронзы. Искусною рукою чеканщика был выбит на нем величавый лик королевы, происходившей из дома Брун-вик, Виктории именем, Ее Августейшего Величества, милостью Божией Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и британских заморских владений королевы, защитницы веры, императрицы Индии, той, что царствовала над несметными покоренными народами и была им любезна, ибо узнали и возлюбили ее в краях, где восходит солнце и где заходит, бледнокожие и темнокожие, краснокожие и эфиопы.

— Этот рассукин фармазон,— ворчит Гражданин,— чего он там рыскает взад и вперед снаружи?

— Какой-такой? — Джо спрашивает.

— Вот она,— говорит Олф, выуживая монетку.— Вы, значит, о повешении. Так я вам покажу сейчас, чего вы сроду не видели. Письма того, кто вешает. Вот, глядите.

И вытаскивает из кармана целую пачку замусоленных писем и конвертов.

— Разыгрываешь нас? — говорю.

— Честное благородное,— это он.— Нате, сами читайте.

Ну, Джо берет письма.

— Ты это над кем смеешься? — рычит Боб Дорен.

Чую, как бы не вышло заварушки. Боб, он с хорошей придурью, когда налакается, так что я говорю спокойно, чтобы отвлечь:

— А как там у Вилли Мерри дела, Олф?

— Не знаю,— он мне.— Я его встретил только что на Кейпл-стрит, с Падди Дигнамом. Но мне бежать надо было...

— Чего-чего? — Джо тут оторвался от писем.— С кем встретил?

— С Дигнамом,— повторяет Олф.

— Это который Падди? — Джо спрашивает.

— Ну да,— говорит Олф.— А что такое?

— Да ты разве не знаешь, что он помер? — это Джо.

— Падди Дигнам помер? — это Олф.

— Вот именно,— Джо ему.

— Да пару минут назад я его видел собственными глазами,— говорит Олф,— клянусь, вот как сейчас вас вижу.

— Это кто помер? — Боб Дорен спрашивает.

— Ты, стало быть, видел его призрак,— говорит Джо.— С нами крестная сила.

— Как-как? — бормочет Олф.— Господи Боже, да всего пару... Как это?... и с ним Вилли Мерри, а возле них еще этот, как его звать-то... Да как же это? Дигнам умер?

— Чего про Дигнама? — это снова Боб Дорен.— А ну, кто тут про...

— Умер! — говорит Олф.— Да он не больше умер, чем ты.

— Уж не знаю,— Джо говорит.— Но только сегодня утром совершили такую вольность, похоронили его.

— Как, Падди? — говорит Олф.

— Его самого,— отвечает Джо.— Исполнил закон природы, помилуй Господи его душу.

— Господи Иисусе! — говорит Олф.

Ей-ей, парень был, что называется, убийственно ошарашен.

Во тьме ощущалось, как вибрировали руки духа, и когда моление по тантрическому обряду было устремлено в надлежащую область, сделалось постепенно видимым слабое, но все нарастающее свечение рубинового оттенка. В своем явлении эфирный двойник обретал подобие жизни, в особенности за счет импульсов витальной энергии, доставляемых аурой головы и лица. Общение происходило посредством гипофизной железы, а также лучей оранжево-пламенного и алого цвета, исходивших из сакральной области и солнечного сплетения. Когда к нему обратились, назвав его именем, которое он носил в земной жизни, и спросили о его пребывании в духовных мирах, то он сообщил, что

в настоящее время проходит путь возвращения, пралайю, однако первоначально находится во власти неких кровожадных существ на низших астральных планах. В ответ на вопрос о своих первых ощущениях по прохождении великого порога запредельных миров он сообщил, что прежде видел как бы сквозь тусклое стекло, однако переступившим порог открываются высочайшие возможности атмического развития. Будучи спрошен о том, напоминает ли жизнь там наше земное существование, он сообщил, что, как слышал он от существ на более высоких ступенях в духовном мире, их обиталища наделены всеми самыми современными домашними удобствами, как то талафонтра, лифтра, сортиртра и атапалентра, а посвященные самых высших ступеней купаются в чистейших и бесконечнейших наслаждениях. Когда же он испросил кварту топленого молока, то указанное было принесено и доставило явное облегчение. Затем справились, не желает ли он что-либо передать живущим, и он призвал всех, кто еще пребывает на ложной стороне, кто поглощен Майей, вступить на путь истины, ибо в кругах деванических стало известно, что Марс и Юпитер находятся в противостоянии, угрожая восточному дому, где властвует овен. Тогда осведомились, нет ли каких особенных пожеланий со стороны усопших, и ответ был: *Мы шлем вам привет, наши земные друзья, еще пребывающие во плоти. Следите, чтобы К. К. не заходил слишком далеко.* Установлено было, что инициалы относятся к мистеру Корнелиусу Келлехеру, управляющему известной похоронной конторой Г. Дж. О'Нила и другу усопшего, лично ведавшему устройством и церемонией погребения. Перед тем как удалиться, он попросил также передать его любимому сыну Пэтси, что второй ботинок, который тот разыскивал, лежит в настоящее время под комодом в угловой комнате, и всю пару следует отнести к Коллену, причем чинить лишь подметки, поскольку каблуки вполне в целости. Он добавил, что это тяжело тревожило покой его духа в ином мире, и убедительно просил об исполнении своей просьбы.

Были даны заверения в том, что все необходимое будет сделано, и, как можно было заметить, это принесло удовлетворение.

Он оставил жилища смертных, О'Дигнам, солнце нашего утра. Легким его стопам лесных уж не попирашь папоротников, о, Патрик с челом сияющим. Оплачь его, Банба, своими ветрами и ты, Океан, ураганами своими.

— Вон он опять там, — говорит Гражданин, выглядывая в окно.

— Кто? — говорю.

— Да Блум,— отвечает он.— Как постовой мотается взад-вперед, вот уже минут десять.

И тут, ей-пра, я заметил, как его физия зыркнула внутрь и, шась, тут же опять исчезла.

А малыша Олфа как будто по башке треснули. Не может в себя прийти.

— Боже милостивый! — говорит.— Я же поклясться могу, что это он был.

И тут снова Боб Дорен, шапка на затылке, он просто жуткий громила делается, когда на него найдет:

— А ну-ка, кто тут сказал «Боже милостивый»?

— Пердон, сударь,— говорит Олф.

— Так, по-твоему, это милость,— рявкает Боб,— что он у нас отнял нашего бедного Вилли Дигнама?

— Ну, понимаешь,— юлит Олф, пытаюсь спустить на тормозах,— сейчас его уже ничто не тревожит.

Но тут Боб как гаркнет:

— Вонючий мерзавец, вот он кто, раз он отнял у нас нашего бедного Вилли Дигнама!

Терри выходит и моргает ему, чтоб он потише, мол, в ихнем приличном заведении таких разговоров не полагается. И тогда Боб Дорен, вот вам суцая правда, начинает проливать горькую слезу над судьбой Падди Дигнама.

— Прекраснейший человек был,— ноет Боб, всхлипывая,— чистейшая, прекраснейшая душа.

В глазах твоих слеза чертовски близко. И все несет своей собачий бред. Ступал бы лучше к своей сучонке, на которой его женили, к блажной этой Муни, дочке пристава из какого-то захолустья. Мамаша держала мебелирашки на Хардвик-стрит, так она там вечно шлялась по лестницам, мне Бэнтам Лайонс рассказывал, бывало, выйдет часа в два ночи в чем мать родила и так стоит, гляди и приходи кто угодно, доступ для всех на равных условиях.

— Честнейший и благороднейший,— Боб все ноет.— И вот он скончался, наш бедный Вилли, то есть бедный наш Падди Дигнам.

В глубокой скорби, с тяжким бременем на душе оплакивал он угасший светоч небес.

Тут старина Гаррионун опять заворчал на Блума, что все крутился у двери.

— Да заходите смелей, не съест,— говорит Гражданин.

Блум пробирается, косясь на пса, и спрашивает у Терри, не был ли тут Мартин Каннингем.

— Ах ты, Господь Мак-Кеун! — говорит Джо, еще все за письмами.— Послушайте-ка вот это, хотите?

И начинает зачитывать.

Ливерпуль,
Хантер-стрит, 7

Начальнику дублинской полиции,
Дублин

Глубокожаемый Сэр осмелюсь вам предложить свои услуги насчет помянутого деликатного дела как я повесил Джо Ганна в Бутлской тюрьме 12 февраля 1900 года и еще повесил...

— Покажи, покажи-ка, Джо,— говорю.

— ...рядового Артура Чейса за убийство Джесси Тильзит в Пентонвильской тюрьме и еще был помощником когда...

— Господи,— говорю.

— ...Биллингтон казнил злодея убийца Тода Смита...

Тут Гражданин хотел было у него цапнуть письмо.

— Потерпи,— это Джо ему,— а еще имею самоличный способ накладки петли так чтоб уже не выпутался и остаюсь со всей надеждой на вашу милость а также моя цена пять гиней,

Х. Рамболд,
Цирюльник.

— Этот цирюльник заслужил хороший пиндюльник,— говорит Гражданин.

— Грязная поганая тварь,— Джо плюется.— На,— говорит,— Олф, забери-ка их с глаз долой. Приветствую,— говорит,— Блум, чего выпьете?

Ну, тут они пошли препираться, Блум, я, мол, не хочу да я не могу да вы не сочтите за оскорбление и так далее, а в конце концов говорит, ладно, тогда я, пожалуй, возьму сигару. Ей-ей, благоразумный субъект, ничего не скажешь.

— Дай-ка нам, Терри, самую лучшую из твоих вонючек,— говорит Джо.

Олф между тем толкует, как один такой малый прислал открытку с соболезнованиями и с черной каймой вокруг.

— Все эти,— говорит,— цирюльники из черных краев, они за пять фунтов плюс дорожные расходы готовы отца родного повесить.

И начинает рассказывать, как там при этом двое стоят внизу и тянут за ноги, когда повиснет, чтобы задохся как следует, а потом они режут веревку на кусочки и продают, выручают по несколько шиллингов с головы.

В темных краях обитают они, мстительные рыцари бритвы. Держат они наготове свое смертоносное вервие и неумолимо препровождают в Эреб всякого, кто бы ни совершил кровавое злодеяние, ибо отнюдь не буду терпеть того, так говорит Господь.

Тут они начали рассуждать насчет смертной казни и конечно Блум давай выступать со всякими почему да отчего со всей хренопруденцией этого дела а пес что-то все время его обнюхивает мне говорили от этих жидов какой-то особый запах который собаки чувят и рассусоливает про средство устрашения и прочее в этом духе.

— А я знаю одну штуку, на которую не действует устрашение,— это Олф.

— Это какая же? — Джо спрашивает.

— Член того бедняги, которого вешают,— отвечает Олф.

— Правда, что ли? — это Джо.

— Чистейшая правда,— Олф ему.— Я сам слышал от главного надзирателя, который был в Килмаинхеме, когда там вешали Джо Брэди, непобедимого. Он говорит, когда они сняли его с веревки, то у него так и торчал прямо им в нос, как свечка.

— Страсть господствует и в смерти, кто-то там говорил,— это Джо.

— Наука это все объясняет,— говорит Блум.— Это естественный феномен, понимаете ли, поскольку за счет...

И начинает сыпать слова, от которых язык сломаешь, про феномены да про науку, мол, тот феномен да еще вон тот феномен.

Знаменитый ученый, герр профессор Луитпольд Блюмендуфт представил медицинские основания, в силу которых внезапный перелом шейных позвонков с проистекающим отсюда разрывом спинного мозга, согласно надежным и проверенным принципам медицинской науки, должен с неизбежностью повлечь сильнейшее ганглионное стимулирование нервных центров, заставляющее быстро расширяться поры *сarroga cavernosa*¹, что, в свою очередь, резко увеличивает приток крови к части мужского организма, носящей название пенис, или же половой член, и вызывает феномен, который именуется в медицине патологической филопрогенитивной вертикально-гори-

¹ Пещеристых тел (*лат.*)

зонтальной эрекцией *in articulo mortis per dimmutionem capitis*¹.

Гражданин, уж само собой, только повода ждал, и тут же его вовсю понесло насчет непобедимых, старой гвардии, и героев шестьдесят седьмого года, и про девяносто восьмой год не бойтесь говорить, и Джо в одну дудку с ним, обо всех, кого повесили, замучили, судили военно-полевым судом, и за новую Ирландию, за новое то да новое се. Раз ты за новую Ирландию, ты себе заведи для начала нового пса, так я считаю. А кабысдох паршивый кругом все обнюхивает, слюнявит, чешется и, гляжу, подбирается он к Бобу Дорену, который выставляет Олфу полпинты, и давай подлизываться к нему. Боб, ясное дело, начинает с ним дурака валять:

— Дай нам лапку! Ну дай лапку, песик! Славный, хороший песик! Ну, давай сюда лапку!

Агга², конец его лапанью песьих лап, и наверняка он с табуретки приземлился бы на свои четыре, прямо на окаянного пса, не подхвати его Олф, а сам все продолжает нести околесицу, мол, надо дрессировать лаской, и пес породистый, и пес умный, так что аж тошно делается. Потом просит Терри подать старую жестянку из-под печенья братьев Джекоб и начинает оттуда выскребывать крошки для пса. Ну, тот их проглотил одним духом и язык вывалил наружу, просит еще. Вместе с жестянкой чуть не слопал, зверюга.

А Гражданин с Блумом завели спор насчет всего этого, про братьев Ширс, про Вулфа Тона невдалеке тут на Арбор-хилл, про Роберта Эммета и гибель за родину, и про плаксивый стих Томми Мура в честь Сэры Каррэн, «Она вдали от той земли». Блум тут пыжится со своей сногшибательной сигарой, с жирной физиономией, барина вовсю строит. Феномен! Жена его, толстая туша, тоже отличный феномен, по спине хорошо кегельные шары катать. Когда они жили в «Городском гербе» мне рассказывал Сикун Берк там была старуха одна с придурковатым племянником и Блум ее все пытался охмурить больного из себя корчил играл с ней в безик в тех видах значит чтоб потом ему обломилось по завещанию и мяса по пятницам не ел потому как старуха первостатейная ханжа и того блажного на прогулки водил. И вот однажды повел он его по всем

¹ В момент смерти, вызванной отделением головы (*лат.*).

² Ладно (*ирл.*).

дублинским кабакам как добрый пастырь и все поддавал да поддавал пару пока не приволок домой упившимся хуже вареной совы причем объяснил, что это он мол хотел ему преподать урок о вреде алкоголя, а три бабы, ей-ей, чуть его не съели живьем, это цирк, та старуха, жена его и миссис О'Дауд, хозяйка гостиницы. Черт побери, я со смеху лег, когда Сикун передразнивал, как там бабы костят его, а он, Блум, все со своими *но видите ли да но с другой стороны*. А самое-то интересное, мне рассказывали, что этот придурок работал потом у винного оптовика Пауэра на Коуп-стрит, и каждый божий день домой возвращался на бровях, после того как по службе перепробует всю продукцию в заведении. Феномен!

— Памяти павших,— говорит Гражданин, поднимает свою кружку и смотрит в упор на Блума.

— Правильно,— присоединяется Джо.

— Но вы не улавливаете мою мысль,— Блум ему.— Я хочу сказать...

— Sinn Fein! — перебивает его Гражданин.— Sinn Fein amhain!¹ Любимые друзья бок о бок с нами, заклятые враги — лицом к лицу.

Последнее прощание было невыразимо трогательным. Со всех ближних и дальних колоколен доносился несмолкаемый похоронный звон, а повсюду вокруг назначенного места скорби раскатывалась зловещим предвестием приглушенная дробь сотен и сотен барабанов, перемежаемая гулкими артиллерийскими залпами. Оглушительные раскаты грома и яркие вспышки молний, озарявшие ужасную сцену, свидетельствовали о том, что небесная артиллерия решила явить всю свою сверхъестественную мощь ради вящей грандиозности зрелища, и без того вселявшего дрожь. Разгневанные небеса разверзли хляби свои, и проливной дождь потоками низвергался на обнаженные головы собравшихся толп, в которых, по самым скромным подсчетам, было не менее пятисот тысяч человек. Сводный отряд Дублинской городской полиции под личным руководством главного комиссара поддерживал порядок в этом обширном скоплении народа, а чтобы скоротать время ожидания, духовой оркестр Йорк-стрит, украсив инструменты траурным крепом, предлагал слуху собравшихся великолепное исполнение той бесподобной мелодии, которую уроднила нам с колыбели рыдающая муза Сперанцы. Скоростные экскурсионные по-

¹ Мы сами!.. Только мы сами! (*ирл.*)

езда и комфортабельные пассажирские кареты с мягкой обивкой предоставлены были к услугам наших провинциальных сородичей, прибывавших большими группами. Бурное оживление вызвали любимцы дублинской публики, уличные певцы Л-н-х-н и М-лл-г-н, со своим неизменным заразительным весельем исполнившие «В ночь перед тем, когда вздернули Ларри». Два наших неподражаемых комика сделали фантастический сбор среди ценителей юмора, продавая листовки со словами и музыкой своего коронного номера, и ни один из тех, кто лелеет в сердце любовь к истинно ирландской шутке, лишенной тени вульгарности, не попрекнет их оболком, добытым в поте лица. Детишки из Приюта Подкидышей Женского и Мужского Пола, гроздьями облепившие окна, что выходили к месту события, были в восторге от этого нежданного дополнения к обычным забавам, и тут по праву стоит сказать слова похвалы в адрес монахинь-попечительниц за их превосходную идею доставить бедным малышам, лишенным матери и отца, поистине поучительное зрелище. Гости вице-короля, среди которых можно было заметить многих блистательных светских дам, в сопровождении Их Сиятельств проследовали к удобнейшим местам на большой трибуне, между тем, как живописная иностранная делегация, известная как Друзья Изумрудного Острова, разместились на трибуне напротив. В эту делегацию, которая присутствовала в полном своем составе, входили командор Бачибачи Бенинобеноне (наполовину парализованный дуайен группы, доставленный к своему месту посредством мощного парового подъемного крана), мсье Пьер-Поль Птипузан, великошут Владимир Сморкальников, архишут Леопольд Рудольф фон Шванценбад-Ходенталер, графиня Мара Вирага Кишасони Путрапешти, Хайрем А. Бомбуст, граф Атанатос Карамелопулос, Али Баба Бакишиш Рахат Лукум Эфенди, сеньор идальго кабальеро дон Пекадильо-и-Палабрас-и-Патерностер де ла Малора де ла Малариа, Хокопоко Харакири, Пли Хунг Чанг, Олаф Кобберкеддельсен, мингерр Трик ван Трумпс, пан Польский-Педеревский, гусьподин Прклстр Кратчинабритчисич, герр Бардакдиректорпрезидент Ханс Хуэхли-Стоитли, ординарныйприватдоцентгосударственныхгимназиймузеевсанаториевисуспензориевввсеобщейисторииэкстраординарныйпрофессордоктор Кригфрид Юберальгемайн. Все без исключения делегаты в энергичнейших и разноязычнейших выражениях заклемили неслыханное варварство, свидетелями коего предстояло им стать. В дальнейшем

среди ДИО завязался оживленный диспут о том, какова истинная дата рождения святого покровителя Ирландии, восьмое или девятое марта. Активное участие приняли все. В ходе дискуссии широко применялись пушечные ядра, ятаганы, бумеранги, аркебузы, дымовые завесы, тесаки, зонтики, катапульты, кастеты, дубины, чугунные болванки; происходил непринужденный и щедрый обмен ударами. Постовой Макфадден по прозвищу Мальчик с пальчик, вызванный с нарочным из Бутерстауна, во мгновение ока восстановил порядок и с блестящей находчивостью предложил в качестве решения спора семнадцатое число, равно воздающее честь каждой из тяжущихся партий. Предложение двухметрового самородка пришлось сразу по вкусу всем и было единодушно принято. Сердечные поздравления постовому Макфаддену принесли все ДИО, многие из которых были покрыты кровавыми ранами. Командор Бенинобено не был извлечен из-под председательского кресла, и его юрисконсульт Адвоката Пагамими разъяснил, что разнообразные предметы, таившиеся в его тридцати двух карманах, были им отчуждены во время побоища из карманов более молодых коллег, в надежде призвать их к здравому смыслу. Указанные предметы (в том числе несколько сотен золотых и серебряных мужских и дамских часов) были незамедлительно возвращены законным владельцам, и торжество гармонии было полным.

Спокойно и просто Рамболд поднялся на эшафот в безукоризненном деловом костюме, с любимым своим цветком *Gladiolus Cruentus*¹ в петлице. Он возвестил о своем появлении тем милым, чисто рамболдовым откашливанием, которому столь многие пытались (и безуспешно) подражать — коротким, натужным, неповторимо присущим лишь ему одному. Прибытие всемирно прославленного палача было встречено бурей приветственных восторгов всей огромной массы собравшихся, дамы из окружения вице-короля в экстазе размахивали платочками, а иностранные делегаты, в еще большем воодушевлении, издавали ликующие клики, слившиеся в многоголосый хор: *хох, банзай, эльен, живио, чинчин, полла крониа, гип-гип, вив, Аллах*, на фоне которого легко можно было различить звонкое *эввива* делегата из страны песен (его высокое и долгое *фа* напоминало те дивные пронзительные ноты, которыми евнух Каталани пленял наших прапрабабушек). Ровно в семнадцать часов

¹ Гладиолус Окровавленный (лат.).

через мегафоны был подан сигнал к молитве, и во мгновение ока головы всех были обнажены; патриархальное сомбреро, со времен революции Риенци принадлежавшее семье командора, было бережно снято с головы последнего его дежурным личным врачом, доктором Пиппи. Высокоученый прелат, явившийся предоставить герою-мученику на пороге казни последние утешения нашей святой религии, с истинно христианским смирением преклонил колена в луже дождевой воды, задрав сутану на свою седовласую голову, и обратил к престолу милосердия горячие и усердные молитвы. Рядом с плахой возвышалась зловеющая фигура совершителя казни, чье лицо закрывал десятигаллоновый горшок с двумя круглыми прорезанными отверстиями, сквозь которые яростно сверкали его глаза. В ожидании рокового знака он пробовал остроту своего ужасающего оружия, то подтачивая его о свое мускулистое предплечье, то мгновенными взмахами отрубая головы барашкам, доставленным для этой цели поклонниками его жестокого, но необходимого искусства. На изящном столике красного дерева перед ним аккуратно были разложены нож для четвертования, набор инструментов для потрошения (выполненных из лучшей стали по специальному заказу мастерами знаменитой шеффилдской фирмы Джон Раунд и Сыновья), горшочек из терракоты, куда по мере успешного извлечения должны были помещаться двенадцатиперстная кишка, толстая кишка, слепая кишка, аппендикс и т. д., а также два вместительных молочных кувшина, предназначенных для собирания драгоценнейшей крови драгоценнейшей жертвы. Эконом Объединенного Приюта для Кошек и Собак имел предписание доставить эти сосуды, по наполнении их, в указанное благотворительное заведение. Аппетитнейшая трапеза, состоявшая из яичницы с беконом, превосходно зажаренного бифштекса с луком, горячих хрустящих булочек и бодрящего чая, была любезно предложена устроителями главному герою трагедии, который, приготовившись к смерти, демонстрировал отличное расположение духа и живой интерес ко всем деталям происходящего; однако, проникшись величием момента и проявив самоотречение, небывалое в наши дни, он выразил последнюю волю (исполненную незамедлительно), чтобы трапеза его была разделена поровну между членами Общества Больных и Неимущих Квартироросъемщиков в знак его внимания и почте-

ния. Волнение достигло пик и поп plus ultra¹, когда невеста-избранница прорвалась сквозь плотные ряды зрителей и бросилась, зардевшись, на его мужественную грудь, грудь того, кому через миг предстояло отправиться в вечность ради ее прекрасных глаз. Герой любовно заключил в объятия ее гибкий стан, шепча с нежностью: *Шейла, моя любимая*. Воодушевленная звуками своего имени из его уст, она покрыла страстными поцелуями все разнообразные части его особы, каких только ее пылкость могла достичь через препоны его тюремных одежд. Соленые ручьи их слез слились в единый поток, и она поклялась ему, что будет вечно хранить память о нем и никогда не забудет своего геройского парня, который пошел на смерть с песенкой на устах, как будто на хоккейный матч в парке Клонтерк. Она напомнила ему золотые дни счастливого детства, которое они провели вместе на берегах Анны Лиффи в невинных отроческих играх. Забыв весь ужас действительности, они хохотали от души, и зрители как один, не исключая почтенного пастора, предались вместе с ними дружному безудержному веселью. Чудовищная толпа буквально-таки помирала со смеху. Однако скорбь вскоре взяла свое; и вот уже они сплели свои пальцы в последний раз. Ручьи слез хлынули с новой силой из их слезных протоков, и все несметное собрание людей, потрясенное до глубины, разразилось душераздирающими рыданиями. Сам престарелый служитель Господа был растроган отнюдь не менее остальных. Рослые закаленные мужи, блюстители порядка и добродушные исполины из ирландской королевской полиции, не таясь, прибежали к помощи носовых платков, и можно с уверенностью сказать, что ничьи глаза не остались сухими во всем этом грандиозном собрании. Засим случилось романтичайшее происшествие: юный красавец, выпускник Оксфордского университета, известный своим рыцарским отношением к прекрасному полу, выступил вперед и, представив свою визитную карточку, чековую книжку и родовое древо, просил руки несчастной молодой леди, умоляя немедленно назначить день свадьбы. Его предложение с готовностью было принято. Каждой даме из публики вручен был изящный сувенир в виде брошки с черепом и костями, и этот дар, столь щедрый и подобающий случаю, вызвал новый прилив восторга. Когда же галантный питомец Оксфорда — заметим попутно, носитель одной из са-

¹ Nec plus ultra, non plus ultra — дальше некуда (лат.).

мых громких фамилий в истории Альбиона — надел на палец зардевшейся невесты бесценное обручальное кольцо с изумрудами, образующими трилистник из четырех листьев, общий энтузиазм перешел все границы. Что говорить, даже сам грозный глава военной полиции, подполковник Томкин-Максвелл Ффренчмаллен Томлинсон, руководивший печальной церемонией, тот самый, что, не моргнув глазом, дюжинами отправлял в ад сипаев, привязывая их к жерлам пушек, не в силах был сдержать своих чувств. Его рука в железной перчатке смахнула непрошеную слезу, и те избранные бюргеры, что составляли его ближайший entourage¹, могли уловить прерывистый шепот:

— Эх в богово ребро ну краля ну забористая бабенция. В богово ребро, так бы и взвыл, глядя на нее как вспомнишь старую лоханку что поджидает дома в Лаймхаусе.

И тут Гражданин пошел толковать про ирландский язык, заседание муниципалитета и все прочее да честить тех shoneens², которые не знают родного языка. Джо тоже встречается, раз уж он наколол кого-то на фунт, и Блум туда же, надсаживает глотку, дымит своим грошовым окурком, что выклянчил у Джо, да разоряется про Гэльскую лигу и лигу противников угощения и что, мол, пьянство — это проклятье Ирландии. Не угощать, не выставлять дружкам выпивку — и все, мол, будет в порядке. Еще бы, сам-то он зальет себе в пасть, чего ты ему ни выставь, а от него пены с пинты не дожدهшься до второго пришествия. Я тут как-то пошел с приятелем на ихний музыкальный вечер, танцы и песни она приляжет на стожок и скажет где ты мой дружок, потом один деятель со значком Общества трезвости из кожи лез, чесал по-ирландски, и тут же целая куча colleen bawns, разгуливают с безалкогольными напитками, медальки какие-то продают, оранжад, лимонад да занюханые пирожки — одно слово, роскошь, flahoolagh³ развлечение. Ирландия трезва — Ирландия свободна. А потом какой-то старый козел принимается дуть в волюнку, и вся эта похоронная компания притопывает ногами под музыку, от которой корова сдохнет. И ко всему еще двое длиннорысых орясин следят, чтоб никто не подваливался к бабенкам — уж вовсе, я скажу, удар ниже пояса.

Ну, так да эдак, о чем я бишь, старая псина, увидевши,

¹ Окружение (франц.).

² Поддельные господа (ирл.).

³ Княжеское (ирл.).

что жестянка пуста, начинает егозить вокруг меня с Джо. Будь он моим, я б его подрессировал лаской, я не я буду. Хорошего пинка наподдать да потом снова напомнить, чтобы не по глазам только.

— Что, боишься, укусит? — Гражданин ухмыляется.

— Да нет,— говорю.— Только не принял бы он моей ноги за фонарный столбик.

Отозвал свою псину.

— Ну чего ты, ну чего, Гарри? — говорит ему.

И давай его валять да трепать да толковать ему по-ирландски, а этот шелудяга рычит в ответ, так что у них выходит чистая опера с дуэтом. Такого рычанья век не услышишь, как они между собой развели. Кто-нибудь, кому делать нечего, пускай написал бы письмо в газеты, про *bono publico*¹, чтобы на таких вот собак непременно надевали намордники. Рычит, ворчит, глаза налились кровью от жажды, и с морды бешенство капает.

Все, кто интересуется передачей человеческой культуры нашим низшим собратьям (а имя им — легион), никоим образом не должны упустить из виду поразительные проявления кинантропии, продемонстрированные знаменитым рыжим ирландским сеттером-волкодавом, который известен был прежде под *sobriquet*² Гарриоун, однако недавно обширным кругом друзей и знакомых был переименован в Оуна Гарри. Указанные проявления, итог многолетней дрессировки лаской и тщательно продуманной системы питания, включают, наряду с прочими достижениями, также и чтение стихов. Крупнейший из ныне здравствующих специалистов по фонетике (имя его из нас не вытянут и клещами!) употребил гигантские усилия на то, чтобы проделать сравнительный анализ читаемых стихов, причем обнаружил *разительное* их сходство (курсив наш) с рунами древних кельтских бардов. Мы говорим здесь не столько о тех прелестных любовных песнях, с которыми познакомил мир книголюбов автор, укрывшийся под очаровательным псевдонимом Хрупкая Веточка, но скорее о тех более резких и личных (как указывает некий мистер Д. О. К. в интересном сообщении, промелькнувшем в одном из наших вечерних изданий) мотивах, которые мы находим в сатирических излияниях знаменитого Рафтри, а также Донола Макконсидайна, не говоря уж о более современном лирике, столь

¹ Для блага общества (*лат.*).

² Кличка (*франц.*).

привлекающем ныне взоры просвещенного общества. Ниже мы предлагаем один отрывок в переводе на наш язык, принадлежащем видному ученому, имя которого мы в настоящий момент не вправе открыть, хоть мы и убеждены, что читатель сумеет извлечь из местных аллюзий больше, нежели простую подсказку. Метрическая система собачьего подлинника, напоминающая изощренные аллитеративные и изосиллабические правила валлийского энглина, имеет гораздо большую сложность, но, как мы убеждены, читатель не сможет не признать, что общий дух донесен отлично. Возможно, стоит добавить, что эффект несравненно увеличивается, если читать стихи Оуна медленно и невнятно, голосом, напоминающим злобное сдавленное рычание.

Проклятья глухие
Я шлю судорожно
Семижды будь тошно
Тебе, Барни Кирнан,
Воды не дает ни глотка
Остудить мою глотку,
Кишки мои все горят
Потрохов лауриных хотят.

Ну тут он попросил Терри принести псу воды, и, убей бог, как тот хлебает, было за милую слышно. А Джо его спрашивает, не против ли он, если повторить.

— Не откажусь,— отвечает,— *chaga*¹, чтоб ты не подумал, будто я зло какое держу.

Ей-ей, он только прикидывается, что у него на плечах кочан. Шляется по всем кабакам с этой псиной старого Гилтрапа и ты моргнуть не успеешь обернет будто его угостить самая великая честь, так вот и сидит на шее у избирателей и налогоплательщиков. Вечный праздник для человека и зверя. А Джо мне:

— Ты как, можешь еще одну?

— А утка плавать может? — говорю.

— Повтори-ка нам, Терри,— говорит Джо.— А вы уверены, что не желаете ничего из разряда прохладительных жидкостей? — это он Блуму.

— Нет, спасибо,— тот отвечает.— Собственно, я зашел сюда для встречи с Мартином Каннингемом, понимаете ли, по поводу страховых дел бедняги Дигнама. Мартин меня попросил зайти в закладную контору. Дело в том, что он, то

¹ Дружище (*ирл.*).

бишь Дигнам, заложил свою страховку и не уведомил страховую компанию, а в этом случае, по закону, кредитор-закладчик не может ничего получить.

— Потеха,— смеется Джо,— вот это отличный фокус, старый Шейлок сам себя наколол. А повезло-то на этом его жене, точно?

— Что ж,— говорит Блум,— уж это дело ее поклонников.

— Каких таких поклонников? — это Джо.

— Законников, я хотел сказать, адвокатов его жены,— поправляется Блум.

И начинает всякую муть про залоговое законодательство и как лорд-канцлер выносит решение и интересы вдовы и был создан фонд а с другой стороны Дигнам остался должен некую сумму Бриджмену и если теперь жена или вдова будут оспаривать права кредитора-закладчика пока не забил мне все мозги этим залоговым законодательством. Он сам, прохвост, должен радоваться, что не угодил под законодательство как мошенник и бродяга, пусть скажет спасибо, дружок в суде выручил. Продавал какие-то липовые билеты под видом Венгерской королевской лотереи с привилегией от властей. Не верите — побожусь. Нет, про евреев вы мне не говорите! Венгерский королевский грабеж с привилегией.

Тут возникает, пошатываясь, Боб Дорен и просит Блума передать миссис Дигнам, что он сочувствует ее горю и ему горько что он не мог быть на похоронах и передать ей что он сказал и каждый кто только знал его скажет что отродясь не бывало лучшего и честнейшего чем наш бедный Вилли ныне покойный передать ей. Путаясь в словах как в соплях. И жмет Блumu руку с трагическим видом передайте ей это. Пожмем, брат, руки. Ты мошенник и я мошенник.

— Лщусь, сударь, надеждою,— сказал он,— что я не злоупотребляю нашим знакомством (которое, сколь ни казалось бы малым в рассуждении времени, однако зиждется, смею верить, на обоюдном почтении), решаясь испросить у вас сию милость. Если же, паче чаяния, преступил я границы скромности, то пусть сама искренность чувств моих послужит во извинение моей дерзости.

— Помилуйте, сударь,— возразил собеседник.— Я совершенно уважаю те побуждения, коими вы были подвигнуты, и не пожалею усердия на исполнение комиссии вашей, утешаясь той мыслию, что сколь ни печален к ней повод, но

уже самое изъяснение доверия вашего ко мне чувствительно умягчает сей чаши горечь.

— Тогда позвольте же мне пожать руку вашу,— воскликнул он.— Не усомнюсь, что благородство вашего сердца верней, нежели скудные мои словеса, укажет вам, каким способом передать терзание столь жестокое, что если б я отдался этому чувству, оно лишило бы меня дара речи.

И на том отчаливает, стараясь держаться прямо. В пять, и уже мертвецки. Однажды ночью чуть-чуть не попал в кутузку, повезло, что Падди Леонард знал того полисмена, бляха 14 А. Накачался до бровей в притоне на Брайд-стрит после часа закрытия, да завел блудни с двумя шлюхами, тут же ихний кот с ними, и все глушат портер чайными чашками. Назвался шлюхам, будто бы он француз, Жозеф Манюо, и давай хулить католическую религию, а сам, между прочим, еще мальчишкой прислуживал за мессой в церкви Адама и Евы, глаза от восторга закрывал, и про то, кто сочинил новый завет и ветхий завет, не забывая их лапать и обжимать. Обе шлюхи со смеху подышают, обчистили у него, остолопа, все карманы, пока он заливал кровать портером, и визжат, хохочут как очумелые. *Давай, покажи-ка твой завет! А он шибко у тебя уже ветхий, твой завет?* Хорошо, Падди там как раз проходил. А поглядеть на него в воскресенье, как он со своей женой-потаскушкой в церкви, она, вертя задом, шествует вдоль придела, туфли лакированные, не как-нибудь, на груди фиалки, мила как пончик, строит из себя барыньку. Сестрица Джека Муни. А мамаша, старая курва, сдает номера уличным парочкам. Джек ему вправил мозги по-свойски. Посулил, что пусть он только не женится на своих грехах, из него живо дурь вышибут.

Терри, стало быть, приносит три кружки.

— Прошу,— говорит Джо, потчuya нас.— Прошу, Гражданин.

— Slan leat¹,— отвечает тот.

— Твои успехи, Джо,— говорю.— Бывай здоров, Гражданин.

Мать честная, а уж тот больше половины своей махнул. Его поить, это только под силу миллионеру.

— А кого долговязый хочет протолкнуть в мэры, Олф? — спрашивает Джо.

— Одного твоего друга,— тот отвечает.

¹ Будь невредим (ирл.).

— Наннетти? — спрашивает Джо. — Члена?

— Имен не называем, — говорит Олф.

— Я так и думал, — говорит Джо. — Я только что его видел еще с одним депутатом, с Вилли Филдом, на заседании скотопромышленников.

— Иопад длинновласый, — говорит Гражданин, — извергающийся вулкан, любимец всех стран и кумир своей собственной.

И Джо начинает заливать Гражданину про ящур, скотопромышленников, принятие срочных мер. Гражданин эти меры посылает куда подальше, а Блум давай толковать про серные ванны для лечения парши у овец, и какие отвары от кашля для телят, и про вернейшее средство от актиномикоза. Когда-то работал на живодерне. Слонялся с блокнотиком и карандашиком, путался у всех под ногами, покуда Джо Кафф не наградил его орденом пинка за то, что он нагрубил какому-то скотоводу. Мистер Всезнайка. Всех выучит кур доить. Сикун говорил, бывало, его жена в «Городском гербе» все плачется миссис О'Дауд, слезы льет в три ручья на свои жировые складки. Он ей не даст спокойно зад потереть, непременно привяжется, мельтешит вокруг да учит, как надо делать. Чего там у тебя сегодня в программе? Ах, да. Гуманное обращение. Ведь бедные животные страдают, и по словам экспертов, и лучшее из известных средств, не причиняющее никакой боли животному, и мягко втирать руками в пораженное место. Убей бог, с его руками только быть курошупом.

Куд куд куд-куда. Ко ко ко, курочки. Вот наша курочка, Чернушка. Она нам несет яички. Когда она снесет яичко, она очень радуется. Кудах-тах-тах. Ко ко ко. И тут приходит добрый дядя Лео. Он свою руку запустит под Чернушку и вынимает яичко. Кудах-тах-тах куд-куда. Ко ко ко-о.

— Как бы там ни было, — говорит Джо, — Филд и Наннетти сегодня отправляются в Лондон и сделают об этом запрос в палате общин.

— Вы уверены, — спрашивает Блум, — что советник уезжает? Дело в том, что я его хотел повидать.

— С почтовым пароходом сегодня вечером, — Джо отвечает.

— Какое невезение, — говорит Блум. — Мне так надо было. Может быть, только мистер Филд уезжает. Я не мог позвонить. Нет. Вы в самом деле уверены?

— Наннан тоже уезжает, — говорит Джо. — Лига пору-

чила ему сделать завтра запрос о том, что комиссар полиции запретил ирландские виды спорта в парке. Как тебе это, Гражданин? *Слук-на-х'Эйреанн*¹.

Мистер Рогати-Скотт (Молтифарнэм, националист): В связи с запросом моего уважаемого друга, депутата от Шиллелы, я бы хотел спросить глубокоуважаемого коллегу, действительно ли правительством были отданы распоряжения о том, чтобы упомянутых животных забивали, невзирая на отсутствие медицинских признаков их патологического состояния?

Мистер Озверелл (Тамошант, консерватор): Уважаемые члены палаты уже располагают сведениями, которые были представлены комитету парламента. Я не думаю, что я мог бы добавить что-либо существенное к этим сведениям. Ответ на запрос уважаемого члена палаты будет утвердительным.

Мистер Орелли (Монтенотте, националист): Отдавались ли аналогичные распоряжения касательно забоя животных человеческого рода, дерзнувших заниматься ирландскими видами спорта в парке Феникс?

Мистер Озверелл: Ответ будет отрицательным.

Мистер Рогати-Скотт: А не повлияла ли знаменитая митчелстаунская телеграмма глубокоуважаемого коллеги на политику господ из казначейства? (Шум в зале.)

Мистер Озверелл: По этому вопросу я должен справиться с материалами.

Мистер Плоски-Шутки (Банком, независимый): Стреляйте без колебаний.

(Иронические аплодисменты со скамей оппозиции.)

Председатель: К порядку! К порядку!

(Заседание закрывается. Аплодисменты.)

— Вот человек, — объявляет Джо, — который возродил ирландский спорт. Сидит перед нами собственной персоной. Человек, вырвавший из тюрьмы Джеймса Стивенса. Чемпион всей Ирландии по метанию шестнадцатифунтового молота. Какой у тебя лучший бросок, Гражданин?

— Na bacleis², — тот отвечает, напуская на себя скромность. — Хотя в свое время и я был не хуже других.

— Да уж оставь, Гражданин, — Джо ему. — Другим за тобой и во сне было не угнаться.

— Это что, в самом деле? — Олф спрашивает.

¹ Армия Ирландии (ирл.).

² Не стоит об этом (ирл.).

— Да-да,— отвечает Блум.— Хорошо известный факт. А вы не знали?

И пошли они про ирландские виды спорта, и про игры, которыми тешатся shoneens, вроде лаун-тенниса, про ирландский хоккей и метание камня, про почвенность и да будет нация опять и все такое. Ну, Блум, само собой, и тут должен высказаться, мол, если у кого слабое сердце, то ему силовые упражнения вредны. Клянусь своими подштанниками, если подынешь с полу соломину и скажешь этому Блуму: *Гляди, Блум. Видишь эту соломину? Это соломина*, — клянусь трюродной бабкой, он будет про нее толковать битый час, я точно вам говорю, и не запнется ни разу.

В старинной зале *Брайена О'Кирнона на Срод-на-Бретон-Вег* при содействии *Слук-на-х'Эйреанн* состоялась интереснейшая дискуссия о возрождении старинных гэльских видов спорта и о значении физической культуры, как она понималась в Древней Греции, Древнем Риме и Древней Ирландии, для развития нации. Достопочтенный президент благородной ассоциации занимал председательское кресло, и публика была многочисленной. После содержательной речи председателя, блиставшей красноречием и энергией, завязалась интереснейшая и содержательнейшая дискуссия о желаемости возрождаемости древних игр и спортивных занятий наших древних панкельтских пращуров. Дискуссия проходила на высшем уровне учтивости, привычном в этом кругу. Широко известный и глубоко почитаемый труженик на ниве нашего древнего языка, мистер Джозеф Маккарти Хайнс, горячо призвал воскресить древние гэльские спортивные игры и забавы, каким предавался по утрам и вечерам Финн Маккул, дабы оживить лучшие традиции мощи, силы и мужества, донесенные к нам из глубины веков. Л. Блум, который получил смешанный прием, встретив как овации, так и свист, избрал противоположную точку зрения, и председатель — вокалист, уступая многочисленным просьбам и пылким аплодисментам со всех концов переполненной залы, заключил дискуссию замечательным исполнением поистине неувядаемой песни «Да будет нация опять» на слова бессмертного Томаса Осборна Дэвиса (к счастью, слишком общеизвестные, чтобы напоминать их здесь). Не убоявшись противоречия, мы скажем, что в этом исполнении наш ветеран, патриот и чемпион превзошел самого себя. Ирландский Карузо-Гарибальди был в превосходной форме, и его громовой голос как нельзя лучше явил себя в освященном временим гимне, спетом так, как мог спеть его только наш гражданин. Великолепному пению, которое

своим сверхвысоким уровнем подняло еще выше его и без того высочайшую репутацию, с жаром аплодировали массы собравшихся, среди которых можно было увидеть многих видных деятелей нашего духовенства, равно как представителей прессы, судейского сословия и прочих просвещенных профессий. На этом собрание закончилось.

В числе представителей духовенства находились высокопреподобный Вильям Делани, О. И., доктор словесности; преп. Джеральд Моллой, доктор богословия; преп. П. Дж. Кавана, Общины Святого Духа; преп. Т. Уотерс, викарий; преп. Дж. М. Айверс, приходский священник; преп. П. Дж. Клири, ордена францисканцев; преп. Л. Дж. Хикки, ордена братьев-проповедников; высокопреп. брат Николас, ордена францисканцев-капуцинов; высокопреп. Б. Горман, ордена босоногих кармелитов; преп. Т. Махер, О. И.; высокопреп. Джеймс Мэрфи, О. И.; преп. Джон Лейври, викарий по назначению; высокопреп. Вильям Доэрти, доктор богословия; преп. Питер Фейган, ордена марианцев; преп. Т. Бранган, ордена августинцев; преп. Дж. Флавин, викарий; преп. М. Э. Хеккетт, викарий; преп. В. Хэрли, викарий; монсеньор Макманус, генеральный викарий; преп. Б. Р. Слэттри, ордена Непорочного Зачатия Девы Марии; высокопреп. М. Д. Скалли, приходский священник; преп. Ф. Т. Перселл, ордена братьев-проповедников; высокопреп. Тимоти Горман, каноник, приходский священник; преп. Дж. Фланаган, викарий. В числе же мирян находились П. Фэй, Т. Кверк и многие, многие другие.

— Кстати, насчет силовых упражнений, — говорит Олф, — вы не были на этом матче Кео — Беннет?

— Нет, — отвечает Джо.

— Как я слышал, мистер Такой-то сделал на этом чистую сотню фунтов.

— А кто? Буян, небось? — Джо спрашивает.

Тут Блум влезает:

— Вот, например, в теннисе, там нужны ловкость и верный глаз.

— Буян, кто же, — говорит Олф. — Распустил слух, будто бы Майлер пьет без просыпу, чтоб на него не ставили, а тот на самом деле целыми днями потел, готовился.

— Знаем мы его, — говорит Гражданин. — Сын предателя. Знаем, откуда у него английское золото в карманах.

— Что верно, то верно, — соглашается Джо.

Тут Блум опять влезает про лаун-теннис и про кровообращение и спрашивает у Олфа:

— А вы так не считаете, Берген?

— Майлер его по полу растер, — гнет свое Олф. — Матч

Хинен — Сейерс — это детская шутка, если сравнить. Отлупил так, что тот папу с мамой забыл. Это надо видеть, один — стручок, едва до пупа тому, а другой, каланча, знай молотит по воздуху. Эх, а под конец еще в поддых двинул. От такого выблюешь, чего и не жрал. Правила Куинсбери, все как надо.

То был памятный и жестокий бой, в котором Майлер и Перси оспаривали приз в пятьдесят соверенов. Любимец Дублина, будучи намного легче соперника, с лихвой возмещал эту невыгоду своим фантастическим искусством. Фейерверк финального раунда едва не стал роковым для обоих чемпионов. В предыдущем раунде артиллерист-тяжеловес для начала слегка пролил красного винца, четко обработав любимцу нос, так что Кео, Главный Получатель и с правой и с левой, выглядел как под мухой. Солдат продолжил дело мощным коротким слева, но тут ирландский гладиатор ответил молниеносным прямым, целясь Беннету в челюсть. Красный мундир сделал нырок, но наш дублинец настиг его левым хуком, отличнейшим ударом по корпусу. Противники перешли в ближний бой. Майлер, развив бурную деятельность, подавил своего соперника, и к концу раунда здоровяк висел на канатах, осыпaeмый градом ударов. Англичанин, правый глаз которого совершенно заплыл, удалился в свой угол и, освежившись изрядным количеством воды, к моменту гонга был снова бодр и полон отваги, не сомневаясь, что живо пошлет в нокаут бойца из Эбланы. Это был бой до победы, и победа ждала сильнейшего. Оба дрались как тигры. Волнение зрителей достигло предела. Судья сделал Вояке Перси два предупреждения за захваты, однако любимец был ловок, и как работали его ноги — это стоило видеть. После беглого обмена любезностями, в ходе которого у Майлера кровь полилась изо рта ручьем от элегантного солдатского апперкота, любимец вдруг резко перешел в наступление по всем фронтам и нанес Беннету ошеломляющий левый в живот. Вояка рухнул на землю как сноп. То был нокаут, чистый и мастерский. Среди напряженного молчания над портобелльским тузилой начали отсчитывать секунды. Но тут Оле Пфоттс Веттштейн, секундант Беннета, выбросил на ринг полотенце, и парень из Сентри был объявлен победителем под бешеные овации и крики зрителей, которые хлынули на ринг и в бурном восторге едва не затоптали героя.

— Уж он-то своей выгоды не упустит,— говорит Олф.— Я слышал, сейчас он устраивает концертное турне по северу.

— Я тоже слышал,— говорит Джо.— А что, разве нет?

— Кто? — говорит Блум. — Ах, да. Совершенно верно. Нечто типа летних гастролей, понимаете. Так, отдохнуть.

— Миссис Б. будет яркой и несравнимой звездой, не так ли? — Джо спрашивает.

— Моя жена? — говорит Блум. — Да, она будет петь. Я думаю, все должно быть успешно. Он просто отличный организатор. Отличный.

Хо-хо, так вот оно что, сказал я себе, сказал. Вот собака-то где зарыта. Буян исполняет мелодию на флейте. Концертное турне. Сынок вонючего симулянта с Айлендбридж, старого Дэна, который тех же лошадей продавал правительству по два раза во время бурской войны. Мистер Чего-чего. Я к вам насчет налогов, водного и на бедных, мистер Бойлан. Насчет чего? Налога, водного, мистер Бойлан. Чего-чего? А этот хлыщ, уж он организует ее, это я вам ручаюсь. Все между нами, цыпочка.

Гордость скалистой Горы Кальпы, дочь Твиди, дева с волосами черней воронова крыла. Там возростала она, там расцветала ее краса, где мушмула и миндаль наполняют воздух своим ароматом. Сады Аламеды знали легкую ее поступь, оливковые рощи узнавали ее и кланялись, клоня ветви. То непорочная супруга Леопольда, роскошногрудая Мэрион.

И се, зрите, грядет муж из клана О'Моллоев, пригожий и белолицый, с легким румянцем, советник его величества, в законах всеведущий, и с ним принц и наследник благородного рода Лэмбертов.

— Привет, Нед.

— Привет, Олф.

— Привет, Джек.

— Привет, Джо.

— Спаси вас Бог, — говорит Гражданин.

— Спаси и вас Он по Своей доброте, — говорит Дж.

Дж. — Чего вы возьмете, Нед?

— Половинку, — Нед отвечает.

Дж. Дж. заказывает им выпить.

— В суде толкались? — Джо спрашивает.

— Да, — отвечает Дж. Дж. — Он все устроит, Нед, — это он Неду.

— Будем надеяться, — говорит Нед.

Значит, какие у этой пары делишки? Дж. Дж. устраивает, чтобы того вычеркнули из списков присяжных, а тот ему помогает перебиться. Его имя-то уже у Стаббса. Картеж да кутеж с шикарными вертопрахами при моноклях,

шампанское рекой и, ясно, завяз по шею в счетах да повестках в суд. Закладывал свои золотые часы у Камминса на Френсис-стрит, где никто не знает его, а я там возьми да и окажись с Сикуном, тот как раз сапоги из заклада выкупал. Как ваша фамилия, сэр? А он отвечает: Палл. Ага, думаю, этот крепко попал.

Ей-ей, однажды он горько обо всем пожалеет, могу ручаться.

— А вы там не видели этого чокнутого, Брина? — Олф спрашивает. — К. к.: ку-ку.

— Видели, — отвечает Дж. Дж. — Искал частного детектива.

— Ага, — это уже Нед, — он было прямиком собрался к судье, только Корни Келлехер его завернул, сказал, что надо сначала провести экспертизу почерка.

— Десять тысяч фунтов, — смеется Олф. — Эх, я бы дорого дал за то, чтоб полюбоваться на него перед судьей и присяжными.

— Небось, твоя это работа, Олф? — Джо спрашивает. — Говорите правду, всю правду, ничего кроме правды, и да поможет вам Джимми Джонсон.

— Моя? — возмущается Олф. — Прошу не капать на мою кристальную репутацию.

— Любое заявление, сделанное вами, — Джо ему, — может использоваться как свидетельство против вас.

— Иск у него, конечно, должны принять, — говорит Дж. Дж. — Ведь там подразумевается, что он не *compro-mentis*¹. К. к.: ку-ку.

— Засунь компос себе в нос! — Олф смеется. — Ты что, не знаешь, что он чокнутый? Стоит взглянуть на его башку. Ты знаешь, что он по утрам себе помогает рожком для обуви, когда надо на нее шляпу натянуть?

— Да, — возражает Дж. Дж., — но в глазах закона истинность порочащих сведений не освобождает от судебной ответственности за их огласку.

— Ай-яй-яй, Олф, — сочувствует Джо.

— Но все-таки, — говорит Блум, — если подумать про бедную женщину, я хочу сказать, про жену его.

— Да, жаль ее, — говорит Гражданин. — И вообще всякую, у которой муж ни то ни се.

— Как это ни то ни се? — Блум спрашивает. — Вы хотите сказать...

¹ В здравом уме (*лат.*).

— Я хочу сказать, ни то ни се,— Гражданин повторяет.— Такой, который ни рыба ни мясо.

— А черт знает что,— говорит Джо.

— Вот это я и хотел сказать,— говорит Гражданин.— Pishogue¹, если вам известно, что это значит.

Ну, я чувю, каша заваривается. Блум все объясняет, он, мол, имел в виду, как это жестоко, когда бедная женщина всюду должна таскаться за своим тронутым зайкой. А что, оно и впрямь жестокое обращение с животными, когда Брина выпускают пастись, нищего этого идиота, бородой по земле метет, от такой картинки небеса дождем проследятся. А она-то еще нос задираала, когда вышла за него, как же, его троюродный дядюшка — прислужник в церкви при самом папе. Портрет его на стене, с закрученными усами, синьор Брини из Саммерхилла, гутальянец, папский зуав при Святейшем Отце, покинул набережную и переселился на Мосс-стрит. А кто он такой, скажите на милость? Да никто, в третьем этаже комнатенка, семь шиллингов в неделю, окна во двор, и разгуливал, навешав себе на грудь каких-то жестянок в знак вызова всему миру.

— А почтовая открытка,— продолжает Дж. Дж.,— означает огласку. В прецедентном деле Сэдгрова против Хоула это признали достаточным доказательством злого умысла. По моему мнению, иск могут принять.

Опять двадцать пять, приехали. Да кому оно надо, твое мнение? Дай нам спокойно пивка попить. Ей-ей, уже и этого не дадут.

— Ваше здоровье, Джек,— говорит Нед.

— И ваше, Нед,— это Дж. Дж.

— А вот и опять он,— говорит Джо.

— Где-где? — спрашивает Олф.

И, убей бог, он снова плетется мимо дверей, томищи оба под мышкой, а рядом жена и Корни Келлехер, тот зыркнул к нам, проходя, своим оловянным глазом, а сам все время ему отечески втолковывает, пытается всучить гробик, бывший в употреблении.

— А как там дело о канадском мошенничестве? — Джо спрашивает.

— Отложено,— отвечает Дж. Дж.

Это, значит, некто из крючконосой братии по имени Джеймс Воут, он же Шапиро, он же Спарк, он же Спайро, поместил в газетах, что он любому желающему обеспечива-

¹ Порченный (ирл.).

ет проезд в Канаду за двадцать шиллингов. Чего? Вы что, меня за кретина считаете? Нечего говорить, это все был чистейший блеф. Как вам это? Всех околпачил, не только разных служанок да мужичье из графства Мит, но заодно уж и своих соплеменников. Дж. Дж. рассказывал, там один древний иудей, Зарецкий или как бишь его, стоит на свидетельском месте, не снявши шляпу, льет слезы и клянется святым Моисеем, что его накололи на два фунта.

— А кто вел процесс? — Джо спросил.

— Главный судья, — отвечает Нед.

— Бедный старый сэр Фредерик, — говорит Олф, — его каждый младенец обведет вокруг пальца.

— Большое сердце, больше чем у слона, — Нед за ним. — Ему расскажут страшную сказку про долги за квартиру и про больную жену и кучу детей, и, убей бог, он тут же разрыдается в своем кресле.

— Точно, — соглашается Олф. — Рувиму Дж. просто дьявольски повезло, ему как пить дать полагалась кутузка за то, что разорил Гамли, бедняга теперь булыжники стережет возле Баттского моста.

И начинает передразнивать, как этот старикан, главный судья, причитает:

— Вовеки неслыханно! Этот бедный труженик! Сколько у вас детей? Десять, вы говорите?

— Да, ваша честь. А у жены моей брюшной тиф.

— И жена лежит с тифом! Какой позор! Извольте немедленно покинуть зал, сэр. Нет, сэр, я не вынесу постановления о взыскании. И как вы посмели, сэр, явиться сюда с таким иском! Бедный усердный труженик! Я прекращаю дело.

И был день шестнадцатый месяца волоокой богини и неделя третья по светлом празднике Троицы Единосущной и Нераздельной, дочь же небес, луна дева, пребывала в своей первой четверти, и вот, свершилось, что просвещенные судьи направились в чертоги закона. И там магистр Кортни, заседающий в своей палате, представил свое суждение, а судья, магистр Эндрюс, заседавший без присяжных в суде по наследственным делам, со вниманием рассмотрел и взвесил права первого истца на имущество, означенное в подлежащем утверждению завещании и в окончательном завещательном распоряжении касательно недвижимого и движимого имущества умершего Джекоба Холлидея, виноторговца, покойного, против прав Ливингстона, несовершеннолетнего, душевнобольного, и компаньона. И вот под торже-

ственные своды суда на Грин-стрит вступил сэр Фредерик, Сокольничий. И воссел он там около пятого часу, дабы вершить правосудие по законам брехонов в комиссии, поставленной для всего того округа и для прилежащих и для графства города Дублин. И восседал вкупе с ним великий синедрион двенадцати колен Иаровых, по одному мужу от каждого из колен, от колена Патрикова и от колена Хьюгова и от колена Оунова и от колена Коннова и от колена Оскарова и от колена Фергусова и от колена Финнова и от колена Дермотова и от колена Кормакова и от колена Кевинава и от колена Куилтова и от колена Оссианова, и всего было их двенадцать мужей, честных и праведных. И он заклинал их Умершим на кресте, дабы они судили здраво и справедливо, и высказали справедливое суждение по делу их повелителя короля против подсудимого, и вынесли бы справедливый вердикт в соответствии со всеми показаниями, в чем да поможет им Бог, и целуйте книгу. И они встали на своих местах, сии двенадцать Иаровых, и поклялись именем Предвечного, что будут править Его правый суд. И тотчас блюстители закона привели из казематов замка того, кого ищейки правосудия изловили, следуя полученным сведениям. И был он скован по рукам и ногам, и они не отпускали его ни под залог, ни на поруки, но нашли нужным предать суду, ибо был он злодей.

— Милое дело получается,— говорит Гражданин.— Приезжают к нам в Ирландию всякие и клопов тут разводят.

Тут Блум делает вид, как будто ничего не слышал, и начинает говорить Джо, что насчет той мелочи он может не беспокоиться до первого, но вот если бы он замолвил словечко мистеру Кроуфорду. А Джо ему клянется всеми святыми и на чем свет стоит, что он для него в лепешку готов разбиться.

— Потому что, видите ли,— объясняет Блум,— для рекламы необходим повтор. В этом-то весь секрет.

— Можете на меня положиться,— Джо обещает.

— Обманывают крестьян,— гнет свое Гражданин,— наживаются на ирландских бедняках. Больше мы не желаем чужаков в нашем доме.

— О, я уверен, все будет в порядке, Хайнс,— говорит Блум.— Просто уж этот Ключчи, понимаете.

— Считайте, что дело сделано,— Джо ему.

— Большая любезность с вашей стороны,— благодарит Блум.

— Чужаки, — Гражданин свое. — А виноваты мы сами. Сами пустили их. Сами сюда зазвали. Эта прелюбодейка со своим любовником зазвали сюда англосаксов, чтобы грабили нас.

— Условное постановление, — говорит Дж. Дж.

Теперь Блум притворяется, будто со страшным интересом разглядывает неведомо что, может, паутину в углу, Гражданин на него уставился с грозным видом, а пес у него в ногах поднял морду, глядит, пора ли уже бросаться и на кого.

— Опозоренная жена, — заявляет Гражданин, — вот где причина всех наших бедствий.

— А вот как раз и она, — говорит Олф, они с Терри все хихикали у стойки над «Полис газетт», — во всей боевой раскраске.

— Дай-ка и нам глянуть, — говорю.

А у них там, оказывается, одна из тех похабных американских картинок, которые Терри берет у Корни Келлехера. Секрет, как увеличить ваши интимные органы. Шалости светской красавицы. Норман В. Таппер, богатый подрядчик из Чикаго, находит свою прелестную, но неверную жену в объятиях капитана Тэйлора. Красавица в панталончиках предается шалостям, кавалер ее трогает за места, а Норман В. Таппер врывается со своим пугачом как раз, когда она только что поиграла с капитаном Тэйлором в палочку и колечко.

— Ах, Дженни, милочка, — говорит Джо, — не простудись без юбочки!

— Есть за что подержаться, Джо, — я ему. — Ты бы не прочь кус филея от этой телочки, а?

То да се, а тем временем заходит Джон Уайз Нолан и за ним Ленехан, у которого физиономия вытянулась до шестой пуговицы.

— Ну-с, — говорит Гражданин, — изложите вести с театра событий. Чего там эти сапожники из муниципалитета решили на своем сборище насчет ирландского языка?

О'Нолан, в сияющую броню одетый, земным поклоном воздал должные почести великому и грозному и могучему владыке Эрина и поведал ему обо всем свершившемся, как достойные старейшины смиреннейшего из градов, второго во всем том царстве, встретили их под сводами Фолсела и там, вознеся подобающие молитвы богам-небожителям, торжественный держали совет, дабы решить, надлежит ли им, буде окажется то возможным, возвеличить вновь среди смертных крылатую речь морями разъединенных кельтов.

— Дело двигается, — говорит Гражданин. — К матери этих сукиных саксов, и с их кваканьем.

Ну, тут Дж. Дж. давай строить просвещенного барина и заправляет де мол возможны разные точки зрения, и люди отворачиваются от фактов и вспомните прием Нельсона, глядеть в трубу слепым глазом, и можно ли обвинять огульно целую нацию, а Блум ему вовсю подпева-ет про умеренность да похеренность да ихние колонии да ихнюю цивилизацию.

— Сифилизация, уж лучше сказать! — гремит Гражданин. — К матери их! Да разрази их всех в три слоя с по-крышкой, этих тупых ублюдков! Ни в музыке, ни в литера-туре, ни в живописи, нигде у них ни хрена, одни жалкие потуги. Все, что у них из цивилизации, — это у нас украде-но. Стадо гнилых выроdkов!

— Семья европейских народов, — О'Моллой вякает...

— Они никакие не европейцы, — режет Гражданин. — Я был в Европе с Кевином Игеном Парижским. Нигде в Европе никакого следа ни их, ни ихнего языка, если только в cabinet d'aisance¹.

А Джон Уайз говорит:

— Сколь многие цветы ничей не узрит взор.

А Ленехан, который слегка может по этой фене:

— *Conspuez les Anglais! Perfide Albion!*²

Сказал он и поднял своей большой, заскорузлой и мощ-ной дланью кубок крепкого, темного, пенистого эля и, испустив боевой клич своего клана *Лам Дерг Абу*³, осушил его за победу над врагом, над племенем могучих и отваж-ных героев, что правят морями и восседают на алебастро-вых тронах, безмолвные, словно бессмертные боги.

— Чего это с тобой приключилось? — я спрашиваю у Ленехана. — У тебя вид, как будто ты ждал триста, а получил свиста.

— Золотой кубок, — отвечает.

— Кто же выиграл, мистер Ленехан? — Терри спраши-вает.

— Реклама, — тот отвечает. — Выдача двадцать к одно-му. Чистейший аутсайдер. А все остальные с носом.

— А Бассова кобылка? — опять Терри.

¹ Уборная (франц.).

² Презирайте англичан Коварный Альбион! (франц.)

³ Победа Красной Руке (ирл.).

— Скоро доскачет, — говорит Ленехан. — Мы все накололись. Бойлан по моему совету поставил на Корону два фунта, за себя и за одну знакомую.

— Я и сам полкроны поставил, — говорит Терри, — на Муската, мне мистер Флинн подсказал. Лорда Хауарда де Уолдена.

— Двадцать к одному, — повторяет Ленехан. — Вот такая дерьмовая жизнь. Реклама, — повторяет. — Запудрила всем мозги и хапнула все печенье. Корона, тебе имя — вероломство.

Тут он подбирает жестянку от печенья, что Боб Дорен оставил, и смотрит, нет ли там чем поживиться на шаромыжку, а паршивая дворняга за ним, глядит, повезет ему или нет, разинув свою поганую пасть. Стала бабушка искать, хочет кость собачке дать.

— Шиш с маслом, детка, — тот ему.

— Держи хвост морковкой, — Джо утешает. — Корона бы выиграла, если б не эта сучка.

А Дж. Дж. с Гражданином все препираются насчет истории да законов, и Блум, уж конечно, тоже суется.

— Некоторые люди, — говорит Блум, — в чужом глазу увидят соринку, а в собственном бревна не заметят.

— Raimeis¹, — отвечает Гражданин. — Не зря говорят, слепому очков не подберешь. Куда делись наши двадцать миллионов ирландцев, которых мы должны бы иметь сейчас вместо четырех, наши потерянные колена? А наши гончары, наши ткани, лучшие во всем мире? А наши сукна, их еще в Риме продавали во времена Ювенала, и наш лен, и камчатное полотно, что ткут в Антриме, и кружева из Лимерика, и наши дубленые кожи, и флинтглас из-под Баллибоха, и гугенотский поплин, который у нас еще со времен Жаккара из Лиона, и наши тканые шелка, и фоксфордский твид, и кремовый гипюр из кармелитского монастыря в Нью-Россе, ничего подобного во всем мире нет! Где греческие купцы, что проходили через Геркулесовы Столбы, ныне Гибралтар, захваченный врагом рода человеческого, иплыли в Вексфорд, на торжище Кармен, торговать золотом и тирским пурпуром? Почитайте-ка Тацита и Птолемея или хотя бы Гиральда Камбренского. Вино, пушнина, мрамор из Коннемары, серебро из Типперери, совершенно непревзойденное, а лошади наши славятся и по сей день, ирландская упряжная порода, а за право

¹ Болтовня (ирл.).

ловить рыбу в наших водах король испанский Филипп готов был платить нам пошлину. Кто вычислит, сколько нам должен паршивый Джон Буль за нашу загубленную торговлю, за наши разоренные хижины? А русла Барроу и Шаннона, они не желают их углублять, они нам оставляют миллионы акров болот, чтобы мы подышали от чахотки.

— Скоро у нас тут будет безлесье, как в Португалии, — вставляет Джон Уайз, — или на каком-нибудь Гельголанде, где торчит одно деревце. Если только не примутся за лесопосадки. Ель, лиственница, все деревья, что из семейства хвойных, на глазах исчезают. Я вот читал доклад лорда Кэслтауна...

— Их надо срочно спасать, — говорит Гражданин, — и яшень гигантский в Голуэе, и вяз святой Бригитты в Килдере, сорок футов в обхвате и крона на добрый акр. Спасать деревья Ирландии для будущих поколений ирландцев, на дивных холмах Эйре. О!

— Европа смотрит на вас, — говорит Ленехан.

Сливки высшего общества всей Европы собрались в этот вечер, чтобы присутствовать на бракосочетании шевалье Жана Уайза де Нолана, великого верховного главного смотрителя Ирландских Национальных Лесных Угодий, и мисс Елли Хвойн из Сосновой Долины. Леди Эктам Лесгуст, миссис Дебри Лесов, миссис Флора Полей, мадмуазель Манон Лесок, миссис Хилда Гнил-Куст, миссис Эдна Сень-Крон, неразлучные подружки Норма Дров и Порция Лоз, миссис Кора Березоу, известная писательница Джейн Осин, миссис Джулия Дубб, мисс Энн Бук, миссис Элен Клен, миссис Сильвия Платтан, миссис Тебена О'Рехи, мисс Найди Шишки, мисс Сара Соснер, мисс Полли Пихти, мисс Китти Кедрик, миссис Мона Листик, сестры мисс Лилия и мисс Виола Стеблинз, миссис Лиана Ползинс, мисс Лаура Мирт, мисс Орхидея Гор, миссис Майра Макмак, миссис Гортензия Флокс, мадемуазель О'Мимоза-сан и миссис Глория Бревноу из Дуботолла украшали своим присутствием брачное торжество. Невеста, дочь достопочтенного эсквайра Мак-Хвойна из Больших Желудей, являла собой верх изящества в очаровательном туалете зеленого мерсеризованного шелка на чехле сумеречно-серых тонов, с широким изумрудно-зеленым поясом и тремя рядами оборок более темного оттенка, а также, в довершение ансамбля, бретельками и каштановыми выточками на бедрах. Подружки невесты, мисс Пиния и мисс Туя, также из семейства Хвойнов, были в необычайно идущих им к лицу туалетах тех же

тонов, с изящной розовой отделкой, мотивы которой прихотливо повторялись в нефритово-зеленых токах, украшенных эгретками из бледно-коралловых перьев цапли. Сеньор Энрике Флор, восседавший за органом, явил свое прославленное искусство и, в дополнение к музыке, предписанной венчальным каноном, завершил службу исполнением песни «Лесоруб, лесоруб, не руби ты этот дуб» в замечательной новой аранжировке. Когда молодые, получив папское благословение, покидали церковь святого Фиакра на бору, их шутливо осыпали целым градом орехов, желудей, лавровых листьев, барашков вербы, ивовых прутьев, ягод остролиста, веточек омель и можжевельных побегов. Мистер и Миссис Уайз Хвойн Нолан уединенно проведут свой медовый месяц в Черном Лесу.

— И мы смотрим на Европу,— говорит Гражданин.— Когда еще эти дворняжки были щенками, мы уже торговали с Испанией и с французами и с голландцами, испанские суда плавали в Голуэй с грузом, от которого веселей, с винцом по виноцветному морю.

— И поплывут еще,— говорит Джо.

— И с помощью Пречистой Девы Марии еще поплывут,— повторяет Гражданин, трахая себя по ляжке.— Наши опустевшие гавани опять оживут, Куинстаун, Кинсейл, Голуэй, Блэксод-бэй, Вентри, что в графстве Керри, Киллибегс, третий по величине порт во всем мире, целые леса мачт, корабли рода Линчей из Голуэя, и Кавана О'Рейли, и дублинских О'Кеннеди, а с графом Десмондом заключал союз сам император Карл Пятый. Да, поплывут,— давит он,— люди еще увидят первый ирландский броненосец бороздящим моря с нашим собственным флагом на флагштоке, не с этой треклятой арфой Генриха Тюдора, нет уж, а с древнейшим флагом провинций Десмонд и Томонд, три золотые короны на голубом поле, трое сыновей Милезия.

И опрокидывает свою до дна. Моуа¹. Грозный как жук навозный. Разводит белендрысы с подливой. Рискнул бы он с этим дерьмовым трепом выйти перед народом в Шейнаголдене, туда он и нос показать не смеет, ему там Молли Магуайры давненько уж припасли свинцовый орешек за то, что он выгнал издольщика, а добро себе заграбастал.

— Ну-ну,— говорит Джон Уайз,— вы только послушайте. Чего будешь пить?

¹ Да неужели (ирл.).

— Чего королевские гусары принимают для храбрости,— Ленехан отвечает.

— Половинку с прицепом, Терри,— заказывает Джон Уайз.— Эй, Терри! Никак, заснул?

— Сию минуту, сэр,— отвечает Терри.— Полпорции виски и бутылочку эля. Даю, сэр.

Прилип к этой вшивой газетке с Олфом, выискивает там чего позабористей, вместо того чтоб обслуживать. Картинка матча, в котором дерутся головами, один другого старается трахнуть черепом, идет на него, пригнув голову, как бык на стенку. Еще картинка: *Так сожгли черную скотину в Омахе, Джорджия*. Орава героев в ковбойских шляпах до глаз палит в черномазого, повешенного на дереве, у того уже язык наружу, а внизу разложен костер. Ей-ей, им бы еще утопить его в море, посадить на электрический стул и распять, чтобы уж были уверены в успехе.

— А как же непобедимый флот,— спрашивает Нед,— гроза всех врагов?

— Я вам про это кое-что расскажу,— говорит Гражданин.— Это сущий ад на земле. Почитайте-ка в газетах про то, как избивают палками на учебных судах в Портсмуте. Какой-то тип пишет за подписью «Возмущенный».

И давай нам рассказывать про телесные наказания, как выстраивается команда и офицеры, и адмирал тут же в треуголке, и пастор со своей протестантской библией, словом, все, чтоб присутствовать при наказании. Приводят беднягу, паренька, который вопит благим матом, растягивают на лафете орудия, привязывают.

— Отбивную и дюжину горячительного,— говорит Гражданин,— так это дело называл старый бандит сэр Джон Бересфорд, ну а теперешние Кромвели это прозвали морской обычай.

Джон Уайз вставляет:

— Обычай, что достойней уничтожить, чем сохранять.

А тот дальше рассказывает, как там выходит судовой инструктор с длинной тростью, размахивается и пошел сдирать шкуру с бедного малого, пока тот не наорется до хрипоты убивают.

— Вот вам славный британский флот,— говорит Гражданин,— который властвует над землей. Эти герои, что никогда не будут рабами, у них единственная наследственная палата на всем Божьем свете, а все земли в руках у дюжины надутых баронов да боровов, ни в чем не смыслящих, кроме псовой охоты. Вот она, их великая империя,

которой они так бахвалятся,— империя рабов, замордованных и трудом и кнутом.

— Над которой никогда не восходит солнце,— вставляет Джо.

— И вся трагедия в том,— продолжает Гражданин,— что сами они в это верят. Несчастные йеху в это верят.

Веруют во кнута-отца, шкуродера и творца ада на земле, и в Джека-Матроса, сына прохожего, его же зачала Мэришлюха с несытого брюха, рожденного для королевского флота, страдавшего под отбивною и дюжиной горячительного, бичеваного, измордованного, и завывавшего аки зверь, и восставшего с койки на третий день по предписаниям, и пришедшего в порт и воссевшего на своей драной заднице, покуда не отдадут приказ и не потряхает он опять вкалывать ради куска хлеба.

— Но ведь разве,— ввязывается Блум,— дисциплина не везде одинакова? Я хочу сказать, разве у вас не было бы то же самое, если бы вы против силы выставили свою силу?

Ну что я вам говорил? Не пить мне этого портера, если он и до последнего издыхания не будет вам доказывать, что черное это белое.

— Мы выставим силу против силы,— говорит Гражданин.— У нас есть великая Ирландия за океаном. Их выгнали из родного дома и родной страны в черном сорок седьмом году. Их глинобитные лачуги и придорожные хижины сровняли с землей, а в «Таймсе» радостно возвещали трусливым саксам, что скоро в Ирландии останется не больше ирландцев, чем краснокожих в Америке. Паша турецкий, и тот прислал нам какие-то пиастры. Но саксы нарочно старались задушить голодом нацию, и хоть земля уродила вдосталь, британские гиены подчистую скупали все и продавали в Рио-де-Жанейро. Крестьян наших они гнали толпами! Двадцать тысяч из них распростились с жизнью на борту плавучих гробов. Но те, что достигли земли свободных, не позабыли земли рабства. Они еще вернутся и отомстят, это вам не мокрые курицы, сыны Грануйл, заступники Кэтлин-ни-Хулихан.

— Совершенно справедливо,— снова Блум за свое,— но я-то имел в виду...

— Да мы уж давно этого ждем, Гражданин,— Нед вставляет.— Еще с тех пор, как бедная старушка нам говорила, что французы у наших берегов, с тех пор, как они высаживались в Киллале.

— Верно,— говорит Джон Уайз.— Мы сражались за

Стюартов, а они предали нас, с головой выдали вильями-там. А вспомните Лимерик и нарушение договора на камне. Наши лучшие люди проливали кровь за Францию и Испанию, дикие гуси. Одна битва при Фонтенуа чего стоит! А Сарсфилд, а О'Доннелл, герцог Тетуанский в Испании, а Улисс Браун из Камуса, фельдмаршал в войсках Марии Терезии. Но что мы хоть когда-нибудь получили за это?

— Французы! — фыркает Гражданин. — Компашка учителей танцев! Как будто сами не знаете. Для Ирландии цена им всегда была грош ломаный. А нынче они из кожи лезут, устраивают *entente cordiale*¹ с коварным Альбионом, вроде обедов Тэй Пэя. Первые смутьяны Европы, и всегда ими были!

— *Conspuez les Français*², — говорит Ленехан, прибирая к рукам кружечку пива.

— А взять пруссаков и ганноверцев, — Джо поддакивает, — мало, что ли, у нас сидело этих бастардов-колбасников на троне, от курфюрста Георга до этого немчика и старой суки со вспученным брюхом, что околела недавно?

И, убей бог, мы все там полегли со смеху, как он изобразил нам про эту старушку Вик в розовых очках, мол, что ни вечер, она в своем королевском дворце глушит нектар и амброзию кувшинами, а как упьется до поросычьего визга, тут ее кучер загребает в охапку и плюхает как мешок в постель, а она его дергает за баки да распевает допотопные песенки про Эрен на Рейне и приди туда, где выпивка дешевле.

— Ну что ж! — говорит Дж. Дж. — Зато теперь у нас Эдуард-миротворец.

— Сказки для дураков, — ему Гражданин на это. — У этого кобеля заботы — не мир наводить, а триппер не подхватить. Эдуард Гвельф-Веттин!

— А что вы скажете, — Джо ярится, — про этих святош, ирландских попов и епископов, которые разукрасили его покои в Мануте скаковыми эмблемами его Поганского то бишь Британского Величества да картинками всех лошадей, на которых его жокеи ездят? Как же, граф Дублинский.

— Туда б еще картинки всех баб, на которых он сам поездил, — предлагает малыш Олф.

¹ Сердечное согласие (*франц.*).

² Презирайте французов (*франц.*).

На это Дж. Дж. солидно:

— Их преосвященства были вынуждены отказаться от этой идеи за недостатком места.

— Еще одну сделаешь, Гражданин? — Джо спрашивает.

— О да, сэръ, — тот ему.

— Ну, а ты? — Это Джо мне.

— Бесконечно признателен, — отвечаю. — И дай тебе бог всяческого прибытку.

— Все то же повторить, — Джо заказывает.

А Блум, в своем чернорыжегрязноболотном котелке на макушке, все мелет и мелет языком с Джоном Уайзом, входит в раж, глаза выкатил, что сливы.

— Преследования, — говорит, — вся мировая история полна ими. Разжигают ненависть между нациями.

— А вы знаете, что это такое, нация? — спрашивает Джон Уайз.

— Да, — отвечает Блум.

— И что же это? — тот ему снова.

— Нация? — Блум говорит. — Нация это все люди, живущие в одном месте.

— Ну, уморил, — смеется тут Нед. — Раз так, тогда нация это я, я уже целых пять лет живу в одном месте.

Тут, конечно, все Блума на смех, а он пробует выпутаться:

— Или, возможно, живущие в разных местах.

— Под это я подхожу, — говорит Джо.

— А нельзя ли спросить, какова ваша нация? — Гражданин вежливенько.

— Ирландская, — отвечает Блум. — Здесь я родился. Ирландия.

Гражданин на это ничего не сказал, но только выдал из пасти такой плевок, что, дай бог, добрую устрицу с Редбэнк отхаркнул аж в дальний угол.

— Ну как, поехали, Джо, — говорит он и вынимает платок, чтобы утереться.

— Поехали, Гражданин, — тот ему. — Возьмите это в правую руку и повторяйте за мной следующие слова.

Древняя и бесценная, покрытая хитроумной вышивкой, ирландская лицевая пелена, которую предание связывает с именами Соломона из Дромы и Мануса Томалтаха-ог-Мак-Доноха, авторов Книги Баллимот, была с величайшими предосторожностями извлечена на свет и вызвала благоговейное восхищение. Избежем пространных описаний прославленной красоты ее четырех углов, из коих каж-

дый — верх совершенства; скажем лишь, что на них можно было отчетливо различить четырех евангелистов, ввещающих четырем мастерам свои евангельские символы, скипетр мореного дуба, северо-американскую пуму (заметим вскользь, что это не в пример более благородный царь зверей, нежели объект британской геральдики), тельца из Керри и золотого орла с Каррантухилла. Виды же, заполняющие сморкательное поле, изображали наши древние дуны, раты, кромлехи и гриноны¹, а также обители просвещения и каменные пирамиды, слагаемые в память о бедствиях, и были столь же прекрасны, а краски их столь же тонки, как и в те незапамятные времена, в пору Бармакидов, когда художники из Слайго отпустили поводья своего творческого воображения. Глендалох, дивные озера Килларни, развалины Клонмакнойса, аббатство Конг, Глен Ина и Двенадцать Сосен, Око Ирландии, Зеленые Холмы Талла, Крок-Патрик, пивоварня фирмы Артур Гиннесс, Сын и Компания (с огр. отв.), берега Лох-Ней, долина Овоки, башня Изольды, обелиск Мейпса, больница сэра Патрика Дуна, мыс Клир, долина Ахерлоу, замок Линча, Скотч-хаус, ночлежка Рэтдаун в Локлинстауне, тюрьма в Толламоре, пороги Каслконнел, Килбаллимакшонакилл, крест в Монастербойсе, отель Джури, Чистилище св. Патрика, Прыжок Лосося, трапезная в манутском колледже, Кэрлис-хоул, три места рождения первого герцога Веллингтонского, скала Кэшел, болото Аллен, склады на Генри-стрит, Фингалова пещера, — волнующие изображения всех этих мест поныне доступны взорам. Со временем они стали еще прекрасней благодаря тем потокам, что скорбно изливались на них, а также обильным наслоениям.

— Раздай-ка нам кружки, — я прошу Джо. — Какая тут чья?

— Вот это мое, — говорит Джо, — как сказал черт мертвому полисмену.

— И еще я принадлежу к племени, — заявляет Блум, — которое ненавидят и преследуют. Причем и поныне. Вот в этот день. Вот в эту минуту.

Бог ты мой, а окурок сигары ему совсем уже пальцы жжет.

— Грабят, — говорит он. — Обирают. Оскорбляют. Преследуют. Отнимают то, что наше по праву. Вот в эту

¹ Форты, крепости, дольмены, солнечные залы (ирл.).

самую минуту, — говорит он и поднимает кулак, — продают на рынке в Марокко, как рабов, как скот.

— Вы что ли говорите про новый Иерусалим? — Гражданин спрашивает.

— Я говорю про несправедливость, — отвечает Блум.

— Хорошо, — говорит Джон Уайз. — Но тогда сопротивляйтесь, проявите силу, как подобает мужчинам.

Уж это будет незабываемая картинка. Мишень для разрывной пули. Старая жирная морда перед дулами пушек. Вот швабру он бы собой украсил отлично, только обряди его в фартук с завязочками. А потом вдруг, в один миг, у него душа в пятки, и он уже накручивает все другое, наоборот, жалкий слабак, тряпка.

— Но все это бесполезно, — отвечает он. — Сила, ненависть, история, все эти штуки. Оскорбления и ненависть — это не жизнь для человека. Всякий знает, что истинная жизнь — это совершенно противоположное.

— И что же? — Олф его спрашивает.

— Любовь, — отвечает Блум. — Я имею в виду, противоположное ненависти. Мне надо сейчас идти, — это он Джону Уайзу. — Тут рядом, заглянуть на минутку в суд, нет ли там Мартина. Если он придет, скажите ему, пожалуйста, что я скоро вернусь. Я на одну минуту.

Да кто тебя держит-то? И выскакивает, как жирная молния.

— Новый апостол язычников, — бурчит Гражданин. — Всеобщая любовь.

— А что, — говорит Джон Уайз, — разве это не то же, что нам твердят? Возлюби ближнего своего.

— Кто, этот гусь? — Гражданин ему. — Да у него заповедь — обирай ближнего своего. Любовь, Моуа! Ромео и Джульетта, чистая копия.

Любовь любит любить любовь. Медсестра любит нового аптекаря. Констебль бляха 14 А любит Мэри Келли. Герти Макдауэлл любит парня с велосипедом. М. Б. любит красивого блондина. Ли Чи Хань люби целовай Ча Пу Чжо. Слон Джамбо любит слониху Алису. Старичок мистер Вершойл со слуховым рожком любит старушку миссис Вершойл со вставным глазом. Человек в коричневом макинтоше любит женщину, которая уже умерла. Его Величество Король любит Ее Величество Королеву. Миссис Норман В. Таппер любит капитана Тэйлора. Вы любите кого-то. А этот кто-то любит еще кого-то, потому что каждый любит кого-нибудь, а бог любит всех.

— Ну ладно, Джо,— говорю,— бывай здоров и пой песни. А тебе еще больше сил, Гражданин.

— Ура! — рывкает Джо.

— Господь, Мария и Патрик да будут с вами,— говорит Гражданин.

И опрокидывает свою кружку, чтоб промочить пасть.

— Знаем мы эти басни,— говорит он.— Читает благие проповеди, а сам в карман к тебе лезет. Как там богомольный Кромвель и его Железнобокие, что вырезали всех женщин и детей в Дрогеде, а на пушках у них вокруг дул было написано из библии: «Бог есть любовь»? Библия! Не читали в сегодняшнем «Юнайтед айришмен» фельетон про визит зулусского вождя в Англию?

— Нет, а что там? — Джо спрашивает.

Гражданин вытаскивает из своего личного архива номер газеты и принимается нам читать:

— Делегация крупнейших хлопковых магнатов Манчестера была вчера представлена Его Величеству Алаки Абеакутскому дежурным Главой Протокола лордом Процедуром из Процедуры-на-Пустом-Месте, дабы выразить Его Величеству горячую благодарность английских коммерсантов за привилегии, данные им в его владениях. Члены делегации присутствовали на завтраке, в заключение которого темнокожий властитель произнес яркую речь, вольно переводившуюся британским капелланом, преподобным Ананией Богомоллом Барбоном. В ней он выразил благодарность массе Процедуру и подчеркнул сердечность отношений, существующих между Абеакутой и Британской Империей, заявив, что величайшей драгоценностью для него является иллюстрированная библия, книга, в которой слово Божие и секрет могущества Англии, благосклонно подаренная ему предводительницей белых, великою скво Викторией, с личною надписью Августейшей Дарительницы. На этом владыка Алаки, провозгласив тост «Черное и Белое», осушил чашу дружбы, полную первосортного ирландского виски, из черепа своего прямого предшественника на троне династии Какачакачак, носившего прозвище Сорок Чирьев. Затем он осмотрел крупнейшую из фабрик Хлопкополиса и поставил свой крест в книге посетителей, исполнив при этом древний и очаровательный абеакутский военный танец, во время которого он проглотил множество ножей и вилок, поощряемый радостными рукоплесканиями юных работниц.

— Царственная вдовица,— говорит Нед,— выше всяко-

го подозрения. Но интересно, не использовал ли он эту библию так же, как я бы на его месте.

— Так же, и даже еще лучше,— Ленехан уверяет.— Ибо потом на той плодородной земле выросло пышное манговое дерево с широкими листьями.

— А кто написал, Гриффит? — спрашивает Джон Уайз.

— Нет,— отвечает Гражданин.— Там не подписано «Шангана». Стоит только инициал: П.

— Что же, отличный инициал,— говорит Джо.

— Так вот они и действуют,— говорит Гражданин.— Торговля следует за флагом.

— Да,— замечает Дж. Дж.,— если они ведут себя не лучше бельгийцев в Конго, хорошенькая там жизнь. Вы не читали этот доклад, кто же его написал...

— Кейсмент,— подсказывает Гражданин.— Он, кстати, ирландец.

— Да-да, он самый,— продолжает Дж. Дж.— Насилуют женщин, девушек, молотят туземцев по животам, видно, чтоб выжать из них весь красный каучук, какой можно.

— Знаю, куда он пошел,— вдруг говорит Ленехан и щелкает пальцами.

— Кто? — спрашиваю.

— Блум,— отвечает он.— Это все липа насчет суда. А он ставил на Рекламу и побежал сейчас загребать сребреники.

— Чего, этот белоглазый кафр? — Гражданин не верит.— Да он в жизни на лошадь не поставит, даже со злости.

— Нет, он туда пошел,— твердит свое Ленехан.— Я тут встретил Бэнтама Лайонса он как раз на эту лошадку хотел ставить, только из-за меня раздумал и он сказал мне это Блум ему подкинул намек. На что хочешь бьюсь об заклад он сейчас загребает сто шиллингов на свои пять. Единственный во всем Дублине кто сорвал куш. Поставил на темную лошадку.

— Сам он чертова темная лошадка,— ворчит Джо.

— Пропусти-ка, Джо,— говорю.— Где у нас тут вход на выход?

— Туда вон,— кивает Терри.

Прощай, Ирландия, я еду в Горт. Значит выхожу я на задворки отлить и убей бог (сто шиллингов на пять) пока я там выпускал свой (Реклама-то взяла двадцать к) пока выпускал свой заряд я себе говорю я ж замечал ей-ей что его (две пинты от Джо и у Слэттри одна) его так и тянет

куда-то смыться (сто шиллингов это же пять фунтов) а когда они жили в (темная лошадка) Сикун рассказывал как бывало сидят за картами а они представляются будто ребенок болен (ну сила не меньше галлона напрудил) и эта его вислозадая половина сообщает по внутреннему телефону мол *ей лучше* или там *ей* (ох!) весь план к тому чтоб он мог смыться в выгодную минуту с выигрышем а еще (как пузырь-то не лопнул) торгует без патента (ох!) Ирландия говорит моя нация (перр! пукпукпук!) нет уж их не переплюнешь этих чертовых (ага последний остаток) иерусалимских (уф!) рогачей.

Одним словом, я возвращаюсь, а они все долдонят, и Джон Уайз рассказывает, это, мол, Блум подал идею шиннфейнерам, чтобы Гриффит в своей газете разоблачал всяческие махинации, подтасовки состава присяжных или там жульничества с налогами, и чтобы по всем странам посылали своих представителей, продвигать торговлю ирландскими товарами. Менять шило на мыло. Тут уж, я скажу вам, густой мрачок, если эта косоглазая рожа еще нам примется устраивать наши дела. Уж дайте нам по-нашему сдохнуть. Боже спаси Ирландию от этого жирного пройдохи и всех подобных ему. Мистер Блум и его шахер-махеры. А до него еще его папаша занимался мошенничеством, старый Мафусаил Блум, бизнесмен с большой дороги, отравился синильной кислотой, но только прежде всю страну завалил своим хламом, брильянтами на пенни пара. Ссуды по почте на удобных условиях. Любые суммы высылаются на основании расписки. Расстояние не ограничивается. Гарантий не требуется. Ни дать ни взять, собачка Ланти Макхейла, что каждому хвостиком виляет.

— Это истинный факт, — говорит Джон Уайз. — И вот вам человек, который про это может все рассказать, Мартин Каннингем.

И точно, подкатывает муниципальный кеб, а в нем Мартин, Джек Пауэр и еще один тип, Крофтер то ли Крофтон, оранжист, получает пенсию от таможенного ведомства и при Блэкберне состоит, где ему платят за то, — или, может, Кроуфорд? — что он шляется по всей стране за казенный счет.

Наши путники достигли постоянного двора и спешили на землю со своих скакунов.

— Гей, слуги! — вскричал один из прибывших, чья осанка тотчас изобличала предводителя. — Ленивые прохвосты! Сюда!

И с этими словами он шумно принялся колотить рукояткою меча по открытой оконной решетке.

На сей призыв немедленно появился хозяин, на ходу подпоясывая свой плащ.

— Добрый вам вечер, милостивые господа! — проговорил он, угодливо кланяясь.

— Живей пошевеливайся, бездельник! — вскричал ему стучавший в окно. — Вели позаботиться о наших конях. А нам подай лучшего, что только найдется в твоей дыре, ибо, клянусь, добрый ужин не повредил бы нашим желудкам.

— Увы, добрые господа! — отвечал ему на это хозяин. — В моем нищем доме и в погребе и в кладовке хоть шаром покати. Право, совсем не знаю, что и предложить вашим милостям.

— Что это ты там мелешь? — вскричал при этих словах второй из прибывших, человек с весьма приятными и живыми чертами лица. — Так-то ты принимаешь королевских гонцов, толстопузый мошенник!

Лицо хозяина изменилось во мгновение ока.

— Прошу вас, смилуйтесь, благородные рыцари! — смиренно взмолился он. — Коль скоро вы гонцы нашего короля (да оградит бог Его Величество!), у вас не будет нужды ни в чем. Клянусь, друзьям короля (да благословит бог Его Величество!) не придется поститься в моем доме.

— Так живо принимайся за дело! — воскликнул прежде молчавший путник, в ком вся наружность выдавала любителя хорошо поесть. — Чего там у тебя найдется для нас?

Вновь низко кланяясь, хозяин ему отвечал:

— Не окажете ли вы честь, достойнейшие рыцари, моим паштетам из молодых голубей, бифштексам из оленины, седлу теленка, утке, зажаренной с румяным беконом, кабаньей голове с фисташками, чаше сладкого заварного крема, пудингу с рябиновым соком и кувшину старого рейнского?

— Гром и молния! — вскричал вопрошавший. — Вот это по мне! Фисташки!

— Ага! — рассмеялся путник с приятными чертами лица. — Нечего сказать, нищий дом и пустая кладовка! Он славный шутник, этот негодяй.

Стало быть, входит Мартин и спрашивает, где Блум.

— Где ему быть? — отвечает Ленехан. — Обирает вдов и сирот.

— Правда это или нет, — спрашивает Джон Уайз, — то,

что я рассказывал Гражданину про Блума и его связи с Шинн Фейн?

— Да, это правда,— говорит Мартин,— или, по крайней мере, так про него наушничают.

— Это кто же наушничает? — спрашивает Олф.

— Я,— отвечает Джо.— У меня шапка с наушниками.

— Но, в конце концов,— рассуждает Джон Уайз,— почему еврей не может любить свою родину точно так же, как и всякий другой?

— Отчего бы нет? — Дж. Дж. на это ему.— Если только он знает, где его родина.

— Он что, еврей или же он язычник или католик или методист или, черт дери, еще что-то? — Нед спрашивает.— Кто он такой вообще? Я вам не в обиду, Крофтон.

— Мы его не желаем,— говорит Крофтер, оранжист или пресвитерианец.

— Кто такой Джуниус? — говорит Дж. Дж.

— Он — отпавший еврей,— объясняет Мартин,— родом откуда-то из Венгрии, и это именно он придумал все планы насчет венгерской системы. У нас в муниципалитете про это знают.

— А он не родственник дантиста Блума? — спрашивает Джек Пауэр.

— Нет, просто однофамильцы,— Мартин ему.— Его настоящая фамилия Вираг. Фамилия отца его, который отравился. Он получил разрешение сменить фамилию, то есть не он, а еще отец.

— Тоже мне новый мессия для Ирландии! — говорит Гражданин.— Остров мудрецов и святых!

— Что же, они все еще ждут своего искупителя,— говорит Мартин.— В этом смысле и мы как они.

— Верно,— продолжает Дж. Дж.,— и про каждого новорожденного мужского пола они думают, что этот, может, и есть мессия. Так что у них, надо полагать, каждый еврей себе места не находит, пока не узнает, кем стал, отцом или матерью.

— Ждет, что ему вот-вот малец,— добавляет Ленехан.

— Мать честная,— вспоминает тут Нед,— видели бы вы Блума перед тем, как у него сын родился, тот, что умер потом. Помню, я его встретил на южном рынке, он там покупал детское питание, а дело-то еще было за полтора месяца до родов.

— En ventre de sa mère¹, — говорит Дж. Дж.

— И это, по-вашему, мужчина? — Гражданин спрашивает.

— Интересно, он хоть разок сумел вообще задвинуть, — говорит Джо.

— Ну, как-никак, двое детей народилось, — Джек Пауэр на это.

— И кого ж он подозревает? — спрашивает Гражданин.

Ей-ей, в каждой шутке есть доля правды. Ни то ни се, суций гермафродит, вот он кто. Сикун говорит в этом своем отеле он что ни месяц регулярно в постель головные боли как есть тебе баба с женским делом. Да знаете, что я скажу, если на то пошло? Одна бы польза была, если б ухватить вот такого вот недоноска за шкирку, да и шарануть в море к едрене Фанни. Оправданная мера самозащиты. А что, скажете, это по-человечески, огрести даровых пять фунтов и смыться, не поставивши людям хоть по единой пинте. Эх, господи благослови! Да тут не хватит и блоху утопить.

— Вспомним про милосердие к ближним, — Мартин советует. — Но только где же он сам? Нам некогда дожидаться.

— Волк в овечьей шкуре, вот он кто есть, — говорит Гражданин. — Вираг из Венгрии! Агасфер, я бы его назвал! Проклятый богом.

— А у вас найдется минутка для краткого возлияния, Мартин? — Нед спрашивает.

— Если только одну, — отвечает тот. — Мы спешим уже. Порцию Джей-джей-си.

— А вы, Джек? Крофтон? Значит, три половинки, Терри.

— Святому Патрику надо бы снова высадиться в Балликинларе и взяться за наше обращение, — Гражданин заявляет, — после того как мы позволили вот таким запаскудить нашу страну.

— Ну, будем, — говорит Мартин и тянется, поторапливаясь, за своей кружкой. — Всем тут присутствующим да окажет бог свою милость.

— Аминь, — заключает Гражданин.

— Окажет-окажет, не сомневайтесь, — это Джо.

И под звуки освященного колокольчика во главе с несущим распятие, за коим следовали псаломщики, кадилонос-

¹ Во чреве матери (франц.).

цы, ковчеженосцы, чтецы, привратники, дьяконы и иподьяконы, продвигалась священная процессия митрофорных аббатов, приоров, настоятелей, монахов и братии нищенствующих орденов: монахи Венедикта Нурсийского, картузианцы и камальдулы, цистерцианцы и оливетанцы, ораторианцы и валломброзанцы, братья августинцы, бригиттинцы, премонстранцы, сервиты, тринитарии и дети св. Петра Ноланского; и шли также с горы Кармел дочери и сыны пророка Илии, ведомые Альбертом епископом и Терезой Авильской, обутые, равно как и босые; и братья бурые и серые, сыны бедняка Франциска, капуцины, кордельеры, минимы и обсерванты и дочери Клары; и сыны Доминика, братья-проповедники, и сыны Винсента; и монахи св. Волстана; и Игнатия чада; и сообщество христианских братьев, ведомых преподобным Эдмундом Игнатием Райсом. За ними же шествовали все святые и мученики, девы и исповедники: св. Кирик и св. Исидор Землепашец и св. Иаков, брат Господень, и св. Фока Синопский и св. Юлиан Странноприимец и св. Феликс Канталыйский и св. Симеон Столпник и св. Стефан Первомученик и св. Иоанн Божий и св. Ферреол и св. Лигард и св. Феодот и св. Вульмар и св. Ричард и св. Винсент де Поль и св. Мартин из Тоди и св. Мартин Турский и св. Альфред и св. Иосиф и св. Дионисий и св. Корнилий и св. Леопольд и св. Бернард и св. Терентий и св. Эдуард и св. Оун Каникулус¹ и св. Аноним и св. Эпоним и св. Псевдоним и св. Омоним и св. Пароним и св. Синоним и св. Лаврентий О'Тул и св. Иаков Динглский и Компостельский и св. Колумциллий и св. Колумба и св. Целестин и св. Колман и св. Кевин и св. Брендан и св. Фригидиан и св. Сенан и св. Фахтна и св. Колумбан и св. Гэлл и св. Ферси и св. Финтан и св. Фиакр и св. Иоанн Непомук и св. Фома Аквинский и св. Ив Бретонский и св. Мичен и св. Герман-Иосиф и три святых покровителя отроков, св. Алоизий Гонзага и св. Станислав Костка и св. Иоанн Берхманс, и святые Гервасий, Сервасий и Бонифаций, и св. Брайд и св. Киран и св. Каниций Килкеннийский и св. Иарлат Туамский и св. Финбар и св. Паппин Баллимунский и брат Алоизий Миротворец и брат Людовик Ратоборец и свв. Роза Лимская и Роза Витербская и св. Марта Вифанийская и св. Мария Египетская и св. Лукия и св. Бригитта и св. Аттракта и св. Димпна и св. Ита и св. Мэрион Гибралтарская и блаженная сестра Тереза Младенца Иисуса и св. Варвара и св. Схоластика и св. Урсула с одиннадцатью

¹ Собачонок (лат.).

тысячами дев. И шествовали все они, осененные нимбами, венцами и славками, неся пальмовые ветви, арфы, мечи и венки из оливы, в ризах, на коих вытканы были священные символы их служения, чернильницы, стрелы, хлебы, кувшины, оковы, топоры, древа, мосты, младенцы в купели, раковины, сумы, ножницы, ключи, драконы, лилии, картечь, бороды, борозды, светильники, кузнечные мехи, пчелиные ульи, суповые ложки, звезды, змеи, наковальни, баночки с вазелином, колокольчики, костыли, хирургические щипцы, олени рога, резиновые сапоги, ястребы, жернова, глаза на блюде, восковые свечи, кропила, единого рога. И покуда свершали они свой путь мимо колонны Нельсона, и по Генри-стрит, Мэри-стрит, Кейпл-стрит, Малой Бритн-стрит, распевая входной антифон на Eriphania Domini¹, что начинается с Surge, illuminare², и затем наисладчайший антифон степенный, Omnes гласящий de Saba venient³, творили они многообразные чудеса, изгоняя бесов, воскрешая усопших, совершая умножение рыб, исцеляя расслабленных и слепых, обнаруживая всякого рода утерянные предметы, толкуя, а равно исполняя Писание, благословляя и пророчествуя. И заключал шествие под златотканым пологом преподобный отец О'Флинн, ему же сопутствовали Малахия и Патрик. А когда святые отцы достигли назначенного места, дома Бернарда Кирнана и К°, с огр. отв., Малая Бритн-стрит, 8, 9 и 10, оптовая торговля бакалейным товаром, винами и коньяками, с патентом на продажу пива, вина и крепких напитков расписочно, священник благословил дом и окадил окна его и переплеты окон и своды и перемычки сводов и выступы и капители и фронтоны и карнизы и зубчатые арки и шпили и куполы и окропил сочленения оных святою водой и вознес молитву, дабы Господь благословил дом сей, как благословил он дом Авраама, Исаака и Иакова, и ниспослал бы ангелов света Своего, дабы обитали в нем. И, вошед, благословил яства и пития, и весь сонм блаженных вторил его молитвам.

- *Adiutorium nostrum in nomine Domini.*
- *Qui fecit coelum et terram.*
- *Dominus vobiscum.*

¹ Богоявление (*лат.*).

² Восстань, светись (*лат.*).

³ Все... из Савы придут (*лат.*).

— Et cum spiritu tuo¹.

И возложил он руки на блаженных и возблагодарил и молился, и все они с ним так молились:

— Deus, cuius verbo sanctificantur omnia, benedictionem tuam effunde super creaturas istas; et praesta ut quisquis eis secundum legem et voluntatem Tuam cum gratiarum actione usus fuerit per invocationem sanctissimi nominis Tui corporis sanitatem et animae tutelam Te auctore percipiat per Christum Dominum nostrum².

— Мы все такого же мнения, — говорит Джек.

— Долгих вам лет, Лэмберт, — говорит этот Крофтон или Кроуфорд.

— Не против, — отвечает Нед, поднимая стаканчик виски. — Пилось бы да елось.

Я поглядываю по сторонам, не придет ли кому-нибудь счастливая мысль, и тут, проклятье, опять он является, с таким видом, как будто спешил со всех ног.

— А я, — говорит, — только что был в суде, вас искал. Надеюсь, я не...

— Нет-нет, — отвечает Мартин. — Мы готовы.

В суде, говоришь, а ну в глаза посмотри, небось, от золота все карманы отвисли. Крохобор хренов, недоделок. Хоть по одной-то поставил бы. Куда, черта с два тебе! Вот они вам, жида! Один профит знают. Нюх, как у крысы в нужнике. Сто на пять.

— Никому не рассказывай, — говорит Гражданин.

— Прошу прощения? — Блум ему.

— Пойдемте, пойдемте, — торопит Мартин, видя, что пахнет жареным. — Пора двигаться.

— Никому не рассказывай. — Гражданин повторяет и аж рычит от полноты чувства. — Держи в секрете.

Псина тут просыпается и тоже издает рык.

— Ну, мы пошли, пока, — Мартин говорит.

И поживей их выталкивает наружу, Джека Пауэра и Крофтона или как бишь его, и этого между ними посередке, а тот все прикидывается, будто ему невдомек, из-за чего сыр-бор, и все они залезают в свой хренов кеб.

¹ — Помощь наша в имени Господа.

— Сотворившего небо и землю.

— Господь с вами.

— И с духом твоим (*лат.*).

² Боже, чьим словом освящается все, ниспосли благословение Твое на сие сотворенное Тобою. Даруй, дабы всякий, кто, возблагодарив Тебя, употребит его согласно закону Твоему и воле Твоей, призыванием святого Твоего имени сподобился бы с Твоею помощью телесного здоровья и наставления души, через Христа Господа нашего (*лат.*).

— Пошел,— говорит Мартин кучеру.

Гривой своей тряхнул дельфин белоснежный, и кормчий, встав на золоченой корме, направил вздувшийся парус по ветру. Стремительно полетела ладья на всех парусах, уставив спинакер по штирборту. Прекрасные нимфы всплывали во множестве по бакборту и по штирборту и, приближаясь к благородной ладье, смыкали с нею сияющие очертанья, как делает хитроумный мастер-колесник, прилаживая вокруг оси колеса равноотстоящие лучи, братья один другому, и огибая их ободом, и быстроту сообщая стопам мужей, спешат ли они на грозную сечу или состязаются ради улыбки прекрасных дам. И так, приплывая, располагались они, нимфы благосклонные, бессмертные сестры. И смеялись, резвясь в клубах белопенных, и резво взрезала волны ладья.

Но тут, не успел я приземлить кружку на стол, как вижу, Гражданин подымается и прет, шатаясь, к дверям, сопя, раздувшись как от водянки, и изрыгает на того по-ирландски проклятие Кромвеля и большую анафему и все трехэтажные приветствия, плюется кругом как бешеный, а малыш Олф и Джо на нем повисли пиявками, пробуют удержать.

— Пустите меня,— ревет.

И я не я буду, он-таки дополз до дверей, они его с боков держат, а он вдруг как заорет во всю глотку:

— Тройное ура Израилю!

Агааһ, сидел бы уж на парламентской стороне жопы, не делал из себя посмешище всему городу. Ей-ей, всегда найдется кретин, который из-за куриного дерьма готов лезть в пузырь. Загадят тебе всю лавочку, пива пить не захочешь.

А там у дверей уж все оборванцы и потаскухи с целого Дублина, Мартин дергает кучера, погоняй, Гражданин все орет, Джо с Олфом унимают его, а тот уже из кеба опять понес свою лекцию про евреев, зеваки его подзуживают, толкай речугу, Джек Пауэр тянет за рукав, чтобы язык придержал, один из ротозеев, кривой, на глазу повязка, горланит «Если б вдруг на луну влез жид», а какая-то шлюха вопит:

— Эй, кавалер! У тебя ширинка расстегнута! Кавалер!

А тот вещает из кеба:

— Мендельсон был евреем и Карл Маркс и Меркаданте и Спиноза. Спаситель был еврей и отец его был еврей. Ваш же Бог.

— У него не было отца,— Мартин говорит.— Все, хватит, поехали.

— Чей Бог? — Гражданин спрашивает.

— Ну так дядюшка его был еврей,— тот свое.— Ваш Бог был еврей. Христос был еврей, как я.

Гражданин при этих словах заныривает обратно в бар.

— Клянусь Богом,— рычит,— я этому жидку вышибу мозги за то, что треплет святое имя. Клянусь Богом, я ему устрою распятие. Где там была эта жестянка из-под печенья.

— Стой! Стой! — кричит Джо.

Широкое, представительное общество, где были тысячи друзей и знакомых из Дублина и окрестностей, собралось, чтобы проститься с Надьяшагошем урамом Липоти Вирагом¹, бывшим сотрудником гг. Александр Том и К°, печатников Его Величества, по случаю отъезда его в дальний край, в Сажарминчборьюгуляш-Дугулаш² (Долина Журчащих Вод). Прощальная церемония, проходившая с большим оживлением, была отмечена теплотой и сердечностью. Свиток древнего ирландского пергамента, украшенный миниатюрами работы ирландских мастеров, был преподнесен именитому феноменологу от лица значительной части собравшихся, купно также и с другим даром, серебряным ларцом, искусные украшения которого, выполненные в стиле древних кельтских орнаментов, делают высшую честь создателям этого шедевра, гг. Джекоб agus³ Джекоб. Отъезжавшего гостя приветствовали дружной овацией, и многие из собравшихся не могли сдержать слез, когда оркестр из наших лучших волынщиков заиграл знакомое и родное «Вернись в Эрин», за исполнением чего сразу последовал Ракоци-марш. Костры, а также бочки с дегтем были зажжены в честь события повсюду вдоль линии побережья всех четырех морей, на вершинах холма Хоут, горы Трирок и горы Шугарлоф, на мысу Брэй-Хед, на горах Морн, Галти и Окс, на пиках Донегола и Сперрина, на горах Нэгл и Богра, на холмах Коннемары, на горах Макгилликадди-Рикс, на горах Оти, горе Берна и горе Блум. Под приветственные клики, сотрясшие, казалось, сам свод небес и вызвавшие ответный хор возгласов со стороны многочисленных единомышленников, усеявших отдаленные холмы Кем-

¹ Ваше высочество милостивый государь Леопольд Цветок (венг.).

² Стотридцатьелаятпастух-Остановка (венг.).

³ Сделанный (лат.).

бри и Каледонии, исполинский прогулочный корабль медленно отошел от пристани, и вслед ему полетели дары флоры, прощальные подношения представительниц прекрасного пола, собравшихся на берегу в большом числе. Меж тем как судно двигалось по реке в сопровождении целой флотилии барж, ему салютовали, приспустив флаги, Портовое управление и Таможня, примеру которых вскоре последовала электростанция на Голубятне. Visszontlátásra, kedvös barátom! Visszontlátásra!¹ Он уехал, похитив наши сердца.

Ей-ей, его сам черт не остановил бы, пока он не заграбастал эту треклятую жестянку и с ней обратно, малыш Олф виснет сзади на нем, он орет как свинья резаная, спектакль почище чем в Королевском театре.

— А ну, где он, сейчас прикончу!

Нед и Дж. Дж. покатываются от хохота.

— Потеха, — говорю. — Дайте-ка я поспею хоть к занавесу.

Но тут, на счастье, кучер развернул, наконец, свою колымагу и давай нахлестывать.

— Эй-эй, Гражданин, — говорит Джо, — стой.

Куда там, он руку уже заносит, и со всего размаху — шарах! Спасибо, что ему солнце било в глаза, а то бы наповал уложил. Засветил так примерно до графства Лонгфорд. Кобыла со страху рванула, паршивый кабысдох кинулся за кебом как бешеный, народ кругом хохочет, вопит, а треклятая жестянка прыгает с грохотом по мостовой.

Катастрофа была мгновенной и ужасающей по своим последствиям. Обсерватория в Дансинке зарегистрировала общим счетом одиннадцать толчков, каждый из них силой в пять баллов по шкале Меркалли, и сейсмических потрясений подобной силы не было отмечено на нашем острове с 1534 года, даты восстания Шелкового Томаса. По всей видимости, эпицентр находился в той части столицы, которая охватывает квартал Инн-куэй и приход св. Мичена, занимая площадь сорок один акр, два руда и один квадратный перч. Роскошные резиденции, расположенные в окрестности Дворца Правосудия, все были разрушены, а сам благородный чертог, где в момент катастрофы происходили важные юридические дебаты, превратился буквально в груду развалин, под коими, как можно опасаться, все находившиеся в здании оказались погребены заживо. Как явствует

¹ До свиданья, дорогой друг! До свиданья! (венг.)

из свидетельств очевидцев, сейсмические волны сопровождалась также сильнейшими атмосферными возмущениями, носившими характер циклона. Головной убор, принадлежавший, как было позднее установлено, достопочтенному секретарю королевского и мирового суда мистеру Джорджу Фотреллу, а также шелковый зонтик с золотой рукоятью, на которой нанесены были инициалы, герб и номер дома высокоученого и высокоуважаемого сэра Фредерика Фолкинера, главного судьи Дублина и председателя квартальных сессий, были обнаружены поисковыми партиями в отдаленных пунктах нашего острова, а именно: первый из названных предметов — на третьей базальтовой колонне Проспекта Гигантов, второй же — погребенным на глубине одного фута и трех дюймов на прибрежной песчаной полосе бухты Хоулопен, у древних скал мыса Кинсейл. По свидетельствам других очевидцев, одновременно можно было наблюдать, как неизвестное тело необычайно крупных размеров, раскаленное добела, с невероятною скоростью пронеслось в атмосфере, описав сложную траекторию, пролежавшую в направлении запад-юго-запад. Выражения соболезнования и сочувствия поступали ежечасно со всех концов мира, и его святейшество папа милостиво и благосклонно повелел, дабы во всех кафедральных соборах всех епархий, находящихся в юрисдикции Святого Престола, была бы единовременно совершена служителями особая *missa pro defunctis*¹ в поминовение душ верных сынов церкви, ушедших от нас столь неожиданным образом. Спасательные работы, расчистка руин, удаление человеческих останков и проч. доверены фирме Майкл Мид и Сын, Большая Брансвик-стрит, 159, и фирме Т. и К. Мартин, Норс-Уолл, 77, 78, 79 и 80, в помощь которым отряжены солдаты и офицеры полка легких пехотинцев герцога Корнуоллского под общим командованием Его королевского высочества, контр-адмирала высокочтимого сэра Геркулеса Ганнибала Хабеаса Корпуса Андерсона, К. О. П., К. О. С. П., Р. О. Х., Т. С., К. О. Б., Ч. П., М. С., Б. М., К. О. З. Б. С., П. Е. Д., М. Л. О., М. Б. И. Ж., Б. П., Д. М., П. Б. О., П. Д. К. Т. Д., П. Д. К. И. У., П. Д. К. К. И. В. и П. Д. К. К. И. Х.²

¹ Заупокойная месса (*лат.*).

² Кавалер Ордена Подвязки, Кавалер Ордена Св. Патрика, Рыцарь Ордена Храмовников, Тайный Советник, Кавалер Ордена Бани, Член Парламента, Мировой Судья, Бакалавр Медицины, Кавалер Ордена за Безупречную Службу, Педераст, Мастер Лисьей Охоты, Ментор Братства

Такого вы отродясь не видали и не увидите. Ей-ей, если бы этот лотерейный билет выпал ему по кумполу, уж он бы запомнил золотой кубок, по гроб жизни запомнил, но только, убей бог, Гражданина упекли бы тогда за оскорбление действием, а Джо — за соучастие и подстрекательство. Кучер спас ему жизнь тем, что понесся вскачь, это истинный факт, как то, что Моисея Бог сотворил. Скажете, нет? Убей бог, спас. И вдогонку, как из ушата, густая ругань.

— Угробил я его или как? — спрашивает.

И как заорет своему вшивому псу:

— Ату его, ату, Гарри! Ату, милоч!

И что напоследок видим, это кеб заворачивает за угол, он там со своей овечьей башкой все разглагольствует да машет руками, а сукин сын несется вдогонку во всю прыть, уши назад, готов разодрать его на кусочки. Сто на пять! Но тут уж он заплатил за свое сполна, могу побожиться.

И се, низошло сияние велие на них, и узрели они колесницу, и Он стоял в той колеснице и возносился на небо. И узрели они Его в колеснице, облаченного в сияние славы, одежды же его как солнце, прекрасного как луна и грозного, и в трепете не дерзали поднять глаза на него. И се, глас с небес, глаголющий: *Илия! Илия!* И Он отвечал воплем велиим: *Ава! Адонаи!* И узрели они Его, даже и самого Его, бен Блума Илию, посреди сонмов ангельских, возносящегося к сиянию славы под углом сорок пять градусов над пивной Доноху на Малой Грин-стрит, как ком навоза с лопаты.

Ирландских Журналистов (или Моя Благородная Ирландская Жопа), Бакалавр Права, Доктор Музыки, Попечитель Благотворительного Общества, Почетный Доктор Колледжа Тринити, Дублин, Почетный Доктор Королевского Ирландского Университета, Почетный Доктор Королевского Колледжа Ирландских Врачей и Почетный Доктор Королевского Колледжа Ирландских Хирургов.

Летний вечер уж начинал окутывать мир своей таинственной поволокой. Солнце клонилось к западу, и последние лучи, увы, столь быстротечного дня нежно медлили на прощанье, лаская гладь моря и песчаного пляжа, и гордый выступ старого Хоута, верно и вечно стерегущего воды залива, и скалы вдоль берега Сэндимаунта, затянутые морской тиной, и, наконец, что всего важней, скромную церковку, откуда в вечерней тишине плыли звуки молитв, обращенных к той, которая чистым своим сиянием как вечный маяк светит людским сердцам, носимым по житейскому морю, — к Марии, Звезде Морей.

Три девушки, три подруги, сидели на прибрежных скалах, наслаждаясь чудесным вечером и морским ветерком, несущим приятную, еще не охлаждающую свежесть. Уж сколько раз забирались они сюда, в свое излюбленное местечко, чтобы уютно потолковать под плеск искрящихся волн и обсудить разные девичьи дела, — Сисси Кэффри и Эди Бордмен с младенцем в колясочке, а также Томми и Джеки Кэффри, два кудрявых мальчугана в матросках и матросских шапочках, на которых было написано одно и то же название: КЕВ¹ «Беллайл». Ибо Томми и Джеки Кэффри были близнецы, каких-нибудь четырех лет от роду, большие шалуны и озорники, но при всем том очень милые и забавные мальчуганы с живыми веселыми мордашками. Они возились в песке со своими лопатками и ведерками, строили башни, как все детишки, играли в большой разно-

¹ Корабль Его Величества.

цветный мячик, и счастьем их не было границ. Эди Бордмен меж тем укачивала в колясочке пухлощекое малыша, и юный джентльмен блаженно посапывал. Ему было всего одиннадцать месяцев и девять дней, совсем еще ползунок, но он уже понемножку лепетал первые подобия слов. Сисси Кэффри наклонилась над ним, чтобы пощекотать складочки на его пухленьком животике и крохотную ямочку на подбородке.

— А ну-ка, детка,— улыбнулась она ему,— скажи громко-громко: дайте мне водички.

И он лепетал за ней:

— Ати ати диди.

Сисси Кэффри нежно потормошила малютку, потому что она обожала детишек, терпеливее всех возилась с захворавшими крошками, и ни за что на свете нельзя было заставить Томми Кэффри принять касторку, если кто-то вместо Сисси попробует его взять за носик и посулить ему лакомую горбушку черного хлеба с патокой. Эта девушка так умела уговаривать! Но, можно ручаться, малютка Бордмен и вправду был очень мил, суший херувимчик в слюнявчике. А Сисси Кэффри была вовсе не из породы спесивых красоток вроде Флоры Макфлимси. Получив от природы в дар золотое сердце, большие цыганские глаза с вечной смешинкой в них и губки, подобные спелым вишням, она неудержимо привлекала к себе. И Эди Бордмен вместе с нею смеялась лепету своего крошечного братишки.

Но тут юный Томми и юный Джеки устроили между собой легкую перепалку. Мальчишки — всегда мальчишки, и наши близнецы нисколько не были исключением из этого бесспорного правила. Яблоком раздора явилась песочная крепость, которую выстроил юный Джеки, а юный Томми, полагая, что лучшее — враг хорошего, стремился внести в нее архитектурные усовершенствования в виде большого входа, такого, как в башне Мартелло. Томми был упорен, однако и Джеки был волевой натурой, и, верный старому изречению, что для каждого маленького ирландца его дом — его крепость, он ринулся на презренного соперника с таким пылом, что незадачливый узурпатор был вмиг повержен, а с ним — как то ни печально! — и сам предмет спора, крепость. Нужно ли говорить, что вопли побежденного Томми достигли бдительного слуха подруг.

— Томми, ну-ка поди сюда! — строго окликнула его

сестра. — Скорей-скорей! А ты, Джеки, как не стыдно, зачем ты его повалил на грязный песок, бедняжку. Вот погоди, я тебе всыплю за это.

Юный Томми, с глазами, полными слез, явился на ее зов, потому что слово старшей сестры было законом для близнецов. После пережитого злключения он был в плачевном виде. Матроска и штанишки были у него сплошь в песке, но Сисси издавна владела искусством справляться с маленькими житейскими неприятностями, и уже через миг на его ладном костюмчике не осталось ни единой песчинки. Однако в голубых глазах еще стояли большие слезы, готовые излиться наружу, и поэтому она крепко поцеловала его, чтобы бобо прошло, и погрозила пальцем нехорошему Джеки, и сказала, что она еще задаст ему, и негодующе на него посмотрела.

— Противный озорник Джеки! — воскликнула она.

Потом привлекла к себе маленького моряка и доверительно, тихонько спросила:

— А ты у нас кто? Ты у нас детка-конфетка?

— Скажи-ка нам,— вмешалась тут Эди Бордмен,— а кого ты больше всех любишь? Ты Сисси больше всех любишь?

— Не-е,— протянул, хныча, Томми.

— Тогда, значит, Эди? — спросила Сисси.

— Не-е,— тянул Томми.

— А я знаю,— сказала Эди без особого ликования, и ее близорукие глаза бросили хитрый взгляд.— Знаю, кого Томми больше всех любит, он Герти любит.

— Не-е,— тянул Томми, явно готовясь зареветь.

Но Сисси быстрым материнским чутьем живо угадала, что тут неладно, и шепнула Эди, чтобы та отвела его за колясочку, где джентльмен не увидит, и присмотрела, чтобы он не замочил свои новые желтые башмачки.

Но кто же такая Герти?

Герти Макдауэлл сидела невдалеке от своих подруг, задумавшись и глядя куда-то вдаль. Самому пылкому воображению было бы не под силу нарисовать более прелестный образ ирландской девушки. Все знакомые в один голос объявляли ее красавицей, хотя и замечали порой, что она пошла больше в Гилтрапов, чем в Макдауэллов. У нее была изящная тоненькая фигурка, даже, пожалуй, хрупкая, хотя таблетки с железом, которые она начала принимать, весьма помогали ей (в отличие от пилюль Вдовы Велч), уменьшая те истечения, что раньше случались у нее, и сни-

мая чувство разбитости. Восковая бледность ее лица, обладавшего чистотою слоновой кости, была почти неземной, однако губки в своем античном совершенстве заставляли вспомнить розовый бутон и лук Купидона. Ее руки с тонкими пальцами были словно из мрамора, пронизанного голубыми жилками, и такой белизны, какую только могли доставить лимонный сок и Крем Королевы, хотя это была злейшая выдумка, будто бы она надевала на ночь лайковые перчатки и мыла в молоке ноги. Однажды Берта Сапл наговорила это про нее Эди Бордмен, но она просто сочинила, потому что в то время была с Герти на ножах (конечно, и у наших подружек иногда случались свои маленькие размолвки, как у всех смертных) и еще она ей сказала чтобы та ни за что на свете не проговорила кто ей рассказал а иначе она всю жизнь не будет с ней разговаривать. Нет уж. Каждому по заслугам. У Герти была врожденная утонченность, некая томная *hauteur*¹, даже нечто царственное, в том не оставляли сомнений изящные линии ее рук и ножка с высоким подъемом. И если бы только ей выпал благой удел родиться в знатной семье и получить тонкое воспитание, Герти Макдауэлл без труда могла бы сравняться с любой из самых блестящих дам всей страны и увидеть себя в роскошном уборе, с диадемой на лбу, и сонмы высокородных поклонников ревниво оспаривали бы честь оказаться у ее ног. Может статься, именно это, возможная и несбывшаяся любовь, и было тому причиной, что ее нежные черты порой обретали какое-то напряженное выражение, исполненное тайного смысла, и ее дивные глаза туманились странной грустью, перед обаянием которой никто не мог устоять. Откуда их колдовская сила у женских глаз? У Герти они светились лазурнейшей ирландской лазурью, оттеняясь лучистыми ресницами и темными выразительными бровями. Однако некогда эти брови не были столь обольстительно шелковисты. Это мадам Вера Верайти² со страниц своего Уголка Красоты в «Новостях принцессы» впервые дала ей совет попробовать краску для бровей, придающую вашему взгляду то загадочное выражение, что так нас чарует у цариц моды, — и Герти, приняв совет, никогда не сожалела об этом. Потом там еще было научное средство как перестать краснеть и каждая может стать высокой увеличите ваш рост и ваше лицо прекрасно но как же

¹ Надменность (франц.).

² Истина (англ.).

носик? Последнее пригодилось бы миссис Дигнам, у той просто кнопка. Но главною славою Герти были ее роскошные волосы. Темно-каштановые, слегка вьющиеся от природы. Она подрезала их как раз в то утро, по случаю новолуния, и они мириадами блестящих завитков обрамляли ее хорошенькую головку. Она подрезала заодно и ногти, это в четверг к богатству. И сейчас, когда от слов Эди ее щеки зажгли румянцем, легким и нежным, как лепестки роз, она была столь прелестна в своей милой девичьей застенчивости, что, можно смело ручаться, во всей богохранимой стране Ирландии ей бы не нашлось равной.

Одно мгновение она еще сидела молча, грустно опустив взор. Она собиралась ответить, но что-то удержало слова, готовые сорваться с уст. Ее тянуло заговорить, однако достоинство ей подсказывало хранить молчание. Хорошенькие губки слегка надулись, но тут же она подняла глаза и рассмеялась веселым смехом, свежим, как юное утро мая. Она отлично знала, уж кому знать, почему эта косоглазая Эди сказала так: потому что он с виду охладил к ней, хотя на самом деле это было как милые бранятся. Как это всегда бывает, кой-кто себе места не находил, что этот парень, у которого велосипед, постоянно разъезжает у Герти под окнами. Но просто сейчас отец велел ему сидеть дома по вечерам и как следует заниматься, чтобы заработать награду на экзаменах, а потом, после школы, он хотел поступать в колледж Тринити учиться на доктора, как и его брат У. И. Уайли, который выступал на университетских велогонках. Быть может, его не очень-то занимало, что она чувствует, и он даже не подозревал, какая пустота и боль охватывали порой ее сердце, пронзая его до глубины. Но он был еще совсем юн и, как знать, со временем мог бы научиться ее любить. Он был из протестантской семьи, а Герти, конечно, знала, Кто шел первым, и за Ним — Пресвятая Дева, и дальше святой Иосиф. Но у него была эффектная внешность, это бесспорно, красивый правильный нос, и потом он был настоящим джентльменом во всем, до самых кончиков ногтей, уже форма головы выдавала что-то незаурядное, она всегда отличила бы, и особенно заметно сзади, когда он без шапки, и потом, он так ловко, не держась за руль, разворачивал свой велосипед у фонарного столба, и его дорогие сигареты так хорошо пахли, и еще они очень подходили друг другу по росту, и вот потому Эди Бордмен и думала, что она такая умная, потому что перед ее жалким садиком он что-то не собирался разъезжать.

Одета была Герти просто, но с безошибочным вкусом, каким владеют верные слуги Ее Величества Моды, потому что у нее было такое чувство, как будто есть крохотный шанс сегодня встретить его. Изящная блузка цвета электрик, которую она сама покрасила лучшей патентованной краской (когда Дамский Иллюстрированный предсказал, что электрик скоро войдет в моду), с эффектным узким вырезом до ложбинки и с кармашком для платка (но платок портил бы линию, и Герти всегда там держала ватку, надушенную своими любимыми духами), и темно-голубая расклешенная юбка длиной три четверти чудесно обрисовывали ее гибкую грациозную фигурку. На ней была премиленькая кокетливая шляпка из черной соломки крупного плетения, контрастно окаймленная понизу синей и канаречной синелью, а сбоку украшенная бантиком тех же цветов. За этим сочетанием синели она охотилась в прошлый вторник целых полдня, пока наконец не нашла на летней распродаже у Клери в точности то, что нужно, шнур успел в магазине чуточку залосниться, но на вид совершенно незаметно, по два шиллинга один пенс за локоть. Потом она это все приладила своими руками, и сколько радости было, когда она впервые примерила ее и улыбнулась прелестному отражению, которое увидела в зеркальце! И, натягивая ее на большую кружку, чтобы не потеряла формы, она уже твердо знала, что скоро некоторым знакомым придется сбавить свой гонор. Ее туфельки были последней новинкой моды (Эди Бордмен страшно гордилась, что у нее совсем *petite*, но такой ножки, как у Герти, тридцать третьего, у ней не было и не будет, сколько свет простоит), с носками из натуральной кожи и с единственной очень эффектной пряжкой на высоком изогнутом подъеме. Ее юбка открывала точеные щиколотки безупречной формы, а стройные икры, обтянутые тонким чулком с уплотненной пяткой и широкими отворотами для подвязок, виднелись ровно настолько, насколько следует. Что же до белья, то о нем Герти заботилась больше всего, и у кого из тех, кому ведомы трепетные надежды и опасения нежных семнадцати лет (хотя своим семнадцати Герти уже сказала прости), достанет жестокосердия ее упрекнуть в этом? У нее были четыре фасонных гарнитура с дивной кружевной отделкой, каждый из трех предметов плюс ночная сорочка, и причем ленточки у всех разного цвета, розового, голубого, сиреневого и салатного, и когда получала из прачечной она всегда их сама просушивала и подсинивала

и гладила у нее такой был кирпичик на чем ставить утюг потому что этим прачкам она нисколько не доверяла насмотревшись как они портят вещи. Она надела голубое на счастье, надеясь наперекор всему, это был ее цвет и еще это счастливый цвет для невесты, если на ней есть где-нибудь голубое потому что когда она надела в тот день зеленое то вышло к несчастью потому что отец засадил его дома заниматься ради этой награды и потому что она подумала может быть сегодня он все-таки выйдет потому что когда она одевалась утром она чуть было не надела эти старенькие наизнанку а это как раз к счастью и к встрече любящих если ты это наденешь наизнанку только чтобы день был не пятница.

И однако! однако! Это напряженное выражение лица! Как будто тайная грусть неотступно гложет его. Вся ее душа видна у нее в глазах, и, кажется, она бы отдала все на свете, чтобы очутиться сейчас одной, в укромной тишине своей комнатки, и, давши волю слезам, не сдерживая томящих чувств, выплакаться как следует, но только, конечно, не чересчур потому что она училась перед зеркалом как плакать красиво. И зеркальце сказало, о, Герти, ты мила. Гаснувший отблеск дня освещает ее лицо, невыразимо печальное и задумчивое. Напрасно томится Герти Макдауэлл. Да, она с самого начала знала, что ее мечтам о замужестве не суждено сбыться, и не трезвонить колоколам на свадьбе миссис Регги Уайли, К. Т. Д.¹ (потому что миссис Уайли будет та, на ком женится старший брат), и в светской хронике не появиться строкам о том, что миссис Гертруда Уайли была в эффектном туалете серых тонов с роскошной меховой отделкой из голубого песка. Он слишком молод, чтобы понять. Едва ли он способен верить в любовь, это удел женщины. В тот давний вечер, на празднике у Сторов (он еще тогда ходил в коротких штанишках), когда они оказались одни, он воровато обнял ее за талию, и она вся побелела как мел. Изменившимся, странно охрипшим голосом он назвал ее малышкой и торопливо, еле скользнув губами, поцеловал (ее первый поцелуй!), но это получилось один только кончик носа, и тут же он заспешил из комнаты, бормоча что-то насчет закусок. Какой-то взбалмошный! Сила характера никогда не была сильной стороной Регги Уайли, а тот, кто сумел бы покорить и увлечь Герти

¹ Колледж Тринити, Дублин.

Макдауэлл, уж конечно должен быть настоящим мужчиной. Вот только ждать, постоянно ждать, пока на тебя обратят внимание, а тут как раз високосный год, который, не успеешь оглянуться, пройдет. Нет, ее идеал возлюбленного — не прекрасный принц, приносящий к ее ногам дивный и редкостный дар своей любви, скорей это закаленный мужчина, невозмутимый и сильный, которому не посчастливилось встретить свой идеал, может быть, у него на висках уже блестит седина, и он бы понял ее, надежно укрыл бы ее в своих объятиях, привлек бы ее к себе со всею силой своей глубоко страстной натуры и прильнул бы к ее устам долгим, нескончаемым поцелуем. Это было бы что-то райское. Вот о ком затаенно мечтает она в этот летний задумчивый вечер. Всем сердцем своим она жаждет стать его единственной, его нареченной невестой в бедности и в богатстве, в немощах и в здоровье, покуда смерть не разлучит нас, и да будет впредь по сему.

И пока Эди Бордмен возилась за колясочкой с маленьким Томми, она как раз думала о том, придет ли завтрашний день, когда она сможет назвать себя его будущей женой. Вот уж тогда пускай они судачат про нее хоть до одури, и Берта Сапл, и Эди, которая такая злючка потому что ей в ноябре стукнет уже двадцать два. Она бы заботилась о нем, создала бы ему все мыслимые удобства, потому что Герти, не обделенная женской мудростью, хорошо понимала, что всякий мужчина любит у себя в доме уют. Ее олады, доведенные до золотисто-коричневого цвета, и пудинг королевы Анны, хранящий вкус и аромат свежих сливок, всегда вызывали шумные похвалы потому что у нее была легкая рука зажигать огонь, значит засыпаешь тонкую муку с сухими дрожжами и помешиваешь все время в одном направлении, потом молоко и сахар и хорошо взбитые белки хотя когда доходило до еды она не любила стесняться при людях и думала как жаль что нельзя питаться чем-нибудь таким поэтическим фиалками или розами и она бы чудно обставила их гостиную там были бы всякие картины гравюры и фотография Гарриона собачки дедушки Гилтрапа она почти была как человек казалось вот-вот заговорит и на стульях покрывки из узорной набойки и серебряный тостер какие бывают в богатых домах она видела такой на распродаже у Клери. Он будет высокий, широкоплечий (она всегда мечтала, чтобы муж был высокий), с белозубой улыбкой под красиво подстриженными усами, и они поедут на континент, чтобы там провести свой

медовый месяц (три упоительные недели!), а потом, когда они устроят себе уютное гнездышко, такой маленький миленький домик, то каждое утро будут завтракать вместе, это будет простой, но безупречно сервированный завтрак, только на две их персоны, больше ни для кого, и уходя на службу он крепко обнимет свою милую женушку и на минуту глянет в самую глубину ее глаз.

Эди Бордмен спросила у Томми Кэффри, все ли он сделал, он сказал да, тогда она застегнула ему штанишки и сказала, чтобы он бежал играть с Джеки, только пусть они оба будут теперь хорошие и не ссорятся. Но Томми сказал, что он хочет мячик, а Эди ответила нельзя, с мячиком играет малютка и если у него забрать, начнется сразу концерт, но Томми сказал нет, это его мячик, и он хочет свой мячик, и топнул ножкой. Нет, вы подумайте! Ну и характер! Да, он уже был мужчиной, этот маленький Томми, едва выйдя из пеленок. Но Эди ему ответила нет, нет и нет, и чтобы он прекратил, и сказала Сисси, чтобы та не уступала ему.

— А ты мне не сестра,— заявил неслух Томми.— Хочу мой мячик.

Но тут Сисси Кэффри сказала малютке Бордмену посмотри-ка сюда, посмотри на мой пальчик, и быстрым движением подхватила мяч. Она катнула его по песку, и Томми, одержав победу, со всех ног пустился за ним.

— Главное, чтобы было тихо,— засмеялась Сисси.

Она пощекотала крошке его пухлые щечки, чтобы он поскорей забыл, и принялась с ним играть в сорока-ворона кашку варила, деток кормила, этому дала, и этому дала, и этому дала, и этому дала, а самому маленькому не дала. Но тут Эди расшипелась, что вот так он вечно и вытворяет, что ему вздумается, раз все его балуют без конца.

— Вот погодите,— посулила она,— я еще ему всыплю по одному месту.

— Ата-та по попке,— весело рассмеялась Сисси.

Герти низко опустила голову и густо покраснела, подумав, что Сисси употребляет недопустимые для барышни выражения, каких она сама не произнесла бы ни за что на свете, лучше сгорела бы со стыда, она вся залилась горячим румянцем, а Эди Бордмен сказала, что джентльмен поблизости наверняка все слышал. Но Сисси это не волновало ни на мизинец.

— Ну и пускай! — воскликнула она, тряхнув беззаботно головой и озорно сморщив носик. — Можно заодно и ему по тому же месту. У меня это быстро.

Шальная Сисс с негритянскими кудряшками. Бывает, с ней обхохочешься. Например, скажет, ты выпей лимонаду а я таю с чортом, или нарисует красным на своих ноготках, на одном — кружку, на другом — мужскую физиономию, все, конечно, покатываются, или когда ей захочется в одно место, объявит вдруг, я должна нанести визит мисс Писс. Вот такая вот она вся, Сиссикумс. Ой, а разве забыть тот вечер, когда она напялила на себя отцовский костюм и шляпу, подрисовала жженой пробкой усы и с сигареткой пошла разгуливать по Трайтонвилл-роуд! По части шуток и розыгрышей за ней никому не угнаться. Но при всем том — чистейшая искренность, одно из самых смелых и верных сердец, какие Бог сотворил, не из тех двуличных созданий, что чересчур деликатны для прямоты.

Здесь в воздухе разнеслись звуки пения и органного гимна. То совершались молитва, проповедь и освящение Святых Даров в приюте трезвости для мужчин, которым руководил миссионер, преподобный Джон Хьюз, О. И. Там они собирались вместе, без всякого различия сословий (и это было весьма поучительное зрелище), ибо все они были вынесены мирскими бурями в сей скромный храм на берегу волн, и все, припадая к стопам Непорочной, читали молитву Божией Матери Лоретской, просили ее заступничества, обращая к ней древние, такие знакомые слова, пресвятая Мария, пресвятая и пречистая дева. Какую печаль несли эти звуки бедняжке Герти! Если б только ее отец вырвался из когтей зеленого змия, с помощью ли обета или тех порошков, исцеляющих от страсти к вину, про которые было в «Пирсонс уикли», она бы разъезжала сейчас в своей собственной карете не хуже кого угодно. Она повторяла это себе несчетное число раз, сидя в грустной задумчивости у догорающего камина, не зажигая огня, потому что она терпеть не могла двойной свет, или мечтательно размышляя по целым часам, глядя из окошка на то, как дождь колотит в ржавый мусорный бак. Но гнусное зелье, разбившее столько очагов, столько семей, бросило мрачную тень на ее детские годы. Шутка сказать, ей даже довелось повидать в своем доме буйства, чинимые от невоздержности, и быть свидетельницей тому, как ее собственный отец, распляемый губительными парами, совершенно забывал себя, ибо тверже всего на свете Герти знала одно: если мужчина когда-нибудь посмеет коснуться женщины иначе нежели с добротой и лаской, он достоин звания самого низкого негодяя.

Голоса продолжали петь, воссылая молитвы Деве Всемогущей, Всеблагой Деве. А Герти, погруженная в свои думы, словно не слышала и не видела ни своих подружек, ни резвящихся близнецов, ни джентльмена, который появился со стороны Сэндимаунт Грин, — Сисси нашла, что он очень похож на отца, — и совершал небольшую прогулку вдоль берега. Конечно, на людях его никогда не увидишь навеселе, но все равно он ей не нравился как отец, может, из-за того, что был слишком стар, или еще почему-нибудь, а может, из-за лица (словом, тут явно был случай доктора Фелла), или же угреватого, бугристого носа, или рыжих усов, уже побелевших под носом. Бедный папа! Она его любила при всех его грехах и ей нравилось когда он пел «О, Мэри, скажи, как тебя покорить» и «Мой домик и любовь моя вблизи от Ла Рошели» и на ужин были тушеные моллюски и салат под майонезом и когда он пел «Взошла луна» с мистером Дигнамом, который так внезапно умер и уже схоронили, помилуй, Господи, его душу, от удара. Это было в день рождения мамы, Чарли был дома на каникулах, и Том, и мистер Дигнам с женой, и Пэтси и Фредди Дигнам, и они все вместе сфотографировались. Кто бы подумал, что конец уже так близко. А сейчас он в могиле. А мама ему сказала что пусть это ему послужит предупреждением до конца его дней а он даже не смог пойти на похороны из-за своей подагры и ей пришлось сходить в город принести ему с работы письма и образцы линолеума Кэтсби, художественный рисунок, годится хоть для дворца, высокая прочность, и в доме всегда ярко и весело.

Герти была не дочка, а просто сокровище, вторая мать всей семье, помощница и ангел-хранитель, золотое сердечко. Когда у матери случались эти ужасные мигрени, такие, что голова раскалывалась, кто как не Герти всегда натирала ей лоб ментоловой свечкой, хоть ей и не нравилось, что мать нюхает табак, это было одно-единственное, из-за чего у них выходили споры, нюхать табак. Все неустанно ее хвалили за ее милое обхождение. Именно Герти всегда отключала газ на ночь, и Герти же повесила на стенке в одном местечке, где она никогда не забывала посыпать хлоркой каждые две недели, календарь с картиной «В идиллические времена», что им подарил мистер Танни, бакалейщик. На этой картине молодой джентльмен, одетый по-старинному, в треуголке, протягивал своей возлюбленной даме букет цветов через решетку ее окна, со всей галантностью того давнего времени. Сразу ясно, что за этим какая-

то история. И как приятно подобраны краски! Она в белом из облегающей мягкой ткани, и поза самая изысканная, а кавалер в наряде шоколадного цвета и выглядит аристократом до кончиков ногтей. И часто, заходя туда кой-зачем, она мечтательно глядела на них и, засучив слегка рукава, трогала свои руки, такие же белые и мягкие как у той и размышляла о тех временах потому что она нашла в словаре произношения Уокера который остался от дедушки Гилтрапа что это значит идиллический.

Близнецы теперь играли вполне по-братски, самым похвальным образом, до тех пор, пока юный Джеки, который и в самом деле был отчаянный озорун, от этого никуда не денешься, нарочно не наподдал мячик изо всех сил в сторону затянутых тиной скал. Само собой ясно, что бедный Томми выказал бурное огорчение, но, к счастью, джентльмен в черном, сидевший там в одиночестве, отважно ринулся на выручку и поймал мяч. Оба соперника с истощенными воплями тут же принялись требовать любимую игрушку, и, чтобы выйти из положения, Сисси Кэффри обратилась к джентльмену, бросьте его мне, пожалуйста. Джентльмен примерился раз-другой и метнул его по песку в сторону Сисси, но он откатился под уклон и остановился у маленькой лужицы под скалой, в точности подле юбки Герти. Близнецы немедленно возобновили свои требования, и Сисси попросила ее стукнуть его к ним, и пусть они ловят, кто поймает, так что Герти отвела ножку, но она предпочла бы, чтоб¹ этот их глупый мяч не закатывался к ней, и попыталась ударить по нему, но промазала, а Эди и Сисси рассмеялись.

— Раз не вышло, пробуй снова, — сказала Эди Бордмен.

Герти улыбнулась в знак согласия и закусил губку. Ее нежные щеки порозовели, однако она твердо решила им показать и потому приподняла чуть-чуть юбку, немножко, но так, чтобы не мешала, и, хорошенько прицелившись, лихо наподдала ножкой по мячу, так что тот отлетел далеко-далеко, а оба близнеца припустились за ним по гальке. Конечно, это была чистейшая ревность, только чтобы привлечь внимание джентльмена, наблюдавшего неподалеку. Она почувствовала, как жаркий румянец прихлынул и запылал на ее щеках, а это всегда был опасный знак у Герти Макдауэлл. Покамест они лишь мельком поглядывали друг на друга, но сейчас она рискнула посмотреть пристальней из-под полей новой шляпы, и ей показалось, что она в жизни своей не видела такого печального

лица какое-то странное вытянутое, вымотанное, что встретил ее взор в подступающих сумерках.

Благоухания струились через раскрытые окна церкви, и вместе с ними благоуханные имена той, что была зачата неоскверненно, ковчег духовный, молись за нас, ковчег поклонения, молись за нас, ковчег благочестия несказанного, молись за нас, о роза таинственная. И были там заботой снедаемые сердца, и труждающиеся ради хлеба насущного, и многие, что блуждали и заблуждались, глаза же их были увлажнены раскаянием, но купно и светились надеждой, ибо поведал им преподобный отец Хьюз то, что сказал Бернард, великий святой, в своей прославленной молитве к Матери Божией: что дарована Приснодеве всякая власть предстательская, и не слыхано от века никем, чтобы она оставила без участия вопиющих к ней.

Близнецы снова безмятежно резвились, ибо в детстве огорчения наши мимолетны, как летний дождик. Сисси все играла с малюткой Бордменом, и тот агукал от удовольствия, поводя в воздухе ручонками. Тик-ток! подавала она голос, спрятавшись за верхом коляски, и Эди спрашивала, а куда делась Сисси, и тогда она вдруг выглядывала и восклицала: ку-ку! а мальчуганчик, я вам ручаюсь, весь расплывался от восторга. Потом она стала просить его: скажи папа.

— Ну скажи папа, маленький. Скажи па-па-па-па-па-па-па.

И тот старался вовсю, потому что, все говорили, для своих одиннадцати месяцев он был просто необычайно развит, и притом крупный, здоровенький, прямо на загляденье, такой тебе крошка-очаровашка, и все в один голос предсказывали, что из него вырастет какой-нибудь великий человек.

— Аля-ля-ля-аля.

Сисси утерла ему ротик слюнявчиком и хотела его усадить по-настоящему и чтобы он говорил па-па-па, но едва она его развернула, она так и ахнула, святой Дионисий, да он же мокрый, хоть выжимай, надо скорей перевернуть под ним двойную пеленку другой стороной. Разумеется, эти формальности туалета вызвали досаду и недовольство его младенческого величества, о чем они и довели до общего сведения:

— Уааа куаакуаакуаа уаа.

И две большие круглые симпатичные слезинки покатились вниз по его щекам. Тут было бесполезно утешать, ну

что ты, что ты, малыш, или начинать про всяких там гав-гав и му-му, но Сисси, как всегда, моментально сообразив, сунула ему в рот бутылочку с соской, и маленький язычник вскоре затих.

Герти нестерпимо хотелось, чтобы они забрали поскорей домой своего писклявого младенца, не действовал бы на нервы, и вообще ему уже поздно, а заодно и этих сопливых близнецов. Взор ее устремлен был в морскую даль. Она ей напоминала картины, которые уличный художник рисовал цветными мелками на мостовой и было ужасно жаль что они там останутся и сотрутся, вечер, и плывущие облака и маяк Бейли на мысу, а ты сидишь так вот и слушаешь музыку и доносится аромат это они там ладан жгут в церкви. Но, между тем как она глядела вдаль, сердечко ее так и колотилось. Да, это именно на нее он смотрел, и притом таким особенным взглядом. Его глаза жгли ее, словно хотели проникнуть в самую глубину, прочесть, что у ней в душе. Они были чудесны, эти глаза, они были несказанно выразительны, только можно ли довериться им? Люди бывают такие странные. Она сразу поняла, что он иностранец, по его темным глазам и интеллигентному бледному лицу, живая копия ее фотографии Мартина Харви, самого модного актера, если не считать усов но они ей всегда нравились потому что она не была так помешана на театре как Уинни Риппингам та даже предлагала чтобы они с ней одинаково одевались потому что по пьесе но только с ее места было не видно какой у него нос, орлиный или же слегка *retrousse*¹. Он был в глубоком трауре, это она увидела сразу, и на лице у него читалась повесть печали и мук. Она бы отдала все на свете за то, чтобы узнать их причину. Его взгляд был таким настойчивым, неотрывным, и он видел как она стукнула по мячу так что мог бы наверно заметить и блестящие пряжки на туфельках если она ими будет задумчиво покачивать вот так вниз носочком. Она была рада, что утром чутье подсказало ей надеть эти прозрачные чулки, тогда ее мысль была что может быть она встретит Регги Уайли, но сейчас все это уже в прошлом. Перед нею явился тот, о котором она столько мечтала. Он и только он имел значение и на ее лице была радость потому что она жаждала его потому что она чувствовала всей душой что он и есть ее неповторимый, единственный. Всем своим сердцем девушки-женщины она стремилась

¹ Вздернутый (франц.).

к нему, суженому супругу ее мечтаний, потому что с первого взгляда она уже знала, что это он. И если он страдал, перед другими не был грешен, но лишь другие перед ним, и если бы даже наоборот, если бы даже он сам прежде был грешник, дурной человек, это ее не остановило бы. Если даже он протестант или методист, все равно, она его легко обратит, если только он по-настоящему ее любит. Бывают раны, которые исцелит один сердечный бальзам. Она была настоящей женщиной, не то что теперешние ветреницы без капли женственности, каких он, наверно, знал, как эти велосипедистки, у которых все напоказ, чего у них нет, и она сгорала от жажды все узнать, все простить, если бы только она сумела так сделать, чтобы он полюбил ее и воспоминания утратили власть. И тогда, может статься, он бы нежно обнял ее, и как настоящий мужчина, до боли крепко стиснул бы ее гибкий стан, и любил бы ее лишь ради нее самой, единственную свою девочку.

Прибежище грешников. Всех скорбящих радость. *Ora pro nobis*¹. Как хорошо это сказано, что тот, кто молится ей с верою и усердием, никогда не будет оставлен или отвергнут; и как хорошо подходит, что она гавань и прибежище для скорбящих потому что у нее у самой сердце пронзили семь скорбей. Гертти живо представляла себе всю сцену в церкви, светящиеся витражи в окнах, свечи, цветы и голубые хоругви братства Пресвятой Девы, а в алтаре отец Конрой помогает канонику О'Ханлону, уносит и приносит разные вещи, опустив глаза долу. Он выглядел почти как святой, в его исповедальне всегда было так чисто спокойно и мягкий сумрак и его руки будто из белого воска, а если когда-нибудь она станет доминиканской монахиней в этом их белом одеянии то может он приходил бы к ней в монастырь в новену святого Доминика. В тот раз, когда она сказала ему на исповеди, что у нее это самое, и покраснела до корней волос, боясь, что сейчас он посмотрит на нее, он ей ответил, чтобы она не беспокоилась, это просто голос природы и сказал мы все подчиняемся ее законам в нашей земной жизни и греха в этом нет потому что это исходит от женского естества каким его сотворил Господь, так он сказал, и даже наша Владычица сказала архангелу Гавриилу, да будет со мною по Слову Твоему. Он был такой благостный, такой добрый, что ей очень часто хотелось сделать ему какой-то подарок, может быть, покрывшку на

¹ Молись за нас (лат.).

чайник, с рюшиками, и вышить на ней цветы, или часы, хотя часы у них есть, она их видела на каминной полке белые с золотом а сверху маленький домик откуда выскакивала каждые полчаса птичка и звонко выкрикивала она зашла в тот день насчет цветов для сорокачасового поклонения потому что это же трудно выбрать подарок может быть альбом с видами Дублина или каких-то еще мест.

Невыносимые сорванцы-близнецы опять затеяли склоку, Джеки запустил мячом в сторону моря, и оба они помчались за ним. Мартышки несчастные, надоели как лужи осенью. Давно уж пора, чтобы кто-нибудь хорошенько их проучил. Эди и Сисси тут же принялись кричать им вслед, чтобы они вернулись, перепугавшись, что нахлынет прилив и они утонут.

— Джеки! Томми!

И не подумали! Такие умники стали! Тогда Сисси объявила, что это последний раз в жизни она их взяла гулять. Она вскочила и, продолжая их окликать, устремилась за ними под уклон, откидывая на бегу свои волосы, по цвету они у ней были ничего, только если бы еще подлинней но хотя она в них чего-чего ни втирала не станем уж уточнять они ни чуточки не росли потому что такие есть так что ей одно оставалось делать самой авансы. Она бежала, по-журавлиному вымахивая ногами, странно как юбка не лопалась, в ней масса была мальчишеского, в Сисси Кэффри, и притом она никогда не упускала случая пофорсить а уж тут она знала что бегают как никто потому и проявила такую прыть чтобы он увидел как у нее подол нижней юбки развеивается на бегу да голенастые ноги оголяются выше границ приличия. Просто очень было бы поделом, если бы вот сейчас она зацепилась за что-нибудь этими высоченными гнутыми французскими каблуками, все хочет повыше быть, да шлепнулась в землю носом. Tableau!¹. Дивное зрелище, мужчине есть на что посмотреть.

Царица ангелов, царица патриархов, царица пророков и всех святых, так молились они, царица трисвятейшего вертограда, а потом отец Конрой передал кадило канонику О'Ханлону и тот, положив туда ладан, окадил Святые Дары, а Сисси Кэффри изловила близнецов, и руки у нее так и чесались хорошенько надрать им уши но она не стала потому что думала может он на нее смотрит только

¹ Картина! (франц.)

на этот счет она очень глубоко ошибалась потому что Герти даже не глядя видела как он не сводил с нее глаз а потом каноник О'Ханлон снова отдал кадило отцу Конрою и стал на колени глядя кверху на Святые Дары и хор запел *Tantum ergo* и она стала покачивать ногой в такт музыке, тантумер госа крамен тум¹. Три шиллинга и одиннадцать пенсов она отдала за эти чулки у Спэрроу на Джордж-стрит это было во вторник нет в понедельник на Страстной и до сих пор все петли целы вот он на что смотрел, прозрачные, а вовсе не на ее замухрышные там ни тела ни линии (какая нахалка!) он же не слепой сам как-нибудь видит разницу.

Сисси поднималась с моря с двумя близнецами и с мячиком и, таща за собой мальчишек, выглядела под стать любой стрил², шляпка у нее от бега съехала набок, тонкая блузка, купленная всего полмесяца назад, превратилась чуть ли не в тряпку, и для полноты картины сзади торчала нижняя юбка, как рисуют на карикатурах. И вот тут Герти сняла на миг свою шляпу, чтобы поправить волосы. Истинный бог, более изящной, очаровательной головки не красовалось никогда на девичьих плечиках, маленькое сияющее диво, способное свести с ума своей нежной прелестью. Долго пришлось бы постранствовать по свету, чтобы отыскать что-либо подобное роскоши этих ореховых локонов. Она почти уловила, как быстрая искорка восхищения ответно вспыхнула у него в глазах, и от этого все струнки в ней затрепетали и напряглись. Она снова надела шляпу, опустив поля настолько, чтобы из-под них можно было наблюдать, и ножка, посверкивая пряжкой, стала покачиваться чуть быстрее, потому что дыхание у Герти перехватило, когда она перехватила это выражение в его глазах. Он смотрел на нее так, как смотрит удав на свою жертву. Женский инстинкт подсказывал ей, что она разбудила в нем дьявола, и при этой мысли горячая алость начала подниматься от ее шеи ко лбу, пока все личико не сделалось пунцовее розы.

Это не укрылось от Эди Бордмен, потому что она все время косилась на Герти, с кривой улыбочкой, в очках, как старой деве положено, а сама делала вид как будто баюкает малыша. Настырней всякого комара, такая она и была и будет, вот потому с ней никто и не мог поладить, потому что она вечно суется не в свое дело. И Эди сказала Герти:

¹ *Tantum ergo sacramentum* — Вот великое таинство (*лат.*).

² Баба-неряха (*ирл.*).

— Интересненько, что это у тебя на уме.

— Что? — отвечала Герти с улыбкой, приоткрывшей белые зубки. — Я просто подумала, что уже поздновато.

Потому что она не чаяла дожидаться, когда наконец эти сопливые близнецы, а заодно и младенец, уберутся подобру-поздорову, поэтому она и намекнула вежливо, что уже поздновато. И когда Сисси вернулась к ним, Эди спросила у нее, который час, а мисс Сисс, что за словом в карман не лезет, ответила без пяти поцелуев час целоваться. Но Эди непременно хотела знать, потому что им наказали быть пораньше.

— погоди тогда, — сказала ей Сисси, — сбегаю спрошу у своего дядюшки Питера, который вон там торчит, сколько на его луковице.

И она направилась к нему, а когда он увидел, как она подходит, то Герти заметила, что он вытащил руку из кармана, как-то занервничал и стал поигрывать часовой цепочкой и разглядывать церковь. Да, у него была страстная натура, но при этом, как теперь Герти видела, он потрясающе владел собой. Только что он был весь под ее обаянием, глаз от нее не мог оторвать — и вот, в один миг, перед вами серьезнейший джентльмен, и каждая черточка его солидной фигуры выражает полное самообладание.

Сисси попросила ее извинить, и не будет ли он так добр сказать ей точное время, и Герти видела, как он достает часы, подносит их к уху, потом поднимает глаза и, кашлянув, говорит, что, к величайшему его сожалению, часы у него остановились, но он полагает, сейчас уже больше восьми, потому что солнце зашло. Он говорил с очень культурными интонациями, размеренным голосом, но, несмотря на это, словно какая-то дрожь проскальзывала в мягком звучании его речи. Сисси сказала спасибо и, вернувшись обратно, высунула им язык и объявила, дядюшка говорит, его луковица слегка протухла.

Потом они запели второй стих из «*Tantum ergo*» и каноник О'Ханлон снова поднялся и окадил Святые Дары и стал на колени, и тут он сказал отцу Конрою, что от одной из свечек вот-вот могут загореться цветы, и отец Конрой поднялся и поправил цветы и свечу, и она видела, как джентльмен заводит свои часы и прислушивается, идут ли они, и она снова стала покачивать ножкой в такт музыке. Уже темнело, но все-таки ему еще было видно, и он, не отрываясь, смотрел все время, пока заводил часы, или что там он с ними делал, а потом он положил их назад и снова

сунул руки в карманы. Она почувствовала некое ощущение во всем теле: покалывало кожу на голове, планшетки корсета раздражали, и она знала что у нее начинается потому что в последний раз это было тоже когда она подрезала волосы в новолуние. Его темные глаза, снова прикованные к ней, впивали все ее очертания, поклонялись ей как боже-ству, это совершенно буквально. Если вообще когда-нибудь взгляд мужчины может выражать страстное и неприкрытое обожание — сейчас оно было написано на его лице. И эта дань обожания — тебе, Гертруда Макдауэлл, и ты знаешь это.

Эди начала собираться в путь, давно ей было пора, и Герти заметила, что ее намек возымел желанное действие потому что по пляжу было довольно далеко до того места где можно подняться с коляской а Сисси сняла с близнецов беретки и принялась заботливо их причесывать конечно чтобы самой выглядеть симпатичней а каноник О'Ханлон поднялся риза его встопорщилась колом на спине и отец Конрой передал ему листок с текстом и он начал читать *Panem de coelo praestitisti eis*¹ а Эди и Сисси тараторили все время про время и приставали к ней но Герти превосходно сумела им дать отпор и отвечала коротко с убийственной вежливостью когда Эди спросила не разбил ли ей сердце ее лучший поклонник внезапно бросив ее. Герти вся сжалась, словно от резкой боли. Глаза ее в тот же миг метнули холодную молнию, вместившую в себя безмерный заряд презрения. О да, это мучило ее, это резало по живому, потому что Эди, эта коварная кошка, отлично усвоила манеру говорить с невинным видом такие вещи, которые, как сама она знала, ранят и убивают. Губы Герти раскрылись, слово уже готово было слететь с них, но ей так и не удалось его сказать, потому что рыдания подступили к горлу, ее гибкому, совершенно идеальному горлу, линии которого восхитили бы любого художника. Он ведьать не ведал, как сильно она любила его. Легкомысленный обманщик, ненадежный, непостоянный, как весь его пол, он никогда в жизни не сумел бы понять, сколько он значил для нее, и на мгновение ее глаза уже защищало от слез. Но они так и сверлили ее своими безжалостными глазами, и, сделав героическое усилие, она нарочно для них бросила самый благосклонный взгляд на нового своего вассала.

— О,— с быстротою молнии парировала Герти, смеясь

¹ Хлеб небесный Ты дал им (лат.).

и гордо вздернув головку, — год-то ведь высокосный, я и сама могу выбрать, кого захочу.

Она говорила чистым и звонким голосом, мелодичным, как воркованье лесного голубя, и все же в наступившем молчании ее слова падали резко и холодно. Что-то явно слышалось в этом молодом голосе, что давало понять: такая девушка никому не игрушка. А мистера Регги со всем его бахвальством и с капиталами она бы просто отодвинула ножкой, как мусор с дороги, и больше никогда бы не вспоминала, и эту его несчастную открытку разорвала бы на мелкие кусочки. И если бы он когда-нибудь еще осмелился, она бы его наградила таким взглядом, с таким презрением, что он бы умер на месте. У ее ничтожества мисс Эди физиономия весьма вытянулась, стала, можно сказать, темней черной тучи, и Герти насквозь видела, что она готова просто лопнуть со злости, хотя и не подает виду, маленькая киннат¹, потому что у ней задела самое больное место, ее мелкую зависть, они же обе знали, что она-то в этих делах при пиковом интересе, навек чужая на этом празднике жизни, и кое-кто еще тоже это отлично знал и видел, так что им теперь только оставалось утереться.

Эди уложила поудобней малютку, готовясь в путь, Сисси собрала лопатки, ведерки, мячик, и было уже совсем пора, Бордмену-младшему подошло время засыпать. И Сисси ему сказала, что где-то тут уже бродит Вилли Закрой Глазки и, значит, малюткам пора бай-бай, но малютка, никак не унимаясь, радостно тарасил глазенки и хохотал, так что Сисси стало самой смешно, и она пощекотала слегка его пухленькое брюшко, а он, не нуждаясь в позволении, тут же излил свою горячую благодарность на новенький нарядный слюнявчик.

— Вот тебе на! — расстроилась Сисси. — Приехали с орехами. Совсем слюнявчик испортил.

Этот легкий *contretemps*² потребовал ее внимания, но в два счета она вновь навела порядок.

У Герти вырвалось сдавленное восклицание, она нервно кашлянула, и Эди тут же переспросила что-что, и ей хотелось ответить глухим две обедни не служат, но она всегда соблюдала самые светские манеры и поэтому просто тактично обошла, ответив что это благословение потому что как раз в ту минуту над берегом прозвучал в тишине удар

¹ Сучка (*ирл.*).

² Затруднение (*франц.*).

церковного колокола потому что каноник О'Ханлон вошел в алтарь в облачении которое надел ему на плечи отец Конрой и благословлял держа в руках Святые Дары.

Как трогала чувства вся эта сцена в наплывающих сумерках, и Эрина прощальная краса, и наводящий думы вечерний звон, и юркая тень летучей мыши, что снялась с колокольни, увитой плющом, и с тоненьким жалобно-растерянным криком носилась острыми зигзагами на гаснущем фоне неба. Далеко-далеко светились огни маяков, так красиво, ей бы очень хотелось нарисовать это красками ведь это легче чем человека и скоро уже фонарщик выйдет в свой путь мимо пресвитерианской церкви потом по тенистой Трайтонвилл авеню где прогуливаются парочки потом он зажжет фонарь невдалеке от ее окна тот самый где Регги Уайли всегда разворачивал свой велосипед и все как в книжке «Фонарщик» мисс Камминс, которая еще написала «Мейбл Вохен» и другие истории. Дело в том, что у Герти были свои сокровенные мечты, которых она не открывала никому. Она любила стихи, и когда Берта Сапл подарила ей альбом для записи разных мыслей, очень миленький, в кораллово-розовой обложке, она его спрятала к себе, в свой туалетный столик, который, правда, нельзя было упрекнуть в роскоши, но зато он просто сверкал образцовой чистотой и порядком. Там, в ящичке, она сберегала свои девичьи сокровища, там у нее хранились черепаховые гребни, значок Детей Марии, духи «Белая роза», краска для бровей, гипсовая шкатулочка для духов, ленточки, которые она меняла на белье, когда его приносили из стирки, а в альбоме уже были разные красивые изречения она их записывала фиолетовыми чернилами купленными у Хили на Дэйм-стрит и как ей чувствовалось она бы даже могла сама сочинять стихи если бы только умела так хорошо выражаться как в этом стихотворении она его случайно увидела в газете куда были завернуты овощи и оно так понравилось ей что она тут же переписала его все целиком. Оно называлось «Идеал мой, ты лишь греза», сочинил Луис Дж. Уолш из Маэрфелта, и дальше шло «сумерки, о ты, о скоро ль?» или вроде этого и часто от прелести стихов, столь грустной в своей хрупкой красе, взор ее застилала тихие слезы потому что она чувствовала что годы ее уходят один за другим и если бы не этот единственный недостаток она бы вообще не знала соперниц все из-за того случая когда она спускалась по Долки-хилл и она всячески старалась это скрывать. Но она чувствовала, дальше так не может тянуть-

ся. Если бы только она уловила в его глазах этот волшебный зов, ее бы ничто не остановило. Замок любви не преграда. Она бы принесла великую жертву. Она бы старалась всеми усилиями разделить его мысли. И она стала бы для него дороже всего на свете и наполнила его дни счастьем. Но тут оставался наиважнейший вопрос, ей просто смертельно надо было узнать, женат он или вдовец, потерявший свою супругу, а может быть, случилась трагедия, как у того знатного дворянина из страны песен, который вынужден был поместить ее в сумасшедший дом, из жалости жестокость проявляя. Но даже допустим — ну и что? Такая ли уж большая разница? Глубоко сидящий инстинкт отталкивал ее от малейшей неделикатности, грубости. Ей были отвратительны эти создания, падшие женщины, что прохаживаются по берегу Доддера, не гнушаясь солдатами и мужичьем, забыв про девичью честь и позоря свой пол, их даже забирают в полицию. Нет, нет, что угодно, только не это. Они будут просто хорошие друзья, как взрослые брат с сестрой, и больше ничего такого, вопреки всем нравам Общества с большой буквы. А может быть, он носил траур в память о былой страсти, владевшей им в незапамятные деньки. Ей думалось, она поняла. Она постаралась бы его понять, потому что мужчины, они настолько отличаются. Старая любовь все ждала, ждала, простирая тонкие белоснежные руки, с мольбою устремляя голубые глаза. Сердце мое! Она пошла бы за своей любовью, своей мечтой, не оглядываясь, следуя только голосу сердца, которое говорило ей, что он — все для нее, единственный в целом мире, ибо одна любовь правит всем. Больше ничто не важно. Будь что будет, она порвала бы все оковы, все запреты, она была бы свободна.

Каноник О'Ханлон положил Святые Дары обратно в дарохранительницу и преклонил колена, хор запел «*Laudate Dominum omnes gentes*»¹, и он запер дарохранительницу потому что обряд благословения был окончен и отец Конрой подал ему шляпу а Эди, противная кошка, спросила ты что не собираешься идти но тут Джеки Кэффри закричал:

— Ой, Сисси, погляди!

И все посмотрели, может быть, это зарницы, но Томми тоже это увидел, там, над деревьями, за церковью, красное и синее и зеленое.

— А, это фейерверк, — сказала Сисси.

¹ 1 Хвалите Господа все люди Его (лат.).

И все они побежали по пляжу, чтобы успеть увидеть над церковью и над домами, всей гурьбой, Эди с коляской, в ней малыш Бордмен, Сисси и Томми и Джеки, она их держала за руки, а то могли упасть на бегу.

— Герти, иди сюда,— позвала Сисси.— Это фейерверк в честь благотворительного праздника.

Но Герти была тверда. Она не намерена бегать за ними как на веревочке. И она отвечала, что, если им нравится, они могут скакать как угорелые, а она посидит, ей и отсюда хорошо видно. Глаза, что были прикованы к ней, волновали ей кровь и сердце. На миг она глянула прямо на него, и взоры их встретились, и словно молния озарила все ее существо. Жгучая страсть была на его лице, безмолвная как могила, и эта страсть покорила ее ему. Наконец-то они были одни, без людской зависти и доуки, и она знала, что этому человеку можно довериться на жизнь и на смерть, что он верен и тверд и что он человек чести до последнего дюйма. И руки и лицо его были в возбуждении, и ее охватила дрожь. Она сильно откинулась назад, стараясь разглядеть фейерверк, обхватила колени руками, чтобы не потерять равновесие, и совершенно никто не мог увидеть, только она и он, когда она совсем открыла свои хорошенькие ножки, вот так, они были нежно упругие, изящно округленные, словно выточенные, и ей казалось, будто она так и слышит его неровное тяжкое дыхание и гулкий стук его сердца, потому что она уже знала насчет таких вот мужчин, страстных, с горячей кровью, потому что Берта Сапл однажды ей рассказала под самым страшным секретом, чтобы никогда никому, про их квартиранта из Комиссии по Перенаселенным Районам, он вырезал из журналов картинки с полуголыми шансонетками и с танцовщицами, задирающими ноги, и она сказала он занимался кое-чем нехорошим можешь сама догадаться чем иногда у себя в постели. Но тут ведь совершенно другое потому что огромная разница потому что она почти чувствовала как он привлекает ее лицо к своему, почти осязала первое быстрое обжигающее прикосновение этих красивых губ. И потом, есть ведь и отпущение грехов, если только ты не позволила этого самого до свадьбы и еще пусть были бы священники женщины им бы не нужно было все говорить словами они бы так поняли а у Сисси Кэффри тоже иногда бывает такой блаженный вид с совершенно блаженными глазками так что и ты, моя милочка, а эта Уинни Риппингам что просто помешана на фотографиях актеров и потом это все

из-за того что как раз это самое начинается вот это из-за чего.

И Джеки Кэффри закричал, смотрите, там еще, и она еще отклонилась назад, и подвязки у нее были голубые, это подходило к прозрачному, и все увидели и закричали смотрите, смотрите, вон там, и она еще и еще сильнее отклонялась назад, чтобы разглядеть фейерверк, и что-то непонятное носилось в воздухе, темное, туда и сюда. И она увидела большую римскую свечу, которая поднималась над деревьями, выше и выше, и все в восторге затаили дыхание, молча и напряженно следя, как она поднимается все выше, выше, и ей приходилось все дальше и дальше запрокидываться назад, почти ложась на спину, чтобы следить за ней, еще, еще выше, почти скрылась из глаз, и лицо ее залилось дивным пленительным румянцем от такой позы, и теперь он мог увидеть еще много нового, батистовые панталоны, материя прямо ласкает кожу, и лучше чем те зауженные зеленые за четыре одиннадцать, а эти беленькие, и она ему позволяла и видела что он видит а свеча поднялась так высоко что на мгновение совсем исчезла и все мускулы у нее дрожали из-за того что так запрокинулась а перед ним было полное зрелище гораздо выше колен такого она еще никогда никому даже на качелях или переходя вброд но ей не было стыдно и ему тоже не было что он так неприлично впился глазами он же не мог устоять перед таким дивным зрелищем когда перед ним все так открыто как у тех танцовщиц что задирают ноги совершенно неприлично а мужчины смотрят на них и он все смотрел смотрел. Ей хотелось закричать, позвать его задыхающимся голосом, протянуть к нему свои тонкие белоснежные руки, чтобы он пришел, чтобы она ощутила его губы на своем чистом лбу, крик любви юной девушки, слабый сдавленный крик, исторгнутый у нее против воли, звенящий сквозь все века и эпохи. И тут взвилась ракета, на мгновение ослепив, Ах! и лопнула римская свеча, и донесся вздох, словно Ах! и в экстазе никто не мог удержаться, Ах! Ах! и оттуда хлынул целый поток золотых нитей, они сверкали, струились, ах! и падали вниз как зелено-золотые звезды-росинки, ах, это так прекрасно! ах, это дивно, сказочно, дивно!

И как росинки, они растаяли в сгустившихся сумерках — и настало молчание. Ах! Она поспешно выпрямилась и бросила на него быстрый несмелый взгляд, полный кроткого протеста, мягкого застенчивого упрека, и под этим взглядом он покраснел словно девушка. Спиною он прислонился

к скале. Леопольд Блум (ибо это был он) стоит молча, потупив голову под ее чистым невинным взглядом. Какой же он гнусный тип! Снова за старое? Юная неиспорченная душа воззвала к нему, а он, жалкое существо, как же он на это откликнулся? Проявил себя как последний подонок! Причем не кто-нибудь, он! Но в этих глазах светилось безграничное милосердие, они и его готовы были простить, пускай он сбился с пути, блуждал и грешил. Разве девушка должна говорить? Нет, тысячу раз нет. Это их секрет, их личная тайна, которую скрыли сумерки и которую будут знать лишь они одни — да маленькая летучая мышь, что мягко носилась туда-сюда, а летучие мыши умеют хранить секреты.

Сисси Кэффри свистнула по-мальчишечьи, показать свои необыкновенные таланты, и громко позвала:

— Герти! Герти! Мы уходим, пошли! Мы еще оттуда, сверху, посмотрим.

И тут у Герти мелькнула мысль, одна из маленьких уловок любви. Ее пальцы скользнули в нагрудный кармашек, вынули надушенную ватку, и она помахала ею, как бы в ответ, конечно, следя за ним, и потом сунула обратно. Хотя не слишком ли далеко до него. Она поднялась. Так это прощание? О, нет. Ей нужно идти, но они еще встретятся, снова встретятся здесь, а до той минуты она будет мечтать об этом, мечтать завтра о том, что привиделось накануне. Она выпрямилась во весь рост. Их души слились в последнем, долгим и томном взгляде, и глаза его, полные странным сиянием, проникли в глубь ее сердца и сами, словно замороженные, не могли оторваться от ее лица, нежного как цветок. Она слабо улыбнулась ему, улыбкой нежной и всепрощающей, улыбкой, готовую перейти в слезы, — и они расстались.

Медленно, не оглядываясь назад, она шла по неровной полосе пляжа туда, к Сисси, Эди, к Томми и Джеки Кэффри, к малышу Бордмену. Заметно стемнело, а на пляже там и сям попадались камни, обломки дерева, скользкие водоросли. Она двигалась со спокойным достоинством, свойственным ей всегда, однако осторожно и очень медленно, потому что — потому что Герти Макдауэлл...

Туфли жмут? Нет. Она хромая! О-о!

Мистер Блум смотрел, как она ковыляет прочь. Бедняжка! Так вот она почему осталась сидеть, когда все помчались. Я так и думал, тут что-то не то, по всему ее виду. Покинутая красotka. Когда такое у женщины, это в десять

раз хуже. Зато делаются обходительней. Хорошо, что еще не знал, когда она устроила свою выставку. Но все равно, горячий чертенок. Не возражал бы. Из разряда диковинок, как с монахиней, или с негритянкой, или когда она в очках. Та косоглазенькая, кстати, весьма subtilна. Наверно, месячные скоро, это подзуживает их. У меня сегодня ужасно болит голова. А куда я его сунул, это письмо? Тут, все в порядке. Всяческие бредовые прихоти. Полизать монетку. Та монахиня в монастыре Транквилла рассказывала, что у них одна девица обожает запах нефти. У старых дев, думаю, уже помешательство под конец. Сестра, как ее? А у скольких женщин в Дублине это сегодня? Марта, эта. Что-то такое в воздухе. Луна влияет. А тогда почему не у всех женщин менструации в одно время, фазы-то у луны те же? Наверно, еще зависит от даты рождения. А может, все начинают одинаково, а после выходят из графика. У Молли и Милли иногда совпадает. Как бы там ни было, я-то воспользовался случаем. Правильно, что не стал утром в бане, над этим ее дурацким я тебя проучу посланием. Это мне в утешение за тот трамвай утром. Болван Маккой привязался со всякой чушью. А эта его жена ангажемент в провинции чемодан, голосишком пополам перепилит. Признателен за вашу небольшую услугу. Притом дешево. По первой просьбе. Потому что им самим хочется. Естественное желание. Каждый вечер их целые косяки из контор. Лучше воздерживаться. Когда за ними не бегаешь, сами липнут. Так и бери тепленькими. Жаль, они сами себя не видят. Грезы о чулочках с аппетитной начинкой. Где это было? Ах, да. Картинки в райке на Кейпл-стрит, только для мужчин. Что подглядел Том. Шляпа Вилли и как девочки позабавились с ней. Их правда снимают в этаким виде или тут трюк? Lingerie¹ придает эффект. Ласкал ее формы под легким дезабилье. Их это самих возбуждает. Я вся чистенькая, иди запачкай меня. Любят наряжать друг дружку перед великой жертвой, Милли была в восторге от новой блузки у Молли. Для начала. Все наденет, чтобы потом все снять. Молли. С чего я купил ей сиреневые подвязки. Да и мы тоже: какой он галстук надел, и брюки с манжетами, и носки красивые. Пришел он в новых гетрах в тот первый вечерок. Нарядная рубашка и на кудрях — чего бы там? — венки. Говорят, потерять шпильку — потерять поклонника. Пришпиливают. Эх, у Мэри панталоны на одной булавке.

¹ Белье (франц.)

Нарядилась для кого-то как модная куколка. Во многом их шарм за счет моды. Как только раскусят моду, она меняется. А на Востоке не так: Мария, Марфа, что сейчас что тогда. Никакие серьезные предложения не отвергаются. Она вовсе не торопилась. Спешат они только на свидание. В жизни не позабудут. Наверно, просто так вышла, поискать счастья. Они все верят в случай, это у них в натуре. А другие всё ее норовили подколоть. Школьные подружки ходят, обнявшись или переплетя пальцы, целуются каждую минуту и нашептывают друг дружке всякую чепуху под страшным секретом где-нибудь в монастырском садике. Монашки в строгих наколках, лицо вымыто известковым молоком, трясут своими четками, злобятся на все, чего им не полагается. Колючая проволока. Не беспокойся и пиши мне. А я тебе. Только будешь ли? Молли и Джози Пауэлл. Пока не найдет себе, а там видятся раз в год по обещанию. Tableau! Господи, нет, вы посмотрите, кто это! Ну как, как ты там? Что у вас делается? Целуются я так рада целуются что я тебя встретила. Вот-вот пробуравят друг дружку, выискивая изъяны в наружности. Ты выглядишь изумительно. Души-сестры нежно оскалились в улыбке. Так-так, а зубы-то у тебя все? Щепотку соли одна другой пожалеет.

Эх!

Когда у них это дело, они словно сатанеют. Мрачное дьявольское выражение. Молли говорит, любая вещь кажется в тонну весом. Или вдруг почеси мне пятки. Ага, ага, вот так! Ах, как чудесно! Со мной такое тоже бывает. Полезная передышка своего рода. Интересно, не вредно ли в эти дни быть с ними. С одной стороны, безопасно. При них молоко скисает, скрипичные струны лопаются. Где-то еще читал, в саду цветы вянут. Говорят, если увидишь женщину с увядшим цветком, значит, она кокетка. Все они. Пожалуй, она заметила, что я. Когда на это настроен, почти всегда это подвернется. Понравился я ей, что ли? Они всегда смотрят, как одет. Если он за кем ухаживает, тут же это определяют: при воротничке, при манжетах. Кстати, у петухов то же самое, и у оленей, у львов. А иногда вдруг им нравится, если галстук или еще там что не в порядке. Брюки? А вдруг бы я в тот момент когда я? Нет-нет. Надо деликатно. Не любят, когда грубо набрасываются. Поцелуй во тьме и вечная тайна. Что-то она нашла во мне. Интересно, что. Уж лучше я чем какой-нибудь рифмоплет, волосенки мажет медвежьим салом, над десным оком завиточек приклеен. Для помощи джентльмену в лите-

ратурных. В моем возрасте уже надо следить за внешностью. В профиль я к ней не поворачивался. Хотя тут не угадаешь. Хорошенькие за уродов выходят. Чудище и красавица. Потом, я уж не совсем, как-никак Молли. Сняла шляпу показать волосы. Поля широкие. С такими покупают прятать лицо, если кого знакомого встретит, опустит голову или станет нюхать букетик ах как пахнет. От волос во время любви. Очески Молли я продал за десять шиллингов, когда бедствовали на Холлс-стрит. А что такого? Или, допустим, он ей даст денег. Что такого? Одни предрассудки. Она стоит и десять, и пятнадцать, и фунт. А то все за так. Почерк, и тот нахальный. Миссис Мэрион. Адрес-то я не забыл на письме, а то, может, как с той открыткой, что послал Флинну? А однажды пошел к Дримми и галстук забыл надеть. Но тогда это сцена с Молли меня расклеила. Нет, я помню. Ричи Гулдинг, тот не такой. Все взвесит. Странно, мои часы остановились в полпятого. Пыль. Маслом из акулей печенки их смазывают. Я бы и сам мог. Дешевле. Может, это точно в момент, когда он с ней?

Да, он был с ней. В ней. Она с ним. Заделано.

Эх!

Мистер Блум аккуратно расправил влажный подол рубашки. Все эта хромая бестия. Становится липко, зябко. Последствия не очень приятны. Что делать, надо же как-то разрядиться. Их это не смущает. Может, даже им льстит. Потом домой, к вечерней булочке с молочком, перед сном прочтет молитву с детишками. Что, не такие они? Увидишь ее какая есть, и все испорчено. Тут требуются декорации, костюм и грим, позы, музыка. И имя важно. Амуры актрис. Нелл Гвин, миссис Брейсердл, Мод Брэнском. Поднимается занавес. Лучезарное серебро луны. Выступает дева с задумчивым лоном. Приди в мои объятия, сладость моя. Но все-таки чувствуется. Придает силы человеку. Тут-то и весь секрет. Хорошо, я там у стенки отлил, выйдя от Дигнама. Все этот сидр. Иначе не вышло бы. А после тянет запеть. *Лакауз эсант¹, тара-тара*. Допустим, я бы заговорил с ней. О чем только? Лучше не начинать разговор, если не знаешь, чем кончить. Задай вопрос, они тебе другой. Хороший выход, если видишь, завяз. Конечно, это приятно, если ты ей: добрый вечер, и сразу видишь, она тоже идет навстречу: добрый вечер. Ох, но как вспомню тот вечер, когда чуть-чуть не заговорил с миссис Клинч на Аппиевой дороге, принял ее

¹ Искаж. La causa è santa — дело свято (итал.; ср. с. 182).

в потемках за. Ужас! А в другой вечер девка на Мит-стрит. Заставлял ее повторять всякую похабень. Она коверкала, конечно. Моя жожа, называла свою. Редко найдешь, которая бы. Хо-хо! Пока не свыклась, ей, наверно, ужасно, когда заговорит с кем-то, а тот ноль внимания. Поцеловала руку, когда дал ей лишних два шиллинга. Автоматы. Нажмешь кнопку — птичка чирикнет. Но все-таки лучше б не называла сэр. А какие у нее губы в темноте, о! Женатый мужчина со свободной девицей. Вот что им самое приятное. Отнять у другой ее мужчину. Или хоть послушать про это. Во мне нет такого. Не стал бы связываться с чужой женой. Обьедки с чужой тарелки. Как у того типа в трактире, хрящи непрожеванные. А презерватив все еще у меня в бумажнике. Из-за чего половина проблем. Но может же однажды страстись, правда? Входишь. Все приготовлено. Я тут вздремнула. Что? Хуже всего начало. Меняются как по волшебству, едва увидят, что не в их вкусе. Вопросы: а вы любите грибы, это значит, знала кого-то, кто. Или: а как вы думаете, что он, кто-то там, этим хотел сказать, когда вдруг раздумал и перестал. Но если уж ты всерьез, так и говори, мол, хочу, или в этом роде. Раз уж решил. И она. Вроде обидь ее. А потом заглядь. Сделай вид, как будто чего-то до смерти хочешь, потом как бы откажись ради нее. Это им льстит. Наверняка она думает про кого-то другого все это время. Ну и что? Как выучилась думать, с тех пор и думает, не про того, так про этого. Первый поцелуй все решает. Роковой миг. Пружинка какая-то разжимается. Вся сразу млеет, хоть держится, а по глазам видно. Первый порыв не сравнить ни с чем. Помнится до смертного часа. У Молли, это когда ее лейтенант Малви поцеловал за садами, под Мавританской стеной. Пятнадцать, по ее словам. Но уже груди были вполне. А после крепко заснула. После обеда в Гленкри, когда ехали домой через гору Фезербед. Скрипела зубами во сне. Лорд-мэр на нее очень поглядывал. Вэл Диллон. Апоплектик.

Вон она там, с ними, глядят фейерверк. И у меня фейерверк. Подымется ракетой, опадет плетью. А ребятишки, похоже что близнецы, только и ждут каких-нибудь происшествий. Хочется быть взрослыми. Наряжаются в машины платья. Будет время, еще поймут, как все на свете устроено. А эта растрепанная чернушка с негритянскими губами. Так и знал, что она умеет свистеть. Подходящие губы для этого. Как у Молли. Та шикарная шлюха у Джеммета, странно, отчего у нее такая вуаль короткая, только до

носа. Будьте добры, вы мне не скажете время? Скажу в свое время, где-нибудь в укромном местечке. Если толстые губы, каждое утро сорок раз повторять: пруды, призывы. И очень ласковая с младенцем. Со стороны видно. Конечно, они чувствуют животных, птиц, маленьких детей. Это по их части.

Когда шла по пляжу, не оглянулась. Не снизошла. Те приморские красотки. Красивые у нее глаза, ясные. Это скорей белки создают впечатление, зрачки не так важно. А все-таки знала она, что я? Наверняка. Так кошка вспрыгнет, где не достать собаке, и глядит на нее. Женщины всегда остерегаются таких, как наш Уилкинс в школе, рисует Венеру, а у самого так и выпячивается. Может, это и есть невинность? Бедный кретин! Жене его авансом полное обозрение. Они в жизни не сядут на свежеевыкрашенную скамью. Все вокруг обшарят глазами. Заглянут под кровать неизвестно зачем. Все время ищут чего-то остренького. И сами остры как иголки. Говорю Молли, что этот встречный на углу Кафф-стрит был приятной наружности, показалось, он ей понравился, а она отвечает, у него же вместо руки протез. И правда. Как это у них так выходит? Секретарша у Роджера Грина поднималась по лестнице через две ступеньки, чтобы, кто сзади, видели бы всю канцелярию. Передается от отца, то бишь от матери, к дочери. В крови у них. Милли, например, сушит свои платочки на зеркале, чтоб не гладить. Лучшее место для рекламы, если что-нибудь дамское, это на зеркале. Или когда послали ее забрать шотландскую шаль от Прескотта, не забыть, кстати, про объявление для него, на обратном пути спрятала сдачу в чулок! Догадливая плутовка. Никто ее этому не учил. Идет с какой-нибудь ношей, несет изящно, легко. Такие мелочи привлекают мужчин. Когда руки красные, поднимет в воздух, помашет, чтобы кровь отлила. Это кто ж научил тебя? Никто. Мне няня сказала. Их и учить не надо! Однажды, когда годика три было, уселась за туалетным столиком Молли, на Западной Ломбард-стрит, уже съезжать собирались. Я класивая! Моллинггар. Кто знает? Так на свете устроено. Молоденький студент. Во всяком случае, уже на своих ногах, не то что другие. Но та, это штучка. Боже, до чего мокро. Черт, еще как. Ножки кругленькие. Чулочки прозрачные, натянутые — вот-вот лопнут. Не то что то чучело. А. Э. Чулки гармошкой. Или та, что на Грэфтон-стрит. В белых. Фу! Толстомясая.

Взорвалась с шумом шутиха, разбрызгивая трескучие

искры. Трах-тарарах! И Сисси с Томми и Джеки побежали смотреть, следом Эди с коляской, а за ними и Герти, огибая скалу. Оглянется? Оглянись! Взгляни! Посмотрела. Словно почуяла. Миленькая, я видел твои. Все-все видел.

О, господи!

По крайней мере, мне полегчало. А то после Кирнана, после Дигнама совсем сник. Признателен я вам за облегчение. Из «Гамлета». О, господи! Тут все было сразу. Возбуждает. Когда она навзничь, даже кончик языка засвербило. Вскружат голову бедняжке. Это он верно. Мог бы худшего дурака свалить. Лучше так, чем трепаться ни о чем. Тогда я тебе скажу все. А пожалуй, у нас и было какое-то общение. Кстати, а вдруг она и есть? Да нет, они ее звали Герти. Ну и что, могло быть фальшивое имя, как у меня, и адрес Долфинс-барн липовый.

Она звалась в девицах Джемма Браун
И приглашала в гости в Айриштаун.

Это место меня навело на такие мысли. Все они одним миром мазаны. Об чулки вытирают перья. Но мячик будто знал подкатился к ней. Пуля сама цель знает. Конечно, я и в школе-то не умел кидать прямо. Вечно куда-нибудь по кривой. А грустно, что им всего-то отпущено два-три года, а там пойдут кастрюли да скоро папины штаны будут Вилли впору да присыпка для малыша после того как высадили сделать а-а. Житье не сахар. Зато спасительно. Не даст сойти с пути истинного. Естество. Обмывают младенцев, обмывают покойников. Дигнам. Вечно облеплены детишками. Головенки с кокосовый орех, еще мозжечок не затянулся, как есть маргышки, в пеленках кислое молоко, разложившийся творожок. Не надо было давать тому ребенку пустую соску. От этого у них только газы. Миссис Бьюфой, Пьюрфой. Стоило бы зайти в больницу. Там ли еще та медсестра, Каллан. Иногда заходила приглядеть за ребенком, когда Молли работала в кафе. А этот молодой доктор О'Хейр, смотрю однажды, она чистит ему пальто. Когда-то миссис Брин с миссис Дигнам были такие же вот, на выданье. Самое худшее по ночам, как миссис Дугган рассказывала в «Городском гербе». Муж притащится на бровях, от него смердит кабаком как от хорька. А ты дыши всю ночь этим вонючим перегаром. Наутро спросит: никак я был под хмельком с вечера? Но все-таки неправильно все валить на мужей. Тут как аукнется, так и откликнется. Рыбак рыбака

видит издалека. Женщины не без греха тоже. И вот уж тут Молли вне конкуренции. Южная кровь. Мавританская. К тому же лицо, фигура. Руки ласкали ее пышные. С другими никакого сравнения. Запрет жену дома как скелет в гардеробе. Позвольте вам представить мою. И выплывает нечто неопишное, не знаешь, каким словом назвать. Всегда видно по жене, где слабые места у мужчины. С другой стороны, судьба, уж кого полюбишь. У каждой пары есть свой секрет. Иной давно пошел бы ко дну, если бы жена его не взяла в ежовые рукавицы. Или, скажем, жена — малявочка, и муж — коротышка. Созданы друг для друга. А дети, глядишь, получатся вполне ничего. Ноль да ноль единица. Или еще богатый старик под семьдесят и рядом с ним юная, краснеющая. Женился-вздурился, наутро каялся. Фу, как мокрое неприятно. Липнет. Хорошо не залуплен. Давай отлепи-ка.

М-ме!

Или наоборот, сам каланча, а жена ему до пупка. В длинном и кратком варианте. Огромный и крохотная. Очень что-то странное с моими часами. Наручные вечно портятся. Может, есть какие-то магнитные волны от людей, ведь именно в это время он. Да, я думаю, сразу. Кот со двора — мышки за пирушку. Помню, на Пилл-лейн я смотрел. И что сейчас, тоже магнетизм. За всем скрывается магнетизм. Земля, например, притягивает и сама притягивается. Отсюда происходит движение. А время? Тоже понятно, раз есть движение — на него нужно время. Значит, если где-то что-то там остановится, так и вся эта астрология постепенно. Уж так устроено. Магнитная стрелка может сказать, что делается на солнце, на звездах. Простой кусочек железа. Когда подносишь магнит к железу. Ближе. Ближе. Хоп! В точности, женщина и мужчина. Магнит и железо. Молли и он. Разоденутся, строят глазки, делают намеки, позволяют себя разглядывать, поддразнивают, ну погляди хорошенько, мужчина ты или нет, и уж тут, это как тяга чихнуть, ножки, глядишь, глядишь, и если ты только не деревяшка. Хоп! Прощайся со всем.

Интересно как у нее самочувствие в тех местах. Стыд, это только на зрителя. А так ее дырка на чулке больше волнует. Молли, голова вздернута, губы сжаты, это она на конной выставке, из-за того фермера в сапогах со шпорами. На Западной Ломбард-стрит были художники. У одного замечательный голос. Джульини так начинал. Понюхай-ка мою мазню. Как цветы. И правда. Фиалками. Наверно, от

скипидара в краске. Чего только не пускают в дело. А когда этим занималась, возила по полу шлепанцем, чтобы они не слышали. Мне кажется, из них очень многие неспособны кончить. Продолжают часами. Это как будто по всему телу и сзади до поясницы.

Погоди-ка. Хм-хм. Точно. Ее духи. Вот она что махала рукой. Оставляю на память, чтобы ты думал обо мне, когда я уже далеко, под одеялом. Что же это такое? Гелиотроп? Нет. Гиацинт? Хм-м. Пожалуй, роза. Такое она и должна любить. Дешево и сердито, но быстро портятся. Молли поэтому предпочитает опопонакс. Очень идет ей, когда с маленькой добавкой жасмина. Как низкие и высокие ноты в ее голосе. Она с ним познакомилась на танцевальном вечере, танец часов. В жару запахи сильнее. Она была в своем черном, на нем сохранились еще духи от прошлого раза. Черное — хороший проводник. Или плохой? То же самое для света. Может, есть связь. Например, если спустишься в темный погреб. Вообще загадочно. Почему я только сейчас почувял? Двигается медленно, но верно, как и она сама. Ведь это, если представить, миллионы и миллионы крохотных зернышек летят по воздуху. Именно так. Потому что Острова Пряностей, кстати, вспоминал сингалезов утром, они чувствуются по запаху за много миль. Сейчас скажу, что это такое. Это как тонкое кружево или паутинка, что их окутывает с головы до ног, тонкое-тонкое, как эта, как ее, кисея, и они беспрерывно ткут это из себя, тонкое как воздух, всех цветов радуги, сами того не чувствуя. И на всем, что она снимет с себя, оно остается. Подошвы ее чулок. Теплая туфелька. Корсет. Панталоны: слегка взмахнет ножкой, чтобы сбросить. Пока, до встречи. Кошка тоже любит зарыться в ее белье. Узнал бы ее запах из тысячи. И вода в ее ванне. Напоминает землянику со сливками. Интересно, откуда идет. Оттуда, или из подмышек, или между грудей. Такое впечатление, будто изо всех дырок и уголков. Гиацинтовые духи делают на эфирных маслах, кажется. Muskusная крыса. У ней под хвостом мешочек, там зернышки, и от каждого одного запах может стоять годами. Собаки друг друга сзади. Фук-фук. Наше почтение. Вам также. Как вам нюхается? Фук-фук-фук. Отлично, благодарю. Животных ведет чутье. А присмотришь, у нас то же самое. Например, некоторые женщины так отпугивают, когда у них месячные. Подойдешь поближе, почувешь такое, что хоть топор вешай. Похоже на что? Может, на тухлую селедку? Бр-р! Просьба на этот газон не ступать.

А они от нас, может быть, чуют мужской запах. Хотя что там? Перчатки, пропахшие сигарой, у Длинного Джона на столе. Дыхание? В нем только то, что съел или выпил. Не тут. В смысле, мужской запах. Скорей связан с этим делом, потому что у священников, которые обходятся без, у них другой. Женщины выются вокруг них, как мухи над патокой. В алтарь не пускают — подберутся иначе, любой ценой. Запретный поп сладок. Ах, отче, а вам не хотелось бы? Пусть я буду первой. Это как-то расходуется по всему телу и все пропитывает. Источник жизни. И запах такой интересный, странный. Как сельдерейный соус. А ну, дай-ка.

Мистер Блум сунул свой нос. Фук-фук. За. Фук-фук. Пазуху своего жилета. Миндалем, что ли. Нет. Лимоном. Ах ты, да это ж мыло.

А кстати-кстати, лосьон-то. Я помню, еще что-то в голове было. Не зашел, и за мыло не заплатил. Не люблю таскаться с бутылочками, как та карга утром. Хайнсу пора бы уже отдать три шиллинга. Можно упомянуть просто Маэра, чтоб напомнить. Хотя, если он поможет с тем объявлением. Два и девять. Что он теперь обо мне подумает. Завтра зайти. Сколько я должен вам? Три девять? Два и девять, сэр. Ах, да. В другой раз может не отпустить в кредит. Вот так и теряют клиентов. В трактирах та же история. Иной дождется, пока счет стал в локоть длиной, и переключает в другое заведение, а это будет сторонкой обходить.

Опять этот важный, что уже проходил. Каким его ветром? Едва туда и уже обратно. К ужину минута в минуту. Гладкий, так и лоснится: недурно подзакусил. Теперь наслаждается природой. Его молитва после еды, пройти пешком милю. Наверняка счетец в банке, казенная служба. Можно пойти за ним по пятам, поставить в глупое положение, как меня мальчишки сегодня. Но это чему-то учит. Что видит взор его и прочих. Лишь бы женщины не смеялись, а остальное какая важность? Можно таким путем разведать. Или попробуй так угадай, кто он. «Таинственный незнакомец на пляже», премированный рассказ мистера Леопольда Блума. Гонорар гиней за столбец. Как сегодня этот на кладбище в коричневом макинтоше. Хотя его фортуна натерла себе мозоли. Кажется, у здоровых рассасываются. Свист, говорят, насылает дождик. Верно, идет где-нибудь. В «Ормонде» соль влажная. Тело чувствует перемену в воздухе. У старушки Бетти суставы ноют. Матушка

Шиптон пророчила насчет кораблей, что смогут в один миг вокруг света. Нет. Это к дождю. Королевская предсказательница. И дальние холмы как будто стали ближе.

Хоут. Маяк Бейли. Два, четыре, шесть, восемь, девять. Гляди-ка. Он должен мигать, иначе подумают, это дом. Спасатели. Грейс Дарлинг. Люди боятся темноты. И светлячки, велосипедисты, им тоже пора включать свет. Лучше всего сверкают драгоценные камни, алмазы. Женщины. Свет как-то успокаивает. Ничего нехорошего не случится. Конечно, сейчас лучше, чем в старину. На большой дороге. Кишки тебе выпустят ни за что ни про что. Бывают два типа, когда с кем-то столкнешься. Угрюмые и любезные. Пардон! Нет-нет, ничего. Для поливки растений сейчас лучшее время, сразу после захода. Еще немного светло. Красные лучи самые длинные. Вэнс нас учил, как однажды Жак-звонарь головой свалил фонарь: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. А вот и звезда. Венера? Еще пока не скажешь. Вон и вторая, а ночь считается, когда три. Ночные облака, они там были все время? Словно корабль-призрак. Нет. Погоди. Может, это деревья? Оптический обман. Мираж. Здесь страна заходящего солнца. Солнце гомруля садится на юго-востоке. Родимая земля, спокойной ночи.

Роса выпала. Милочка, тебе вредно сидеть на камне. Белые выделения. Ребенок не сможет родиться, разве что будет такой силач, пробьется с боем наружу. И сам могу схватить геморрой. Липуч как простуда летом или как лихорадка на губах. А еще хуже, если порежешься бумажкой или травинкой. Трение сидения. Было бы недурно побыть той скалой, на которой она сидела. Ах, милая крошка, ты и сама не знаешь, как ты была прелестна. Мне уже начинают нравиться в таком возрасте, зелененькие. Ключют на все, что им предлагают. Думаю, только в этом возрасте любят сидеть, поджав ноги. Сегодня в библиотеке, дипломницы. Блаженны стулья под ними. Но тут и вечер влияет. Они все это чувствуют. Знают свой час, раскрываются как цветы, подсолнухи, земляные груши, в бальных залах, люстры, фонари на аллеях. Какой-то ночной цветок у Мэта Диллона в саду, где я поцеловал ее в плечо. Хорошо бы иметь ее портрет маслом, во весь рост, какой она была тогда. И тоже был июнь, когда я за ней ухаживал. Возвращается год. История повторяется. О горные вершины, я к вам вернулся вновь. Жизнь и любовь путешествуют вокруг нашего маленького шарика. Что же на этот раз?

Грустно, конечно, что она хромая, но надо остерегаться, слишком уж не впадать в жалость. Они на этом играют.

На мысе Хоут сейчас все тихо. И дальние холмы как будто. Там, где мы. Рододендроны. Может быть, я осел. Ему достаются сливы, мне косточки от слив. Моя доля. А старый холм этого навиделся. Меняются имена — и только. Влюбленные знай чмок-чмок.

Устал я что-то. Хватит уже сидеть? Ох, погоди. Выпила из меня мужскую силу, негодница. Она меня целовала. Молодость моя. Больше уж не вернется. Раз в жизни. И у нее. Съездить бы туда завтра. Нет. Это уже не то. Как ребенку второй раз в тот же дом. Хочешь нового. Ничто не ново под солнцем. Долфинс-барн, до востребования. Так ты несчастлив в семейной? Мой противный, мой миленький. В Долфинс-барн играли в шарады у Люка Дойла. Мэт Диллон со своим выводком дочерей: Тайни, Этти, Флуи, Мэйми, Луи, Гетти. И Молли с ними. В восемьдесят седьмом это было. За год до нашей. Старый майор, любитель пропустить рюмочку. Интересно что она единственный ребенок и я тоже. Все возвращается. Думаешь, убежал и налетаешь на самого себя. Кружной путь домой самый короткий. И в точности, когда она с ним. Цирковая лошадь по арене кругами. Мы разыграли Рип ван Винкль. Рип — прицепили Хенни Дойлу репей. Ван — ванна у них в доме. Винкль — бутылка вина и бумажный куль. А в конце я представил возвращение Рипа ван Винкля. Она смотрела, облокотясь на буфет. Мавританские глаза. Проспал двадцать лет в Сонной Пещере. Все изменилось. О нем забыли. Молодые состарились. Ружье заржавело от росы.

Фрр. Что это тут летает? Ласточка? Никак, летучая мышь. Подслеповата, думает, что я дерево. А нюха разве у птиц нет? Метемпсихоз. Они верили, что от горя можно превратиться в дерево. В плакучую иву. Вон, вон полетела. Ишь ты, козявка-нищенка. Где она живет, интересно. Колокольня виднеется. Верней всего, там. Висит вверх ногами и дышит святостью. Видимо, звон вспугнул. А месса, кажется, кончилась. Все было слышно. Молись за нас. Да молись за нас. Да молись за нас. Повторение, это ценный прием. Как в рекламном деле. Покупай у нас. Да покупай у нас. Окошко в доме священника светится. За скромным ужином. Помнится, я ошибся в оценке, когда работал у Тома. На самом деле, там двадцать восемь. У них два дома. У Габриэла Конроя брат викарий. Фрр. Снова она.

И почему они шастают по ночам, как мыши. Какая-то помесь. Птицы вообще вроде скачущих мышей. А что их пугает, свет или звук? Лучше не двигаться. Всякий инстинкт, это как у той птицы, когда захотела пить, догадалась набросать в кувшин камешков. Похожа на человечка в плаще и с крохотными ручонками. Тонкие косточки. Чуть ли не видно как поблескивают, такие голубовато-белесоватые. Цвет зависит от освещения. Например, погляди на солнце, только не щурься, а как орел, и после на свой башмак: покажется желтое пятно. Хочет поставить свой штамп на всем. Скажем, этот кот на лестнице утром. Какого-то торфяного цвета. Говорят, будто не бывает трехцветных. Неправда. В «Городском гербе» был тигровый кот, рыжий, черный и белый, и на лбу метка как буква эм. Шкура пятидесяти цветов. Хоут только что засветился как аметист. Маяк сверкнул. Так вот этот мудрец, как бишь его, своим зажигательным стеклом. А бывает, вдруг загорится вереск. И не от того, что турист бросил спичку. А от чего? Может, от ветра сухие стебли трутся один о другой и загораются. Или разбитая бутылка в кустах, луч солнца упадет — она как зажигательное стекло. Архимед. Эврика! Память пока работает.

Фрр, еще раз. Кто знает, чего они без конца летают. За насекомыми? На прошлой неделе пчела влетела в комнату, гонялась за своей тенью на потолке. Может, та самая, что меня ужалила, вернулась проведать. И птицы тоже. Никогда не узнаешь, о чем говорят. Как наше чириканье. А он сказал а она сказала. Какие им нужны нервы, лететь через океан и обратно. Массами гибнут, штормы, телеграфные провода. И у моряков ужасная жизнь. Громадины, океанские пароходы, прут, пыхтя, сквозь ночную тьму, мычат как морские коровы. Faugh a ballagh!¹ С дороги, так вашу перетак! А другие суденышки, парус что детская рубашонка, как пробки прыгают на волне, едва посильней задует. Взять кто женаты. Не бывают дома годами, мотаются по разным концам земли. У нее нет концов, круглая. Жена в каждом порту, так про них говорят. Суровая у ней жизнь, если не позволяет себе, пока Джонни не явился домой. Если он вообще появится. Пропахший всеми портовыми закоулками. И за что любить море? А они любят. Подняли якорь и в плаванье, на нем иконка или наплечник на счастье. Ну и что. А у отца бедного папы над дверью висели эти, как же

¹ Дай дорогу! (ирл.)

их, тефилим, нет, как-то иначе, и полагалось до них дотрагиваться. Исход из земли Египетской и в дом рабства. Что-то в них есть, во всех этих суевериях, не знаешь ведь, уходя в путь, что тебе там грозит. Ухватившись за доску или верхом на бревне, в жилетике надувном, цепляется за свою горемычную жизнь, глотает морскую воду, и такова его последняя выпивка, перед тем как акулы разорвут. Интересно, рыбы страдают морской болезнью?

А чуть позже — дивная гладь, на небе ни облачка, полное спокойствие и безмятежность. Команда и груз мелким крошечком в брюхе у морского царя. С высоты мирно глядит луна. Не моя вина, храбрецы.

Последняя запоздалая ракета благотворительного базара Майрас взлетела в небо для сбора средств на нужды больницы Мерсера и, падая вниз, рассыпалась гроздьями лиловых звезд, среди которых сверкала одна серебряная. Они плыли по небу, опускались, гасли. Час сумерек, час объятий, обетов. Почтальон с вечернею почтой снует от домика к домику, радуя обитателей знакомым двойным постукиванием, и светлячок-фонарик на поясе у него мерцает то тут, то там в кустах молодого лавра. Фонарщик, подняв высоко свой пальник, зажигает фонарь, стоящий на Лихи-террас в окружении пяти молодых деревьев. Мимо освещенных экранов окон, мимо неотличимых садилов несутся, удаляясь, пронзительный и жалобный крик: *«Ивнинг телеграф», экстренный выпуск! Итоги скачек на Золотой кубок!* и из дверей дома Дигнамов выбежал мальчуган, окликав вдогонку. Летучая мышь, попискивая, металась взад и вперед. Прилив, пенистый, грязно-серый, набирал силу, подкрадывался к дальним пескам. Хоут укладывался спать, его, старика, утомил долгий день и чмоканья в рододендронах, и он с приятностью чувствовал, как ночной ветерок ерошит, почесывает его папоротную шкуру. Он улегся, но выставил сторожку красное недреманное око, дыша медленно, глубоко, дремля и бодрствуя в то же время. И вдалеке на отмели Киш плавающий маяк мигал, подмигивая мистериу Блуму.

Несладко тем парням, которые там. Сиди, как на привязи. Ирландское Управление Маяков. В наказание за грехи. И береговая охрана. У тех ракеты, багры, буйки, лодки спасательные. Когда ездили на морскую экскурсию на «Короле Эрина», бросили им тюк старых газет. Медведи в зверинце. Вшивая прогулочка. Пьянчуги вылезли протрясти печенку. Блюют через борт, кормят рыбок. Морская бо-

лезнь. Все женщины с перепуганными лицами. А Милли как ни в чем не бывало, хохочет. Голубой шарфик вьется по ветру. Не знают, что такое смерть, в эти годы. Притом желудки еще здоровые. Зато их пугает потеряться. Когда мы спрятались за дерево в Кромлине. Я был против. Мама! Мамочка! Детки в лесу. Еще любят пугать их масками. Или подкидывать в воздух и ловить. У-у, сейчас как брошу и разобьешься. Что тут забавного? А сами они играют в войну. Со всей серьезностью. Как это можно целиться в человека из ружья? Бывает иногда само выстрелит. Бедные дети. Ничем не болела, только крапивница и краснуха. Принес, помню, каломель. Как полегчало, уснула рядышком с Молли. У них зубы совсем одинаковые. Что в них любят? Свое подобие? А ведь как-то утром гонялась за ней с зонтиком. Может быть, только так, не больно. Я щупал у нее пульс. Бьется. Была маленькая ручонка — теперь большая. Дражайший папулька. Рука говорит все, когда ее трогаешь. Любила считать пуговицы у меня на жилете. Помню ее первый корсетик. Так смешно было. Грудки уже начинались. Кажется, левая чувствительней. У меня тоже так. Ближе к сердцу? Если в моде пышная грудь, вату подкладывают. В период созревания боли по ночам, стонала, я просыпался. А как испугалась, когда природа в первый раз заявила ей о себе. Бедный ребенок! И для матери это странный момент. Вспоминает свое девичество. Гибралтар. Вид от Буэна Виста. Башня О'Хара. Птичьи крики над морем. Мартышки, один старый самец сожрал все свое семейство. Заход солнца, выстрел из пушки — сигнал всем вернуться в крепость. Смотрела на море, когда дала мне ответ. Вечер как сегодня, только ясней, безоблачней. Я всегда думала, что я выйду за лорда или за богача со своей яхтой. Buenas noches, señorita. El hombre ama la muchacha hermosa¹. Тогда почему же я? А ты очень отличался от других.

Чего я прилип к этой скале как улитка. Такая погода отупляет. Судя по свету, около девяти. На «Лию» или «Лилию Килларни» уже поздно. Домой. Хотя нет. Вдруг еще не легла. Зайду в больницу, проведу. Надеюсь, она уже родила. Длинный денек мне выдался. Марта, в баню, на похороны, дом Ключей, музей и богини. Дедалово пение. Потом этот горлопан у Барни Кирнана. Но я там перед ними не спасовал. Пьяные пустозвоны. Как сказал про его

¹ Добрый вечер, сеньорита. Мужчина любит красивую девушку (*исп.*).

бога, его аж перекосило. Ударом отвечать на удар — ошибка. Или нет? Нет-нет. Лучше бы разошлись по домам да там посмеялись над собой. Одно желание, собраться всем в кучу да наподдать. Как малые дети, боятся одни остаться. А если бы он ударил меня. Посмотрим с его точки зрения. Тогда ничего ужасного. Может, он и не хотел причинить боль. Тройное ура Израиллю. Тройное ура его невестке, которую он расхваливал, с тремя последними зубами во рту. Тот же тип красоты. Милейшее общество для светского чаепития. Сестра жены дикаря с Борнео приехала в наш город. Представь-ка себе такое рядышком с собой поутру. На вкус и на цвет товарища нет, как сказал Моррис, облобызав корову. Но визит к Дигнамам меня совсем доконал. Дом в трауре страшно угнетает, потому что никогда не известно. Но ясно, что деньги ей требуются. Надо зайти к «Шотландским вдовам», раз обещал. Странное название. Подразумевает, что непременно мы раньше. Какая-то вдова возле Крамера — когда это было, в понедельник? — так на меня посмотрела. Схоронила беднягу-мужа и здравствует себе на страховку. Лепта вдовицы. А что такого? Чего ты от нее хочешь? Должна как-то устраиваться, чтоб жить дальше. Вот на вдовцов ужасно смотреть. Ходит словно потерянный. У несчастного О'Коннора жена и пятеро детей отравились моллюсками. Сточные воды. Совсем пал духом. Пусть бы какая-нибудь сердобольная купчиха в шляпе кастрюлей его пригрела. С физиономией как луна, в широченном фартуке, и прочно на буксир горемыку. Женские панталоны серой фланели по три шиллинга за пару, фантастическая дешевка. Говорят, дурнушку полюбишь — не разлюбишь. Только ни одна себя такой не считает. Люби, лги и будь красивой, потому что завтра умрем. Уж несколько раз его видел, все бродит, доискивается, кто же сыграл с ним шутку! К. к.:ку-ку. Такая судьба. Выпало ему, могло мне. Часто с какой-нибудь торговлей бывает так.словно злой рок привяжется. Что-нибудь снилось мне этой ночью? Постой. Какая-то путаница. Она в красных шлепанцах. Турецких. И в мужских брюках. А положим, она попробует? Понравилась бы она мне в пижаме? Ужасно трудно сказать. Наннетти уехал. С почтовым. Сейчас уже где-то у Холихеда. Надо пробить эту рекламу для Ключчи. Хайнса обработать и Кроуфорда. И гарнитурчик для Молли. Ей-то уж есть на что его натянуть. А что это там? Может, деньги?

Мистер Блум нагнулся и подобрал листок бумаги с песска. Поднес к глазам, пристально поглядел. Письмо? Нет.

Ничего не разобрать. Надо бы идти. В самом деле. Только устал, не пошевеливаться. Из старой тетрадки. Все эти лунки, гальки, кто их сочтет? Можно найти что угодно. Бутылку с запиской о зарытых сокровищах, брошенную при кораблекрушении. Почта для посылок. Детишки любят бросать всякие вещи в море. Доверчивость? Хлеб, отпущенный по водам. А это что? Так, чурочка.

Ох! Измочалила меня эта дева. Уже не чувствуешь себя молодым. А придет она сюда завтра? Ждать ее где-нибудь весь век. Должна вернуться. Убийцы всегда. А я?

Подобрав маленькую чурку, мистер Блум вяло потыкал ею в песок. А если написать что-нибудь для нее? Может, и сохранится. Только что?

Я.

Все равно какой-нибудь косолапый утром наступит. Бесполезно. Или же смочет. Прилив доходит сюда. У ее ног была лужица. Наклониться, увидеть там свое лицо, в темном зеркале, дохнуть на него, пойдет рябью. Кругом скалы, покрытые царапинами, рисунками, надписями. Ах, эти ее прозрачные! И они не знают, к тому же. Что он означает, тот свет. Я назвала тебя противным мальчишкой, потому что мне совершенно не нравится.

ЕСТЬ. А.

Места нет. Ну его.

Мистера Блума башмак медленно затер буквы. Песок гиблая штука. На нем ничего не растет. Все вянет. Здесь нечего опасаться больших судов. Одни только баржи Гиннеса. Вокруг Киша за восемьдесят дней. Как будто нарочно сделано.

Он отбросил свое стило, и чурка торчком воткнулась в вязкий песок. А мог бы попусту неделю стараться чтобы вот так. Случай. Мы больше никогда не увидимся. Но это было чудесно. Прощай, милая, спасибо тебе. Я почувствовал снова молодость.

Если бы чуточку вздремнуть. Сейчас около девяти. Ливерпульский давно ушел. Уже и дымка не видно. И она пусть тоже. Впрочем, она уже. Белфаст. Я не поеду. Спешить туда, оттуда спешить в Эннис. Пускай уж он. Просто прикрою на минутку глаза. Не спать, только подремать. Сон никогда не повторяется точно тот же. Опять летучаямышь. Никакого вреда. Я только чуть-чуть.

Ах милая все твои беленькие девичьи до самого верха я видел шлюха брейсгердл меня заставила любви липнет мы вдвоем противный Грейс Дарлинг она с ним в пол в постели

метим псу хвост безделушки для Рауля какими духами твоя жена черные волосы вздымались ее окру сеньорита юные глаза Малви пухленькие сны вернуться закоулки Агендат чаровница-баловница мне показала свои на будущий год в панталончиках вернуться на будущий в свои будущий свои будущий.

Летучая мышь мелькнула. Туда. Обратнo. Туда. Мистер Блум с приоткрытым ртом, зарыв левый ботинок в песок, накренья набок, посапывал. Я только чуть-чуть. Издалека донесся во тьме бой часов, и в их мерном бом-бом отчетливо слышалось

Ро-га
Ро-га
Ро-га.

Пробили и часы на каминной полке в доме священника, где каноник О'Ханлон, отец Конрой и преподобный Джон Хьюз, О. И., подкреплялись бараньими отбивными под острым соусом, пили чай с бутербродами и беседовали про

Ро-га
Ро-га
Ро-га

Потому что в этих часах выскакивала птичка из домика и так выкрикивала и Герти Макдауэлл ее заметила когда была здесь потому что она моментально все замечала, такой уж она была, Герти Макдауэлл, и она тут же заметила что этот иностранный джентльмен, который сидел на камнях и смотрел, что у него были

Ро-га
Ро-га
Ро-га

На Полдень к Холлсу Грядем. На Полдень к Холлсу Грядем. На Полдень к Холлсу Грядем¹.

Ниспошли нам, о лучезарный ясноликий Хорхорн, разрешение от бремени и приплод. Ниспошли нам, о лучезарный ясноликий Хорхорн, разрешение от бремени и приплод. Ниспошли нам, о лучезарный ясноликий Хорхорн, разрешение от бремени и приплод.

Гоп-ля мужичок гоп-ля! Гоп-ля мужичок гоп-ля! Гоп-ля мужичок гоп-ля.

Всегда и повсюду того человека разумение весьма недалеким полагают во всяческих предметах что сведущими из смертных наиболее признаются полезными для изучения коему то неведомо чего самые искушенные в учености и особенного почитания достойные за драгоценное убранство высокого их ума неизменно придерживались когда утверждали единодушно что при одинаковых прочих обстоятельствах процветание державы наивернейше свидетельствуется не блеском и пышностью а более мерою того сколь растут дани приносимые заботам о деле продолжения и умножения рода каковое терпя ущерб составляет корень всех зол при успешном же совершении сугубый являет знак нескудеющего благоволения властительных натуры. Ибо сыщется ли где тот кто хотя малую улучив толику разумения не раскусил бы что пышность и блеск коснодвижное и к низости наклонное естество собою прикрывать могут

¹ В оригинале смесь языков: Deshil Holles Eamus — На Юг (ирл.) к Холлсу Идем (лат.).

или кто напротив столь туп и непросвещен чтобы того не постигать что изо всех благодеей природы ни одному с даром размножения отнюдь не сравниться так что надлежит всякому благонравному обывателю соделаться проповедником и наставником себе подобных и трепетать дабы то чему в прошлом столь блистательный был дан в державе почин в грядущем не оказалось бы отправляемо без прежнего совершенства буде с течением времени постыдные нравы низведут дошедшие к нам от предков почтенные обычаи до такого падения что потребна будет великая отвага тому кто возвыситься дерзнет свой голос утверждая что нет на свете более гнусного проступка нежели в небрежении и забвении покинуть оный завет равно и заповедь и обетование какой всем смертным предрекая изобилие либо грозя оскудением навек и неотвратимо высшим их долгом определил беспрестанное продолженье рода?

А посему нет резонов нам повергаться в недоумение, ежели, как надежнейшие летописания повествуют, меж кельтами, не в обычае коих было нечто превозносить, по естеству своему превознесения не достойное, искусство врачевания всемерно почитаемо было. Не говоря уж об устройении домов призрения, приютов для прокаженных, парных бань, чумных ям, славнейшие их целители, происходившие из родов О'Шил, О'Ли и О'Хикки, измыслили многообразные способы, коими больных, а равно и расположенных к возврату недуга сызнова приводить в здравие, пускай бы снедали их даже бледная немочь либо Коннеллово детское недержание. И как неусумнительно что во всяком деле хоть несколько имеющем важности для общего блага сообразное с тою важностью приуготовленье потребно, то посему решен был меж ними план (а был ли он сочинен как бы в предвиденье либо по зрелом опыте, то сказать затруднительно, оттого что сужденья позднейших разыскателей между собою разноречивы и даже доднесь нимало не приведены в ясность) в согласии с коим материнство от всякой превратности вполне бы сделалось упасенно, чрез то что каковой бы уход ни оказался потребен в сей жесточайший для всякой женщины час разрешения от бремени, и тот за самую малую мзду бывал бы незамедлительно доставляем, притом же не только тем кто многой казной владеет, но равно и тем кто, не имея достатков, скудную, а порой даже и худшую скудной влачит долю.

Отныне и впредь никакие досаждения им не могли быть чинимы, ибо согласно все сознали и порешили, что не

бывать никоим образом благоденствию, когда нет оно у матерей чадородных и коль скоро подобает вечность богам смертным же продолжение рода то присматривали за нею и как подходил час родильницу доставляли туда повозкою имея к сему большое усердие и побуждая один другого дабы она была принята в тот приют. О мудрой державы знак не только при узрении своем но даже и при одном заочном о нем узнании премногой хвалы достойный что они в предвидении своем чтили уже в ней мать, что тотчас зрела и чувствовала она как начинает быть всемерно оберегаемою и холимою!

Отроча еще не раждено рачителей рвение разожже. Еще в лоне лежай любовию людскою лелеемо. Вся надлежащая о сем с надлежащим же прилежанием съвершена быша. Ложе покойно и многоусердныя повитухы яди питательныя и пелены чистейшая преже премудро уготованы яко же бо аще свершишися раздрешение и с тем вкупе быша вся средства целительная яже потребна суть и такожде многоразличнии снаряди врачевскыя хытрости причастнии ко деле сем ражения незабвенным сущим и приятности исполненным зраком мест от всяких земьских широт и купно же образом божьским и чловечьским ихже созерцанием кровь жен в уединении сущих разожжена бывает и благое споспешествуется раздрешение в сиих хоромех родилных ихже высоци суть и от слънца осияваеми преискусно здани и украсьне украшени егда зримей ей с велиим чревом и близь рожества сущей грядеть да впуститься ту яко же наста ея час.

Муж некий странен прииде и ста у двери дома сего при настании ноци. Сей бе от племени Израилева еже по свету носимо беаше и в дальнюю сию даль притече. И се единым влекомь благоутробиемь чловеческимь одиноко влачися и дома сего достиже.

Сему же дому Хорн есть хозяин. Ту содержит он одры числомь седьмдесят на нихже матере лежаща и страждуща суть да изведуть в мир здравая чада яко же ангел Господень провеща Марии. Сестрицы белыя четою тамо безсонно бдять болящим благоугождающе. Страсти лехчат сущим ту, ихже за двенадесать лун три сотни. Добрыя ложеслужительниц сии суть именовь Хорна покой в полатах храняще.

Служителница же услышавши яко прииде муж сей мяхкосерд убрусом главу покрыту подъя и иде еже ему врата отверсти. Зри, и се во мгновение ока молние твердь неба Ирландскааго на западе блистанием велиим облиста. И вел-

ми ужасеся си яко Господь Воздаятель хотяя сгубити водою весь род людский за беззаконие и грехы его. И се знамением крестным осени перси своя влече его да внидет вборзе под кров. И муж сый ведый яко воля ея добра есть взыде в Хорна хоромы.

Страшася в поздню пору прерывати покой преминашеся пришлец в передней. Во время оно с нею во суседстве витааху с возлюбленною женою и с любезною дщерию обаче оттоле девять уже лет яко странствова по разным морем и землям. В некий день повстреча ю во пристанищи града онаго и поклонение ея не отдасть. И се моляше ю еже его простити и добру указа вину юже си прият яко точию мельком лице ея увиде и не позна мняй яко младо зело. И от оных его словес просияста очеса ея и ланиты зардестася.

И убо увиде на нем ризы темны и ужасеся яко горе его постиже. Обаче посем радовася яже опасася преже. Вопросы ю аще не присылаше О'Хейр Целитель некая добры вести от дальняго брега и на то рече горестно въздыхаючи яко О'Хейр Целитель на небеси есть. И слыша то оный муж опечален премного бысть и вся внутренняя его испостраданием велми отяготишася. И ту поведи ему вся, кончину друга столь млада оплакиваючи обаче аще горюючи ничтоже хотящи прекословити правосудию Божию. Рече яко удостоился бе кончины лепы и мирны по благодости Господней отпущение грехов и приобщение святых таин получивый и елеопомазание удом своим. Посем же муж инокиню вопросы со участием каковою смертию умерший умре и глагола ему еже умре от рака утробна на острове Моне трем летом минувшим на Избиение Младенец и моляшася она Всемиловитейшему Господу да упокоит душу его идеже жизнь вечная. Печальным речем сиим внимая, с главы он своя убор сложи и взор печален прият. И се некий час в скорби купно стояста.

Да воззрит убо всяк на конец грядущь иже есть смерть твоя и на персть объемлющу коегождо от жены рожденна яко аще наг изыде от чрева матере своя и такожде наг возвратися в последний час отшед яко же пришел.

Муж пришедый в дом глагола к сиделице и вопросы ю о здравии тоя жены яже тамо бе и разрешения ждаше. И сиделица восприявши рече яко тая жена ныне три дни кряду муки терпяше яко рожеству зело люту быти обаче ныне конец уже приблизися. И рече еже виде рожества многа но ни едино тольми жестоко бысть яко сия жены. Напослед же возвести вся ему зане ведаше яко сый витааху

во время оно близь того дома. И муж словесем ея внимаше зане чюдишеса яко жены тяжко труждахуся чад родити и такожде чюдишеса зрети лице ея еже муж всяк мняй яко лепо есть аще и лета мнози она яко служительница труждашеса. Девятью двенадцать истечений крови в неплодии ю укаряху.

И егда тако беседоваста храмины двери отверзостася и клики слышны быша яко же бо аще мнозем за трапезою сидящим. И се убо вниде идеже они стояста уноша благороден ученик сый нарицаемый Диксон. Леополд же странный ведяше и от того часу егда сретостася в доме милосердия идеже пребываше сей ученик благороден понеже Леополд странный ту притече исцеления искати яко же бысть в персех уязвлен копием имже порази его летящий змий зело ужасен и лют и того ради сотвори ученик врачебное былие из нюхателныя соли и помазания елико же довлеет ему. И рече яко достоин ему ныне внити в тую храмину и с тыми веселие имети иже суть тамо. И Леополд странный рече еже достоин ему инуду отъити яко же бе муж потаен и лукав. Такоже и госпожа согласие с тем восприя и укори ученика сего аще и добре разуме яко странный сей прорече ложная словеса ради лукавства его. Обаче ученик тый не хотяше ни слышати ниже покорятся госпоже ниже прияти противное его желанию и глагола яко храмина сия чюдна есть. И Леополд странный вниде во храмину хотя аще и малое прохладнение дати удом своим яко изнеможе зане поприща мнози прошед по окрестным землем и овогда похоти покоряшеса.

И посреде храмины сея столешница бе сотворена от брезы корелския и четыре карлы от тоя же земли ю держажу и шевелнутися не можаху яко заклъты бяху волхвованием. И на той столешнице мечи и ножи ужасны ихже сотвориша в велицей пещере ис пламене бела бесы тяжко труждающеса и укрепивша в розех буих и елениих имиже ту избыточествующе. И такожде быша сосуди иже соделаны по чародействам Бохмита из воздуха и песка морскаго яко же некий волхв дыхание свое в няже вдуваше яко в пузырь. И неиздреченна обилность на сей столешнице бе и всякая богатая и драгая и никтоже помысли вящшей обилности ниже вящшаго богатства. И такожде бе ковчежец сребрян иже отверст бе токмо велицей хитростию и заключаше чюдны рыбы безглавы и аще мужи маловернии рекут яко же сему не лзе быти доколе не узрят обаче тако есть. И ты рыбы лежаху в воде елейне яже принесена бысть от Лузи-

танския земле понеже тук имяше яко же вода от гнета маслична. И такожде дивно бе зрети во храмине сей яко учиниша они смешение из тука пшенична плодороднаго иже от Халдеи и пустиша тамо некие гневливые дуси ихже тщанием сие раздувася предивно яко гора велика. И обучаху змии увиватися круг долги посохи иже ис земли торчаще и ис чешуи змиев сих питие творяху еже подобно меду.

И ученик благороден наполни чару знатну отроку Леополду и понуди испити ю яко же и елицы бяху ту кийждо свою испиваше. И Леополд отрок знатен подъя чару ту яко да угодит ему и в очех его малая некая от нея пит токмо единья любве ради зане николиже ничтоже пияше меду и посем в суседа сосудец отай болшую долю излия суседа же онаго лукавства не ведушу. И седяше с ними во храмине той дабы имети некое прохладение. И Богу Всемогушу хвала и слава.

Во время сие благая она служительница прииде и ста у двери и моли их именем Исуса Господа нашего оставити козлогласование свое яко есть верху госпожа благородна носящи во чреве и ей же время родити. Леополд же боярин слыша в верхних хоромех вопль велий и дивися аще вопль сей чада или жены есть и рече чюдно ми яко же несть конца сему. Непщюю яко длитя паче терпения. И яко муж благоразумен увиде он некоего вотчинника худородна нарицаема Ленехан иже седяше против него при столе и старей бе прочих всех и понеже оба беста витязе добли и приведеса им подвизатися вкупе и такожде зане бе старей его глагола ему зело умилно. По велицей милости Божией тако рече к нему вскоре уже родит и возрадуется чаду своему яко жданием множим мучашеся. Вотчинник же худороден испия чашу рече, Ждет что вот-вот ей малец. Такожде прия чашу пред ним стоящу зане николиже укусни чая да его понудят или просят пити, Выпьем-ка мы рече и к вящшему услаждению своему единымъ духомъ чашу ту осуши за здравие их понеже бе богатырския силы муж в похотениях своих. И Леополд боярин иже бе муж честен паче всих гостей иже неколи седяху за трапезою премудрых и бе кроток и благ паче всих иже неколи под куры владычну руку соваху и бе поистине верен паче всих иже неколи служение госпоже благородней воздаху чашу свою учтиво за здравие его осуши. Долготерпению дивися дарованному женам.

Се убо слово молвим о той дружине яже собрася ту помысл имея опойство велие учинити. По всякой стране стола школяры седяху, иже сии суть, уноша Диксон нари-

цаемый от Святыя Марии милосердныя и искреннии его Линч и Мэден, школяры учашеся врачеванию, и оный вотчинник худороден глаголемый Ленехан, и некто от Алба Лонги нарицаемый Кротерс, и Стивен ун иже образ послушника имяше и в головах сего же стола сидяще и Костело иже нарицаем бе Панч сиречь Пясть зане велику славу имяше яко витязь храбр (и бе паче всех пьян разве едина уноши Стивена и паки и паки себе меда просяше), и подле смиренный боярин Леополд. Обаче ждаху они Малахию млада иже обещаеся онуду приити и елицы не хотяху благоутробия явити рекоша яко сей преступи слово свое. И Леополд боярин с ними седе яко крепкое имяше приятельство к боярину Саймону и к оному Стивену иже бе сын его и такожде яко скорби его утишишася от странствий многих тем паче яко бе потчuem и почтен. Жалость жалит его, страсть стремит к странствию, обаче не отыде оттуду.

Сядяху бо тамо школяры хитроумны. И нача слушати их беседу о сем еже есть праведно в делех ражения зане млад Мэден рече яко аще сице случится и то буде лютость велия аще ли жене умрети (сие же времени некому минувшу поистине учинися в Хорна хоромех нецей жене от Ебланы яже ныне остави мир сей и в ночь преже кончины ея вси целители и врачи о том деле совет держажу). И последе вси они рекли еже подобало ей жити вначале бо речено бысть яко да жене в болезни родити чад и помышляюще сице крепляхуся яко же млада Мэдена словеса истинны суть зане сей терзася яко оставили ю умрети. И немало беша сицевых, и уный Линч с ними, иже сумняшася аще зло имат ныне владычество в мире яко же и от века бе аще и безумнии инако мнят обаче закон ниже судии от сего избавления не умыслиша. Бог дарует воздаяние. Едва же сие проречено бысть и вси гласом единым возгласиша яко же ни, николиже, во имя Пречистыя Девы Матере, жене подобает жити, чаду же умрети. Сие же помысливше начаша стязатися яро о сем взискании, овый являше разумения, овый же точию от подпития яко же оный вотчинник худороден Ленехан зело борз бысть егда кому надобе добавляти пива и сице веселие их не убываше. И се убо Мэден млад им яви яко вся сия быша и егда глагола яко она преставися и ея муж честен святыя веры ради и по слову некоего паломника и инока и от обета иже дал бе святому Ултану Арбраканскому не мог ея кончины прияти то их великая скорбь объя. И на то уный Стивен сице глагола, Роптание, почтенные, сие есть вещь чьястая у мирян. Чадо же и мати оба ныне прославляе-

те своего Творца, ов в бездне мрачне, ова же в огне очистителнемь. И за то Ему от нас грамерси. Обаче како тии все души яже Господь яко возможнии сотвори и мы еженощно их в невозможная учиняем еже есть грех против Духа Святаго, Бога Истинна, Владыки и Живота Подателя? Помните бо, рече, яко же вся услаждения наша мимотекуща суть. Для тварей малых иже суть внутри нас мы точию ради них есмы и такожде натура разве нас замысления иные имяше. И се вопросы Диксон Панча Костело аще ведаеши яковы те замысления суть. Обаче оный Панч зело пьян бе и точию единое изрыгаше яко аще удача будет ему да похоти своей волю дати и тогда каяждо жена чрез него чести бы лишилася аще случися то мужняя жена или девица или наложница. Кротерс же из Алба Лонги нача песню про зверя единорога юже сочини млад Малахия яко сей зверь единожды в тысящу лет рогом своим кончаше и прочии во время сие великая насмевания творяще над ним во свидетели призывая уд святаго Футиния еже горазд он вся и всяческая свершити яже человеку возможна. И тако смеяхуся и играху разве токмо млада Стивена и Леополда боярина иже ни единожды не рассмеяся ради некоего чуднаго душе-расположения еже не хотя оставити и такожде зане жалостию снадашеся до кийждо жены имущей во чреве ничтоже разсуждая кто и кде она бе. Стивен же млад нача с надмением глаголати о матери Церкви яже изгна его из лона своя и о догматех и канонех и о Лилит яже абортom покровительница и о сем яко же зачатие учиняется ветром семени сверкающего или от лобзания упырсакого уста ко устом или чрез действие запада яко Виргилий рече или чрез смрад цветка луннаго или яко аще она возлежи с женою юже пред тем муж поя, *effectū secuto*¹, или по случаю омовения яко же непщеваху Авероес и Маймонид Моисей. И такожде рече яко душа человеческая к концу другаго месяца вдунувляется и яко во всех и всегда наша Святая Матерь окормляет души матерь же земная ничтоже есть яко точию самка приносящая приплод по образу скотию и се убо подобает по канонem ей сгинути сице бо рече сей иже рыбаля печать емлет, сам Петр благословен, на его же камении созиждена Святая Церковь на вся времена. И яко вси они тамо бяху брака не восприявыи вопрошаху боярина Леополда аще случилось бе сице и тогда еда воля его была бысть дозволити толикое для нея бедство яко живот под

¹ Последующим действием (лат.).

прещение ввергнути дабы живот спасти. И он яко хотя отвецати со блюдением и благоугодно для всех и емля в руку челюсть свою рече по своему обычаю лицемерне еже елико то ведомо ему иже познание натуры искони любяше елико мирянину то возможно и в согласии с разумением своим о сицевом толико редкостном случае и то есть благо яко же zde мать Церковь вкупе мзду емлет и за рождение и за смерть и сицевым образом вопрошания их избеже искусно. И рече Диксон, сие есть сущая истина, накажи мя Господь, и слово сие имат во чреве аще не я блуждаю зело. Сие же услыша млад Стивен возрадовася и возгласи яко крадущий у беднаго дает взаймы Господу зане буий зело бываше егда пьян и еже он ныне в сицевом образе бе и то уявился вскоре.

Обаче сии словеса не извлекоша боярина Леополда из великой туги его зане ужас вселяюще вопли жен иже в муках ражения яко прежде его терзаху и такожде вспоминаше яко добра его жена Мэрион ему роди младенца мужска пола и той на единадесятый день умре и никтоже бе муж искусен его спасти толико жестока судьба бысть. И злая сия утрата великою кручиною сердце жены снесаше и ради погребения младенца она ему сотвори душегреечку вязену зело красну из шерсти агнчей, от лучшаго агнца из стада, боящися яко замерзнет (бо тогда бе зимы преполовление) и се ныне боярин Леополд иже не имяше чада мужеска пола яко наследника по себе зриаше на него иже сын его друга бысть и печалишеся зело о сгибших своих благых и се убо скорбя понеже несть у него сына толико любезна и добля (о нем же вси глагола яко имат дары мнози) не мене удручася понеже млад Стивен беспутное имат житие с оными опоями и добро свое с блудницами расточает.

О ту же пору млад Стивен чаши все наполни кои пусты стояху и се убо пития точию малая толика осталась бе аще иже благоразумнии не заслоняху доступы свои от него иже их преусердно понуждаше и за верховнаго понтифекса моляся возгласи заздравную чашу о викарии Христове глаголя яко же сей есть и викарий Брэйский. И рече да убо подьемлем ныне фиял сей и испием его мед сие бо истинно есть не тела частица моего но души моя воплощение. Да оставите преломляти хлеб хлебом единым живущим. И да не убоитесь любыя нужды сие бо утешит вящше нежели то устрашит. Воззрите же. И се им яви златицы дани блескающе и златокузнец грамоты и тому всея цены два фунта и девятнадцать шилингов и рече яко получи сие за песнь

юже он сложи. И зело возликовали они зряще сицевые богатства зане ту бе преже великая в денгах скудость. И сице глагола им: то всем мужем ведомо еже пустыни време воздвизают дворцы вечности. Яко да сие навикнути? Желанья ветр ломает терн колючий обаче напоследь процветет из терниев роза на крестном древе време. И сему вонмите. Во чреве жены слово плоть бысть обаче во душе создателя всяка преходяща плоть слово бысть еже не преидет. Сие же есть послетворение. *Omnis caro ad te veniet*. Безсомнително еже могущесть имя тоя яже имяше во чреве драгое тело Искупителя нашего, Исцелителя и Пастыря, наша владычня матере и матере преславных и покланяемых, и истинно Бернадус рече яко же дано Ей *omnipotentiam deiparae supplicem*¹, сиречь всемогущество предстательства понеже она есть вторая Ева яже нас вызволила яко и Августин рече а та, первая, яже нам баба есть с ней же нас связует чредою анастомосис пуповин наших, и та нас предала целокупно, и семя наше и племя, и вся колена, за яблоко еже не стоит полушки медных. Обаче же ту зрится ми преткновение. Позна ли его она, сиречь та, вторая, и бе точию тварь твари своя, *vergine madre, figlia di tuo figlio*², или же она его не позна и тогда пребысть в отречении либо неведении купно с Петром Пискатором живущим в доме иже построил Джек и с Иосифом плотником иже есть святой покровитель расторжений счастливых всех несчастливых браков *parceque M. Léo Taxil nous a dit que qui l'avait mise dans cette fichue position c'était le sacré pigeon, ventre de Dieu!*³ Entweder иносущие oder⁴ единосущие токмо ни в коем случае не ущербносущие. И ту вси возопиша яко сие есть слово хулно зело. Зачатие без радости, тако рече сей, рождение без мучений, тело без изъяна и чрево без вздутя. Да оставим бессрамником сему поклоняться с верою и усердием. Мы же, противоборствующие и противоречущие, прямо противное проповедуем.

По сих же Панч Костело брязне кулаком по столу и зача велегласно вопияти злосрамну песнь «Стабу Стабела» про девку юже обрюхатил некий удалый молодец в земле Немецкой и егда распеваше:

¹ Богоравное всемогущество предстательства (лат.).

² Дева мать, дочь сына твоего (итал. Данте. Рай, XXXIII, 1).

³ Ибо г. Лео Таксиль сообщил нам, что тот, кто ее привел в это положенье, это был священный голубь, кланусь брюхом Господним! (франц.).

⁴ Или... или (нем.).

Первые три месяца *вси* *болезна* *бъше*, то Квигли сиделица рекла им из дверей гневне нишкните и устыдитесь и то ли не бысть благозаконно еже напомни им яко же сия бе ея послушания вся ту в доброчинии содержати дондеже сам Эндрю господин приидет понеже она вельми благострадаше аще сие непотребное козлогласование чести ея служения не бы могло поврещи. Она же бе жена печална и ветха денми, обличия степенна и нрава благочестивна, в ризах темных яко же и подобает к лицу ея еже уныло и морщиновато, и увещания ея не бысть втуне понеже оного Панча Костело вси абие нача испонашати и лаяти, одни с чинною жестостию, иные же тычки отпуская с грозными улещениями, обаче вси браняху его, чума де сего разрази болвана, да какова он диавола хошет, и ты де грубля, и ты де мелкота, шут гороховой, ты еси лиходей, ты еси trebuха свиняя, бусурманско отродье, под забором ражден, ты еси измет, дабы заткнути пьяну околесину юже отрыгаше овый пифик, яко наказание Божие, а добрый Леополд боярин, емуже ведом бе цвет благодушия, майоран тихий, такожде наставляше яко час сей наисвятей есть от всех и наипаче заслужен наисвятым быти. В Хорна бо хоромех подобает покой.

Коротко сказать, помянутая дистракция достойную возымела резолюцию, и посем Диксон магистр, что от Марии Экклской, с приятностию размехнувшись, полюбопытствовал, из каковых резонов юный Стивен не восприя иноческие обеты, и на то последний отвечал так: послушание во утробе, целомудрие же во гробе, а бедность аще и нежеланна да непрестанна. Магистр же Ленехан здесь заметил что он зело наслышан о неких нечестивых деяниях и, как то утверждают толки, им слышанные, сгубил он лилею добродетели доверившейся ему особы дамского пола, сие же не что иное как совращение малолетных, и при таковой вести все живейше возликовали, веселяся и поднимая кубки за грядущее его отцовство. Однако же тот с пылкостью возразил де истина гораздо противна их поклепаниям, для того что есть он извечный сын и нерушимо хранящий девство. Сие изрядно прибавило веселия их сердцам, и принялись они поминать свадебный обряд, о коем он прежде поведал им, и тот обряд превеликия куриозности жрецами есть отправляем на острове Мадагаскаре, свершается же в нем одежд совлечение у новобрачной и девства отъятие, и у нея одежды белого и шафранного цвета, а у жениха белого и шарлахова, возле ложа брачна возжига-

ются свечи и фимиамы курятся, клирики расппевают Аллилуйя и тому купно гимн «Un novetur sexus omnis corporis mysterium»¹, и с таковым церемониалом учиняется лишение ее девства. Он же в ответ преподал им дивну хотя невелику эпиталаму из «Трагедии девы», коя принадлежит перу магистра Флетчера и магистра Бомонта, преискусных сих поэтов, и равномерно живописует соединение возлюбленных. «В постель, в постель!» таков ее был рефрен, сопровождение же к нему исполнять подобало в сообразной позиции, на спинете. То была песнь прелестна и сладкозвучна и полна неоторимой любострастной истомы для юных амантов, коим благовонные светильники паранимфов освещают восшествие их на четырехногий феатр амурав супружеских. Славная была парочка, промолвил, возвеселяся, Диксон магистр, однако послушайте меня, юный сэр, не лучше ль было им прозываться Фаллос и Бабонт, сиречь бабец, мнится бо мне, из такового союза великая бы произошла приятность. Юный же Стивен отвечал, что буде не изменяет память ему, имели они сообща одну девицу из веселого дома и с тою амурам предавались поочередно, поелику в те времена жизнь была ключом и обычай страны оное одобрял. Нет большия любви, рече, как если кто положит жену свою со другом своим. Иди же и совершай по сему. Так, а коли не так, тем хуже, говаривал Заратустра в бытность свою доцентом французской любви в Оксбордельском Университете, и доселе не нарождался под луной человек, коему род людской толико был бы обязан. Введи пришлеца в башню замка твоего, и едва ли того избежишь, чтобы досталась тебе кровать похуже. *Orate, fratres, pro memetipso*². И все ответят миром, аминь. Вспомяни, Эрин, твои колена и дни твои древнии, яко еси отринул мя и слово мое и отверзл пришлецу врата мои да творити блуд при моих глазах и утучнятся и расширятся яко Израиль. И посему согрешил еси против света и мя, Господа твоего, соделал рабом рабов. Обратися же, обратися, клан Милли, не позабудь мя, о семя Милезиево. Вскую сотвори предо мною сию мерзость, яко предпочел еси мене торговца ялапою и от мене отреклся еси пред римлянином и пред индийцем темноглаголивым, с ним же возлежали любострастно дочери твои? Воззри же ныне, народ мой, на землю обетованную от Хорива и от Нево, от Фасги и от Рогов Хеттийских, на

¹ «Да познается вся тайна пола телесная» (лат.).

² Прошу, братия, и за меня помолитесь (лат.).

землю, текущу млеком и пивом. Ты же мя млеком горьким вспоил, луну мою и солнце мое ты угасил навеки. И навеки едина покинул еси мя на путях моих иже суть пути горести, и лобзание тлена положил на уста мои. Сия же тма внутренняя, так продолжал он речь свою, премудростию семидесяти толковников не была просвещенна ниже хотя бы помянута, Восток бо с вышних Иже сокруши врата адовы наслающую тму, коя была предвечна. Обыкновение умалает свирепства (яко же Туллий рече о возлюбленных своих Стоиках) и Гамлету принцу отец его отнюдь не являет язвы иже от пламене чистилища. Непрозрачность в жизни полдневный час воистину есть казнь египетская, каковая и составляет ночам предрождества и послеуспения доподлинное их *ubi* и *quomodo*¹. И как завершения и концы всего сущего в некоей мере и неким образом соответственны истокам и началам его, так подобное же многоликое соответствие, что от рожденья движет и направляет рост наш, завершаясь ретрогрессивной метаморфозою, тем нисхожденьем и убываньем к финалу, каковое приятно ладу природы, присуще и нашему подлунному бытию. Старухи-сестры втаскивают нас в жизнь — мы вопим, подрастаем, резвимся, обнимаемся, сходимся, разлучаемся, хиреем, помираем — и вновь они склоняются над нами умершими. В начале спасенный из вод древнего Нила, средь тростников, в плетеной зыбке из прутьев; в конце же — горная пещера, тайное погребение под совозглашенья орла и пардуса. И как ни единому из смертных не ведом тафоса его топос ниже будет ли возведено нам посем путь держати во Тофет или во град Едем, и таковым же образом утаено, егда будет нам в задняя наша зримо, из каковых дальних пределов чтойность ктойности нашей почерпнула свою причинность.

Тут Панч Костелло, не утерпев, взревел громогласно: *Etienne, chanson*,² однако же тот с пущею зычностью к ним воззвал, любуйтесь каков премудрость построила себе дом, сей свод толико прочен и древен, обширен и величав, хрустальный Творца дворец, ухожен как стеклышко, и тому грошик, кто отыщет горошек.

Взгляни, каков дворец построил умник Бак,
Найдешь ты там вино, и пиво, и табак,
В предивном погребе, где Бак разбил бивак.

¹ Где (и) каким образом (*лат.*).

² Стивен, песню (*франц.*).

Оле, устрашающий треск снаружи, грозный рокот и рык. Громогласно ошую Тор громыхнул млатовержец, распаясь ярым гневом. И се грянула буря, страхом его полня сердце. И Линч магистр остерег его, дабы укротил он свои балясы и блядословия, понеже сам бог прогневался за адовы его поганства и шпынства. И оный храбрец, похвалявшийся надменно, во мгновение ока стал бледен и съежился в виду всех, речь, коя столь зычно и вольно лилась дотоле, стала тиха и смирна на диво, и сердце аки заяц заметалось в клетке груди его, едва он почувал сей бури мощь. Иные тут зачали потешаться, иные глумиться над ним, Панч же Костелло с великим рвением налег вново на пиво, а Ленехан магистр божился и клялся в том от него не отстать, и он был вправде куда как спор на всяк пустяк и безделицу. Однако тут бравый наш фанфарон вскричал, что де, видно, Никтоотец старикан сам обретається в подптити, и на то де ему плевать, а он яко питух верха никомуже даст над собою. Сим точию тщился он отчаяние свое унять, яко, трусая, дрожал он в Хорна хоромах. И, как сказал, немедля и опростал кубок свой, спеша любыми благами упавший дух поддержати, ибо паки и пуще раскатилось по небесам громыхание, а Мэдден магистр, кой в иные поры учинялся сугубо набожен, при сем раскате отпусти под ребра ему тычка, а магистр Блум, близ фанфарона сидяще и страхи его великие желая утишити, зача ободряти его всемерно, толкуя, что де все громы сии точию звук пустой, истечение влаги, в грозочреватом облаце сущей, воззри де и убедися, и вся сия совершается яко предуказано феноменам природы.

Однако победися ли юного Бахвала страх тыми Доброхота речами? Никак, понеже угнездися в груди его заноза, Горечь рекомая, и тоя занозы избытисся речами не можно. И се убо не имел он набожства, присущего одному, ниже благоразумия, отпущенного другому? Истинно так, не имел отнюдь, елико бы ни желал обоя имети. Но ужли не мог он приложить тщания дабы вново, яко во дни юности своя, обрести тую бутылъ, Святость именем, коя прежде была ему толико душепитательна? Отнюдь нет, для того что не снизошла на него Благодать обрести бутылъ ту. А что же слышал он в тех раскатах, глас бога Плодорода либо, по слову оного Доброхота, то гчию Феномена пустой звук? Слышал? Обаче истинно, как мог он не слышати, разве закупорил себе плотно трубу, Разумение рекомую (сего же не содеял отнюдь). Ведь преотлично было зримо

ему чрез трубу сию, яко пребывает в земле Феномена, где и предстоит ему в некий день умерети, коль скоро являет он собою, подобно прочим, точию преходящий зрак. А не приял ли он сию участь, умерети и исчезнути, подобно прочим? Инде ни в какую не приял сего аще и должен был, ниже приял умножати зраки себе подобны, по обычаю яко у мужей с женами, о том же заповедал им Феномен чрез книгу Закон. Не ведал он ничесоже про землю иную, глаголемую Веруй-в-Мя, землю обетованную идеже царствует царь Блаженство ныне и присно и вовеки веков, и несть тамо смерти ниже рождения и несть замужства и материнства, и собраны будут тамо вси, кто верует в то? То правда, Благодетель ему сказывал про землю ту, а Целомудр указал и путь в оную, однако случися тут, яко стала ему пути сего поперек некая блудница зело прелестна, назвалась же она Пташка-в-Руках, и льстивыми речами уклонила его с пути истинна, глаголя, Эй, красавчик, а заверни-ка сюда, покажу райское местечко, и се ласкательствами и лестью залучила его в вертеп свой, прозываемый Гнездышко-в-Кустах, а сведущими глаголемый Плотское Похотение.

Сего-то и алкало то сборище, засевшее Чертог Материнства, и доведися им повстречати сию блудницу Пташку-в-Руках (а была она гнездилище всех язв и чудищ и козней диавольских) и они бы готовы из кожи лезти точию бы ея достигнути и познати. Нащот же Веруй-в-Мя они возглашали яко сие есть точию мудрование и в помыслах своих никогда оного не имели понеже, первое, Гнездышко-в-Кустах, куда она всех заманивала, было столь прелестно местечко и убрано четырьмя подушечками, и на тех подушечках четыре ж билетика, на коих выставлены сии слова, Рядышком, Бочком, Рачком, Язычком, и второе, понеже та язва Сифилла и чудища их нимало не устрашали, коль скоро был у них щит надежен Презерватив из бычьего пузыря, а во-третьях, понеже и козни диавольские, сиречь зарождение Отпрыска, такожде чаяли они отразить тем щитом, ему же иное прозвание Детогуб. И се убо все они были там в ослеплении хотения, сударь Придира и сударь Притвора и сударь Раз-в-Году-Набожен и сударь Троглодит-Пивоглот и сударь Петиметр Диксон и Юный Бахвал и Доброхот Благоразумен. О жалкое сборище, поистине, ты в гибельном заблуждении, понеже был то глас бога, и он, исполняя великого гнева, уже готов подъяти десницу свою дабы расточить души их в прах за их хулы и расточе-

ния семени, кои перечили его заповеди, пламенно плодятся призывавшей.

Итак, четверг, июня шестнадцатого дня. Патк. Дигнам, жертва апоплексического удара, лежит в земле, и после жестокой засухи, хвала Господу, наконец разождало, барочник привез торф, проплыв миль пятьдесят или около того, и говорил, что посевы не всходят, поля засохли, глядят уныло и отменно смердят, будь то в низинах или на взгорье. Трудно дышать, и все молодые побеги погибли начисто, не имея капли дождя столь долго, что в прежние годы никто не упомнит подобного. У роз бутоны все почернели и вспузырились, а на холмах одна жухлая трава и сухой кустарник, который займется от первой искры. Как все твердят в один голос, тот страшный ураган, что разорил всю страну в прошлом феврале, сущий пустяк в сравнении с такою напастью. Однако нынче, как было уже помянуто, после захода солнца и при том же западном ветре стали мало-помалу сбираться крупные набухшие облака, и сведущие в чтении небес мерили их взглядом, потом, ближе к ночи, запоблескивали зарницы, а еще позже, в одиннадцатом уже часу, раздался мощный, долгий удар грома, и вмиг все кинулись врассыпную по домам под дымящимся ливнем, мужчины — защищая соломку шляп платками или какими тряпицами, женского же пола особы — припрыгивая и подбирая юбки повыше, как только начало лить. Где только что была сушь как в Сахаре, по Или-плейс, Бэггот-стрит, Дьюкс-лаун, а оттуда по Меррион Грин на Холлс-стрит мчался поток воды, и повсюду кругом не было уже ни одного портшеза, ни одного экипажа или фиакра, однако гром больше не повторялся после того удара. Против дверей достопочтенного судьи Фицгиббона (кoему надлежало заседать с мистером Хили, стряпчим, насчет земель колледжа) Мал. Маллиган, благороднейший из благородных, вышед от мистера Мура, литератора (прежде паписта, однако ставшего добрым Вильямитом, как про то слышно), натолкнулся на Ал. Баннона с короткой стрижкой (какая модна сейчас, наряду с вечерними плащами из зеленого твида), а тот только что вернулся в город почтовою каретой из Моллингара, где его кузен и брат Мал. М. пробудут еще месяц, до св. Свитина, и спрашивает, как его сюда занесло, он к себе домой, а он к Эндрю Хорну, его там ждут опрокинуть стаканчик, как он доложил, но только ему охота порассказать про одну телочку с норовом, формы не по годам развиты, слегка даже толстомяса, а дождь между

тем все поливал да поливал их, так что оба они прямехонько к Хорну. Там Леоп. Блум из газеты Кроуфорда приятно заседал с ватагой бездельников, мастаков повздорить и покричать, были там Диксон мл., студюзуз от Скорбящей Матери Божией, Вин. Линч, шотландского происхождения молодчик, Вил. Мэдден, Т. Ленехан, в глубокой печали из-за одной чистокровки, коей доверился он на скачках, и Стивен Д. Леоп. Блум там оказался из-за усталости, сморившей его, но сейчас уже вновь воспрянул, а прошлую ночь приснился ему весьма причудливый сон о его даме, миссис Молль, в красных домашних туфлях и в турецких шальварах, а это, как сведущие полагают, к перемене, и миссис Пьюрфой была там же, будучи туда принята по прошенью своего брюха, теперь она, бедное создание, мается, распростершись, уже два дня после срока и все не может родить, повитухи в отчаянии, от рисового отвара ее тошнит, а он обезвоживает лучше всего, дыхание тяжкое, затрудненное, но, судя по тому как толкается, младенец — отменный здоровячок, дал бы ей только Бог разрешиться. Я слышал, это у нее уж девятый, а последнему подрезали ноготки на Благовещенье, значит, ему тогда исполнялся годик, и, как и те трое, тоже все вскормленные грудью, он у нее умер и записан красивыми буквами в Библии короля Якова. Ее мужу с лихвою пятьдесят, он методист, но ходит к причастию, а в погожие деньки его всегда видят по воскресеньям с двумя сынишками возле Баллокской гавани, он там удит сайду и камбалу на удочку с тяжелой катушкой, с берега или с лодки-плоскодонки, старается забрасывать легонько и, как я слыхивал, имеет весьма недурной улов. Итак, словом, отменный ливень, натура сызнава ожила и доброго можно ждать уroda, хоть всякие кудесники предрекают, что вслед за ветром и за водою придет огонь, коль скоро по пророчеству календаря Малахии (также, дошло до меня, и мистер Рассел состряпал сего же толка прорицание с хиндустанского наречия для своей крестьянской газетки) сии три стихии всегда вместе, но это одна тень на плетень для старых бабок и несмышленьшей, отнюдь без никакого резона, хотя порой они со своими чудасами бывает и угодят разом в самую истину, никому не ведомо как.

Тут поднялся в конце стола Ленехан, вознамерившись рассказать про письмо в вечернем листке, и сделал вид, будто усердно разыскивает его у себя (он клялся и божился, что-де оно волнует его безмерно), но, сдавшись на уговоры Стивена, бросил поиски и с большой резвостью последовал

приглашению присесть рядом. Он был весьма разбитной господинчик, строил из себя рубаху-парня да валял дурака, и когда заходило дело о женщинах, лошадях или о свежем скандальчике, случался он всегда тут как тут. По правде говоря, состояние его было скудным и время он проводил большей частью по трактирам и по кофейням в компании вербовщиков, кучеров, тунеядцев, посыльных, подмастерьев, жучков со скачек, девок уличных и бордельных и прочей избранной публики, а иной раз просиживал и ночь напролет с подвернувшимся сыщиком или судейским, выуживая у него еще тепленькие сплетни в промежутках меж возлияниями. Трапезовал он в самых захудалых обжорках, но хоть и доставалось ему порой одно месиво из объедков или тарелка требухи на последний родимый шестипенсовик, язык его никогда не давал поблажки унынию, и от иного соленого словца, подхваченного от шлюхи или еще неведомо от кого, все так и покатывались как одержимые. Другой же из бывших там, Костелло, услышав их разговор, спросил, а что это, стихи или какая история. Не угадал, Фрэнк (таково было его имя), отвечал тот, это про ирландских коров, которых велено забивать по причине чумы. Ну и хрен с ними, говорит он и подмигивает, по мне хоть провались они все со своей собачьей говядиной. Тут вот у нас в жестянке самолучшая рыба, какую отродясь лавливали, и с великим радушием он им протянул стоявшие рядом кильки, к которым уж давно подбирался, ради того и затеяв весь хитроумный маневр, поскольку брюхо у него совсем подвело. *Mort aux vaches*¹, выражается затем Фрэнк на французском наречии, он прежде служил в подручных у некоего виноторговца, имевшего склад в Бордо, и по-французски изъяснялся как джентльмен. Сей Фрэнк с самого нежного возраста был записной шалопай, и его отец, околочный, с превеликим трудом понуждал его ходить в школу, учиться грамоте да разбирать карту, после же этого он поместил его в университет изучать механику, однако тут малый совсем закусил удила как молодой жеребец и был в те поры знаком с судебными исполнителями и с ночными сторожами лучше чем со своей наукою. Одно время подумывал он в актеры, потом в маркитанты, потом в шулера, потом, глядишь, пропадает на петушиных боях да медвежьих травлях, а там ему загорится на моря-океаны или шататься по дорогам с цыганами, которые то сынка украдут

¹ Смерть коровам (франц.).

у какого-нибудь помещика, то стянут белье, развешанное служанкой, а то курице свернут шею, притаясь за забором. Он пускался в похождения столько раз, сколько у бога заповедей, и всякий раз возвращался несолоно хлебавши к своему отцу, околоточному, и тот при каждой такой оказии неизменно проливал не менее пинты слез. Как! восклицает мистер Леопольд, скрестив руки и непритворно будучи озабочен, неужели же все они пойдут на убой? Я протестую, заявляет он, я видел их не далее как сегодня утром, их гнали на ливерпульские пароходы. Я не могу поверить, что это настолько непоправимо, заявляет он. Притом же он был человек многоопытный по сей части, насчет племенного скота, телят, боровков, шерстных барашков, ибо тому несколько лет служил он клерком у мистера Джозефа Каффа, почтенного торговца, каковой скупал скот на фермах и себе не в убыток им торговал недалеко от подворья мистера Гэвина Лоу на Праша-стрит. Я расхожусь в этом с вами, заявляет он. Гораздо вероятней, что тут все-таки не чума, а какое-либо бронхиальное заболевание или актиномикоз. Мистер Стивен, слегка задетый, однако же с совершенной учтивостью, ответил ему, что сомнения невозможны, ибо у него имеются депеши от главного хвостокрута императорского двора с выражениями благодарности за гостеприимство, и тот сюда направляет доктора Эпизоотьева, славнейшего укротителя коров во всей Московии, с парой бутылей снадобья, дабы взять быка за рога. Да уж полноте, вмешался мистер Винцент, привыкший говорить напрямик. Он сам живо попадет на рога, коли свяжется с ирландским быком. Ирландским по имени и по нраву, с чувством подчеркнул мистер Стивен, расплеснув свое пиво. Ирландский бык в английской посудной лавке. Уловил вашу мысль, говорит мистер Диксон. Это наверняка тот бык с изумрудным кольцом в носу, которого прислал на наш остров фермер Николай, самый лихой удалец из всех скотоводов. Твоя правда, отзывается через стол мистер Винцент, и клянусь бычьим ухом, говорит он, никогда еще не было такого гладкого тучного быка середь серящих на трилистник. Рога у него были на загляденье, шкура золотой масти, из ноздрей теплый пар, так что на острове все женщины побросали скалки и прялки да устремились за ним, увешивая его быкородие венками из маргариток. А что толку, говорит мистер Диксон, ведь перед тем, как его послать, фермер Николай, будучи сам евнух, приказал и его выхолостить в наилучшем виде, препоручив операцию

коллегии докторов, которые по известной части все как один были под стать Николаю. Так что теперь ступай, говорит он, и делай все, что тебе прикажет Гарри-нечистый, мой двоюродный братец, и принимай фермерское благословение, и с этими словами он весьма звучно шлепнул его по мягким частям. Однако же тот шлепок, вместе с благословением, ему сослужил службу, замечает мистер Винцент, ведь тот, видно, в утешение выучил его кой-чему получше утраченного, коль скоро до сего дня и жена и девица, и вдова и черница, все в один голос скажут, что им куда желанней нашептывать ему на ушко в темном загончике да получать помазание в затылочек его длинным пресвятым языком, чем миловаться хоть с самым распригожим молодцем всех четырех царств Ирландии. Еще один из них вставляет здесь свое слово: И нарядили они его в кружевную рубашку и в нижнюю юбку, так он говорит, а сверху в палантин и в кружевные манжеты, на лбу приладили завиток, умастили все тело его амброй и на каждом повороте дороги соорудили для него стойла с золотыми кормушками, полными наилучшего сена, какое только было на рынке, дабы он мог и отоспаться и опростаться к вящему своему довольству. Но к этому времени отец верных (так они его называли) столь разжирел, что уже едва мог добраться до пастбища. Чтобы помочь тому, хитроумные наши девы и дамы измыслили приносить ему пищу в своих передниках, и когда он вполне насыщал свое брюхо, то подымался иногда на задние ноги, являя высокородным дамам вся тайная, и издавал мычанье и рев на бычьем своем наречии, и все они вторили ему. Сущя истина, подхватил другой, и стал он до того привередлив, что уже требовал, чтобы нигде в стране ничего не росло, кроме одной зеленой травы ему на потребу (все остальные цвета он терпеть не мог), и потому водрузили в самой середине острова, на холме, печатное объявление, гласившее: волею Гарри-нечистого да будут зело зелены все зеленыя, что на земле зеленеют. Мистер же Диксон добавляет, и едва случится ему зачутья скотокрада в Роскоммоне или в глуши Коннемары, или прознать, что какой-нибудь землепашец в Слайго засеял полгрядки рапсом или горчицей, как он тут же в бешеной ярости готов мчаться через весь остров, чтоб вырвать рогами с корнем, что там росло, и все это волей Гарри-нечистого. Поначалу они не ладили, говорит мистер Винцент, Гарри-нечистый посылал фермера Николая ко всем чертям и называл его хозяином бардака с семьей шлюхами

и сулил, что он еще разберется с его темными делишками. Я эту скотину заставляю понюхать, чем в аду пахнет, так он ему сулил, с помощью вот этого доброго уда, что мне от отца достался. Но как-то вечером, говорит мистер Диксон, когда Гарри-нечистый скреб свою королевскую шкуру, собираясь отобедать после гребных гонок, где он, конечно, всех победил (а правила там были что он вместо весел гребет лопатами, а все остальные — вилами), он вдруг у себя обнаружил разительное сходство с быком и, взявши замусоленную книжицу со старыми сказками, что у него хранилась в кладовке, с несомненностью там открыл, что происходит он по побочной линии от знаменитого призового быка римлян, *Bos Bovum*¹, что на чистейшей кухонной латыни обозначает босс всем быкам. После чего, продолжает мистер Винцент, Гарри-нечистый, собравши всех царедворцев, окунает свою башку в коровью поилку и, вынув ее оттуда, объявляет им новое свое имя. Затем, не успев обсохнуть, облачается в старую юбку и в кофту, которые остались от бабки, и спешит покупать учебник бычьего языка, только он все равно не сумел выучить ни одного слова, кроме местоимения первого лица, но зато уж его крупно переписал и вызубрил назубок и, выходя погулять, всегда прихватывал с собой мел, чтобы писать его везде, где понравится, на камне, на столике в трактире, на тюках с хлопком, на поплавках удочек. Одним словом, он и ирландский бык стали в такой тесной дружбе, как штаны с задницей. Статья стали, говорит мистер Стивен, а кончилось дело тем, что мужчины на острове, увидав, что на помощь им не рассчитывать, раз все женщины, неблагодарные, отвернулись, скотили здоровый плот, загрузились на него со всеми узлами и потрохами, установили попрямей мачты, набрали на снасти команду, развернули переднюю шкаторину, легли в дрейф, залили горючего за воротничок, уставили нос ниже ватерлинии, выбрали якорь, положили руль лево по борту, подняли пиратский флаг, рывкнули тройное ура, запустили пыхтелку, отпихнули свой тузик и поехали переткрывать Америку. И по такому случаю, заключает мистер Винцент, ихний боцман сочинил лихую припевку:

Эх, папа Петр пусть жрет помет
И все такое прочее.

Не успели студенты закончить описанной выше аполо-

¹ Бык Быков (лат.).

гни, как на пороге явился достойный знакомец наш, мистер Мэйлахи Маллиган, в обществе одного своего приятеля, которого он только что повстречал. Имя сему последнему было Баннон Алек, и прибыл он в город нынешним вечером, имея желание купить себе чин прапорщика или поручика в ополчении да понюхать где-нибудь пороху. Мистер Маллиган весьма учтиво высказал сему одобрение, заметив, что не усматривает здесь ущерба собственному прожектору, каковой он задумал ради искоренения того зла, о коем выше было трактовано. И с этими словами он передал на обозрение собравшимся несколько карточек из твердого картона, что были заказаны им у мистера Квиннелла, печатника, и несли следующую надпись, оттиснутую красивыми и крупными литерами: *Мистер Мэйлахи Маллиган. Оплотворитель и Инкубатор. Остров Лэмби.* Помянутым прожектом, как он открыл им, определялось ему отойти от праздных увеселений, подобных тем, коим неумеренно предавались сэр Франт Вертопрах и сэр Мямли Рохли, дабы всецело себя отдать благороднейшему занятию, на какое особенно рассчитано и наше телесное устройство. Что же, дружище, порасскажи-ка об этом, пригласил мистер Диксон. Уж я уверен, тут не обойдется без девок. Да присаживайтесь оба, в ногах правды нет. Приняв сие любезное приглашение, мистер Маллиган приступил к рассказу о своем предприятии. Как поведал он слушателям, она идея его посетила впервые при размышлении о причинах неплодия, кои равно происходят от препон умышленных и от неумышленных, притом же первые, в свой черед, семейными распрями либо скупую расчетливостью чинимы бывают, последние же могут происходить либо от врожденных изъянов, либо от благоприобретенных склонностей. По его признанию, душа его исполнялась скорби, когда видел он, как лишают брачное ложе драгоценнейшей его службы; а если, к тому же, вспомнить о преизбытке нежных созданий с кругленьким вдовьим капиталом, что станет добычею мерзких бонз, прячущих светоч свой под сосудом в какой-нибудь угрюмой обители, иль губящих цвет своих женских чар в объятиях иного наглого красавчика, владея между тем ключами несказанного счастья, иль приносящих в жертву бесценный пол своего перл, когда кругом несть числа статным кавалерам, весьма охочим амуриться, — все это, так уверил он их, терзало сердце его нещадно. Стремясь сие нестроение устранить (а происходило оно, как то уяснилось ему, от подавления внутреннего жара), обсудил

он дело свое с людьми сведущими и достойными, с пристрастием разобрался в материях привходящих и сопредельных и надумал приобрести в вечную собственность ленное владение, остров Лэмби, у нынешнего его владельца, лорда Толбота де Малахайда, дворянина из ториев, которого не весьма жаловала правящая наша партия. Полагал же он там устроить национальную оплодотворительную ферму под названием «Омфал», вытесать и воздвигнуть на ней обелиск наподобие египетских и самым неукоснительным образом предоставлять услуги по оплодотворению любым особам женского пола, без различья сословий, какие будут направляться к нему, желая исполнить, что определено им натурою. Дело не ради дохода, заявил он, за труд свой не будет он взимать ни единого пенса. Бедная кухарка и роскошная леди равно обретут в нем своего мужчину, коль скоро сложение их и темперамент с довольным красноречием убеждают склониться к их просьбам. В рассуждении же питания он им представил, как будет держаться рациона, сугубо состоящего из лакомых клубней, а также рыбы и кроликов, поскольку у сих последних, весьма плодовых грызунов, мясо как нельзя полезней для его цели, будь то тушеное или жареное на вертеле, особливо если добавить мускатный цвет и толику кайенского перца. Произнеся сию проповедь с жаром и вдохновением, мистер Маллиган проворно снял со своей шляпы платок, коим пытался он ее защитить. Как без труда угадывалось, оба друга были застигнуты дождем, и, сколь ни резво ретировались они в укрытие, однако успели преизрядно намочнуть, чему свидетельством была нижняя часть костюма мистера Маллигана, каковой домотканая серая материя сделалась пегой, в яблоках. Прожект между тем принят был благосклонно и снискал непритворные похвалы от всех слушателей, одного выключая мистера Диксона, что от Марии Скорбящей; последний же с коварной любезностью осведомился, не помышляет ли заодно мистер Маллиган возить воду в ближнюю речку Лиффи. Однако тут мистер Маллиган завоевал на свою сторону просвещенную часть братии подходящею цитатой из классиков, поскольку в той цитате, какую хранилась она в его памяти, мнил он найти изящное и вместе весомое подкрепление своим видам: *Talis ac tanta depravatio hujus seculi, O quirites, ut matres familiarum nostrae lascivas cujuslibet semiviri libici titillationes testibus ponderosis atque excelsis erectionibus centurionum Romanorum magnopere ante-*

ponunt¹, а что до более неотесанных, то их он убедил помощью уподоблений из животного царства, кои для их желудков были куда съедобней, про лань с еленем в диких лесах да утку с селезнем во дворе фермы.

Имея весьма высокое мнение о благородстве манер своих и о щегольстве наряда, да и вправде будучи завидно лепообразен, многослов наш обратился засим к обозрению своего платья, приправляя оный обзор сварливыми осуждениями нежданных причуд природы, между тем как собравшиеся щедро расточали хвалы услышанному прожекту. Молодой джентльмен, его друг, пребывая в нежном волнении от приятного похождения, ему недавно выпавшего на долю, не мог долго устоять и немедля пустился выкладывать о том походе ближайшему своему соседу. Мистер же Маллиган, обратя взгляд к столу, спросил, для кого тут столько хлебов и рыб; затем заметил он незнакомца и, поклонившись ему учтиво, промолвил: Прошу вас, скажите, сэр, не привела ли вас сюда нужда в услугах повивального ремесла, какие могли бы мы оказать вам? В ответ последний сердечно благодарил его, держась, однако, с достоинством и без панибратства, и сообщил им всем, что посетил он Хорна, тревожась о судьбе некой дамы, находящейся ныне здесь, поскольку недоля женская (тут испустил он глубокий вздох) привела ее в интересное положение, и желал бы он знать, не наступил ли уже счастливый исход. Засим мистер Диксон, решив отплатить противнику его же монетою, спросил у мистера Маллигана, надо ли полагать сфероидальную его корпуленцию в вентральной проекции, над которою он почасту подтрунивал, следствием овобластической гестации в утрикуле простаты, сиречь в утробе мужеской, либо же, как у мистера Остина Мелдона, именитого медика, симптомом синдрома прогрессирующей эндогенной филофагии. Вместо ответа мистер Маллиган, весьма веселившийся, глядя на свои панталоны, молодецки хлопнул себя пониже грудобрюшной преграды и, изобразив на лице презабавную мину матушки Гроган (заметим, милейшая женщина, хотя, к прискорбию, легких нравов), вскричал: вот чрево, что никогда не носило выbledка! Эта славная шутка родила целую бурю восторгов, так что съзнова все в зале той отдалось буйному и разгульному веселью. И так продолжа-

¹ Столь велико развращение века нынешнего, О квириты, что наши матроны охотно предпочитают похотливые шупанья разных полумужчин мощным ятрам и превосходному удостоянию кентурионов римских (*лат.*).

лись их бойкие препирательства и скоморошства, покуда не послышалась некая тревога в передней.

Тут слушатель его, весьма восторженный юноша, шотландский студент с волосами белыми, словно лен, с великим жаром поздравил юного джентльмена и, прерывая его рассказ на самом красочном месте, учтиво адресовался к своему визави, не будет ли тот столь любезен передать ему сосуд с горячительным эликсиром, и в то же время, вопросительным наклоном головы, за коим тут же следовал равновеликий наклон бутылки в направлении обратном, — бесподобному сему жесту не выучит и целый век изящного воспитания — красноречивее нежели словами сделал рассказчику предложение попотчевать его рюмочкой. *Mais bien sûr*, благородный незнакомец, с готовностью откликнулся тот, *et mille compliments*¹. Как нельзя кстати. Рюмки этой весьма мне доставало для полноты счастья. Но, милостивое небо, если бы даже остались мне лишь корка в котомке да глоток воды из колодца, и тогда, Господи, сердце повелело бы мне, приняв их, пасть на колена и возблагодарить вышние силы за все счастье, дарованное Подателем благ. С этими словами он поднес бокал свой к губам и с видимым удовольствием сделал добрый глоток, затем, поправивши свою куафюру, полез за пазуху к себе и показал медальон на шелковой ленточке, хранивший заветный образ, который лелеял он с той самой минуты, как ее ручка сделала на нем надпись. И с бесконечно нежностью устремив взгляд на ее черты, воскликнул, Ах, мсье, если бы видели вы ее, как довелось это мне в тот волнующий миг, в этой нарядной блузке, в новенькой шляпке не без кокетства (подарок ей ко дню ангела, она мило призналась мне), и, ко всему еще, в столь безыскусном беспорядке, в порыве самозабвенной нежности, я вам клянусь, мсье, даже и вас великодушная натура ваша побудила бы безраздельно сдаться на милость такого врага — или оставить навсегда поле битвы. Ручаюсь вам, никогда в жизни я не бывал так растроган. Хвала Тебе, Боже, Источнику и Творцу дней моих! Трикрат будет счастлив тот, кому столь чудесное создание подарит свою взаимность. Нежный вздох придал еще более красноречия его словам и, спрятав медальон обратно к себе на грудь, он вытер глаза и снова вздохнул. О Всемогущий Сеятель благ всем тварям Твоим, сколь велико и безгранично сие сладчайшее Твое иго, что может

¹ Конечно же... и тысяча благодарностей (*франц.*).

держат в оковах свободного и раба, деревенского простака и столичного щеголя, юношу в пору буйных страстей и умудренного годами супруга. Но, право, сэр, я отклоняюсь от своего предмета. Сколь неверны и хрупки подлунные наши радости! Проклятие! Отчего не угодно было Всевышнему, чтобы предчувствие шепнуло бы мне взять плащ? готов рыдать, думая об этом. Ведь тогда, хоть разверзлись хляби небесные, это нам не принесло бы никакого вреда. Однако черт с ним совсем, вскричал он, чувствительно хлопнув себя ладонью по лбу, утро вечера мудренее, и мне известен один marchand de sarotes¹, мсье Пойнц, у которого я за ливр могу купить самый удобный плащ по французской моде, какой только защищал когда-нибудь даму от сырости. Тете-те! прервал его Le Fécondateur², друг мой мсье Мур, сей знаменитейший путешественник (мы только что приняли полбутылочки avec lui³ в кругу избранных острословов этого города), достоверно мне сообщал, что на мысе Горн, ventre biche⁴, бывает и такой дождь, который промочит насквозь любой самый плотный плащ. От таких неистовых ливней, как он говорил мне, sans blague⁵, не один несчастный скоропостижно отправился в лучший мир. Тьфу! Целый ливр! вскричал тут мсье Линч. Да эти неуклюжие изделия не стоят и одного су. Один-единственный зонтик, пускай не больше опенка, лучше целой их дюжины. Ни одна умная женщина не захочет подобных средств. Моя милая Китти мне сегодня сама сказала, что она скорей согласилась бы на потоп, чем на муки голода в таком ковчеге спасения, потому что, как напомнила она мне (прелестно покраснев и шепча мне на ушко, хотя подслушивать нас было некому, кроме порхавших бабочек), госпожа Природа, с соизволения Божия, внушила нам, и уже успело это войти в пословицу, что il y a deux choses⁶, для коих невинность первозданного нашего наряда, при иных обстоятельствах нарушающая приличия, оказывается самым уместным и даже единственно подходящим одеянием. Первая из них, сказала она (и тут очарова-

¹ Торговец плащами (или презервативами — жаргонное значение французского sarote). В дальнейшем тексте эта двусмысленность дополняется другой: английское слово umbrella (зонтик) в жаргонном значении — пессарий.

² Оплодотворитель (франц.).

³ С ним (франц.).

⁴ Козье брюхо (франц.).

⁵ Не шутя (франц.).

⁶ Имеются две вещи (франц.).

тельный мой философ, пока я подсаживал его в тильбюри, слегка лизнул мне ушную раковину язычком, чтобы лучше привлечь мое внимание), первая это ванна... Но в этот самый миг дребезжание колокольчика в прихожей прервало его рассказ, суливший столь славно обогатить сокровищницу наших познаний.

Итак, посреди всеобщего праздного веселья, царившего в собрании, внезапно прозвенел колокольчик, и пока все гадали, какая бы причина была к тому, вошла мисс Каллан и, тихо сказав несколько слов молодому мистеру Диксону, вновь удалилась с низким поклоном. Даже и краткое присутствие среди разгульной компании этой женщины, украшенной всеми дарами скромности и столь же прекрасной, сколь благодетельной, весьма укротило сих необузданных нечестивцев, однако сразу с ее уходом все срамословия хлынули без препон наружу. Убей меня бог кувалдой, взревел Костелло, плюгавый малый в сильном подпитии. Вот это телочка, чтоб я сдох! Божусь, она тебе шепнула насчет свиданки. Скажешь, не так, ты, кобель! Да ты хоть умеешь с ними? В бога душу. Еще получше тебя, сказал Линч. Они-то уж у Скорбящей понимают в постельном обращении. Ейбопра, там этот доктор О'Гагл, он только и знает, что щекотать сестричек под подбородочком. Пусть мне души своей не спасти, мне все это Китти рассказывала, она сама там сиделкой уже семь месяцев. Ах, доктор, господи, доктор, воскликнул тут юнец в лимонном жилете, изображая жеманные ужимки и непристойно паясничая всем телом, ах, как вы меня раздраживаете! Пропади все на свете! Боже милостивый, я вся дрожу как овечка. Да вы опасней, чем сам милейший Отец Поцелуйчик, ей-богу! Подавиться мне этой кружкой, снова взревел Костелло, если она не ждет прибавления. Я знаю дамочку, на которую стоит только мне поглядеть, как она тут же с начинкой. Однако здесь молодой хирург поднялся со своего места и попросил у собравшихся извинения за то, что вынужден их покинуть, поскольку требуется его присутствие в палате, как о том сообщила ему сестра. Милосердному провидению угодно было, чтобы, наконец, завершились страдания той дамы, которая была *enceinte*¹, переносит это с такой примерною твердостью, и она произвела на свет крепкого мальчугана. Я бы желал, молвил он, чтобы достало терпения моего для тех, кто, не имея решимости давать жизнь и не

¹ Беременная (франц.).

имея учености давать знания, поносит благородную профессию, которая, исключая лишь воздание почестей Божеству, является величайшей силою, приносящей счастье на земле. Я заверяю вас, что, будь в том нужда, я без труда представил бы облак свидетелей ее достойного и благородного служения, коему должно вызывать не развязные хулы, но гордость и ликование в людских сердцах. Я не могу их сбросить со счетов. Как? Чернить подобного человека, любезнейшую мисс Каллан, красу своего пола и диво для нашего, и это еще в самую значительную минуту, какая выпадает на долю слабого смертного создания? Да сгинет самая мысль об этом! Я содрогаюсь, когда я думаю о будущем того племени, где посеяны столь недобрые семена, где даже в храмине Хорна давно позабыли чтить мать и деву так, как то подобает. Произнеся эту отповедь, он прощально приветствовал остающихся и скрылся в дверях. Гул одобрения раздался со всех сторон. Иные предлагали изгнать низкого пропойцу без дальних слов, и это намерение могло бы исполниться, так что тот получил бы полное воздаяние по заслугам, если бы сам не поспешил на попятный, уверяя их с ужаснейшею божбою (проклятия у него никогда не сходили с уст), что лучшего сына, чем он, веки не появлялось у святой и истинной церкви. Сдохнуть мне на месте, возопил он, да честной Фрэнк Костелло, который тут перед вами, да он завсегда имел чувства а пуще всего был научен чти отца твоего и мать твою она у меня умела стряпать пудинг с вареньем язык проглотишь всегда ее вспоминаю плачу.

Но вернемся к мистеру Блуму, который при своем появлении уловил кое-какие непристойные шутки, однако стерпел, решившись смотреть на них как на плоды возраста, в коем, как это многие полагают, человек не ведает жалости. Совершенная правда, что молодые лоботрясы изощрались в шальных проделках словно большие дети; слова, что слышались в их шумных беспорядочных спорах, были невразумительны и зачастую малопристойны; их грубость и оскорбительные mots¹ отталкивали от себя его разум; и уж тем паче не были они строги в соблюденьи приличий, хотя неистощимые запасы их молодой животной энергии скорей привлекали к ним. Однако слова мистера Костелло звучали для него нежеланным наречием, ибо ему был тошен этот богомерзкий субъект, он казался ему неким кор-

¹ Словечки (франц.).

ноухим отродьем, уродливо сторбленным, неведомо от кого рожденным и в мир явившимся, как горбуны, уже зубатым и ногами вперед, чему придавали вероятие следы от щипцов хирурга на его черепе, и наводил он его на мысль о том недостающем звене в цепочке творений, которого так искал изобретательный ум покойного мистера Дарвина. Он уж перевалил за половину сроков, отпускаемых нам судьбою, перенеся бессчетные превратности бытия; и, принадлежа к племени осторожному, а также имея редкостный дар предвиденья, давно уже наказал своему сердцу не поддаваться порывам гнева, а, утишая их незамедлительно и искусно, хранить у себя в груди то покойное всеприятие, которое низкие люди поносят, скорые на суд презирают, и все находят терпимым — но не больше того. За теми, кто изощряется в острословии за счет хрупкой натуры женщин (наклонность, ему глубочайше чуждая), он не признал бы ни честного имени, ни благородного воспитания; противу же тех, кто, потеряв всякую меру, больше уже ничего не мог потерять, у него оставалось острое оружие — опытность, способная принудить их дерзость к бесславной и беспорядочной ретираде. Это не возбранило ему сочувствия к пылкой юности, которая, невзирая на шамканье дряхлых и нареканья суровых, извечно стремится (как то выражают целомудренные образы Священного Писателя) вкусить от запретного плода; однако никогда он не мог бы дойти до такого пренебрежения человечностью в отношении к благородной даме, исполняющей возложенный на нее долг. Итак, заключим: хоть сообщенье сестры поддерживало в нем надежды на скорый исход, но, при всем том, нельзя же признать, велико было его облегчение, когда он узнал, что после столь тяжких испытаний благие предсказанья сбылись, и через то вновь явлены были всем щедроты и милосердие Верховного Существа.

Свои раздумия, сообразные событию, решил он поведать соседу, изъяснив тому, что, касательно его понятий на сей предмет, его мнение (которого, пожалуй, ему бы не стоило выражать) таково, что лишь имеющий сердце из льда и весь духа состав бесчувственным не возрадуется при вести о завершеньи ее родов, поскольку достались ей жестокие испытания без всякой ее вины. Нарядно одетый юноша ему отвечал, что вина за те испытания на ее супруге или, по крайности, должна она быть на нем, если только дама не являет собою новую матрону эфесскую. Должен сказать вам, молвил тут мистер Кроттерс, постучав по столу, дабы

звучно подкрепить свое сообщение, что ее старый Аллилуй опять приходил сегодня, совсем уже пожилой, с бакенбардишками, и гнусавит в нос, прошу одно словечко, как там Вильгельмина, жизнь моя, это он ее так назвал. Я ему наказал быть в готовности, мол, событие вот-вот грянет. Ну и притча, я вам прямо скажу. Я только могу дивиться, какая потенция у этого старикана, если он из своей половины сумел вытрясти еще одного. Все принялись восхвалять его, каждый во что горазд, и только нарядный юноша, как прежде, стоял на том, что это-де некто, а не ее законный супруг, отличился в деле, лицо духовное или факельщик (весьма добродетельный) или бродячий торговец разным товаром, потребным домовитой хозяйке. Сколь изумительна, рассуждал гость сам с собою, сколь несравненна их способность к метемпсихозу, коль скоро и чадовосприимный покой и трупорассекновительный театр ныне обращены у них в академии безнравственного легкомыслия — и при всем том, уже одного вхождения в ученую корпорацию будет довольно, чтобы эти слуги праздных забав во мгновение ока преобразились в примерных служителей того искусства, которое столь многие славные мужи полагают из всех достойнейшим. Однако, прибавил он вслед за тем, может статься, это дает им случай не сдерживать томящих чувств, кои гнетут их в обычной жизни, ибо не раз наблюдал я подтвержденный тому, что рыбак с рыбаком веселятся рядком.

Но по какому праву, позвольте нам спросить благородного лорда, его покровителя, этот чужеземец, лишь милостью доброго государя получивший гражданские права, возводит себя в верховные судьи внутренних наших дел? Где та благодарность, какую предписывает ему уже простая лояльность подданного? Во время недавней войны, когда врагу порой удавалось приобрести перевес своими гранатами, разве этот предатель своего племени не пользовался всякий раз случаем, чтобы обратить оружие против империи, где его до времени терпят, сам между тем дрожа за судьбу своих четырех процентов? Или он позабыл об этом, как предпочитает забывать обо всех получаемых им благах? Или, привыкнув водить за нос других, он одурачил, наконец, самого себя, коль скоро, если слухи не лгут, он сам сделался единственным орудием своего наслаждения? Бесспорный грех против скромности — вторгаться в спальню почтенной дамы, дочери отважного майора, или же допускать хотя бы тень сомнения в ее добродетели, однако, уж если он сам

привлекает к тому наше внимание (чего поистине ему бы лучше остерегаться), — что же, будь по сему. Несчастливая женщина, ей слишком упорно и слишком долго отказывали в ее законных прерогативах, чтобы она могла относиться к его упрекам иначе нежели с презрением отчаявшихся. Это он-то осмеливается их бросать, этот блюститель нравов, истый пеликан в своей добродетели, он, не посовестившись, забыв о природных узах, искать незаконных сношений со служанкой, взятою из самых низов общества! Да ведь если бы эта красotka не обрела в своей швабре своего ангела-хранителя, ей досталась бы столь же горькая участь, как египтянке Агари! А что до пастбищ, то здесь его сварливое упрямство давно снискало дурную славу, так что один скотовод, возмущившись, дал ему суровую отповедь в отборных буколических выражениях, чему мистер Кафф был свидетелем. Не слишком ему пристало проповедовать такое писание. Разве нет у него поблизости поля, что лежит невспаханным и ждет плуга? Порочная привычка поры созревания есть срам в зрелом возрасте, но, увы, делается второю натурой. Уж если желает он расточать свой бальзам из Галаада в рецептах и апофегмах сомнительного вкуса, дабы возвращать на стези здоровья желторотых распутников, то подобало бы его делам быть в лучшем согласии с ученьями, коим он ныне привержен. Супружеское его сердце таит секреты, которые благопристойность откажется выносить на свет. Развратные предложенья какой-нибудь увядшей красотки способны утешить его за супругу, отринутую и павшую; однако в обличье новоиспеченного целителя зол и поборника добронравия являет он собой в лучшем случае некое экзотическое дерево, что, уходя корнями в землю родного Востока, росло и цвело и источало изобильный бальзам, но, будучи пересажено в более умеренный климат, утеряло былую крепость корней своих, а вещество, из него истекающее, загнило и скисло и утратило силу.

С великою осмотрительностью, достойной придворных нравов Блистательной Порты, новость была доверена второй санитаркою младшему из дежурных представителей врачебного корпуса, и тот, в свою очередь, известил депутацию о появлении на свет наследника. Когда же он удалился на женскую половину, дабы присутствовать на торжественной церемонии отделения последа, с участием государственного секретаря по внутренним делам и членов тайного совета, усталым молчаньем выразивших единодушное одобрение, депутаты, наскучив своим долгим и чинным

бдением и упояя, что радостное событие освобождает их от гнета приличий, благо это освобождение облегчалось одновременным отсутствием и камеристки и должностного лица, без промедления пустились в пререканье языков. Тщетно раздавался там голос господина Комиссионера Блума, призывая их к мягкости, сдержанности, спокойствию. Минута была слишком благоприятна для упражнений в том роде речей, который единственно лишь и связывал меж собой эти весьма несходственные натуры. Безжалостный скальпель их не миновал ни единой подробности предмета: врожденная антипатия единоутробных братьев, кесарево сечение, роды после кончины отца или, реже, после кончины матери, братоубийственное дело Чайлдса, что прославилось благодаря страстной речи господина Адвоката Буша, обеспечившей оправдание невиновного, права первородства и получения пособий при рождении двойни или тройни, выкидыши и детоубийства, умышленные либо тайные, лишенные сердца *foetus in foetu*¹, апросопия от закупорки вен, агнатия неких китайцев без подбородка (случай, сообщенный господином Кандидатом Маллиганом) вследствие несовершенного сращения челюстных выступов вдоль медиальной линии, в каковом случае (по его выражению) одно ухо слышит, что другое говорит, преимущества обезболивания родов посредством снотворных, удлинение времени схваток в последней стадии беременности вследствие давления на вену, преждевременное отхождение вод (наблюдавшееся в настоящем случае), грозящее сепсисом матки, искусственное осеменение с помощью шприца, загибание матки с наступлением менопаузы, проблема продолжения рода в тех случаях, когда женщина зачала при изнасиловании, мучительный вид родов, называемый бренденбуржцами *Sturzburt*², известные примеры рождений монстров, двусеменных и многоблизнецовых рождений, случающихся, когда зачатие было кровосмесительным или в период менструации, — словом, все разновидности человеческого рождения, каковые классифицирует Аристотель в своем шедевре, снабженном хромолитографическими иллюстрациями. Глубочайшие проблемы акушерской науки и судебной медицины подвергнуты были разбору с тем же вниманием, что и простонародные поверья, касающиеся беременности, как то запрет беременной перелезть через плетень, чтобы при таковом

¹ Рождающийся зародыш (*лат.*).

² Стремительные роды (*нем.*).

движении не задушился младенец пуповиной, или же указание ей, если возгорится пылко и тщетно желанием, то пусть прижмет руку к тому своему месту, каковое древним обычаем назначено для телесных наказаний. Такие аномальные отклонения, как заячья губа, родимые пятна, винные пятна, многопалость, синюха, ангиома, кем-то из собравшихся были помянуты как очевидное и естественное гипотетическое объяснение случающихся порою рождений свиноголовых (тут не была забыта мадам Гриссел Стивенс) или покрытых собачьей шерстью младенцев. Гипотеза же плазмической памяти, привлеченная посланцем Каледонии и достойная метафизических традиций представляемой им страны, усматривала в подобных случаях остановку эмбрионального развития на какой-либо из предчеловеческих стадий. Чужестранный депутат, отвергая обе эти теории, отстаивал с жаром почти убедительным теорию о совокуплении женщин с самцами животных, ручаясь за истинность басен, подобных легенде о Минотавре, которую изящный гений латинского поэта поведал нам на страницах его «Метаморфоз». Слова его произвели впечатление немедленное, но эфемерное. Оно исчезло столь же быстро, сколь и явилось, под воздействием речи господина Кандидата Маллигана, которую тот произнес в своем неподражаемом игривом стиле, провозгласив, что наилучший предмет желаний — это славный чистенький старичок. Одновременно с этим господин Депутат Мэдден и господин Кандидат Линч затеяли жаркий спор о юридической и богословской дилемме, возникающей в случае смерти одного из сиамских близнецов прежде другого, и оба решили изложить свои затруднения господину Комиссионеру Блуму для немедленной передачи господину Кoadъютору Диякона Дедалу. Последний до этого молчал, повинуюсь ли внутреннему голосу или, быть может, желая чрезмерно важною миной подчеркнуть странную чопорность своего наряда, и, будучи спрошен, напомнил кратко и, как показалось иным, с небрежностью, церковное установление, дабы не разлучал человек того, что соединил Бог.

Однако повесть Малахии начала уже наполнять трепетом их сердца. Вся сцена словно ожила перед глазами у них. Внезапно часть стены рядом с камином, скрывавшая потайной ход, бесшумно отошла в сторону, и в глубине показался... Хейнс! Кто из нас не ощутил, как плоть его застыла от ужаса? В одной руке его был портфель, плотно набитый кельтскими сказаниями, в другой — сосуд с надписью «Яд». Изумление, отвращение, трепет были написаны на всех

лицах, меж тем как он взирал на них с мертвенною усмешкою. Я предвкушал подобный прием, промолвил он, сатанински расхохотавшись, в котором, надо полагать, повинна история. Да, вы не ошиблись. Я убийца Сэмюэла Чайлдса. Но как я наказан! Ад не страшит меня. Вот внешность, что на мне¹. Пропасть и вечность, глухо пробормотал он, когда же обрету я покой, по стогнам Дублина я влачусь с песенной своей ношей, и неотступно повсюду за мною он, словно *soulth*², словно *bullawurrus!*³ Ад мой и ад Ирландии — на этом свете. Как ни пытался я заставить себя забыть! Развлеченья, стрельба ворон, гэльский язык (он произнес на нем несколько фраз), опиум (он поднес к губам свой сосуд), занятия туризмом. Все тщетно! Его призрак преследует меня. Дурман — вот единственная моя надежда... О-о! Гибель! Черная пантера! И неожиданно он с жутким воплем исчез, и стена скользнула на место. Однако через мгновение голова его появилась из противоположной двери и произнесла: Ждите меня на станции Уэстленд-роу в десять минут двенадцатого. Он ушел! Слезы заструились из глаз беспутного сборища. Провидец воздел длань свою к небесам, шепча: Возмездие Мананауна! Мудрые повторяли: *Lex talionis*. Сентиментальным нужно назвать того, кто способен наслаждаться, не обременяя себя долгом ответственности за содеянное. Малахия, охваченный волнением, смолк. Тайна раскрылась. Был третий брат, и этот брат — Хейнс, подлинная фамилия которого — Чайлдс. Черная же пантера — то был он сам, призрак своего собственного отца. Он пил одурманивающие снадобья, чтобы забыть. Признателен я вам за облегченье. Одинокий домик у кладбища необитаем. Ни единая душа не будет там жить. Лишь в одиночестве паук там тклет свою паутину да выглянет крыса из норы ночью порой. Проклятие тяготеет над этим местом. Тут бродит призрак. Тут земля убийцы.

Каков имеет возраст душа человеческая? Коль скоро прирожден ей хамелеонов талант менять оттенки свои при всякой перемене окрест, быть радостною с веселыми, печальной с поникшими, ужели не зрим, что и возраст ее столь же переменчив, как и ее настроенья? И Леопольд, что сидит здесь в раздумьи, без конца перелистывая листы памяти, вовсе уже не тот степенный служитель прессы,

¹ Калька английской кальки ирландской идиомы, означающей: «Вот участь, что постигла меня».

² Явление призрака (*ирл.*).

³ Здесь: запах убийства (*ирл.*).

владелец скромного состояния в инвестициях. Умчались прочь годы. Он — юный Леопольд. словно в ретроспективном упорядочении, словно зеркало в зеркале (и — раз!), он созерцает себя. Вот юная фигура той далекой поры, она выглядит возмужалой не по годам, свежим холодным утром она поспешает в школу из старого дома на Клэнбрасл-стрит, опоясана ранцем как патронташем, и в ранце — добрый ломоть пшеничного хлеба, забота матери. А вот — та же фигура через год или два, в первом своем котелке (о, это был день!), уже при деле, полноправный коммивояжер в фирме отца, вооруженный книгой заказов, надушенным платком (вовсе не только напоказ), баульчиком с блестящими безделушками (увы, это уже в прошлом!) и неистощимым запасом льстивых улыбок для каждой наполовину поддавшейся хозяйки, прикидывающей цену на пальцах, или для расцветающей юной девы, застенчиво выслушивающей (но голос сердца? признайтесь!) его заученные любезности. Духи, улыбки, а еще важней, темные глаза и елейная обходительность добывали к вечеру немало заказов для главы фирмы, который после подобных же трудов восседает словно Иаков с трубкою у домашнего очага (лапша, будьте покойны, вот-вот поспеет) и, вздев на нос круглые роговые очки, читает газету месячной давности с континента. Но дохнули на зеркало, и — раз! — и юный странствующий рыцарь отступает в глубину, делается все меньше, меньше и тает крохотной искоркою в тумане. Ныне он сам уже глава семьи, и те, что окружают его, могли бы быть его сыновьями. Кому дано сказать? Мудр тот отец, что знает свое дитя. И вспоминается ему ночь с морозящим дождем, там, на Хэтч-стрит, возле запертых складов, та, первая. Они вместе (она — бесприютная бедняжка, дитя позора, твоя, моя, чья угодно за жалкий шиллинг с пенсом на счастье), вместе слышат тяжелый шаг стражей, когда две тени с острыми капюшонами движутся мимо нового королевского университета. Брайди! Брайди Келли! Навсегда ему запомнится это имя, никогда не забудется эта ночь, первая ночь, брачная ночь. В крошечной тьме сплетаются они воедино, жертва и жрец, и во мгновение ока (*fiat!*¹) море света затопит мир. Однако прильнуло ли сердце к сердцу? Увы, прекрасная читательница! Все свершилось единым духом — однако стойте! Назад! Не надо! Бедняжка в ужасе убегает, скрываясь во мраке. Она невеста ночи,

¹ Да будет! (*лат.*).

дочь тьмы. Она не станет вынашивать солнцеликое чадо дня. Нет, Леопольд! Ни воспоминанье, ни имя не утешат тебя. Вотще миновало ликующее юное чувство собственной силы. Нет подле тебя сына от чресл твоих. Некому для Леопольда быть тем, кем был Леопольд для Рудольфа.

Голоса сливаются и растворяются в туманном безмолвии, безмолвии беспредельного пространства, и безмолвно, стремительно душа проносится над неведомыми краями бесчисленных поколений, что жили прежде. Край, где седые сумерки вечно спускаются, но никогда не упадают на светло-зеленый простор пажитей, проливая свой сумрак, сея нетленные росы звезд. Неровным шагом она следует за своею матерью, словно кобыла ведет за собой жеребенка. Сумеречные виденья, однако облеченные в формы магической красоты, статный округлый круп, стройная мускулистая шея, тревожно-кроткие очертания головы. Печальные видения, они меркнут; и вот все исчезло. Агендат — бесплодная пустыня, приют ночных сов и подслеповатых удо-дов. Златого Нетаима нет больше. Они движутся облачною тропой, призраки скотов, глухим громом отдаются их мятежные рыки. У-уу! Рр-р! У-уу! Параллакс погоняет их, следуя позади, молнии чела его жалят как скорпионы. Яки, лоси, быки Васанские и Вавилонские, мастодонты и мамонты густым стадом бредут к впадине моря, *Lacus Mortis*¹. Зловещее, мстительное воинство Зодиака! Они мычат, ступая по облакам, двурогие и козерогие, хоботастые и клыкастые, львиногривые и длиннопантые, пресмыкающиеся и свинорылые, грызуны, жвачные и толстокожие, все их движущееся мычащее скопище, убийцы солнца.

Все дальше, к мертвому морю бредут они с топотом на водопой, пьют ужасающими глотками и не могут напиться от его соленых, дремотных, неиссякаемых вод. И знак конский вновь растет и восходит среди пустыни небес, едва ли не во всю ширь небосвода, покуда не заслонит своею огромностью дома Девы. И вот, взгляни, о чудо метемпсихоза, то она, присносущая невеста, вестница дневных звезды, невеста и приснодева. То она, Марта, моя утрата, Миллисент, юная, милая, сияющая. Сколь безмятежна она в царственном своем появлении среди Плеяд в последние предрассветные часы, в сандалиях из чистого золота, в уборе из этой, как ее, кисеи. Он окутывает ее, плывет над ее звездною плотью, играет сапфирным и изумрудным, лило-

¹ Озеро Мертвых (*лат.*).

вым и яркосолнечным, волнуется токами ледящих межзвездных ветров, свиваясь, кружась, кружа головы бедняжкам, змеясь по небу таинственными письменами, и наконец, после неисчислимых метаморфоз символа, гаснет, Альфа, рубиновый треугольный знак на челе Тельца.

Тут Френсис напомнил Стивену о том, как они вместе учились в школе во времена Конми. Он стал спрашивать его про Главкона, Алкивиада, Писистрата. Какова участь их? Оба были в неведеньи. Ты говоришь о прошлом и призраках его, молвил Стивен. Но что о них думать? Ежели я через воды Леты вновь призову их к жизни, разве бедные привиденья не поспешат толпой на мой зов? Кто властен над ними? Я, Боус Стефаноуменос, быколюбивый бард, я им господин и податель жизни. И, улыбнувшись Винценту, он увенчал непокорные свои кудри короною виноградных листьев. Ответ сей, промолвил на то Винцент, как равно и сей венок, достойней украсили бы тебя, когда б побольше, да намного побольше творений, чем горсточка легковесных од, могли назвать твой гений своим отцом. И все твои доброжелатели с надеждой ожидают того. Все жаждут увидеть во плоти замышленный тобою труд. Сердечно желаю, чтобы не обманулись их ожидания. О нет, Винцент, сказал ободрительно Ленехан и положил руку на плечо ближайшего своего соседа. Можешь не опасаться. Он не оставит мать свою сиротой. Лицо юноши омрачилось. Все могли видеть, как тяжелы ему напоминанья о его обещаниях и свежей его утрате. Он бы покинул пир, если бы шумные голоса вокруг, отвлекая, не унимали боль. Мэдден потерял пять драхм на Короне, поставив на нее из причуды, ради имени жокея; таков же был и убыток Ленехана. Он принялся рассказывать о скачках. Упал флажок и тут же, у-ух, они все помчались, кобылка взяла резво, свежо, жокей О. Мэдден. Она повела скачку, сердца у всех так и бились. Даже Филлис не могла удержаться, она махала шарфиком и кричала: Урра! Корона побеждает! И тут, уже на последней прямой, когда все шли плотной кучкой, с ними вдруг поравнялась темная лошадка, Реклама, догнала Корону и обскакала. Все было потеряно. Филлис молчала: глаза ее — грустные фиалки. О Юнона, воскликнула она, я разорена, я погибла. Однако она утешилась, когда ее возлюбленный подал ей золотой ларец, в котором лежали кругленькие

засахаренные сливы, и охотно скушала дюжину. Лишь одна-единственная слезинка упала с ее ресниц. Самый лихой жокей, сказал Ленехан, это У. Лэйн. Четыре приза вчера, три сегодня. Кому еще такое под силу? Его посади на верблюда или на дикого буйвола, и он, не торопясь, придет первым. Однако перенесем немилость фортуны, как это умели древние. Милосердие к неудачникам! Бедная Корона! молвил он с легким вздохом. Кобылка, видно, сдала. Ручаюсь, другой такой уж не будет. А какой была, сэр! Не Корона, а королева! Помнишь ее, Винцент? Жаль, ты не видел сегодня мою королеву, отвечал Винцент, во всем ее юном блеске (сама Лалага не показалась бы хороша рядом с ней), в желтых туфельках и в муслиновом платье, не знаю, как этот фасон называется. Кругом стояли каштаны в буйном цвету, воздух был полон их густым ароматом, и облачка пыльцы летали повсюду. Камни на солнцепеке нагрелись так, что ничего бы не стоило испечь на них толику булочек с коринфскими плодами, какими Периплепоменос¹ торгует в своей лавочке у моста. Но ей, увы, было нечего взять на зуб, разве что мою руку, которой я ее обнимал и которую она шаловливо покусывала, когда я жал слишком сильно. Неделю назад она болела, пролежала в постели четыре дня, но сегодня была уже весела и беспечна, смеясь над всеми опасностями. В такую пору она еще соблазнительней. А ее букеты! Вы бы видели, какой она нарвала вокруг, когда мы прилегли на травку. И по секрету, дружище, ты не согласишься, кого мы встретили с ней, когда уже уходили с поля. Конми собственной персоной! Прогуливался вдоль изгороди и что-то читал, верно, свой требник, где вместо закладки у него, я уверен, галантное послание от какой-нибудь Хлои или Гликеры. Милая моя бедняжка от смущенья не знала, куда деваться, сделала вид, словно поправляет платье, какая-то веточка пристала к нему, как будто даже деревья волочатся за ней. Когда Конми прошел, она вынула маленькое зеркальце, которое всегда у нее с собой, и поглядела на свое прелестное эхо. Но он был милостив. Дал нам благословение. Боги тоже должны быть милостивы, откликнулся Ленехан. Уж раз у меня неудача с кобылкой Басса, так, может быть, его снадобье пойдет мне на пользу. И он уже взялся было за ближний сосуд с вином, однако Малахия увидел это и удержал его, показывая на незнакомца и на красный ярлык. Тихо, прошептал он

¹ Бродячий торговец фруктами (греч.).

им, берегите молчание друида. Душа его далеко отсюда. Быть может, пробуждаться от видений столь же мучительно, как рождаться на свет. Любой предмет, при напряженном его созерцании, может служить вратами вхождения в нетленный эон богов. Ты с этим согласен, Стивен? Об этом поведал мне Теософий, отвечал Стивен, коего в предыдущем воплощении египетские жрецы посвятили в тайны кармического закона. Ярко-оранжевые повелители луны, так говорил Теософий, приплывшие с планеты Альфа лунной цепи, не допускают эфирных двойников, и оттого последние были воплощены темно-красными эго из второго созвездия.

Однако на деле несуразная идея о том, будто бы он пребывал в некоем гипнотическом либо ипохондрическом состоянии, была всецело порождена самым поверхностным заблуждением и вовсе не отвечала действительности. Индивид, зрительные органы которого, покуда все это происходило, при данных обстоятельствах начали подавать признаки оживления, был зорок не меньше, если не больше любого из живых смертных, и всякий, допустивший противное, не успев оглянуться, сел бы в калошу. В течение последних четырех минут (или, возможно, пяти) он пристально смотрел на некоторое количество пива марки «Басс, номер первый», разлива фирмы Басс и Ко, в Бертоне-он-Трент, которое оказалось, среди прочих бутылок, в точности напротив него и было явно рассчитано на то, чтобы привлекать внимание своей ярко-красной этикеткой. Он попросту всего-навсего, как далее обнаружилось по причинам, что лучше всех ведомы ему самому и дали совсем иную окраску происходящему, после предыдущих минут раздумий о днях своего отрочества и скачек, предался воспоминаниям о двух или трех частных своих поступках, в коих те двое были неповинны как нерожденный младенец. Однако в конце концов четыре их глаза встретились, и едва его осенило, что тот вознамерился овладеть предметом в видах использования по назначению, как он неожиданно для себя решил в тех же видах сам воспользоваться последним и сообразно сему, взяв за горло средних размеров стеклянный приемник с искомою жидкостью, проделал в нем пространную пустоту, излив солидную часть содержимого наружу, однако равномерно направив неусыпную внимательность, чтобы ничего не расплескать из бывшего внутри пива.

Дальнейшие дебаты своим содержанием и развитием как бы изобразили в миниатюре течение самой жизни. И место

собрания и его участники блистали неоспоримыми достоинствами. Дебатирующие принадлежали к числу самых незаурядных людей страны, предмет же их спора был благороден и важен. Высокие своды Хорновых хором никогда не выдали столь представительного и многоликого общества, и старинные балки сего учреждения вовеки не слыхивали речей столь энциклопедических. Поистине, то было живописное зрелище. Там восседал в конце стола Кроттерс в экзотическом шотландском наряде, с лицом, выдубленным суровыми ветрами Малл-оф-Галловой. Напротив него помещался Линч, на лице у которого уже читались стигматы ранних пороков и преждевременной опытности. Место рядом с шотландцем занимал Костелло, субъект с большими причудами, подле которого громоздилась грузная флегматичная фигура Мэддена. Кресло здешнего обитателя оставалось незанятым перед камином, но зато по обе стороны от него являли резкий контраст друг другу Баннон, одетый как путешественник, в твидовых шортах и грубых воловьих башмаках, и лимонножилетный Мэйлахи Роланд Сент-Джон Маллиган, сияющий элегантною и столичными манерами. И наконец, во главе стола обретался юный поэт, в дружеском оживлении сократической беседы нашедший убежище от педагогических трудов и метафизических созерцаний, а справа и слева от него располагались незадачливый предсказатель, явившийся прямо с ипподрома, и неутомимый наш странник, покрытый пылью дорог и битв, познавший неизгладимое бесчестие и позор, но вопреки всем соблазнам и страхам, тревогам и унижениям нерушимо хранящий в своем стойком и верном сердце тот пленительно-сладострастный образ, что был запечатлен для грядущих веков вдохновенным карандашом Лафайетта.

Целесообразно указать здесь же, в самом начале, что извращенный трансцендентализм, к которому суждения мистера С. Дедала (Скеп. Богосл.) показывают его неизлечимое, по всей видимости, пристрастие, идет целиком вразрез с установившимися научными методами. Наука, это необходимо подчеркивать беспрестанно, рассматривает лишь чувственные феномены. Человек науки, как и любой смертный, должен исходить из самых обыкновенных фактов, которые нельзя обойти, и должен пытаться дать им наилучшее объяснение. Имеются, совершенно верно, отдельные вопросы, на которые наука еще не нашла ответа — как, например, первая из проблем, поставленных мистером Л. Блумом (Рекл. Аг.), то есть проблема предсказания пола

младенца. Должны ли мы принять точку зрения Эмпедокла из Тринакрии, согласно которой правый яичник (по иным утверждениям, в постменструальный период) обеспечивает рождение мальчиков, или дифференцирующими факторами служат столь долго недооцениваемые сперматозоиды, иначе немаспермы, или же, как склонны полагать многие эмбриологи, в частности Калпеппер, Спалланцани, Блюменбах, Ласк, Хертвиг, Леопольд и Валенти, имеет место и то и другое? Последнее было бы равносильно сочетанию (одному из самых излюбленных приемов природы) *nisus formativus*¹ немасперма, с одной стороны, и удачного выбора положения *succubitus felix*², пассивного элемента, — с другой. Вторая проблема, поднятая тем же исследователем, нисколько не менее насущна — это смертность младенцев. Здесь примечательно то, что, по глубокому его замечанию, мы все рождаемся одинаковым образом, но умираем весьма по-разному. Мистер М. Маллиган (*Hug. et Eug. Doc*³) возлагает вину на санитарные условия, из-за которых наши городские жители с их серыми легкими приобретают аде-ноиды, болезни дыхательных органов, etc., будучи вынуждены вдыхать кишаших в пыли бактерий. Как он утверждает, именно эти факторы, а также отвратительные картины на наших улицах — безобразная реклама, служители религии всех конфессий и рангов, искалеченные солдаты и матросы, извозчики, щеголяющие цинготными язвами, развешанные останки мертвых животных, холостяки-параноики и неоплодотворенные приживалки, — вот что, по его словам, является истинной причиной вырождения нации. Он предсказывает, что каллипедия очень скоро получит всеобщее признание, и все лучшие блага жизни, подлинно хорошая музыка, занимательная литература, легкая философия, поучительные картины, копии классических статуй, прежде всего Венеры и Аполлона, цветные художественные фотографии образцовых младенцев, — все эти небольшие знаки внимания помогут дамам, находящимся в интересном положении, провести положенные месяцы самым приятным образом. Мистер Дж. Кроттерс (*Disc. Vass.*⁴) относит известную часть из обсуждаемых смертных случаев на счет брюшных травм у женщин-работниц, принуждаемых на работе к тяжелому труду, а дома — к супружеской дисципли-

¹ Формообразующий импульс (*лат.*).

² Низлежащий плодородный (*лат.*).

³ Доктор Гигиены и Евгеники (*лат.*).

⁴ Бакалавр Риторики (*лат.*).

не, но подавляющее большинство — на счет небрежения (как официального, так и частных лиц), вершиною которого являются подбрасывание новорожденных, криминальные аборты и чудовищное преступление детоубийства. Хотя последнее (мы говорим о небрежении) отнюдь не может оспариваться, однако случай, им приводимый, когда сестры забыли пересчитать губки в брюшной полости, слишком редок, чтобы считаться типичным. В действительности же при ближайшем рассмотрении представляется удивительным скорее то, что столь многие беременности и роды проходят совершенно благополучно, если учесть все факторы, включая и наши человеческие недостатки, которые сплошь и рядом мешают осуществиться начертаньям природы. Мистер В. Линч (Васс. Arith.¹) выдвинул глубокомысленную идею, согласно которой рождаемость и смертность, равно как и все прочие феномены эволюции, приливные движения, фазы луны, температура крови, заболевания, словом, все совершающееся в необъятной мастерской природы, от гибели отдаленных солнц и до расцветания любого мельчайшего цветка среди украшающих наши городские парки, — все это подчиняется некоему числовому закону, который пока не открыт. Однако, с другой стороны, простой и прямой вопрос, отчего ребенок нормальных и здоровых родителей, по всем признакам и сам здоровый, имеющий правильный уход, непонятным образом умирает в раннем детстве (хотя с другими детьми от того же брака этого не происходит), заведомо, говоря словами поэта, велит нам призадуматься. Поскольку нельзя усомниться в том, что природа за каждым своим действием имеет благие и основательные причины, то, по всей вероятности, подобные смерти вызываются неким законом предвосхищения, в силу которого организмы, избранные для своего обитания болезнетворными бактериями (современная наука доказала окончательно, что одно только вещество протоплазмы может считаться бессмертным), предрасположены исчезать на гораздо более ранних стадиях развития — особенность, хотя и причиняющая страдания нашим чувствам (в первую очередь материнским), однако в конечном итоге, как некоторые из нас полагают, благотворная для рода в целом, поскольку она обеспечивает выживание наиболее приспособленных. Замечание (или уместней его называть вмешательством?) мистера С. Дедала (Скеп. Богосл.) о том, что

¹ Бакалавр Арифметики (лат.).

всеядное существо, способное с завидной невозмутимостью разжевать, проглотить, переварить и вывести через обычный канал столь разнородные продукты питания, как канкренозные женщины, истощенные родами, тучные мужчины свободных профессий, не говоря уже о желтушных политиках и малокровных монашках, возможно, испытало бы желудочное облегчение, невинно закусывая валким телком, показывает как нельзя ясней и в самом отрицательном свете ту тенденцию, намекнуть на которую мы позволили себе выше. Для сведения же тех, кто не успел свести с бытом городской бойни столь тесного знакомства, как то, которым кичится сей эмбрион философа и болезненно чувствительный эстет, в делах научных полный тщеславной самонадеянности, но едва ли способный отличить кислоту от щелочи, возможно, следует пояснить, что на грубом наречии хозяев наших трактиров самого низкого пошиба валким телком именуют пригодное для стряпни в пищу мясо теленка, свежееисшедшего из чрева матери. В недавнем публичном диспуте с мистером Л. Блумом (Рекл. Аг.), происходившем в большом зале Центрального Родильного Дома, Холлс-стрит, 29, 30 и 31, главою которого является, как известно, наш талантливый и знаменитый доктор Э. Хорн (Вр.-Ак., Б. В.-П. К. О. И. В.¹), согласно свидетельствам очевидцев, он утверждал, что, если женщина впустила кота в мешок (как можно догадываться, намек нашего эстета на один из самых сложных и удивительных природных процессов, акт полового соединения), то она должна также и выпустить его, или же дать ему жизнь, чтобы, как он выразился, спасти свою собственную. С риском для своей собственной, последовала на то уместная реплика собеседника, которой придавал еще больше веса его сдержанный и достойный тон.

Тем временем искусство и терпение врача привели к благополучному разрешению от бремени. Трудным, о каком трудным оказалось оно и для страждущей, и для ее доктора. Все, что способно сделать акушерское искусство, было сделано, и отважная женщина содействовала этим усилиям с решимостью, не уступавшей мужской. Мы смело поручимся за это. Добрым подвигом подвизалась она, и теперь наконец была счастлива, счастлива целиком. Казалось, и те, что уже покинули этот мир, что ушли прежде

¹ Врач-Акушер, Бывший Вице-Президент Королевского Общества Ирландских Врачей.

нас, счастливы тоже, с улыбкою смотря с небес на трогательную картину. Благоговейно взглянем и мы: вот труженица устало склонилась на подушки, материнское чувство светится в ее глазах, неутихающий голод по маленьким пальчикам дитяти (как сладко смотреть на это), и в первом расцвете своего нового материнства она возносит безмолвную благодарственную молитву Единому в вышних, Супругу Небесному. И с бесконечно нежностью смотря на своего малютку, она жаждет еще одной только милости — чтобы ее славный Доди был бы здесь, рядом, и разделил ее радость, и заключил бы в свои объятия эту малую кроху глины Божией, плод их освященной любви. Теперь уж он постарел (мы с вами можем это шепнуть друг другу), немного согбен в плечах, и все же в вихре лет прилежный младший бухгалтер Ольстерского банка, того отделения, что на Колледж Грин, обрел достоинство и солидность. О Доди, возлюбленный былых лет, верный жизненный спутник ныне, она никогда уж не повторится, далекая пора роз! Покачивая красивой головкой, — ее прежний жест! — она вспоминает. Боже, как прекрасны те дни сейчас, в дымке ушедших лет! Но в то же время и дети их, его и ее, толпятся в ее воображении вокруг ее ложа, Чарли, Мэри Элис, Фредерик Альберт (будь он в живых), Мейми, Баджи (Виктория Френсис), Том, Виолетта Констанция Луиза, милый крошка Бобси (названный в честь нашего знаменитого героя Южно-Африканской войны, лорда Бобса Уотерфордского и Кандагарского), и вот теперь — новый залог их союза, самый чистейший Пьюрфой, какой только может быть, с чисто пьюрфойским носом. Юное сокровище назовут Мортимер Эдвард, в честь четвероюродного брата мистера Пьюрфоя, влиятельного лица в Дублинском замке, в ведомстве задолженностей по казначейству. Так время влачится своим путем; однако здесь рука отца Хроноса была покуда легка. Нет, пусть не вырвется вздох из твоей груди, о добрая Майна. А ты, Доди, когда пробьет твой час (да не настанет скоро сей день!), выбей пепел из старой вересковой трубочки, столь любимой тобою, и погаси светильник, при котором читал ты Священное Писание, ибо уже иссякает масло в светильнике, и с сердцем чистым отойди на ложе упокоения. Он знает, и Он призовет тебя в час, угодный Ему. Ты также подвизался подвигом добрым и исполнил славно свое дело мужа. Вот вам моя рука, сэр. Все хорошо, добрый и верный раб!

Существуют грехи или (назовем их так, как называет их

мир) дурные воспоминания, которые человек стремится забыть, запрятать в самые дальние тайники души — однако, скрываясь там, они ожидают своего часа. Он может заставить память о них поблекнуть, может забросить их, как если бы их не существовало, и почти убедить себя, что их не было вовсе или, по крайней мере, что они были совсем иными. Но одно случайное слово внезапно пробудит их, и они явятся перед ним при самых неожиданных обстоятельствах, в видении или во сне, или в минуты, когда тимпан и арфа веселят его душу, или в безмятежной прохладе серебристо-ясного вечера, или посреди полночного пира, когда он разгорячен вином. И это видение не обрушится на него во гневе, не причинит оскорбления, не будет мстить ему, отторгая от живущих, нет, оно предстанет в одеянии горести, в саване прошлого, безмолвным и отчужденным укором.

Незнакомец все еще наблюдал, как на том лице, которое он видел перед собой, медленно исчезает притворное спокойствие, казалось, лишь в силу привычки или заученной позы сопровождавшее слова, озлобленная резкость которых обличала в говорящем болезненное пристрастие, *flair*¹, к жестоким сторонам бытия. В памяти наблюдателя сама собою всплывала сцена, вызванная к жизни столь обыденным и простым словом, что, можно было подумать, те давние дни поистине пребывали там (в чем и убеждены некоторые) со всею осязательностью своих удовольствий. Майский погожий вечер, подстриженная лужайка, достопамятные купы сирени в Раундтауне, белые и лиловые соцветья, стройные и благоуханные зрители игры, с большим интересом следящие за шарами, что катятся медленно по зеленой траве или, столкнувшись, останавливаются друг подле друга, чутко вздрогнув и замерев. Поодаль у серого фонтана, чьи мерные струи задумчиво предаются орошению, виднеется еще одно благоухающее соцветие, сестрицы Флуи, Этти, Тайни и с ними темноволосая их подружка, что-то неуловимо останавливающее было тогда в ее позе, Мадонна с Вишнями, две изящные вишенки свешивались с ее ушка, и теплый нездешний тон ее кожи так утонченно подчеркивали прохладные рдеющие плоды. Мальчуган лет пяти или четырех в полушерстяном костюмчике (пора цветения, но весело будет и с друзьями у очага, когда вскоре соберут и спрячут шары) стоит на кромке фонтана в кольце

¹ Чутье (франц.).

заботливых девичьих рук. Он слегка хмурится, в точности как сейчас этот юноша, слишком, пожалуй, сознательно наслаждаясь опасностью, однако чувствует необходимость время от времени поглядывать в сторону выходящей на цветник *piazza*¹, где сидит и смотрит на него его мать, в веселом взгляде которой таится легкая тень отрешенности или упрека (*alles Vergängliche*²).

Отметь это на будущее и запомни. Конец приходит внезапно. Войди в это преддверие рождения, где собрались просвещающиеся, и взгляни на их лица. Кажется, что в них нет ничего поспешного, ничего невоздержного. Скорее, чуткое спокойствие стражей, подобающее их служению в этом доме, бдение пастухов и ангелов вокруг яслей в Вифлееме Иудейском, в давние времена. Однако, подобно тому как перед ударом грома сгрудившиеся грозовые тучи, огрузнув от преизбытка влаги, громоздятся огромными разбухшими массаами, оковывая небо и землю одним всеохватным оцепенением, нависая над иссохшими нивами и дремлющими быками и увядшею порослью кустов и трав, пока во мгновение ока вспышка молнии не расколется самое их нутро, и под громовые раскаты не изольются потоки вод, — именно так и не иначе, неистово и мгновенно преобразилось все, едва произнесено было слово.

К Берку! первым, с призывным кличем, выскакивает милорд Стивен, и весь тамошний сброд мчится следом, задира и грубиян, жулик и шарлатан, и Блум-педант по пятам, и все разом расхватывать шляпы, шпаги, трости, панамы, ножны, альпенштоки и что попадет. Горячая юность, кровь с молоком, голубая кровь. В коридоре ошеломленная сестра Каллан бессильна их удержать, равно как и улыбающийся хирург, спустившийся вниз с известием об успешном отделении последа, на добрый фунт, разве без миллиграмма. Двигай следом! ему команда. Дверь! Открыта? Ха-ха! Скопом наружу и бодрой рысцой в пробежку. К Берку, на угол Дензилл и Холлс, вот им куда. Диксон распекает их на чем свет, но вскоре, сдавшись и чертыхнувшись покрепче, двигает следом. Блум задержался возле сестры, желая передать поздравленья счастливой матери с новорожденным там, наверху. Главное — питание и покой. А у нее самой не изменился ли вид? Бденья в хоромях Хорна ясно читаются в этой меловой бледности. Кругом

¹ Площадка (*итал.*)

² Все преходящее (*нем.*).

никого, и, решив отпустить шуточку на подходящую тему, он ей шепчет на ушко, уходя: Мадам, а когда же к вам прилетит аист?

Воздух снаружи насыщен дождевой влагой, небесною субстанцией жизни, поблескивающей на дублинских бульжниках под яркозвездным соelum¹. Воздух Божий, воздух Отца всех и вся, воздух искрометный, всепроникающий, рождающий. Глубже вдыхай его. Видит небо, Теодор Пьюрфой, ты отлично управился, не оплошал! Клянусь, ты самый выдающийся производитель, без всякого исключения, во всей этой склочной, всеместительной, сверхзапутанной истории. Восхищенья достойно! Внутри у нее лежала Возможность, Богом данная и Богом оправленная в оправу известной формы, и ты ее оплодотворил из скромных своих мужеских средств. Держись же за нее! Служи! Трудись и дальше, работай как верный пес, и к дьяволу всех мальтузианцев и всю ученость. Еси многоотец, папочка им всем, Теодор. Гнешься под тяжким бременем, замученный счетами от мясника и слитками золота (чужого!) у себя в банке? Выше голову! За каждого новозачатого пожнешь ты хомер спелой пшеницы. Взгляни, руно твое увлажнилось. Надеюсь, нет зависти у тебя к Дерби Далмену с его Джоан? Крикливый попугай да паршивая дворняга — вот все их потомство. Тьфу, вот что я скажу! Он просто мул, дохлый брюхоног без всякого запаса силенок, ломаный крейцер ему цена. От их соития никакого события! Нет и нет, я скажу! Иродово избиение младенцев, вот как надо это назвать. Скажите пожалуйста, овощи и бездетное сожителство! Давай ей бифштексы, сырые, красные, с кровью! Она ж превратилась в пандемониум всех недугов, у нее гланды, свинка, волдыри, чирьи, пролежни, бородавки, сенная лихорадка, дербиширский зоб, стригущий лишай, блуждающая почка, желчные камни, приступы печени, медвежья болезнь и вздутые вены. Конец панихидам и плачам и причитаниям и всей застарелой заупокойщине! Довольно, наслушался за двадцать лет. С тобой не так, как со многими, которые хотят, потом погодят, потом подумают и раздумают. Ты нашел свою Америку, свое дело жизни, ты покрывал ее яро, как американский бизон. Как там говорит Заратустра? *Deine Kuh Trübsal melkest Du. Nun trinkest*

¹ Небо (лат.).

Du die süsse Milch des Euters¹. Взгляни! Вот оно льется в приэзобилии для тебя. Пей, человек, сколько есть в этом вымени! Молоко матери, Пьюрфой, молоко роты человеческой, и молоко звездного пути, сверкающего сквозь тонкую пелену дождя, и молочко бешеной коровки, на которое кинутся в кабаке буйные питухи, и молоко безумия, и млеко и мед земли Ханаанския. Слишком туги сосцы коровы твоей? Пусть, но молоко ее теплое и сладкое и густое. Настоящий жирный bonpuclaber², не что-нибудь. Припади же к ней, старый патриарх! Испей! Per deam Partulam et Pertundam nunc est bibendum!³

Из хором Хорна хором дернули все дерябнуть, взявшись за руки, горланя на всю округу. По правилам, путников и поздней обслужат. Где нынче дрых? Тим Гнутая Кружка. Друг ситный. А есть у нас кто в кумпании окалошные? Где там чертовы костоправ и барахольщик? Звиняюсь, я почему знаю. Ура, вон он, Дикс! Жми-нагоняй, галантерея. А Панч где? Тих и ясен. Эва, глянь, из родилки пастор ползет под мухой! Benedicat vos omnipotens Deus, Pater et Filius⁴. Подайте, мистер. Молодцы с Дензилл-лейн. Тыща дьяволов! Вали с дороги. Абрам, шарахни-ка их с этой треклятой сцены. Изволите с нами, судырь? Не лезем не в свое тело. А Лу прям чок какой добрячок. Усе с аднаво теста. En avant, mes enfants!⁵ Орудие номер один, пли! К Берку! Итак, прошли они пять парсангов. Конная пехота Слэттри. Где этот гнусный офигер? Стиви-пастор, толкни-ка нам Верую неверных! Не пойдет, Маллиган! Там, на корме! Полный вперед. Время поджигает. Скоро вышибать будут. Малли! Чего там с тобой? Ma mère m'a mariée⁶. Британские блаженства! Тррам тарарам парапапам. Хехейсу в книжицу. Выпустит издательство Дрын Друида. Переплетут две девы, бывшие в переплетах. Обложку телячьей кожи цвета мочи с прозеленью. Моднейший тон в современной живописи. Прекраснейшая из книг Ирландии на моем веку. Silentium!⁷ Совершаем бросок. Миирна! Задание: продвигаемся до ближайшего кабака и захватываем склады

¹ Ты доишь корову твою по имени Скорбь. Ныне пьешь ты сладкое молоко ее вымени (нем.).

² Пахта (ирл.).

³ Во имя богинь Партулы и Пертунды сейчас надлежит нам выпить! (лат.)

⁴ Да благословит вас всемогущий Бог, Отец и Сын (лат.).

⁵ Вперед, дети мои! (франц.)

⁶ Моя мама замуж выдала меня (франц.).

⁷ Молчание! (лат.)

горючего. Арш! Трюх трюх трюх, мы все (равняйсь!) за пивом. Бутылка, бифштекс, бизнес, библия, бульдоги, броненосцы, бардаки и богослужители. Иль взойдем на эшафот. Бифштекс с бутылкой перевесят библию. Если за Ирландию родную. Перевешаем перевесивших. Чертобразие! Держать строй! Мы умрем. Богослужителю бочку вместо бутылки. Стоп! Ложись в дрейф. Как в регби. Все в свалку. Игроков не пинать. Аай, моя лапка! Ах, вы задеты? Три короба извинений!

Вопрос такой. Кто нам ставит по? Гордый владелец шиша с маслом. Объявляю банкротство. Продулся в пух. Миа ниодина сольди. К концу недели ни медяка. А вам? Напиток наших отцов для *Übermensch*'а. То же самое. Пять пива «Басс номер первый». Вам, сэр? Имбирного безалкогольного. Держите меня, это чем извозчики лечатся. Масса калорий. Заводит свою тиктаку. Остановились навсегда в тот миг когда старик. Абсент для меня, ферштей? Карамба! Лучше хлебни рассолу. Чево натикало? Мои золотые в закладе. Без десяти. Дьявольски признателен. Право, не за что. А у него травма груди была, Дикс? Знамо дело. Он у своему садику храпака ан тут ево шмелина и тяпни. Фатера возле Скорбящей. Охомутаный. А фрау видал его? Всеко-нешно видал. В дверь с трудом. Глянуть бы на нее в безбелье. Товар люкс. Хороша миляга здорова как фляга. Это вот да, не вашей тощей породы. Ах, закрой занавески, мой милый. Два Ардилона. Сюда то же самое. Гляди, скользко. Загремишь — вставай, не валяйся. Пять, семь, девять. Готов! Не парни у ней пара буферов закачаешься. С ей бы под ручку к койке и к бочке рому. Не увидав не поверишь. Твой шальный взгляд и облевастровую шею я как завизжу сразу так и млею. Грязища — увязнуть. Сэр, а сэр! Картошка, это от рифматизмы? Ввы извините я что скажу ну только это есть чувшь собачья. Для хой-полоев¹. Питаю опасение, ввы полный лопух. Ну как, док? Вылез из своей Родляндии? Надеюсь, вашему толстомордию там окей? Как сквау с красножопыми крохами? Какая-нибудь еще опросталась? Стой, стрелять буду. Пароль. Держи хрен вдоль. Нам смерти белизна и алое рождение. Привет. Не плюй себе на жилет. Депеша от комедьянта. Умыта у Мередита. Ах он исусистый яйцедавленный клопозаеденный иезуит! Тетушка меня кропает папане его. Клинка. Бяка Стивен сбил с пути паиньку Малахию.

¹ hoi polloi — простонародье (греч.).

Урря! Налетай на мяч, молодой-ранний. Бражку по кругу. Эй, горец-пивоборец, вот оно, твое ячменное пойло. Да смердит твоя печка две тыщи лет и не переводится похлебка на ней! Я ставлю. Мерси. Наше здоровье. Ты куда? Положение вне игры. Не лей на мои шикарные шкары. Которые там, перекиньте перцу. Держи. Нам ефта пряность повысит пьяность. Вдомек? Пронзительное молчание. Всяк молодчик к своей марушке. Венера Пандемос. *Les petites femmes*¹. Отчаянная девчоночка из Моллингара. Шепни ей нащет нее интиресуюца. Сару нежно обнял он. На дороге в Малахайд. Я? Пускай от нее что пленила меня осталось лишь имя одно. А ты хрена ли ждал за девять пенсов? Мачри макрускин². Плясики на матрасике с охочей Молль. Гребля всем хором. Класс!

За мздой, х'зяин? Как пить дать. Об заклад на твои колеса. Шары выкатил чо финаги ему не сыпем. Кумекаешь? Вон у тово бабок адлиб³. Токатока зырю маа у ево три червонных грит все ево. Нас кто всех свиснул ты или кто? И чешись паря. На кон капусту. Два рваных с круглым. Гли не слиняй шустрить поднатыкался у лягушатников. Мы тут сам сусам. Наса мальсика заглустила. Зырю под нас ушлая чернота подваливает. А ты жох парняга. И вот мы под хмельком. Так славно под хмельком. Резервуар, мусью. Балшой писиба.

Пра-слово. Слышь чо талдычу? В пивнуху-потаюху. Там залейся. Ушвоил, шудырь. Бэнтам, два дня без капли. Он клялся пить одно бордо. Хряй к ляду! Гли сюда, ну. В бога, чтоб я подох. Надрался и накололся. До того бухой ни бумбум. И с ним темный хмырь хромой. Во, это ж надо так! А он оперу любит? Роза Кастилии. Рожка-костыль. Полиция! Подать H₂O, джентльмену дурно. Гли, а у Бэнтама цветочки. Братья родные, пошел драть глотку. О коллин бон. Ах коллин бон. Эй ты, замри! Кто там, засуньте ему сапог в хлебало. Ставил на победителя, пока я ему не дал верняка. Дьявол бы оторвал башку Стивену Хэнду, он ведь меня навел на эту вшивую клячу. Словил огольца-разносчика, у того депеша в околоток от босса бассовой всей конюшни. В лапу медяк, и по сэру Грэхэму. Кобылка в лучшей форме. Всех уделает за глаза. А депеша параша. Вот те истинный крест. Уголовно наказуемо? Я так считаю,

¹ Маленькие женщины (*франц.*).

² Мое сердце, моя кружка (*ирл.*).

³ Сколько угодно (*лат.*).

да. Думать нечего. Кутузка без разговору, если законники копанут. Мэдден ставил на Мэддена, после рвал и мэддал. О похотение, нам прибежище и сила наша. Отчаливаю. Чо, поспешаешь? К мамочке. Ах, постойте. Вы должны прикрыть мою краску стыда. Если он меня выследил, все погребло. Бэнтам, по домам, старина. Адье, мовье¹. Не забывай свои лютики. Зазнайся-ка. Ну кто тебя навел на того жеребчика. Между нами. Как на духу. И Старого Хрена, ея супруга. Ну расколись, Лео, друг ситный. На честность, а? Провалиться, если я кому. Ты же самый наш закадычный пузатый святой отец. Так какого ж ты рожна запираешься? Уу, пархатый, устроим тебе мацу. И во имя хрена господа нашего, аминь.

Вносишь предложение? Стиви, малыш, ну ты у нас клад. Есть тут еще чертово зелье? Не позволит ли наш благородственный великолепный целовальник одному целомудреннику, существу в полной отошталости и эпохальной ультрафеноменальной охочести до сивухи, завершить одно роскошественное клевое возлияние? Фу, вспотел. Хозяин, дай вина скорей, стакан полней, стакан полней, Стабу Стабелла! Слышь, нам бы по наперсточку, на предмет дегустации. Повторить. Давай, Бонифаций! Абсент всей компании. *Nos omnes biberimus viridum toxicum, diabolus capiat posteriora postra*². Джентльмены, мы закрываем. Как? Амброзии для барина Блума. Ну-ка, кто может сказать превысокопревосходительство? Блу? Который рекламки клянчит? Папуля фотодевички, вот это номер. Трушище, трусим отсель. Смываемся. *Bonsoir la compagnie*³. И от козней врага злого, сифилиса. А куда ж это Бык со слюнтяйчиком? Слияли? Совершили побег. Ладно, каждому своя дорога. Шах и мат. Король против ладьи. Добрыи Христиани памагити йунаши, укаторава друк атапрал ключат хижыны найти угал где йэму прикланить свайу увеньчану голува в 7 горади. Никак я закосел, ну потеха. Порви мне шкары паршивый пес, когда у нас это не самая разухабистая раздухаристая распойка. Итак, о трактирщик, парочку бисквитов для этого детки. В кровь и в душу, как, нету? И ни на зуб сырку? И низринь его сифилиса, во ад и вкупе с ним все разрешенные к продаже спиртные напитки. Время, джентльмены!

¹ Искаж. *Adieux, mon vieux* — прощай, старина (франц.).

² Мы все будем пить зеленый яд, и дьявол допьет остатки за нами (лат.).

³ Добрый вечер компании (франц.).

Кои рыщут по свету. За всех присутствующих. А la vôtre!¹
Умора, братцы, кой-то этот выпердыш в макинтоше? Пыльный Родси. Из какой помойки он шмотье вытащил? Мать родная! А чем это он разжился? Юбилейный барашек. Ха, глянь-ка, Боврил. Ну сердяга дошел. Знакомы ль вам те рваные носки? Никак голодраный гриб из Ричмонда? Об заклад, он! Он думал, у него хер свинцовый. Может симулировал. Мы его звали Бартл-Хлебожор. Прежде, о сэры, это был почтеннейший обыватель. Оборванец бедный жил, он сиротку полюбил. Но она от него сбежала. Перед вами несчастный покинутый. Макинтош, скитающийся в диких каньонах. Тяпнул и двигай. Прикрывают. Где легавые дело крант. Чего? Видал его сегодня на прогребении? Что, кореш какой дал дуба? Аяй, вспомил! А малмала, горе-то! Ты не трави мне душу, Польди керя! Ужь мы исхлопалися в слезах думали утопнем кады глим прут друга Падни в черном мешке. Изо всей черноты Масса Пат была самая лутше. О да, я отроду не встречал подобных ему. Tiens, tiens², но все это грустно, дружище, грустно. Да не заливай, газанул на подъеме один к девяти. Авто на подвижных осях это лапша. Два против одного, Енаци ему утрет нос как младенцу. Япошки? Навесной огонь, inyah!³ Потопили, в спецвыпусках было. Тем, грит, для него хуже, а не для русских. Время вышло. Их одиннадцать было. Двигайте, двигайте. Клячи косые, шевелись! Доброй. Доброй. Да сохрани твоя душу Всевышний Аллах в эту ночь.

Постой-ка! Мы славно под хмельком. А ну скажи: полиция с палицей налицо. Налиция полицо. Остерегись, орлы, он тут блюет. Бунт в брюшной волости. Оппа. Доброй. Мона, моя верная любовь. Оп. Мона, ты одна моя любовь. Пам.

Слышите? Прикрой-ка свою коробочку. Бамм! Бамм! Огни. Вон она мчит. Пожарная! Поворачивай оглобли. Через Меррион-сквер. Срежем. Бамм! Понеслись? А вы не? Галопом, рванули, кто скорей. Баамм!

Линч! Ну? Швартуйся ко мне. Сюда в сторону Дензиллейн. Пересадка на Веселые Дома. Она сказала, мы вдвоем бардак хорошенький найдем, там есть оторва Мэри. Я чо, я с милой душой. Laetabuntur in cubilibus suis⁴. Где ты там?

¹ За ваше! (франц.)

² Что же, что же (франц.).

³ Верно! (ирл.)

⁴ Да радуются на ложах своих (лат.).

Шепни-ка мне, кто он, черт побери, этот чудак в черном? Тсс! Согрешил против света и близок сейчас уже день, когда он явится судить мир огнем. Бамм! Ut implerentur scripturae¹. Выдай-ка тот стишок, помнишь, И сказал тут медик Дик своему коллеге Дэви. В бога яйца, а это еще что за экскремент, этот англичанишка-проповедник на Меррион-холл? Илия грядет! Омытый в Крови Агнца. Приидите все твари винососушие, пивоналитые, джиножаждущие! Приидите псиноухающие, быковыйные, жуколобые, мухомозглые, свинойрылые, лисьеглазые, шулера, балаболки и людской сор! Приидите, подлецы отборные из отборных! Это я, Александр Дж. Христос Дауи, что приволок ко спасению колоссальную часть нашей планеты от Сан-Франциско до Владивостока. Бог это вам не балаган, где насулят с три короба и покажут шиш. Я вам заявляю, что Бог это самый потрясающий бизнес и все по-честному. Он есть самая сверхвеличайшая хреновина, вбейте это себе покрепче. И как один прокричим: спасение во Царе Исусе. Рано тебе надо подняться, грешник, ох как рано, если думаешь обмишулить Всемогущего. Баам! Да уж куда там. Для тебя, дружище, припасена у него в заднем кармане штанов такая микстурка от кашля, которая живо подействует. Бери скорей да попробуй.

¹ Дабы сбылись писания (лат.).

Вход в Ночной Город со стороны Мэббот-стрит. Поодаль трамвайное кольцо, скелеты рельсов прямо на немощенной земле, красные и зеленые блуждающие огоньки, знаки опасности. Закопченные лачуги с разинутыми дверями. Редкие фонари, слабая радужная игра на их стеклах. Стоит ледяная гондола Рабайотти, вокруг нее чахлые людишки обоего пола. Расхватывают вафли, в которых зажаты куски медного и свекольного снега. Начинают их сосать, медленно расползаются. Дети. Гондолы лебединое увенчанье, вздымаясь, пронзает тьму, блестит белым и голубым в луче маяка. Посвисты зовут, откликаются.

Зов. Постой, сладенький, я к тебе.

Отклик. На задах, за конюшней.

Пучеглазый глухонемой идиот, пуская слюни обвислым ртом, дергается, трясется в трясучке. Вокруг хоровадом дети, он в кольце их рученок.

Дети. Kithogue!¹ Привет!

Идиот (поднимает трясущуюся левую руку, гугнит).

Фхыхэ!

Дети. Где-где светит свет?

Идиот (брызжа слюной). Фхыпхыхо.

Они отпускают его. Дергаясь, он уходит. На веревке, протянутой между оградами, качается карлица и считает вслух. Смутная фигура раскинулась у помойки, засло-

¹ Левша (ирл.).

нившись рукой и шапкой; она храпит, ворочается, мычит, скрежещет зубами и храпит дальше. Пигмей, роющийся на свалке, взойдя на ступеньку, приседает, чтобы взвалить на плечи мешок с тряпьем и костями. Возле него карга с чадящей масляной лампой заталкивает еще одну бутылку ему в мешок. Он забирает добычу, криво нахлобучивает фуражку, молча отчаливает. Карга тащится к себе в логово, мотая лампой. Рахитик, сидящий на крыльце, скрючась, с бумажным мячиком на резинке, ползет за ней боком, толчками, цепляется за подол, встает на ноги. Пьяный фабричный, качаясь, обеими руками хватается за ограду. На углу маячат двое рослых патрульных в дождевиках, руки на чехлах дубинок. Где-то разбивается тарелка; визжит баба; скулит детеныш. Мужская ругань громыкает, стихает, молкнет. Тени скользят, крадутся, выглядывают из нор. В лачуге, при свечке, воткнутой в пустую бутылку, девка вычесывает золотушному детенышу перхоть из головы. Из переулка голос Сисси Кэффри, пронзительный, еще молодой.

Сисси Кэффри.

В подарочек Молли
За лихость в застолье
Дам ножку гуся,
Эх, ножку гуся.

Рядовой Карр и рядовой Комптон, с тросточками под мышкой, бредут, спотыкаясь, затем разом поворачиваются и, как по команде, издают залп, подражая испусканию газов. Из переулка мужской смех. Дюжая мужебаба с бранью на них.

Мужебаба. Чума на вас, распердяи. Девке с Кавана силов да укрепы.

Сисси Кэффри. Везет мне. Каван, Кутхилл, Белторбет. (Поет.)

В подарочек Нелли
За резвость в постели
Дам ножку гуся,
Эх, ножку гуся.

Рядовой Карр и рядовой Комптон оборачиваются, отругиваясь, мундиры их в тусклом фонарном свете яркокрасной, белобрысые стриженные башки в черных гнездах фуражек. Стивен Дедал и Линч пробиваются сквозь толпу поблизости от красномундирных.

Рядовой Комптон (тыкает пальцем). Дорогу пастору.

Рядовой Карр (*оборачиваясь, окликает*). Эй-эй, пастор!

Сисси Кэффри (*голос ее забирает выше*).

Она сразу клюнет

И кой-куда сунет

Эх, ножку гуся.

Стивен, помахивая ясеновой тросточкой, зажатой в левой руке, ликующе распевает входной псалом из пасхальной службы. Линч, в жокейском картузике, надвинутом низко на лоб, сопровождает его с насмешливо-недовольной миной.

Стивен. *Vidi aquam egredientem de templo a latere dextro. Alleluia*¹.

Из двери высовываются голодные обломанные клыки старой сводни.

Сводня (*сиплым шепотом*). Тсс! Поди сюда, что скажу. Тут целочка есть. Только тсс!

Стивен (*altilius aliquantulum*). *Et omnes ad quos pervenit aqua ista*².

Сводня (*ядовито сплевывает им вслед*). Коновалы из Тринити. Трубы фаллопиевы. В штанах ни пенса, один хрен.

Эди Бордмен сидит рядом с Бертой Сапл, засопев, смахивает шалью под носом.

Эди Бордмен (*язвительно*). И, значит, эта мне говорит: а я тебя видела на Фейтфул-плейс с твоим ухажером, с этим подлизой в шляпе фасона пошли-в-постельку. А я ей на это, да неужто? Уж чья б корова мычала. Меня еще покамест не накрывали с женатым шотландцем в бардаке. Вот так вот я ей. Ну, штучка! Притом вдобавок постукивает. Упрямства как у осла! А еще было, гуляла сразу с двумя, с Килбрайдом, он механик, и с Олифантом, с капралом.

Стивен (*triumphaliter*). *Salvi facti sunt*³.

Размахивая ясеновой тросточкой, он колеблет фонарный луч, раскалывает свет над миром. Бело-рыжий спаниель подкрадывается сзади к нему, рычит. Линч отпускает ему пинка.

Линч. Ну и что?

Стивен (*оглядываясь*). А то, что именно жест, а не музыка, не запахи, стал бы универсальным языком, тем

¹ И узрел я поток, из храма истекающий с правой стороны. Аллилуйя (*лат.*).

² (*весьма громко*). И все они пришли к потоку тому (*лат.*).

³ (*торжествующе*). И были они спасены (*лат.*).

даром языков, что сделает зримым не обыденный смысл, а первую энтелехию, структурный ритм.

Линч. Порнософическая филоотеология. Метафизика на Мекленбург-стрит!

Стивен. Шекспир был под башмаком у строптивой, Сократа заклевала его мегера. Даже премудрый Стагирит, и того некая прелестница зацапала, взнузда и оседлала.

Линч. Эва!

Стивен. Как бы там ни было, кто желает два жеста, изображающие ломоть и кувшин? Вот движение, что изображает ломоть и кувшин хлеба и вина у Омара. Подержи тросточку.

Линч. Да провались эта рыжая палка. Скажи лучше, куда мы идем?

Стивен. К Джорджине Джонсон, к *la belle dame sans merci*¹, *ad deam qui laetificat iuventutem meam*², о похотливый линкс³.

Насильно сует ему трость и медленно, запрокидывая назад голову, вытягивает и разводит руки, пока они не раскинулись на полную ширь, ладони вниз в пересекающихся плоскостях, пальцы слегка раздвинуты, левая рука выше.

Линч. Ну и какая тут кувшин хлеба? Хотя все одно. Что это, что вон таможно. Изображай, изображай. Возьми костыль свой и ходи.

Они идут дальше. Томми Кэффри на четвереньках подбегает к фонарному столбу, обхватывает его и корабкается наверх маленькими рывками. С верхней перекладины соскальзывает вниз. Столб обхватывает Джеки Кэффри, собираясь влезать. С другой стороны к фонарю приваливается фабричный. Близнецы ныряют во тьму. Фабричный, шатаясь, зажав одну ноздрю пальцем, извергает из другой мощную соплю. Потом он взваливает столб на плечо и тяжело прет сквозь толпу со своим пылающим факелом.

От реки медленно подползают змейки тумана. Зловонные испарения поднимаются от луж, от выгребных ям, от сточных канав, от свалок и от помоек. Зарево брезжит где-то на юге от устья реки. Фабричный прет, прорезая толпу, правя к трамвайному кругу, пьяно шатаясь.

¹ Дама прекрасная и безжалостная (франц.).

² К богине, веселящей юность мою (лат.).

³ Лупх, рысь (лат.).

С дальней стороны, из-под железнодорожного моста появляется Блум, красный, запыхавшийся, рассыпывая по карманам хлеб и шоколад. В витрине парикмахерской Гиллена он видит сборный портрет храбреца Нельсона. Вогнутое зеркало сбоку являет ему любовнесчастливого забропокинутого угузугрюмого Буфлуффума. Важный Глэдстон глядит на него в упор — на Блума каков он есть. Он следует мимо, сраженный было взглядом грозного Веллингтона, но в выпуклом зеркале ухмылка уже вновь оживляет поросычьи глазки и жирные щечки Польшди-толстомордика. У дверей Антонио Рабайотти Блум останавливается, блестя каплями пота под яркой дуговой лампой. Исчезает. Через миг опять появляется, спешит дальше.

Блум. Рыба с картошкой. Не то. Ага!

Исчезает к Олхаузену, торговцу свининой, под опускающуюся дверную завесу. Вскоре выныривает из-под нее, пыхтящий Польшди, блудный Блумуфф. Держит в каждой руке по свертку, в одном — еще теплая свиная ножка, в другом — холодная ножка баранья, посыпанные немолотым перцем. Стоит, отдуваясь. Наклоняется вбок, прижимает к боку сверток, кричит.

Блум. Ох, аж в боку колет. И что я как угорелый? Как следует отдышавшись, медленно движется к освещенным путям. Снова блеснуло зарево.

Блум. Это что еще? Вспышки какие-то. Проектор? Остановился возле Кормака, взглядываясь.

Блум. То ли *Aurora borealis*¹, то ли сталь плавят? Ах да, пожарная ехала. Ну и ладно, на юге. Ничего польхает. А вдруг его дом. В районе Беггарс-буш. Нам не грозит. (Бодро мурлычет.) Лондон, Лондон весь горит, на пожар бегите! (Видит в конце Толбот-стрит фабричного, прущего сквозь толпу.) Этак я его упусти. Бежим. Быстро. Лучше тут перейду.

Бросается через улицу. Крики мальчишек.

Мальчишки. Эй, мистер, глаза дома забыл?

Два велосипедиста проносятся вплотную к нему, бумажные фонарики их покачиваются, звонки трезвонят.

¹ Северное сияние (лат.).

Звонки. Стой-той-той!

Блум (*застывает, пораженный внезапной болью*). Ох!

Оглядевшись по сторонам, резко кидается вперед. В сгущающемся тумане к нему коварно подкрадывается дракон пескоразбрасыватель, он едет на малой скорости, во лбу мигает большая красная фара, с шипеньем и треском искрит дуга. Вожатый жмет на педаль сигнального гонга.

Гонг. Динь Дон Трень Брень Блям Блюм.

Яростно взвизгнули тормоза. Блум, подняв руку в белой полисменской перчатке, торопится унести с рельсов ноги, которые внезапно не слушаются его. Вожатый, едва не налетев на свою баранку курносый носом, окруженный проводами и рычагами, проезжая, орет.

Вожатый. Ты, полные штаны, ты что тут трюки выкидываешь?

Блум. (*Блум, выбравшись на обочину, опять остана-вливается. Свиноногой рукой утирает грязь со щеки.*) Нет прохода. На волосок, зато колотье прошло. Надо бы снова взяться за упражнения по Сэндоу. Стойку на руках. И оформить страховку от несчастного случая на улице. У Провиденшел. (*Ощупывает брючный карман.*) Талисман бедной мамы. Каблук легко может в рельсах застрять, шнурки — в колесе запутаться. Уже мне однажды черный ворон ободрал башмак колесом. У Леонард на углу. Третий раз везучий. Полные штаны. Наглец. Стоит пожаловаться. У них плохие нервы от напряжения. Может, тот самый, что утром загородил мне ту модницу. Тот же тип красоты. Но ловко сообразил. Ноги-то у меня заплетались. Зерно истины в каждой шутке. Та жуткая канава на Лэд-лейн. Что-нибудь я вредное съел. Считается, к невезению. Почему бы? Наверно, мясо плохое. Знак зверя. (*На мгновение закрывает глаза.*) Что-то голова кружится. Ежемесячная мигрень или другое подействовало. Туман в мозгу. Какая усталость. Просто не могу больше. Ой!

Зловещая фигура стоит у магазина О'Бейрна, прислонясь к стенке и скрестив ноги, лицо незнакомое, меченное темною ртутью. Из-под широкополого сомбреро смотрит на него взглядом, не обещающим ничего хорошего.

Блум. Buenas noches, señorita Blanca, que calle es esta?¹

¹ Добрый вечер, сеньорита Бланка, как называется эта улица? (*исп.*)

Фигура (делает знак рукой и произносит бесстрастно). Пароль. Срод Мэббот.

Блум. Ага. Мерси. Эсперанто. Slan leath. (В сторону.) Шпион Гэльской лиги, тот шут гороховый подослал.

Идет дальше. Путь преграждает тряпичник с мешком за плечами. Блум берет влево, мешконос влево.

Блум. Позвольте.

Сторонится от него, огибает боком, минует и идет дальше.

Блум. Держись правой, правой, правой. Если в Степсайде Турклуб поставил дорожный указатель, благодаря кому такое доброе дело? Только благодаря мне, тому, кто там заблудился, а после выступил на страницах «Ирландского велосипедиста» с заметкой «В дебрях Степсайда». Держись, держись, держись правой. Тряпичник в полночь стал смелей. Похоже, забор. Первое место, куда направляется убийца. Смыть свои грехи мира.

Джеки Кэффри, за которым гонится Томми Кэффри, со всего разбега налетает на Блума.

Блум. Ох!

Шатнувшись на слабых ногах, останавливается. Томми и Джеки испарились. Блум скотоногими руками хлопывает себя по заглавнику с бумажником, по часовому карману, внутреннему карману, по прелестям греха и по мыло-картофелине.

Блум. Берегись карманников. Старая воровская уловка. На ходу столкнется с тобой и срежет бумажник.

Вокруг рыщет приبلудный пес, носом к земле, принохиваясь. Смутная фигура чихает. Появляется бородатый согбенный человек, на нем долгополый кафтан сионских старейшин и серая ермолка с вишневыми кисточками. Роговые очки низко сползли на нос. Желтые потеки яда на бескровном лице.

Рудольф. И таки снова растранижил полкроны. Два раза за один день. Но я говорил тебе: никогда не води компанию с пьяными гоим. Э? Тебе не сколотить никакие деньги.

Блум (*стоит понуро, спрятав за спину свертки, ощущая спиной свиное тепло и бараний холод*). Ja, ich weiss, rarachi¹.

Рудольф. Что же ты делаешь в таком месте? Или у тебя нет души? (*Дрожащие когти ощупывают безмолвное лицо Блума.*) Или ты не сын мой, не Леопольд, внук Леопольда? Или ты не милый мой сын Леопольд, что оставил дом отца своего и оставил бога своих праотцов Авраама и Иакова?

Блум (*осторожно*). Да, это так, папа. Мозенталь. Все, что осталось от него.

Рудольф (*суров и мрачен*). И таки однажды тебя привели домой пьяного как свинья и после траты все деньги. Хорошие деньги. Как ты зовешь их, эти юноши что бегают?

Блум (*узкоплечий юноша в голубом элегантном оксфордском костюме, жилете с белой отделкой, каштановой тирольской шляпе, при часах Уотербери чистопробного серебра на двойной цепочке «Принц Альберт» с печаткою и брелками. Одна сторона костюма покрыта засыхающей грязью*). Кроссмены, папа. Это же единственный раз.

Рудольф. Единственный! По уши весь в грязи. Рука порезана. Столбняк. Они таки сделают тебе капут, Леопольдлебен. Ты должен быть осторожно с этими юноши.

Блум (*неуверенно*). Они меня подговорили пробежать спринт. А там было грязно и я нечаянно поскользнулся.

Рудольф (*с презрением*). Goim pachez!² Прекрасная картина для твоей бедной матери!

Блум. Мама!

Элин Блум (*в чепце с лентами, как у барыни из райка, в кринолине и с турнюром наподобие вдовы Твэнки; блуза с пуговками на спине и рукавами фонариком, серые перчатки, камея; волосы уложены в сетку. Она появляется над перилами лестничной площадки, держа криво в руке подсвечник, испуганно и пронзительно вскрикивает*). О милостивый Боже, что они сделали с ним! Мои соли! (*Подбирает подол и роется бурно в кармане своей полосатой нижней юбки. Оттуда летят флакон, медалька с Агнцем Божиим, сморщенная картофелина, кукла из целлулоида.*) Святая Божия Матерь, но где же, где же ты был?

¹ Да, папа, я знаю (*идиши*).

² Гойское счастье! (*идиши*)

Блум, бормоча невнятно, потупив взгляд, пытается засунуть свои свертки в карманы, и без того набитые, терпит неудачу, стоит, продолжая что-то бубнить.

Голос (резко). Польди!

Блум. Кто это? (Пригнувшись, неловко закрывается от удара.) К вашим услугам.

Он поднимает глаза. Мираж финиковых пальм, и прямо перед ним — прекрасная женщина в костюме турчанки. Ее пышные округлости туго теснятся в алых шальварах и блузке, расшитой золотом. Широкий желтый кушак опоясывает ее стан. Белая чадра, лиловеющая в ночи, закрывает ее лицо, оставляя лишь черные большие глаза и волосы цвета воронова крыла.

Блум. Молли!

Мэрион. Ой ли? С этого дня, золотой мой, изволь говорить миссис Мэрион, когда ты ко мне обращаешься. (Насмешливо.) Наш бедненький муженек не застудил ли ножки, гуляя так долго?

Блум (переминаясь с ноги на ногу). Нет-нет. Совершенно ничуть.

Он дышит глубоко, возбужденно, глотая воздух, он спрашивает, надеется, вот тут для нее свиные ножки на ужин, ему надо столько ей высказать, извинения, желание, он словно весь в трансе. На лбу у нее блестящая монета, драгоценные кольца на пальцах ног. Лодыжки соединены тонкой цепочкой. Подле нее верблюды, на голове у которого красуется высокий тюрбан, на спине — седло с балдахином, откуда свисает шелковая лесенка с бесчисленным множеством ступенек. Он переступает на месте, беспокойно дергая крупом. Она сердито хлопает его по окорокам, и на ее запястьях звякают золотозмейки звонкогневно. Ругает его по-мавритански.

Мэрион. Nebrakada! Femininum!

Верблюды, подняв переднюю ногу, срывают с дерева большой плод манго и протягивают госпоже, держа его своим раздвоенным копытом, моргая. Потом опускает голову и, посапывая, выгнув шею, неуклюже примеривается стать на колени. Блум сгибается и подставляет спину, как в чехарде.

Блум. Я бы мог вам... То есть как ваш менеджер... Миссис Мэрион... если вы...

Мэрион. Так что уловил перемену? (*Медленно ласкает пальцами свой стан, увешанный украшениями. В ее взгляде мягкая дружелюбная насмешка.*) Эх, Польди-Мольди, чурка ты неотесанная! Тебе бы надо повидать жизнь. Повидать белый свет.

Блум. Я все время хотел вернуться за этим лосьоном, воск с померанцевым цветом. В четверг рано закрывается. Я завтра с утра, первым делом. (*Хлопает себя по карманам.*) Эта блуждающая почка. А!

Он показывает на юг, потом на восток. Восходит новенький, чистенький кусок лимонного мыла, источая свет и душистость.

Мыло.

Я и Блум, мы всех важней, всякий видит сам:
Придает он блеск земле, я же — небесам.

В диске солнцемыла появляется веснушчатая физиономия аптекаря Свени.

Свени. Три и пенни, будьте любезны.

Блум. Да-да. Это для моей супруги, миссис Мэрион. По особому рецепту.

Молли (*ласково*). Польди!

Блум. Чего изволите, сударыня?

Молли. *Ti trema un poso il cuore?*¹

Презрительно отворачивается и уходит, холеная и пухленькая, соблазнительно семеня, напевая дуэт из «Дон Жуана».

Блум. Но вы уверены с этим *Voglio*? Я в смысле произноше...

Бредет следом, за ним терьер, вынюхивая. Старая сводня берет его за рукав, поблескивают волоски на ее бородавке.

Сводня. Десять шиллингов, целка. Свежачок, не при-трагивались. Пятнадцать. И никого там, один папаша ее, бухой в подкладку.

Показывает рукой. В приотворенных дверях своей темной каморки стоит Брайди Келли, робкая, забрызганная дождем.

Брайди. Хэтч-стрит. Может, у вас есть настроение?

¹ Забилось ли сильнее твое сердце? (*итал.* Вариация фразы из дуэта «Дай руку мне, красотка»)

Слабо ойкнув, взмахнув шалью, словно летучая мышь крыльями, она убегает. Дюжий детина гонится за ней большими сапошажницами. Спотыкается о ступеньки, встает и исчезает во мраке. Доносятся слабые смешки, потом затихают.

Сводня (*ее волчьи глаза горят*). Ишь, как ему приспичило. Ты слушай, в шикарном заведении ты девушку не найдешь. А тут за десять. Да не телись час, гляди в штатском засекут. А эта, из шестьдесят седьмого, сучка.

Герти Макдауэлл хромает к нему, строя нежные глазки. С жеманными ужимками вынимает из-за спины и показывает ему, скромно потупясь, запятнанное кровью белье.

Герти. Все мое достояние земное тебе я вверяю дабы ты. (*Понизив голос.*) Вы это сделали. Ах, я ненавижу вас.

Блум. Я? Когда? Это вам приснилось. Я вас первый раз вижу.

Сводня. А ну, отойди от джентльмена, ты, аферистка. Пишет обманные письма джентльмену. Ходит на панель, пристаёт к мужчинам. Твоей матери давно пора выдрать тебя как следует, шлюха ты эдакая.

Герти (*Блуму*). Вы подглядели все секреты у меня в нижнем ящичке. (*Гладит его рукав, хнычет.*) Несчастный женатик! Я тебя люблю за то, что ты мне так сделал.

Она уходит, ступая боком, прихрамывая. Посреди мостовой стоит миссис Брин в мужском фризovém пальто с большими накладными карманами. Ее глаза широко раскрыты, во взгляде бездна лукавства, улыбка обнажает все ее травоядные козьи зубы.

Миссис Брин. Мистер...

Блум (*солидно откашлявшись*). Сударыня, мы имели удовольствие в нашей последней корреспонденции от шестнадцатого сего...

Миссис Брин. Мистер Блум! Здесь, в самом гнездилище порока! Ха-ха, вы славно попались! Нет, каков негодник!

Блум (*поспешно*). Не надо имя так громко. Что это вы вообразили? Не выдавайте меня. У стен есть уши. Как ваши дела? Ведь мы целую вечность. Вы изумительно выглядите. Абсолютно безупречно. Погода стоит совсем по сезону. Черное преломляет тепло. А я, представляете, решил срзать, тут короче домой. Места интересные. Приют Марии Магдалины, спасение падших женщин. Я секретарь...

Миссис Брин (*протестующе машет пальцем*). Нет уж, нет уж, не сочиняйте! Я кой-кого знаю, кому это не понравится. Вот погодите, все расскажу Молли! (*Лукаво.*) И так, сию минуту полный отчет или же горе вам!

Блум (*оглянувшись назад*). Она часто говорила, что ей хотелось бы побывать. Как вельможи в трущобах. Ради экзотики. Будь она богата, держала бы негритянскую прислугу в ливреях. Отелло, черный зверь. Юджин Стрэттон. Даже комики под негров в ливерморском балагане. Братья Боухи. Чуть ли не трубочисты.

Выскакивают Том и Сэм Боухи, два черных эстрадника в белых костюмах, ярко-алых носках, перекрахмаленных манишках стиля самбо, с огромными алыми астрами в петлицах. У каждого болтается банджо. Их негроидные руки, странно маленькие и бледные, дергают тенькающие струны. Блестя бивнями и белками, стоя спиной к спине, гремя грубыми башмаками, они выбивают отчаянную дробь, носок — пятка, пятка — носок, разом тренькая, распевая, смачно причмокивая жирными негритосскими губами.

*Кто-то есть у меня в доме с моей Диной,
Кто-то есть у меня в доме, знаю-знаю,
Кто-то есть у меня в доме с моей Диной,
Он бренчит на старом банджо.*

Они срывают черные маски со своих толстых добродушных физиономий и, наяривая, нажаривая, притопывая, пристукивая, утанцовывают в кекуоке чук-чуки-чук чиричичи.

Блум (*с кисло-сладкой улыбкой*). Так не позволить ли нам маленькую вольность, если вы расположены? Быть может, вы бы не возражали оказаться в моих объятиях — о, всего на крошечную долю секунды?

Миссис Брин (*в веселом ужасе*). Фу, какой бред! Поглядите на себя в зеркало!

Блум. Ради старых времен, а? Я просто имею в виду вчетвером, этакое небольшое слияние двух наших супружеств. Знаете, у меня к вам всегда была слабость. (*Меланхолично.*) Ведь это я вам прислал валентинку со стихами про газель.

Миссис Брин. Всеблагие угодники, но вид у вас —

чистый цирк! Это же умереть. (*Протягивая руку, строго допрашивает.*) А что это вы там прячете за спиной? Ответьте сразу, как примерные дети.

Блум (*берет ее кисть свободной рукой*). И это была Джози Пауэлл, прелестнейшая дебютантка в Дублине! Как мчится время! Не вспоминаете ли вы, обращаясь к прошлому с ретроспективным упорядочением, тот давний рождественский вечер, новоселье Джорджины Симпсон, когда играли в Ирвинга Бишопа, читать чужие мысли или найти булавку с завязанными глазами? Следующему игроку: угадайте, что спрятано в этой коробочке!

Миссис Брин. С вашей трагикомической декламацией вы были первым львом этой вечеринки. И вы отлично справились с ролью. Вы ведь всегда имели успех у женщин.

Блум (*заправский кавалер, в смокинге с шелковыми отворотами, с голубым масонским значком в петлице, при черной бабочке и перламутровых запонках, поднимает высокий граненый бокал шампанского*). Леди и джентльмены, я предлагаю тост за Ирландию, дом и красу.

Миссис Брин. Те незапамятные милые деньки. Старая сладкая песня любви.

Блум (*многозначительно понижая голос*). Признаюсь вам, что я просто чайник от любопытства, не чайник ли сейчас кое-что кое у кого.

Миссис Брин (*живо подхватывает*). Еще как чайник! Я прямо вся чайник, как Лондон. (*Игриво задевает его бедром.*) Потом еще были игры с тайнами в гостиной, хлопушки с елки, и наконец мы уселись под веточкой омелы на оттоманке у лестницы. И никого нам не надо было.

Блум (*в красной наполеоновской треуголке с янтарным полумесяцем, пальцы его медленно скользят вдоль ее запястья к мягкой, влажной, пухлой ладошке; она мило уступает ему*). Сейчас пора ночного колдовства. Я вынимал из этой ручки занозу, бережно, осторожно. (*Надевая на палец ей рубиновое кольцо.*) *Là ci darem la mano.*

Миссис Брин (*в цельнокроеном бальном платье, синем, оттенка лунного света, на лбу у нее мишурная диадема сильфиды, бальная книжечка упала подле синелунной атласной тувфельки. Мягко изгибая ладонь, дыша учащенно*). *Voglio e pop...* Ах, вы такой горячий! Вы прямо обжигаете. Левая рука ближе к сердцу.

Блум. И когда вы неожиданно сделали этот выбор, все говорили, что это точно по сказке. Чудище и красавица.

Нет, этого я вам никогда не смогу простить. (*Подносит сжатый кулак ко лбу.*) Подумать только! Вы тогда значили для меня все! (*Хрипло.*) Женщина, это убивает меня!

Дэнис Брин в белом цилиндре, с рекламными щитами Уиздома Хили, шаркает мимо них в ночных шлепанцах, с пыльной косматой бородой, торчащей вперед, и что-то бормочет, адресуясь то вправо, то влево. Малыш Олф Берген, наряженный пиковым тузом, идет за ним по пятам, передразнивая его движения и корчась от хохота.

Олф Берген (*издевательски тыкает в рекламный щит*). К. к.: Ку-ку.

Миссис Брин (*Блуму*). А внизу играли в смешные фанты. (*Бросает лукавый взгляд.*) Но что же вы не поцеловали мою ладошку, чтоб все прошло? Вам ведь хотелось.

Блум (*шокирован*). Лучшая подруга Молли! Как вы это можете?

Миссис Брин (*ее сочный язычок, выглянув между губ, посылает ему поцелуй голубки*). Ах-ах. Пошлите вопрос в газету. А там у вас подарочек для меня?

Блум (*с нарочитой небрежностью*). Так, кое-что на ужин. Кошер. Как живется в доме без паштетов Сливи. Я был на «Лии». Миссис Бэндмен Палмер. Проникновенная исполнительница Шекспира. К сожалению, выбросил программку. Тут неподалеку отличное место по части свиных ножек. Вот пощупайте.

Появляется Ричи Гулдинг, на голове у него прищиплены три дамские шляпы, в руке кренящий его набор черный фирменный портфель Коллиса и Уорда, на котором наклеваны известкой череп и кости. Открыв портфель, показывает, что тот набит доверху свиными сосисками, вяленой треской, копченой селедкой и коробочками пилюль.

Ричи. Лучшее, что есть в Дублине.

Плешистый Пэт озабоченным зябликом торчит на обочине, с салфеткою на руке, готовый ко услугам слуга.

Пэт (*приближается, держа криво блюдо, с которого капкапкает соус*). Бифштекс с почками. Бутылка пива. Хи хи хи. Пэт служит, клиент ждет тужит.

Ричи. Божемой. Яне елсу тра.

Понуриг голову, уныло шагает дальше. Фабричный, шатаясь, бредущий мимо, пыряет его своим горящим двузубцем.

Ричи (*хватается за поясницу, вскрикнув от боли*). А-ай! Почки мои! Огонь!

Блум (*показывая на фабричного*). Шпик. Не привлекайте внимания. Не выношу бессмысленную толпу. Я тут не ради развлечения. Попал в большие затруднения.

Миссис Брин. Вы вечно плели всякие небылицы, чтоб подлизаться.

Блум. Я вам расскажу маленький секрет, как я попал сюда. Но только полная тайна. Даже Молли ни слова. Тут совершенно особая причина.

Миссис Брин (*сгорая от любопытства*). О, ни за что на свете.

Блум. Может быть, пройдемся, вы не хотите?

Миссис Брин. Да-да.

Сводня тщетно делает знаки. Блум удаляется с миссис Брин. Терьер трусит следом, скуля жалобно, виляя хвостом.

Сводня. Жидовский недоносок!

Блум (*на нем серый котелок, спортивный костюм овсяного цвета с веточкой жимолости в петлице, модная кремовая рубашка, клетчатый шейный платок с андреевским крестом, белые гетры, рыжекрасные башмаки; на груди бинокль, через руку легкий бежевый плащ*). А вы помните, как давным-давно, в незапамятные времена, когда Милли, мы ее звали Марионеткой, только что отняли от груди, мы все вместе поехали на скачки в Фэрихаус?

Миссис Брин (*строгого фасона элегантный темно-синий костюм, велюровая белая шляпа, вуаль-паутинка*). В Лепардстаун.

Блум. Да-да, Лепардстаун. Молли там выиграла семь шиллингов на трехлетке, ее звали Тайна, а после мы все возвращались домой через Фоксрок в каком-то немислимом допотопном тарантасе и вы были тогда во всем своем блеске в той новой шляпке из белого велюра с отделкой из кротового меха это вам миссис Хейс присоветовала ее купить мол цену снизили стало всего девятнадцать и одиннадцать, а там один кусок проволоки да вельветовая тряпка, ручаюсь вам чем угодно она это специально сделала...

Миссис Брин. Еще бы не специально, лживая кошка! Лучше не напоминайте мне! Чудная советчица!

Блум. Потому что она гораздо меньше вам шла чем та миленькая блестящая тока с крылышком колибри которой я так любовался на вас вы правда в ней были сплошное

очарование хотя неужели не жалко было их убивать, жестокая вы душа, это же крохотушки у них сердечко с маковую росинку.

Миссис Брин (*поглаживая его руку, кокетливо*). О да, я была ужасно жестокая!

Блум (*тихо, таинственно, убыстряя речь*). А Молли уписывала мясной сандвич из корзинки с провизией миссис Джо Галлахер. По правде сказать, хотя у нее хватало и законников и поклонников, меня никогда особенно не волновал ее стиль. Она была...

Миссис Брин. Как-то слишком...

Блум. Вот именно. И Молли все смеялась, как Роджерс и Чудила О'Рейли начали кукарекать, когда мы проезжали мимо фермы, и тут мимо нас прокатил в коляске Маркус Терциус Мозес, чаеоторговец, со своей дочкой, ее все звали Плясунья Мозес, и у нее на коленях сидел пудель, ужасно важный, и вы у меня спросили, не случилось ли мне читать или слышать или видеть или встречать...

Миссис Брин (*с волнением*). Да, да, да, да, да, да, да.

Ее фигура рядом с ним тает. Он идет дальше, к адским вратам, за ним сзади скулящий пес. В подворотне стоит баба и мочится по-коровьи, наклонясь вперед и расставив ноги. Возле закрытого трактира кучка гуляк-мастеровых обступила старшого с перебитым носом, который заправляет им какую-то басню, отпуская хриплые шутки. Двое безруких, отделясь, сцепились, рычат, барахтаются в шутковской потасовке закосевших калек.

Старшой (*пригнувшись, гнусавит в нос*). И когда значит Кернс на Бивер-стрит слез с лесов он думаете куда опростался прямо в ведро с пивом что Дервановы штукатуры поставили там на стружках.

Мастеровые (*гогочут, выставляя волчьи пасти*). Га, штоб ему!

Их шапки, заляпанные краской, покачиваются. Покрытые известкой и клеем своих лачуг, калек без конечностей, резвясь, подпрыгивают вокруг него.

Блум. Опять совпадение. Они думают, это смешно. Как бы не так. Среди бела дня. Старался дойти. Хорошо, женщин не было.

Мастеровые. Во заливаает, штоб ему! Прослабило. Штоб ему, прямо в пиво!

Блум идет дальше. Дешевые шлюхи парами и поодиночке,

в платках и простоволосые, зазывают изо всех переулков, дверей, углов.

Шлюхи.

Чудак, куда так спешишь?

Как там твой колышек?

А у тебя есть спичка?

Поди-ка, я тебе сделаю, она вскочит.

Блум продирается через их клоаку в сторону освещенной улицы, что видна дальше. Оттопырив занавеску в окне, граммофон выставил наружу медный помятый хобот. В сторонке содержательница подпольного кабака рядится с фабричным и двумя солдатами.

Фабричный (*рыгая*). Игде этот чертов дом?

Содержательница. Пердон-стрит. Бутылка крепкого — шиллинг. Я женщина честная.

Фабричный (*ухватив за шиворот солдат, шатаясь, вместе с ними трогает с места*). Британская армия, вперед!

Рядовой Карр (*за его спиной*). Здорово он надрался.

Рядовой Комптон (*со смехом*). Не говори!

Рядовой Карр (*фабричному*). Казармы Портобелло, а там столовка. Спросишь Карра. Просто Карра, и все.

Фабричный (*горланит*).

Мы вексфордские. Парни.

Рядовой Комптон. Слышь! А как тебе старшина?

Рядовой Карр. Беннет? Да это ж мой кореш. Люблю Беннета, милягу.

Фабричный (*горланит*).

Позорные цепи.

Свободу родимой земле.

Шатаясь, бредет вперед, волоча их за собой. Блум останавливается в нерешимости. Подходит пес, вывалив язык, тяжело дыша.

Блум. Ищи ветра в поле. Дома все разбросаны. Поди угадай, куда они делись. Пьяный ходит вдвое быстрее. Сплошная неразбериха. Сперва эта сцена на Уэстленд-роу. Потом вскочил в первый класс, когда билет в третий. Потом остановку проехал. Поезд с паровозом сзади. Мог

бы завезти в Малахайд или в ночное депо или с другим столкнуться. Все от второй выпивки. В меру — когда один раз. Чего я за ним? Все-таки он самый приличный из всего сборища. Если б не услышал про миссис Бьюфой-Пьюрфой, не зашел бы и его бы не встретил. Фатум. А он промотает те денежки. Тут контора помощи бедным. Раздолье для всяких махинаций. Так-так, у вас затруднения? Что легко пришло, легко уйдет. Мог бы расстаться с жизнью из-за этого трамгонгфардугрельсджагернаута, хорошо, что не растерялся. Хотя присутствие духа не всегда спасает. В тот день, если бы прошел мимо окон Трулока на две минуты поздней, получил бы пулю. Отсутствие тела. А если б только дыру на платье, мог бы пятьсот фунтов взыскать. Угроза для жизни. Кто б это был там? Туз какой-нибудь из клуба на Килдер-стрит. Храни господи его егерей. *(Разглядывает на стенке фаллический рисунок мелом, с подписью «Сладкий сон».)* Комики! Вот Молли нарисовала в Кингстауне, на замерзшем стекле в вагоне. А это на что похоже?

Размалеванные куклы глядят из окон, стоят в раскрытых дверях, куря дешевые сигареты. Сладкий тошнотворный дымок плывет к нему круглыми и овальными кольцами.

Кольца. Сладкие прелести. Прелести греха.

Блум. Что-то у меня с позвоночником. Дальше или вернуться? Еще этой свинины набрал. Наешься ее — сам свинеешь. Головы нет. Пустая трата. Переплатил шиллинг и восемь пенсов. *(Приблудный пес, виляя хвостом, тычет в его ладонь мокрым холодным носом.)* Странно, чего их всех ко мне тянет. Даже тот зверюга сегодня. Сначала лучше заговорить с ними. Они как женщины, любят гепсоп-тес¹. Только вони, как от хорька. Chacun son goût². А может, он бешеный. Фидо. Не знает, что ему делать. Хороший песик, хороший! Гарриоун! *(Волкодав ложится на спину, бесстыдно вихляясь, лапами попрошайничая, вывалив черный длинный язык).* Влияние

¹ Встречи (франц.).

² У каждого свой вкус (франц.).

окружения. Отдай, и дело с концом. Если никто тут. (*Ласково подзывая, он неуклюже и воровато, крадучись, словно браконьер, отступает в темный вонючий угол, за ним по пятнам сеттер. Развернув один сверток, собирается бросить свиную ножку, помедлив, берется за баранью.*) Весомо для трех пенсов. С другой стороны, я ведь держу в левой руке. Требуется большего усилия. Отчего? Меньше, потому что меньше работает. Ладно уж, бросай. Два и шесть.

Не без сожаления выпускает из рук свиную ножку и сверток с бараньей. Мастиф неуклюже ворошит сверток, жадно набрасывается на мясо, рыча, с хрустом разгрызая кости. Безмолвно, настороженно приближаются двое патрульных в дождевиках с капюшонами. Перешептываются между собой.

Патрульный. Блум. Блума. Блumu. Блум.

Каждый из них кладет руку на плечo Блума.

Первый патрульный. Задержан при нарушении. Загрязнял общественные места.

Блум (*запинаясь*). Но я делаю добро другим.

Стая бакланов и чаек жадно взмывает с тинистых вод Лиффи, в клювах у них кусочки сладкого пирожка.

Чайки. Кау кау каррош кирожок.

Блум. Друг человека. Выдрессирован лаской.

Показывает рукой. Боб Дорен, опасно покачиваясь на высоком табурете, наклоняется над чавкающим спание-лем.

Боб Дорен. Ах ты шелудяга. Дай лапку. Ну дай лапку.

Бульдог рычит, шерсть у него на загривке встает дыбом, меж коренными зубами, сжимающими свиную кость, сочится бешеная слюна. Боб Дорен валится беззвучно в провал, ведущий в подвал.

Второй патрульный. Защита животных от жестокого обращения.

Блум (*с жаром*). Благородное дело! Я отчитал кучера конки на мосту Хэролдс-кросс за то, что он плохо обращается с лошадьёу, вся холка хомутом стерта. И что же, он меня еще обложил за мою заботу. Притом был мороз, и этот вагон был последний. А все рассказы из цирковой жизни в высшей степени аморальны.

Синьор Маффеи, бледный от ярости, в костюме укротителя львов, с брильянтовыми запонками на пластроне рубашки, выступает вперед, держа цирковой затаянный бумагой обруч, ползущий кольцами кнут и револьвер, который он наводит на жрущего дога.

Синьор Маффеи (*со злобной усмешкой*). Леди и джентльмены, перед вами моя дрессированная борзая. Не кто иной, как я, укротил Аякса, свирепого мустанга пампасов, с помощью моего патентованного седла с шипами для плотоядных. Хлестать по брюху плетью с узлами. Вздергивание на блоке с придушиваньем за горло сделает покорной овечкой самого несговорчивого льва, будь он хоть сам *Leo ferox*¹, ливийский людоед. Раскаленный докрасна лом и особые мази, втираемые в обожженное место, создали нам Фрица Амстердамского, мыслящую гиену. (*Сверкает глазами.*) Мне известно индийское заклинание. Его действие достигается блеском моих глаз и этих брильянтов, что у меня на груди. (*С чарующей улыбкой.*) А теперь позвольте представить вам мадмуазель Руби, красу арены.

Первый патрульный. Так. Фамилия, адрес.

Блум. Вы знаете, я забыл. Ах, да! (*Снимает свою шляпу-люкс, раскланивается.*) Доктор Леопольд Блум, дантист. Вы слышали, конечно, про пашу фон Блюма. Несметные миллионы. Доннерветтер! Владеет половиной Австрии. И Египта. Двоюродный брат.

Первый патрульный. Подтверждения.

Из-за кожаного ободка внутри Блумовой шляпы выпадает карточка.

Блум (*в красной феске, в полном одеянии кадия с широким зеленым кушаком, с поддельным орденом Почетного легиона, торопливо поднимает и подает карточку*). Имею честь. Член Клуба Молодых Офицеров Армии и Флота. Мои поверенные: фирма Джон Генри Ментон, Бэйчлорзук, 27.

Первый патрульный (*читает*). Генри Флауэр. Без определенного места жительства. Бродяжничество, создание помех уличному движению.

Второй патрульный. Алиби. Вы получаете предупреждение.

Блум (*вытаскивает из нагрудного кармана измятый*

¹ Лев свирепый (*лат.*).

желтый цветок). Флауэр, цветок. Вот он, этот цветок. Мне дал его один человек, я не знаю его фамилии. *(Убедительным тоном.)* Вы ведь знаете эту старую шутку, роза Кастилии. Блум. Смена фамилии. Вираг. *(Интимно и доверительно понижает голос.)* Вы понимаете, сержант, мы помолвлены. Тут замешана женщина. Сердечные сложности. *(Слегка подталкивает плечом второго патрульного.)* Конечно, порой случается и Ватерлоо. Как-нибудь вечерком заходите на бутылочку старого бургонского. *(Второму патрульному, бойким тоном.)* Я вас познакомлю, инспектор. С ней без промаха. Прodelает все, не успеете оглянуться.

Выплывает темное, меченое ртутью лицо, за ним женская фигура под вуалью.

Темная ртуть. Его разыскивают в Замке. Его выгнали с позором из армии.

Марта *(под густой вуалью, алая ленточка вокруг шеи, в руке номер «Айриш таймс»; показывая на него, с упреком).* Генри! Леопольд! Лионель, моя утрата! Верни мне доброе имя.

Первый партульный *(сурово)*. Пройдемте в участок.

Блум *(испуганно пятится назад, надевает шляпу, потом, приложив правую руку к сердцу, отведя локоть под прямым углом, делает знак масона второй ступени)*. Нет-нет, глубокочтимый мастер, это распутница. Личность установлена ошибочно. Лионская почта. Лезюрк и Дюбоск. Вы помните дело о братоубийстве Чайлдса. Мы ведь медики. Смертельный удар был нанесен топором. Я обвинен по ошибке. Пусть лучше один виновный ускользнет, чем девяносто девять будут неповинно приговорены.

Марта *(рыдает под вуалью)*. Это нарушение обещания. Мое настоящее имя Пегги Гриффин. Он мне писал, что он ужасно несчастен. Бездушный соблазнитель, я на тебя пожалуюсь брату, он играет в регби защитником за «Бектайв».

Блум *(конфиденциально прикрыв рот рукой)*. Она пьяна. Эта женщина под воздействием алкоголя. *(Невнятно бормочет пропуск ефремлян.)* Вшиволет.

Второй патрульный *(со слезами на глазах, Блуму)*. Вам должно быть так стыдно, так стыдно за себя.

Блум. Господа присяжные, позвольте мне объяснить. Это чистейшие небылицы. Меня неправильно поняли. Меня делают козлом отпущения. Я почтенный семьянин с репута-

цией без единого пятнышка. Я проживаю на Экклс-стрит. Моя супруга, я дочь заслуженного военачальника, отважного джентльмена и человека чести, по имени, как там его, генерал-майор Брайен Твиди, одного из наших храбрецов, которые одерживают для Британии победы на поле брани. Он получил повышение за геройскую оборону Роркс-Дрифт.

Первый патрульный. Полк.

Блум (*обращается к галерее*). Королевские дублинские стрелки, дети мои, соль земли, известные всему миру. Мне кажется, я вижу среди вас кое-кого из старых товарищей по оружию. К. Д. С. Вместе с нашей столичной полицией, что охраняет наш покой, самые ловкие, самые мужественные парни на службе у нашего монарха.

Голос. Предатель! Да здравствуют буры! Кто освистывал Джо Чемберлена?

Блум (*кладет руку на плечо первого патрульного*). Мой старый папаша тоже был мировой судья. Я, как и вы, сэр, такой же твердокаменный британец. Я сражался под нашими знаменами в беззаботной войне, за короля и державу, под начальством генерала Гофа, того, что в парке, получил ранения при Блумфонтейне и при Спайон-Коп, упоминался в приказах. Я делал все, что в силах белого человека. (*Тихо, с чувством.*) Джим Бладсо. Лодку к берегу держи.

Первый патрульный. Профессия или род занятий.

Блум. Род моей деятельности — литература. Я писатель и журналист. Кстати, в настоящее время мы как раз выпускаем сборник премированных рассказов, это мой замысел, нечто абсолютно новое. Я связан с английской и ирландской прессой. Если вы позвоните...

Подходит Майлс Кроуфорд дергающейся походкой, зажав гусиное перо в зубах. Его багровый клюв пламенеет в ореоле соломенной шляпы. Одна рука помахивает связкой испанских луковиц, другая прижимает к уху телефонную трубку.

Майлс Кроуфорд (*его петушиные сережки болтаются*). Алло, семьдесят семь восемьдесят четыре. Редакция «Уикли сортир» и «Фрименс дристалл». Парализуем Европу. Кто-кто? Из суда? Кто писатель? Это Блум-то?

Мистер Филип Бьюфой, бледный, стоит на свидетельском месте в аккуратной визитке, с уголком платка из нагрудного кармана, в отутюженных сиреневых брюках и лакированных башмаках. В руке у него пухлый портфель с наклейкой «Мастерские удары Мэтчена».

Бьюфой (*растягивая слова*). Нет, вы ни в какой мере, вы ни в малейшей степени, насколько я знаю. Я просто не допускаю такой мысли. Ни один, родившийся джентльменом, ни один, имеющий хотя бы слабые признаки джентльмена, никогда не опустится до такого позорного поведения. Он из таких, милорд. Плагиатор. Скользкий негодяй, прикидывающийся писателем. Бесспорно установлено, что он, следуя подлой своей натуре, обокрал мое популярнейшее творение, истинный шедевр, чистой воды алмаз, с любовными сценами ниже всякого подозрения. Книги Бьюфоя о любви, о роскоши и богатстве, знакомые, без сомнения, вашей светлости, знамениты по всей империи.

Блум (*хмурый, пристыженно и кротко бормочет*). Вот только то место, где про смеющуюся чаровницу, рука об руку, насчет него я бы хотел отклонить обвинение, если позволите...

Бьюфой (*вздернув губу в надменной улыбке, окидывает зал взглядом*). Полнейший осел! Никаких слов не хватит для вашей бездонной тупости! Я думаю, вам незачем так себя утруждать по этому поводу. Здесь присутствует мой литературный агент, мистер Дж. Б. Пинкер. Надеюсь, милорд, что мы получим возмещение издержек, как это положено свидетелям, не правда ли? Мы весьма оскудели по вине этого жалкого шелкоперишки, этой реймсской сороки, даже не учившейся в университете.

Блум (*бурчит под нос*). Университет жизни. Плохая литература.

Бьюфой (*взрывается криком*). Это гнуснейшая ложь, это показывает его моральную гнилость! (*Потрясает портфелем.*) Вот здесь у нас, милорд, неоспоримые доказательства, *corpus delicti*¹, образец моего зрелого творчества, обезображенного клеймом зверя.

Голос с галереи.

Моисей, еврейский царь,
Подтирался «Таймсом» встарь.

¹ Состав преступления (*лат.*).

Блум (*собравшись с духом*). Передержки.

Бьюфой. Подлая скотина! Да тебя в луже утопить, гнида! (*Обращаясь к суду*.) А вы посмотрите на его личную жизнь! Она у него не двойная, нет, четверная! На людях ангел, а дома черт. Да его имя нельзя при дамах произносить! Первейший интриган века!

Блум (*обращаясь к суду*). А он, холостой, каким образом...

Первый патрульный. Король против Блума. Вызовите свидетельницу Дрисколл.

Секретарь. Мэри Дрисколл, кухарка!

Появляется Мэри Дрисколл, молодая служанка в стоптанных туфлях. На согнутой руке у нее надето ведро, в другой руке швабра.

Второй патрульный. Еще одна! Вы из того злосчастного сословия?

Мэри Дрисколл (*возмущенно*). Я вам не девка. Я самого честного поведения, служила у последних хозяев четыре месяца. Хорошее место, шесть фунтов в год, да еще наградные, и каждую пятницу выходной, а пришлось уйти, потому как он приставал.

Первый патрульный. В чем вы его обвиняете?

Мэри Дрисколл. Он ко мне подкатился известно с чем, ну только я об себе выше понимаю, пускай я бедная.

Блум (*в мягкой домашней куртке, фланелевых брюках и шлепанцах, небритый, с взъерошенными волосами; примирительно*). Я ведь с тобой обращался как с благородной. Вещицы дарил на память, изумрудные подвязки, куда шикарней, чем в твоём положении пристало. Заступился за тебя, не подумав, когда тебя обвинили в покраже. Всему есть мера. Играй по-честному.

Мэри Дрисколл (*с жаром*). Вот как перед Богом, если я когда брала эти устрицы!

Первый патрульный. По поводу нанесенного оскорбления. Было ли нечто совершено?

Мэри Дрисколл. Он меня застал за домом, на задах, ваша честь, когда хозяйка пошла утром за покупками, и просит булавку. А сам как облапит, у меня в четырех местах потом синяки были. И два раза пробовал под юбку залезть.

Блум. Она сама отвечала действиями.

Мэри Дрисколл (*презрительно*). Да мне своей шваб-

ры жалко было, вот что. Я его окоротила, милор, а он говорит: только ты никому не сказывай!

Всеобщий смех.

Джордж Фотрелл (*секретарь королевского и мирового суда, звучным голосом*). К порядку! К порядку! Сейчас обвиняемый огласит ложное заявление.

Блум, не признавая себя виновным, держа в руке распустившуюся кувшинку, начинает длинную бессвязную речь. Здесь еще услышат, что скажет его защитник в своем прочувствованном обращении к суду. Он потерпел полное крушение в жизни, но, хоть и был заклеен как паршивая овца, если можно так выразиться, он желает стать на путь исправления, загладить прошлое чистой, как у сестер, жизнью и вернуться к природе словно невинное домашнее животное. Родившись семимесячным, он был заботливо вскормлен и выпестован престарелым, прикованным к постели родителем. Возможно, случались ошибки и промахи блудного отца, однако он хотел бы открыть новую страницу и теперь, наконец-то очутившись в двух шагах от позорного столба, вести тихую домашнюю жизнь на закате дней, проникнутую теплом трепетного семейного лона. Акклиматизированный британец, в тот летний вечер с площадки паровоза на Кольцевой линии он видел пускай урывками между тем как дождик собирался было, но передумал мелькавшие в окнах любвеобильных семейных очагов в Дублине и в городской округе истинно буколические сцены райского счастья с обоями от Докрелла шиллинг и девять пенсов рулон, невинных детишек, родившихся британцами, лепечущих молитвы Святому Младенцу, юных школьников, склонившихся над своими уроками, примерных девушек, сидящих за фортепьяно или возносящих жаркие хвалы Всевышнему, собравшись со всем семейством вокруг горящего рождественского камина, а по проселкам, по зеленым тропинкам гуляли colleens со своими кавалерами под мелодии аккордеона с органом звучанием металлическая отделка из сплава «Британия» четыре регистра и двенадцать мехов, просто даром, самый выгодный случай какой... Снова смех. Он бормочет бессвязные слова. Репортеры жалуются, что не могут расслышать.

Протоколистка и стенографистка (*не отрываясь от своих записей*). Закройте у него крантик.

Профессор Макхью (*за столом для журналистов*,

чихая, подбадривает). Чихай на них, парень. Выкладывай все как есть.

Следует перекрестный допрос, предмет рассмотрения — Блум и ведро. Большое ведро. Лично Блум. Расстройство желудка. На Бивер-стрит. Да, резь. Да, нестерпимо. Ведро штукатуров. Шел, еле крепясь. Неопикуемые мучения. Подобно смертельной агонии. Около полудня. Любовь или бургонское. Да, немного шпината. Критический момент. В ведро не заглядывал. Никого. Довольно грязно. Не до конца. Старый номер «Осколков».

Возгласы и свистки сливаются в кошачий концерт. Блум, в порванном сюртуке, выпачканном известкой, в помятом и съехавшем набок цилиндре, с нашлепкой из пластыря на носу, неслышимый, продолжает говорить.

Дж. Дж. О'Моллой (в парике и мантии адвоката, тоном горестного протеста). Не место здесь предаваться непристойному зубоскальству над бедным смертным, который злоупотребил алкоголем. Мы не в зверинце, и не на студеческой попойке, и не разыгрываем пародию на правосудие. Мой подзащитный — дитя, бедный иммигрант, который начал на голом месте, приехав сюда безбилетником на пароходе, и теперь пытается честно, в поте лица своего, зарабатывать хлеб свой. Пресловутый проступок, о котором здесь так трубят, был совершен в результате минутного отклонения наследственности, вызванного галлюцинацией, и вольности, подобные той, что вменяется ему в вину, вполне дозволены и привычны на его родине, в земле фараонов. *Prima facie*¹, я обращаю ваше внимание на то, что здесь отсутствовали попытки к соитию. Близость не имела места, и оскорбление, на которое жаловалась девица Дрисколл, то есть покушение на ее добродетель, более не повторялось. Я усматриваю здесь атавизм. В семействе подзащитного отмечены случаи лунатизма и кораблекрушений. Если бы обвиняемый мог говорить, поведать бы он смог такую повесть, которая показалась бы нам одною из самых необычайных, какие только можно найти в книгах. Он ведь и сам, милорд, словно обломок крушения, у него слабая грудь, болезнь бедняков, чахотка. Его оправдание в том, что он монгольской расы и не отвечает за свои действия. Не все дома, вы понимаете.

Блум (босой, тщедушный, в блузе и штанах кули,

¹ Первым делом (лат).

поджимая от стеснения пальцы ног, тарачит крошечные кротовьи глазки, ошарашенно озирается вокруг, потирая ладонью лоб. Потом поддерживает штаны и с восточной учтивостью приветствует суд, показывая большим пальцем на небо). Его делай осень пиликласна нось. (Просто-душно напевает.)

Мальсика холосая
Нозку свинки плинесла
Отдала два глосика...

Крики и свист заглушают его.

Дж. Дж. О'Моллой (*Запальчиво обращаясь к толпе*). Это слишком неравный бой. Клянусь Стиксом, я не позволю, чтобы над моим подзащитным, каков бы он ни был, так бесновалась и глумилась стая гиен и шакалов. На смену закону джунглей пришли заповеди Моисея. Я утверждаю, и утверждаю категорически, отнюдь не желая чинить противное целям правосудия, что обвиняемый не был пособником преступления и истица не подвергалась насилию. Мой подзащитный относился к этой юной особе как к своей родной дочери. (*Блум берет руку Дж. Дж. О'Моллой и подносит к губам.*) Я представлю опровергающие свидетельства, и я абсолютно бесспорно докажу, что здесь снова орудует невидимая рука. Виновный неизвестен — хватайте Блума. Мой подзащитный застенчив и робок от природы, он меньше всех на свете способен сделать что-либо неблагоприятное, что-либо оскорбительное для скромности или же бросить камень в грешницу, которая пошла по кривой дорожке, когда какой-нибудь негодяй, повинный в ее падении, заставил ее служить своему сластолюбию. Он хочет идти прямым путем, и я считаю его самым безупречным из всех людей, которых мне доводилось знать. В данный момент он находится в трудных обстоятельствах, поскольку ему пришлось заложить свои обширные владения в глубинах Малой Азии в Агендат Нетаим, диапозитивы которого сейчас вам будут показаны. (*Блуму.*) Вам не помешало бы сделать красивый жест.

Блум. Пенни на каждый фунт.

На стену направляют вид озера Киннерет, в серебристой дымке виднеются пасущиеся стада. Моше Длугач, альбинос с глазками хорька, в синих рабочих брюках, стоит на галерее, держа в каждой руке лимон и свиную почку.

Длугач (*сильным голосом*). Берлин W 13, Бляйбтройштрассе.

Дж. Дж. О'Моллой восходит на невысокую приступку и с важностью берется за отвороты мантши. Лицо его удлиняется, становится бледным и бородатым, глаза западают, скулы загораются пятнами больного румянца: чахоточное обличье Джона Ф. Тэйлора. Он подносит платок ко рту и разглядывает скоротечную розово-красную кровь.

Дж. Дж. О'Моллой (*едва слышно*). Прошу прощения, у меня сильнейший озноб, я только недавно поднялся после болезни. Несколько тщательно подобранных слов. (*Обретаю птичью голову, лисьи усы и длиннорылое красноречие Сеймура Буша.*) Когда приходит время ангелу открыть книгу, если только достойно жить что-либо преобразенное душой или преобразующее душу, зачатое задумчивым лоном, я говорю: даруйте обвиняемому святую привилегию сомнения.

В суд передают бумагу, на которой что-то написано.

Блум (*в наряде придворного*). Могу представить самые наилучшие рекомендации. Мсье Каллан и Коулмен. Мистер Уиздом Хили, мировой судья. Мой старинный патрон Джо Кафф. Мистер В. Б. Диллон, бывший лорд-мэр Дублина. Я вращался в блестящем кругу самых очаровательных... Цариц дублинского света. (*Небрежно.*) Нынче вечером на узком приеме у вице-короля я совсем заболтался со старым приятелем, с сэром Робертом, королевским астрономом, и с его женой, леди Болл. Сэр Боб, говорю ему...

Миссис Йелвертон Барри (*на ней опаловое бальное платье с большим декольте, длинные, по локоть, перчатки цвета слоновой кости, накидка с собольей оторочкой и кирпичным подбоем, в волосах гребень с брильянтами и эгретка*). Констебль, арестуйте его. Он мне прислал анонимное письмо, когда мой муж был на Манстерской выездной сессии в Северном Округе Типперери, нарочно изменил почерк на детские каракули и подписался Джеймс Розголюб. Он там писал, что увидел с галерки мои бесподобные округлости, когда я сидела в ложе театра «Ройял» на представлении «Цикады», которое давали по просьбе заместника. Я воспламенила его, он там писал. И он мне сделал непристойное предложение нарушить мой супружеский долг в следующий четверг, в полпятого по меридиану Дансинка. Он также предлагал прислать мне по почте

произведение мсье Поль де Кока «Девушка в трех корсетах».

Леди Беллингем (*в шляпке, кутаясь в кроличью подкотик мантилью, выходит из своего ландо и подносит к глазам черепаховый лорнет, который вынимает из пышной муфты опоссумова меха*). И мне также. Да, я думаю, это та же сомнительная личность. Потому что однажды в ненастный день он закрыл дверцу моей кареты возле дверей дома сэра Торнли Стокера, это было во время ужасных холодов в феврале девяносто третьего, когда у меня в доме замерзли даже клапан бака над ванной и решетка сливной трубы. А после этого он мне прислал цветок эдельвейса, добытый им в мою честь, так он сказал, на горных вершинах. Я отдала его осмотреть ученому специалисту по ботанике и получила сведения, что это цветок картофеля домашнего, похищенный из теплиц показательной фермы.

Миссис Йелвертон Барри. Позор ему!

Врывается толпа шлюх и оборванцев.

Шлюхи и оборванцы (*вопят*). Держи вора! Молодчага, Синяя Борода! Тройное ура Ицке Мойше!

Второй патрульный (*извлекает наручники*). А вот и браслетки.

Леди Беллингем. Он мне писал разными почерками, расточал льстивые комплименты, называл Венерой в мехах и уверял, что ужасно сочувствует моему продрогшему выездному лакею, Палмеру, хотя тут же признавался в зависти к его шапке-ушанке и овчинному тулупу, а также и к тому, что он имеет счастье быть так близко к моей особе, когда стоит за моим сиденьем в ливрее с родовыми гербами Беллингамов, на черном поле золотая оленья голова. Он самым неподобающим образом восхвалял нижние части моей фигуры, мои полные икры в шелковых чулках, натянутых туго до предела, и весьма пылко распространялся о прочих моих сокровищах, которые, как он сказал, он живо воображает себе в мечтах, хотя они и скрыты бесценным кружевом. Он побуждал меня, и притом уверял, что считает это своей жизненной миссией, чтобы я осквернила супружеское ложе и совершила бы адюльтер как можно скорей, при самой первой возможности.

Баронесса Толбойс (*в амазонке и котелке, в ботфортах со шпорами, алом жилете и желтых мушкетерских перчатках с расшитыми раструбами; шлейф амазон-*

ки подобран, в руке охотничий хлыст, которым она то и дело похлопывает себя по голенищу). И меня также. Он увидел меня в Феникс-парке на игре в поло, на матче Вся Ирландия против Остальной Ирландии. Я знаю, глаза у меня сверкали божественно, когда я смотрела, как драгунский капитан Денни Железная Рука делает победный бросок на своем любимом Кентавре. Этот плебейский Дон Жуан следил за мной, притаившись за кебом, а потом прислал мне в двойном конверте неприличную фотографию, из тех, что продают на парижских бульварах из-под полы, они оскорбительны для всякой дамы. Она до сих пор у меня. На ней полураздетая сеньорита, тоненькая, хорошенькая (как он торжественно заверил, его жена, заснятая им с натуры), совершает незаконное сношение с мускулистым тореро явно разбойничьего вида. Он уговаривал меня делать то же самое, предаваться греху с гарнизонными офицерами. Он умолял меня, чтобы я выпачкала его письмо абсолютно неназываемым образом, а также наказала бы его, чего он вполне заслуживает, уселась бы на него верхом и погоняла, хлеща кнутом что есть сил.

Леди Беллингем. И меня.

Миссис Йелвертон Барри. И меня.

Несколько самых уважаемых дублинских дам поднимают недостойные письма, полученные ими от Блума.

Баронесса Толбойс (*охваченная внезапным порывом ярости, топает ножкой, зазвенев шпорами*). Клянусь Богом, я это сделаю. Я буду хлестать и хлестать этого мерзкого труса, пока хватит сил. Я сдеру с него шкуру заживо.

Блум (*в испуге зажмуривается*). Как, здесь? (*Корчась от страха*.) Опять! (*Съеживается, тяжело дыша*.) Я люблю опасность.

Баронесса Толбойс. Ну погоди! Сейчас тебе станет жарко! Ты у меня запляшешь!

Леди Беллингем. Распишите-ка ему штаны хорошенько! Отделайте гнусного выскочку во все цвета!

Миссис Йелвертон Барри. Позор! У него ни малейшего оправдания! Женатый мужчина!

Блум. Все на меня. Я ведь имел в виду только так, отшлепать. Так, чтобы разогрело, пощипывало, но не до крови. Утонченная порка для стимуляции кровообращения.

Баронесса Толбойс (*с издевательским смехом*). Ах вот как, любезный? Ну что ж, Бог свидетель, сейчас ты получишь сюрприз на всю жизнь, уж ты мне поверь, самую

беспощадную порку, какая только доставалась кому-нибудь. Ты разбудил яростную тигрицу в моей душе.

Леди Беллингем (*мстительно потрясая своим лорнетом и муфтой*). Помучай его, прижги, Ханна, милочка. Перцу ему под хвост. Разделай гадкого пса так, чтобы едва жив остался. Кошкой-девятихвосткой его. Устрой ему висекцию и кастрацию.

Блум (*весь дрожа, съезживается, складывает ладони с умоляющим видом*). О, какой холод! Какой озноб! Всеми виной ваша упоительная красота. Забудем, простим. Это фатум. Пощадите меня, на один этот раз. (*Подставляет другую щеку.*)

Миссис Йелвертон Барри (*сурово*). Вы не должны его щадить, баронесса! Его надо как следует проучить!

Баронесса Толбойс (*рывком сдергивая перчатку*). Пощады не будет! Свинья, грязный пес, и отроду был таким! Смеет обращаться ко мне! Да я его засеку до черноты прямо на улице, у всех на глазах. Всажу в него шпоры со всего маха. Он рогоносец, это все знают. (*Яростно рассекает воздух хлыстом.*) А ну-ка сюда, сэр! Не мешкать, живо! Сию минуту спускайте с него штаны.

Блум (*трясущийся, суетливо повинуется*). Погода была такая теплая.

Проходит Дэви Стивенс с кудрявой шевелюрой, в кольце мальчишек-газетчиков.

Дэви Стивенс. «Вестник Сердца Иисусова» и «Ивнинг телеграф» с приложением по случаю Дня Святого Патрика. Сообщаются новейшие адреса всех дублинских рогоносцев.

Высокопреподобный каноник О'Ханлон в золотканой парчовой ризе возносит и выставляет на поклонение мраморные часы. Отец Конрой и преподобный Джон Хьюз, О. И., стоящие перед ним, склоняются долу.

Часы (*раздверяясь*).

Ро — га

Ро — га

Ро — га

Слышно, как позвякивают медные пружины кровати.

Пружины. Жик-жик, жика-жика, жик-жик.

Завеса тумана стремительно раздергивается, и за ней делаются видны сидящие на скамье присяжных Мартин

Каннингем, старшина, в высоком цилиндре, Джек Пауэр, Саймон Дедал, Том Кернан, Нед Лэмберт, Джон Генри Ментон, Майлс Кроуфорд, Ленехан, Падди Леонард, Флинн Длинный Нос, Маккой и некто со стертými чертами, Безликий.

Безликий. Езда без седла. Вес по возрасту. Ей-ей, он уж ее организовал.

Присяжные (*все их головы поворачиваются к нему*). Правда?

Безликий (*злбно*). Задница выше кумпола. Сто шиллингов на пять.

Присяжные (*все их головы согласно кивают*). Мы почти все так и думали.

Первый патрульный. Он у нас на заметке. Еще одну девицу лишил косичек. Объявлен розыск: Джек Потрошитель. Награда тысяча фунтов.

Второй патрульный (*с почтительным страхом шепчет*). И в черном весь. Видать, мормон. Анархист.

Секретарь (*громким голосом*). Принимая во внимание, что Леопольд Блум, без определенного места жительства, известен как террорист, фальшивомонетчик, двоеженец, сводник и рогоносец и представляет общественную опасность для граждан города Дублина, а также принимая во внимание, что в настоящем судебном заседании достопочтенный...

Его светлость сэр Фредерик Фолкинер, главный судья Дублина, в серокаменных судейских одеждах, поднимается со скамьи, каменнобородый. В руках у него зонтик-жезл. Из лба выдаются мощные моисеевы рога.

Главный судья. Я положу конец гнусной торговле живым товаром, и я избавлю Дублин от этой позорной язвы. Неслыханно! (*Надевает черную шапочку.*) Извольте распорядиться, господин главный инспектор, чтобы его взяли со скамьи подсудимых и заключили в тюрьму Маунтджой на такой срок, какой будет угоден его Величеству, и там предали смертной казни через повешение, исполнение чего всецело вверяется вашей ответственности, да помилует Господь вашу душу. Уведите его.

Черная шапочка нисходит на его голову. Появляется главный инспектор Длинный Джон Феннинг, куря большую пахучую сигару.

Длинный Джон Феннинг (*обводит сцену тяжелым*

взглядом и вопрошает густым раскатистым басом). Ну, кто повесит Иуду Искариота?

Х. Рамболд, цирюльник, в кроваво-красном камзоле и фартуке кожевника, с мотком веревки через плечо, поднимается на эшафот. За поясом у него дубинка со свинцом и палица, утыканная гвоздями. Злобно потирает хищные руки с надетыми на них кастетами.

Рамболд (главному судье, со зловещей развязностью). Гарри-вешатель, ваше величество, гроза Мерси. По пять гиней вертлюжок. Была бы шея, веревку сыщем.

Звонят колокола на церкви Святого Георгия, гулкий, медленный, замогильный звон.

Колокола. Эй-гей! Эй-гей!

Блум (впадая в отчаяние). Пстойте. Остановитесь. А чайки. Доброе сердце. Я видел. Невинность. Девушка перед клеткой обезьян. В зверинце. Похотливые шимпанзе. (Задыхается.) Тазовый бассейн. Ее наивный румянец обезоружил меня. (Не может справиться с волнением.) Я покинул эти пределы. (Просительно обращается к одной из фигур в толпе.) Хайнс, можно два слова вам? Вы знаете меня. Можете не отдавать мне эти три шиллинга. Если вам нужно еще немного...

Хайнс (холодно). Я вас впервые вижу.

Второй патрульный (показывает в угол). Бомба там.

Первый патрульный. Адская машина с часовым механизмом.

Блум. Нет-нет. Это свиная ножка. Я был на похоронах.

Первый патрульный (берется за свою дубинку). Лжец!

Гончая поднимает морду, и все видят серое цинготное лицо Падди Дингама. Он слопал все. От него исходит гнилостное дыхание пожирателя падали. Он вырастает до человеческих размеров и очертаний. Шкура таксы превращается в темный саван покойника. Зеленый, кровью налитый глаз сверкает. Половина одного уха, весь нос и большие пальцы рук отъедены упырями.

Падди Дигнам (глухим голосом). Это правда. Это были мои похороны. Доктор Финьюкейн засвидетельствовал смерть от естественных причин, когда я заболел и помер.

Он поднимает к луне изуродованное пепельное лицо и то-скливо воет.

Блум (*торжествующе*). Вот, слышите!

Падди Дигнам. Блум, я дух Падди Дигнама. О слушай, слушай, слушай!

Блум. Это голос Исава.

Второй патрульный (*крестясь*). Это как же такое может быть?

Первый патрульный. Про это нет в кратком катехизисе.

Падди Дингам. Это метемпсихоз. Привидения.

Голос. Ну и дичь.

Падди Дигнам (*убежденным тоном*). Прежде я был в одном из служащих мистера Джона Генри Ментона, стряпчего, поверенного по присягам и свидетельствам, Бэйчлорзук, 27. Сейчас я покойник, гипертрофия сердечной стенки. Не повезло. Жена, бедняжка, ее силы были и так подорваны. Как она там, держится? Заберите у нее ту бутылку хереса. (*Осматривается кругом.*) Фонарь. Мне б надо справиться потребность. Топленое молоко что-то не пошло впрок.

Представительная фигура Джона О'Коннелла, управляющего, выступает вперед, держа связку ключей на траурной ленте. Рядом с ним отец Гробби, настоятель, с раздутым брюхом и кривой шеей, в стихаре, в цветном ситцевом платочке вместо ночного колпака, сонно сжимает жезл, сплетенный из маковых стеблей.

Отец Гробби (*зевнув, затягивает хрипло и квакающе*). Намине. Джекобс. Вобисквит¹. Аминь.

Джон О'Коннелл (*через мегафон, с грозными завываниями сирены*). Покойный Дигнам, Патрик Т.!

Падди Дигнам (*вздвогнув, настораживает уши торчком*). Высокие ноты. (*Извиваясь, вытягивается вперед, припадает ухом к земле.*) Голос моего хозяина!

Джон О'Коннелл. Погребальное свидетельство УМ-Ъ 85000. Секция 17. Дом Ключей. Участок 101.

Падди Дигнам с явным усилием вслушивается, думает, хвост палкой, уши торчком.

Падди Дигнам. Молитесь за упокой души его.

Уползает вниз через подвальный люк, полы савана волочатся по шуришащему гравию. За ним ковыляет жирная

¹ Искаж. Nomine... Vobiscum — имя... с вами (*лат.*).

старая крыса, черепашии лапы как ножки грибов под серым панцирем. Голос Дигнама доносится приглушенным лаем из-под земли: «Дигнам помер и зарыт, он на кладбище лежит». Том Рочфорд, красногрудый как снегирь, в фуражке и бриджах, выпрыгивает из своей машины о двух колонках.

Том Рочфорд (кланяется, приложив руку к груди). Рувим Дж. Ставлю флорин, что найду его. (Отважно и зорко оглядев люк.) Ну, мой черед. В Карлоу, вперед, за мной!

Делает в воздухе лихое сальто-мортале и скрывается в люке. Два диска в колонках, качнувшись, выставляют круглые глаза нулей. Все исчезает. Блум пробирается дальше через клоаку. Останавливается перед освещенным домом, прислушивается. Поцелуи, выпархивая из гнездышек, вьются вокруг него, чирикают, щебечут, воркуют.

Поцелуи (щебечут). Лео! (Чирикают.) Звонкий жаркий чуткий сладкий для Лео! (Воркуют.) Чмок-чмок! Умм-юмм! О-оо! (Чирикают.) Цви-вить! Сюд-сюда! Лео-по! (Щебечут.) Лео-ле, Лео-люб! (Чирикают.) Лео-лео, люб-люб!

Они спуют, перепархивают на его одеждах, яркие и быстрые блестящие, серебристые искорки.

Блум. Мужское туше. Печальная музыка. Церковная музыка. Может быть тут.

Зоя Хиггинс, девица легкого поведения в сапфировой узкой юбке с тремя бронзовыми пряжками, с черной узенькой бархаткой на шее, кивает ему, спускается со ступенек и подходит вплотную.

Зоя. Вы ищете кого-нибудь? Он там внутри с другом.

Блум. Это заведение миссис Мак?

Зоя. Нет, это дальше, тут восемьдесят один, миссис Коэн. Бывает, дальше зайдешь, хуже найдешь. Матушка Пантуфля. (Как старому знакомому.) Эту ночку-то она сама при деле с ветеринаром, тот жучок ей все верные ставки говорит да еще платит за учење ее сынка в Оксфорде. Работка сверхурочная, но у ней нынче фортуна перевернулась. (С подозрением.) А вы, часом, не папаша ему?

Блум. Ничего подобного!

Зоя. А то оба в черном. Тогда небось котик не прочь побаловаться?

Его плоть чутко отзывается на приближение ее пальцев. Она скользит рукой по его левому бедру.

Зоя. Где там орешки?

Блум. Сбоку. Интересно, что всегда справа. Наверно, то тяжелей. Мой портной, Мизайес, говорит, из миллиона у одного так.

Зоя (*внезапно встревожившись*). У тебя твердый шанкр.

Блум. Это вряд ли.

Зоя. Я же чувствую.

Запустив руку в левый карман его брюк, она вынимает оттуда твердую почерневшую сморщенную картофелину. Приоткрыв рот с влажными губками, глядит то на нее, то на Блума.

Блум. Семейный талисман. На счастье.

Зоя. А это для Зои, правда ведь? За то, что я такая миленькая?

Жадно сует картофелину к себе в карман, потом берет его под руку, прижимается тесно и горячо. Он принужденно улыбается. Звучит восточная музыка, медленно, такт за тактом. Он смотрит в ее карие глаза, обведенные краской. Улыбка его теплеет.

Зоя. Узнаешь меня в следующий раз.

Блум (*с тоскою покинутого*). Газели милой никогда я в жизни не любил, хотя судьба...

Газели скачут, пасутся на горных склонах. Неподалеку озера. По берегам их темные тени кедровых роц. Вет душистый аромат, пряный смолистый дух восходит ввысь пахучими прядями. Восток горит, сапфировое небо прочерчивает полет бронзовых орлов. Под ним лежит женоград, белый и обнаженный, в прохладной неге и роскоши. Струи фонтана шепчутся в окружении дамасских роз. Огромные розы шепчут о пурпуре виноградных гроздьев. С таинственным шепотом источается вино, вино стыда, крови, страсти.

Зоя (*шепча-мурлыча в такт музыке, улыбается, сладостные губы одалиски увлажнены бальзамом из розовой воды и свиного жира*). Шорах ани веновах, беноит Ершалоим¹.

¹ Дщери Иерусалимские! черна я, но красива (*древнеевр.*; Песн. I, 4).

Блум (*очарован*). По твоему выговору я так и думал, что ты от доброй лозы.

Зоя. А ты не слышал, что думать вредно?

Игриво покусывает его ухо маленькими златопломбыми зубками, обдавая густым застоялым чесночным духом. Розы, расступаясь, являют взору золотую усыпальницу царей и гниющие их останки.

Блум (*отшатывается, механически продолжая гладить ее правую грудь вялой плоской ладонью*). А ты из Дублина?

Зоя (*поймав выбившуюся прядь, ловко вплетает в завиток*). Извини-подвинься. Я англичанка. А у тебя подымить не будет?

Блум (*в прежней позиции*). Я редко курю, милочка. Так, иногда сигару. Детское баловство. (*Игриво.*) Можно губы занять и кой-чем получше трубы с травой.

Зоя. Ну-ну, валяй. Сочини речь про это.

Блум (*в шляпе апаш, в брюках из грубого вельвета и в черной блузе рабочего с алым развевающимся галстуком-бантом*). Род человеческий неисправим. Сэр Уолтер Рэли привез нам из Нового Света эти клубни и эту траву, из коих первое при поглощении убивает инфекции, второе же отравляет слух, зрение, сердце, память, волю, разум — словом, все. Таким образом, он привез к нам яд на целый век раньше, чем тот, другой, забыл его имя, привез нам пищу. Самоубийства. Лживость. Все наши нравы. А поглядеть на нашу общественную жизнь!

С дальних колоколен доносится полночный звон.

Звон. Возвратись, Леопольд! Лорд-мэр Дублина!

Блум (*в одеянии олдермена, с цепью*). Избиратели Арран-куэй, Иннс-куэй, Ротонды, Маунтджоя и Северных Дюков, я заверяю вас, что самое наилучшее — это провести линию трамвая от скотного рынка к реке. Вот музыка будущего. Вот моя программа. *Cui bono?*¹ Однако наши пиратствующие Летучие Голландцы на корабле-призраке своих капиталов...

Из толпы избирателей. Трижды тройное ура нашему будущему главному магистрату!

Северным сиянием загорается факельное шествие.

Факельщики. Урра!

¹ Кому выгодно? (*лат.*)

*Именитые горожане, местные тузы и почетные граждане пожимают руку Блуму и поздравляют его. Тимоти Хэррингтон, трижды бывший лорд-мэром Дублина, весьма внушительный в пурпурной мантии мэра, с золотой цепью и в белом шелковом галстуке, переговаривается с советником Лорканом Шерлоком, *Iocum tenens*. Оба горячо кивают в общем согласии.*

Бывший лорд-мэр Хэррингтон (на нем белого шелка широкий шейный платок, золотая цепь мэра и пурпурная мантия, в руке жезл). Чтобы речь олдермена сэра Лео Блума была напечатана за счет налоговых сумм. Чтобы дом, в котором он был рожден, был украшен памятной доской. И чтобы проезд, прежде называвшийся Коровий Выгул, вблизи Корк-стрит, именовался отныне Бульваром Блума.

Советник Лоркан Шерлок, *Iocum tenens*. Принято единогласно.

Блум (пламенно). Эти Летучие Голландцы или, верней, Липучие Голландцы, когда они валяются на коврах у себя в кают-компаниях, со скуки играя в кости, до чего им дело? Машины — вот одна их забота, их химера, их талисман. Приспособления и автоматы, механические страшилища, наштампованные упыри для взаимного истребления, мерзостные ублюдки, которых плодит алчность капиталистов, похотливо прилипших, присосавшихся к нашему опроституированному труду. Бедняки отдыхают с голоду, а они себе откармливают своих королевских оленей, они себе стреляют базанов и фекасов, купаются в золоте, плавают в платине. Их барство таит коварство, а наше государство это их царство, и до каких же пор, товарищи, это кошмарство...

Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Повсюду вырастают триумфальные арки, торжественные обелиски, праздничные флажтоки. Над улицей протянулись полотнища с лозунгами: «Ceas Mile Failte»¹ и «Мах Тов Мелек Израиль»². Во всех окнах теснятся взволнованные зрители, по преимуществу дамы. Выстроенные вдоль дороги полки Королевских дублинских стрелков, Собственных Его Величества шотландских пограничных гвардейцев, Камеронских горцев и Валлийских стрелков, стоя по стойке смирно, сдерживают натиск толп. Школьники

¹ Сто Тысяч Приветствий (ирл.).

² Как Прекрасен Царь Твой, Израиль (древнеевр.). Ср. Числ 24,5.

облепили все телеграфные и фонарные столбы, все водосточные и печные трубы, подоконники и карнизы, ограды, парапеты и желоба, приветственно свистя и вопя. Вдали возникает облачный столп. Слышится мелодия «Кол Нигре»¹, исполняемая на флейтах и барабанах. Подходят передовые, над ними вздымаются в небо императорские орлы, реют знамена, колышутся пальмовые ветви. Посреди гражданских флагов высоко возносится хоругвь папы римского на древке из золота и слоновой кости. Приближается ядро шествия, его возглавляют Джон Хауард Парнелл, городской церемониймейстер, в шахматном плаще, атлонский младший герольдмейстер и герольдмейстер ольстерский. Далее следуют достопочтенный Джозеф Хатчинсон, лорд-мэр Дублина, его светлость лорд-мэр Корка, их милости мэры Лимерика, Голуэя, Слайго и Уотерфорда, двадцать восемь ирландских пэров-представителей, сердары, гранды и махараджи, несущие тронный балдахин, Дублинская столичная пожарная команда, капитул финансовых святых в порядке своей плутократической иерархии, епископ Даунский и Коннорский, Его высокопреосвященство Майкл кардинал Лог, архиепископ Армаский, примас всея Ирландии, Его преосвященство, высокопреподобный доктор Вильям Александер, архиепископ Армаский, примас всея Ирландии, главный раввин, президент пресвитерианцев, главы общин баптистов, анабаптистов, методистов и моравских братьев, а также почетный секретарь Общества друзей. За ними движутся цеха, гильдии и городское ополчение с развернутыми знаменами: бондари, птицеводы, жерновщики, рекламные агенты, нотариусы, массажисты, виноторговцы, бандажисты, трубочисты, салотопы, ткачи бархатов и поплинов, ветеринары, итальянцы-зеленики, отделочники церквей, изготовители обувных рожков, хозяева похоронных заведений, торговцы шелками, камнерезы, аукционеры, пробкоделы, страхователи от пожаров, красильщики и пятновыводильщики, экспортеры спиртных напитков, розлитых по бутылкам, скорняки, рисовальщики ярлыков, гравировальщики гербовых печатей, конюхи, менялы, поставщики принадлежностей для крикета и стрельбы из лука, изготовители сит, скупщики яиц и картофеля, чулочники и перчаточники, подрядчики по водопроводным

¹ Все обеты (древнеевр.), одна из главных иудейских молитв-песнопений.

и канализационным работам. За ними движутся камер-юнкеры, Черный Жезл, герольдмейстер Ордена Подвязки, Золотая Трость, италмейстер, лорд обергофмаршал, президент геральдической палаты, великий коннетабль, несущий меч королевства, железную корону св. Стефана, потир и библию. Четыре пеших горниста трубят в трубы. Лейб-гвардейцы отзываются приветственными звуками рогов. Под триумфальной аркой появляется Блум с обнаженной головой, в алой бархатной мантии, отороченной горностаем; в руках у него жезл святого Эдуарда, держава и скипетр с голубем, меч милосердия. Он восседает на белоснежном коне, у которого длинный, развевающийся алый хвост, роскошный чепрак и золотая уздечка. Неистовый восторг. Дамы с балконов осыпают его лепестками роз. Воздух напоен их благоуханием. Приветственные клики мужчин. Пажи Блума бегут среди толпы с ветками боярышника и стеблями крапивы.

Пажи Блума.

Птичий царь крапивник,
Мы тебя искали,
В день святого Стефана
В кустиках поймали.

Кузнец (*бормочет*). Как Бог свят! Неужто ж это Блум? Ведь с виду и тридцати одного не дашь.

Мостильщик и Каменотес. Вот знаменитый Блум, величайший реформатор мира. Шапки долой!

Все обнажают головы. Женщины жадно перешептываются.

Миллионерша (*злауосто*). Он просто изумителен!
Аристократка (*аристократично*). Сколько этот человек повидал!

Феминистка (*мужественно*). А сделал!
Колоколотейщик. Классическая внешность!
У него лоб мыслителя.

Погода к Блуму. Яркие лучи воссияли на северо-западе.

Епископ Даунский и Коннорский. Мне принадлежит честь представить вам вашего несравненного императора-президента и короля-премьера, сиятельнейшего, милостивого и могущественного правителя сего царства. Боже, храни Леопольда Первого!

Все. Боже, храни Леопольда Первого!

Блум (в далматике и пурпурной мантии, епископу Даунскому и Коннорскому, с достоинством). Благодарю вас, высококакойтотам сэр.

Вильям, архиепископ Армаский (в пурпурном облачении и широкополой шляпе). Обязуешься ли во царствовании твоём соблюдать, дабы закон и милость исполняемы были во всех твоих решениях и приговорах в Ирландии и землях, принадлежащих ей?

Блум (клянется, положив правую руку себе на яйца). Да поможет мне в том Всевышний. Все сие обещаюсь соблюдать.

Майкл, архиепископ Армаский (выливает Блуму на голову банку бриллиантина). *Gaudium magnum annuntio vobis. Habemus carneficem*¹. Леопольд, Патрик, Эндрю, Дэвид, Джордж, да приими помазание!

Блум облачается в златотканую мантию и надевает рубиновое кольцо. Он восходит и утверждается на Камне Предназначения. Пэры-представители надевают свои двадцать восемь корон. Несется ликующий звон колоколов от церкви Христа, святого Патрика, святого Георгия и с веселой Малахайд. Со всех сторон взлетают огни фейерверка благотворительного базара Майрас, образуя в небе фаллопиротехнические символы. Пэры присягают на верность, один за другим приближаясь и преклоняя колена.

Пэры. И становлюсь вассалом вашим всецело и безраздельно, дабы служить вам верой и правдой.

Блум поднимает правую руку, на которой сверкает бриллиант Кохинор. Конь его ржет. Тотчас воцаряется тишина. Межконтинентальные и межпланетные телеграфные передатчики приготовились передать сообщение.

Блум. Подданные мои! Сим назначаем мы верного нашего скакуна Копулу Феликс² нашим наследственным Великим Визирем, а также объявляем, что с сего дня отвергли мы прежнюю супругу нашу и даровали августейшую нашу руку принцессе Селене, красе ночи.

Бывшую морганатическую супругу Блума поспешно увозят на черном вороне. Принцесса Селена, в синелунных одеждах, увенчанная серебряным полумесяцем, выходит из паланкина, принесенного двумя великанами. Взрыв приветствий.

Джон Хауард Парнелл (поднимает королевский

¹ Радость великую возвещаю вам. У нас есть палач (лат.).

² Счастливые Узы (лат.).

штандарт). Прославленный Блум! Приемник моего великого брата!

Блум (*обнимая Джона Хауарда Парнелла*). Благодарим тебя от души, Джон, за эту поистине королевскую встречу в зеленом Эрине, земле обетованной наших общих предков.

Ему подносят хартию, где записаны городские вольности, и вручают ключи от Дублина, лежащие скрещенными на алой подушке. Он показывает всем, что у него зеленые носки.

Том Кернан. Вы заслужили это, ваша честь.

Блум. Ровно двадцать лет назад в этот день мы победили извечного нашего врага при Ледисмите. Наши гаубицы и фальконеты в верблюжьих запряжках отменно обработали его порядки. На поллиги вперед! Они наседают! Все уж потеряно! Неужели отходим? Нет и нет! Мы их погнали как стадо! Вперед! Наступаем! Развернувшись с левого фланга, наша легкая кавалерия пронеслась через высоты Плевны и с боевым кличем «Честной Саваоф» изрубила сарацинских пушкарей всех до единого.

Бригада наборщиков «Фримена». Слушайте! Слушайте!

Джон Уайз Нолан. Вот человек, вырвавший из тюрьмы Джеймса Стивенса.

Ученик Синемундирной школы. Браво!

Старожил. Вы гордость своего отечества, сэръ, должен вам это прямо сказать.

Торговка яблоками. Вот такой человек и нужен Ирландии.

Блум. Возлюбленные мои подданные, над вами занимается заря новой эры. Я, Блум, истинно говорю вам, она уже при дверях. Даю вам в том слово Блума, скоро увидите все во град грядущий златой, в новый Блумусалим в Новой Гибернии будущего.

Тридцать два рабочих с кокардами всех графств Ирландии, под началом подрядчика Дервана, возводят новый Блумусалим. Это — исполинское сорокатысячекомнатное сооружение с хрустальной крышей, выстроенное в форме гигантской свиной почки. В ходе строительства сносится целый ряд зданий и памятников. Правительственные учреждения временно переводятся в пакгаузы. Множество жилых домов сравнивают с землей. Их обитателей размещают в бочках и ящиках, помеченных красными буквами Л. Б. Несколько бедняков сваливаются с лестницы. Обру-

шивается часть городской стены, усеянная сотнями верноподданных зрителей.

Зрители (умирая). *Morituri te salutant*¹. (Умирают.)

Из потайной дверцы выскакивает человек в коричневом макинтоше. Длинным вытянутым пальцем указывает на Блума.

Человек в макинтоше. Не верьте ни одному его слову. Это — Леопольд Макинтош, известный поджигатель. Его настоящее имя Хиггинс.

Блум. Пристрелить его! Христианская собака! И кончим о Макинтоше!

Пушечный залп. Человек в макинтоше исчезает. Блум скипетром сбивает маковые головки. Поступают известия о скоропостижной смерти многих могущественных врагов, скотоводов, членов парламента, членов постоянных комиссий. Телохранители Блума раздают милостыню Великого Четверга, памятные медали, хлеба и рыбы, значки общества трезвости, дорогие сигары, бесплатные суповые кости, резиновые презервативы в закрытых пакетах, перевязанных золотой нитью, сливочные тянучки, ананасные леденцы, любовные записочки, сложенные треугольником, готовое платье, котлеты в тесте, бутылки дезинфицирующей жидкости Джейса, товарные купоны, сорокадневные индульгенции, фальшивые монеты, колбасы из молочных поросят, театральные контрамарки, единые сезонные билеты для всех трамвайных маршрутов, билеты Венгерской королевской лотереи с привилегией от властей, талоны на бесплатный обед, дешевые издания Двенадцати Худших Книг в Мире: «Фрицы и лягушатники» (политическое), «Уход за ребенком» (инфантильное), «50 блюд за 7 с половиной шиллингов» (кулинарное), «Был ли Иисус солнечным мифом?» (истерическое), «Изгони эту боль» (медицинское), «Все о Вселенной для младенцев» (позывательное), «Фыркнем все разом» (юморительное), «Путеводитель рекламного агента» (жирнолистика), «Любовные письма матушки-повитухи» (эротическое), «Кто есть кто в космосе» (астрософическое), «Песни, запавшие в душу» (мелодическое), «Грошовый путь к миллионному состоянию» (сберегательное). Несу светная сутолока и суматоха. Женщины протискиваются к Блуму, чтобы коснуться края его одежды. Леди Гвендо-

¹ Умиравшие тебя приветствуют (лат.).

лен Дюбеда, мощно растолкав толпы, прыгает к нему на лошадь и под восторженные вопли зрителей целует в обе щеки. Вспышки магния. Мамы и папы поднимают грудничков и ползунков.

Женщины. Батюшка наш! Батюшка!
Груднички и ползунки.

Я хороший тихий мальчик.
Лео мне подарит мячик.

Блум наклоняется над малюткой Бордменом, ласково щечочет ему животик.

Малютка Бордмен (икает, из ротика течет свернувшееся молочко). Аля ля ля.

Блум (пожимает руку слепому юноше). Мой более чем Брат! (Обнимает за плечи престарелых супругов.) Дорогие мои старые друзья! (Играет в пятый угол с оборванными уличными детишками.) И — раз! Фьють! (Укачивает близнецов в колясочке.) Часики тик-так, тик-так, вот, сапожник, мой башмак. (Жонглирует, показывает фокусы, вынимает изо рта шелковые платки, красные, оранжевые, желтые, зеленые, голубые, синие, фиолетовые.) Как однажды Жак-звонарь головой свалил фонарь. 32 фута в секунду. (Утешает вдову.) Разлука молодит сердце. (Отплясывает разудалый шотландский танец, шутовски дергаясь и вихляясь.) Эй, шевелись, черти! (Целует пролежни ветерана, прикованного к постели.) Почетные раны! (Шутливо ставит подножку тучному полисмену.) К. к.: ку-ку. К. к.: ку-ку. (Шепчет на ухо краснеющей официантке и добродушно смеется.) Плутовка, ну и плутовка! (Съедает сырую репу, поднесенную фермером Морисом Баттерли.) Отличная вещь! Чудесно! (Отказывается принять три шиллинга, которые хочет ему вручить Джозеф Хайнс, журналист.) Нет и нет, дружище, даже не думайте! (Снимает с себя пальто и отдает нищему.) Прошу вас, возьмите это. (Затекает гонки ползком с увечными стариками и старухами.) Вперед, парни! Ползи веселей, девчата!

Гражданин (в избытке чувств роняет слезу на свой изумрудный шарф.) Да благословит его Бог!

Трубят бараньи рога, призывая к молчанию. Поднимают знамя Сиона.

Блум (величественно сбрасывает плащ, являя свою дородность, развертывает список и читает торжественно). Алеф Бет Гимел Далет Хагада Тефилим Кошер Йом-

Кипур Ханука Рош-Гашана Б'Най Брит Бар Мицва Маца
Ашкеназим Мешуге Талиф.

Джимми Генри, младший муниципальный секретарь, оглашает официальный перевод.

Джимми Генри. Отныне открывается Суд Совести. Его Христианнейшее Величество изволит вершить правосудие под открытым небом. Бесплатные медицинские и юридические советы, разгадывание ребусов, решение разнообразных задач. Сердечно приглашаются все желающие. Дано в нашем верном граде Дублине в год I Райской Эры.

Падди Леонард. Как мне избавиться от налогов и пошлин?

Блум. Уплатить их, мой друг.

Падди Леонард. Покорно благодарю.

Флинн Длинный Нос. А я могу заложить свою страховку от пожара?

Блум (*педантично*). Сэры, да будет вам известно, что согласно гражданскому праву вы связаны вашими собственными обязательствами в течение полугода в размере пяти фунтов.

Дж. Дж. О'Моллой. Истинный Даниил, да что там! Нет! Сам Питер О'Брайен!

Флинн Длинный Нос. А где ж это я запорву пять фунтов?

Сикун Берк. А если с мочевым пузырем неладно?

Блум.

Acid. nit. hydrochlor. dil., 20 minims

Tinct. mix vom., 4 minims

Extr. taraxel. lig., 30 minims

Aq. dis., 3 p. в день.

Крис Каллинан. Чему равен параллакс субсолярной эклиптики Альдебарана?

Блум. Рад вас слышать, Крис. К. П.

Джо Хайнс. А почему вы не в форме?

Блум. Когда мой блаженной памяти пращур носил форму австрийского деспота в сырой темнице, где были ваши пращуры?

Бен Доллард. Анютины глазки?

Блум. Украшают (озеленяют) наши общественные парки.

Бен Доллард. Когда случаются близнецы?

Блум. Отец (патер, папа) призадумывается.

Ларри О'Рурк. Патент бы на всю неделю для моей новой распивочной. Вы ж помните меня, сэр Лео, с тех пор, как жили в седьмом доме. Посылаю дюжину портера для вашей мадамы.

Блум (*холодно*). Вы злоупотребляете моей снисходительностью. Леди Блум не принимает подарков.

Крофтон. Уж это праздник так праздник.

Блум (*внушительно*). То, что вы называете праздником, я называю священнодействием.

Алессандро Ключчи. Когда же у нас будет наш дом ключей?

Блум. Я стою за реформу городских нравов, за десять заповедей в их чистом виде. Старые горизонты сменяются новыми. Единение всех, евреев, мусульман и язычников. Три акра и корову каждому из детей природы. Катафалки люкс на автомобилях. Физический труд, обязательный для всех. Парки должны быть открыты круглосуточно. Электрические посудомойки. Туберкулез, слабоумие, войны и нищенство воспрещаются. Всеобщая амнистия, еженедельный карнавал с разрешенными вольностями для масок, наградные для всех, всемирный язык эсперанто и всемирное братство. Довольно патриотизма пропойц и жуликов, раздутых водянкой. Свободные финансы, свободная рента, свободная любовь и свободная гражданская церковь в свободном гражданском государстве.

О'Мэдден Берк. Свободная лиса в свободном курятнике.

Дэви Берн (*зевает*). Иииииииииаааааааах!

Блум. Смешанные расы и смешанные браки.

Ленехан. А как насчет смешанных бань?

Блум объясняет тем, кто поблизости, свои планы социальных преобразований. Все выражают согласие и поддержку. Появляется хранитель музея на Килдер-стрит, он тянет платформу, на которой покачиваются статуи обнаженных богинь — Венеры Каллипиги, Венеры Пандемос, Венеры Метемпсихоз и гипсовые фигуры, также обнаженные, изображающие девять новых муз — Торговли, Оперной Музыки, Любви, Рекламы, Промышленности, Свободы Слова, Многократного Голосования, Гастрономии, Личной Гигиены, Курортных Концертов, Обезболивания Родов и Популярной Астрономии.

Отец Фарли. Он англиканец, агностик, всяковер, он хочет подорвать нашу святую веру.

Миссис Риордан (*рвет свое завещание*). Я разочаровалась в вас! Вы нехороший человек!

Матушка Гроган (*снимает башмак, чтобы запустить им в Блума*). Ах ты, скотина! Негодяй паршивый!

Флинн Длинный Нос. Спой-ка нам, Блум. Какую-нибудь старую сладкую песню.

Блум (*залихватски заводит*).

Я клялся, что я не покину ее,
Она мне разбила все сердце мое.
Мое труляля труляля труляля.

Прыгунчик Холохан. Старина Блум! Его ни с кем не сравнишь, единственный в своем роде.

Падди Леонард. Опереточный ирландец!

Блум. Какая опера похожа на хромого в Гибралтаре? Роза и костыль.

Смех.

Ленехан. Плагиатор! Долой Блума!

Сивилла под покрывалом (*пылко*). Я блумистка, и я горжусь этим. Я верю в него, несмотря ни на что. Я жизнь за него готова отдать, второго такого комика нет на свете.

Блум (*подмигивает окружающим*). Готов спорить, она красotka.

Теодор Пьюрфой (*в рыбацком картузе и непромокаемой куртке*). Он использует механические средства, чтобы помешать священным целям природы.

Сивилла под покрывалом (*вонзает себе в грудь кинжал*). Мой герой, мое божество! (*Умирает.*)

Множество пылких и очаровательных дам также совершают самоубийства, они закалываются, топятся, пьют синильную кислоту, волчий корень, мышьяк, вскрывают себе вены, отказываются от пищи, бросаются под паровые катки, с колонны Нельсона, в главный чан пивоварни Гиннеса, задыхаются, сунув голову в газовую печь, вешаются на модных подвязках, выбрасываются из окон различных этажей.

Александр Дж. Даун (*громко*). Собратья во Христе и во антиблумстве, сей человек по имени Блум — поистине исчадие ада и поругание христианскому миру. С колыбели одержим сатанинской похотью, этот смердящий козел мендесский явил раннюю склонность к детскому распутству, какое приводит на память грады долины, с не-

кой развратной старухой. Сей низкий лицемер, закоренелый в бесчестьи, он и есть тот бык белый, о коем сказано в Апокалипсисе. Он поклоняется Блуднице Вавилонской и козни исходят из ноздрей его вместе с дыханием. Ему по заслугам костер, котел кипящего масла. Калибан!

Толпа. Линчевать его! Зажарить живьем! Он еще хуже Парнелла. Мистер Фокс!

Матушка Гроган швыряет свой башмак в Блума. Хозяева лавочек по Нижней и Верхней Дорсет-стрит забрасывают его разными бросовыми предметами, костями, жестянками из-под сгущенного молока, гнилой капустой, хлебными корками, овечьими хвостами, ошметками сала.

Блум (в смятении). Да это просто солнечный удар, это опять какая-то скверная шутка. Клянусь Творцом, невинен я как снег, не тронутый лучами солнца! Это был мой брат Генри. Он мой двойник. Он живет в Долфинс-барн, дом номер два. То клевета, ужаснее змеи, навлекла на меня ложные обвинения. Собратья и соотечественники, *sgenl inn ban bata coisde gan capall*¹. Я прошу моего старого друга, доктора Мэйлахи Маллигана, специалиста по вопросам пола, дать медицинское заключение обо мне.

Доктор Маллиган (в кожаной куртке автомобилиста и зеленых очках-консервах, вздетых на лоб). У доктора Блума наблюдается бисексуальная аномалия. Он недавно сбежал из частной лечебницы доктора Юстейса для душевнобольных мужчин. Он был рожден вне брака и страдает наследственной эпилепсией, развившейся в результате необузданных половых излишеств. В предыдущих поколениях отмечены случаи слоновой болезни. Налицо явные симптомы хронического эксгибиционизма. Присутствует также скрытое двурушничество. Он преждевременно облысел по причине мастурбации, сделавшей из него идеалиста-извращенца и обратившегося распутника со вставными зубами. На семейной почве он временно утратил память и, как я полагаю, перед другими он не грешен, а лишь другие перед ним. Я произвел внутривагинальное обследование и, применив тест на кислотность к 5427 анальным, подмышечным, грудным и лобковым волоскам, свидетельствую, что он *virgo intacta*².

Блум прикрывает половые органы своей шляпой-люкс.

¹ При исправленном написании первых трех слов: *sgenl i mbarr*, фраза означает: история, высосанная из пальца, что повозка без лошади (искаж. ирл.).

² Нетронутая девственница (лат.).

Доктор Мэдден. Налицо также выраженная гипсоспадия. В интересах потомков я предлагаю заспиртовать пораженные части и сохранить их в национальном тератологическом музее.

Доктор Кроттерс. Я произвел анализ мочи пациента. Она белковидна. Слюноотделение недостаточное, коленный рефлекс прерывист.

Доктор Панч Костелло. Весьма заметен fetor judaicus¹.

Доктор Диксон (*зачитывает медицинское заключение*). Профессор Блум представляет собой законченный образец нового типа — женственного мужчины. Его душевные качества просты и привлекательны. По мнению многих, он очень милый человек, чудесная личность. В целом он не лишен странностей, застенчив, однако не слабоумен в медицинском смысле. Он написал юрисконсульту Общества Содействия Обратившимся Священникам прекраснейшее письмо, настоящую поэму, где все полностью разъясняется. Практически он абсолютный трезвенник и, как я могу подтвердить, спит на соломенной подстилке и питается лишь самой спартанской пищей, сухим горохом, подобранным у зеленщика. И летом и зимой он носит власяницу ирландской работы и каждую субботу подвергает себя самобичеванию. Насколько мне известно, он некогда содержался в исправительной колонии Гленкри для малолетних преступников, в качестве правонарушителя первого разряда. Согласно другому сообщению, он был рожден после смерти отца. Я взываю к вашему милосердию во имя самого священного слова из всех, какие только случалось произносить нашим органам речи. Он вскоре ждет ребенка.

Все охвачены сочувствием. Женщины падают в обморок. Богатый американец собирает пожертвования в пользу Блума. Дождем сыплются золотые и серебряные монеты, банковские чеки, банкноты, драгоценности, облигации казначейства, подлежащие оплате векселя, долговые расписки, обручальные кольца, часовые цепочки, медальоны, браслеты и ожерелья.

Блум. Ах, я так мечтаю стать матерью.

Миссис Торнтон (*в одежде няни-сиделки*). Прижмись ко мне крепче, милочка. Уже скоро кончится. Крепче, милая, крепче.

¹ Еврейская вонь (*лат.*).

Блум крепко обнимает ее и производит на свет восемь желтых и белых мальчиков. Они появляются на ступенях лестницы, покрытой красным ковром и уставленной экзотическими растениями. Все осьмяшки красивы, с лицами из благородных металлов, хорошо сложены, прилично одеты и прекрасно воспитаны, бегло говорят на пяти живых языках и имеют широкие интересы в различных науках и искусствах. Имя каждого четкими буквами отпечатано на груди рубашки: Назодоро, Голдфингер, Хризостом, Мэндоре, Силверсмайл, Зильберзельбер, Вифаржан, Панаргирос¹. Им тут же вверяют высокие и ответственные посты в разных странах, они становятся директорами банков, железнодорожными диспетчерами, президентами компаний с ограниченной ответственностью и вице-президентами синдикатов отелей.

Голос. Блум, ты Мессия бен Иосиф или бен Давид? Блум (загадочно). Ты сказал.

Брат Обирало. Тогда сотвори чудо.

Бэнтам Лайонс. Предскажи, кто выиграет Сент-Леджер.

Блум ходит по канату, прикрывает левый глаз левым ухом, проникает сквозь стены, взбирается на колонну Нельсона и виснет на бровях с ее верхнего уступа, глотает двенадцать дюжин устриц (с раковинами), исцеляет нескольких золотушных, изменяет черты лица, приобретая неотличимое сходство со многими историческими фигурами, лордом Биконсфилдом, лордом Байроном, Уотом Тайлером, Моисеем Египетским, Моисеем Маймонидом, Моисеем Мендельсоном, Генри Ирвингом, Рипом ван Винклем, Кошутом, Жан-Жаком Руссо, бароном Леопольдом Ротшильдом, Робинзоном Крузо, Шерлоком Холмсом, Пастером, поворачивает каждую ногу одновременно в разных направлениях, обращает вспять морской прилив и затмевает солнце, вытянув свой мизинец.

Брини, папский нунций (в форме папского зуава, в стальной кирасе на груди, в ручных и ножных латах, с пышными мирскими усами и в темной бумажной митре). Leopoldi autem generatio². Моисей родил Ноя, Ной родил

¹ Золотой нос (итал.), Золотой палец (англ.), Златоуст (греч.), Позолоченная рука (франц.), Серебряная улыбка (англ.), Сам серебряный (нем.), Ртуть (франц.), Весь серебряный (греч.).

² Вот родословие Леопольда (лат.).

Евнуха, Евнух родил О'Халлорана, О'Халлоран родил Гугенхейма, Гугенхейм родил Агендата, Агендат родил Нетаима, Нетаим родил Ле Гирша, Ле Гирш родил Иесурума, Иесурум родил Маккея, Маккей родил Остролопского, Остролопский родил Смердоза, Смердоз родил Вейсса, Вейсс родил Шварца¹, Шварц родил Адрианополя, Адриано-поль родил Аранхуэца, Аранхуэц родил Луи Лоусона, Луи Лоусон родил Ихаводоносора, Ихаводоносор родил О'Доннелла Магнуса, О'Доннелл Магнус родил Христбаума, Христбаум родил Бен Маймуна, Бен Маймун родил Пыльного Родси, Пыльный Родси родил Бенамора, Бенамор родил Джонс-Смита, Джонс-Смит родил Саворгнановича, Саворгнанович родил Ясписа, Яспис родил Вентетюньема², Вентетюньем родил Сомбатхея, Сомбатхей родил Вирага, Вираг родил Блума et vocabitur nomen eius Emmanuel³.

Рука мертвеца (*пишет на стене*). Блум — это бес-сия.

Мандавош (*в снаряжении лесного разбойника*). А что ты делал в коровнике за Килберреком?

Малютка-девочка (*гремя погремушкой*). И под мостом Баллибох?

Остролист. И в Чертовом Овраге?

Блум (*отчаянно краснеет с головы до ягодиц, три слезы падают из его левого глаза*). Пощадите мое прошлое.

Ирландские арендаторы, согнанные с земли (*в поддевках и бриджах, с доннибрукскими дубинками*). Sjam-bok⁴ его!

Блум с ослиными ушами усаживается у позорного столба, скрестив руки и вытянув ноги, насвистывая «Don Giovanni, a senar teso». Сиротки из приюта в Артейне, взявшись за руки, кружатся вокруг него. Девушки из Миссии Тюремных Врат, взявшись за руки, кружатся в обратную сторону.

Сиротки из Артейна.

Он пес, свинья и грязный хам,
Решил, что он любимчик дам!

Девушки из тюремных врат.

Как увидишь хэ,
Прихвати себе

¹ Weiss, schwarz — белый, черный (*нем.*).

² Vingt-et-unieme — двадцать первый (*франц.*).

³ ... и нарекут имя Ему: Еммануил (*лат. Ис. 7, 14*).

⁴ Отхлестать (*африканс*).

И скорее в пэ
Заходи не бэ.

Хорнблоуэр (в ефоды и егерском картузике, возвещает). И понесет он грехи народа Азазелю, духу, пребывающему в пустыне, и Лилит, привидению ночному. И побьют камнями они его и осквернят его, да, все они от Агендат Нетаима и от Мицраима, земли Хама.

Все забрасывают Блума картонными бутфорскими камнями. Пьяницы, бредущие из кабаков, и бездомные псы во множестве подходят к нему и оскверняют его. Появляются Мастянский и Цитрон в лапсердаках, с длинными пейсами, и тычут бородами в Блума.

Мастянский и Цитрон. Велиал! Лемляйн из Истрии, лже-Мессия! Абулафия!
С утюгом под мышкой приближается Джордж С. Мизайес, портной Блума, и подает счет.

Мизайес. За переделку брюк одиннадцать шиллингов.
Блум (потирает руки, приободрившись). Как в добрые старые времена. Бедняга Блум!

Рувим Дж. Додд, чернобородый Искарриот, злой пастырь, неся на плечах тело своего утонувшего сына, подходит к позорному столбу.

Рувим Дж. (хриплым шепотом). Сука одна продала. Уже за мусорами чешут. Рви когти на первой громыхалке.

Пожарная команда. Баамм!

Брат Обирало (надевает на Блума высокий остроконечный колпак и желтое одеяние, на котором вышиты нарисованные языки пламени. Вешает ему на шею мешок с порохом и передает в руки гражданских властей, напутствуя). Остави ему долги его.

По единодушной просьбе общественности лейтенант Майерс из Дублинской пожарной команды поджигает Блума. Раздаются рыдания.

Гражданин. Хвала небу!

Блум (в тканом хитоне с буквами И. Х. С., как феникс, высится среди языков пламени). Не плачьте обо мне, дочери Эрина.

Показывает дублинским репортерам следы ожогов. Дочери Эрина в черных одеждах, с большими молитвенниками и длинными зажженными свечами в руках, преклоняют колена и молятся.

Дочери Эрина.

Почка Блума, молись за нас.

Цветок Банный, молись за нас.

Ментор Ментона, молись за нас.

Рекламный Агент для «Фримена», молись за нас.

Масон Милосердный, молись за нас.

Мыло Блуждающее, молись за нас.

Прелести Греха, молись за нас.

Музыка без Слов, молись за нас.

Укротитель Гражданина, молись за нас.

Друг всех Подвязочек и Панталончиков, молись за нас.

Повитуха Всемиловитая, молись за нас.

Картофелина, охраняющая от всякой Чумы
и Язвы, молись за нас.

Хор из шестисот голосов под управлением Винченца О'Брайена исполняет хорал «Аллилуйя», аккомпанирует на органе Джозеф Глинн. Блум немеет, съезживает, обугливается.

Зоя. Болтай-болтай, куда не почернеешь.

Блум (с улыбкой во взоре, в старой шляпчонке, за ленту которой заткнута глиняная трубочка, в запыленных башмаках, с красным узелком эмигранта, ведет на соломенной веревочке черную, как мореный дуб, свинью). Ну-к, надоть идти, хозяйка, не то, сдохни все козлы в Коннемаре, уже мне выдубят шкуру. (Со слезою во взоре.) Все это безумие. Патриотизм, скорбь по умершим, музыка, будущее нации. Быть или не быть. Сон жизни подошел к концу. Окончи же его с миром. А они пускай живут дальше. (Смотрит печально вдаль.) Песенка моя спета. Одна небольшая порция мышьяку. Задернуть занавески. Письмо. А после этого лечь и обрести покой. (Тихо вздыхает.) Довольно. Я прожил свое. Прощайте. Прощайте.

Зоя (поправляя свою бархотку, равнодушно). Ты что, серьезно? Тогда пока. (Насмешливо.) Ты, видно, встал сегодня с левой ноги, а может, кончил слишком быстро со своей кралей. Я вас насквозь вижу.

Блум (с горечью). Мужчина и женщина, любовь, что это все? Бочка и затычка.

Зоя (вдруг рассердившись). Терпеть не могу этих вшивых ломак. Хоть и со шлюхой, а надо по-человечески.

Блум (*с раскаянием*). Правда, что-то я нелюбезен. Вы это необходимое зло. Так ты откуда? Из Лондона?

Зоя (*словоохотливо*). Из Свиндона, где свинки на органах играют. Вообще-то я из Йоркшира, то есть там родилась. (*Отводит его руку, нащупывающую ее сосок.*) Слушай. Томми-мышонок. Брось-ка это да займись чем похуже. У тебя есть с собой на короткий заход? Десять шиллингов?

Блум (*улыбаясь, кивает медленно*). Больше, моя гурия, больше.

Зоя. За больше любовь подольше. (*Ласково похлопывает его бархатными лапками.*) Ну как, пошли, поглядишь новую пианолу у нас в салоне? Я уж для тебя расстараяюсь.

Блум (*в нерешительности почесывая затылок с беспрецедентным изумлением уличного разносчика, внезапно оценившего изысканную симметрию ее сочных груш*). Кой-кто смертельно бы ревновал, узнай она только. Чудище с зелеными глазами. (*Серьезно.*) Ты же знаешь, как это трудно, что тебе объяснять.

Зоя (*она польщена*). О том сердце не болит, чего глаз не видит. (*Поглаживает его.*) Ну, пойдем, пойдем.

Блум. Смеющаяся чаровница! Рука, что качает колыбель.

Зоя. Детка!

Блум (*в рейтузиках и пальтишке, большеголовый, с шапкой темных волос, раскрыв широко глаза, зачарованно смотрит на ее переливчатую юбку, пухлым пальчиком считает пряжки на ней и лепечет, высовывая мокрый язычок*). Лаз ва тли — тли тла тлаз.

Пряжки. Любит. Не любит. Любит.

Зоя. Молчание знак согласия. (*Маленькие растопыренные коготки завладевают его рукой, указательный палец чертит на его ладони условный знак тайного наставника, влекущий к неотвратимому.*) Руки горячие значит глотка замерзла.

Он колеблется, одолеваемый музыкой, запахами, соблазнами. Она ведет его за собой к ступеням, манит запахом подмышек, порочностью подведенных глаз, шурианьем юбки, в змеистых складках которой таится едкий звериный дух всех самцов, обладавших ею.

Самцы (*разя серной вонью похоти и навоза, с утробным ревом встают на дыбы в стойлах, мотают ошалелыми головами*). Харрош!

Зоя и Блум подходят к дверям, у которых сидят две сестры-проститутки. Они с любопытством разглядывают его из-под нарисованных бровей, улыбаются в ответ на торопливый поклон. Он нечаянно спотыкается.

Зоя (вовремя подхватив его проворной рукой). Гоп-ля! Наверх не падать.

Блум. Праведник упадет семь раз. (На пороге останавливается, пропускает ее.) По правилам, после вас.

Зоя. Сначала дама, потом кавалер.

Переступает порог. Он медлит. Она оборачивается и тянет его. Он перескакивает порог. В прихожей на вешалке из рогов висят мужская шляпа и дождевик. Блум снимает свою шляпу, затем, увидев их, хмурится, затем улыбается, занятый какими-то мыслями. Дверь на антресолях распахивается. Мужчина в красной рубашке и серых брюках, в темных носках проходит вихлявой обезьяньей походкой, задрав кверху лысую козлобородую голову, обняв полный кувшин с водой, двухвостые черные подтяжки болтаются сзади до самых пят. Быстро отвернувшись от него, Блум наклоняется, чтобы разглядеть на столике в прихожей спаниельи глаза бегущей лисы; затем, подняв голову, пригнувшись, идет следом за Зоей в салон. Свет люстры затенен абажуром из розовой шелковистой бумаги. Мотылек кружит и кружит вокруг, стучась, отлетая. На полу линолеум с рисунком из ромбов цвета нефрита, лазурита и киновари. На нем отпечатки ног во всевозможных сочетаниях, пятка к пятке, пятка к середине, носок к носку, сомкнутые ступни, мавританский танец некогда ступавших подошв, бестелесных призраков в беспорядочном смешении. На стенах обои с просторным узором из ивовых ветвей. Перед камином экран из павлиньих перьев. Линч сидит на войлочном коврикe у камина, скрестив по-турецки ноги и обернув картуз козырьком на затылок. Он медленно отбивает такт жезлом. Китти Риккетс, костлявая бледная проститутка в матросском костюме, в замшевых перчатках, отогнутых, чтобы показать коралловый браслет, сидит на краю стола, держа в руке сумочку из колец, качая ногой и поглядывая на свое отражение в большом зеркале, что висит в золоченой оправе над камином. Из-под блузы у нее болтаются кончики шнурков от корсета. Линч с насмешкой показывает на парочку у пианино.

Китти (кашляет, прикрыв рот рукой). Она малость

придурковата. (*Крутит у виска пальцем.*) Шарик за ролик. (*Линч задирает ей подол своим жезлом, показываются белые нижние юбки. Она немедленно оправляет свой туалет.*) Прошу не забываться. (*Икнув, быстро наклоняет свою матросскую шляпу, из-под которой поблескивают крашенные хной волосы.*) Ах, простите!

Зоя. Пупсики, свет на сцену. (*Подходит к люстре и открывает газ до предела.*)

Китти (*глядя на газовое пламя*). Чего это ей взбрело?

Линч (*загробным голосом*). Входят призрак и домовые.

Зоя. Все похлопаем Зое.

Жезл в руке Линча загорается блеском, это медная кочерга. Стивен стоит у пианолы, на которую брошены небрежно его шляпа и тросточка. Двумя пальцами он еще раз повторяет ряд чистых квинт. Флорри Толбот, толстая рыхлая блондинка в поношенном платье цвета заплесневелой клубники, лениво распласталась в углу дивана, слушая. Ее вялая рука свисает плетью за валик, на сонном веке большой набрякший ячмень.

Китти (*снова икает и взбрыкивает ногой*). Ах, простите!

Зоя (*тут же откликаясь*). Твой парень тебя вспоминает. Завяжи узелок на комбинации.

Китти Риккетс низко наклоняет голову. Ее боа размыкает кольца, скользит по плечам, спине, рукам, креслу на пол. Линч поддевает свернувшуюся гусеницу своим жезлом. Китти обвивает шею змеей, гнездясь в ней. Стивен оглядывается на фигуру, сидящую в картузе козырьком на затылок.

Стивен. На самом деле, вовсе не важно, сочинил ли это Бенедетто Марчелло или нашел готовым. Обряд — отдохновение поэта. Это может быть древний гимн Деметре или сопровождение к «*Coela enarrant gloriam Domini*»¹. Это допускает столь разные тональности и лады как гиперфригийский и миксолидийский и столь несхожие тексты как галдеж священников перед алтарем Давида то бишь Цирцеи да что это я Цереры и наводка Давида главному своему тромбонщику насчет своего всемогущества. Mais pom de pom², все это из другой оперы. *Jetez la gourme.*

¹ Небеса проповедуют славу Божию... (*лат.*; Пс. 18, 2).

² Но, черт побери (*франц.*).

Faut que jeunesse se passe¹. (*Умолкает; с улыбкой показывая на картуз Линча, заливаясь смехом.*) С какой стороны у тебя шишка мудрости?

Картуз (*погрузившийся в мрачный сплин*). Липа! Оно так, потому что оно так. Бабья логика. Жидогрек это грекожид. Крайности сходятся. Смерть высшая форма жизни. Липа!

Стивен. Ты как нарочно запоминаешь все мои ошибки, и ахинеи, и похвалбы. Сколько мне закрывать глаза на такое предательство? Оселок!

Картуз. Липа!

Стивен. Раз так, вот тебе еще. (*Нахмурясь.*) Причина заключается в том, что доминанта и тоника разделены наибольшим возможным интервалом, который...

Картуз. Который! Ну, чего дальше? Не можешь.

Стивен (*с усилием*). Интервалом, который. Есть наибольший возможный эллипс. Совместимый с. Финальным возвращением. Октава. Которая.

Картуз. Которая?

Снаружи, с оглушающим ревом, граммофон заиграл «Град Священный».

Стивен (*с силой*). То, что идет на край света, чтобы не пересечься с самим собой. Бог, солнце, Шекспир, коммивояжер, достигнув пересечения с собою в самой реальности, обретают самих себя. Погоди. Погоди секунду. Этот окаянный рев на улице. Себя, какими они в себе были неотменимо предобусловлены стать. Ессо!²

Линч (*с насмешливым гогочущим смешком подмигивает Блumu и Зое Хиггинс*). Как вам прохвесор, а?

Зоя (*с живостью*). Уж береги мозги, он больше знает, чем ты успел позабыть.

Флорри Толбот глядит на Стивена с ожирелой тупостью.

Флорри. А мне сказали, этим летом светопреставление будет.

Китти. Да неужто?

Зоя (*хохочет*). Господь неправедный!

Флорри (*обиженно*). Про Антихриста даже в газетах было. Ой, нога зачесалась.

Проходят с выкриками оборванные мальчишки-газетчики, стуча босыми пятками, волоча хвостатого змея.

¹ Прожигайте жизнь. Надо же почувствовать молодость (*франц.*).

² Вот! (*итал.*)

Газетчики. Экстренный выпуск! Результаты скачек на коньках. Морской змей в Королевском канале. Благополучное прибытие Антихриста.

Стивен оборачивается и видит Блума.

Стивен. Время, времена и полвремени.

Рувим Дж. Антихрист, вечный жид, выставив за спиной руку с цепкой раскрытой горстью, тяжело выступает вперед. У чресл его сума странника, откуда торчат длинные расписки и неоплаченные счета. Он держит длинный багор, с крюка которого разбухшею бесформенной грудой свисает на подтяжках тело его единственного сына, спасенное из вод Лиффи. В густеющем сумраке кувырывается домовой в обличье Панча Костелло, с черепом гидроцефала, скошенным лбом, бульдожьей челюстью и вздутым багровым носом, горбатый и кривобедрый.

Все. Что это?

Домовой (щелкает челюстями, прыгает во все стороны, пучит глаза и визжит, скачет как кенгуру, с раскинутыми хваткими лапами, потом, резко просунув беззубую лучину в развилку ног, верещит оттуда). Il vient! G'est moi! L'homme qui rit! L'homme primigène!¹ (Неустово кружится на месте с завываньями дервиша.) Sieurs et dames, faites vos jeux!² (Приседает, жонглируя. В руках у него летают крошечные планеты, как шарики рулетки.) Les jeux sont faits!³ (Планеты, слетаясь, сталкиваются, раздаётся хрустящий треск.) Rien va plus!⁴ (Планеты, вздувшись шарами, уплывают вверх и исчезают из виду. Он растворяется прыжком в пустоту.)

Флорри (в тупом оцепенении, крестясь украдкой). Светопреставление!

От нее исходят женские теплые токи. Темное облако заполняет вселенную. Снаружи, сквозь плывущий туман, ревет граммофон, заглушая кашель и шарканье ног.

¹ Он грядет! Это я! Человек, который смеется! Первобытный человек! (франц.)

² Дамы и господа, делайте ваши ставки! (франц.)

³ Ставки сделаны! (франц.)

⁴ Ставки больше не принимаются! (франц.)

Граммофон.

Иерусалим!

Отвори врата свои и пой

Осанна...

Ракета взлетает в небо и лопается. На ее месте является белая звезда, возвещая погибель всего сущего и второе пришествие Илии. По бесконечному невидимому канату, протянутому из зенита в надир, сквозь туман кубарем скатывается Светопреставление, двуглавый осьминог в охотничьих килтах, гусарском кивере и клетчатых шотландских юбках, обретая форму Мэнской Треноги.

Светопреставление (с шотландским акцентом). Кто нам спляшет по горам, по горам, по горам?

Перекрывая плывущий гул и звуки насадного кашля, глас Илии, резкий, словно крик дергача, хрипло каркает в вышине. Сам он, с лицом церковного служки, высится на кафедре, покрытой американским флагом, потев в просторном батистовом стихаре с рукавами воронкой. Стучит по кафедре кулаком.

Илия. Прекратите-ка там треп в помещении. А вы, Джейк Крейн, Креолка Сью, Дав Кемпбелл и Эйб Киршнер, извольте кашлять с закрытым ртом. Так вот, эта вся линия обслуживается мной. Ребятки, самый момент сейчас. Божье время — ровно 12.25. Скажи мамаше, что будешь там. Живо сдавай заказ, и козырной туз твой. Бери до Вечность-Сортировочная прямым экспрессом! Немедля в наши ряды! Только еще словечко. Ты божий или ты хрен в рогоже? Если второе пришествие состоится на Кони-Айленд, готовы мы или нет? Флорри Христос, Стивен Христос, Зоя Христос, Блум Христос, Китти Христос, Линч Христос, все вы должны почувствовать эту космическую силу. Мы что, сдрейфим перед космосом? Дудки! Будь на стороне ангелов. Будь призмой. У тебя ж есть эта вещичка внутри, высшее я. Ты можешь общаться со Христом, с Гаутамой, с Ингерсоллом. Ну как, чувствуете эти вибрации? Ручаюсь, чувствуете. Братия, стоит только однажды ухватить это, и дело в шляпе, бодрая прогулочка на небо за вами. Дошло до вас? Это прожектор жизни, я вам говорю, самое забористое зелье из всех, пирог с самой лакомой начинкой. Лучшая и удобнейшая из всех внешних линий. Великолепная, сверхроскошная штука. Приводит вас в форму. Дает вибрации. Уж я-то знаю, я малость понимаю в вибрациях. Ладно, по боку шутки, вернемся к сути. А. Дж. Христос Дауи и гармоничная философия, вам это

ясно? О'кей. Шестьдесят девятая западная улица, семьдесят семь. Записали? Порядок. И в любое время можете мне звонить по солнофону. Экономьте на марках, старые алко-голики. *(Рявкает.)* А теперь все разом славную нашу песню. Вместе, дружно, с огоньком, запе-вай! Плохо, еще раз! *(Ревет.)* Иеру...

Граммфон *(ревет куда громче)*. Ххиерусаврасвоио-саосаосаххх... *(Игла со скрежетом царапает по пластинке.)*

Три проститутки *(закрывая уши, визжат)*. Йяааай!

Илия *(в рубашке с засученными рукавами, чернолицый, кричит что есть мочи, воздевая руки)*. Старший наш братец в вышних, масса Президент, послушай, что моя твоя говори. Моя крепко вери в твоя, масса Президент. Моя крепко думай, мисс Хиггинс и мисс Риккетс уже забери себе религия в сердце. И моя крепко сдается, моя никогда не видала такой перепуг, как у тебя, мисс Флорри. Масса Президент, твоя приходи, помогай моя спасти наши доро-гие сестры. *(Подмигивает слушателям.)* Наша масса Пре-зидент, она все знай-понимай, но она помалкивай.

Китти-Кейт. Я потеряла голову. В минуту слабости поддалась, тут вот оно и вышло, что вышло на Холме Конституции. А меня сам епископ конфирмовал. Моя тетка по матери замужем за Монморанси. Я была невинная, этот водопроводчик сгубил меня.

Зоя-Фанни. А я взяла и дала, интересно было.

Флорри-Тереза. Пили три звездочки, французский, а после еще портвейн, из-за этого и получилось. Хилан ко мне залез в постель, ну я и согрешила.

Стивен. В начале было слово, в конце же мир без конца. Блаженны восемь блаженств.

Блаженства — Диксон, Мэдден, Кроттерс, Костелло, Ленехан, Баннон, Маллиган и Линч в белых халатах медиков, по четыре в ряд, маршируют в бодром темпе, гулким гусиным шагом.

Блаженства *(вразнобой)*. Бутылка, бифштекс, бабеч, бронедог, бульджон, барнум, бардакум, богослужакум.

Листер *(в серых квакерских коротких штанах и широкополой шляпе, вежливым тоном)*. Он из наших друзей. Мне незачем называть имена. Взыскуй света.

Шагом куранты удаляется. Входит Супер, одетый парикмахером, накрахмаленный и отглаженный до блеска, кудри

накручены на папильотки. Он ведет за собой Джона Эглинтонна, на котором желтое нанковое кимоно мандарина, испещренное буквами-ящерицами, и высокая шляпа в виде пагоды.

Супер (улыбаясь, приподнимает пагodu, открывая выбритый купол, на маковке которого торчит косичка с оранжевым бантиком). Я тут, понимаете, навожу на него красоту. Красота тоже блаженство. То, что причастно красоте, понимаете. Как выразился Йейтс, я хочу сказать, Китс.

Джон Эглинтон (извлекает тусклый фонарь с зеленой заслонкой и светит им в угол; сварливо). Эстетика и косметика годятся для будуара. Я ищу правду. Простую правду для простого человека. Тандераджи желает фактов и намерен их получить.

В снопе света за угольным ведром — олав, святоокий и бородатый Мананаун Мак-Лир, погруженный в раздумье, уткнувшийся подбородок в колени. Он медленно выпрямляется. Из его друидовых уст веет студеным морским ветром. Вокруг головы его обвиваются миноги и угри. Он облеплен ракушками и водорослями. В правой руке его велосипедный насос.левой он держит за две клешни огромного краба.

Мананаун Мак-Лир (гласом волн). Аум! Гек! Вал! Ак! Люб! Мор! Ма! Белые йоги богов. Оккультный поймандр Гермеса Трисмегиста. (Посвистами морского ветра.) Пунарджанам балдапенджауб! Меня не проведешь. Сказано было некогда: берегись левого, культа Шакти. (Кликамы буревестника.) Шакти, Шива, во тьме сокрытый Отец! (Велосипедным насосом крушит краба. На кооперативном циферблате у него знаки зодиака. Стенает рыком океанских валов.) Аум! Баум! Пижаум! Я свет усадьбе, я первосортные сливки и масло.

Протянувшаяся рука иудиного скелета душит свет. Зеленый свет блекнет до розоватого. Газовая струя свистит жалобно.

Газовая струя. Пфуаа! Пфиииуфф!

Зоя подбегает к люстре и, поджав ногу, поправляет сетку горелки.

Зоя. Кто даст курнуть, раз уж я тут?

Линч (кидает на стол сигарету). Держи.

Зоя (вздергивает голову с видом оскорбленного достоинства). Даму угостить сигаретой — это не палку кинуть! (Она тянется прикурить от горелки, медленно вращая сигарету у пламени, показывая каштановые пучки под мышками. Линч своей кочергой нахально задирает ей подол сбоку. Под сапфировой тканью ее тело, нагое выше подвязок, отсвечивает русалочьей зеленью. Она невозмутимо затягивается.) Ну как, родинку разглядел на жопе?

Линч. А я не смотрю.

Зоя (невинной овечкой). Это правда? Да, конечно, вы бы не стали. А вы не пошли бы куда подальше?

Изображая стыдливость, она в то же время искоса поглядывает на Блума и, сделав быстрый поворот в его сторону, освобождает юбку от кочерги. Волнистая голубизна снова струится по ее телу. Блум стоит, крутит большими пальцами, в его улыбке желание. Китти Риккетс, посюнив средний палец, приглаживает брови, глядясь в зеркало. Липоти Вираг, базиликограммат¹, стремительно скатившись по каминной трубе, важно делает два шага влево на негнущихся розовых ходулях. Он плотно запакован в несколько пальто и одет в коричневый макинтош, под которым держит свиток пергамента. В левом глазу у него монокль Кэшела Бойла О'Коннора Фицмориса Тисделла Фаррелла. На голове возвышается египетский псхент. За каждым ухом торчит гусиное перо.

Вираг (каблуки вместе, кланяется). Меня зовут Липоти Вираг, из Сомбатхея. (Покашливает раздумчиво, сухо.) Здесь явно налицо распутные обнажения, э? Непредвиденным образом, из зрелища задних ее частей обнаружился тот факт, что она отнюдь не носит тех интимных предметов, к которым у тебя особая тяга. След от инъекции у нее на бедре ты, надеюсь, заметил? Пойдем дальше.

Блум. Гранпарачи². Но...

Вираг. С другой стороны, номер два, с вишневой помадой и в белой шляпе, ее волосы немало обязаны эликсиру нашего племени, из древа гофер, она в платье для прогулки и, если не ошибаюсь, слишком туго затянута, судя по тому, как она сидит. Проглотив аршин, так сказать. Ты можешь поправить меня, но я всегда полагал, что игривые манеры особ, приоткрывающих интимные части туалета, привлека-

¹ Царь букв (греч.).

² Дедушка (идиш).

ют тебя своей эксгибиционистичностью. Если выразиться одним словом. Гиппогриф. Надеюсь, я прав?

Блум. Она довольно худа.

Вираг (*с удовлетворением*). В высшей степени! Замечено справедливо, а эти накладные карманы на юбке, как и уширенный сверху покрой последней, рассчитаны, чтобы создать впечатление полных бедер. Последняя покупка на какой-нибудь сомнительной распродаже, ради которой общипали не одного птенца. Поддельный шик для обмана глаз. Отметь также, какое внимание ко всем мелочам. Не откладывай на завтра, что можно надеть сегодня. Параллакс! (*Нервически дергая головой.*) Тебе слышно, как у меня трещат мозги? Полисиллабакс!

Блум (*охватив локоть ладонью, пальцем подперев щеку*). У нее грустный вид.

Вираг (*оскалив желтые зубы хорька, цинично оттягивает вниз пальцем левый глаз, хрипло, лающе*). На дурака! Берегись тех, которые работают под невинность и под глубокую скорбь. Лилия панели. У каждой имеется кнопка холостяка, которую открыл Руальдус Колумбус. Бери ее. Приколумбь ее. Хамелеон. (*Смягчается.*) Ну хорошо, позвольте нам перейти к номеру три. Здесь невооруженному глазу представляется весьма крупная масса. Отметим, прежде всего, на ее черепе значительное количество окисленного растительного вещества. Хо-хо, она пойдет скакать! Гадкий утенок в компании, длинные колоды и корма в два обхвата.

Блум (*с сожалением*). Как выйдешь без ружья, вся дичь на тебя.

Вираг. Здесь тебе предоставляются все сорта, слабой, средней и высшей крепости. Плати — выбирай по вкусу. Как ты счастлив можешь быть с любой...

Блум. И с...?

Вираг (*причмокивает*). Ммам! Взгляни на ее могучие холмы. Она окутана внушительным слоем жира. Несомненно, относится к млекопитающим, с учетом объема груди, как видишь, спереди у нее выдаются две выпуклости солидных размеров, грозящие за обедом окунуться в тарелку с супом; тогда как в нижней тыльной области расположены две дополнительные выпуклости, наводящие на мысль о мощной прямой кишке и выступающие самым благоприятным для пальпации образом, они поистине не оставляют желать ничего, кроме упругости. Подобная мясистость —

следствие тщательного питания. При откорме в небольших клетках их печень может достигать слоновьих размеров. Шарики свежего хлеба с пажитником и бензоем, сопровождаемые порциями зеленого чая, за их короткий век успевают их оснастить природными подушками колоссальных размеров. Вполне в твоём вкусе, э? Вождённые котлы с мясом в земле Египетской. Барахтайся в них вволю. Ликоподий. (*У него подергивается шея.*) Тарах! Вот, опять началось.

Блум. Все-таки ячмень мне не нравится.

Вираг (*поднимает брови*). Говорят, что надо прикладывать золотое кольцо. *Argumentum ad feminam*¹, как мы выражались в Древнем Риме и в Древней Греции в консульство Диплодока и Ихтиозавра. Что же до всего остального — непревзойденное средство Евы. Не для продажи. Исключительно напрокат. Гугенот. (*Опять нервический тик.*) Странные звуки. (*Хмыкает одобряюще.*) А может быть, это бородавка. Надеюсь, ты помнишь, чему я учил тебя на сей счет? Пшеничная мука с медом и мускатным орехом.

Блум (*задумывается*). Пшеничная мука с ликоподием и силлабаксом. Не так-то легко найти. Мне выпал страшно утомительный день, сплошная цепь происшествий. Постойте. Ведь бородавочная кровь сама разносит бородавки, а вы говорите...

Вираг (*строгим голосом, нос его делается более крючковатым, косящий глаз мигает*). Перестань крутить твои пальцы и подумай как следует. Вот видишь, ты забыл. Используй твою мнемотехнику. *La causa è santa*. Тара-тара. (*В сторону.*) Я уверен, он вспомнит.

Блум. Вы еще говорили, розмарин, если я верно понял, и действовать самовнушением на паразитические ткани. Или нет, не это, теперь я припоминаю. Исцеляет прикосновение руки мертвеца. Мнемо?

Вираг (*обрадованно*). Именно. Именно. Она. Техника. (*Энергически хлопает по своему свитку пергамента.*) Вот здесь говорится, как нужно действовать, с описанием все подробности. По указателю можно справиться обо всем, аконит при навязчивом страхе, соляная кислота от меланхолии, для приапические цели разлапушник. А сейчас Вираг расскажет об удалении. Наш старый знакомец каустик.

¹ Аргумент от женщины (*лат.*), вариация формулы «аргумент от человека» в логике.

Нужно их выморить. Срезать конским волосом у самого основания. Однако обратимся к болгарам и баскам, ты решил наконец, нравятся ли тебе женщины в мужском платье? *(С сухим смешком.)* Ты собирался посвятить год на изучение религиозных вопросов, а лето 1886 года на то, чтобы найти квадратуру круга и заработать тот миллион. Ну и бредни! От великого до смешного один шаг. К примеру, пижамы? Или, скажем, расклиненные закрытые трикотажные панталоны? Или, допустим, это сложное одеяние, комбинация вместе с панталончиками? *(Насмешливо кукарекает.)* Кукареку!

Блум в нерешительности оглядывает трех девок, потом останавливает взгляд на затененной розоватым люстре, слушает неумолимого мотылька.

Блум. Тогда я хотел сейчас иметь заканчивать. Ночные рубашки никогда не были. Отсюда следует. Но завтра это новый день будет. Прошлое было есть сегодня. Что сейчас есть сейчас то завтра будет как сейчас было быть вчера.

Вираг *(нагибается к его уху и шепчет, возбужденно прихрюкивая)*. Насекомые-однодневки проводят свое эфемерическое существование в многократных соитиях, привлекаемые пахучей радиацией любой посредственно презентабельной самки, у которой половой жар распространяется в дорсальную область. Попка хороший! *(Его желтый попугаячий клюв гнусаво каркает.)* На Карпатах была одна поговорка примерно в пять тысяч пятьсот пятидесятом году нашей эры. Ложка меду влечет братца Мишку сильнее чем полдюжины бочек лучшего солодового уксуса. Полет медведя печет пчел. Однако оставим это. Может быть, в другой раз мы продолжим. Нам, с нашей стороны, было очень, очень приятно. *(Кашляет, наклоняет голову и задумчиво потирает нос согнутой ладонью.)* Ты будешь заметить, что этих ночных насекомых привлекает свет. Но это есть заблуждение, раз вспомни их сложный неадаптируемый глаз. О все эти каверзные вопросы смотри том семнадцать мои «Основы сексологии, или Любовная страсть», которые доктор Л. Б. назвал самая сенсационная книга года. Один пример, имеются опять-таки некоторые, чьи движения происходят автоматически. Вглядишься. Для него это его солнце. Ночные птицы, ночное солнце, ночные игры. Прижмись. Джимми! Ж-ж-ж-ж!

Блум. Помню муха или пчела таранила свою тень на стене ошалев, а потом ползала ошалев по мне под рубашку еще хорошо что...

Вираг (*с бесстрастным выражением, посмеиваясь сдобным женским смешком*). Превосходно! Шпанская мушка у него в штанишках или горчичник на его кольшке! (*Возбужденно болбочет, болтая индюшиными сережками.*) Голды-болды! Голды-болды! Где же мы? Сезам, откройся! Грядет! (*Торопливо развернув свиток, начинает читать, нос светляком и коготь быстро бегают по строчкам справа налево.*) Сейчас-сейчас, мой дружок. Я дам тебе ответ, который ты ищешь. Скоро у нас будут устрицы с Ред-бэнк. Я наилучший повар. Эти сочные двустворчатые нам будут полезны, как и трюфли из Перигора, клубни, которые извлекает из почвы всеядный мистер хряк, они таки исключительно эффективны в случаях нервной слабости и мужеподобия. От них хоть и вонь, а разожгут как огонь. (*Трясет головой, болбочет, подтрунивая.*) Шутник в своей тарелке. Монокль в его гляделке.

Блум (*рассеянно*). Гляделки нам говорят, что женщина — это худший случай двустворчатости. Всегда открытый сезам. Раздвоенный пол. Почему они и боятся паразитов, ползающих тварей. Но Ева и змий этому противоречат. Хотя не исторический факт. Явная аналогия с моей идеей. Кроме того, змеи падки до женского молока. Ползет целые мили через всеядные леса высосать до капли груди сочной двустворчатой. Как те римлянки на полянке, про которых у Элефантулиазиса.

Вираг (*выпятив губы, собравшиеся резкими складками, каменно и отрешенно закрыв глаза, зауньвно, как псалмы, тянет чужеземным речитативом*). И коровы с набухшими выменами, как известно...

Блум. Я сейчас взвою. Простите, пожалуйста. Что? Вот. (*Словно отвечая урок.*) Сами разыскивали логово гада, дабы предоставить сосцы свои его алчному сосанию. Муравей доит тлей. (*Глубокомысленно.*) Инстинкт правит миром. В жизни. В смерти.

Вираг (*склонив голову набок, ссутулив спину и выставив горбом лопатки, уставился мутными выкаченными глазами на мотылька, скрюченным когтем показывая на него, кричит*). Кто это Джер-Джер? Кто такой милый Джеральд? О, я боюсь, он будет очень-очень обшигаться. Пошалуста не окашет ли кто милость таки

помешать эта катастрофа, помахав лучшая чистая салфет-
шио? (Мяукает.) Кис-кис-кис, поди сюда. (Вздыхает, от-
кидывается назад и смотрит искоса в пол, неподвижно,
с отвисшей челюстью.) Что ж, ладно. Скоро он отдох-
нет.

Я родился, чтоб летать,
Чтоб весною ликовать
И кружиться и порхать.
Был я царь, не стану лгать,
Но ничто не вечно, глядь,
И пора уже кончать.

Ать!

(С налета ударяется в абажур, бурно трепыхая крыльши-
ками.) Преле преле преле преле преле преле прелестные юбочки.

Из двери наверху слева выходит Генри Флауэр и, сделав
два скользящих шага, останавливается левой середины
салона. На нем темная накидка и низко опущенное сом-
бреро с пером. В руках среброструнные цимбалы из на-
борного дерева и трубка Иакова в виде глиняной женской
головки с длинным бамбуковым чубуком. Черные бархат-
ные панталоны в обтяжку и бальные туфли с серебря-
ными пряжками. Романтический облик Спасителя, с вол-
нистыми локонами, усиками и редкой бородкой. Жура-
влиные ноги с маленькими ступнями принадлежат тено-
ру Марио, князю Кандийскому. Он поправляет кружев-
ные манжеты, проводит по влажным губам сладостра-
стным языком.

Генри (низким и томным голосом, перебирая струны
своей гитары). Вот прекрасный цветок весь в цвету.

Вираг с угрожающим видом, сжав челюсти, смотрит на
свет люстры. Блум углубленно созерцает Зоину шею.
Галантный Генри с болтающимся двойным подбородком
поворачивается к пианино.

Стивен (бормочет про себя). Играй с закрытыми гла-
зами. Как папочка. Я наполнил чрево рожцами, что едят
свиньи. Уже сверх меры. Встану, пойду к моему. Можно
подумать, это этот. Стиви, ты на скользкой дорожке. Надо
зайти к старине Дизи или отбить телеграмму. Наша сего-
дняшняя встреча оставила у меня неизгладимое впечатле-

ние. Хотя наш возраст. Подробнее напишу завтра. Кстати, сообщаю, что я в подпитии. (*Снова трогает клавиши.*) Теперь минорный аккорд. Да. Впрочем, не слишком.

Альмидано Артифони протягивает свернутые трубкой ноты, грозно шевеля густыми усами.

Артифони. *Ci rifletta. Lei govina tutto*¹.

Флорри. Спой что-нибудь. Спой «Старую сладкую песню любви».

Стивен. Нет голоса. Я совершенно законченный художник. Линч, я показывал тебе то письмо про лютню?

Флорри (*с тупой ухмылкой*). Кто петь умеет, да не поет.

В окне появляются сиамские близнецы, Филип Трезв и Филип Пьян, два оксфордских профессора с газонными косилками. Оба замаскированы лицом Мэтью Арнольда.

Филип Трезв. Послушай, что дурак умному говорит. Дело неладно. Прикинь-ка сухим пером на мокрой бумаге. Как примерный юный кретин. Получка была три фунта двенадцать, два фунта бумажками, один золотой, две кроны, если бы молодость знала. Муни en ville, Муни sur mer, у Мойры, у Ларчетта, с медиками на Холлс-стрит, у Берка. Все правильно? Я за тобой присматриваю.

Филип Пьян (*с нетерпением*). Да брось ты эту муть к богу в рай! Я никому не должен. Дай только сообразить про октавы. Вторичное раздвоение личности. Кто же мне сказал его имя? (*Его косилка начинает стрекотать.*) Ага, вот. Зоз му сас агапо². Как будто бы я здесь был раньше. Когда только, может, с Аткинсоном, где-то у меня его карточка. Какой-то Мак. Или Тумак. Все мне талдычил про кого же, постой, про Суинберна?

Флорри. Так будет песенка?

Стивен. Дух бодр, плоть же немощна.

Флорри. А ты не кончал Манут? Ты похож на одного моего знакомого оттуда.

Стивен. Я с ним покончил. (*Про себя.*) Ах, как умно.

Филип Трезв и Филип Пьян (*их косилки стрекочут, травинки порхают в ригодоне*). Умно-заумно. Покончил по кочкам. А кстати, книга, и вещь, и тросточка при тебе? Да-да, вот они. Умно-заумно, кончил-покончил. Будь в форме. Бери пример с нас.

¹ Подумайте. Вы все разрушили (*итал.*).

² Жизнь моя, я тебя люблю (*греч.*).

Зоя. Запрошлой ночью приходит один священник, известно за каким дельцем, а сам весь застегнут наглухо, пальто не снимает. А я ему, да что вы таитесь, я и так знаю, вы католический поп.

Вираг. Совершенно логично с его точки зрения. Должно быть грехопадение. *(Резко, с расширившимися зрачками.)* К дьяволу папу! Ничего нового под солнцем. Я, Вираг, разоблачил Тайные Нравы Монахов и Девственниц. Почему я порвал с католической церковью. Читайте «Священник, женщина и исповедальня». Пенроуз. Бес Флибертиджиббет. *(Его корчит.)* Развязав свой пояс из тростника, женщина с нежным сентиментом стыда предлагает лингаму свою влажную йони. Потом скоро мужчина приносит женщине добычу из джунглей, куски мяса. Женщина имеет проявления радости и украшает себя шкурами и перьями. Мужчина мощно любит ее йони твердым большим лингамом. *(Кричит.)* Coactus volui. Затем ветреная женщина хочет скрыться. Мужчина с силой хватает ее за руку. Женщина визжит, плюется, кусается. Мужчина, распалась гневом, бьет женщину по ее пышной ядгане¹. *(Кружится, пытается поймать свой хвост.)* Пиф-паф! Пух-пух! *(Останавливается, чихает.)* Апчхи! *(Теребит свой конец.)* Фыррх!

Линч. Ну и как, ты наложила покаяние на святого отца? Девять раз Отче наш за то, что пальнул из церковной пушки.

Зоя *(дымные пряди моржовыми усами у нее из ноздрей)*. Да где ему там пальнуть. Так, знаешь, одно ощущение. С сухим счетом.

Блум. Бедняга!

Зоя *(беззаботно)*. А сам виноват.

Блум. Как это?

Вираг *(его лицо сжимается в дьявольскую пасть, от которой исходит черное свечение; костлявая шея вытянута вперед. Поднимает рыло ублюдка и завывает)*. Verfluchte Goim!² Был ли у него отец или сорок отцов. Да его самого никогда не было. Бог свиней! У него были две левые ноги. Это Иуда Иакх, ливийский евнух, папский бастард! *(Опускается на скрюченные передние лапы с твердо растопыренными локтями, глаз его агонизиру-*

¹ Лингам, йони, ядгана — мужской половой орган, женский половой орган, ягодицы *(санскрит)*.

² Проклятые гов! *(идиши)*

ет в дыре плоского, слитого с шеей черепа, визгливый лай разносится над умолкшим миром.) Отродье шлюхи. Апокалипсис.

Китти. А Мэри Шортолл подхватила сифон от Голубка Джимми из синих фуражек и в больницу попала, а когда после она от него родила, младенчик глотать не мог, так и задохся от спазм на своем матрасике, и мы все на похороны сложились.

Филип Пьян (*строго*). Qui vous a mis dans cette fichue position, Филип?

Филип Трезв (*весело*). C'était le sacré pigeon, Филип.

Китти неторопливо снимает шляпу и, положив ее на стол, поправляет крашенные хной волосы. Более изящной, очаровательной головки с такими милыми кудряшками не красовалось никогда у потаскухи на плечиках. Линч нахлобучивает шляпу себе на голову. Она тут же отбирает ее.

Линч (*со смехом*). Такой вот подарочек Мечников привил человекообразным обезьянам.

Флорри (*кивает*). Локомоторная атаксия.

Зоя (*весело*). Ой-ой, где моя энциклопедия?

Линч. Три мудрые девы.

Вираг (трясется как в лихорадке, обильная желтая икра пенится на тонких губах эпилентика). Она торговала воском, приворотным зельем, померанцевым цветом. Пантер, римский центурион, таки растлил ее своим детородническим орудием. (Высовывает фосфоресцирующий скорпионий язык, сунув ладонь между ног.) Мессия! Он ей порвал барабанную перепонку. (С дикими криками павиана беспорядочно дергается, бесстыдно размахивая бедрами.) Хак! Хек! Хик! Хок! Хук! Кок! Кук!

Бен Дылда Доллард, багроволицый, мускулистурукий, власоноздрий, широкобородый, лопухий, мохнатогрудый, лохматогривый, толстосисий, выступает вперед, лядвеи его и причинные места затиснуты в черные купальные трусы.

Бен Доллард (*прищелкивая кастаньетами в пухлых огромных лапах, весело выводит тирольские рулады своим басом-бормотоном*). Когда любовь горит в душе.

Девы, сестра Каллан и сестра Квигли, прорвавшись на ринг через служителей и канаты, бросаются к нему с распростертыми объятиями.

Девы (в упоении). Большой Бен! Бен, мое Сердце!
Голос. Держите-ка мне вот этого в дурацких штанах.
Бен Доллард (захлебываясь от хохота, хлопает себя по ляжке). Ну-ну, давайте!

Генри (шепчет, нежно прижимая к груди отрубленную женскую голову). Твое сердечко, любовь моя. (Перебирая струны лютни.) Когда явился дивный облик...

Вираг (меняет шкуру, его пышное оперение линяет). Вздор! (Зевает, показывая угольно-черный зев, и снова смыкает челюсти, подтолкнув нижнюю своим свитком.) После это сказав я отправлялся уйти. Прощай. Прости-прощай. Dreck!¹

Генри Флауэр поспешно причесывает бородку и усики карманной расческой и, плюнув на пальцы, прилизывает волосы. Рапирю себе указуя путь, скользит к дверям, и мятежная арфа висит за спиной у него. Вираг достигает дверей двумя неуклюжими скачками ходуль, задрав хвост, и мимоходом ловко налепляет на стену гнойно-желтую листовку, прищелпывая ее головой.

Листовка К. 11. Расклейка Объявлений Запрещена. Полное соблюдение тайны. Д-р Гай Фрэнкс.

Генри. Все уж потеряно.

Вираг проворно откручивает у себя голову и зажимает ее под мышкой.

Голова Вирага. Шарлатан!

Уходят поодиночке.

Стивен (Зое, через плечо). Тот пастор-задира, что основал протестантскую ересь, тебе бы больше понравился. Но только берегись Антисфена, собачьего мудреца, и кончины ересиарха Ария. Испустил дух в клозете.

Линч. А для нее все один Бог.

Стивен (набожно). И Господь Вседержитель.

Флорри. Я просто уверена, ты расстрига-священник. Или монах.

Линч. Верно-верно. Он кардинальский сын.

Стивен. Кардинальный свин. Монах ордена штопора.

Его Преосвященство Саймон Стивен кардинал Дедал, при-мас всея Ирландии, появляется в дверях в красной сутане, сандалиях и носках. Его прислужники смертные грехи, семь

¹ Дерьмо! (идиши)

обезьяноподобных карликов, также в красном, несут за ним край его облачения, подглядывая под него. На голове у него помятый, съехавший набок цилиндр. Большие пальцы засунуты под мышки, ладони выставлены вперед. На шее четки из бутылочных пробок, посредине их свисает на грудь крест-штопор. Вытащив большие пальцы, он плавными широкими пассами призывает благодать свыше и торжественно, напыщенно возглашает.

Кардинал.

Консервио попался в плен.

Он в темницу глубокую брошен.

У него кандалы на руках и ногах,

Все три тонны, а может, и больше.

Одно мгновение он взирает на всех, зажмурив правый глаз и надув левую щеку. Потом, не в силах остаться невозмутимым, начинает раскачиваться взад и вперед, подбоченясь, и запекает со щедрым залихватским весельем:

Селезень бедный не ведал ничего,

Жо-жо-жо-желтые лапки были у него.

Он был пухленький, жирненький, быстрый как
ртуть,

Но дикарь-уткоед,

Промышляя обед,

Застрелил его, дробью пробив ему грудь.

Комары тучами вьются около его одежд. Скрещенными руками он со страдальческой гримасой расчесывает бока и взывает:

Я терплю адские муки. Клянусь ерундейшей чепухой, надо благодарить Иисуса, что среди этого мелкого народца не все заодно, не то они бы сжили меня совсем с нашего окаянного шарика.

Склонив голову набок, он раздает торопливые благословения средним и указательным пальцами, дарует пасхальный поцелуй и удаляется потешными двойными шарканьями, в съезжающем с боку на бок цилиндре, стремительно уменьшаясь до размеров собственной свиты. Карлики следуют за ним, выписывая зигзаги, пихаясь, хихикая, подглядывая, переглядываясь, обмениваясь пасхальными поцелуями. Издалека доносится его голос, мужественный и милостивый, мягкий и мелодичный:

Унесет мое сердце к тебе,
Унесет мое сердце к тебе,
И послушный ночной ветерок
Унесет мое сердце к тебе!

Ручка запертой двери поворачивается.

Дверная ручка. Тееебеее!
Зоя. Там в двери дьявол.

Мужская фигура сходит по скрипучим ступенькам, слышно, как она берет с вешалки шляпу и дождевик. Блум словно помимо воли трогается с места, идет вперед, по пути слегка прикрывает дверь, потом, нервничая, достает из кармана плитку шоколада, протягивает Зое.

Зоя (*шутливо обняв его шевелюру*). Хмм. Передай своей матушке спасибо. Люблю, чего обожаю.

Блум (*настораживается, услышав мужской голос, говорящий с девками на крыльце*). Вдруг это он? После? Или из-за того, что не. Или решил добавить?

Зоя (*разрывая фольгу*). Пальцы придумали раньше вилок. (*Отломив дольку, грызет, подает другую Китти Риккетс, игриво обращается к Линчу*.) Может, и тебе пилюльку? (*Он кивает. Она поддразнивает его*.) Дать или обождать? (*Он открывает рот, задрав голову. Она ведет приманку по кругу влево, его голова следом. Ведет в обратную сторону, он взглядывает на нее*.) Лови!

Она кидает кусочек. На лету цапнув ртом, он звучно разгрызает его.

Китти (*жуя*). Тот инженер, с которым я на Майрас ходила, вот у него дивные шоколадки. Внутри всякие ликеры. А на этот базар сам вице-король приехал с супругой. Мы там столько у Тофта на карусели кружились, до сих пор в себя не приду.

Блум (*в меховой шубе Свенгали, с наполеоновской пряжкой, скрестив руки на груди, нахмурил лоб в усилии чревоущителя-экзорциста, пронзительный орлиный взгляд устремлен на дверь. Затем, напрягшись, выставив левую ногу, делает быстрый повелительный пасс и, сняв правую руку с левого плеча, подает знак мастера ложи*). Изыди, изыди, изыди, кто бы ты ни был, заклинаю тебя!

Снаружи в тумане слышны удаляющиеся шаги и мужской кашель. На лице Блума облегчение. Он стоит в спокойной

непринужденной позе, заложив руку за вырез жилета. Зоя протягивает ему шоколад.

Блум (*солидно*). Благодарю.

Зоя. Раз говорят, слушайся. Бери-ка!

По лестнице твердый перестук каблучков.

Блум (*берет дольку*). Возбуждающее? Но я думал что. Ваниль, это успокоительное или? Мнемо. Рассеянный свет, и память рассеивается. Красное действует на волчанку. Цвета влияют на характер у женщин, насколько он есть у них. Эта чернота вгоняет в тоску. Ешьте и веселитесь, ибо завтра. (*Ест.*) На вкус тоже влияет, розоватость. Но я так давно не. Кажется незнакомым. Возбуж. Тот священник. Надо, чтоб вышло. Лучше поздно, чем никогда. Попробовать трюфли от Эндрюса.

Отворяется дверь. Входит хозяйка заведения, тучная Белла Коэн. На ней длинное платье цвета слоновой кости, с пышной бахромой по подолу. Ища прохлады, она обмахивается черным костяным веером, на манер Минни Хок в «Кармен». На левой руке два кольца, обручальное и придерживающее его. У нее оливковое, немного вспотевшее лицо с крупными чертами, с мясистым носом, ноздри тронуты оранжевым. Глаза сильно подведены. Заметно пробиваются усики. В ушах большие серьги с бериллами.

Белла. Это нет слов! Я вся взопрела, как куча.

Она обводит глазами пары, затем останавливает взгляд на Блуме, властный, настойчивый. Большой веер ветерком овеивает ее лицо, шею, ее вздымающиеся округлости. Ее ястребиные глаза свёркают.

Веер (*кольшется быстро, потом замедленно*). Я вижу, ты женат.

Блум. Да... Не совсем, я куда-то затерял...

Веер (*приоткрывается, складывается*). И она верховодит. Под башмаком у жены.

Блум (*с тупой ухмылкой уставясь в пол*). Это верно.

Веер (*сложенный, замер у ее ушка*). Ты не забыл меня?

Блум. Да. Нет.

Веер (*сложенный, у ее талии*). Это я та она о ком ты прежде мечтал? И тогда была она он ты нас знал с тех пор? И я все они и сейчас мы всё те же?

Белла подходит к нему, легонько похлопывает веером.

Блум (*вздрагивает*). Властное создание. Прочла у меня в глазах эту дрему, которая нравится женщинам.

Веер (*похлопывая*). Мы встретились. Ты мой. Такова судьба.

Блум (*покорно*). Пышная женщина. Я ждал и желал твоего господства. Я так устал, я покинут, уже немолод. Можно сказать, я стою с неотправленным письмом, подлежащим добавочному сбору, перед ящиком для опоздавшей корреспонденции на главпочтамте человеческой жизни. Окно и дверь, открытые под прямым углом, вызывают сквозняк тридцать два фута в секунду, по закону падения тел. Только что я почувствовал приступ ишиаса в левой седалищной мышце. Это у нас семейное. Бедный папа, вдовец, он был из-за этого настоящий барометр. Он верил, что помогает тепло животных. Носил зимой жилетку на кошачьем меху. А когда уже близился к концу, то, поминая царя Давида с сунамитяжкой, клал Атоса с собой, верного и за гробом. Собачья слюна, как вы, вероятно... (*Вздрагивает.*) Ай!

Ричи Гулдинг (*входит, обремененный портфелем*). Насмешкой всегда проймешь. Лучшее, что есть в Дублине. Печенка и почки, достойные принцев.

Веер (*похлопывая*). Всему приходит конец. Будь моим. Сейчас.

Блум (*в нерешимости*). Всему сейчас? Напрасно я отдал талисман. Попал под дождь, лежал на скалах, когда роса, это уже оплошность в моем возрасте. Каждый феномен имеет свою естественную причину.

Веер (*медленно указывает вниз*). Ты можешь.

Блум (*посмотрев вниз, видит у нее развязавшийся шнурок на ботинке*). На нас смотрят.

Веер (*резко указывает вниз*). Ты должен.

Блум (*желая и противясь желанию*). Я ведь умею настоящим плоским узлом. Выучился, когда был в подручных, а потом в отделе заказов по почте у Келлетта. Рука набита. Язык узелков. Позвольте мне. Окажите любезность. Сегодня я уже стоял на коленях. Ах!

Белла, немного приподняв платье и встав поустойчивей, громоздит на край стула массивную конечность с копытом в шнурованном ботинке и бабкою в шелковом чулке. Блум, с негнущимися ногами, стареющий, склоняется над копытом и деликатными пальцами продергивает в дырочки шнурки.

Блум (*упоенно бормочет*). Служить приказчиком у Менфилда, в дамском отделе, это была у меня юности любовная мечта, милые радости застегиванья кнопок и пуговиц, дивный экстаз зашнуровыванья крест-накрест, до самого колена, щегольской лайковой ботиночки на атласной подкладке такой просто немыслимо крошечной, для леди с Клайд-роуд. Даже на их восковой манекен, Раймонду, я ежедневно ходил смотреть такой восторг у меня будили ее чулки-паутинки, какие носят в Париже, и пальчик ноги, как палочка ревеня.

Копыто. Понюхай мою теплую козлиную кожу. Ощути мой царственный вес.

Блум (*шнурует*). Не слишком туго?

Копыто. Если что-нибудь перепутаешь, Руки-Крюки, я наподдам твой мячик как следует.

Блум. Главное, не вдеть не в ту дырочку, как я тогда перед благотворительным балом. Дурная примета. Гнездышко в неподобающем местечке у нее... у особы упомянутой вами. На том балу она встретила... Готово!

Завязывает шнурки. Белла опускает ногу на пол. Блум поднимает голову. Прямо в упор его разят ее глаза и тяжеловесное лицо. Его глаза мутнеют, тускнут, под ними дряблые мешки, нос вздувается.

Блум (*невнятно бубнит*). В ожидании дальнейших распоряжений, милостивые государи, имеем честь быть,...

Белло (*густым баритоном, с твердым яростным взглядом василиска*). Презренный пес!

Блум (*влюбленно*). Царица!

Белло (*у него тяжелые, отвисшие щеки*). Раб прелюбодейных ляжек!

Блум (*плаксиво*). Всесильная!

Белло. Пожиратель кала!

Блум (*ее мышцы обмякли*). Великолепная!

Белло. Ниц! (*Хлопает ее веером по плечу.*) Сгибай ноги! Левую отставь назад. Ты упадешь. Ты падаешь. Падай на четвереньки!

Блум (*закатив глаза в обожании, она закрывает их и визжит*). Трюфли!

С пронзительным воплем, как в падучей, она падает на четвереньки, сопит, хрюкает, роет рылом у его ног, затем распластывается как мертвая, плотно прикрыв глаза вздрагивающими веками, в позе образцового мастера.

Белло (с короткой стрижкой, багровым вторым подбородком и пышными усами подковой вокруг бритого рта. На нем гамаши горца, зеленый камзол с серебряными пуговицами, свободного покроя рубашка и тирольская шляпа с пером куропатки. Руки глубоко засунуты в карманы бриджей. Он ставит ногу на шею Блума и с силой вдавли-вает каблук). Почувствуй всю мою тяжесть. Бесправный раб, падай ниц перед троном победных каблуков твоего повелителя, чтобы они гордо и ослепительно высились над тобой.

Блум (покорно лепечет). Клянусь, я никогда не посмею послушаться.

Белло (с зычным смехом). Ну и олух! Ты еще плохо знаешь, что тебя ждет. Я решу твою жалкую судьбу, я то чудовище, которое растерзает тебя. Ставлю коктейль для всех, если я не вышибу из тебя все хитрости, голубок. Пропробуй-ка, подержи мне. Если решишься, дрожи заранее, в награду тебе дадут понюхать каблучной дисциплины в гимнастическом трико.

Блум заползает под диван и выглядывает из-под него.

Зоя (распоясывает юбку, чтобы спрятать ее). Ее тут нет.

Блум (зажмурив глаза). Ее тут нет.

Флорри (закрывает ее подолом платья). Она этого не хотела, мистер Белло. Она исправится.

Китти. Вы уж простите ее, мистер Белло. Ведь вы простите, правда, мадамсэр?

Белло (вкрадчиво). Ну поди сюда, милочка. Всего на одно словечко, моя славная, мы просто назначим наказание, и все. Маленький душевный разговор. (Блум робко выс-выивает голову.) Вот она, наша умница. (Белло хватает ее за волосы и вытаскивает наружу.) Я хочу лишь твоего исправления для твоего же блага, по мягкому надежному месту. Как тут наш задик? О, такой нежный. Ну что ж, готовься.

Блум (обмирает). Ах, не порвите мне...

Белло (свирепо). Кольцо в ноздри, пытка клещами, битье палками, дыба и кнут, все это ты у меня отведаешь под звуки флейты, как нубийский раб в древние времена. На этот раз ты попался! Ты меня запомнишь до конца дней своих. (Его лицо наливается кровью, жилы на лбу взбухают.) Я буду сидеть на спине у тебя как на диване каждое утро после доброго завтрака с бутылкой портера и жаре-

ной свининой от Маттерсона. *(Рыгает.)* Буду посасывать добрую сигару и читать «Газету трактирщиков с патентом». А потом, может, я прикажу, чтобы тебя забили на скотном дворе и зажарили бы на вертеле, и буду тебя смаковать по ломтику прямо из духовки, с хрустящей корочкой, запеченного как молочный поросенок с рисом и с лимоном или со смородиновым соусом. Тебе будет очень больно.

Начинает выкручивать ей руку. Блум визжит, опрокидывается на спину.

Блум. Не надо так больно, няня! Не надо!

Белло *(выкручивая)*. Еще разок!

Блум *(стонет)*. А-а, это чистый ад! Какая боль! Из меня тянут все жилы!

Белло *(кричит)*. Отлично, клянусь кровавым капралом! Вот это для меня лучшая новость в этом году! А ну-ка, черт побери, не заставляй меня ждать! *(Хлещет ее по лицу.)*

Блум *(скулит)*. Вы хотите меня побить. Я все расскажу...

Белло. Держите-ка его, девочки, сейчас я на нем усядусь.

Зоя. Ага! Пройтись по нему. Я хочу.

Флорри. И я хочу, не будь жадиной.

Китти. Нет, я. Дайте-ка мне его.

Кухарка борделя, миссис Кео, сморщенная, с седыми волосами на подбородке, в засаленном фартуке, в мужских серо-зеленых носках и башмаках, обсыпанная мукой, с загорелыми красными руками, появляется в дверях, держа облепленную тестом скалку.

Миссис Кео *(кровожадно)*. Вам не надо помочь?

Они хватают Блума и пригвозждают к месту.

Белло *(усаживается на лицо Блума, похрюкивая, попыхивая сигарой, не спеша вытягивая жирную ногу)*. Я вижу, Китинга Клея выбрали президентом психиатрической лечебницы в Ричмонде, так, и надо заметить, акции Гиннеса с фиксированным дивидендом котируются по шестнадцать и три четверти. Я просто сваляла чертовского дурака, что не купила тот пакет, когда Крейг и Гарднер советовали. Все мое адское невезение, черт возьми. Да еще эта паршивая Реклама загребла двадцать к одному. *(В сердцах гасит сигару об ухо Блума.)* Где эта чертова паршивая пепельница?

Блум (*задозадавленная, прижженная*). Аа! Оо! Чудовище! Мучительница!

Белло. Проси этого каждые десять минут. Выпрашивай. Моли об этом, как раньше ни о чем не молил. (*Тычет ей в нос кукиш и вонючую сигару.*) А ну, целуй. И это и то. Целуй. (*Перебросив ногу, садится верхом и, сжимая Блума коленями, как наездник, командует.*) Гоп-гоп! Поехали за орехами! Я на нем поскачу на приз Эклипса. (*Наклоняется вбок и грубо стискивает мошонку своего коня, покрикивая.*) Гей-гоп! Поддай! Я тебя выезжу как полагается. (*Скачет как наездник верхом, подсакивая на седле, на седле.*) Леди едет шагом, шагом, кучер едет рысью, рысью, всадник мчит во весь опор.

Флорри (*дергает Белло*). Дайте мне теперь. Вам уже хватит. Я раньше просила.

Зоя (*дергает Флорри*). Нет мне, мне. Ты что, еще его не прикончила, пивка?

Блум (*задыхаясь*). Не могу больше.

Белло. Ну уж нет. Погоди-ка. (*Переводит дух.*) Проклятье. Ага. Сейчас. Прямо затычку вышибает. (*Откупоривает себе зад и, наморщившись, крепко бздит.*) Держика! (*Опять закупоривает.*) Черт побери, шестнадцать и три четверти.

Блум (*обливаясь потом*). Не мужчина. (*Принюхиваясь.*) Женщина.

Белло (*встает с нее*). Довольно вилять. Исполнилось то, о чем ты мечтал. Отныне ты размужчинен и ты полностью мой, тварь в ярме. Теперь об исправительной одежде. Ты расстанешься с мужским платьем, ты это понял, Руби Коэн? и немедленно получишь роскошные шелка, переливчатые, шуршащие, когда их надевают через голову.

Блум (*съеживается*). Шелк, повелела госпожа! О, хрустящий! Поскрипывающий! Должен ли я касаться его кончиками ногтей?

Белло (*указывая на своих девок*). Вот как они, такой же будешь ты, в парике с завивкой, напудренная и надушенная, с выбритыми подмышками. С тебя снимут мерки вплотную к телу. Тебя безжалостно затянут в тесный как тиски корсет из мягкого сизого тика, с планшетками китового уса, вплоть до абсолютной границы, до таза, украшенного алмазом, а фигуру, которая станет полней, чем на воле, будут одевать в облегающие платья, в прелестные невесомые юбочки с оборками, и на всем, разумеется, будет метка моего дома, изысканное белье для Алисы, лучшие

духи для Алисы. Алиса будет себя чувствовать в шорах. Марии и Марфе сначала будет прохладно в таких воздушных нарядах, но легкие пышные кружева вокруг голых коленок тебе напомнят...

Блум (*очаровательная субретка с горчичными волосами и размалеванными щеками, с крупными мужскими руками и носом, с плотоядным ртом*). Я только два раза попробовал надеть ее вещи, на Холлс-стрит, шутки ради. Когда мы сидели на мели, я их сам стирал, чтобы выгадать на прачечной. Еще я перелицовывал свои рубашки. Чистая экономия.

Белло (*язвительно*). Маленькие заслуги, чтобы мамочка похвалила, да? А потом, нарядившись как в маскарад, задернув все шторы, кокетничал перед зеркалом, выставлял голые бедра и козлиное вымя, принимал разные позы, будто отдаваясь! Ха! Мне смешно! Черная ношенная комбинация и короткие панталончики, которые лопнули по всем швам, когда ее насиловали последний раз, то, что тебе продала миссис Мириэм Дэндрейд из отеля Шелборн, верно?

Блум. Мириэм. Черная комбинация. Дама полусвета.

Белло (*с грубым хохотом*). Убей бог, это прямо завлекательно! Так ты, значит, был пикантная Мириэм, когда выстриг себе волосы с заднего хода и улегся, блаженно обмирая, поперек постели, как миссис Дэндрейд перед тем как быть изнасилованной лейтенантом Смайт-Смайтом, мистером Филипом Огастесом Блокуэллом, Ч. П., синьором Лачи Даремо, дюжим тенором, голубоглазым Бертом, лифтером, Анри Флери,¹ знаменитым, как сам Гордон Беннет, квартироном Шериданом, богатым как Крез, восьмым номером гребной команды старого Тринити, своим призовым ньюфаундлендом Понто и Бобс, вдовствующей герцогиней Мэнорхамилтон. (*Хохочет.*) Ей-ей, от такого сиамиский кот будет ржать до колик!

Блум (*лицо ее и руки дрожат*). Это из-за Джеральда я так пристрастился к корсетам, еще в школе, когда играл женскую роль в пьесе «Наоборот». Это все милый Джеральд. У него это началось с того, что его страшно привлекал корсет старшей сестры. А теперь душка Джеральд румянится и подводит веки золотой краской. Культ прекрасного.

Белло (*недобро посмеиваясь*). Прекрасного! Смехо-

¹ Офрануженный Блумов псевдоним «Генри Флауэр».

творный бред! Когда ты как барышня усаживался на отполированном троне, подбирая свои оборочки.

Блум. Ради науки. Чтобы сравнить различные удовольствия, какие мы испытываем. (*Серьезно.*) И такая поза действительно лучше... потому что сколько раз бывало замочишь...

Белло (*резко*). Это еще что за фокусы? Вон там, в углу, для тебя опилки. Я тебе дала строгие указания, ты что, забыл? Извольте это делать стоя, сэр! Я отучу тебя от мерзких привычек! Если хоть раз я найду следы на твоих пеленках, берегись! Клянусь ослом Дорена, ты у меня походишь по струнке. Грехи прошлого ополчаются на тебя. Их множество. Сотни.

Грехи прошлого (*нестройной разноголосицей*). У него было нечто вроде тайного брака по крайней мере с одной женщиной, в полутьме Черной Церкви. Он мысленно звонил по телефону мисс Данн на Д'Ольер-стрит и говорил ей немыслимые вещи, приведя себя в непристойный вид перед аппаратом в уличной будке. Словом и делом он подстрекал одну ночную девицу отлагать фекалии и другие вещества в антисанитарном отхожем месте возле пустующих строений. В пяти общественных уборных он сделал надписи карандашом, предлагая свою законную супругу любому самцу с мощным членом. А не проводил он целые ночи на задах вонючей фабрики купоросных красок, пристраиваясь к влюбленным парочкам да прикидывая, сколько и что и как мог бы он подглядеть? И не лежал ли он в постели как толстый боров, пожирая глазами тошнотворный обрывок использованной туалетной бумаги, который презентовала ему грязная шлюха, поощренная пряником и почтовым переводом?

Белло (*звучно присвистнув*). Недурственно! И что же было самой отвратительной непристойностью во всей твоей преступной карьере? Выкладывай-ка нагрязноту. Изблуй все, что есть! Раз в жизни на откровенность.

Немые нечеловеческие лица выступают толпой из тьмы, они злобно косятся, невнятно стрекочут, исчезают, Буфлуффум, Польди Кок, Шнурки за пенни, старуха у Кэссиди, слепой юноша, Ларри носорог, та девушка, та женщина, та проститутка, та другая, та...

Блум. Не спрашивайте меня! Наша общая вера. Плизентс-стрит. Я не думал и половины... Клянусь всем самым святым...

Белло (*повелительно*). Отвечай. Мерзкое ничтожество! Я настаиваю. Позабавь меня, расскажи неприличное, или историю с привидениями, или стихи, только живо, живо! Где? Как? Когда? Со сколькими? Считаю до трех. Раз! Два! Тр...

Блум (*заплетающимся языком лепечет*). Я сусусунул нос в мемемерзкое...

Белло (*высокомерно*). Убирайся, вонючий пес! Придержи язык! Говори, когда с тобой говорят.

Блум (*кланяясь*). Господин! Госпожа! Укротительница мужчин!

Воздевает руки. Браслеты падают с его запястий.

Белло (*с издевкой*). Днем ты будешь стирать и полоскать наше вонючее белье, притом и тогда, когда у нас, дам, наши недомогания, ты будешь мыть наши нѹжники, подоткнув подол и с посудной тряпкой вместо хвоста. Как мило. правда? (*Он надевает ей на палец рубиновое кольцо.*) Так! Этим кольцом я беру тебя. Говори, благодарю, госпожа.

Блум. Благодарю, госпожа.

Белло. Ты будешь убирать постели, готовить для меня ванну, выносить изо всех комнат ночные горшки, в том числе и кухаркин, миссис Кео, с песком. Да, и учти, все семь вымыть начисто или вылакать, как шампанское. Пей мое горяченьким! Так вот! Ты будешь передо мной на задних лапках, а не то я тебе прочту отменную лекцию о твоих прегрешениях, мисс Руби, и отделаю тебя в лучшем виде, мисс, по голому заду жесткой щеткой. Пропишу тебе так, что ты поймешь все свои ошибки. На ночь твои руки в браслетах ты обильно умастишь кремом и наденешь на них перчатки на сорока трех пуговках, свеженапудренные тальком и с надушенными кончиками пальцев. За такие милости рыцари в старину отдавали жизнь. (*Усмехается.*) Мои молодцы будут в восторге, увидев такую дамочку, а больше всех полковник, когда они придут сюда накануне свадьбы, потешиться с моей последней новинкой в золотых туфельках. Но сначала я сама с тобой развлекусь. Один мой знакомый с ипподрома по имени Чарльз Альберта Марш (я только что была с ним в постели, и еще с одним джентльменом из канцелярии лорда-канцлера) ищет служанку для всех услуг. Выпяти бюст. Улыбайся. Убери плечи. Кто сколько дает? (*Показывает на нее.*) Вот за эту вещь, обучена хозяином носить поноску, корзинка в зубах. (*Засучивает*

рукав и погружает руку по локоть в вульву Блума.) Глубина подходящая! Ну как, парни? Это вас не заводит? (Тычет рукой в покупателя.) Свистать всех наверх, делаем почин!

Покупщик. Флорин!

Служитель Диллона звонит в колокольчик.

Голос. Переплачивает шиллинг и восемь пенсов.

Служитель. Брень!

Чарльз Альберта Марш. Видать, еще девушка. Дыхание хорошее. Свежее.

Белло (*стучит молотком*). Два шиллинга. Дешевле некуда, цена мизерная. Росту четырнадцать ладоней. Можете пощупать, разглядеть еёго стати. Повертите егоёе туда-сюда. Нежное тело, мягкие мышцы, шелковистая шкура. Эх, будь при мне мой золотой дырокол! Очень легко доится. Что ни день, три галлона парного. Хорош и на племя, должна принести приплод через час. Один из его предков поставил рекорд удойности, тысяча галлонов цельного молока за сорок недель. Н-но, золотце! Покажи-ка товар лицом! Н-но! (*Ставит на крупе Блума свое клеймо, инициал К.*) Вот вам! Коэн с гарантией! Два шиллинга, джентльмены, кто больше?

Темнолицый человек (*тщательно скрывая акцент*). Это вундтов зтёрлинков.

Голоса (*шушукуются*). Для калифа Гарун аль Рашида.

Белло (*он доволен*). Отлично. Пускай они все сбегутся. Легкая, смело укороченная юбочка, приподнятая до колен, чтоб показать белые панталончики, это могучее оружие, а чулки-паутинки с изумрудными подвязками и прямым швом, уходящим выше колен, пробудят лучшие инстинкты наших пресыщенных ловеласов. Обучись плавной семенящей походке на четырехдюймовых каблуках а ля Луи-Кэнз, усвой греческую осанку, круп выпячен, бедра кольшутся маняще, коленки скромненько вместе, целуются. Действуй на них всей силой всех своих чар. Потворствуй их содомским порокам.

Блум (*прячет зардевшееся лицо под мышку и туповато ухмыляется, сунув в рот палец*). Ага, я знаю, вы на что намекаете.

Белло. Да на что ты еще годишься, импотент? (*Нагибается и, заглядывая, грубо тычет веером между толстых жировых складок на ляжках Блума.*) Подберись! Подберись! Бесхвостый кот! Что у нас там? Куда это делся хвостик или, может, тебе его отрубили, птичка? Спой,

пташечка, спой. Висит как у шестилетнего мальчонки, прудящего лужицу за повозкой. Заведи себе бочку или продай насос. *(Зычно.)* Да ты можешь мужское дело или нет?

Блум. На Экклс-стрит...

Белло *(язвительно)*. Я бы очень хотела пощадить твои чувства, но только твоим местом уже завладел мужчина с мускулатурой. Времена изменились, мой резвый юноша! Вот он-то уж мужчина в натуре, и рост что надо. Если б тебе, недоноску, иметь этакое орудие, узластое, шишкастое, с наростами где попало. Ручаюсь тебе, он мощно пальнул! Нога к ноге, колено к колену, живот на живот, грудь на груди! Нет, это тебе не евнух. Сзади пук рыжей поросли, что куст колючек. Погоди девять месяцев, увидишь! Черт побери, да он уже в ней чихает и брыкается во все стороны! Есть от чего прийти в бешенство, правда? Трогает за живое? *(Презрительно сплевывает.)* Тьфу, тряпка!

Блум. Я был подвергнут непристойному обращению, я... я пойду в полицию. Сто фунтов. Это неслыханно. Я..

Белло. Кишка тонка, дохлячок. Нам надо добрый ливень, а не твои жалкие брызги.

Блум. От этого с ума сойдешь! Молль! Я забыл! Прости! Молль! Ведь мы... все-таки...

Белло *(беспощадно)*. Нет, Леопольд Блум, все изменилось по воле женщины, покуда ты спал пластом в Сонной Пещере. Ночь твоя длилась двадцать лет. Вернись и взгляни.

Над пустошью голос древней Сонной Пещеры.

Сонная Пещера. Рип ван Винкль! Рип ван Винкль!

Блум *(в разбитых башмаках, с заржавелым ружьишком, с исхудалым, осунувшимся, обросшим лицом, пробирается ощупью, на цыпочках; взглядевшись через ромбики стекол, взывает)*. Я вижу ее! Это она! Первый вечер у Мэта Диллона! Но это платье, зеленое! И волосы выкрашены в светлый цвет, и он...

Белло *(насмешливо смеется)*. Слепой сыч, это же твоя дочка, со студентом из Моллингара.

Милли Блум, светловолосая, в легких туфельках, легком зеленом платье, с голубым шарфиком, вьющимся по ветру, как у приморских красоток, на миг оторвавшись от своего возлюбленного, восклицает, широко раскрыв юные удивленные глаза.

Милли. Ой! Это же папулька! Но как же... Ой, папа, ты так постарел!

Белло. Как, изменился? Гляди, наша этажерка, наш письменный стол, за которым никогда не писали, кресло тетушки Хегарти, репродукции старых мастеров. Тут живет припеваючи мужчина со своими приятелями. Приют Рогоносцев! Отчего бы нет? Сколько у тебя было женщин, нука? Шатался за ними по темным улицам, плоскостопый мозгляк, пытаясь их возбудить своим утробным урчанием. Что молчишь, мужчина с панели? Порядочные женщины, идущие с покупками. Теперь другой оборот. Получай той же монетой.

Блум. Они... Я..

Белло (*обрывает его*). Они затопчут тот ковер, под брюссельский, что ты купил на распродаже у Рена. В своих буйных забавах с резвушкай Молль, ловя блоху у нее под рубашкой, они уронят и изуродуют статуэтку, которую ты нес домой под дождем, ценя искусство ради искусства. Потом доберутся до всех секретов у тебя в нижнем ящичке. Пустят твой астрономический справочник на раскурку трубок. И будут поплевывать в твой камин через медную решетку, которую ты купил за десять шиллингов у Хэмптона Лидома.

Блум. Десять и шесть. Так ведут себя последние негодяи. Отпустите меня. Я вернусь. Я докажу...

Голос. Клянись!

Блум стискивает кулаки и ползет вперед, зажав в зубах охотничий нож.

Белло. Квартирантом или приживальщиком? Слишком поздно. Ты устроил у себя в доме постель второго сорта, и лежать в ней другим. Твоя эпитафия уже написана. Ты на самом дне, старый пень, и крепко заруби себе это.

Блум. Справедливость! Вся Ирландия против одного! Неужели никто... (*Кусает пальцы.*)

Белло. Сдохни и пропади, если в тебе осталась хоть капля приличия или достоинства. Я бы тебе могла дать такого старого редкого винца, от которого ты в два счета слетаешь в ад и обратно. Подпиши завещание, оставь нам весь капиталец. Если нету, добудь как знаешь, наворуй, ограбь, в бога душу! И мы тебя зароем возле сортира в кусточках, и будешь там лежать в дерьме и покое, рядом со старым Рогачом Коэном, моим приемным племянником, за которого я вышла, с этим сукиным сводником и педера-

стом, треклятым кривошеим подагриком, и с остальными моими мужьями, сколько их там, десять или одиннадцать, не вспомню, как их, сволочей, звали, чтоб все вы там гнили в одной помойке. (*Разражаясь громким перхающим смехом.*) Мы вас удобрим навозом, мистер Цветок! (*Насмешиливо писклявит.*) Пока, Польди! Пока, папулька!

Блум (*хватаясь за голову*). Моя сила воли! Память! Я грешил! Я стра... (*Рыдает без слез.*)

Белло (*издевается*). Поплачь, малютка, уа, уа! Крокодиловы слезы!

Блум, навший духом, плотно спеленатый для жертвоприношения, рыдает, упав ничком. Слышится похоронный звон. У Стены плача темные фигуры обрезанных, в пепле и вретницах, М. Шуломовиц, Джозеф Голдуотер, Моше Герцог, Харрис Розенберг, М. Мойсел, Дж. Цитрон, Минни Уотчмен, О. Мастянский, преподобный Леопольд Абрамовиц, кантор. Размахивая руками, они пронзительно и протяжно оплакивают вероотступника Блума.

Обрезанные (*с гортанным заунывным напевом осыпают его гнилыми плодами; цветов нет*). Шема Исраэл Адонаи Элоим Адонаи Эхад¹.

Голоса (*со вздохами*). Итак, скончался. Да, да. Да, в самом деле. Блум? Никогда не слыживал. Нет? Это странный был тип. Вот и вдова. Эта? Да, да.

Над погребальным костром для самосожжения вдовы подымаются пламя и дым смолистого камфарного дерева. Завеса благовонного дыма рассеивается. Выйдя из дубовой рамки, нимфа с распущенными волосами, в легких одеждах высокохудожественных чайно-коричневых тонов, спускается из своего грота и, пройдя под пологом ивовых ветвей, останавливается над Блумом.

Ивы (*шепчут листвою*). Сестра. Наша сестра. Ш-ш!

Нимфа (*негромко*). Смертный! (*Ласково.*) О нет, не стеной!

Блум (*студенистой массой переползает под ветви; в полосах солнечного света, с достоинством*). В таком положении. Я чувствовал, что от меня ждут этого. Сила привычки.

Нимфа. Смертный! Ты нашел меня в дурном обществе, с кафешантанными танцорками, уличными торговцами, бо-

¹ Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть (*древнеевр.*). Иудейская молитва «Шема», Втор 6,4.

ксерами, популярными генералами, безнравственными актерами пантомимы в телесных трико, модными исполнительницами шимми, Ла Аурора и Карини, музыкальный номер, сенсация века. Я была скрыта в розовой дешевой бумаге, пахнувшей керосином. Меня окружали избитые непристойности для клубных бездельников, историйки, соблазнительные для зеленых юнцов, объявления о силуэтных открытках, самых совершенных игральных костях и бюстгалтелях, рекламы патентованных товаров, а также зачем носить бандаж, с аттестацией от джентльмена с грыжей. Интимные советы женатым.

Блум (*поднимает у ее ног черепашую голову*). Мы встречались прежде. На другой звезде.

Нимфа (*печально*). Резиновые изделия. Никогда не рвутся. Марка, предпочитаемая нашими великосветскими клиентами. Корсеты для мужчин. Излечиваю припадки, плата в случае неуспеха возвращается. Добровольные свидетельства о замечательном средстве профессора Уолдмена для развития груди. Мой бюст увеличился на четыре дюйма за три недели, сообщает миссис Гэс Раблин с приложением фотографии.

Блум. Ты имеешь в виду «Фотокартинки»?

Нимфа. Да, их. Ты унес меня оттуда, вставил в дубовую рамку с позолотой и повесил над своим брачным ложем. И однажды, в летний вечер, таясь, ты меня поцеловал в четырех местах. Ты любовно подрисовал карандашом мои глаза, мою грудь и мое стыдное место.

Блум (*смирненно целует ее длинные волосы*). Твои классические формы, о бессмертная красавица. Я счастлив был смотреть на тебя, восхвалять тебя как то, что причастно красоте, едва ли не молиться тебе.

Нимфа. Темными ночами я слышала твои хвалы.

Блум (*поспешно*). Да, да. Ты хочешь сказать, что я... Во сне у всех проявляется самое худшее, кроме разве детей. Я знаю, я свалился с постели, то есть меня столкнули. Говорят, что вино, если в нем полежит что-нибудь стальное, помогает от храпа. А от прочего — та английская выдумка, о которой мне на днях прислали проспект, по ошибке, спутали адрес. Говорится, будто она обеспечивает испускание без запаха и без шума. (*Со вздохом.*) Это уж всегда так. Брак, тебе имя — вероломство.

Нимфа (*пальцами затыкает уши*). А слова! Я их не нашла в словаре.

Блум. Но ты поняла их?

Ивы. Ш-ш!

Нимфа (*закрывает лицо руками*). Чего не повидала я в этой спальне? Чего только не встречал мой взор?

Блум (*извиняющимся тоном*). Я понимаю. Грязное белье, сложенное грязным наружу. И кровать разболталась. Из Гибралтара морем, уже давно.

Нимфа (*низко опустив голову*). Хуже! Хуже!

Блум (*осторожно раздумывая*). Стульчак разваливается. Это не из-за ее веса. Она тогда весила ровно семьдесят кило. Как перестала кормить, набрала девять фунтов. Там просто трещина и мало клея. А? И этот нелепый горшок в оранжевую полоску, одна ручка отломана.

Слышен шум водопада, веселые каскады плеска.

Водопад.

Пулафука Пулафука
Пулафука Пулафука.

Ивы (*сплетаясь ветвями*). Слушайте. Шепот. Она права, сестра наша. Мы росли у водопада Пулафука. Мы давали тень и прохладу в душные летние дни.

Джон Уайз Нолан (*вдали, в форме Ирландского национального лесничества, приветно приподымает шляпу с пером*). Растите и умножайтесь! Давайте тень и прохладу в душные дни, о деревья Ирландии!

Ивы (*шепчут*). Кто приезжал на Пулафуку со школьной экскурсией? Кто не пошел по орехи с одноклассниками, а вместо этого укрылся под нашей сенью?

Блум (*узкогрудый, с покатыми, подбитыми ватой плечами, в неказистом черно-сером подростковом костюмчике, который уже тесен ему, в белых теннисных туфлях, в отогнутых носочках с каемкой и красной школьной фуражке со значком*). Я был тогда мальчишка, подросток. Тогда мне хватало малого, тряский вагон, смешанные запахи из М и Ж, толпа на ступеньках старого театра «Ройял», которая сбилась в кучу (они ведь любят давку, это стадный инстинкт, и полусумрак театра, весь насыщенный сексом, разнуздывает порочность). Даже прейскурант их белья. Кроме того, жара. В то лето были пятна на солнце. Конец учебного года. Ромовые бабы в буфете. Идиллические дни.

Идиллические Дни, школьники в бело-голубых футболках и шортах, юные Доналд Тернболл, Абрахам Чаттертон, Оуэн Голдберг, Джек Мередит, Перси Энджон стоят под деревьями на полянке и зовут юного Леопольда Блума.

Идиллические Дни. Деляга! Вали к нам. Ура! (*Приветственные вопли.*)

Блум (*неуклюжий подросток в теплых варежках, в связанном мамочкой шарфе, забросанный градом снежков, пытается встать*). Еще! Мне шестнадцать! Ну, красота! Звоните во все колокола на Монтегю-стрит. (*Жиденьким голоском восклицает.*) Ура лучшей из школ!

Эхо. Осел!

Ивы (*с тихим шелестом*). Она права, сестра наша. Шепот. (*По всему лесу слышны шепот и поцелуи. Лица гамадриад глядят из листвы, из стволов, превращаясь в распускающиеся цветы.*) Кто осквернил нашу безмолвную сень?

Нимфа (*стыдливо, сквозь веер пальцев*). Как! Прямо под открытым небом?

Ивы (*низко клонясь к земле*). О да, сестра. На нашей девственной мураве.

Водопад.

Пулафука Пулафука
Фуфуфука Фуфуфука.

Нимфа (*широко раскрыв веер пальцев*). О! Какой позор!

Блум. Я рано развился. Юность. Фауна. Я принес жертву богу лесов. Цветы расцветают весной. Стояла пора любви. Капиллярное притяжение это естественный феномен. Лотти Кларк, льняные волосы, я подсматривал в папин театральный бинокль, как она раздевалась перед сном, шторы были плохо задернуты. Она была озорница, любила жевать всякие травинки. Скатывалась по траве с горки у моста Риальто, чтобы меня соблазнить своими дикими шалостями. У них там росло кривое дерево, она на него залезла, и я. Тут и святой бы не устоял. В меня как демон вселился. А потом, кому это было видно?

Валкий Телок с маленькими белыми рожками просовывает сквозь листву жующую микроскопическую морду.

Валкий Телок (*тянет, пуская слюни, его выпуклые глаза роняют крупные слезы*). Мнее. Мнее ви.

Блум. Простое удовлетворение потребности. (*С наболевшей страстью.*) Ни одна девочка не хотела, когда я пробовал ухаживать. Я был замухрышка. Они не хотели со мной играть...

Высоко на мысу Хоут пробирается через рододендроны коза с полным выменем, с заячьим хвостиком, роняя орешки.

Коза (*блеет*). Бее-бе-бе-бе! Коз-коз-козаа!

Блум (*раскрасневшийся, с непокрытой головой, в колючках утесника и чертополоха*). Законно обручены. Обстоятельства меняют дело. (*Напряженно смотрит вниз, на залив.*) Тридцать два кувырком в секунду. В газетах кошмар. Приступ головокружения у Илии. Падение с утеса. Печальный конец типографского служащего.

В серебристобезмолвном летнем воздухе кукла Блума, спеленатая как мумия, скатывается круговращательно с оконечности Львиной Головы в винноцветные ожидающие воды.

Блумумия. Блублиблублик!

Вдали, у края залива, между маяками Бейли и Киш, проплывает «Король Эрина», из трубы валит черный дым, расстилаясь к берегу.

Советник Наннетти (*с желтым ястребиным профилем, в темном альпаковом пиджаке, стоит в одиночестве на палубе, заложив руку за вырез жилета и декламируя*). Когда моя страна займет свое место среди наций нашей планеты, вот тогда, но не прежде, чем тогда, пусть будет написана моя эпитафия. Я закон...

Блум. Чил. Пуфф!

Нимфа (*надменно*). У нас, бессмертных, как ты убедился сегодня, нет такого места и нет волос там. Мы чисты и холодны как камень. Мы питаемся электрическим светом. (*Соблазнительно изгибает тело, взяв пальчик в рот.*) Ты обращался ко мне. Я слышала сзади. Как же ты мог?..

Блум (*пристыженно водит ладонью по кустикам вереска*). Да, я был как полнейшая свинья. И клизмы ставил. Третью пинты кассии и столовая ложка каменной соли. Вводить поглубже. Шприц от Гамильтона Лонга, друг женщины.

Нимфа. В моем присутствии. Пуховка для пудры. (*Покраснев, делает книксен.*) Не говоря уж о прочем.

Блум (удрученно). Да. Рессави!¹ Я чтил тот живой алтарь, где спина уже перестает называться так. (С неожиданною горячностью.) А почему надушенная изящная ручка, украшенная драгоценностями, рука, что правит...

Фигуры скользят, змеятся цепочкой среди деревьев, образуя медлительный лесной узор, томно перекликаясь.

Голос Китти (в чаще). Покажи-ка нам одну из этих подушечек.

Голос Флорри. На, смотри.

Тетерев взлетает в кустах, ошалело хлопая крыльями.

Голос Линча (в чаще). Ух! Горяченькая!

Голос Зои (в чаще). Из горяченького местечка.

Голос Вирага (вождь птичьего племени, в военной синей раскраске, в уборе из перьев, потрясая копьем, мчит-ся широкими прыжками через заросли тростника, топчя шишки и желуди). Горяч! Горяч! Берегитесь Сидящего Быка!

Блум. Это сильнее меня. Теплый отпечаток ее теплого тела. Даже сидеть там, где сидела женщина, особенно если у нее бедра были раздвинуты, как бы в преддверии высшей близости, а уж совсем особенно, если она, сядясь, повыше подняла полы на подкладке из белого сатина. Тут уже полнота женского. Она пленяет и переполняет меня.

Водопад.

Плеполняет Пулафука
Пулафука Пулафука.

Ивы. Ш-ш! Говори, сестра!

Нимфа (безглазая, в белом одеянии монахини, в апостольнике и наколке с большими крыльями; мягко, с отсутствующим взором). Монастырь Транквилла. Сестра Агата. Гора Кармел, явления в Ноке и в Лурде. Желаний нет больше. (Склонив голову, со вздохом.) Только эфирность. Туманно-кефирная чайка, туда ль ты летишь, отвечай-ка. Блум привстает. Сзади на брюках у него отлетает пуговица.

Пуговица. Трик!

Две девки из Кума, в шальях, приплясывают под дождем, визгливо выкрикивая.

¹ Я грешил! (лат.)

Девки.

Панталоны Леопольда на одной булавке.
А булавка упадет —
Как же он домой дойдет,
Как же он домой дойдет?

Блум (*холодно*). Ты разрушила чары. Последняя капля. Если бы существовала только эфирность, то где вы были бы все, белицы, послушницы? И трясут и хочется, как осел, когда мочится.

Ивы (*серебряная фольга их листвы осыпалась, костлявые одряхлевшие руки трясутся*). Листопад!

Нимфа. Какое кощунство! Посягнуть на мою добродетель! (*На платье у нее появляется большое влажное пятно.*) Запятнать мою невинность! Ты не достоин касаться одежд чистой женщины. (*Ее рука что-то хватает в складках одеяния.*) Но погоди. Не петь тебе больше любовных песен, сатана. Аминь. Аминь. Аминь. Аминь. (*Вынимает кинжал и, облаченная в доспехи рыцаря-храмовника, разит его в чресла.*) Некум!

Блум (*вскочив, удерживает ее руку*). Эй! Небракада! Живуча как кошка! Извольте честно, сударыня. Без обрезательного ножа. Лиса и виноград, верно? Мало вам вашей колючей проволоки? Распятие слишком тонко? (*Хватает ее вуаль*). Тебе кто нужен, святой аббат, или Брофи, хромой садовник, или бессточная статуя водоноса, или добрая матушка Альфонс, а братец Лис?

Нимфа (*с криком убегает, оставив у него вуаль, ее гипс трескается, из трещин вылетают облачка воню*). Поли...!

Блум (*ей вдогонку*). А то вы сами не пускаетесь во все тяжкие! Нечего дергаться, ты и так в разной слизи. Мне кое-что про это известно. Вся ваша сила в нашей слабости. А ну-ка, сколько нам полагается как производителям? Сколько на бочку с вас? Я читал, вы на Ривьере оплачиваете своих кавалеров. (*Убегающая нимфа рыдает.*) Ха! Я шестнадцать лет надсаживаюсь как последний раб. И что, суд мне присудит хотя бы пять шиллингов содержания? Водите за нос других, а меня не выйдут. (*Принюхивается.*) Это еще что. Лук. Гнилой. Сера. Жир.

Перед ним стоит Белла Коэн.

Белла. Узнаешь меня в следующий раз.

Блум (*хладнокровно оглядывает ее*). Отцвела. Овца-перестарок рядится ярочкой. Зубы подгуляли уже, выросла шерсть, где не следует. Сырой лук перед сном улучшил бы тебе цвет лица. И какой-нибудь массаж против двойного подбородка. Глаза пустые, точь-в-точь как стеклянные глаза у твоего лисьего чучела. Что же, такие и подходят ко всему остальному. Кончено. Я не трехствольный мушкет.

Белла (*презрительно*). Да, ты не тянешь. (*Ее матерая пизда гавкает.*) Фохрахт!

Блум (*презрительно*). Сперва почисти свою игрушку, у тебя там соки твоего жеребца капаят с гребешка. Возьми пук сена да подотришь.

Белла. Знаю я тебя, рекламщик! Дохлый мерин!

Блум. Видал я его, бандерша! Торговка люэсом!

Белла (*поворачивается к пианино*). А кто тут из вас играл марш мертвых из «Саула»?

Зоя. Я. Поберегите-ка свои мозоли. (*Миглом подскочив к пианино, колотит по клавишам скрещенными руками.*) Прогулка кота по крыше. (*Оглядываясь.*) А? Кто там крутит любовь с моими кисоньками? (*Миглом обратно к столу.*) Все что твое мое, а все что мое то мне.

Китти с недовольным видом облепляет зубы серебряной фольгой. Блум подходит к Зое.

Блум (*ласково*). Отдай, пожалуйста, ту картофелину, хорошо?

Зоя. А это фант, это фантик, хорошая штучка.

Блум (*с чувством*). Это же ведь пустяк, а для меня память, от бедной мамы.

Зоя.

Эта штучка мне нужна
Спросит бог, а где она
А ты скажешь, я не знаю
Тебя выгонят из раю.

Блум. С ней связаны воспоминания. Мне бы хотелось ее иметь.

Стивен. Иметь или не иметь, вот в чем вопрос.

Зоя. Держи. (*Задирает подол, открывая голую ляжку, и извлекает картофелину, закатанную в отворот чулка.*) Кто спрятал, тот и найдет.

Белла (*нахмурившись*). Что это еще? У нас тут не варьете. И не разбейте мне пианино. Кто здесь платит?

Подходит к пианоле. Стивен, порывшись в кармане, вытягивает за уголок банкноту и подает ей.

Стивен (*с театральной учтивостью*). Молочко от козла. Я подоил почтенную дублинскую публику. Прошу прощения, мадам. Если позволите. (*Неверной рукой тыкает в Линча и Блума.*) Мы все ставим на этих скачках, и Клинк и Линк. Dans ce bordel où tenons nostre état¹.

Линч (*подает голос от камина*). Дедал! Дай ей благословение за меня.

Стивен (*вручает Белле монету*). Золотой. Уже у нее.

Белла (*смотрит на деньги, потом на Зою, Флорри и Китти*). Вы хотите трех девушек? У нас здесь по десять шиллингов.

Стивен (*восторженно*). Сто тысяч извинений. (*Снова порывшись, выуживает и подает ей две кроны.*) Позвольте, brevi manu², у меня неладно со зрением.

Белла подходит к столу пересчитать деньги, Стивен беседует сам с собой односложными речениями. Зоя наклоняется над столом. Китти заглядывает через плечо Зою. Линч встает, поправляет картуз и, обняв Китти за талию, присоединяет свою голову ко всей группе.

Флорри (*силится встать*). Ох! До чего ногу отсидела. (*Ковыляется к столу. Блум тоже подходит.*)

Белла, Зоя, Китти, Линч, Блум (*пререкаясь скороговоркой*). Этот джентльмен... десять шиллингов... платит за троих... да постоит минутку... джентльмен платит отдельно... кто тут трогает?.. ой... ты гляди, кого щиплешь... вы на ночь или на время?.. кто?.. это ложь, с вашего позволения... джентльмен заплатил, как настоящий джентльмен... выпить... одиннадцать уж когда было.

Стивен (*стоя у пианолы, делает жест отворачивания*). Никаких бутылок! Что-что, одиннадцать? Загадка.

Зоя (*подняв юбку, прячет полсоверена в чулок*). Добываем тяжким трудом на спинке.

Линч (*приподняв Китти, отставляет ее от стола*). Пошли!

Китти. Обожди-ка. (*Цепко когтит две кроны.*)

Флорри. А меня?

Линч. Опля!

¹ В сем бардаке, где мы засели (*франц. Ф. Вийон. Баллада о толстой Марго*).

² Не мешкая.

Приподнимает ее, несет и плюхает на диван.

Стивен.

Лис уж поет, кочет в полет,
Колокол в небе
Одиннадцать бьет.
Бедной душе ее с неба долой
Час улетать настает.

Блум (*спокойно кладет полсоверена на стол между Беллой и Флорри*). Кажется, так. Позвольте. (*Забирает фунтовую бумажку*.) Три по десять. В расчете.

Белла (*восхищенно*). Вам палец в рот не клади, старый вы греховодник. Прямо поцеловала бы.

Зоя (*показывая на Блума*). Его? Куда хочешь без мыла влезет.

Линч *опрокидывает Китти на диван и целует. Блум с банкнотой подходит к Стивену.*

Блум. Это ваше.

Стивен. Почему такое? *Le distrait* или беззаботный нищий. (*Сызнова роется в кармане, вытаскивает пригоршню монет. Что-то падает.*) Упало.

Блум (*нагнувшись, подбирает и подает ему коробок спичек*). Вот.

Стивен. Люцифер. Спасибо.

Блум (*рассудительно*). Возможно, вам лучше отдать мне деньги на сохранение. Зачем платить лишнее?

Стивен (*отдает ему всю наличность*). Сперва будь справедлив, а уж потом щедр.

Блум. Я буду, только мудро ли это? (*Считает.*) Один, семь, одиннадцать, еще пять. Шесть. Одиннадцать. За то, что вы, может быть, потеряли, не отвечаю.

Стивен. Почему кочет? Пропарокситон¹. Как утверждает Лессинг, важен застывший миг. Голодный лис. (*Громко смеется.*) Хоронит свою бабку. Наверно, он убил ее.

Блум. Здесь один фунт шесть шиллингов одиннадцать пенсов. Для ровного счета, фунт семь.

Стивен. Не имеет ни малейшей важности.

Блум. Да, но...

Стивен (*подходит к столу*). Пожалуйста, сигарету.

¹ Слово с ударением на предпоследнем слове (*греч.*)

(Линч с дивана бросает сигарету на стол.) Итак, Джорджина Джонсон скончалась и обвенчалась. (На столе появляется сигарета, Стивен смотрит на нее.) Чудо. Салонная магия. Обвенчалась. Гм. (Загадочный и меланхоличный, он чиркает спичкой и принимается зажигать сигарету.)

Линч (глядя на него). Знаешь, если спичку держать поближе, у тебя будет шанс зажечь.

Стивен (подносит спичку ближе к глазам). Глаза линкса. Надо носить очки. Вчера разбил. Шестнадцать лет назад. Расстояние. Глазу все кажется плоским. (Отдаляет спичку. Она гаснет.) Мозг мыслит. Вблизи — вдали. Неотменимая модальность зримого. (Таинственно нахмурившись.) Гм. Сфинкс. Зверь, у которого две спины в полночь. Обвенчалась.

Зоя. На ней женился один коммивояжер и увез с собой.

Флорри (кивает). Мистер Агнер из Лондона.

Стивен. Агнер. Агнец. Агнец из Лондона, вземлющий грехи мира.

Линч (обнимая Китти на диване, звучно затягивает).
Dona nobis pacem¹.

Сигарета выскользывает из пальцев Стивена. Блум поднимает ее и бросает в камин.

Блум. Лучше не курить. Вам нужно поесть. Если бы не тот окаянный пес. (Зое.) У вас ничего не найдется?

Зоя. А что, он голодный?

Стивен (с улыбкой простирая к ней руку, выводит на мотив клятвы из «Гибели богов»).

Hangende Hunger,
Fragende Frau,
Macht uns alle kaput².

Зоя (трагически). Гамлет, я нюх родного твоего отца! (Берет его за руку.) Красавчик голубоглазый, дай погадаю по руке. (Показывает на его лоб.) Нет морщин — нет ума. (Считает.) Два, три, Марс это храбрость. (Стивен качает головой). Детей нет.

Линч. Молодец среди овец. Мальчик, который не умел бояться. (Зое.) Кто тебя научил хиромантии?

¹ Мир нам даруй (лат.)

² Ноющий голод,
Женщин расспросы
Нас в могилу сведут (нем.).

Зоя (*оборачиваясь к нему*). Спроси мои муде, которых у меня нет. (*Стивену.*) Я по лицу вижу. Глаза вот такие. (*Она нагибает голову и хмурит лоб.*)

Линч (*со смехом дважды шлепает Китти по задку*). Осердясь. Розгой хлясь.

Дважды слышен свист розги. У гроба пианолы крышка резко откидывается, оттуда, как чертик из бутылки, выскакивает круглая лысая маленькая головка отца Долана.

Отец Долан. Кто тут захотел розги? Ты разбил очки? Маленький ленивый выдумщик. По глазам вижу.

Милостивая, снисходительная, начальственная, укоряющая голова ректора Джона Конми поднимается из гроба пианолы.

Ректор Джон Конми. Ну полноте, отец Долан. Полноте. Я уверен, что Стивен хороший мальчик.

Зоя (*разглядывая ладонь Стивена*). Женская рука.

Стивен (*шепчет*). Продолжай. Лги. Прижмись. Ласкай меня. Я никогда не мог прочесть Его почерк, если не считать дактилоскопии Его большого пальца на пикше.

Зоя. В какой день ты родился?

Стивен. В четверг. Сегодня.

Зоя. Четверговое дитя далеко пойдет шутя. (*Смотрит линии у него на руке.*) Линия судьбы. Влиятельные друзья. Флорри (*показывает*). Воображение.

Зоя. Бугор Луны. У тебя будет встреча с... (*Вдруг резко уставившись в ладонь.*) Про плохое я тебе не скажу. Или все равно хочешь знать?

Блум (*отводит ее пальцы и подставляет свою ладонь*). Вреда больше, чем пользы. Вот, почитай мою.

Белла. Покажите-ка. (*Повернув руку Блума к себе.*) Так я и знала. Узловатые пальцы, бабник.

Зоя (*разглядывает ладонь Блума*). Решетка. Дальняя морская дорога и женитьба на деньгах.

Блум. Не сходится.

Зоя (*с живостью*). Ага, вижу. Короткий мизинец. Твоя насадка тебя совсем заклевала. Опять не сходится?

Чернушка, большая насадка, высиживающая яйцо в меловом кругу, поднимается, расправляет крылья и кудахчет.

Чернушка. Куд-куда ко-ко-коо. (*Боком отходит от снесенного яйца и вперевалочку удаляется.*)

Блум (*показывая на свою руку*). Шрам это несчастный случай. Двадцать два года назад упал и порезался. Мне было тогда шестнадцать.

Зоя. Вижу, сказал слепой. Ты нам чего поинтересней.

Стивен. Видишь? Двигается к единой великой цели. Мне тоже двадцать два. Шестнадцать лет назад я двадцатидвухлетний шлепнулся, двадцать два года назад он шестнадцатилетний упал со своей лошадки. (*Морщится.*) Ушиб где-то руку. Надо пойти к зубному. А деньги?

Зоя шепчется с Флорри, обе хихикают. Блум высвобождает руку и рассеянно выводит по столу медленные каракули с обратным наклоном.

Флорри. Что-что?

Кеб номер триста двадцать четыре, запряженный кобылкой с вызывающим задом, на козлах Джеймс Бартон (Хармони авеню, Доннибрук), резво катит мимо. На сиденьях развалились Буян Бойлан и Ленехан. Сзади на запятках примостился коридорный из «Ормонда». Печально поверх занавесок глядят Лидия Дус и Майна Кеннеди.

Коридорный (*подскакивая на запятках, показывает им нос*). У кого-то зачесалось, заче-заче-зачесалось!

Бронза и золото перешептываются.

Зоя (*шепчет Флорри*). Шепотом. (*Продолжает шептать ей.*)

Буян Бойлан перегибается из кеба наружу, его шляпа тонкой соломки набекрень, в зубах красный цветок. Ленехан, в морской фуражке и белых туфлях, угодливо снимает длинный волос с плеча Буянова пиджака.

Ленехан. Хо-хо! Что мы зрим! Похоже, ты смахивал паутину кой с каких дырочек?

Бойлан (*сыто ухмыляется*). Ощипал птичку.

Ленехан. Подходящая ночная работка.

Бойлан (*подмигивает, растопырив толстые тупоноготные пальцы*). Товарчик для Буяна! Высшее качество или деньги назад. (*Тычет ему в нос указательный палец.*) Нюхни-ка вот.

Ленехан (*наклоняется со смехом*). Умм! Омар под майонезом! Умм!

Зоя и Флорри (*дружно хохочут*). Ха-ха-ха!

Бойлан (*твердо прыгнув на землю, окликает громко, во всеуслышание*). Эй, Блум, здравствуй! Миссис Блум оделась уже?

Блум (*в темно-синей плюшевой лакейской ливрее, в коротких панталонах, желтых чулках и пудреном парике*). Боюсь, что еще нет, сэр. Последние мелочи туалета...

Бойлан (*бросает ему шестипенсовик*). Возьми на выпивку. (*Небрежно вешает шляпу на оленье рога, растущие у Блума на лбу.*) Проводи меня. У меня маленькое личное дельце к твоей жене. Ты понял?

Блум. Да, сэр. Благодарю, сэр. Мадам Твиди изволит принимать ванну, сэр.

Мэрион. Он должен это считать за большую честь. (*С игривым плеском высовываясь из воды.*) Рауль, иди сюда, милый, вытри меня. Я тут в костюме Евы. На мне только новая шляпа да каретная щеточка.

Бойлан (*весело, с загоревшимися глазами*). Грандиозно!

Белла. Что-что? Что такое?

Зоя нашептывает ей.

Мэрион. И пускай он смотрит, pishogue! Сводник! И хлещет себя! Я напишу какой-нибудь дюжей шлюхе или Бартоломоне, женщине с бородой, чтобы они его вздули до рубцов, толщиной не меньше чем в дюйм, и пусть принесет об этом квитанцию с подписью и с печатью.

Белла (*хохочет*). Хо-хо-хо!

Бойлан (*бросает Блуму через плечо*). Можешь подглядывать в скважину и тешиться сам с собой, пока я буду ей заправлять.

Блум. Благодарю, сэр, я так и сделаю, сэр. А можно мне, сэр, позвать еще двух дружков, чтобы они были очевидцами действий и сделали снимки? (*Протягивает баночку с мазью.*) Прикажете вазелин, сэр? Или померанцевый цвет?.. Теплой водички?..

Китти (*с дивана*). Расскажи, Флорри, расскажи. Что там...

Флорри шепчет ей. Шелестят шепчутся лепечутся любве-речи звонкоуст плещется словоплеск.

Майна Кеннеди (*закатывая глаза восторженно*). О,

это, наверно, как запах герани и спелых персиков! О, он обожает просто каждый ее кусочек! Сплелись! Покрывает поцелуями!

Лидия Дус (*приоткрыв ротик*). Чмок-чмок. Ой, он ее носит по комнате и делает с ней! Верхом на палочке. Их слышно до самого Парижа и до Нью-Йорка. Как будто у них полные рты земляники со сливками.

Китти (*смеется*). Хи-хи-хи!

Голос Бойлана (*сладкий и низкий, хриплый, утробный*). Ых! Ыхбыянбыйлан брралдррал!

Голос Мэрион (*низкий и сладкий, хриплый, горловой*). Ох! Ооещеешоохочуешоооааах?

Блум (*стискивая себя, с дико расширенными глазами*). Наружу! Прячь! Наружу! Паши ее! Еще! Пали!

Белла, Зоя, Флорри, Китти. Хо-хо! Ха-ха! Хи-хи!

Линч (*показывает*). Зеркало перед природой. (*Смеется.*) Хе-хе-хе-хе!

Стивен и Блум смотрят в зеркало. Там появляется лицо Вильяма Шекспира, безбородое, с застывшими параличными чертами, венчаемое отражением оленьих рогов, вешалки в передней.

Шекспир (*с важностью чревовещает*). Так пустоту ума смех громкий выдает. (*Блуму.*) Мнил ты аки невидимым пребыти. Вот и глазей. (*Кричит и хохочет черным каплуном.*) Ягого! Как там у меня Отелло отельчески придушил свою Вездеходу! Хо-хо! Ягогого!

Блум (*шлюхам, с уязвленной улыбкой*). А когда я услышу, о чем вы шутите?

Зоя. Не успеешь дважды жениться, один раз овдоветь.

Блум. Ошибки прощают. Даже великий Наполеон, когда с него снимали мерки вплотную к телу после его смерти...

Миссис Дигнам, вдовица, щеки и носокнопка покраснели от скорбных разговоров, слез и первосортного хереса, торопливо семенит мимо в трауре, в криво надетой шляпке, на ходу подкрашивая и припудривая щеки, губы и нос, лебедка, подгоняющая выводок лебедят. Из-под юбки у нее видны будничные старые брюки покойного мужа и его огромные подвернутые башмаки. Она держит страховый полис Шотландских вдов и большой зонтик-колокол, под которым умещается весь ее выводок, Пэтси, скачущий на одной обутой ноге, с отстегнутым воротничком, болтая

свертком со свиными котлетами, хнычущий Фредди, Сьюзи с плачущим рыбьим ртом, Элис с барахтающимся младенцем. Она подгоняет их шлепками, все ее паруса и вымпелы вьются по ветру.

Фредди. Ма, ну чего ты меня так тащишь!

Сьюзи. Ой, мамочка, бульон убегает!

Шекспир (в бессильной ярости паралитика). Кропер вавадабу дет на втором.

Лицо Мартина Каннингема, бородатое, сменяет безбородый облик Шекспира. Зонтик-колокол пьяно раскачивается, детишки отбегают в сторону. Под зонтиком появляется миссис Каннингем в кимоно и в шляпе фасона Веселая вдова. Она плавно скользит, приближаясь бочком, кланяясь, японисто извиваясь.

Миссис Каннингем (поет).

На Востоке слыву я первойшей.

Мартин Каннингем (бесстрастно взирая на нее). Чудесно! Чертова неумная вертихвостка!

Стивен. Et exaltabuntur cogna iusti¹. Царицы соединились с быками-рекордистами. Вспомните Пасифаю, в угоду чьей похоти мой древнедавний прадедок соорудил первую исповедальню. Не забудьте и мадам Гриссел Стивенс, а также свиносальных отпрысков рода Лэмбертов. И Ноя, который напился. И ковчег у него раскрылся.

Белла. Попрошу без этого. Тут не такое заведение.

Линч. Не трогайте его. Он у нас из Парижа.

Зоя (подбежав к Стивену, прижимается к нему). Ой, правда? А ты нам выдашь парлефрансе?

Стивен, нахлобучив шляпу, оказывается одним прыжком у камина и застывает, поднявши плечи, расставив руки как плавники, с приклеенной неживой улыбкой.

Линч (кулаками по дивану). Грам прам прам прраммм.

Стивен (невнятной скороговоркой, дергаясь, как кукла на ниточке). Тысячи мест для разорительных развлечений вечера с милыми дамами продающими перчатки и еще кое-что может быть свое сердце пиво и сосиски блестящее заведение на самый эксцентрический вкус скопом кокотки как в бочке селедки наряды чудесны не отличишь от принцессы отплясывают канкан парижская клоунада тупей не надо для холостых иностранцев что по-английски двух слов

¹ ...и вознесутся роги праведника (лат.; Пс. 74, 11).

не свяжут какой шик это надо видеть какие сладострастные ощущения. Жантмены комильфо дезир плезир приглашаем визитэ наше представление оляля рай и ад с настоящие похоронные свечки и джентльмены плачут золотом и так каждый вечер. У нас самый дерзкий потрясающий вери шокинг насмешка над религия мсье может найти в целый мир. Приходят роскошные дамы полные скромности а потом все сбрасывают все и визжат и стонут глядя как мужчина-вампира растлевают монашенку совсем юную свеженькую в dessous troublants¹. *(Громко щелкает языком.)* Оляля! Се pif qu'il a!²

Линч. Vive le vampire!³

Девки. Bravo! Парлефрансе!

Стивен *(запрокинув голову и гримасничая, с громким смехом аплодирует самому себе)*. Полный успех, все смеются. Ангелы, смахивающие на шлюх, и святые апостолы, здоровенные, с бандитскими мордами. Дамы полусвета в туалетах, весьма приятных для глаз, сияют бриллиантами и красотой. Или мсье любить предпочесть те очень современный причуд, слабость старенький человек? *(Обрисовывает нечто гротескными жестами; девки и Линч невольно повторяют его движения.)* Резиновая фигура женщины складная или в натуральную величину можно подглядывать девственная нагота такая лесбийская поцелуи пять раз десять раз. Жантмены войти поглядеть в зеркала все положения как на трапеция весь механик и также если мсье пожелать особенный номер ужасный зверский мясник делать чик-чик в теплый кусок печенка или омлет на животе pièce de Shakespeare.

Белла *(хлопая себя по животу, падает на диван, сотрясаясь от хохота)*. Омлет на... Хо! хо! хо! хо! омлет на...

Стивен *(с жеманными ужимками)*. Я тебя так любить, душка сэр. Я тебе говорить англичански, для двойной entente cordiale. О да, mon loup⁴. Какая плата? Ватерлоо. Ватерклозет. *(Вдруг резко умолкает, подняв вверх палец.)*

Белла *(с хохотом)*. Омлет...

Девки *(с хохотом)*. Анкор! Анкор!

Стивен. Послушайте. Мне приснился арбуз.

Зоя. Поезжай за границу, закрути любовь с иностранкой.

Линч. Вокруг света в поисках жены...

Флорри. Сны надо понимать наоборот.

Стивен *(протягивает вперед руки)*. Это было здесь.

¹ Соблазнительное белье *(франц.)*.

² Ну у него и хобот! *(франц.)*

³ Да здравствует вампир! *(франц.)*

⁴ Здесь: мой зверек *(франц.)*.

Квартал проституток. На Серпентайн авеню Вельзевул показал мне ее, толстую вдовицу. А где расстелен красный ковер?

Блум (*подходя к Стивену*). Послушайте...

Стивен. Нет, я летал. Враги мои были подо мной. И во веки веков. Мир без конца. (*С криком.*) Pater! Свободен!

Блум. Послушайте же...

Стивен. Он сломит мой дух, да? О, merde alors!¹ (*Кричит, его хищные когти заостряются.*) Гей! Ого-го!

Голос Саймона Дедала, хотя и сонный, немедленно отзывается ему.

Саймон. Полный порядок! (*Неуверенно снижается на сильных коршунных крыльях, парит кругами, испуская подбадривающие клики.*) Эгей, малыш! Ну как, побеждаешь? Хо-хо! Пфе! В одном стойле с этими полукровками. Я бы не подпустил их к себе на крик осла. Нос не вешать! Выше наш флаг! Летящий алый орел в серебряном поле. Герольд-мейстер ольстерский! Эгегей! (*Издает тьявканье гончей, ведущей гон.*) Тьявтяв! Хевхевхевхев! Гей, малыш!

Обойные ветви и просветы стремительно раскатываются по равнине. Жирный лис, поднятый с лежки, хвост палкой, схоронив свою бабушку, мчится из кустов к полю, сверкая глазами, пытаясь высмотреть барсучью нору под листьями. За ним гончая стая, носом к земле, вынюхивая след, тьякая, распалась жаждой крови. Охотники и охотницы из Общества, слившись воедино со стаяей, алчут убийства. От мыса Шесть Миль, от Флэтхауса, от Девятой Мили тучей движутся пешие с суковатыми палками, острогами, арканами, вилами, пастухи с кнутами, медвежьи загонщики, бьющие в тазы, тореадоры со шпагами, седые негры, размахивающие факелами. В орущей толпе игроки в кости, в орлянку, в ремешок, шулера. Воры, наводчики, охрипшие букмекеры в высоких колпаках звездочетов оглушительно и разногласно галдят.

Толпа.

Программа скачек! Программа скачек!

Десять к одному!

Принимаю ставки! Ставки принимаю!

Десять к одному кроме одной! Десять к одному кроме одной!

¹ Черт с ним, раз так! (*франц.*).

Попытайте счастья в настольных скачках!
Десять к одному кроме одной!
Плачу до пятисот, парни! Выплачиваю до пятисот!
Даю десять к одному!
Десять к одному кроме одной!

Темная лошадка без всадника, точно призрак, проносится мимо финишного столба, ее грива пеною под луной, зрачки звезды. За ней остальные, взбрыкивая, становясь на дыбы. Кони-скелеты: Корона, Максим Второй, Мускат, Выстрел герцога Вестминстерского, Отпор, Цейлон герцога Бофора, взявший Парижский приз. На них карлики в ржавых доспехах, подскакивая, скок скок, на седлах, на седлах. Последним, под мелкой изморосью, Северный Петух, фаворит, запаренная каурая кляча, на ней Гэррет Дизи, яичный картуз, зеленый камзол и оранжевые рукава, вцепившись в поводья, с хоккейной клюшкой на изготовку. Его кляча, больная шпатов, взбрыкивая задними ногами в белых гетрах, трусит кремнистым путем.

Ложи оранжистов (издеваясь). Эй, мистер, ты лучше слезь и толкай! Последний рывок! К ночи как раз поспеешь!

Гэррет Дизи (прямой, негнувшийся, грозит им клюшкой, его исцарапанное ногтями лицо залеплено почтовыми марками, голубые глаза мерцают при свете люстры, меж тем как кляча тщится пойти правильным галопом). Per vias rectas!

Коромысло с ведрами обрушивается на него и на его взбрыкивающего одра, поток бульона из баранины, в котором пляшут звездочки и монетки моркови, ячменя, лука, репы, картошки.

Ложи Зеленых. Славный денек, сэр Джон! Славный денек, ваша честь.

Рядовой Карр, рядовой Комптон и Сисси Кэффри проходят под окнами, горланя песню не в лад.

Стивен. Чу! Наш друг, шум на улице!

Зоя (поднимает руку). Тише!

Рядовой Карр, рядовой Комптон и Сисси Кэффри.

Но сердце мое тянется
Эх к розочке из Йоркшира...

Зоя. Ко мне то есть. (*Хлопает в ладоши.*) Танцуем! Танцуем! (*Подбегает к пианоле.*) Кто даст два пенса?

Блум. Кто...

Линч (*дает ей мелочь*). Держи.

Стивен (*щелкает пальцами в нетерпении*). Скорей! Скорей! Где там мой жезл жреца? (*Устремясь к пианино, хватая свою тросточку, трикратно пристукивая ногой в торжественном танце.*)

Зоя (*крутит рукоятку*). Вот так.

Бросает в щель две монетки по пенни. Загораются золотые, красные, фиолетовые огни. Валик, медленно вращаясь, колеблясь, мурлычет вальс. Маэстро Гудвин, в парике с косичкой, в придворном платье, поверх которого заношенный безрукавый плащ, с дрожащими руками, сгорбленный вдвое грузом мафусаиловых лет, семенит через комнату. Крошечный, садится за пианино и ударяет по клавишам руками-палками без кистей, кивая в такт с женской грацией; косичка на парике подпрыгивает.

Зоя (*кружится, пристукивая каблучком*). Танцуйте же. Тут хоть один годится из вас? Кто станцует?

Пианола, мигая разноцветными огнями, играет в ритме вальса вступление к «Моей йоркширской девчонке». Стивен, бросив тросточку на стол, берет за талию Зою. Флорри и Белла отодвигают стол к камину. Стивен, обняв Зою с нарочитою деликатностью, вальсирует с ней по комнате. Блум стоит в стороне. Рукав Зои, соскользнув с поднятого предплечья, открыл белый телоцеток прививки. Профессор Маджинни просовывает между занавесей ногу, на кончике которой крутится высокий цилиндр. Ловким броском он вскидывает его на голову и, модношляпный, скользит конькобежцем в комнату. На нем серо-голубой сюртук с бордовыми шелковыми отворотами, шейный платок кремового тюля, зеленый жилет с непомерным вырезом, стоячий воротничок с белым галстуком, узкие сиреневые брюки, бальные лакированные туфли и канареечные перчатки. В петлице огромный георгин. Он вертит в разные стороны почти невидимую тросточку, затем прочно вклинивает ее под мышку. Плавным движением прикладывает руку к груди, раскланивается, трогает свои пуговицы и цветок.

Маджинни. Поэзия движения, искусство ритма и пластики. Никакого отношения ни к Левинстону, ни к мадам Леггет Берн. Устройство костюмированных балов. Уроки осанки. Метода Катти Ланнер. Вот так. Прошу смотреть на меня! Мой хореографический талант. (*Делает три па менуэта на легких пчелиных ножках.*) Tout le monde en avant! Révérence! Tout le monde en place!¹

Вступление заканчивается. Маэстро Гудвин, продолжая стучать по клавишам едва заметными палками, сморщивается, уменьшается, исчезает, пустой плащ сползает со стула. Мелодия вальса звучит уверенней, тверже. Стивен и Зоя легко кружатся. Огни вспыхивают, сменяются, гаснут, золотой, розовый, фиолетовый.

Пианола.

Два паренька беседуют о девочках своих,
Любимых, что остались далеко...

Из угла выпархивают утренние часы, золотоволосые, с осиными талиями, хрупкими целомудренными руками, в девственно голубом, в легких сандалиях. Они грациозно танцуют, прыгая через скакалки. За ними, в янтарно-золотом, полуденные часы. Сплетаясь хохочущим хороводом, сверкая высокими гребнями в волосах, они пускают зайчики шаловливыми зеркальцами, высоко поднимая руки.

Маджинни (*прихлопывая руками в неслышных перчатках*). Carré! Avant deux! Дышите ровно! Balancé!²

Полуденные и утренние часы вальсируют на своих местах, кружатся, сближаются, изгибаются в поклоне своим визави. Позади них кавалеры, выгнув дугою руки, опускают ладони к их плечам, касаются их, снова отнимают ладони.

Часы. Вы можете коснуться моего...

Кавалеры. Могу ли я коснуться вашего?

Часы. О, лишь слегка!

Кавалеры. О, совсем слегка!

Пианола.

Какая у ней талия, у девочки моей.

Зоя и Стивен кружатся быстрее, раскованней. Вечерние часы выходят из длинных закатных теней, разбросанно,

¹ Все продвигаются вперед! Поклон! Все на местах (*франц.*).

² Квадрат! Вперед парами!.. Покачиваемся! (*франц.*)

нерешительно, у них томные взоры, щеки слабо тронуты хной и румянами. Они в серой кисее, темные рукава, как крылья летучей мыши, трепещут под свежим ветерком.

Маджинни. Avant huit! Traversé! Salut! Cours de mains! Croisé!¹

Ночные часы поодиночке крадутся на свободное место. Утренние, полуденные, вечерние часы отступают перед ними. Они в масках, у них кинжалы в волосах, браслеты с глухими колокольчиками. Окутанные покрывалами, они утомленно кланяются.

Браслеты. Эй-гей! Эй-гей!

Зоя (*кружась, прикладывает ладонь ко лбу*). Ах!

Маджинни. Les tiroirs! Chaîne de dames! La corbeille! Dos à dos!²

Они сплетаются в медленные арабески, ткут и распускают узор, приседая в поклоне, кружась, кружа головы бедняжкам.

Зоя. Голова закружилась.

Оставив его, падает на стул. Стивен подхватывает Флорри и кружится с нею.

Маджинни. Boulangère! Les ronds! Les ponts! Chevaux de bois! Escargots!³

Переплетаясь, отступая, меняя руки, ночные часы образуют подвижную мозаику, смыкаясь каждый с каждым выгнутыми дугою руками. Флорри топчется неуклюже со Стивеном.

Маджинни. Dansez avec vos dames! Changez de dames! Donnez le petit bouquet à votre dame! Remerciez!⁴

Пианола.

По мне, так лучше всех,
Тарарабум!

Китти (*вскакивая*). Ой, вот это самое играли на карусели на Майрасе!

¹ Вперед восьмеркой! Поперек! Поклон! Меняем руки! Переход! (*франц.*)

² Малый круг! Дамы в цепь! Большой круг! Отвернулись! (*франц.*)

³ Булочница! Круги! Мостики! Лошадки! Улитки! (*франц.*)

⁴ Каждый со своей дамой! Меняем дам! Каждый подносит даме букет! Кавалеры благодарят дам! (*франц.*)

Бежит к Стивену. Тот подхватывает ее, бесцеремонно покинув Флорри. Раздается хриплый истошный режущий крик выти. Визготрескоскрипучая махина, тофтова карусель, медленно кружит комнату вокруг комнаты ходуном.

Пианола.

Девчоночка из Йоркшира.

Зоя. Йоркширская насквозь. Все, все давайте!

Хватает Флорри и вальсирует с ней.

Стивен. Мужское соло!

Подтолкнув Китти в объятия Линча, берет ясеневую тросточку со стола, пускается в пляс. Все в вихре вальса все кружатся вьются мчатся Блумбелла Киттилинч Флорризоря железные женщины. Стивен посреди со своей шляпотростью то лягушкой распластываясь то вскидывая неммыслимо ноги под самое небо зубы стиснув рукой обхватив бедро. Под лязганье звяканье уханье буханье атуканье улюлюканье желтые зеленые голубые вспышки тофтова крутится махина лошадки подвешены на золотых змеях крутится растрясая седокам все кишки фанданго подскок толчок ногой от земли снова падают.

Пианола.

Моя девчонка — с фабрики,
Одета без затей.

Все быстрее под блеск огней сбившись роєм мчатся с ревомтрескомвоем валяются вкучубух. Тарарабум!

Тутти. Анкор! Бис! Bravo! Анкор!

Саймон. Вспомни родичей твоей матери!

Стивен. Пляска смерти.

Брень снова брень звякает колокольчик служителя, конь, кобыла, вол, поросята, Конми на Христовом осле, матрос с костьюлем и деревянной ногой в шлюпке то скрестив руки то выбирая канат выкостыливает матросский танец матрос насквозь. Тарарабум! На клячах боровах с бубенцами лошадакх гадаринских свиных Корни в гробу стальная акула каменный Нельсон однорукий две сливами вымазанные продувные старухи с визгом летят из детской коляски без всякой тряски. Эх черт, он краше всех! Фитиль голубой пэр из бочки преп. вечерня Лав в наемной пролетке Буян слепые в три погибели велосипедисты

Дилли со снежком одета без затей. И на последнем чертовом издыхании сейчас свалюсь шлепнусь старая лоханка вроде вице короля с королевой сердце тянется эхлохвалюсь эх к розочке из шлепшира. Тарарабум!

Пары распадаются. Стивен не может остановиться, кружась, комната кружится ему навстречу. Зажмурился глаза, шатаюсь, делает шаг. Огненные рельсы убегают в пространство. Солнца, звезды дико вращаются вокруг. Золотые мошки пляшут по стене. Он останавливается, как вкопанный.

Стивен. Оп!

Мать Стивена, исхудалая, окостенелая, поднимается сквозь пол комнаты в сером одеянии прокаженных, в увядшем венке из флердоранжа и рваной фате, ее безносое изможденное лицо позеленено могильною плесенью. Скучные прямые волосы. Она устремляет на Стивена пустые глазницы в синих кругах, открывает беззубый рот, неслышно говорит что-то. Хоры девственниц и исповедников поют беззвучно.

Хоры.

Liliata rutilantium te confessorum...

Tubilantium te virginum...

Бык Маллиган, стоя на верху башни в пестром наряде клоуна, желтом с красным, в шутовском колпаке с бубенчиком, глазеет на нее, держа в руке булочку с маслом.

Бык Маллиган. Она подохла. Какая жалость! Маллиган встречает скорбящую мать. (Закатывает глаза к небу.) Ветреник Малахия!

Мать (с тонкою и безумной улыбкой смерти). Я была прежде красавицей Мэй Гулдинг. Я умерла.

Стивен (объятый ужасом). Лемур, кто ты? Что за адская шутка?

Бык Маллиган (трясет своим бубенцом). Смех да и только! Клинок, пес-бедолага, отправил ее на тот свет, сучку-бедолагу. Сыграла в ящик. (Слезы растаявшего масла капаят у него из глаз на булочку.) Наша великая и нежная мать. Эпи ойнопа понтон.

Мать (приближается, мягко дыша на него сыростью могильного тлена). Всем это суждено, Стивен. Женщин больше в мире, чем мужчин. И тебе тоже. Настанет час.

Стивен (задыхаясь от страха, ужаса, угрызений). Они

говорят, что я убил тебя, мама. Он оскорбил твою память. Это ведь рак, это не я. Судьба.

Мать (*зеленая струйка желчи сбегает у нее из уголка рта*). Ты мне пел эту песню. «Горькая тайна любви».

Стивен (*со страстной жаждой*). Скажи мне то слово, мама, если теперь ты знаешь его. Слово, которое знают все.

Мать. Кто тебя спас в тот вечер, когда вы с Падди Ли вскочили на поезд в Долки? Кто тебя пожалел, когда тебе было тоскливо среди чужих? Сила молитвы безгранична. Молитва за страждущие души, она есть в наставлении урсулинок, и сорокадневное отпущение грехов. Покайся, Стивен.

Стивен. Упырь! Гиена!

Мать. Я за тебя молюсь на том свете. Пусть Дилли готовит для тебя рис по вечерам, после твоей умственной работы. Многие годы я любила тебя, о мой сын, первенец мой, кого я выносила во чреве.

Зоя (*обмахиваясь экраном, что стоял у камина*). Я прямо расплавилась!

Флорри (*показывает на Стивена*). Смотрите! Он побелел весь.

Блум (*подходит к окну, открывает шире*). Голова закружилась.

Мать (*с тускло горящими глазами*). Покайся! Адское пламя!

Стивен (*тяжко дыша*). Трупоед! Череп и кровавые кости.

Мать (*лицо ее, придвигаясь ближе, обдает его дыханием тлена*). Берегись! (*Поднимает иссохшую почерневшую руку и медленно приближает ее к груди Стивена, вытянув вперед палец.*) Берегись! Перст божий!

Зеленый краб с красными и злобными глазками, ощерясь клешнями, глубоко вонзает их в сердце Стивена.

Стивен (*задыхаясь от ярости*). Дерьмо! (*Лицо его делается осунувшимся, серым, постаревшим.*)

Блум (*от окна*). Что такое?

Стивен. Ah non, par exemple!¹ Игры воображения! Мне все или ничего. Non serviam!²

Флорри. Пойдите, надо ему дать воды. (*Выходит за дверь.*)

¹ Нет, так, к примеру! (*франц.*)

² Не буду служить! (*лат.; Иер 2,20*).

Мать (*медленно ломая руки, стонает в отчаянии*). О Пресвятое Сердце Иисусово, помилуй его! Спаси его от адской гибели, о, Пресвятое Сердце!

Стивен. Нет! Нет! Нет! Попробуйте сломить мой дух, все вы, если сумеете! Я всех вас поставлю на колени!

Мать (*хрипит в предсмертной агонии*). Госюди, помилуй Стивена ради меня! Была несказанна тоска моя, когда в любви и в скорби и в муках отходил я на месте Лобном.

Стивен. Нотунг!

Обеими руками высоко подняв трость, обрушивает ее на люстру. Сине-багровое пламя конца времен вырывается вверх, и в наступившей тьме рушатся пространства, обращаются в осколки стекло и камень.

Газовая струя. Пфук!

Блум. Стойте!

Линч (*бросившись к Стивену, хватая его за рукав*). Эй! Ну-ка стой! Не сходи с ума!

Белла. Полиция!

Стивен, выпустив трость и резко откинув голову и руки назад, отталкивается от земли и вылетает из комнаты, мимо девок в дверях.

Белла (*визжит*). Держи его!

Две проститутки бегут к дверям. Линч, Китти, Зоя выскакивают из комнаты, возбужденно переговариваясь. Блум идет следом, возвращается.

Проститутки (*сбившись у выхода, показывают*). Вон там.

Зоя (*показывая точнее*). Там. Вон там что-то.

Белла. А кто заплатит за лампу? (*Хватает Блума за полу*.) Ага, вы же были с ним. Лампа разбита.

Блум (*устремляется в прихожую, оттуда обратно*). Какая еще лампа, женщина?

Одна из проституток. Он одежду порвал.

Белла (*тычет пальцем, глаза ее горят злобой и жадностью*). За это вот кто заплатит? Десять шиллингов. Вы свидетель.

Блум (*подбирает тросточку Стивена*). Я? Десять шиллингов? Вы что, мало из него вытянули? Он ведь...

Белла (*громко*). Ладно, нечего читать лекцию. Тут не бардак. Тут цена десять шиллингов.

Блум (*оглядев снизу лампу, тянет за шнур. Пискнув,*

газовая струя освещает смятый абажур, розоватый, лиловый. Заносит тросточку). Только стекло разбито. Он вот так...

Белла (*отступая назад, визжит*). О боже! Не надо!

Блум (*отводя взмах*). Я просто показываю, как он стукнул по абажуру. Тут нет убытка и на шесть пенсов. Десять шиллингов!

Флорри (*входит со стаканом воды*). А где он?

Белла. Хотите, чтобы я позвала полицию?

Блум. А, это мы знаем. Верный страж, что за рюмку ваш. Но только он студент Тринити. Ваша лучшая клиентура. Эти джентльмены не остаются в долгу. (*Делает масонский знак.*) Вам известно, что это значит? Он племянник вице-канцлера. Вы же не хотите скандала.

Белла (*сварливо*). Тринити! Являются сюда куролесить после гребных гонок да норовят не платить. А вы тут что командуете? Где он? Я на него заявлю! Выставляю его на позор! (*Зовет.*) Зоя! Зоя!

Блум (*не отступает*). А если бы это был ваш собственный сын из Оксфорда? (*Предостерегающе.*) Мне ведь известно.

Белла (*онемев на мгновение*). Да вы кто, инког?

Зоя (*в дверях*). Там перепалка на улице.

Блум. Где? Что там? (*Бросает шиллинг на стол и поворачивается идти.*) Где? Это вот за стекло! Мне надо подышать горным воздухом!

Торопливо выходит через прихожую. Проститутки показывают. Флорри идет за ним, проливая воду из наклонившегося стакана. На крыльце все девки, сгрудившись, тараторят наперебой, показывая направо, где туман рассеялся. Слева подъезжает, позвякивая, кеб и останавливается у дома. Стоя в дверях, Блум замечает Корни Келлехера, который собирается слезть на землю, и рядом двух безмолвных кутил. Блум отворачивает лицо. Белла из прихожей науськивает своих девок. Те посылают звонкие жаркие сладкие чмок-чмок воздушные поцелуи. Корни Келлехер отвечает им мертвенным похотливым оскалом. Безмолвные кутилы расплачиваются с кебменом. Зоя и Китти все еще показывают направо. Блум, отделясь от них, закутывается в пончо и в плащ калифа и сбегает вниз по ступенькам, пряча лицо. Инког Гарун аль Рашид, он проскальзывает за спинами безмолвных кутил и спешит вдоль ограды легкой поступью леопарда, оставляя за собою

пахучий след, порванные обертки, пропитанные анисом. Ясенева тросточка отмеряет его шаги. Свора ищек, которых натравливает, размахивая хлыстом, Хорн-блоуэр из Тринити, в старых серых штанах и картузе псаля, издали нагоняет его, вынюхивая след, таякая, таякело дыша, таякая след, рыская, вываливая языки, настигая, таякая схватить за пятки, за полы. Он идет, бежит, петляет, мчит во весь дух, прижав уши. Его закидывают гравием, кочерыжками, коробками от печенья, картошкой, яйцами, дохлой треской, женскими пантуфлями. По пятам за ним, обнаруженным, в неистовой гонке, в оголтелой свистопляске петляют, мчат во весь дух: патрульные 65С и 66С, Джон Генри Ментон, Уиздом Хили, В. Б. Диллон, Советник Наннетти, Алессандро Ключчи, Ларри О'Рурк, Джо Кафф, миссис О'Дауд, Сикун Берк, Безликий, миссис Риордан, Гражданин, Гаррионун, Тотсзобом, Гдетовидал, Невстречал, Накоготопож, Забыл-Хотюбей, Крис Каллинан, сэр Чарльз Камерон, Бенджамин Доллард, Ленехан, Бартелл д'Арсис, Джо Хайнс, Рыжий Мерри, издатель Брайден, Т. М. Хили, господин судья Фицгиббон, Джон Хауард Парнелл, досточтимый Консервированный О'Сетр, профессор Джоли, миссис Брин, Дэнис Брин, Теодор Пьюрфой, Майна Пьюрфой, почтовая служительница с Уэстленд-роу, Ч. П. Маккой, друг Лайонса, Прыгунчик Холохан, человексулицы, человексдругойулицы, Бутсы, курносый водитель, богатая протестантка, Дэви Берн, миссис Элин Макгиннесс, миссис Джо Галлахер, Джордж Лидуэлл, Джимми Генри с мозолями, управляющий Лейреси, отец Каули, Крофтон из Таможенного Ведомства, Дэн Доусон, дантист Блум со щипцами, миссис Боб Дорен, миссис Кенфик, миссис Уайз Нолан, Джон Уайз Нолан, красиваязамужняядамаобчейкрупныйкруптерлишьвтрамваенаКлонски, продавец «Прелестей греха», мисс Дюбедаонабыда, мадам Джеральд Морен и мадам Станислаус Морен из Ребека, старший клерк у Дримми, полковник Хейс, Мастянский, Цитрон, Пенроуз, Арон Фигфурт, Моше Герцог, Майкл Э. Герати, инспектор Трой, миссис Гелбрейт, констебль с перекрестка Экклс-стрит, старый доктор Брэди со стетоскопом, таинственный незнакомец на пляже, прилудный пес, миссис Мириэм Дэндрейд со всеми своими любовниками.

Свистопляска (скулежгалдежвсемневтерпеж). Вон

он, Блум! Держи Блума! Держиблума! Держивора! Эй! Эй!
Держи его на углу!

Под лесами на углу Бивер-стрит Блум, запыхавшись, останавливается возле шумного сборища, не ведая, о чем там вздорщице, кому позорище и не выйдет ли тут, эй! эй! побоище.

Стивен (*следя за своими жестами, дыша глубоко и медленно*). Вы мои гости. Незваные. По воле пятого из Георгов и седьмого из Эдуардов. Повинна история. Басни матерей памяти.

Рядовой Карр (*к Сисси Кэффри*). Он что, оскорбил тебя?

Стивен. Я обратился к ней в звательном падеже женского рода. Вероятно, она среднего. Неродительный падеж.

Голоса. Да он и не думал. Врет девчонка. Он был у Коэнши. Чего за шум? Солдат со штатским связался.

Сисси Кэффри. Я гуляла с солдатами, они отошли в сторонку, им надо было, ну, понимаете, и тут вдруг этот молодой привязался. Ну только я уже верная с кем пошла, пускай я девка за шиллинг.

Стивен (*замечает головы Линча и Китти*). Приветствую, Сизиф. (*Указывая на себя и на окружающих.*) Поэтическое. Люэтическое.

Голоса. Онавернаskem.

Сисси Кэффри. Да, чтоб я с ним пошла. А я уже с дружкой, с солдатом.

Рядовой Комптон. А он не хочет хорошего раза по уху, этот гад? Врежь-ка ему там, Гарри.

Рядовой Карр (*к Сисси*). Он что ль тебя оскорбил, пока мы там нужду справляли?

Лорд Теннисон (*в куртке цветов английского флага и в брюках для крикета, без шляпы, с развевающейся бородой*). Дело их не рассуждать.

Рядовой Комптон. Врежь ему, Гарри.

Стивен (*рядовому Комптону*). Не знаю вашего имени, но вы совершенно правы. Как сказал доктор Свифт, один человек в доспехах побьет десятерых в рубашках. Рубашка здесь синекдоха. Часть вместо целого.

Сисси Кэффри (*к толпе*). И нет, я с этими солдатиками была.

Стивен (*любезно*). Что же тут дурного? Бравый парень солдат. Я, например, полагаю, что всякая дама...

Рядовой Карр (в фуражке набекрень, подступает к Стивену). Слышь, начальник, а ежели тебя щас по зубам, это как?

Стивен (смотрит в небо). Как? Весьма неприятно. Благородное искусство самооправдания. Лично я ненавижу действие. (Двигает рукой.) У меня побаливает рука. Enfin se sont vos oignons¹. (К Сисси Кэффри.) Тут какое-то недоразумение. Скажи, наконец, в чем дело?

Долли Грей (машет платком с балкона, подавая знак иерихонской героини). Раав. Кухаркин сын, прощай. Счастливо вернуться к Долли. Пусть снится тебе подружка, которую ты оставил, а ты будешь сниться ей.

Солдаты ворочают мутными глазами.

Блум (локтями проложив путь, решительно тянет Стивена за рукав). Пойдемте, профессор, экипаж ждет нас.

Стивен (оборачивается). А? (Высвобождает рукав.) А почему бы мне не поговорить с ним или с любым другим человеческим существом, которое передвигается вертикально по этому сплюснутому шарикуну? (Показывает пальцем.) Я не боюсь того, к чему я могу обратиться и могу видеть его глаза. Сохраняющего вертикальность. (Качнувшись, делает шаг назад.)

Блум (поддерживает его). Сохраняйте свою.

Стивен (с бессмысленным смехом). У меня сместился центр тяжести. Забыл этот трюк. Давайте посидим где-нибудь и поговорим. Борьба за жизнь есть закон существования, но теперешние филиренисты, в особенности царь и английский король, придумали третейский суд. (Хлопает себя по лбу.) Но тут вот я должен убить священника и короля.

Пташка Гонорейка. Вы слышали, что сказал профессор? Он профессор из колледжа.

Пистонка Полли. Да-да. Я отлично слышала.

Пташка Гонорейка. Его фразеология отмечена тонкой изощренностью.

Пистонка Полли. Да, это так. И добавлю, он изъясняется с весьма уместной драстичностью.

Рядовой Карр (оттолкнув окружающих, выходит вперед). Ты тут чего сказал про моего короля?

Под аркою появляется Эдуард Седьмой. На нем белая фуфайка с нашитым изображением Святого Сердца, с ор-

¹ И потом, это вы все затеяли (франц.).

денами Подвязки, Чертополоха, Золотого Руна и Датского Слона, эмблемами конных полков Скиннера и Пробина, значками стряпческой корпорации Линкольна и старейшей достопочтенной массачусетской артиллерийской бригады. Он сосет красную карамельку. На нем облачение достигшего высшего совершенства и великого мастера Великой Ложки, на фартуке и лопатке клейма «Изготовлено в Германии». В левой руке его ведро штукатуров с печатной надписью «Defense d'uriner»¹. Его встречают восторженными приветствиями.

Эдуард Седьмой (медленно, торжественно, но невнятно). Мир, истинный мир. Для опознания в руке у меня ведро. Привет, мои парни. (Оборачивается к своим подданным.) Мы пришли сюда, чтобы наблюдать честный и справедливый поединок, и мы от души желаем удачи обоим участникам. Махак макар абак². (Пожимает руки рядовому Карру, рядовому Комптону, Стивену, Блуму и Линчу.)

Общие рукоплескания. Эдуард Седьмой благодарит, элегантно поднимая ведро.

Рядовой Карр (Стивену). А ну, повтори.

Стивен (нервничает, но берет себя в руки; дружеским тоном). Я понимаю вашу позицию, хотя у меня лично в данный момент нет короля. Сейчас век патентованных лекарств. Здесь трудно вести дискуссию. Однако суть в следующем. Допустим, вы погибаете за родину. (Кладет руку на рукав рядового Карра.) Не подумайте, что я желаю вам этого. Но я говорю: пускай моя родина погибает за меня. До сих пор она так и делала. Я не хотел ее гибели. К дьяволу смерть. Да здравствует жизнь!

Эдуард Седьмой (кружит в воздухе над грудами убитых, в нимбе и одеянии Иисуса-шутника, с белой карамелькой на светящемся лице).

Мой метод лечения и прост, и глубок:

Прозрел чтоб слепой, в глаза сыплю песок.

Стивен. Короли и единороги! (Отступает на шаг.) Давайте пойдем куда-нибудь и... А что говорила эта девушка?..

Рядовой Комптон. Эй, Гарри, съезди-ка ему в причинное место. Двинь его в чем детей делают.

¹ Мочиться запрещено (франц.).

² С тобой лицемер, отец твой (искаж. араб.).

Блум (*мягко увещевает солдат*). Он ведь и сам не знает, что говорит. Хлебнул лишнего. Абсент. Чудище с зелеными глазами. Я его знаю. Он джентльмен, поэт. Не надо обращать внимания.

Стивен (*кивает, улыбается, заливается смехом*). Джентльмен, патриот, ученый и судия жуликов.

Рядовой Карр. Плевать мне, кто он такой.

Рядовой Комптон. Плевать нам, кто он такой.

Стивен. Мне кажется, я раздражаю их. Зеленая тряпка для быка.

Кевин Иген Парижский в испанской черной рубаше с кистями, в фуражке протестантского боевика делает знаки Стивену.

Кевин Иген. П'чтение. Bonjour! Эта vieille ogresse с dents jaunes.

Из-за его спины выглядывает Патрис Иген с мордочкой кролика, грызет айвовый листок.

Патрис. Socialiste!

Дон Эмиль Патрицио Франц Руперт Поуп Хеннесси (*в средневековой кольчуге и шлеме, на котором два летящих диких гуся, закованною в латы рукой с благородным негодованием указывает на солдат*). Werf этих сопляков footboden, этих здоровенных porcос, джонбулей, todos облитых соусом!¹

Блум (*Стивену*). Пойдемте домой. Тут могут быть неприятности.

Стивен (*пошатываясь*). А я не стану уходить в сторону. Он возбуждает мой разум.

Пташка Гонорейка. Всякий немедленно заметит, что род его — род патрициев.

Мужебаба. Зеленое выше красного, так он говорит. Вулф Тон.

Сводня. Красное не хуже зеленого, даже лучше. Ура солдатам! Ура королю Эдуарду!

Хулиган (*хохочет*). Ха-ха! И все сдаваться Де Вету!

Гражданин (*с дубиной в необъятном зеленом шарфе*).

Прилетит, дай срок,
С неба голубок
С острыми зубами как кинжалы.
Брюхо распороть

¹ Швырни.. на землю (*искаж. нем.*); свиней... всех (*исп.*).

Всем английским псам,
Что в петле вождей давили наших.

Стриженный паренек (с петлей на шее, обеими руками поддерживает вываливающиеся внутренности).

Вражды ни к кому нет в душе моей,
Но отчизна дороже мне всех королей.

Рамболд, Демон-Цирюльник (сопровожаемый двумя подручными в черных масках, выступает вперед с небольшим саквояжем и раскрывает его). Леди и джентльмены, вот мясницкий нож, купленный миссис Пирси, чтобы зарезать миссис Могг. А этим вот тесаком Вуазен разрубил на куски жену своего соотечественника, ее останки он завернул в простыню и спрятал у себя в погребе, горло несчастной было перерезано от уха до уха. Склянка с мышьяком, извлеченным из тела мисс Баррон, за которую Седдона отправили на виселицу.

Рывком дергает веревку, подручные бросаются на ноги жертвы и тянут книзу, рыча; язык стриженного паренька резко вываливается наружу.

Ххабых памаххыца ххадуху маххехы.

Испускает дух. Мощная эрекция повешенного сквозь его смертные одежды выбрасывает на мостовую капли спермы. Миссис Йелвертон Барри, леди Беллингем и баронесса Толбойс кидаются смочить в ней свои платочки.

Рамболд. Самого чуть не так же разобрало. (Распускает петлю.) Веревка, на которой повесили ужасного мятежника. По десять шиллингов за кусок, с дозволения Его Королевского Высочества. (Сунув голову в распоротый живот повешенного, вынимает ее облепленной спутанными дымящимися кишками.) Мой горестный долг исполнен. Боже, храни короля!

Эдуард Седьмой (неторопливо и чинно приплясывает, побрякивая ведром, благодушно напевая).

В день коронации кутнем,
Веселье будет допоздна,
Мы хлопнем виски и вина!

Рядовой Карр. Ну ты. Ты чего говорил про моего короля?

Стивен (воздевая руки). О, это уже слишком однообразно! Ничего я не говорил. Он хочет мои деньги и мою

жизнь для своей британской империи, только на всякое хотенье есть терпенье. А денег у меня нет. (*Рассеянно шарит по карманам.*) Отдал кому-то.

Рядовой Карр. Кому надо твои паршивые деньги?

Стивен (*порывается уйти*). Не скажет ли кто-нибудь, где у меня всего меньше шансов столкнуться с этим необходимым злом? *Ca se voit aussi à Paris*¹. Не то чтобы я... Но уж клянусь Святым Патриком!..

Женские головы сливаются воедино. Возникает Беззубая Бабуся, сидящая на поганке, в шляпе колпаком, на груди цветок смерти, пораженный чумой картофель.

Стивен. А-а! Я тебя знаю, бабка! Гамлет, отмсти! Старая чушка, что жрет собственных поросят!

Беззубая Бабуся (*раскачиваясь взад-вперед*). Любовь Ирландии, дочка царя Гороха, алаппа². Чужаки в моем доме, да не будет им доброй встречи! (*Завывает словно банши, вестница смерти.*) Ochone! Ochone!³ Шелковая коровка! (*Со стенаниями.*) Ты повидал Ирландию, как держится она?

Стивен. Спроси, как я тебя выдерживаю? Жалкие фокусники! Где ж третья персона Святой Троицы? Soggarth Агооп?⁴ Преподобный Ворон-стервятник?

Сисси Кэффри (*визжит*). Разнимите их!

Хулиган. Наши отступают.

Рядовой Карр (*подтянув туже пояс*). Шею сверну, кто хоть слово против моего трепаного короля!

Блум (*в тревоге*). Но он же ничего не сказал. Ни слова. Это чистое недоразумение.

Гражданин. Egin go bragh!⁵

Майор Твиди и Гражданин выставляют один другому напоказ свои медали, ордена, военные трофеи, раны. Сви-репо обмениваются приветствиями.

Рядовой Комптон. Валяй, Гарри. Дай ему в глаз. Этот гад за буров.

Стивен. Я? Когда это со мной было?

Блум (*красным мундиром*). Мы воевали за вас в Южной Африке, ирландские пехотные части. Разве это не вошло в историю? Королевские дублинские стрелки. Отмеченные нашим монархом.

¹ Это же самое видишь в Париже (*франц.*).

² Дитя мое (*ирл.*).

³ Горе! Горе! (*ирл.*)

⁴ Славный священник (*ирл.*).

⁵ Ирландия до Судного дня! (*ирл.*)

Фабричный (*шатаясь прет мимо*). Ух, черт! Ух, ну и черт! Ухх, драть евовдррызг! Бабах!

Алебардицики в латах и шлемах оцетинились стеной копий с кишками на остриях. Майор Твиди, с усами как у Свиного турки, в медвежьей шапке с петушиным пером, в эполетах, с золотыми шевронами, с полной амуницией, с ташкой, при всех наградах, становится в строй. Делает знак странствующего воина-храмовника.

Майор Твиди (*с яростным рыком*). Роркс Дрифт! Вперед, гвардейцы, на врага! Магер-шелал-хаш-баз¹.

Рядовой Карр. Щас ему врежу.

Рядовой Комптон (*оттесняет толпу*). Все по-честному. Враз сделаем из гада котлету.

Несметные оркестры гремят «Гарриоун» и «Боже, храни короля».

Сисси Кэффри. Сейчас драться будут! Из-за меня!

Пистонка Полли. Храбрецы за красавицу!

Пташка Гонорейка. Сдается мне, черный рыцарь окажет себя доблестнейшим на сем ристалище.

Пистонка Полли (*зардевишь*). О нет, сударыня. Я за красный камзол и веселонравного Святого Георга!

Стивен.

И крики шлюх глухой порой,
Ирландия, ткут саван твой.

Рядовой Карр (*распуская ремень, орет*). Башку оторву всякому трепаному гаду, который хоть слово против моего трепаного короля!

Блум (*трясет Сисси Кэффри за плечи*). Скажите же им! Или вы онемели? Ведь вы это связь народов, связь поколений. Говори, женщина, священная дарительница жизни!

Сисси Кэффри (*в тревоге хватает рядового Карра за рукав*). Ты что, я что ли не с тобой? Я что ли не твоя подружка? Сисси твоя подружка. (*Кричит.*) Полиция!

Стивен (*к Сисси Кэффри, восторженно*).

На молодчика присуха,
Маркоташки голубки.

Голоса. Полиция!

Голоса в отдалении. Дублин, Дублин, весь горит! На пожар бегите!

Взметаются языки серного пламени. Клубятся облака

¹ Спешит грабеж, ускоряет добыча (*древнеевр.*).

дыма. Грохочут тяжелые пулеметы. Пандемониум. Войска разворачиваются. Топот копыт. Артиллерия. Хриплые команды. Бьют колокола. Орут пьяные. Галдят игроки на скачках. Визжат илюхи. Завывают сирены. Боевые возгласы. Стоны умирающих. Пики лязгают о кирасы. Мародеры грабят убитых. Хищные птицы, налетая с моря, взмывая с болот, пикируя с гор, с криками кружат, глупыши, бакланы, грифы, ястребы, вальдшнепы, соколы, кобчики, тетерева, орланы, чайки, альбатросы, казарки. Полночное солнце закрыла тьма. Земля содрогается. Дублинские покойники с Проспекта и с Иеронимовой Горы, одни в белых овчинах, другие в черных козлиных шкурах, восстают и являются многим. Бездна разверзает беззвучный зев. Том Рочфорд, лидер, в спортивных трусах и майке, несется во главе участников общенационального забега с препятствиями и, не задерживаясь, с разгона прыгает в пустоту. За ним устремляются остальные бегуны. Принимая немислимые позы, они кидаются с края вниз. Их тела погружаются. Девчонки с фабрик, затейливо одетые, бросают докрасна рабкаленные йоркширские тарарабомбы. Светские дамы, пытаясь защититься, натягивают юбки на головы. Смеющиеся чаровницы в красных коротеньких рубашках летают по воздуху на метлах. Квакерлистер ставит пластыри и клистиры. Выпадает дождь из драконьих зубов, за ним на поле вырастают вооруженные герои. Они дружески обмениваются условным приветствием рыцарей Красного Креста и начинают между собой дуэли на саблях: Вулф Тон рубится с Генри Граттаном, Смит О'Брайен с Дэниэлом О'Коннеллом, Майкл Дэвитт с Айзеком Баттом, Джастин Маккарти с Парнеллом, Артур Гриффит с Джоном Редмондом, Джон О'Лири с Лиром О'Джонни, лорд Эдвард Фицджеральд с лордом Джеральдом Фицэдвардом, члены рода Донохью-из-Долин с членами рода Долинс-из-Донохью. На возвышении, в центре земли, сооружают походный алтарь Святой Варвары. Черные свечи стоят на нем с евангельской стороны, как и со стороны апостола. Два световых копья, выходящие из высоких бойниц башни, вонзаются в окутанный дымом жертвенный камень. На нем возлежит миссис Майна Пьюрфой, богиня неразумия, обнаженная, в оковах, потир покоится на ее вздутом чреве. Отец Малахия О'Флинн, в кружевной нижней юбке, в ризе наизнанку, с двумя левыми ногами задом наперед, служит

походную мессу. Преподобный Хью К. Хейнс Лав¹, магистр искусств, в сутане и черной университетской шляпе, голова и воротник задом наперед, держит над священнодействующим раскрытый зонтик.

Отец Малахия О'Флинн. Introibo ad altare diaboli². Преподобный Хейнс Лав. К диаволу, веселящему юность мою.

Отец Малахия О'Флинн (вынимает из потира и возносит гостию, с которой капает кровь). *Cognus meum*³.

Преподобный Хейнс Лав (высоко задрав сзади юбки священнодействующего, открывает его голые серые волосатые ягодичи, между которых торчит морковка). Тело мое.

Глас всех грешников. Ълетижредесв Гоб Ъдопсог яспирацов оби, Яйулилла!

Свыше глас Адонаи.

Адонаи. Гооооооб!

Глас всех праведников. Аллилуйя, ибо воцарился Господь Бог Вседержитель!

Свыше глас Адонаи.

Адонаи. Боооооог!

Стараясь перекричать друг друга, сторонники Оранжевой и Зеленой партий распевают «Папе римскому пинка» и «Вседневно славь Марию».

Рядовой Карр (свирепо, раздельно отчеканивая). Ну, щас врежу ему, в трепаного Христа душу! Отверну гаду его паскудную вшивую трепаную башку!

Беззубая Бабуся (сует в руку Стивена кинжал). Убери его, acushla⁴. В 8.35 утра ты будешь на небе, а Ирландия будет свободной. (Молится.) О милостивый Боже, прими его!

Блум (кидается к Линчу). Вы не можете увести его?

Линч. Он любитель диалектики, универсального языка. Китти! (Блуму.) Уведите его вы. Меня он не станет слушать.

Уходит прочь и уводит Китти.

Стивен (указывая на него). Exit Judas. Et laqueo se suspendit⁵.

Блум (кидаясь к Стивену). Уйдемте скорей, пока не началось еще хуже. Вот ваша трость.

¹ Heine(s) — ненависть (франц.); Love — любовь (англ.).

² И подойду к жертвеннику диавола (лат.).

³ Тело мое (лат.).

⁴ Здесь: милый (ирл.).

⁵ Иуда вышел. И пошел и удавился (лат.). Ср. Мф. 27, 5.

Стивен. Трость, нет. Разум. Сей пир чистого разума. Сисси Кэффри (*тянет рядового Карра*). Пошли, ты же в стельку. Он меня оскорбил, ну я уж ему прощаю. (*Кричит ему в ухо.*) Прощаю, что он меня оскорбил.

Блум (*через плечо Стивена*). Да-да, идите. Вы же видите, он не в состоянии.

Рядовой Карр (*вырывается*). А щас вот я его оскорблю.

Бросается с кулаками на Стивена, бьет в лицо. Стивен делает шаг и, шатнувшись, падает. Оглушенный, лежит навзничь, его шляпа откатилась к стене. Блум подбирает ее.

Майор Твиди (*зычно*). Карабины на ремень! Прекратить огонь! На крра-ул!

Приблудный пес (*лает яростно*). Ул-ул-ул-ул-ул!

Толпа. Дай ему встать! Не бей лежачего! Пусть отдышится! Кто? Да солдат двинул. Он профессор. Сильно его помяли? Не трогай! Он без памяти.

Приблудный пес шныряет возле толпы, принюхиваясь, громко гавкая.

Старуха. По какому это он праву, солдатня, ударил джентльмена, и еще сам выпивши? Пускай с бурами воюют!

Сводня. Смотрите, кто тут указывает! Значит, солдату не смей уже с девочкой прогуляться? А тот сразу сдрейфил, всех был продать готов.

Вцепляются друг другу в волосы, цапаются, плюются.

Приблудный пес (*гавкает*). Ов-ов-ов-ов-ов!

Блум (*кричит, оттесняя их*). Отойдите, посторонитесь!

Рядовой Комптон (*тянет своего напарника*). Эй, Гарри, сматываемся. Фараоны!

Двое патрульных, рослые, в капюшонах, входят в толпу.

Первый патрульный. Что тут происходит?

Рядовой Комптон. Мы шли с этой вот дамой, а он нас оскорбил и напал на моего дружка. (*Пес гавкает.*) Да чья это шавка, в кровь и в душу?

Сисси Кэффри (*с интересом*). А, у него кровь!

Мужчина (*поднимаясь с колен*). Нет. Потерял сознание. Ничего страшного, очухается.

Блум (*недоверчиво взглянув на мужчину*). Предоставьте его мне. Я легко смогу...

Второй патрульный. А вы кто такой? Вы его знаете? Рядовой Карр (*подходит, заплетаясь, к патрульному*). Он оскорбил мою даму.

Блум (*возмущенно*). Вы сами его ударили без всякого повода. Я свидетель. Констебль, запишите его часть.

Второй патрульный. Прошу не учить меня, как исполнять служебные обязанности.

Рядовой Комптон (*тянет напарника*). Эй, Гарри, сматываемся. А то, гляди, Беннет упрячет на губу.

Рядовой Карр (*упирается, пошатываясь*). Кидал я твоего Беннета с присвистом! Дерьмо собачье. Я с ним в одном нужнике не сяду.

Первый патрульный (*вынимает блокнот*). Как его фамилия?

Блум (*всматриваясь поверх толпы*). Я как раз вижу кеб. Если вы мне чуть-чуть поможете, сержант...

Первый патрульный. Фамилия, адрес.

Среди собравшихся появляется Корни Келлехер с крепом на шляпе и траурным венком в руках.

Блум (*с живостью*). До чего кстати! (*Шепотом.*) Сын Саймона Дедала. Слегка наклюкался. Попробуйте, чтобы полисмены разогнали этих баранов.

Второй патрульный. Почтение, мистер Келлехер.

Корни Келлехер (*патрульному, взглянув со значени-ем*). Ничего особенного. Я его знаю. Выиграл малость на скачках. Золотой кубок. На Рекламу поставил. (*Смеется.*) Двадцать к одному. Понимаете?

Первый патрульный (*оборачиваясь к толпе*). Ну что вы тут рты разинули? Расходись, расходись.

Толпа медленно, шушукаясь, разбредается переулком.

Корни Келлехер. Предоставьте мне, сержант. Все будет в порядке. (*Качает головой, посмеиваясь.*) Бывали и мы такие, еще, может, и почище. А? Как по-вашему?

Первый патрульный (*смеется*). Пожалуй, оно верно.

Корни Келлехер (*легонько подталкивая локтем второго патрульного*). И сбросим это дело со счетов. (*Напевает, кивая в такт.*) И с моей труляля-труляля-труляля. Ну как, все понятно?

Второй патрульный (*веселым тоном*). Конечно, и с нами случалось.

Корни Келлехер (*подмигивая*). Молодо-зелено. У меня тут извозчик.

Второй патрульный. Хорошо, мистер Келлехер. Добрай ночи.

Корни Келлехер. Все как надо устроим.

Блум (*прощается за руку с патрульными*). Спасибо вам, джентльмены, большое спасибо. (*Доверительно понижая голос.*) Вы понимаете, нам не хочется шума. Отец у него известный человек, всеми уважаемый. Так, небольшие грешки молодости, вы же понимаете.

Первый патрульный. Да-да, понимаю, сэр.

Второй патрульный. Все в порядке, сэр.

Первый патрульный. Это когда имеются телесные повреждения, я обязан докладывать.

Блум (*согласно кивает*). Конечно. Совершенно правильно. Прямой ваш служебный долг.

Второй патрульный. Долг это долг, сэр.

Корни Келлехер. Спокойной ночи, парни.

Патрульные (*разом отдают честь*). Спокойной ночи, джентльмены.

Уходят тяжелой медленной поступью.

Блум (*переводит дух*). Уфф, это прямо провидение, что вы появились. Так у вас есть извозчик?..

Корни Келлехер (*со смехом тычет через плечо на кеб, стоящий возле лесов*). Два купчика всех поили шампанским у Джеммета. Что твои принцы, ей-ей. Один из них продул два фунта на скачках. С горя выпили, а там решили развлечься с девочками. Ну, я их загружаю в кеб к Бехану, и напрямиком в веселый квартал.

Блум. А я возвращался домой по Гардинер-стрит и совершенно случайно...

Корни Келлехер (*со смехом*). Ясное дело, они и меня тащили к шлюхам, мол, за компанию. Нет уж, говорю, не пойдет. Это не для тертых калачей, вроде нас с вами. (*Снова смеется, косясь тусклым взглядом.*) У нас, слава Богу, оно и дома найдется, а, верно я говорю? Ха-ха-ха!

Блум (*заставляя себя смеяться*). Хи-хи-хи! Да. Я, собственно, навещал своего друга, Вирага, вы его не знаете (бедняга, он слег еще на прошлой неделе), мы с ним пропустили по рюмочке, и иду я себе домой, как вдруг вижу его...

Лошадь ржет.

Лошадь. Егогогоо! Йигогоо!

Корни Келлехер. Ну да а мне Бехан говорит кучер

наш как мы оставили купчиков-то у Коэнши, а я на это ему постой мол пойду взгляну. (Смеется.) Трезвые кучера, это по моей части, для катафалков. Так как, отвезти что ли его домой? Он где обретается? Где-нибудь в Кабре, а?

Блум. Нет, в Сэндикуове, мне кажется, он что-то такое говорил.

Стивен лежит и дышит, лицом к звездам. Корни Келлехер косится на лошадь. Блум угрюм и полон дум.

Корни Келлехер (почесывая в затылке). Сэндикуов! (Нагибается и окликает Стивена.) Эй! (Снова окликает.) Эй! Ну, в общем-то, он тут прикрыт стружками. Только как бы не обокрали.

Блум. Нет-нет. Его деньги и шляпа у меня, тросточка тоже.

Корни Келлехер. Так что пустяки, очухается. Кости все целы. А мне пора двигать. (Со смехом.) Утром свидание. Покойников хоронить. Работа, не поделаешь ничего!

Лошадь (ржет). Игогоо!

Блум. Спокойной ночи. Я подожду немного и куда-нибудь его...

Корни Келлехер возвращается в пролетку и садится в нее. Звякает сбруя.

Корни Келлехер (стоя в пролетке). Ну, всего.

Блум. Всего.

Кучер дергает вожжи, ободряюще взмахивает кнутом. Пролетка и лошадь медленно, неуклюже осаживают назад, разворачиваются. Корни Келлехер на сиденье потряхивает головой, веселясь над Блумовой незадачей. По соседству, на козлах, кучер тоже качает головой, включаясь в пантомиму веселья. Блум, со своей стороны, тоже присоединяется, весело кивая им. Ладонью и большим пальцем Корни Келлехер заверяет, что два фараона не потревожат спящего, им делать тут нечего. Наклоном головы Блум выражает благодарность, мол, Стивену это только и нужно. Позвякивая, пролетка поворачивает труляля за угол труляля переулка. Корни Келлехер еще раз заверяет труляля Блума. Блум ответно уверяет труляля Корни Келлехера в том, что он совершеннейше затруляля-затруляля заверен. Цоканье копыт, звяканье сбруи становятся глуше по мере их труляля ляля удале ляля труляленья. Блум, держа в руках тросточку Стивена и шляпу, украшенную стружками, стоит в нерешимости. Потом нагибается к нему, трясет за плечо.

Блум. Эй! Эгей! *(Ответа нет. Он нагибается снова.)* Мистер Дедал! *(Ответа нет.)* Если позвать по имени. Как с лунатиками. *(Снова нагнувшись, после некоторого колебания приближает губы вплотную к уху лежащего.)* Стивен! *(Ответа нет. Он окликает еще раз.)* Стивен!

Стивен *(его лицо хмурится)*. Кто это? Черная пантера. Вампир. *(Вздыхнув, потягивается и полувнятно бормочет, растягивая все гласные.)*

Кто... с Фергусом... помчит
Пронзая... лесных теней..?

Поворачивается на левый бок, вздыхает, складывается калачиком.

Блум. Стихи. Прекрасно образован. Такая жалость *(Нагибаясь, расстегивает жилет Стивена.)* Легче дышать. *(Осторожно снимает стружки с одежды Стивена.)* Фунт семь шиллингов. По крайней мере не поранен нигде. *(Прислушивается.)* Что-что?

Стивен *(бормочет)*.

...тени ...лесов
...морской волны ...белеет грудь.

Вытягивает руки, опять вздыхает, сворачивается клубком. Блум стоит, выпрямившись, держа шляпу и тросточку. В отдалении лай собак. Блум сжимает и разжимает пальцы на тросточке. Рассматривает простертую фигуру, лицо Стивена.

Блум *(собеседуя с ночью)*. Лицо мне напоминает его мать, бедняжку. В тени лесов. Белеет грудь. Кажется, он сказал Фергусон. Девушка. Какая-то девушка. Это бы самое лучшее для него. *(Бормочет.)* ... клянусь свято чтить и всегда хранить и никогда не раскрывать никакую часть или части, весть или вести... *(Бормочет.)* ...на песчаном морском дне... в кабельтове от берега... где прилив идет на убыль... и течение...

Безмолвен, бдителен и задумчив, стоит он на страже, приложив пальцы к губам в жесте тайного наставника. На темном фоне стены медленно возникает фигурка, волшебный мальчик лет одиннадцати, подменьши, похищенный феями; он в итонской курточке и хрустальных башмачках, на голове небольшой бронзовый шлем, в руке

книга. Он беззвучно читает ее справа налево, улыбаясь, целуя страницу.

Блум (пораженный, зовет беззвучно). Руди!

Руди (смотрит в глаза Блума, не видя их, и продолжает читать, улыбаясь, целуя книгу. Лицо его покрыто нежным румянцем. Пуговицы на одежде алмазные и рубиновые. В левой руке он держит тонкую палочку слоновой кости с лиловым бантиком. Белый агнец выглядывает из его жилетного кармашка).

Джеймс Джойс

УЛИСС

Роман

Редактор Т. Ю. Кудина
Художественный редактор Е. Р. Соколов
Технический редактор Н. В. Яшукова
Корректор Л. Ф. Орлова

Сдано в набор 6.06.94. Подписано в печать 25.08.94. Формат 84×108½. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Офсет. Усл. печ. л. 31,92. Уч.-изд. л. 32,5. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 2021

Издательство «ЗнаК»
121069, Москва, ул. Поварская, 52.
Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Джойс Д.

Д 42 Улисс: роман (части I и II), перевод с английского В. Хинкиса и С. Хоружего, т. 2. — М., ЗнаК, 1994. — 608 с.

ISBN 5—8350—0035—9 (т. 2)

ISBN 5—8350—0379—X

Второй том сочинений великого ирландского писателя Джеймса Джойса (1882—1941) содержит его основное произведение — роман «Улисс» (1922).

Это не только главный труд Джойса, это одна из главных вех в современном искусстве прозы — «беспорнейший шедевр XX века», как представляет его читателю новейшее английское издание. «Улисс» на редкость отвечает марке нашего издательства: это не просто «знаменитая книга», но знаменитая во многих отношениях сразу. У него слава и самой откровенной книги, где обо всем запретном — открыто, и самой сокровенной, где все запутано и темно. С ним связаны громкие скандалы и жестокие преследования: в пуританской Америке судили его издателей, в пролетарской России арестовывали переводчиков. Как всякая подлинная классика, он не стареет, и до сих пор интерес к нему в мире увеличивается и со стороны ученых, и со стороны обычных читателей.

В России, после долгих лет запрета, полный перевод «Улисса» впервые появился в 1989 году, в журнале. С тех пор в науке о Джойсе произошли крупные перемены. В итоге бурных дебатов ученые отвергли редакцию «Улисса», которой следовал русский перевод, и в журнальном, и в книжном варианте. Для настоящего издания перевод изменен и отредактирован с учетом новейших данных текстологии; он полностью отвечает принятой сегодня редакция оригинала.

